Дж. Роллинс,
Д. Престон,
Л. Чайлд,
С. Берри,
К. Нэвилл

ТРИЛЛЕР

Эксмо

Дж. Роллинс
Д. Престон, Л. Чайлд, С. Берри, К. Нэвилл

ТРИЛЛЕР

Книга-загадка Книга-бестселлер

ДЖ. РОЛЛИНС,
Д. ПРЕСТОН, Л. ЧАЙЛД,
С. БЕРРИ, К. НЭВИЛЛ

ТРИЛЛЕР

ЭКСМО
МОСКВА
ИД ДОМИНО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Р 67

Edited by James Patterson

THRILLER: STORIES TO KEEP YOU UP ALL NIGHT

Copyright © 2006 by International Thriller Writers.
This edition published by arrangement with InkWell Management
and Synopsis Literatory Agency

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом «Домино»

Роллинс Дж.

Р 67 Триллер / Дж. Роллинс, Д. Престон, Л. Чайлд, С. Берри, К. Нэвилл ; [пер. с англ. Т. Матюхина]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. — 656 с.

ISBN 978-5-699-52099-2

Впервые на русском языке!

Книга, в которой собраны произведения самых талантливых и известных американских писателей — мастеров остросюжетного жанра. Среди них такие громкие имена, как Ли Чайлд, Джеймс Роллинс, Кэтрин Нэвилл, Стив Берри, Дэвид Моррелл. Каждый из этих авторов написал рассказ, воплотивший в себе наиболее яркие особенности и достоинства жанра. Тридцать рассказов — тридцать шедевров!

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Матюхин Т., перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-52099-2

Посвящается Деннису Линдсу
и всем авторам триллеров как настоящего, так и минувшего.
Пусть их истории обретут вечную жизнь

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга является новаторской сразу по двум причинам. Во-первых, никогда еще не выходила антология рассказов в жанре триллера, а во-вторых, это первая публикация новой профессиональной организации — Международной ассоциации авторов триллеров.

По самой своей природе мы, писатели, склонны к уединенному образу жизни; мы довольствуемся работой, общением с семьей и небольшим кругом близких друзей. Но и нам тоже порой хочется провести время с собратьями по профессии. В частных беседах мы многие годы задавали друг другу вопрос: а почему же мы не организуемся? Наконец в июне 2004 года стараниями Барбары Питерс из легендарного книжного магазина «Отравленное перо», что в Скоттсдейле, штат Аризона, открылась первая в Соединенных Штатах конференция, посвященная литературным триллерам. Барбара пригласила шестерых писателей (Ли Чайлда, Винса Флинна, Стива Гамильтона, Гейл Линдс, Дэвида Моррелла и Кэти Райхс) и одного редактора по имени Кит Кала из издательства «St. Martin's Press»; все они собрались обсудить различные аспекты литературного мастерства и издания триллеров. Речь за завтраком произнес Клайв Касслер.

Информация о конференции появилась лишь за две недели до ее начала, и Барбара говорила: «Я буду счастлива, если зарегистрируется хотя бы сотня человек». В итоге на конференции присутствовало 125 человек, и, ко всеобщему удивлению, не все прибыли, чтобы больше узнать о писательской деятельности. Было много простых читателей, пожелавших встретиться со своими любимыми авторами. Таким образом,

мы впервые получили конкретное подтверждение тому, о чем многие из нас уже давно догадывались: поклонники триллеров тоже были бы рады, если бы писатели создали свою организацию. И если мы, писатели, съедемся на конференцию, то и читатели захотят быть среди нас. И если мы станем присуждать премии — а для выпускаемых на английском языке литературных произведений и фильмов в жанре триллера прежде не существовало специальных наград, — интерес будет только расти.

В последний день конференции, расположившись в залитом солнцем ресторанном зале отеля «Билтмор» в Скоттсдейле, несколько человек вели оживленную дискуссию. Гейл Линдс, одна из лучших в нашем жанре, заметила, что, по ее мнению, конференция показала, как актуален вопрос о создании ассоциации писателей, авторов триллеров. Журналист Адриан Мюллер, нештатный организатор конференции, высказал идею, что такая организация не должна ограничиваться пределами Соединенных Штатов. Тут же Барбара Питерс заявила, что хотела бы подготовить еще одну подобную встречу, но уже в более расширенном составе. Сообразив, что фактически взяла на себя организаторское бремя, Гейл быстро добавила, что в одиночку не сможет создать целую ассоциацию. Ее супруг, бесподобный Деннис Линдс, согласился с женой и поддержал ее словами: «Да, она действительно одна не справится». На это Барбара с милой улыбкой ответила: «Подключите Дэвида Моррелла. Он сдюжит».

Именно так все и происходило.

Адриан Мюллер вызвался разослать по электронной почте письма всем авторам триллеров, которых сможет найти, и выяснить, интересна ли им идея профессиональной организации. Гейл и Дэвид созвонились через несколько дней и долго обсуждали план предстоящих действий и то, какой они видят будущую ассоциацию в международном масштабе. Придя к единому мнению, они объединили свои усилия с Мюллером. Все лето 2004-го троица постоянно общалась по телефону и электронной почте. Адриан связался с Элом Невисом, кото-

рый в том же году организовал и провел «Бучеркон-2004», крупную конференцию читателей и писателей детективов, и тот обещал помочь с местом, где могли бы собраться авторы триллеров.

Тем временем писатели один за другим с радостью откликались на письма Мюллера, все подтверждали, что было бы здорово иметь свою профессиональную ассоциацию. Встреча состоялась 9 октября в Торонто в Метро Торонто конвеншн сентр; после продолжительного обсуждения было принято решение о создании «Международной ассоциации авторов триллеров». А в ноябре эта организация объявила о приеме в свои ряды. Отклик был потрясающий. На сегодняшний день в ассоциации состоит свыше четырехсот писателей, общий тираж книг которых превышает 1 600 000 000 экземпляров.

С одной стороны, это удивительно, а с другой — вполне объяснимо, ведь сам жанр триллера — богатейшее поле для полета фантазии. Существует множество поджанров: судебный триллер, шпионский триллер, приключенческий триллер, медицинский триллер, полицейский триллер, любовный триллер, исторический триллер, политический триллер, религиозный триллер, хай-тек-триллер, военный триллер. Список можно продолжать, при этом постоянно возникают все новые поджанры. Собственно, эта открытость и безграничность и есть довольно существенные признаки жанра. Но основой основ триллера, конечно же, является та эмоциональная напряженность, те чувства, которые он пробуждает в читателе: мрачные предчувствия, возбуждение, волнение, неопределенность,— те чувства, которые заставляют трепетать. Собственно, по определению, если триллер не вызывает трепета, то это не триллер*.

К характерным особенностям любого триллера можно также причислить динамизм развития событий и ту силу, с которой сюжет увлекает за собой читателя. Триллер — это фактически бег с препятствиями, где цель достигается путем прило-

* Буквальное значение английского слова thriller — то, что заставляет трепетать. *(Здесь и далее прим. перев.)*

жения героических усилий. Цель эта бывает сугубо персональной (например, спасение супруги(а) или поиск давно потерянного родственника), а бывает глобальной (попытка предотвратить мировую войну). Часто герою необходимо достичь обеих целей. Герой может быть ограничен во времени, а может и нет. Порой события в триллере развиваются по нарастающей и достигают кульминации, подобной взрыву, к концу книги, а в других случаях сюжет захватывает читателя с первых же строк и до последнего держит в напряжении. В лучших образцах жанра авторы скрупулезно подходят к описанию каждого факта и события, продумывают до мелочей каждую деталь, чтобы создать вокруг своих героев реальность, наиболее точно отражающую приметы нашего времени. Когда читатель заканчивает знакомство с триллером, он получает не только эмоциональную разрядку, но и новую информацию. И с нетерпением ждет следующей захватывающей истории.

Генри Джеймс как-то написал: «Художественная литература имеет множество лиц». Это наблюдение вполне применимо к триллерам, и данная антология является прекрасным тому примером. Когда Гейл Линдс выступила с инициативой выпустить сборник триллеров, Международная ассоциация авторов триллеров направила своим членам предложение присылать рассказы. Откликнулись многие, и в итоге для включения в антологию было отобрано тридцать произведений. Ко мне обратились с просьбой выступить в качестве редактора, и я с радостью согласился. Другой член ассоциации и сам автор множества книг, Стив Берри взял на себя обязанности руководителя проекта. Права на антологию приобрел агент Ричард Пайн, также член нашей ассоциации. Интерес к сборнику проявили несколько издательств, и после конкурентной борьбы право его выпустить досталось «MIRA books».

Необходимо отметить, что все авторы антологии работали без гонорара. Полученные от продажи книг доходы пошли исключительно в общую казну ассоциации и будут пущены на дальнейшее расширение столь необходимой всем организации. Принцип, по которому создавалась антология, прост.

Каждый автор брал своего известного персонажа или сюжетную линию из своих произведений и сочинял совершенно новую историю. Таким образом, вы встретитесь с кем-то (или чем-то) знакомым и в то же время узнаете кое-что новенькое. Как вы сами убедитесь при чтении сборника, фантазия авторов практически не знала границ. Истории вышли одна увлекательнее другой. Каждое произведение предваряет написанное мной краткое предисловие с информацией об авторе, его (или ее) работах, а также о представленном рассказе. В конце книги приведены краткие биографические данные всех участников проекта. Должен признаться, я с превеликим наслаждением читал поступавшие ко мне рассказы и очень надеюсь, что вы также получите море удовольствия.

Итак, приготовьтесь к волнующему и захватывающему чтению.

Читайте и наслаждайтесь.

Джеймс Паттерсон,
июнь 2006 года

P. S. Больше о Международной ассоциации авторов триллеров можно узнать, посетив сайт www.internationalthrillerwriters.com. Заходите и изучайте.

Ли Чайлд

Ли Чайлд дебютировал с романом «Поле смерти», где повествование ведется от лица Джека Ричера. Этот персонаж стал впоследствии героем многих произведений автора. И хотя «Поле смерти» можно назвать вполне современным триллером, многое роднит его с классическими вестернами. Прежде чем стать писателем, Чайлд много лет проработал на телевидении и понимал, что для закрепления успеха должен издать вторую книгу еще до того, как дебют получит должный отклик. Желая избежать стереотипов, которые преследуют писателя, как и любого творческого человека, Ли решил, что его новое произведение, «Цена ее жизни», будет кардинально отличаться от «Поля смерти», но в то же время станет частью запланированной серии. По задумке автора, этим двум романам предстояло наметить некие границы, в пределах которых будут развиваться события последующих произведений цикла. Новый роман получался классическим триллером, только теперь написанным от третьего лица, невероятно динамичным, с множеством сюжетных линий. Одну из них, присутствовавшую в первоначальном варианте, автору завершить не удалось. Был там и многообещающий персонаж по имени Джеймс Пенни, который, однако, не вписывался в общую канву повествования и, соответственно, не попал в окончательную версию романа. Так он и томился на жестком диске компьютера Чайлда, пока писатель не получил предложение сочинить рассказ для одной британской антологии. Чайлд чуть изменил историю Джеймса Пенни, и в итоге получилось что-то вроде приквела к сериалу о похождениях Джека Ричера — рассказ дает представление о том, чем занимался Ричер в начале карьеры. Антология вышла малым тиражом, рассказ оставался практически неизвестным. И вот сейчас в обновленном и переработанном виде мы представляем его на суд широкого круга читателей.

Ли Чайлд

НОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ДЖЕЙМСА ПЕННИ

Джеймс Пенни стал совершенно другим человеком. А началось все тринадцать лет назад в калифорнийском городке Лейни в самый обыкновенный июньский понедельник в час пополудни. В самое жаркое время суток, в самое жаркое время года, в самой жаркой местности Штатов. Городок притулился у обочины дороги, ведущей из Мохаве в Лос-Анджелес. Если смотреть строго на запад, можно увидеть южные отроги Береговых хребтов; на востоке же в вечной дымке раскинулась пустыня Мохаве. В Лейни мало что происходит, а после того понедельника тринадцать лет назад события стали и вовсе крайне редки.

В городке имелась промышленность, а именно фабрика, занимающая приличный участок земли. Суровый местный климат не пощадил огромный металлический ангар, построенный в шестидесятые. Офисные помещения расположились в северной, тенистой части. На первом этаже размещались конторские служащие низшего звена: здесь выписывали счета, вели телефонные переговоры, подбивали бухгалтерские балансы. На втором этаже обосновались менеджеры. Угловой офис по правую руку раньше принадлежал менеджеру по персоналу, а теперь — менеджеру по человеческим ресурсам; это был тот же самый человек, сменилась только табличка на двери.

Перед дверью по длинному коридору второго этажа тянулся ряд стульев. Не далее как утром их принесла и расставила секретарша менеджера по человеческим ресурсам. На стульях в полной тишине сидели мужчины и женщины. Каждые пять

Copyright © 2006 by Lee Child.

минут одного из них вызывали в кабинет. Остальные, продолжая хранить молчание, пересаживались ближе к двери. Говорить нужды не было. Все знали, что происходит.

Был почти час дня, когда Джеймс Пенни опустился на ближайший к кабинету стул. Спустя пять долгих минут прозвучало его имя; Джеймс переступил порог кабинета и закрыл за собой дверь. Менеджера по человеческим ресурсам звали Оделл, он еще пешком под стол ходил, когда Джеймс Пенни начал работать на фабрике.

— Мистер Пенни,— произнес Оделл.

Джеймс ничего не ответил, просто сел и осторожно кивнул.

— Мы хотим поделиться с вами некоторой информацией,— продолжил Оделл.

Пенни лишь пожал плечами. Ему было известно, что его ожидает — завод полнился слухами. И не про него одного.

— Только покороче, хорошо? — попросил он.

Согласно кивнув, Оделл тут же сообщил:

— Мы увольняем вас.

— На лето?

— Навсегда,— отчеканил менеджер.

Пенни потребовалась пара секунд, чтобы осознать услышанное. Он догадывался, что скажет Оделл, но одно дело — догадываться, и совсем другое — услышать.

— Почему?

Оделл пожал плечами. Вид у него был такой, словно он и сам не рад случившемуся. С другой стороны, особенно расстроенным он тоже не выглядел.

— Просто сокращение. У нас нет выбора. Это единственное, что нам остается.

— Почему? — упрямо повторил Пенни.

Откинувшись в кресле и сцепив руки за головой, Оделл в который уже раз за день пустился в объяснения.

— Нам необходимо урезать расходы. Мы тратим слишком много денег. Прибыль низкая. Рынок сокращается. Ну, вы же понимаете.

Джеймс уставился в пространство и прислушался — снизу, из производственных помещений, не доносилось ни звука.

— Так вы закрываете фабрику?

— Мы сокращаемся, вот и все,— уточнил Оделл.— Фабрика не закрывается. Будет проводиться текущий ремонт, техобслуживание оборудования и тому подобное. Но уже не так, как раньше.

— Фабрика не закрывается? — допытывался Пенни.— Тогда почему вы меня увольняете?

Менеджер переменил позу: скрестил руки на груди, словно защищаясь. Наступил самый щекотливый момент в беседе.

— Тут все дело в уровне квалификации,— заметил он.— Перед нами встала задача собрать подходящую команду. Так что пришлось поломать голову. Боюсь, вы не соответствуете нашим требованиям.

— И что вас не устраивает в моей квалификации? — спросил Пенни.— У меня большой опыт. Семнадцать лет я здесь вкалываю. Что вам еще надо, черт побери?

— Ничего, ничего,— поспешно отозвался Оделл.— Но другие работники лучше. Мы должны думать о перспективах и поэтому принимаем в команду самых надежных специалистов, быстро обучаемых, таких, у кого нет проблем с выходом на работу. Вы же понимаете меня.

— Проблемы с выходом на работу? — удивился Пенни.— У меня, что ли? Да я семнадцать лет на фабрике! И вы говорите, что я не заслуживаю доверия?

Менеджер положил руку на лежащую на столе коричневую папку.

— Вы много времени болели. Отсутствовали на работе восемь процентов рабочего времени.

Пенни недоверчиво уставился на хозяина кабинета.

— Болел? Я не болел. У меня был посттравматический шок. После Вьетнама.

Оделл был слишком молод. Он снова покачал головой и произнес:

— Это не имеет значения. Еще раз повторяю: вы слишком часто не выходили на работу.

Джеймс Пенни сидел совершенно ошарашенный. Он чувствовал себя так, будто по нему проехалась машина.

— Мы стремились создать достойную команду,— добавил Оделл.— Менеджмент затратил массу усилий, и мы уверены, что приняли правильное решение. Вы не единственный, кто попал под сокращение. Мы лишаемся восьмидесяти процентов сотрудников.

Тогда Пенни взглянул прямо в глаза собеседнику и задал последний вопрос:

— Вы остаетесь?

Тщетно пытаясь скрыть улыбку, Оделл кивнул и ответил:

— Мы будем продолжать работу. Нам пока нужны управленцы.

В угловом офисе воцарилась тишина. На улице дул из пустыни горячий ветер, он кружился над металлическим ангаром в ленивых вихрях. Оделл открыл папку и достал голубой конверт. Протянул его через стол со словами:

— Ваше жалованье по июль включительно. Деньги перевели в банк сегодня утром. Удачи вам, мистер Пенни.

Пять минут, отведенные на беседу, истекли. Появилась секретарша Оделла и открыла дверь. Пенни понуро вышел из кабинета в коридор. Тем временем секретарша пригласила следующего бедолагу. Миновав длинную молчаливую очередь, Пенни спустился на парковку. Скользнул на сиденье красного «файрберда». Машина была почти новая (всего полтора года), он еще не расплатился за нее. Включив двигатель, он на небольшой скорости проехал милю до своего дома. Остановил автомобиль на подъездной дорожке и, забыв выключить мотор, погрузился в раздумья.

Он представил себе визит нежданных гостей — людей из коллекторского агентства, которые забирают его машину. Единственную вещь в жизни, о которой он по-настоящему мечтал. Он вспомнил, какую дикую радость испытал при ее покупке. Это случилось вскоре после развода. Он тогда проснулся и сразу понял, что прямо сейчас может пойти к агенту по продажам, подписать необходимые бумаги и получить автомобиль. И не будет никаких упреков и возражений со стороны жены. Так он и поступил: направился в салон, сдал старый

драндулет, выполнил необходимые формальности и стал счастливым обладателем «файрберда». Возвращаясь домой за рулем собственного авто, Пенни находился на седьмом небе от счастья.

С тех пор он еженедельно до блеска надраивал свое сокровище. Внимательно следил за рекламой и пробовал все «волшебные» средства для мойки и ухода за машиной. И она, сверкающая, каждый день стояла перед фабрикой как ярко-красный символ достижений. Как радостное утешение после этой дерьмовой и нудной работы. Пусть в жизни Пенни много чего не хватало, но у него был «файрберд».

Джеймс почувствовал, как внутри клокочет безрассудная ярость. Он выскочил из машины, побежал к гаражу и взял там запасную канистру с бензином. Быстро вернулся в дом. Открыл входную дверь. Вылил бензин на диван. Не найдя спичек, зажег на кухне газовую плиту и размотал большой рулон бумажных полотенец. Один конец рулона он положил на диван, а второй протянул к зажженной конфорке. Самодельный бикфордов шнур немедленно вспыхнул. Пенни помчался к машине, быстро включил зажигание и погнал на север в направлении Мохаве.

Когда языки пламени стали пробиваться через щели в крыше, соседка заметила неладное и тотчас позвонила в пожарную бригаду. Но безуспешно. В Лейни не было профессиональных пожарных, а добровольные члены бригады в ту самую минуту сидели в здании фабрики в узком коридоре второго, административного этажа. Легкий ветерок из пустыни превратился в сильный ветер, и когда Пенни был уже в тридцати милях от Лейни, языки пламени принялись лизать растущий перед его домом сухой кустарник. А когда он в банке городка Мохаве обналичивал последний чек, огонь перекинулся на лужайку соседки и стал постепенно подбираться к заднему крыльцу ее дома.

Как и любой другой калифорнийский город, возникший в результате экономического подъема, Лейни вырос очень быстро. Фабрику воздвигли в начале первого президентского сро-

ка Никсона. Сотни акров апельсиновых рощ были в одночасье перепаханы бульдозерами, и на их месте появилось пять сотен каркасных домов, так что за год население городка увеличилось вчетверо. Дома в целом были неплохие, если не считать того, что за тридцать один год, с той поры как их возвели, дождь в Лейни шел не больше десяти раз и деревянные конструкции высохли до предела. Дни напролет дома были опаляемы беспощадным солнцем и овеваемы горячими ветрами пустыни Мохаве. Конечно, никто в городе не знал, что такое пожарные гидранты. Постройки располагались совсем рядышком друг с другом и не были защищены от возможной огненной стихии. Впрочем, в Лейни никогда и не случалось серьезных пожаров. До того понедельника.

Соседка Джеймса Пенни во второй раз позвонила пожарным, после того как заднее крыльцо ее дома исчезло в бушующем пламени. В пожарной бригаде царило смятение. Диспетчер посоветовал перепуганной даме покинуть жилище и дожидаться приезда команды на улице. Когда бригада наконец появилась, тушить было нечего. К тому времени пожар успел поглотить уже и следующий дом. Огонь, подгоняемый нестихающим ветром, легко преодолел небольшое расстояние, разделявшее дома, и вынудил пожилую пару в панике выскочить на улицу.

На помощь были призваны пожарные бригады из Ланкастера, Глендейла и Бейкерсфилда, которые вскоре во всеоружии прибыли на место и смогли предотвратить дальнейшее распространение огня. Они залили водой растущий между домами кустарник, тем самым отрезав пламени дальнейший путь. Сгорело всего лишь три дома: Джеймса Пенни и двух его соседей с подветренной стороны. Спустя пару часов после того, как улеглась паника,— Пенни к тому моменту находился уже в пятидесяти милях к северу от Мохаве — шериф городка вместе с двумя дознавателями попытались на месте разобраться, что же, собственно, произошло.

Начали они с дома Пенни, который стоял с наветренной стороны и был уничтожен первым. Пепелище уже слегка

остыло. Дом выгорел почти до основания, однако планировка комнат была вполне различима. Причина пожара сразу бросалась в глаза. На том месте, где некогда располагалась спальня, сейчас чернело огромное выжженное пятно. Дознавателю из Глендейла много раз приходилось видеть подобное. Такие последствия остаются, когда диван или кресло, набитые синтетическим наполнителем, обливают бензином и поджигают. Случай был очевидный. Усугубили несчастье сильный ветер из пустыни и близость соседних домов.

Выяснив все на месте происшествия, шериф отправился на поиски Пенни — сообщить, что кто-то сжег его дом, а заодно и два соседских. Оставив полицейскую машину у входа на фабрику, шериф поднялся по лестнице и прошел мимо все еще длинной очереди прямо в офис менеджера по человеческим ресурсам. Там Оделл поведал подробности пятиминутной беседы с Джеймсом Пенни, после чего шериф покинул фабрику и направился в участок. Одной рукой он вел машину, а второй задумчиво потирал подбородок.

И пока Пенни ехал по шоссе в ста пятидесяти милях от своего дома вдоль высящегося восточного склона горы Уитни, полиция объявила его в розыск по подозрению в преднамеренном поджоге, что в засушливых районах южной части Калифорнии считалось очень серьезным обвинением.

На следующее утро Джеймс Пенни проснулся оттого, что на его лице нахально резвились лучи солнца, проникшие сквозь неплотно прикрытые шторы номера в мотеле. Он дернулся спросонья и открыл глаза, а потом просто лежал, наслаждаясь теплом и наблюдая, как в солнечном свете танцуют пылинки.

Пенни по-прежнему находился в Калифорнии, не очень далеко от Йосемитского национального парка, но все же достаточно далеко для того, чтобы комната в мотеле не стоила безумных денег. В спрятанном под матрасом бумажнике имелось жалованье за шесть недель. Шестинедельное жалованье ми-

нус полтора бака бензина, чизбургер и двадцать семь с половиной баксов за комнату. И бумажник под матрасом, потому что за двадцать семь пятьдесят первоклассных условий не купишь. Дверь он, конечно, запер, но на ресепшене имелся запасной ключ, и, вполне возможно, парень на ресепшене был одним из тех гостиничных работников, которые могут одолжить ключ от номера какому-нибудь ночному любителю разжиться денежкой на халяву.

Однако ничего подобного не случилось. Матрас был такой тонкий, что Пенни чувствовал, как бумажник упирается в спину в районе почки. Лежит себе на месте, приятно раздутый. Классное ощущение! Пенни следил за игрой солнечного света и производил в уме сложные арифметические вычисления, пытаясь прикинуть, как долго он протянет на шестинедельное жалованье. Выходило не так уж и скверно. Все, что ему требовалось,— это дешевая еда, недорогие мотели и бензин для «файрберда». Машина имела самый современный двадцатичетырехклапанный двигатель, обеспечивая и необходимую мощь, и экономию топлива. Так что проблем не предвиделось: он может отправиться куда душа пожелает и не заботиться о деньгах.

В более отдаленном будущем Пенни не был так уверен. Впрочем, какое-нибудь занятие всегда отыщется, можно не сомневаться. Пусть даже самое непритязательное. Он ведь работяга. Хорошо бы найти работу на свежем воздухе — какое-никакое разнообразие. Главное, чтобы она не ущемляла чувство собственного достоинства. Самый простой труд для простых честных людей — вот чего хотел Пенни, а не пахать как проклятый на этого лживого отморозка Оделла.

Некоторое время он лежал и смотрел, как солнечные лучи падают на стеганое покрывало. Затем откинул его и вскочил на ноги. Сходил в уборную, вымыл над раковиной лицо и прополоскал рот. Разобрал одежду, которую накануне свалил в кучу. Гардероб явно нуждался в пополнении. У Пенни не имелось ничего, кроме вещей, которые были на нем надеты. Все

остальное сгорело вместе с домом. Он пожал плечами и пустился в раздумья, сможет ли позволить себе обзавестись новыми штанами и парой рубашек. И еще парой прочных ботинок, если придется работать на улице. Для этого нужно будет сократить прочие расходы. Пенни решил, что теперь с целью экономии топлива будет двигаться медленнее и, возможно, попробует меньше есть. Ну или не меньше, а дешевле. Можно питаться не в ресторанах для туристов, а приобретать еду в магазинчиках для дальнобойщиков. Так будет калорийнее и вместе с тем менее затратно.

Сегодня он запланировал проехать как можно больше и только потом остановиться на завтрак. Поигрывая в кармане ключами от машины, Пенни открыл дверь домика и замер. Сердце застучало с удвоенной силой. Взору его предстал черный асфальт, на котором радужной пленкой сверкали масляные пятна. В отчаянии Пенни взглянул направо, потом налево. Никаких признаков красного «файрберда». Пошатываясь, он вернулся в комнату, тяжело опустился на кровать и некоторое время сидел в оцепенении, размышляя, как же теперь быть.

Он пришел к выводу, что администратора мотеля лучше не беспокоить. Тот почти наверняка замешан в исчезновении машины. Пенни легко мог представить, как все произошло. Парень выждал часик-другой, затем позвонил приятелям, те мигом явились и забрали тачку. Всего-то пара пустяков — соединить два проводка, тихонько вырулить со стоянки и свернуть на трассу. Да, эти ребята знают свое дело. Чего им стоит облапошить недоумка, который заплатил двадцать семь с половиной баксов за номер и посчитал, что может спать спокойно. И он, он оказался этим недоумком! Пенни ощущал себя совершенно разбитым, в груди клокотала ярость. Его красный «файрберд». Пропал. Угнан. И увели его не люди из коллекторского агентства, а обычные воры.

Ближайший полицейский участок находился в двух милях к югу. Накануне вечером Пенни проезжал мимо. Участок был

небольшой, внутри толпился народ. Джеймс занял очередь; перед ним было пять человек. Полицейский за стойкой выслушивал жалобы и обращения и что-то неторопливо записывал. Однако Пенни дорожил каждой минутой — возможно, именно сейчас его «файрберд» на полной скорости мчит в сторону границы. А этот парень, полицейский, наверняка может связаться по рации с коллегами, и те задержат угонщика. В расстроенных чувствах Джеймс нетерпеливо переминался с ноги на ногу, блуждая по помещению диким взглядом. На доске позади полицейского висели листочки с различной информацией: плохо пропечатавшиеся факсы, ксероксы каких-то документов, распоряжения начальника участка и многое другое.

Пенни с безразличием взирал на них, и вдруг одна бумага привлекла его внимание. С доски на него смотрел... Джеймс Пенни. Это была скопированная с водительских прав черно-белая фотография, увеличенная так, что изображение стало зернистым и нечетким. Внизу крупными буквами было напечатано его имя: ДЖЕЙМС ПЕННИ, Лейни, Калифорния. Имелось и описание машины: красный «файрберд», такие-то номерные знаки. Объявлен в розыск за поджог и причинение материального ущерба. Не мигая, он уставился на объявление. Казалось, оно растет и растет и постепенно заслоняет собой всю его жизнь. Впечатление было такое, будто Пенни глядит на себя в зеркало. Поджог... Причинение материального ущерба... Объявлен в розыск... Женщина перед ним закончила говорить с полицейским и отошла. Джеймс шагнул к стойке. Сержант поднял на него глаза и спросил:

— Чем могу вам помочь, сэр?

Покачав головой, Пенни бочком двинулся к выходу, стараясь не привлекать внимания. Едва оказавшись на улице, где ослепительно светило солнце, он как сумасшедший бросился бежать на север. Преодолев около сотни ярдов, Пенни почувствовал, что на такой жаре задыхается, и перешел на шаг. Еще через несколько секунд он инстинктивно нырнул с доро-

ги в березовую рощицу. Он пробирался через заросли до тех пор, пока шоссе не скрылось из виду, потом рухнул на землю, привалился спиной к тонкому шершавому стволу березы и широко раскинул ноги. Грудь его вздымалась и опускалась. Руками Пенни сжимал голову, словно опасался, что она вот-вот взорвется.

Поджог и причинение материального ущерба. Ему было хорошо известно, что означают эти слова, но он не понимал, какое они имеют отношение к его поступку. Ведь он сжег свой собственный дом. Свой проклятый дом! Точно так, как если бы сжигал мусор. И имел на это полное право. Какой же это поджог? В любом случае, он может все объяснить! Он находился тогда в невменяемом состоянии. На короткое время Пенни успокоился и уселся поудобнее, но затем вспомнил об адвокатах. У него уже был опыт: развод с женой обошелся в кругленькую сумму, и Пенни знал, что представляют собой эти акулы. Кажется, у него проблемы. Даже если произошедшее не являлось намеренным поджогом, придется выложить кучу баксов, чтобы это доказать. Дело грозило вылиться в нескончаемый денежный поток. А как раз денег у Джеймса не было. И не предвиделось в будущем. Сидя на твердой иссушенной земле, он вдруг сообразил: буквально все его имущество без исключения сейчас при нем. Пара туфель, пара носков, трусы-боксеры, джинсы «Левайс», хлопковая рубашка, кожаная куртка. И бумажник, пока еще весьма объемистый. Пенни сунул руку в карман и нащупал его. Жалованье за шесть недель за минусом вчерашних трат.

Джеймс поднялся. Ему нечасто приходилось заниматься физическими упражнениями, поэтому в ногах он ощущал слабость, а сердце по-прежнему гулко стучало в груди. Он прислонился к стволу березы и сделал глубокий вдох. Сглотнул и стал пробираться через кустарник обратно к дороге. Затем повернул на север и зашагал прочь. Так Пенни шел полчаса, засунув руки в карманы, и одолел, наверное, около двух миль; мышцы наконец перестали ныть, дыхание восста-

новилось. Прояснилось и в голове; теперь он мог трезво оценить ситуацию, в которой оказался. Он всегда реально смотрел на вещи и привык говорить самому себе только правду. Раз его обвиняют в поджоге, значит, так и есть. Гнев его постепенно поутих, и теперь предстояло разработать разумный план, как вести себя дальше. Объяснить все служителям закона он не сможет, а отсюда вывод: нужно держаться от них подальше. Это первое. Отправная точка. Принципиальное, стратегическое решение. На нем должна основываться вся тактика последующих действий.

Найти его могли тремя способами: по фамилии, по внешности и по автомобилю. Пенни снова скрылся в придорожной роще. Отойдя на двадцать ярдов от дороги, он носком туфли выкопал в покрытой заплесневелыми листьями земле неглубокую ямку. Достал из бумажника все документы на свою фамилию, кинул в яму и засыпал сверху землей и листьями. Затем вытащил из кармана ключи от ненаглядного «файрберда» и изо всех сил зашвырнул подальше в гущу деревьев, даже не удосужившись посмотреть, куда они упали.

Все равно машина исчезла. В сложившихся обстоятельствах это было даже к лучшему. Однако след оставался. Автомобиль могли видеть в Мохаве возле банка или у заправочной станции. Кроме того, Пенни указал номер, когда накануне вечером заполнял форму в мотеле. Номер рядом с фамилией. В итоге вырисовывался весьма отчетливый след, тянущийся через всю Калифорнию на север.

Он вспомнил, чему его учили во Вьетнаме. Вспомнил маленькие военные хитрости. Вот одна из них: если хочешь тайно уйти на восток, сначала возьми курс на запад. Ты топаешь пару сотен ярдов на запад, будто случайно наступаешь на веточки, задеваешь растущие по пути кусты — вроде бы и тихо, но слышно,— пока крадущийся за тобой лопух не поверит, что ты действительно двигаешься в этом направлении. И тогда ты разворачиваешься на сто восемьдесят градусов — те-

перь уже по-настоящему бесшумно — и чешешь себе на восток, обходя стороной исходную точку. Пенни проделывал такое дюжину раз. Его вчерашний, первоначальный план заключался в том, чтобы податься на время на север, возможно в Орегон; несколько часов он потратил на реализацию этого плана, и, таким образом, красный «файрберд» проложил весьма заметный северный след. Значит, теперь самое время повернуть на юг и исчезнуть. Пенни выбрался из леска и побрел по пыльной обочине в ту сторону, откуда пришел.

Но внешность изменить он не мог. А его фотографии красовались везде и всюду. Пенни вспомнил самого себя, смотрящего с доски объявлений в полицейском участке. Аккуратно зачесанные набок волосы, запавшие серые щеки. Он поднял руку и энергично поводил туда-сюда по волосам — теперь они торчали в разные стороны и ничуть не напоминали прежнюю прическу. Затем Пенни ощупал суточную щетину и пообещал себе отрастить большую бороду. Собственно, выбора у него не было. Бритвы он с собой не захватил и не собирался тратить деньги на ее покупку. Он шагал и шагал на юг, вздымая ногами пыль, оставляя по правую руку гору Эксельсиор. Вскоре Пенни достиг дороги, которая убегала, петляя, на запад в сторону Сан-Франциско, через перевал Тиога мимо высокой горы Дана. На обочине Джеймс остановился и призадумался. Если и дальше двигаться на юг, он снова окажется в Мохаве, слишком близко к дому. Слишком близко. Такой вариант Пенни не нравился, оставалось одно — свернуть. Он пойдет на запад, а потом будет видно.

Уже вечером он высадился из джипа с открытым верхом на южной окраине Сакраменто. За рулем был какой-то старый хипарь. Некоторое время Пенни стоял на дороге, провожая джип взглядом, и махал вслед рукой. Затем во внезапно наступившей тишине осмотрелся и приосанился. Он находился на главной улице города; всюду, куда хватал глаз, пестрели

разноцветные неоновые вывески, зазывающие в отели с прекрасным видом из окна, бассейном и кабельным телевидением, забегаловки на самый разный вкус, супермаркеты и автостоянки. Да, в таком месте легко затеряться. Вокруг, буквально вплотную, сосредоточилось множество мотелей; каждый, соревнуясь с остальными, предлагал «самую низкую цену в городе». Пенни решил снять в одном из них номер, отсидеться там и обдумать дальнейшие планы. Но сначала поесть! Он здорово проголодался. Он выбрал сеть забегаловок, в которой никогда раньше не был, занял столик у окна и принялся лениво наблюдать за движением на улице. Подошедшей официантке он заказал чизбургер и две коки. После нескольких часов, проведенных на пыльной дороге, чертовски хотелось пить.

Шериф городка Лейни раскрыл карту и погрузился в размышления. Пенни не станет задерживаться в Калифорнии. Он направится в другие края. Вероятно, в глухие места штата Орегон или Вашингтон. Или в Айдахо. Или в Монтану. Но точно не на север. Пенни воевал во Вьетнаме и знает, как перехитрить противника. Сначала он устремится на запад. Выберет дорогу через Сакраменто. А от Сакраменто рукой подать до побережья (если двигаться на запад), с восточной же стороны к нему подходят высокие горные хребты. Из города ведет всего шесть дорог. Следовательно, достаточно выставить посты на всех шести, допустим, на расстоянии десяти миль от города, чтобы не очень досаждать местным жителям. Шериф удовлетворенно кивнул и снял телефонную трубку.

Вот уже час Пенни шел по шоссе на север. На закате начался дождь. Занудный, монотонный дождь. В Северной Калифорнии вблизи гор климат совсем не походил на тот, к которому привык Пенни. Он брел, сгорбившись и спрятав голову в воротник, уставший, деморализованный и ужасно одинокий. И вызывающий подозрения. В Калифорнии никто никогда не ходит по дорогам пешком. Оглянувшись через плечо,

Джеймс увидел притормаживающий седан «шевроле» тускло-оливкового цвета. Автомобиль остановился, со стороны пассажирского сиденья открылась дверь. На крыше включилась мигалка, освещая мокрый от дождя асфальт.

— Подбросить? — спросил водитель.

Пенни нагнулся и посмотрел в салон. За рулем сидел очень высокий мужчина лет тридцати, мускулистый, сложением напоминавший профессионального штангиста. Коротко подстриженные светлые волосы, строгое и вместе с тем открытое лицо. Одет был мужчина в военную форму. Пенни заметил знаки отличия: капитан военной полиции, а взглянув на оливковый борт машины, увидел написанный по трафарету серийный номер.

— Не знаю,— пожал он плечами.

— Давай залезай в машину,— скомандовал водитель.— Ветеран вроде тебя заслуживает лучшей участи, чем тащиться на своих двоих под дождем.

Тогда Пенни забрался внутрь и закрыл дверь.

— Как вы поняли, что я ветеран?

— По твоей походке,— пояснил мужчина.— Еще по возрасту и по тому, как ты смотришь. Судя по возрасту, ты наверняка служил там, а по твоему виду ясно, что ты не из тех, кто писал против той войны чертовы памфлеты. В этом я уверен.

— Верно,— кивнул Пенни.— В то время я болтался в джунглях.

— Так давай я подвезу тебя,— снова предложил водитель.— Небольшая услуга, которую один солдат оказывает другому. Считай, что ты это заслужил.

— Хорошо,— согласился Пенни.

— Куда направляешься? — осведомился капитан.

— Не знаю,— ответил Пенни.— Наверное, на север.

— На север так на север. Я Джек Ричер. Рад познакомиться.

Однако Пенни промолчал.

— У тебя имя-то есть? — поинтересовался Ричер.

Секунду Джеймс колебался, наконец повторил:

— Не знаю.

Ричер отпустил сцепление, посмотрел на дорогу и уверенно влился в поток машин. Затем нажал кнопку, блокирующую двери, и задал прямой вопрос:

— Что ты сделал?

— Сделал? — отозвался Пенни.

— Ты скрываешься,— утвердительно произнес Ричер.— Идешь по шоссе прочь из города, под дождем, без вещей и не знаешь, есть ли у тебя имя. Мне доводилось видеть многих людей, которые бежали, прятались от кого-то, и ты — один из них.

— Вы сдадите меня полиции?

— Я военный полицейский. Ты сделал что-нибудь против армии?

— Против армии? — удивился Пенни.— Нет, я был хорошим солдатом.

— Тогда с какой стати мне сдавать тебя?

Пенни озадаченно промолчал.

— А что ты сделал гражданским? — полюбопытствовал Ричер.

— Вы хотите меня сдать,— беспомощно заключил Пенни.

Ричер пожал плечами.

— Это зависит... от того, что ты натворил.

Джеймс снова промолчал. Ричер повернул голову и посмотрел ему прямо в глаза. В этом уверенном, сильном взгляде было что-то гипнотизирующее; на протяжении нескольких секунд Пенни сидел как завороженный, не в силах отвести глаза. Наконец он тяжело вздохнул.

— Я поджег свой дом. Возле Мохаве. Я вкалывал на фабрике семнадцать лет, а вчера меня выставили на улицу. Я так расстроился из-за того, что у меня отберут машину, и... спалил свой дом. А теперь они говорят, что это поджог.

— Возле Мохаве? — уточнил Ричер.— Правильно говорят. В тех местах не любят пожаров.

Кивнув, Пенни продолжил:

— Я словно обезумел. Семнадцать лет — и в итоге о меня вытерли ноги. А машину у меня все равно угнали, в первую же ночь.

— Здесь на дорогах всюду посты,— предупредил Ричер.— Я проехал через один к югу от города.

— Это из-за меня? — спросил Пенни.

— Возможно. Там не любят пожаров.

— Вы сдадите меня полиции?

Ричер снова бросил на него тяжелый молчаливый взгляд.

— Это все, что ты сделал?

— Да, сэр,— заверил Пенни.— Это все, что я сделал.

На некоторое время в машине повисла тишина. Доносился только шелест покрышек по мокрому асфальту.

— Не вижу никаких проблем,— наконец заявил Ричер.— Человек сражался в джунглях Вьетнама, проработал на одном месте семнадцать лет, и его выставили вон. Полагаю, он имеет право слегка обезуметь.

— Но что мне теперь делать?

— Начать все заново. На новом месте.

— Меня найдут,— пробормотал Пенни.

— Ты уже подумываешь о том, чтобы сменить имя,— заметил Ричер.

— Я избавился от всех своих документов,— доверительно сообщил Пенни.— Закопал в лесу.

— Так обзаведись новыми. Это все, что волнует людей,— лишь бы была бумажка.

— Как?

На пару минут Ричер погрузился в размышления.

— Классический способ — отыскать на кладбище могилу человека, который умер в детстве, и раздобыть копию свидетельства о рождении. Это первое. Потом получить номер свидетельства социального страхования, сделать паспорт, кредитные карты — и ты новый гражданин.

— У меня ничего не выйдет,— вздохнул Пенни.— Слишком сложно. И у меня нет времени. Вы же сами сказали, что

впереди полицейский пост. Как я успею все сделать до того, как мы там окажемся?

— Есть и другие возможности,— успокоил Ричер.

— Например?

— Найти парня, который уже изготовил фальшивые документы для себя, и забрать их.

— Вы ненормальный,— покачал головой Пенни.— И как это сделать?

— Возможно, тебе и не нужно ничего делать. Может быть, я уже все сделал за тебя.

— У вас есть фальшивые документы?

— Не у меня,— ответил Ричер,— у парня, которого я разыскивал.

— Какого парня?

Одной рукой крутя баранку, Ричер другой достал из внутреннего кармана куртки какую-то официальную бумагу и пояснил:

— Это ордер на арест. Один офицер связи с оружейного завода близ Фресно продавал секретные чертежи. Выяснилось, что у него было целых три комплекта поддельных удостоверений личности. От настоящих не отличить, начиная с аттестата начальной школы. И все подтверждаются проверкой. Отсюда следует, что они, скорее всего, сделаны Советами, те всегда работают так, что не подкопаешься. Я как раз возвращаюсь после беседы с этим парнем. Он тоже пытался бежать, уже со вторым комплектом документов. Я изъял их. Там комар носа не подточит. Они у меня в багажнике, в портмоне.

Машины впереди замедляли ход. Сквозь потоки дождя на ветровом стекле виднелись красные тормозные огни. Синие вспышки освещали темноту. Метались лучи мощных ручных фонарей.

— Пост,— предупредил Ричер.

— Так я могу воспользоваться документами этого парня? — настойчиво спросил Пенни.

— Ну разумеется. Забери их из багажника. Портмоне в кармане куртки.

Он затормозил и припарковался на обочине. Пенни выбрался из машины, прошел назад и открыл крышку багажника. Через несколько долгих секунд он вернулся с побледневшим лицом, держа в руке портмоне.

— Там все,— добавил Ричер.— Все, что только может понадобиться.

Джеймс кивнул.

— Положи его в карман,— велел Ричер.

Пенни сунул бумажник во внутренний карман куртки. В этот момент Ричер поднял правую руку, в ней сверкнул пистолет; в левой руке появились наручники.

— А теперь сиди тихо,— мягко промолвил он.

Наклонившись, он одной рукой ловко защелкнул наручники на запястьях Пенни. Затем выехал обратно на дорогу и медленно покатил к посту.

— Зачем это? — произнес Пенни.

— Сиди спокойно,— отозвался Ричер.

От поста их отделяли две машины. Трое дорожных полицейских в накидках с капюшонами направляли машины в загончик, образованный припаркованными патрульными автомобилями. На крышах разноцветными огнями сверкали мигалки.

— Но зачем? — снова спросил Пенни.

Ричер ничего не ответил. Он остановил «шевроле», где указал полицейский, и опустил стекло. Внутрь ворвался прохладный, влажный ночной воздух. Полицейский нагнулся к открытому окну. Ричер протянул удостоверение капитана военной полиции. Коп взял его, осветил фонариком и вернул обратно с вопросом:

— Кто с вами в машине?

— Арестованный,— сказал Ричер и предъявил копу ордер.

— У него есть документы?

Повернувшись к своему пассажиру, Ричер ловко, двумя пальцами, точно карманник-профессионал, вытащил у него бумажник. Встряхнул, открыл и высунул в окно. Второй по-

лицейский тем временем стоял в свете фар «шевроле» и записывал автомобильные номера. Покончив с этим, он обошел капот и присоединился к коллеге.

— Капитан Ричер, военная полиция,— продиктовал первый полицейский.

Второй коп записал эту информацию.

— С ним арестованный по имени Эдвард Хендрикс.

Коп записал и это.

— Спасибо, сэр,— поблагодарил первый блюститель закона.— Можете двигаться дальше.

Медленно вырулив из-за патрульных джипов на шоссе, Ричер нажал на газ. Через милю он припарковался на обочине. Наклонился, расстегнул наручники и убрал в карман. Пенни потер запястья и признался:

— Я уже подумал, что вы сдадите меня.

— Мне это невыгодно,— покачал головой Ричер.— Мне было нужно, чтобы все видели арестованного в машине.— Он протянул Джеймсу бумажник.— Возьми.

— Серьезно?

— Эдвард Хендрикс,— сообщил Ричер,— теперь это твое имя. Документы в полном порядке, не волнуйся. Считай, что это маленькая услуга, которую один солдат оказал другому солдату. Ветерану Вьетнама.

Эдвард Хендрикс посмотрел на человека за рулем, кивнул и выбрался из машины под несмолкающий дождь. Поднял повыше воротник кожаной куртки и устремился на север. Ричер следил за Хендриксом, пока тот не скрылся из виду. Затем выехал на дорогу и на первом перекрестке свернул на запад. Потом повернул на север и остановился в пустынном месте, где дорога подходила совсем близко к океану. Слева тянулась широкая полоса гравия, за ней был обрыв на пятьдесят футов вниз, где шумели и пенились волны Тихого океана.

Выйдя из автомобиля, Ричер открыл багажник и взялся за отвороты куртки — той самой, о которой говорил своему недавнему пассажиру. Тяжело вздохнул и потянул куртку

на себя. Труп был чертовски тяжелый. Кряхтя, Ричер вытащил его из багажника, взвалил на плечо и, пошатываясь, направился к обрыву. Опустился на колени и перевалил свою ношу через край. Ударяясь о скалу и размахивая руками и ногами, труп безвольно, как кукла, полетел вниз. С едва слышным всплеском он плюхнулся в воды океана и мгновение спустя исчез.

Джеймс Гриппандо

Совсем не случайно пять из десяти романов Джеймса Гриппандо — судебные триллеры о похождениях Джека Свайтека, харизматичного адвоката, специализирующегося на уголовных делах. Гриппандо и сам по профессии адвокат, хотя, к счастью, не столь сильно одержимый демонами, как его герой. Что такое быть Джеком Свайтеком? Просто вообразите, что отец ваш — губернатор штата Флорида, ваш лучший друг чудом спасся из камеры смертников, а описание ваших любовных приключений могло бы составить целую главу в книге «Правила Купидона для любви и войны (издание для идиотов)». Добавьте сюда обвинения в убийстве и во множестве менее серьезных грехов — и у вас начнет складываться общая картина.

Читатели произведений о Джеке Свайтеке знают, что он называет себя «наполовину кубинцем, запертым в теле гринго». Если вдаваться в подробности, это означает, что мать Джека, уроженка Острова свободы, умерла при родах, и ребенка вырастили и поставили на ноги отец и мачеха, ничего общего с Кубой не имевшие. Сам Гриппандо не кубинец, однако считает себя в некоторой степени «почетным кубинцем». На Кубе родился его лучший друг по колледжу, родители которого называли Гриппандо своим otro hijo — другим сыном. Весьма примечательный факт, учитывая, что будущий писатель вырос в сельской местности Иллинойса и владел только «школьным» испанским. Когда Гриппандо впервые попал во Флориду, он и понятия не имел, что кубинцы выращивают более хороший рис, чем китайцы. Или что чашечка кубинского кофе является таким же неотъемлемым атрибутом послеполуденного Майами, как грозовые тучи над национальным парком «Эверглейдс». Ему еще предстояло узнать, что если

приглашаешь хорошенькую кубинку на свидание, то все ее семейство будет дожидаться твоего появления у парадной двери дома. Короче говоря, Гриппандо, как и Джек Свайтек, был обычным гринго, вдруг обнаружившим, что с головой погрузился в кубинскую культуру.

В романе «Не вижу зла» («Hear No Evil»), четвертом из серии о Джеке, Свайтек совершает путешествие на Кубу с целью выяснить подробности о своих корнях, но немедленно вовлекается в историю, связанную с убийством на военно-морской базе США в Гуантанамо*. Гриппандо очень гордится своими исследованиями, предпринятыми в процессе написания романа. В то время было практически невозможно вести разговор о базе в Гуантанамо без того, чтобы на первое место не вышли споры о статусе содержащихся там заключенных. Тогда-то писатель и наткнулся на информацию о разработанном сорок лет назад плане под кодовым названием «Операция "Северный лес"», который, попади он в руки человека хитроумного и обладающего преступными наклонностями, мог бы вызвать массу неприятностей.

Так и возник замысел этого рассказа.

В нем Джек и его экстравагантный приятель Тео Найт оказываются вовлечены в расследование, возникшее после взрыва на базе в Гуантанамо,— взрыва, который потряс весь мир.

---

* Гуантанамо — арендованная США после испано-американской войны 1898 года военно-морская база в кубинском заливе Гуантанамо, в 15 км от одноименного города. На базе расположена также одноименная тюрьма, многие из заключенных в которой содержатся без предъявления официальных обвинений, к ним применяются пытки. 21 января 2009 года, на 2-й день пребывания в должности, президент США Барак Обама подписал приказ о расформировании тюрьмы.

Джеймс Гриппандо

ОПЕРАЦИЯ «СЕВЕРНЫЙ ЛЕС»

Майами, Флорида
6 часов 20 минут

Джек Свайтек с силой ударил по электронному будильнику. Даже слабенькое зеленое свечение жидкокристаллического экрана отдалось болью в глазах. Однако звон продолжался. Джек протянул руку к тумбочке, схватил телефонную трубку и ответил хриплым с похмелья голосом. Звонил Тео.

— Тео кто? — переспросил Джек.

— Тео Найт, придурок.

Да, он явно еще не проснулся. Тео был его лучшим другом и «исследователем», если можно так выразиться. Он умудрялся находить все, в чем бы Джек ни нуждался, будь то последний подходящий авиарейс из Африки или же объяснение обнаженному трупу в ванне Джека, взявшемуся неизвестно откуда. Как Тео все это удается — вот что неизменно удивляло Джека; иногда он уточнял детали, чаще же предпочитал не знать. Их дружба была не совсем обычной — дружба между сыном губернатора штата, выпускником «Лиги плюща»* и не закончившим школу чернокожим из Нью-Йорка. Однако они здорово ладили между собой, если учесть, что первая их встреча произошла в камере смертников. Тео ожидал казни, а Джек был его адвокатом. Тогда Джек благодаря своей настойчивости отсрочил знакомство подзащитного с электрическим стулом на время, достаточное для того, чтобы в моду

Copyright © 2006 by James Grippando.

* «Лига плюща» — ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США.

вошли тесты на ДНК, которые и доказали в итоге невиновность Тео. И как-то так сложилось, что Тео вошел в жизнь своего бывшего адвоката. Иногда они совершали совместные поездки, а порой Джек просто с изумлением наблюдал за тем, как его приятель ухитряется прожигать жизнь.

— Послушай, старик, включи ящик,— сказал Тео.— На Си-эн-эн.

Голос его звучал очень решительно, а Джек еще не до конца проснулся, чтобы затевать спор. Он нащупал пульт и включил телевизор, стоящий в изножье кровати.

Экран заполнила нечеткая картинка вроде тех, что получаются, когда оператор снимает с вертолета погоню за преступником. На кадре была некая огороженная территория. Открытую всем ветрам местность усеивали масса небольших домиков и несколько крупных зданий. Кое-где виднелись пятна зелени, но в целом земля была сухой и безжизненной — настоящая пустыня, пригодная лишь для обитания игуан и банановых крыс. Вот только по всему периметру территория была обнесена забором. Многими милями забора. Местность рассекали, подобно крошечным шрамам, однополосные и двухполосные дороги, по которым сплошным потоком двигались автомобили, с такой высоты кажущиеся игрушечными. На заднем плане к небу поднимались огромные черные клубы дыма, напоминавшие гигантскую грозовую тучу.

— Что там происходит? — осведомился Джек.

— Это военно-морская база в заливе Гуантанамо,— сообщил Тео.— Дело касается твоего клиента.

— Моего клиента? Которого?

— Ненормального.

— Можно подумать, мне так стало понятнее,— проворчал Джек.

— Того гаитянского святого.

Джек не стал утруждать себя разъяснениями, что тот парень на самом деле никакой не святой*.

---

* Сен (Saint) в фамилии клиента Джека переводится с французского как «святой».

— Ты имеешь в виду Жана Сен-Пре? Что он наделал?

— Наделал? — усмехнулся Тео.— Да он устроил пожар на этой гребаной базе.

Залив Гуантанамо, Куба
6 часов 35 минут

Лагерь «Дельта» ярко пылал, словно второе солнце, взошедшее над горизонтом. Черные клубы дыма рождались на земле в бушующем неистовом горниле и все выше поднимались в небо причудливыми башнями. Легкий ветерок, дующий с перевала Уиндворд, пожалуй, только ухудшал дело. Он был слишком слабый, чтобы разогнать дым, но достаточно сильный, чтобы накрыть мрачной пеленой всю юго-восточную часть военно-морской базы США в заливе Гуантанамо.

Майор Фрост Йоргенсон сидел на пассажирском кресле «хаммера», принадлежащего ВМФ США. Несмотря на плотно закрытые окна, в салон проникал дым, заставляя глаза слезиться.

— Невероятно,— заметил майор, когда машина подъезжала к лагерю.

— Да, сэр,— согласился водитель.— В жизни не видел такого пожара!

Майор Йоргенсон был на базе человеком относительно новым. В последнее время США увеличили свое присутствие в Гуантанамо, оборудовали в лагере «Дельта» зону для временно задержанных боевиков, подозреваемых в совершении террористических актов, чья вина официально не доказана, и майор находился в числе прибывшего на остров пополнения из морских пехотинцев. Он считался богатырем даже по стандартам военно-морского флота. Четыре года игры за футбольную команду университета Грэмблинг еще до армии приучили его к дисциплине, а старые привычки не так-то просто забыть. До рассвета майор уже успел пробежать две мили и сделать двести упражнений на пресс из положения лежа. Он как раз выходил из душа, растираясь полотенцем, когда раздался телефонный звонок с первой пожарной станции. Взрыв в лаге-

ре «Дельта». Возможны жертвы. Пожарные расчеты отбыли на место. Подробностей пока нет. И почти сразу начались звонки от старших офицеров; один — от самого бригадного генерала, который возглавлял программу по размещению и содержанию заключенных. И все требовали немедленного отчета о случившемся.

Солдат, дежуривший на КПП лагеря «Дельта», помахал им рукой.

— Невероятно,— произнес майор, несколько смутившись тем, что повторился, но в данных обстоятельствах это слово казалось наиболее уместным и вырвалось непроизвольно.

«Хаммер» притормозил, и из него стали выпрыгивать солдаты, на ходу натягивая противогазы. Йоргенсон мгновенно ощутил, как на него накатила волна удушающего жара, словно он беспечно швырнул спичку в кучу пропитанных бензином угольных брикетов. Он инстинктивно поднес руку к лицу, которое плотно облегала маска противогаза. Спустя несколько мгновений стало легче, однако видимость только ухудшилась. Впечатление было такое, будто он оказался в густом сумрачном тумане. Лучи солнца, еще не успевшего подняться высоко, не могли рассеять дым от пожара.

Йоргенсон вытащил из бардачка фонарик и, переступая через раздувшиеся пожарные шланги и образовавшиеся в результате взрыва обломки, быстро пошел на передовую, где борьбу с огнем вела команда второй пожарной станции. В густом ядовитом дыму он разглядел только три пожарные машины, стоящие рядышком, хотя, несомненно, где-то здесь во мраке должны были находиться и другие. По крайней мере, майор на это надеялся. И снова невыносимый жар укутал его, будто одеялом, но хуже этого была звеневшая вокруг какофония: треск раций, вой сирен, крики людей. И все это перекрывал шум самого пожара — огромные языки пламени издавали весьма необычный звук: странное и ошеломляющее сочетание ревущих волн и хлопающей на ветру гигантской мокрой простыни.

— Берегись!

Прямо над его головой пролетела, изогнувшись дугой, струя воды, вырвавшаяся из водомета огромного желтого грузовика. Это была одна из нескольких дислоцировавшихся на базе трехтысячегаллоновых пожарных машин, какие обычно дежурят в аэропортах и способны заливать пламя со скоростью сто шестьдесят пять галлонов воды в минуту. Но сейчас это казалось ничтожным количеством.

— Дорогу!

Мимо майора молниеносно прокатили носилки на колесиках. Он успел заметить обуглившуюся кожу лежащего на них человека, а также руки и ноги несчастного, которые перекрутились и скрючились, словно сделанные из пластмассы. Повинуясь импульсу, Йоргенсон бросился следом и сменил одного из кативших носилки — тот явно находился на грани нервного срыва.

— Господи,— выдохнул майор.

Но еще большее потрясение ожидало его, когда человек, направляющий носилки, проскочил мимо фургона «скорой помощи» и побежал за машины, к сваленным в ряд человеческим останкам. Йоргенсон почувствовал, что не может больше выносить это зрелище. Тем временем обгоревший труп бросили на асфальт рядом с другими.

— Сюда, господин майор!

Он обернулся и увидел начальника пожарного расчета, машущего рукой в сторону одной из пожарных машин. Тут как тут возник солдат и сменил командира у носилок. Майор похвалил его и поспешил к начальнику расчета, который уже скрылся в кабине. Едва дверь захлопнулась, майор стянул противогаз и стал жадно глотать воздух.

Офицер пожарной службы, весь покрытый копотью, скептически взглянул на Йоргенсона.

— При всем моем уважении, сэр, что вы здесь делаете?

— То же, что и вы,— отозвался Йоргенсон.— Все так плохо, как кажется на первый взгляд?

— Возможно, даже хуже, сэр.

— Сколько пострадавших?

— Судьба шестерых морских пехотинцев неизвестна. Одиннадцать ранены.

— А заключенные?

— Проще сосчитать, сэр, сколько осталось в живых.

— И сколько?

— Пока мы не нашли ни одного.

Майор почувствовал тяжесть в желудке. Ни одного. Ни одного выжившего. Жуткий итог. И хуже всего то, что придется это как-то объяснять всему миру.

Пожарный смахнул пепел с уголка глаза и добавил:

— Сэр, мы делаем все возможное, чтобы справиться с этим пожаром. Но если вы дадите хоть какую-нибудь информацию, из-за чего он начался, нам это здорово пригодится.

— Крушение самолета,— сообщил майор.— Это все, что нам пока известно. Гражданская «сессна».

В этот самый момент группа из нескольких F-16 с ревом пронеслась над местом трагедии. Истребители ВМФ США барражировали в небе над базой с момента нарушения «сессной» воздушного пространства.

— Э, гражданский самолет? Наверное, это не мое дело, но как такое могло произойти?

— Вы правы. Это не ваше дело.

— Да, сэр. Однако ради безопасности моих людей я все же спрошу: есть ли на территории этой зоны что-то такое, о чем нам следует знать? Ну, то есть взрывчатые вещества или зажигательные средства...

— Это место для содержания заключенных. Не более того.

— Чертовски большой фейерверк для одного гражданского самолетика, врезавшегося в зону для заключенных.

Майор снова посмотрел через ветровое стекло на бушующий пожар. Ему нечего было ответить.

Молчание нарушил пожарный:

— Вы можете подумать, что у меня не все дома, сэр, но я немного разбираюсь в пожарах. В маленьком частном самолете, даже если он и врезался в здание, и близко нет столько топлива, чтобы начался такой адский пожар. Эти тела, которые мы вытаскиваем оттуда... речь не идет о третьей степени

ожогов. Процентов восемьдесят пять, даже девяносто из них — четвертая и пятая степень. Некоторые сгорели прямо до костей. И этот запах повсюду в воздухе. Запах бензина.

— На что вы намекаете?

— Сэр, я узнаю напалм, когда вижу его.

Йоргенсон отвел взгляд от пожара за окном, вытащил из кармана мобильный телефон с кодированной связью и набрал номер своего непосредственного начальника.

Майами, Флорида
7 часов 02 минуты

Джек прибавил громкость, пытаясь разобрать, о чем с пулеметной скоростью тараторит телеведущая, изо всех сил старающаяся сохранить невозмутимый вид.

— Сейчас вы в прямом эфире наблюдаете за тем, что происходит на военно-морской базе США в заливе Гуантанамо. У нас пока нет подтверждения от властей, но Си-эн-эн получила неофициальную информацию о том, что на рассвете на базе прогремел взрыв. Сильный пожар бушует до сих пор, но мы не можем послать туда наших операторов, которые сняли бы происходящее с близкого расстояния, поскольку военные Соединенных Штатов и Кубы усилили буферную зону вокруг базы. Со мной на связи по телефону военный аналитик Си-эн-эн Дэвид Полк, отставной офицер ВМФ, служивший командиром базы в Гуантанамо. Мистер Полк, вы видите на экране то же, что и миллионы зрителей. Вы можете как-то прокомментировать эти кадры?

— Вы, наверное, заметили, Дебора, что база достаточно большая. Ее площадь около сорока пяти квадратных миль; она находится на юго-восточной оконечности Кубы, примерно в четырехстах воздушных милях* от Майами. Остановлюсь немного на истории базы. Соединенные Штаты контролируют эту территорию со времен испано-американской войны; само существование военной базы на Кубе служит источником по-

* Воздушная (международная) миля — единица расстояния в воздухоплавании, равная 1853 метрам.

стоянных трений с правительством Фиделя Кастро с тех пор, как он пришел к власти. Никто не отрицает, что это кубинская земля. Но из стратегических соображений США держались и будут держаться за этот важнейший объект, основываясь на договоре семидесятилетней давности, который, по существу, позволяет нам оставаться там столько, сколько мы захотим.

— Мы продолжаем обсуждать взрыв на военной базе. Скажите, что-нибудь подобное случалось в Гуантанамо раньше?

— Нет. Разумеется, с годами напряженность росла и достигла пика в начале шестидесятых, во времена операции в заливе Свиней и Карибского кризиса*, а потом еще раз в девяносто четвертом году, когда в Гуантанамо были заключены шестьдесят тысяч беженцев с Кубы и Гаити. Но никаких взрывов никогда не было.

— Что могло послужить причиной взрыва и пожара, который за ним последовал?

— На эту тему можно спекулировать сколько угодно. Давайте дождемся официальной информации.

— Вы можете уточнить место пожара? Какую часть базы он затронул?

— Основную базу. Дело в том, что Гуантанамо, по сути, двойная база. Аэродром расположен на западной, подветренной стороне. Основная же база находится восточнее и отделена водным пространством шириной в две с половиной мили — заливом Гуантанамо. В верхнем левом углу ваших экранов можно разглядеть кусочек залива.

---

* Операция в заливе Свиней («операция на Плайя-Хирон», или «высадка в заливе Кочинос») — военная операция, предпринятая правительством США с целью свержения Фиделя Кастро. Началась 15 апреля 1961 года с бомбардировки аэродромов ВВС Кубы и продолжилась высадкой десанта, состоявшего из кубинских эмигрантов, прошедших подготовку в центрах ЦРУ. Благодаря решительным действиям кубинского руководства, а также поддержке Фиделя Кастро со стороны Советского Союза операция закончилась полным провалом. Позднее правительство США выкупило пленных за 62 миллиона долларов. Карибский кризис — противостояние между СССР и Соединенными Штатами относительно размещения Советским Союзом ядерных ракет на Кубе в октябре 1962 года.

— А какая часть основной базы горит?

— Южная часть, известная как Радиозона. Ее так назвали из-за высокой радиоантенны, которую вы также можете видеть на экране. Замечу, что огонь, кажется, сосредоточился в месте, которое является не чем иным, как лагерем «Дельта». Это недавно появившаяся сверхсекретная зона для содержания заключенных.

— Если не ошибаюсь, лагерь «Дельта» построили для содержания лиц, подозреваемых в совершении террористических актов?

— Согласно принятой терминологии, их называют боевиками. Поначалу туда отправляли лишь подозреваемых в связях с всемирной террористической организацией «Аль-Каеда». Однако в последнее время Соединенные Штаты расширили понятие «боевик». В результате в лагере «Дельта» нынче находятся и наркобароны, и повстанцы из Южной Америки, подозреваемые в совершении военных преступлений в Чечне, и похитители детей, и разные бандиты из Камбоджи, а также множество других лиц, которые соответствуют определению «боевик», принятому Министерством обороны во все ширящейся войне с терроризмом.

— Правовой статус этих заключенных стал настоящим больным местом для президента Хау.

— Это еще мягко сказано. Не нужно забывать, что ни одному из заключенных в лагере «Дельта» не было предъявлено обвинение в совершении преступления. Ни одному. Это возвращает нас к тому, о чем я уже говорил: база находится на кубинской земле. Министерство обороны успешно доказало Федеральному суду Соединенных Штатов, что база не является суверенной территорией и поэтому заключенные не имеют прав, гарантированных нашей Конституцией. С точки зрения Белого дома военные могут удерживать заключенных сколь угодно долго. Однако со стороны мирового сообщества все настойчивее раздаются требования к властям США или предъявить заключенным в Гуантанамо конкретные обвинения, или отпустить их.

— Я уверена, что некоторые из содержащихся там лиц очень опасны.

— Даже самые радикально настроенные советники президента по борьбе с терроризмом начинают беспокоиться по поводу растущего в мире недовольства тем, что заключенных содержат под стражей без предъявления обвинений. С другой стороны, вы абсолютно правы: некоторые из этих парней действительно входят в число самых опасных людей на планете. Так что для правительства лагерь «Дельта» — как пороховая бочка.

— Которая сегодня взорвалась в буквальном смысле слова.

— Возможно, для президента Хау в его второй срок это будет самой серьезной проблемой из всех существующих: как быть с боевиками, которых мы схватили и заключили под стражу, не предъявив никаких официальных обвинений?

— Со стороны может показаться, что кто-то нашел решение этой проблемы.

— Я вовсе не подразумевал этого, но...

— Мистер Полк, спасибо, что согласились побеседовать с нами. Сразу после короткой рекламы Си-эн-эн продолжит делиться новостями о пожаре на военно-морской базе США, расположенной на Кубе в заливе Гуантанамо, и покажет новые кадры с места происшествия.

Убрав звук у телевизора, Джек произнес в телефонную трубку:

— Ты еще здесь?

— Ага,— отозвался Тео.— Ты можешь поверить, что он сделал это?

— Сделал что?

— Они же сказали: это была «сессна». Проснись, старик. Это операция «Северный лес».

В дверь застучали тем особенным стуком, по которому безошибочно определяются представители властей.

— Открывайте! ФБР!

Джек сжал трубку.

— Тео, кажется, одному адвокату понадобится помощь коллеги.

Снизу, от входной двери, раздался грохот, и в следующее мгновение Джек понял, что члены команды SWAT* вломились в его дом. Он услышал, как они прошли через холл. И вот ворвались в спальню.

— На пол! — заорал кто-то.— На пол! Быстро!

Свайтек инстинктивно подчинился. Он никогда не претендовал на титул самого хитроумного адвоката на свете, но был достаточно догадлив, чтобы понимать: если шестеро парней в полном снаряжении SWAT влетают на рассвете в твою спальню, наверняка у них к тебе серьезное дело. Поэтому он справедливо решил отложить неуместную здесь и сейчас речь о гражданских свободах до другого раза, возможно, когда не будет лежать, уткнувшись лицом в ковер, и автоматические винтовки не будут приставлены к затылку.

— Где Джек Свайтек? — рявкнул один из вооруженных людей.

— Я Джек Свайтек.

Последовала пауза, во время которой старший команды, очевидно, доставал фотографию и убеждался в истинности заявления Джека. Наконец он скомандовал:

— Отпустите его, ребята.

Хозяин дома поднялся и присел на краешек кровати. На нем были надеты спортивные шорты и футболка «Майами долфинс»** — своего рода пижама. Бойцы команды SWAT отступили назад. Старший направил ствол винтовки вниз и представился агентом Маттой, ФБР.

— Прошу прощения за вторжение,— извинился он.— Мы получили информацию, что вам угрожает опасность.

— Информацию? От кого?

— Анонимную.

К этому ответу Джек отнесся с недоверием. Как-никак он был адвокатом по уголовным делам.

---

* SWAT (*англ.* Special Weapons And Tactics) — специальные боевые подразделения американских полицейских департаментов, предназначенные для выполнения опасных операций.

** «Майами долфинс» — профессиональная футбольная команда.

— Нам нужны кое-какие сведения о вашем клиенте Жане Сен-Пре. Он действовал один?

— Если он натворил еще что-то, то я не в курсе.

— Оставьте это для зала суда,— отмахнулся Матта.— Мне необходимо выяснить, есть ли другие самолеты.

Вдруг Джек сообразил, в чем причина вторжения.

— О чем вы?

— Ваш клиент, насколько нам известно, в последнее время летал через перевал Уиндворд.

— Да. Он гаитянин. Люди, пытающиеся бежать с острова, часто гибнут в пути. Он летает с гуманитарной миссией, выискивает людей, затерявшихся в море.

— Насколько хорошо вы с ним знакомы?

— Он просто мой клиент. Мы встретились десять лет назад, когда я вел дело иммигрантов pro bono*. Послушайте, вы, кажется, знаете больше меня. Вы уверены, что это он?

— Думаю, вы подтвердите это, когда прослушаете запись переговоров авиадиспетчера с пилотом.— Матта вытащил из внутреннего кармана компакт-диск и добавил: — Запись слегка подредактировали, чтобы занимала меньше места, но все самое главное осталось.

Как и любой другой человек, который оказался бы на его месте, Джек сгорал от любопытства: замешан ли в деле его клиент? Жив он или мертв?

— Давайте послушаем,— согласился он.

Матта вставил диск в магнитолу. После нескольких секунд абсолютной тишины в колонках сквозь треск помех раздался голос:

— Диспетчерская служба аэродрома базы ВМФ США в заливе Гуантанамо, Куба, вызывает неопознанный борт, следующий курсом один-восемь-пять. Назовите себя.

---

* Pro bono (от *лат.* pro bono publico — ради общественного блага) — оказание профессиональной помощи благотворительным, общественным и иным некоммерческим организациям, а также частным лицам, которые не могут подобную помощь оплатить.

Пауза. Авиадиспетчер с башни повторил сообщение. Наконец откликнулся мужской голос, едва различимый, хотя креольский акцент спутать было невозможно.

— Вас понял.

— Это Жан,— сказал Джек.

Голос диспетчера продолжал:

— Вы входите в зону, запрещенную для полетов. Назовите себя.

Тишина в ответ.

— В воздух подняты истребители. Повторяю: назовите себя.

Джек подошел ближе к магнитоле и максимально напряг слух. Впечатление было такое, что его клиент испытывал затруднения с дыханием.

Голос авиадиспетчера звучал все настойчивее:

— Неопознанный борт, ваш транспондер передает код семь-семь два нуля. У вас чрезвычайная ситуация?*

И вновь молчание, затем новый голос:

— Гуантанамо, это «Мустанг».

Перегнувшись через стол, Матта нажал на «паузу» и пояснил:

— Пилот истребителя.

Запись возобновилась.

— Видим его. Белая «Сессна сто восемьдесят два» с синими полосами. Идентификационный номер: Ноябрь-два-шесть-Гольф-Майк. На борту один пилот. Пассажиров нет.

Диспетчер:

— Ноябрь-два-шесть-Гольф-Майк, пожалуйста, подтвердите код семь-семь два нуля. Вы терпите бедствие?

— Подтверждаю.

---

* Транспондер — приемопередающее устройство, посылающее сигнал в ответ на принятый сигнал. Транспондеры используются в авиации для опознавания сигналов на экране радара и идентификации «свой — чужой». Большинство авиационных транспондеров способны передавать информацию о типе, высоте и скорости воздушного судна и четырехзначный идентификационный код ответчика. Код 7700 означает, что на воздушном судне случилась чрезвычайная ситуация.

— Назовите себя.

— Жан Сен-Пре.

— Что у вас произошло?

— *Я... я думаю, у меня сердечный приступ.*

— «Мустанг», продолжаете его наблюдать?

— Так точно. Кажется, пилот навалился на штурвал. Идет на автоматике.

— Ноябрь-два-шесть-Гольф-Майк, вы вошли в зону, запрещенную для полетов. Вы поняли меня?

Снова молчание.

— Это «Мустанг». В воздухе МиГи. Засек двоих. Приближаются по азимуту двести сорок, запад-северо-запад.

Посмотрев на Джека, Матта прокомментировал:

— Это кубинские истребители. Появление частного самолета в воздушном пространстве Кубы не приветствуется.

Запись продолжилась; диспетчер произнес:

— Ноябрь-два-шесть-Гольф-Майк, вы запрашиваете разрешение на посадку?

— Да,— выдавил Жан напряженным голосом.— Я не могу вернуться.

Следом раздалась испанская речь, и у Джека мурашки побежали по коже от того, что он услышал.

— Внимание! Вы вторглись в воздушное пространство Республики Куба. Это первое и последнее предупреждение. Немедленно берите обратный курс, или будете сбиты как вражеское воздушное судно.

Снова диспетчер:

— Ноябрь-два-шесть-Гольф-Майк, вам нужно изменить курс на два-двадцать, юг-юго-запад. Покидайте кубинское воздушное пространство и входите в воздушный коридор Соединенных Штатов. Вы поняли меня?

Матта снова остановил запись и объяснил Джеку:

— Там есть такой узкий коридор, предназначенный для американских самолетов, когда они прилетают на базу или покидают ее. Диспетчер пытается направить Сен-Пре в безопасную зону.

Опять зазвучала запись.

— Ноябрь-два-шесть-Гольф-Майк, вы поняли меня?

Но Сен-Пре не успел ответить. Вновь послышалась команда на испанском языке:

— Немедленно берите обратный курс, или будете сбиты как вражеское воздушное судно.

— Ноябрь-два-шесть-Гольф-Майк, вы поняли меня?

— Он подает сигналы рукой,— вмешался пилот истребителя.— Наверное, он не может говорить.

Диспетчер:

— Ноябрь-два-шесть-Гольф-Майк, уходите на курс два-двадцать, юг-юго-запад. Равняйтесь на ведущий F-шестнадцать. Он сопроводит вас до аэродрома. Посадку на базе Гуантанамо разрешаю.

Джек рассеянно перевел взгляд в окно. Он мысленно представлял себе драму, разыгравшуюся в кубинском небе.

— «Мустанг», доложите обстановку.

— Находимся в коридоре. Цель сзади, идет на автопилоте.

— Есть визуальный контакт с бортом?

— Да. Я сейчас у него на крыле. Тот уход от МиГов лишил его последних сил. Боюсь, он вот-вот потеряет сознание. У нас критическая ситуация.

— Ноябрь-два-шесть-Гольф-Майк, пожалуйста, подайте сигнал нашему пилоту, что вы в сознании и слышите меня.

После длительного молчания пилот истребителя сообщил:

— Есть! Он подал сигнал.

Диспетчер:

— Вам разрешено совершить посадку на полосе номер один. Вас окружают четыре истребителя, они имеют санкцию немедленно открыть огонь в случае отклонения от указанного курса. Вы поняли меня?

Снова тишина, затем слова «Мустанга»:

— Он понял.

— Хорошо. «Мустанг», ведите его.

После тридцатисекундного молчания диспетчер подал голос:

— «Мустанг», как ваш ведомый?

— С нашим другом все должно быть в порядке. Приближается к южной оконечности основной базы.

Пользуясь очередной паузой в переговорах, Матта пояснил:

— Основная база находится к востоку от аэродрома. Они должны были пройти над основной базой, перелететь через залив и там приземлиться.

— Эй! — воскликнул «Мустанг».— Цель в пике.

— Ноябрь-два-шесть-Гольф-Майк, примите управление!

— Все еще в пике! — крикнул «Мустанг».

— Примите управление!

— Без изменений.

— Ноябрь-два-шесть-Гольф-Майк, последнее предупреждение! Примите управление судном, или мы открываем огонь!

— Он направляется прямо к лагерю «Дельта»!

— Стреляйте при первой возможности!

В колонках раздался пронзительный визг, и все стихло.

Матта остановил запись и произнес будничным тоном:

— Вот так.

Он медленно обошел вокруг стола и вернулся на прежнее место — в кресло с высокой спинкой.

Джек сидел, не в силах пошевелиться. Нет, он не был особенно близок с Сен-Пре, но тем не менее известие о произошедшей трагедии расстроило его.

— У мистера Сен-Пре были проблемы с сердцем? — прервал его раздумья Матта.

— Ничего не знаю об этом. Но у него нашли рак поджелудочной. Врачи давали ему от силы несколько месяцев.

— Он никогда не обсуждал идею самоубийства?

— Не со мной.

— У него бывали депрессии, приступы гнева?

— А у кого их не бывает? Ему было всего шестьдесят три. Но это вовсе не значит, что он умышленно врезался на самолете в лагерь «Дельта».

— Как по-вашему, имелись ли у него какие-либо причины ненавидеть правительство Соединенных Штатов?

Свайтек заколебался, что не укрылось от Матта.

— Послушайте, я понимаю, вы его адвокат, вы владеете конфиденциальной информацией. Но ваш клиент погиб, и вместе с ним погибли шесть американских морских пехотинцев. Не говоря уже о множестве заключенных. Нам необходимо выяснить, что там случилось.

— Все, что я могу вам сообщить по этому поводу: Сен-Пре был не в восторге от того, как правительство обращается с беженцами из Гаити. Считал, что мы ведем политику двойных стандартов в зависимости от цвета кожи. Не подумайте, я не пытаюсь здесь толкать проповеди а-ля Джесси Джексон*, но вы же помните поговорку: «Коль ты ниггер — вали обратно в Нигер».

— Могло ли это так сильно на него повлиять, что он решил взорвать американскую военную базу?

— Не знаю.

— Нет, знаете, как мне кажется,— неожиданно резко заявил Матта; внезапно он оказался перед Джеком и приблизил к нему лицо.— Уверен, что сердечный приступ был хитростью. По-моему, это заранее обдуманное и спланированное самоубийство человека, которому осталось жить меньше полугода. И я подозреваю, что только вы сможете пролить свет на то, как найти тех, кто помог Сен-Пре организовать эту атаку. В том числе материально.

— Это просто смешно,— заметил Джек.

— И вы хотите меня убедить, что он не упоминал при вас ни о каких планах? Не называл никаких организаций?

Джек уже собирался высказаться в том духе, что не может ответить на эти вопросы, даже если бы и хотел, что все его беседы с клиентом — пусть даже ныне мертвым клиентом — являются сугубо конфиденциальными. Но тут он вспомнил слова, которые обронил Жан не в приватной обстановке. Это

---

* Джесси Джексон — американский общественный деятель, правозащитник, один из самых влиятельных религиозных лидеров среди афроамериканцев США. Дважды выставлял свою кандидатуру на президентских выборах.

слышал не только Свайтек, но и Тео, и еще с полдюжины пьяниц в баре Тео, так что Джек не считал себя обязанным молчать.

— Он как-то упомянул об операции «Северный лес».

Лицо агента приобрело пепельно-серый оттенок. Он повернулся, вышел в соседнюю комнату и что-то быстро заговорил в свой мобильник с кодированной связью.

Две недели спустя, 7 часов 40 минут

Бар «Спарки» находился на шоссе 1 к югу от Хоумстеда и был одной из последних забегаловок в этой местности, все еще носящей следы разрушений, причиненных ураганом «Эндрю» в 1992 году,— дальше трассу встречало все великолепие островов Флорида-Кис*. Бар устроили в помещении бывшей заправки; полы были так заляпаны пролитой выпивкой, что даже сотрудники Агентства по охране окружающей среды не могли определить: эти пятна остались здесь от горючих жидкостей в период существования заправки или появились позже. Оборудование, запачканное маслом, давно вывезли, но двери сохранили с прежних времен. Внутри имелись длинная деревянная стойка, телевизор, вечно настроенный на канал И-эспи-эн, и нескончаемая куча четвертаков на бильярдном столе. Пиво здесь подавалось в банках, и пустые жестянки утилизировались в фирменном стиле «Спарки»: их сминали в стоявших на верстаке старинных тисках. Джек с удовольствием посещал бы сие заведение, располагайся оно рядом с домом; сейчас же ему пришлось сорок минут ехать на машине с одной-единственной целью: барменом в «Спарки» работал Тео Найт. И в данную минуту он угощал Джека текилой.

— Еще одну, приятель?

— Нет, благодарю,— отказался Свайтек.

— Давай. Выпей хоть одну без соли и лайма,— не отставал Тео, убирая означенные ингредиенты с барной стойки.

---

* Флорида-Кис — архипелаг, представляющий цепь коралловых островов и рифов на юго-востоке США.

Но мысли Джека витали где-то далеко.

— Сегодня,— произнес он,— я встретил одного военного в отставке, который уверял меня, что ему известно все об операции «Северный лес».

— Эй, может, он также знает все о зубной фее и пасхальном кролике?

— Он работал в Пентагоне при Кеннеди.

Тео налил очередную порцию, однако Джек к ней даже не притронулся.

— Эй, поговори со мной! — воскликнул Тео.

— Он показал мне один меморандум, который на протяжении многих лет имел гриф «совершенно секретно». Его рассекретили несколько лет назад, но он почему-то не удостоился внимания прессы, несмотря на интригующее название: «Обоснование американского военного вторжения на Кубу». Объединенный комитет начальников штабов представил его на рассмотрение Минобороны через несколько месяцев после операции в заливе Свиней. Никто не отрицает, что такой меморандум существовал, однако бывший министр обороны Макнамара* публично заявил, что никогда его не видел. Так или иначе, в меморандуме в общих чертах обрисован план под названием «Операция "Северный лес"».

— То есть операция «Северный лес» не выдумка? Папа Пол тогда не перебрал колес?

— Идиот, его звали Сен-Пре. И это был просто меморандум, а не план реальной операции. Идея заключалась в следующем: американские военные инсценируют теракты на базе в Гуантанамо и обвинят в них кубинские власти, что даст повод к объявлению войны Кубе.

— Пошел ты.

— Серьезно. И начало предлагалось такое: сочувствующие американцам кубинцы, переодетые в форму кубинской армии, учиняют беспорядки на базе: подрывают боеприпа-

---

* Роберт Стрэйндж Макнамара (1916–2009) — американский предприниматель и политик-демократ, министр обороны США в 1961–1968 годах (при Джоне Кеннеди и Линдоне Джонсоне).

сы, устраивают пожары, сжигают самолет, организовывают диверсию на стоящем в гавани корабле и топят судно возле входа в гавань.

— Хм, напоминает сценарий дешевого боевика.

— Все намного круче, хотя как посмотреть. Там шла речь о том, что надо устроить второе «Помни "Мэн"!», то есть взорвать один из собственных кораблей в заливе Гуантанамо и обвинить во всем Кубу*.

— Но как они собирались обойтись без гибели своих же солдат?

— А они и не собирались. Об этом прямо говорится в меморандуме. Я глазам своим не поверил! К примеру, одна из фраз: «Списки погибших в американских газетах вызовут волну всеобщего негодования».

Тео поморщился — но, возможно, дело было в текиле.

— Так ведь в действительности они ни хрена из этого не осуществили?

— Нет. У кого-то в Пентагоне хватило здравого смысла. Однако я вот что думаю: не хотел ли Жан таким образом сказать нам что-то о новой операции «Северный лес»?

По-видимому ухватив нить рассуждений, Тео кивнул.

— Крушение самолета на базе, несколько американских граждан в числе погибших — и вуаля! Животрепещущий вопрос о том, что делать с шестьюстами террористами, наконец разрешен. Как будто их и не было никогда, верно?

— Угу. Как будто и не...

---

* Вечером 15 февраля 1898 года при невыясненных обстоятельствах взорвался и затонул на рейде Гаваны броненосный крейсер флота США «Мэн». При взрыве погибло 260 человек — почти весь экипаж судна, кроме офицеров. США возложили вину за взрыв на Испанию, которой тогда принадлежала Куба. Хотя причастность правительства или вооруженных сил Испании к взрыву не получила подтверждения в ходе расследования, этот инцидент послужил поводом к началу испано-американской войны. Точная причина взрыва так и не была установлена, хотя доказано, что взрыв в любом случае произошел изнутри, а не снаружи корабля. «Помни "Мэн"!» стало девизом вооруженных сил США в грядущей войне с Испанией.

Джек не окончил фразу: на экране телевизора появился президент Линкольн Хау.

— Прибавь-ка звук, приятель.

Забравшись на барный стул, Тео настроил громкость. Президент Хау выступал с вечерним обращением к нации. Он стоял перед микрофоном, распрямив широкие плечи; его голос был сильным и уверенным, ни на миг не позволяющим усомниться в весомости власти, которой наделен его обладатель. Мир мог только восхищаться решимостью бывшего генерала Вооруженных сил США.

— ФБР и Министерство юстиции тщательно и в короткие сроки провели расследование данного инцидента,— сообщил президент.— Их вывод не подлежит сомнению: мистер Сен-Пре действовал в одиночку. Он загрузил гражданский самолет сильными взрывчатыми веществами, создав эквивалент восьмисотфунтовой авиационной напалмовой бомбы. Симулировав тяжелое состояние, он путем обмана получил разрешение на посадку на аэродроме военно-морской базы в Гуантанамо. В соответствии с заранее продуманным планом действий он взорвал самолет, в результате чего в лагере «Дельта» вспыхнул пожар, унесший жизни шестерых морских пехотинцев армии США, а также свыше шестисот заключенных. Многие получили ранения. Разумеется, наши молитвы обращены к жертвам и членам их семей. Мы скорбим вместе с ними. Отмечу также, что скорость, с которой мы раскрыли дело, демонстрирует нашу готовность преследовать как отдельных террористов, так и террористические группировки, за какой бы преступной личиной они ни скрывались, независимо от того, являются ли их мишенью американские солдаты, мирные граждане или даже иностранные боевики, которых Соединенные Штаты на законных основаниях арестовали и заключили под стражу.

Президент сделал паузу, словно давая себе немного передохнуть перед заключительными словами, затем сузил глаза и продолжил:

— Вы должны правильно оценивать ситуацию. Хотя большинство погибших являлись боевиками, находящимися под

стражей, эту атаку на базу Гуантанамо следует расценивать как атаку на демократию, атаку на Соединенные Штаты Америки. Со смертью мистера Сен-Пре, однако, справедливость восторжествовала. Благодарю вас. Спокойной ночи. И да хранит Господь Америку.

Джек не отрываясь смотрел на экран. Президент Хау сошел с подиума; журналисты вскочили с мест и засыпали главу государства вопросами, но тот только помахал рукой и скрылся. На экране тут же возникли телекомментаторы, которые начали анализировать речь президента, делать из нее выводы. Джек уже не обращал на них внимания, в его голове крутились назойливые мысли. Планировалась ли в действительности операция «Северный лес»? Возможно ли, что Сен-Пре совершил то, что совершил, в качестве любезности правительству Соединенных Штатов? Или он сделал это с целью поставить администрацию президента в неудобное положение — чтобы все в мире подумали, будто это Линкольн Хау заставил его пойти на подобный шаг? Ответов на эти вопросы у Джека не было.

Или, возможно, были...

Тео выключил телевизор и произнес более саркастично, чем обычно:

— Думаю, теперь все сомнения сняты. Очередной свихнувшийся гаитянин направляет свой самолет прямо на американскую военную базу в знак протеста против иммиграционной политики Соединенных Штатов.

На эту тираду Джек поднял стакан с текилой.

— Я готов.

— К чему?

Свайтек посмотрел на лимон и солонку и твердо сказал:

— Выпить чистоганом.

Дж. А. Конрат

Дж. А. Конрат – относительно новое имя в ряду авторов триллеров. Он является создателем цикла произведений о лейтенанте Жаклин «Джек» Дэниелс – сотруднице чикагской полиции, женщине средних лет, которая специализируется на поимке серийных убийц. Дебютный роман Конрата «Виски с лимоном» представляет собой уникальное сочетание моментов, леденящих душу, и моментов, вызывающих неудержимый смех. В последовавших далее «Кровавой Мэри» («Bloody Mary») и «Ржавом гвозде» («Rusty Nail») использовалась та же формула: симпатичные герои, попадающие в жуткие ситуации. По мнению Конрата, особую юмористичность серийным триллерам придают второстепенные персонажи, «спутники героя». Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. У Джек есть несколько таких «спутников», которые иногда помогают, иногда мешают ей расследовать дела об убийствах.

Финеас Траутт относится к тем, кто помогает.

Впервые он возникает в романе «Виски с лимоном» и выступает в роли человека, который разрешает любые проблемы, действуя за рамками закона; выполняет деликатные поручения за хорошую плату.

Джек точно неизвестно, чем именно Фин зарабатывает себе на жизнь. Не знает этого и сам Конрат, но полагает, что забавно было бы выяснить.

В «Эпитафии» нет каннибалов, некрофилов, режиссеров снафф-видео* и серийных убийц, как в произведениях о Джек Дэниелс. Рассказ повествует о более знакомом и обыденном зле — уличных бандах. Результат получился жестче, мрачнее и ярче, чем в романах, которые породили Фина. Здесь вы не найдете никакого сарказма и примитивных острот. Обычно Конрату доставляло удовольствие исследовать места, где прячутся тени после захода солнца, но на этот раз все по-настоящему, никаких шуток. Что за мотивы движут человеком, заставляя его отвергнуть общество и убивать из-за денег? Существует ли связь между моралью и достоинством? И самый главный вопрос: чем Фин заряжает гильзы своего модифицированного ружья «моссберг»?

Итак, начинаем отсчет трупов.

---

* Снафф-видео — в широком смысле фильмы, в которых показываются реальные убийства и пытки людей. На американском сленге слово «snuff» имеет значение «убить», «прикончить».

Дж. А. Конрат

ЭПИТАФИЯ

Существует целое искусство, как найти приключения на свою задницу.

Парни, стоявшие с обеих сторон, крепко держали меня за руки, так что я вроде как был распят. Чувак, избивавший меня, бешено замахнулся, но не принял хоть какого-то подобия стойки и не вложил в удар всю силу. Большую часть энергии он тратил на вопли и ругательства, а ведь должен был сосредоточиться на том, как бы посильнее меня изувечить.

Дилетант.

Нет, не подумайте, что я жаловался. Недостаток профессионализма он компенсировал подлостью.

Шагнув вперед, он нанес мне удар в бок. Я напряг мышцы и попытался увернуться, чтобы удар пришелся в живот, а не по более уязвимым почкам.

Когда кулак соприкоснулся с моей плотью, я резко выдохнул. На небе засверкали звезды.

Он немного отступил с намерением врезать мне по лицу. На этот раз я не стал напрягаться, а, наоборот, расслабился и, чтобы смягчить удар, откинул голову назад.

Боль все равно была чудовищной.

Я ощутил вкус крови. Понятия не имею, откуда она текла: изо рта или из носа. Возможно, отовсюду сразу. Левый глаз мгновенно заплыл.

— Hijo calvo de una perra!

«Ты, лысый сукин сын!» Да уж, оригинально. Дыхание его стало прерывистым, плечи ссутулились, лицо покрылось каплями пота.

Copyright © 2006 by Joe Konrath.

Уличное хулиганье пребывает нынче не в самой хорошей форме. Я лично виню в этом телевидение и нездоровую пищу.

Напоследок еще один удар, не удар даже, а так, шлепок по моему сломанному носу,— и меня отпустили.

Я свалился лицом вниз в воняющую мочой лужу. Все три «короля латинос» по очереди плюнули на меня и побрели из переулка, смеясь и подставляя друг другу ладони для одобрительного хлопка.

Когда они удалились на приличное расстояние, я подполз к мусорному баку и, опираясь на него, встал на ноги. В переулке было темно и тихо. Кто-то копошился под ногами.

Это крысы слизывали с земли мою кровь.

Отличное соседство!

Было чертовски больно, но я давно находился с болью на короткой ноге. Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Несколько раз подпрыгнул, покрутил руками. Кажется, обошлось без серьезных повреждений.

Что ж, мне повезло.

Я сплюнул. Кровавая слюна задержалась на распухшей нижней губе и капнула на футболку. Ухитряясь держать равновесие, я сделал несколько пробных шагов, тихонько поковылял по переулку к пешеходной дорожке и дальше к автобусной остановке на углу.

Дотащился и сел.

«Короли» отняли у меня бумажник. Там не было ни документов, ни кредиток, но имелись несколько сотен наличными. На такой случай у меня в туфле всегда запрятана пятерка. Когда подкатил автобус, тучный водитель при виде меня от удивления поднял бровь.

— Приятель, тебе нужен врач?

— У меня хватает врачей.

Он пожал плечами и принял от меня оплату.

Всю дорогу пассажиры автобуса прилагали героические усилия, стараясь на меня не смотреть. Я наклонился вперед, так чтобы кровь капала на пол, а не перепачкала окончательно одежду — на мне были мои любимые джинсы.

Когда автобус подъехал к нужной остановке, я, прощаясь, радостно помахал попутчикам рукой и неловко выбрался на улицу.

Угол Стейт и Сермак был весь залит светом — повсюду вспыхивали и гасли надписи на английском и китайском. В отличие от Нью-Йорка и Лос-Анджелеса, чайна-тауны которых — это целые города, Чайна-таун Чикаго скорее можно называть китайским квартальчиком. Проезжая по Двадцать второй, закройте на секунду глаза — и вы проскочите мимо него.

Хоть я и белый человек, но именно в Чайна-тауне нашел покой и уют, каких не встречал, живя среди англосаксов. Из-за своего диагноза я избегаю людского общества. Здесь я живу как будто в чужой стране. Ну или, по крайней мере, в отдельном квартале чужой страны.

У меня имелась комната на углу Стейт и Двадцать пятой, в отеле «Большая удача», который втиснулся между рушащимся домом с меблированными комнатами и китайской мясной лавкой. Основную прибыль отелю приносила почасовая сдача номеров, хотя лично я с трудом представлял себе более омерзительное место для встречи с девушкой. Пусть даже ты снимаешь ее так же, как снимаешь номер. В коридорах отвратительно воняло плесенью и кое-чем похуже; когда ты поднимался по лестнице, тебе на голову осыпалась штукатурка; стены были расписаны непристойными граффити. Да и само здание как-то покосилось на правый бок.

Свой номер я вообще снимал бесплатно, но с одним условием: не водить к себе наркодилеров. Я и не водил. За исключением тех, с кем сам имел дело.

Поздоровавшись с хозяином, которого звали Кенни Джен-Банг-Ко, я попросил ключ. Кенни был втрое старше меня и всегда чисто выбрит, если не считать длинных седых волос, росших из темно-коричневых родинок на щеках.

— Как другой парень? — поинтересовался он.

— Пьет пиво, купленное на мои деньги.

Кенни кивнул, будто ожидал именно такого ответа.

— Хотите пиццы?

Он указал рукой в направлении прилавка, где лежала коробка. Куски пиццы в ней были такими старыми и сморщенными, что больше напоминали чипсы «Доритос».

— Я думал, китайцы терпеть не могут фастфуд.

— Пицца к фастфуду не относится. Ее готовили полчаса. С анчоусом и красным перцем.

Тем не менее я отказался.

Чтобы попасть в свою комнату, мне надо было подняться на один скрипучий лестничный пролет. Я отпер дверь и проковылял в ванную — полюбоваться на себя любимого в висящем над раковиной треснувшем зеркале.

Увидев отражение, я охнул.

Левый глаз заплыл почти полностью, распух и напоминал спелый персик. Багровые синяки соперничали по красоте с ярко-красными припухлостями на щеках и на лбу. Нос представлял собой шар из клубничного желе. На губах и на шее запеклась кровь, кажущаяся почти черной.

Выглядело все так, словно надо мной хорошенько поработал Джексон Поллок*.

Я скинул ботинки, стянул с себя футболку и джинсы, встал под душ и включил самую горячую воду.

Было больно, но вода смыла с меня большинство дерьма.

После душа я проглотил пять таблеток тайленола, запил их хорошим глотком текилы, после чего минут десять простоял перед зеркалом, вправляя на место сломанный нос и обливаясь слезами.

У меня было немного кокса, но нюхнуть его, когда весь нос забит запекшейся кровью, не представлялось возможным. Ну а чтобы вмазаться, у меня уже не было сил. Поэтому я решил обойтись на сегодня текилой, а назавтра попробовать купить в аптеке по рецепту кодеин.

Поскольку боль мешала уснуть, я решил чуток поработать.

---

* Джексон Поллок (1912–1956) — американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма, оказавший значительное влияние на искусство 2-й половины XX века.

Воспользовавшись грязной вилкой, я приподнял возле радиатора половые доски и вытащил из тайника пластиковый мешочек, набитый небольшими серыми камушками. Гранулы по размерам и на ощупь напоминали гравий, который насыпают в аквариумы.

Положив мешочек на пол, я достал следом пресс для снаряжения патронов «Lee Load-All», линейку, упаковку пороха, несколько пыжей и коробку пустых гильз двенадцатого калибра.

Все добро я перенес на кухонный стол. Затем натянул новенькие резиновые перчатки, закрепил пресс на столешнице и в течение последующего часа аккуратно наполнял пустые гильзы. Всего десять штук. Покончив с этим, я зарядил пять патронов в «Моссберг-935» с укороченным стволом и прикладом — чтобы легче было прятать.

Нравятся мне обрезы — из них и целиться удобней, и копы отследить не могут, как отслеживают ружья и винтовки. Кроме того, ничто не вселяет в людей такой страх, как звук передергиваемого затвора, когда досылаешь патрон в патронник.

Такая работа, и другого выбора у меня не было.

К тому времени, как я закончил, сломанный нос и заплывший глаз пульсировали адской болью. Я проглотил еще пять таблеток тайленола, запил их четырьмя глотками текилы, завалился на койку и отрубился.

И увидел сон.

Он являлся каждую ночь, такой живой, что я прямо ощущал запах духов Донны. Мне снилось, что мы по-прежнему вместе, живем где-то в пригороде. Она перебирала мои волосы и улыбалась.

— Фин, нашему поставщику надо знать, что мы будем заказывать: гороховый суп или свадебный?

— Напомни еще разок, что это за свадебный суп?

— Крепкий куриный бульон с маленькими телячьими фрикадельками.

— Тебе он нравится?

— Весьма неплох. Я уже пробовала его.

— Значит, закажем свадебный суп.

Она поцеловала меня. Шутливо. Любя.

Проснулся я насквозь мокрый от пота.

Сказал бы мне кто-нибудь, что счастливые воспоминания однажды станут причиной невыносимых страданий, я бы никогда не поверил!

Однако все меняется.

Сквозь грязное стекло в комнату проникли солнечные лучи, заставившие меня невольно прищуриться. Я потянулся и поморщился, поскольку болела каждая клеточка тела. Все, за исключением левой стороны, откуда бригада врачей удалила нервы в ходе операции под названием «хордотомия». Мера эта была вынужденной. Теперь в этой части организма я ничего не чувствовал, хотя рак все так же пожирал мою поджелудочную. А к тому дню уже не только поджелудочную.

Хордотомия здорово облегчила мое существование — я мог спокойно жить, не испытывая боли. Плюс к этому я принимал «обезболивающие»: текилу, кокаин и кодеин.

Я облачился в мешковатые спортивные штаны, окровавленные спортивные туфли (с очередной пятидолларовой банкнотой внутри) и чистую белую футболку. Поверх нее надел кожаную перевязь для ружья и поместил туда «моссберг». Обрез висел прямо между лопаток стволом вверх, я с легкостью мог достать его в одну секунду, сунув правую руку назад на уровне талии. Наконец сверху я накинул черный непромокаемый плащ на пару размеров больше, чем следовало. Он надежно скрыл обрез и кожаную перевязь.

По карманам я распихал пять оставшихся заряженных патронов для «моссберга», мешочек с серыми гранулами, «Глок-21» 45-го калибра с двумя запасными обоймами и раскладной нож с шестидюймовым лезвием. Закончил я экипировку, прицепив железный ломик на ремень, специально пришитый для таких целей к подкладке плаща. И наконец вышел под лучи утреннего солнышка.

В Чайна-тауне постоянно витали запахи соевого соуса и отбросов, смешанные в различных пропорциях. Летом вонь особенно тяжело переносилась, она будто приклеивалась к

одежде и преследовала тебя повсюду. Еще и семи не пробило, а температура уже поднялась до тридцати градусов. От яркого солнца лицо начало щипать.

Мой путь пролегал по Стейт, затем по Сермак и далее на восток. Кондитерская «Синг Ланг» уже час как была открыта. Когда я возник на пороге лавки, хозяин, важный коренастый китаец по имени Ти, несколько раз моргнул, словно не веря своим глазам.

— Фин! У тебя ужасный вид!

Он обежал прилавок, чтобы поприветствовать меня. Его руки и рубашка были припорошены мукой.

— Моей маме нравится.

Ти скривился.

— Это были они? Те, кто убил мою дочь?

В ответ я коротко кивнул, и Ти повесил голову.

— Мне жаль, что из-за меня пострадал ты. Они очень плохие люди.

Я пожал плечами, и это движение отозвалось болью во всем теле.

— Я сам виноват. Был слишком беспечен.

И это еще мягко сказано. После почти недельных поисков по всему Чикаго стало ясно, что бандиты залегли на дно. Я нашел одного парня, и после недолгих дружеских уговоров он охотно поделился со мной важной информацией: убийцы Санни должны появиться в суде на слушании другого, не связанного с этим дела. Предварительные слушания проводились в «Дейли-центре». Я наведался туда и со стороны понаблюдал за парнями. Запомнил их имена и физиономии и незаметно проследил за ними до самого их схрона.

И тут я совершил непростительную ошибку: остался торчать неподалеку. Белый парень в латинском квартале неизбежно привлекает к себе внимание. А поскольку я побывал в суде, где нужно проходить через металлодетектор, то оружия при мне не было.

Тупица! Ти и Санни заслужили, чтобы на моем месте оказался кто-нибудь посообразительней.

Ти отыскал меня, услышав что-то от кого-то — как связывается со мной большинство клиентов. Финеас Траутт — человек, который может решить любую проблему. Для которого не существует чрезмерно грязной работы, гонорар которого не слишком высок.

Мы встретились на парковке через дорогу, и он поведал свою печальную и жуткую историю о том, что эти звери сотворили с его маленькой девочкой.

— Полиция палец о палец не ударяет. Подружка Санни слишком напугана, чтобы дать показания против тех отморозков.

Подружке повезло — она отделалась только десятью выбитыми зубами, шестью колотыми ранами и порванной прямой кишкой. Санни оказалась менее удачливой.

На предложенную мной цену Ти согласился безоговорочно. Не много найдется людей, которые торговались бы с наемным убийцей.

— Сегодня сделаешь работу? — спросил китаец и сунул руку под прилавок — за выпечкой.

— Угу.

— Так, как мы договаривались?

— Да, так, как мы договаривались.

Ти с поклоном поблагодарил меня, затем положил что-то в пакет и протянул мне.

— Вот. Лунный пирог* с утиными яйцами и шарики красной фасоли с кунжутом. Пожалуйста, возьми.

Я взял.

— Сообщи мне, когда найдешь их.

— Я зайду сегодня попозже. Следи за новостями. Может, увидишь такое, что тебе понравится.

Покинув кондитерскую, я направился к автобусной остановке. Ти заплатил достаточно, чтобы я мог позволить себе взять такси или даже лимузин, но пассажира такси и лиму-

* Лунный пирог — традиционное китайское блюдо, которое готовят в честь Фестиваля середины осени.

зина легко вычислить. Кроме того, я предпочел сберечь деньги для более важных вещей, таких как наркотики и шлюхи. Я каждый день стараюсь проживать так, будто он последний.

В конце концов, в моем случае это вполне оправданно.

Подошел автобус, и пассажирам вновь стоило большого труда не глазеть на меня. Путь был недолог, всего около двух миль, и вскоре я оказался в местечке, известном как Пилсен, на углу Расин и Восемнадцатой.

Гостинцы, полученные от благодарного Ти, я оставил в автобусе — пусть им порадуется какой-нибудь счастливчик,— а сам вышел в Маленький Мехико.

В нос ударил запах сальсы* и отбросов.

Народу на улице было не много — слишком рано, магазины еще закрыты, рабочий день не начался. Вывески были сплошь на испанском. Владельцы не утруждали себя переводом на английский язык. Я прошел мимо zapatos, ropa, restaurante, tiendas de comestibles, bancos, teléfonos de la célula**. А вот и тот самый переулок, в котором мне вчера хорошо наваляли. Я не стал здесь задерживаться, а продолжил путь на север, пока не оказался у дома с меблированными комнатами, где проживали трое моих amigo. Подергал входную дверь.

Странно: они не позаботились оставить ее открытой.

Серая краска потускнела и клочьями слезала со стен, зато дверь была из алюминия, с солидным врезным замком. Однако со вчерашнего визита я запомнил, что дверной косяк деревянный и порядочно прогнивший. Вытащив из-под плаща ломик, я украдкой окинул взглядом улицу и в одно мгновение отпер дверь — быстрее, чем при помощи ключа. Трухлявое дерево под ломиком скрипело и крошилось.

«Короли» занимали комнаты в цокольном этаже слева от входа; окна смотрели на улицу. Накануне вечером я насчитал компанию из семерых — пятеро мужчин и две женщины,—

---

* Сальса — классический мексиканский соус.

** Обувь, одежда, ресторан, продуктовый магазин, банк, сотовые телефоны.

включая и нужную мне троицу. Конечно, в доме могут находиться и другие люди, которых я не заметил.

Что ж, тем будет интереснее.

Дверь, ведущая в комнату, в отличие от входной, вызывала лишь улыбку. Очевидно, парни считали, что коль они члены банды, то и сам черт им не брат и можно пренебречь мерами предосторожности.

Они ошибались.

Я достал «глок» и попытался восстановить дыхание. Вламываться в чужую квартиру нереально страшно. Уж можете мне поверить.

Один сильный удар — и дверь распахнулась настежь.

Первым делом я увидел парня, прикорнувшего на диване перед телевизором. Не из тех, кого я разыскивал. Он проснулся и уставился на меня. Мне понадобилась сотая доля секунды, чтобы разглядеть на тыльной стороне кисти татуировку, обозначающую принадлежность к банде: корону с пятью зубцами.

Я выстрелил ему прямо в лоб.

Если звук выбиваемой двери и не поднял всех на ноги, то уж выстрел из пистолета 45-го калибра, эхом прогремевший в маленькой комнате, прервал даже самый чуткий сон.

Движение справа. В дверях кухни появилась женщина в трусиках и майке. Слишком много косметики на лице и жира на теле.

— Te vayas*,— прошипел я ей.

Она сразу все поняла и выбежала из комнаты.

В холле возник парень. Споткнулся и упал на тонкий ковер. Это оказался один из моих знакомцев. Он сжимал мою правую руку, пока меня избивал их главарь. Сейчас в руке у бандита поблескивал стилет. В два прыжка я подскочил к нему и дважды выстрелил: в локоть и — когда он перевернулся на полу — в заднюю часть колена.

Парень завизжал фальцетом.

---

* Уходите *(исп.)*.

Низко пригибаясь, я пробрался в холл, и тут же над головой у меня просвистела пуля и пробила потолок. Я прижался к полу, повернул голову влево и увидел стрелка — он стоял в ванной. Вчера этот урод держал меня за левую руку и ржал каждый раз, когда главарь наносил удар.

Засунув «глок» в карман джинсов, я вытащил из-за спины «моссберг».

Тут парень снова выстрелил и промахнулся, я же прицелился и пальнул ему в лицо.

Серые гранулы, в отличие от свинцовых пуль, не проникают глубоко в плоть. И если обычная пуля снесла бы мерзавцу полчерепа, то в результате моей атаки парень остался жив, но все его лицо превратилось в кровавую маску со свисающими лохмотьями кожи.

Он повалился на линолеум, ослепленный и захлебывающийся кровью.

Уловив движение за спиной, я метнулся в сторону и перекатился на спину. Всего в нескольких футах от меня стоял мальчишка лет тринадцати. Он был одет в цвета «Королей латинос»: черный, означающий смерть, и золотой, означающий жизнь.

В руке он держал пистолет.

Я поднял обрез и прицелился.

Если пацан и познал уже женские ласки, то больше ему такое счастье не светило.

Не выпуская из руки пистолет, он рухнул на колени.

Подскочив к нему, я с силой впечатал колено в его нос. Пацан опрокинулся навзничь и затих.

В этот миг из спальни вылетели еще трое парней.

Черт, судя по всему, я обсчитался!

Двое, совсем юнцы, размахивали ножами. Третьим оказался тот самый главарь, который отделал меня прошлой ночью. Тот, который назвал меня лысым сукиным сыном.

Не успел я перевести на них дуло обреза, как они уже накинулись на меня.

Первый попытался нанести удар огромным ножом вроде тех, какими закалывают свиней. Я отбился дулом обреза. Он

ударил снова и на этот раз рассек мне кожу на суставах пальцев правой руки.

Тогда я отшвырнул «моссберг» и снова достал пистолет.

Бандит действовал быстро.

Но я быстрее.

Бах! Бах! — и вот он уже лежит в ожидании коронера. Я рванулся влево и прицелился во второго нападавшего. Тот летел на меня в прыжке с боевым кличем, размахивая зажатыми в обеих руках ножами.

Что ж, одна пушка круче двух ножей.

До того как приземлиться на пол, он получил три пули в грудь и две в горло.

Последний из троицы — главарь, который сломал мне нос,— подобрал мой обрез и нырнул под диван.

Послышалось клацанье затвора и звук досылаемого патрона. В это время я вытащил из «глока» опустевшую обойму и вставил новую.

— Hijo calvo de una perra!

Отморозок снова назвал меня лысым сукиным сыном! Молча стерпев обиду, я ползком добрался до журнального столика, перевернул и укрылся за ним.

Он выстрелил. Будь обрез заряжен дробью, дешевый столик из ДСП не выдержал бы и я бы превратился в говяжью отбивную. Или в отбивного лысого сукина сына. Но при выстреле с такого расстояния гранулы могли только издать громкий хлопок, не более.

Кажется, бандит с первого раза ничего не понял, потому что пальнул еще дважды с тем же успехом. Больше патронов у него не было.

Тогда я поднялся из-за стола. Сердце выскакивало из груди, руки тряслись от мощного выброса адреналина.

«Король» повернулся и побежал.

Его спина была отличной мишенью.

Я быстро огляделся вокруг — убедиться, что все враги побеждены и не представляют опасности,— затем подошел и подобрал обрез. Зарядил его пятью патронами и не спеша направился к поверженному главарю, который лежал, уткнувшись

лицом в ковер, и поскуливал. Раны на спине выглядели ужасно, тем не менее он предпринимал жалкие попытки отползти подальше.

Наклонившись, я перевернул его лицом вверх и засунул дуло «моссберга» между окровавленных губ.

— Вспомни Санни Ланг.

С этими словами я нажал на курок.

Выстрел не был смертельным, однако результат получился малопривлекательным. Гранулы разорвали щеки и горло, хотя мерзавец каким-то образом еще умудрялся дышать.

Пропихнув обрез глубже в кровавое месиво, в которое превратилось его лицо, я пальнул еще раз.

С негодяем было покончено.

На полу в ванной валялся без сознания бандит, которого я ослепил первым выстрелом из «моссберга». Его лицо напоминало что угодно, только не лицо; кровь пузырилась в дыре, образовавшейся на месте рта.

— Санни Ланг шлет тебе привет,— сказал я.

На этот раз я воткнул обрез глубже, и дело закончилось одним выстрелом, который разорвал бандиту горло.

Последний оставшийся в живых — тот, что запел, как Паваротти, когда я прострелил ему колено,— уполз на кухню, оставив за собой кровавый след. Там он скрючился в углу, прижимая к раненой ноге кухонное полотенце.

— Не убивай меня, приятель! Не убивай!

— Уверен, Санни Ланг тоже об этом просила,— процедил я.

В него я пальнул из «моссберга» дважды: в грудь и в голову.

Этого оказалось недостаточно. Шевелящаяся на полу окровавленная масса еще дышала.

Вынув из кармана мешок с гранулами, я достал горсть и запихивал бандиту в глотку гранулы до тех пор, пока тот не перестал дышать.

Затем я направился в ванную, где меня вырвало в раковину.

Вдалеке послышался вой сирен. Пора было сматываться. Я вымыл руки, ополоснул дуло «моссберга» и убрал обрез под плащ.

В коридоре сидел пацан, которого я кастрировал, и всхлипывал, держа руки внизу живота.

— Ничего, всегда можешь стать священником,— успокоил я его и вышел на улицу.

Хотя нос у меня был по-прежнему забит, я все же ухитрился вдохнуть достаточно кокса, чтобы унять боль. У дверей кондитерской я остановился уже перед самым ее закрытием. Ти поприветствовал меня хмурым кивком.

— Я смотрел новости. Говорят, там была бойня.

— Красивого было мало.

— Ты сделал все, как мы договаривались?

— Сделал, Ти. Твоя дочь отомстила. Это она убила их. Всех троих.

Я вытащил мешочек с гранулами и отдал отцу Санни ее кремированные останки.

— Xie, xie,— поблагодарил меня Ти по-китайски и протянул конверт с деньгами.

Казалось, он чувствовал себя крайне неудобно, но мне пора было идти за наркотиками, поэтому я взял деньги, не вымолвив ни слова, и побрел прочь.

Уже через час я купил по рецепту в аптеке кодеин, прихватил с собой две бутылки текилы и тощую шлюху со следами от уколов на руках. Далее последовала вечеринка в номере: я кололся, пил, трахался и нюхал, пытаясь выкинуть из памяти события двух последних дней. И шести последних месяцев.

Шесть месяцев назад мне поставили страшный диагноз. Всего за неделю до свадьбы. Я сбежал от своей невесты; это был лучший подарок, который я мог ей сделать,— избавить от необходимости смотреть, как я подыхаю от рака.

Эти «короли латинос» сегодня утром легко отделались. Они ушли быстро и почти без боли.

Жить, зная, что скоро умрешь, намного хуже.

Хизер Грэм

Хизер Грэм всю жизнь провела в Майами и его окрестностях, и родные места писательницы часто становятся средой обитания для героев ее произведений. Порой Майами напоминает ей театр абсурда. Где еще можно встретить такое сочетание атрибутов современного огромного космополитического города и следов далекого прошлого? Только здесь, в столице Флориды. В этом штате ощущают себя как дома «перелетные птицы»*. Здесь находится национальный парк «Эверглейдс», часть территории которого до сих пор занимают гордые племена коренных жителей Америки. И эта же знойная «травяная река»**

---

* «Перелетными птицами» (*англ.* snowbirds, *букв.* «снежные птицы») называют жителей северных районов США, а также канадцев, которые проводят зиму в южных штатах (Флориде, Калифорнии, Аризоне и др.).

** С легкой руки писательницы Марджори Стоунман Дуглас, автора документального романа «Эверглейдс: травяная река», это словосочетание стало вторым названием всей экосистемы «Эверглейдс», представляющей собой огромное тропическое болото с окружающей территорией. Пресная вода из «Эверглейдс» используется для водоснабжения Майами.

дает простор торговцам наркотиками и является подходящим уголком для того, кто хочет без последствий избавиться от трупа.

Грэм обожает родной город, ей нравится океан, катание на лодках и особенно — скуба-дайвинг. По ее словам, любить Майами — это почти как любить ребенка. Хороший он или плохой — ты все равно от него без ума.

Грэм известна как мастер создавать в книгах обстановку, которая живет и дышит — точно так же, как и люди, населяющие страницы. Она лауреат множества литературных наград, ее произведения постоянно попадают в списки бестселлеров «Нью-Йорк таймс» и «Ю-Эс-Эй тудей», она с одинаковым удовольствием пишет о вампирах и привидениях, сочиняет исторические романы и триллеры. Где бы и когда бы ни происходило действие, Грэм нравится держать читателя в постоянном напряжении.

В рассказе «Лицо в окне» действуют персонажи, уже знакомые читателю по роману «Остров» («The Island»). На этот раз они оказываются в самом сердце внезапно налетевшей бури, и кто знает, что их ждет?

Хизер Грэм

ЛИЦО В ОКНЕ

Вспышка молнии.

И сразу же за ней мощный раскат грома.

Как будто наступил давно ожидаемый конец света.

И там, на улице, жуткое лицо прижалось к оконному стеклу. Красные глаза пылали в темноте, и на какую-то долю секунды показалось, что буря извергла из себя самого дьявола, чтобы забрать Бет Хенсон с собой.

Она закричала от испуга и отпрянула от ужасного видения, едва не перевернув стоявший позади кофейный столик. Только что от вспышки молнии на улице было светло как днем, но вот все снова погрузилось во мрак, и жуткое лицо исчезло.

Горевший на столе фонарь был не в силах разогнать непроглядную черноту ночи. Из-за бури свет в округе давно погас. Многие на время покинули дома и перебрались в более безопасные места. Ветер ревел и визжал с неистовством банши, хотя, перед тем как обрушиться на южные острова Флорида-Кис, ураган уже ослаб до обычной тропической бури.

На несколько долгих секунд, показавшихся вечностью, Бет объял инстинктивный ужас, но он быстро сменился состраданием. Там, на улице, под проливным дождем находится вымокший до нитки перепуганный человек. Она подошла к окну посмотреть, не появился ли Кит. Он уехал после того, как шериф позвонил и предупредил, что старая миссис Питерсон, одна из немногих постоянных жителей этого крошечного островка, не эвакуировалась вместе со всеми. Сразу после этого звонка, кстати, телефон также отключился. Миссис Питерсон не позволили взять с собой Коко, крошечного йоркширско-

Copyright © 2006 by Heather Graham Pozzessere.

го терьера, и она наотрез отказалась отправиться в убежище. Конечно, собака — это головная боль, но Бет и Кит понимали, какие чувства испытывает пожилая дама к своему единственному другу, и Бет убедила мужа, что они смогут пережить несколько часов лая.

Не успело лицо за окном раствориться в непроглядной тьме, как раздался стук в дверь. От испуга Бет снова подпрыгнула и на мгновение замерла.

«Что, если это серийный убийца?»

В обычной ситуации она никогда бы не открыла дверь незнакомцу.

Однако стук продолжался, теперь к нему прибавились и просьбы о помощи. Бет встрепенулась и мысленно отругала себя за нерешительность. Человек, застигнутый бурей, ищет убежище. Наверняка какой-нибудь идиот турист, который не эвакуировался вовремя со всеми. Нельзя же допустить, чтобы он погиб только из-за того, что Бет Хенсон струсила и не протянула нуждающемуся руку помощи.

И вообще, какие глупости! Конечно, мы существуем в жестоком мире, который попустительствует самым отъявленным негодяям и преступникам. Но предполагать, что серийный убийца разгуливает в поисках жертвы в такую чудовищную бурю... Нет, это просто нелепо.

Бет поспешила к входной двери и решительно ее распахнула. В дом сразу ворвался неистовый рев ветра. И снова ее охватило сострадание, когда насквозь промокший, перепачканный мужчина ввалился в прихожую, отчаянно хватая ртом воздух. Он был худ, темные волосы облепили лицо и шею. Он посмотрел на Бет, и она уловила в широко открытых глазах застывший страх. Незнакомец робко улыбнулся и воскликнул:

— Благослови вас Господь! Должно быть, вы настоящий ангел.

Бет стащила с дивана стеганое покрывало, накинула мужчине на плечи и спросила:

— Что вы там делали? Вы разве не слышали приказ об эвакуации?

Он смиренно взглянул на нее.

— Пожалуйста, не выгоняйте меня. Признаюсь, я был на пьянке в Ки-Уэсте.— Он пошатнулся.— Когда до меня дошло, что нужно убираться отсюда, я тут же сел в тачку и поехал, но машину буквально сдуло с дороги. А потом я заметил свет. Совсем слабый. И вот набрел на ваш дом. Господь бережет дураков. Если, конечно... если вы не выгоните меня.

Мужчина был высок и жилист, лет около тридцати. Не будь он таким мокрым и грязным, то вполне мог бы сойти за симпатичного. Особенно притягивали взор сверкающие голубые глаза и темные волосы.

— Я не собираюсь вас прогонять,— успокоила его Бет.

Неожиданно он протянул руку.

— Меня зовут Марк Иган. Я музыкант. Может, вы слышали о моей группе? Мы называемся «Ультра си». У нас недавно вышел дебютный альбом, и мы выступали в его поддержку в барах Ки-Уэста. Так вы не слышали обо мне... о нас? — разочарованно уточнил он.

— Нет. Боюсь, нет.

— Ничего страшного. Думаю, о нас мало кто знает.

— Возможно, муж слышал,— ответила Бет.— Он часто бывает в Ки-Уэсте и очень любит местные группы.

Гость снова улыбнулся своей привлекательной улыбкой.

— О, это не имеет значения. Вы все равно такая замечательная. Вы ангел. И ведь прелестный ангел.

— Спасибо. Могу дать вам сухую одежду. Мой муж крупнее вас, но я уверена, вам что-нибудь подойдет.

— Муж? Он здесь?

Бет ощутила укол беспокойства.

— Да, конечно. Он там... кое-что заколачивает. Он здесь, в доме,— прибавила она.

— Надеюсь, он не будет отсутствовать слишком долго. Это было бы жестоко. Кстати, а у вас нет машины?

«С чего вдруг он интересуется?» — удивилась Бет.

— Конечно, у нас есть машина,— сообщила она, не вдаваясь в подробности.— Меня зовут Бет Хенсон.

Она протянула руку, и Иган пожал ее. Он оказался сильнее, чем можно было ожидать по внешнему виду.

— Снимите мокрое,— распорядилась Бет.— Сейчас принесу вам одежду.

Взяв фонарь, она направилась в спальню.

По дороге она не удержалась и, опасаясь, что гость последует за ней, оглянулась. Но он остался на месте. Бет выбрала в шкафу старые джинсы Кита и футболку. Это было лучшее, что она могла предложить. Вернулась в прихожую и протянула вещи Игану. На полу у его ног уже образовалась приличная лужа.

— Ванная — первая дверь налево. Вот, возьмите фонарь.

— Благодарю вас. Нет, вы и вправду ангел,— восхищенно произнес он и потопал в ванную.

Друзья Кита любили подшучивать над ним из-за «хаммера». Черт, даже Бет порой нет-нет да и отпускала пару насмешек на сей счет. И при этом так смущенно покачивала головой — дескать, ну что тут поделаешь. Машина и впрямь была своеобразная: топлива жрет, как слон, для экологов так вообще враг номер один. Но зато заставляла бурлить кровь; в ней Кит чувствовал себя настоящим мачо. Он всегда мечтал о такой машине. И сейчас немного жалел, что эти насмешники не видят, как его «хаммер», несмотря на ураганный ветер и настоящий потоп на дорогах, уверенно несется вперед.

«Вот так-то, ребята,— думал он.— Кровь, говорите, бурлит? Может быть, может быть».

Бет, кстати, сама выразила озабоченность по поводу старой миссис Питерсон. И еще сильнее разволновалась, когда он отправился забирать пожилую даму с собачкой. Жена хотела поехать с ним вместе, но Киту удалось убедить ее остаться дома, пояснив, что тогда ему не придется беспокоиться еще и за нее.

Он снова покрутил ручку настройки радио, пытаясь поймать хоть какую-нибудь волну. Наконец ему это удалось. Кит ожидал, что все станции на юге штата будут передавать сооб-

щения исключительно о разыгравшейся буре, пусть даже пик ее миновал, однако...

— ...серийный убийца оказался на свободе. Власти предполагают, что он направился на юг незадолго до того, как объявили о начале эвакуации...

Черт бы побрал эти помехи! Но вот сигнал восстановился.

— По словам тюремного надзирателя Абнера Гретцки, Паркер «словно в воздухе растворился». Перебои в электроснабжении, в частности из-за столбов, поваленных бурей, значительно осложнили преследование. Джону Паркеру было предъявлено обвинение в зверском убийстве Патриции Ривз из Мирамара, которое имело место в прошлом году. Также его подозревают в убийстве еще по меньшей мере семи женщин в юго-восточных штатах. Он приблизительно...

Кит просто ушам своим не верил! Тут сильные помехи в очередной раз прервали трансляцию и не дали ему возможности услышать приметы преступника. Направился на юг?

Пусть на юг, но наверняка не так далеко. Только последний псих, одержимый идеей самоубийства, отважился бы тронуться в путь по цепочке островов в бурю, тем более столь сильную, рискуя каждую секунду быть унесенным ветром в море. Тем не менее у Кита пересохло в горле, а сердце сковал холод.

Там, в доме, Бет совсем одна.

Он едва поборол искушение немедленно развернуться и устремиться обратно, но до трейлера миссис Питерсон оставалось всего ничего. Теперь нужно только взять женщину в охапку, загрузить в «хаммер» и мчаться назад.

Однако, подъехав ближе, он не увидел на привычном месте возле трейлера старый «плимут» миссис Питерсон.

На мгновение он заколебался, затем открыл бардачок и достал «смит-вессон» 38-го калибра — у него имелась лицензия на ношение оружия. Кляня на чем свет стоит льющий как из ведра дождь, он выбрался из машины и прокричал, шагая к трейлеру:

— Миссис Питерсон!

«Ей повезло, что ветер до сих пор не перевернул ее лачугу»,— подумал Кит.

Внутри заливалась лаем собака. Ох уж это вечно тявкающее маленькое создание. Но, черт побери, для пожилой вдовы оно было самым большим сокровищем в мире.

— Миссис Питерсон!

Кит заколотил в дверь. Ответа не было. Он помедлил немного в нерешительности, дернул дверную ручку. Дверь оказалась не заперта.

Тогда он вошел внутрь. На кофейном столике лежала сумочка миссис Питерсон. Коко по-прежнему лаял, но Кит не видел его.

— Миссис Питерсон!

Трейлер был небольшой. В гостиной и кухне явно прятаться негде. Кит заглянул в комнату, которая служила старой даме чем-то вроде мастерской (она занималась вышиванием), и — сам не зная почему — замешкался на пороге спальни. Вытащил из-за пояса «смит-вессон», расставил пошире ноги и распахнул дверь.

Ничего. Никого. Кит с облегчением выдохнул, но тут раздался внезапный звук, и он резко повернулся. Из-под кровати пулей вылетел Коко.

Дрожащая от страха маленькая собачка ухитрилась запрыгнуть Киту на руки. Обхватив животное, он услышал какую-то возню у входа и поспешил проверить, в чем там дело.

На пороге он столкнулся с мужчиной, одетым в непромокаемую куртку, но тем не менее насквозь мокрым.

— Тетя Дот! — позвал мужчина.

На вид ему было около тридцати, почти шести футов росту. Темные волосы прилипли к голове. Увидев Кита с пистолетом, незнакомец от испуга и неожиданности вскрикнул.

— Кто вы? — спросил Кит.

— Джо. Джо Питерсон. Я племянник Дот Питерсон,— объяснил мужчина.

— Как вы сюда попали?

— Пришел пешком.— Джо сглотнул.— У меня сломалась машина. А... где тетя?

— Это вы мне скажите,— подозрительно произнес Кит.

— Я... я не знаю. Я как раз направлялся к ней, но... машина сломалась. Послушайте, я чуть не утонул, когда пробирался сюда пешком. И... кто вы вообще такой и почему целитесь в меня? — В его голосе звенел страх.— Постойте. Подождите, не обращайте внимания. Я не желаю знать, как вас зовут. Эй, если вы хотите взять что-нибудь, пожалуйста. Я же вернусь на улицу и буду искать тетю.

— Будем искать вместе,— ответил Кит, кивнув на дверь.

Джо беспокойно топтался на месте, потом, волнуясь, уточнил:

— Тетя Дотти... ее действительно здесь нет?

Покачав головой, Кит скомандовал:

— Идите.

— Туда, в бурю? — пролепетал Джо, поворачиваясь к двери.

Кит мрачно кивнул. Оказавшись на улице, он первым делом посадил в машину собачку, сунул пистолет за пояс, открыл водительскую дверь и приказал Джо Питерсону:

— Залезайте.

— Может, мне подождать здесь? — отозвался тот.

— А может, мы все-таки поедем искать вашу тетю?

Они сели в «хаммер». Коко, скуля, запрыгнул на заднее сиденье. Кит осторожно вывел машину на дорогу и взял курс на юг.

— Следите за обочинами,— велел он Джо.— Вдруг она съехала куда-нибудь в сторону.

— Следить за обочинами? — повторил Питерсон, так резко повернув голову, что с его лица и капюшона брызнули капли воды.— Да я даже не вижу эту чертову дорогу! Все серое!

— Тогда ищите среди серого более темное пятно,— проинструктировал Кит.

Дворники «хаммера» едва справлялись с потоками воды на ветровом стекле. Но вот Кит заметил что-то на пределе видимости. Прильнув к самому стеклу, он разглядел слетевший с дороги «плимут».

Он пристально посмотрел на Питерсона, вытащил «смит-вессон» и предупредил:

— Сидите спокойно.

— Да-да, хорошо! — нервно воскликнул Питерсон, с опаской косясь на пистолет.

Выбравшись из машины, Кит зашлепал по залитой водой дороге к грязной насыпи на обочине. Дойдя до «плимута», заглянул в переднее окно. Никого.

«Почему старая леди, никогда не расстававшаяся с сумочкой, вдруг оставила ее в трейлере, а сама направилась на юг?» — недоуменно рассуждал Кит.

Сражаясь с ветром, он открыл поочередно передние, а затем задние двери. Никаких следов борьбы, никаких следов кого-либо. Вообще ничего.

Его внимание привлек чуть приоткрытый багажник. Кит поднял крышку.

И нашел миссис Питерсон.

— Так... вы живете здесь круглый год?

— Нет. Мы приезжаем сюда отдыхать.

— Пустынное местечко,— заметил Иган.

Бет пожала плечами.

— Вообще-то мы живем в Коконат-Гроув, хотя большую часть времени проводим здесь. Мой муж водолаз.

— Профессиональный водолаз?

Конечно, Бет могла бы объяснить, что Кит не простой водолаз, что ему часто приходится работать на государство, в частности выполнять полицейские заказы. Но у нее не было желания об этом распространяться, хотя она и сама не понимала почему. Незваный гость уже переоделся и теперь сидел сухой и в тепле. Бет предложила Игану стаканчик бренди, тот с благодарностью его принял и вообще был сама вежливость и обходительность. Однако беспокойство из-за того, что она впустила в дом постороннего человека, почему-то не утихало, без особой на то причины. Марк Иган казался таким же безобидным, как куст гибискуса.

— Мм, да. Он профессиональный водолаз.

— Здорово,— усмехнулся Иган и указал на нее пальцем.— А вы разве не слышали сообщение об эвакуации?

— Слышали. Но для постоянных жителей эвакуация необязательна. Только для приезжих. И потом, наш дом построен в самом начале девятнадцатого века и пережил много бурь...— Тут в приемнике раздался внезапный треск, и Бет, обрадовавшись, вскочила на ноги.— Радио! Не знаю, что произошло — батарейки совсем новые,— но я не могла ничего поймать. И от мобильных телефонов сейчас толку никакого.

Она виновато улыбнулась и почти бегом направилась через холл в кухню, расположенную в глубине дома.

— ...будьте бдительны... чрезвычайно опасен...

Услышав эти слова, доносящиеся сквозь помехи, Бет так резко остановилась, что едва не упала.

— ...серийный убийца...

Словно сомнамбула, она шагнула к столу, не отрывая глаз от приемника, из которого снова раздавался лишь треск помех. Бет подняла приемник и потрясла. Голова у нее закружилась.

— ...предположительно отправился на юг, на острова...

— Выключите!

Бет обернулась. Гость проследовал за ней из гостиной на кухню. Крепко вцепившись руками в косяк, он стоял в дверях и не отрывал от женщины дикого взгляда. Глаза были красные, словно у хищного зверя.

Точно так же они сверкали в темноте, когда Бет увидела прижавшееся к стеклу лицо.

А по островам действительно разгуливал на свободе серийный убийца...

Миссис Питерсон была связана по рукам и ногам, запястья и лодыжки притянуты друг к другу. Во рту торчал кляп. Ни следов крови, ни следов насилия Кит не заметил, хотя льняные брюки и рубашка на женщине намокли и были перепачканы грязью. Он проверил признаки жизни. Тело казалось ледяным.

Однако женщина была жива. Кит нащупал слабый пульс, раскрыл лезвие швейцарского армейского ножа, висевшего у

него на цепочке с ключами, и извлек затыкавшую рот тряпку, а затем разрезал веревки, стягивавшие конечности.

О том, не сломаны ли у старой дамы кости, нет ли внутренних повреждений, можно было только гадать. Она вполне могла подхватить воспаление легких или что похуже, но в данных обстоятельствах у Кита не было возможности это проверить. Он вытащил хрупкое тело из багажника и, с трудом шагая против норовящего сбить ветра, вернулся к машине. Он позвал Джо Питерсона, чтобы тот помог, однако ответа не дождался. Чертыхаясь, Кит ухитрился сам открыть заднюю дверь «хаммера».

Тявкнул Коко.

Кит выругался.

— Черт! Почему вы не помогли? — обратился он к Питерсону, пытаясь поудобнее пристроить на сиденье находящуюся без сознания пожилую даму.

Но тишину нарушило лишь возбужденное гавканье Коко.

Племянник миссис Питерсон исчез.

— Вы правы,— ухитрилась спокойно произнести Бет, принуждая себя не паниковать, а действовать.— Не будем слушать плохие новости. Достаточно и этой сумасшедшей бури.— Она выключила приемник.— Знаете, у меня есть «Стерно»*. Если вы голодны, могу что-нибудь приготовить.

Он молча покачал головой, продолжая стоять и разглядывать Бет красными глазами.

«Ты с честью выходила из переделок и похуже этой»,— напомнила она себе.

Хуже?

Да. Когда она встретила Кита... Тот череп в песке. Когда она оказалась слишком любопытной...

«Соберись! — приказала себе Бет.— Вспомни, как ты справлялась раньше!»

— Тогда, пожалуй, сделаю что-нибудь себе.

---

* «Стерно» — жестяные банки для разогревания пищи, содержащие горючую смесь в виде желе.

«Оставайся спокойной. Кажись уверенной».

Как вести себя с серийным убийцей? Что там советуют эти умники психиатры, которые по многу часов беседуют с убийцами, заключенными под стражу?

«Говорить. Да! Просто говорить и говорить...»

Тут в памяти всплыли слова мужа. Его фраза: «Если уж вытащил пистолет, надо его использовать. Если считаешь, что необходимо стрелять, стреляй так, чтобы убить».

Но у нее не было пистолета.

И потом, имелись сомнения.

Что, если Иган вовсе не преступник? Просто она оказалась наедине с незнакомцем и услышала, что на свободе серийный убийца. Но разве из этого следует, что он и есть тот самый беглец?

Оружие! Нужно найти какое-нибудь оружие!

Интересно, на что это будет похоже? Если уж вытащил пистолет, надо его использовать... А как быть, если она вытащит сковородку? Тоже надо ее использовать?

Бет достала с полки «Стерно» и спички. Вполне возможно, что этот застывший в дверях человек, который пялится на нее и выглядит полным психом, на самом деле обычный американский парень. Она замурлыкала себе под нос песенку, подожгла топливо в банке, достала сковородку и, держа ее в руке, продолжила рыться в шкафчике.

И тут она почувствовал, что незнакомец приближается...

Она стояла спиной и не слышала ни малейшего звука. Его выдавало лишь слабейшее дуновение воздуха.

Бет притворилась, будто полностью поглощена изучением содержимого шкафчика.

Повернулась. О боже!

Мужчина находился прямо перед ней — всего в нескольких сантиметрах. Он смотрел на нее, его губы медленно растягивались в улыбке.

Бет замахнулась и со всей силы ударила Марка Игана по голове над ухом. Сковородка аж завибрировала в руке. Однако незваный гость остался стоять как ни в чем не бывало. Просто стоял и таращился на нее.

А потом...

Он потянулся к Бет.

Когда руки дотронулись до ее плеч, она не выдержала и завизжала.

Дорога превратилась в одну бесконечную лужу; Киту оставалось только довериться своему знанию местности и навыкам. Он свернул с шоссе и прошептал беззвучную молитву, когда колеса «хаммера» коснулись наконец гравия на подъездной дорожке к дому.

Человек, назвавшийся Джо Питерсоном, исчез. Сбежал. Бросил тетю. А поблизости только один дом — его, Кита. И там ждет Бет.

Вдруг кто-то выскочил из раскачиваемых ветром кустов, росших вдоль дорожки, и побежал к дому.

Руки Марка Игана опустились на плечи Бет. Их взгляды встретились.

В глазах мужчины застыло изумленное выражение.

Он медленно сполз на пол прямо перед Бет, тщетно пытаясь за нее уцепиться, чтобы удержаться на ногах. Она отступила назад, повернулась и сделала шаг к двери.

Невероятно сильные пальцы крепко сжали ее лодыжку. Ошеломленная Бет упала, однако сковородку из рук не выпустила.

Никогда не вытаскивай сковородку, если не собираешься ее использовать!

Готовясь ударить еще раз, она замахнулась. Но делать этого не пришлось. Хватка ослабла. Бет на карачках подползла к дальней стене кухни и, оглянувшись, уставилась на лежащего на полу мужчину. Что с ним? Мертв? Очень осторожно, на четвереньках, со сковородкой наготове, она снова приблизилась к Марку Игану.

Тот не шевелился.

Лихорадочно соображая, Бет замерла на месте. Она терпеть не могла фильмы, в которых жертва одолевает преступника, а потом поворачивается спиной, не думая о том, что убий-

ца может и оклематься. Бет снова занесла сковородку и тут же опустила руку, в отчаянии заскрежетав зубами.

А если она все-таки ошибается? Что, если он просто обдолбанный музыкант?

Блуждающим взором она обвела кухню и обнаружила наконец то, что нужно. Дверца одного из шкафчиков была приоткрыта, внутри виднелся большой моток веревки. Она много времени проводила на море и научилась вязать самые настоящие морские узлы.

Пробравшись к шкафчику, женщина достала веревку и повернулась, намереваясь связать пленника. К ее удивлению, Марк Иган уже был на ногах.

Он стоял и не мигая смотрел на Бет.

Его взгляд больше не был изумленным.

В нем застыла жажда убийства.

Стихия по-прежнему бушевала. Воды налило столько, что дом казался настоящим островом, со всех сторон окруженным водой. Кит понимал, что, если оставить старую даму в машине, она вполне может отправиться на тот свет. Некоторое время он боролся с паническим искушением бросить ее и поторопиться на помощь жене.

Пес миссис Питерсон гавкал не переставая.

— Коко, если ты не заткнешься!..— прикрикнул Кит.

К его глубокому удивлению, терьер замолчал и сел, серьезно глядя человеку в глаза. Кит открыл дверь, нагнулся к заднему сиденью и поднял женщину. Коко тявкнул, всего один раз — напомнить, что он тоже здесь.

— Ну, тогда давай! — скомандовал Кит.

Песик прыгнул и угнездился на животе хозяйки.

Кит поспешил к дому, размышляя: «Может, тот парень действительно племянник миссис Питерсон? И дал деру из-за того, что испугался меня? Или он и есть убийца? А если в эту самую минуту он находится в доме? Если он напал на Бет?..»

Почти бегом он приблизился к входной двери.

«Беги!»

У нее не было другого выхода.

Дверь черного хода находилась в дальнем конце кухни. Она бросилась туда. Убийца не отставал.

Бет открыла дверь, и буря яростно швырнула ей в лицо потоки дождя. Она была готова к этому. Он — нет. Дверь захлопнулась перед самым его носом.

Через мгновение Бет скрылась в неистовствующей стихии.

Держа на руках бесчувственную миссис Питерсон, Кит ворвался в дом. Коко все так же восседал на хозяйке.

— Бет?

К полному смятению Кита, из кухни, пошатываясь, вышел мужчина. В его, Кита, одежде. Неизвестный всем своим видом напоминал клиента ближайшей психушки. Он был безоружен.

Быстро прошагав к дивану, Кит уложил миссис Питерсон. Коко, который теперь глухо рычал, остался на животе хозяйки.

Кит вытащил из-за пояса пистолет, и незнакомец воскликнул:

— Эй!

— Где моя жена? — зло спросил Кит.

— Она ударила меня сковородкой и выскочила на улицу. Господи, меня спасли какие-то чокнутые! — Он перевел дух.— Сначала она меня бьет, а теперь вы решили пристрелить.

— Кто вы, черт бы вас побрал? — рявкнул Кит.

— Марк Иган.— Мужчина вздохнул, потирая руку.— Я музыкант. Да что это с вами такое, народ?

Держа гостя на мушке и не спуская с него глаз, Кит сорвал покрывало с кресла-качалки и укрыл миссис Питерсон.

— Давайте туда! — велел он, указывая на гостевую комнату.— Поживее!

— Иду-иду,— быстро ответил мужчина и, подняв руки, бочком, вдоль стены посеменил в указанном направлении.

Освещавший комнату фонарь отбрасывал зловещие тени.

— Знаете, вы ненормальный,— негромко заявил Марк Иган.— Вы оба ненормальные.

— Если ты что-нибудь с ней сделал, я разорву тебя на мелкие кусочки.

— Она набросилась на меня! — запротестовал мужчина.

— А ну, давай туда!

И в этот момент до них донесся долгий пронзительный вопль, заглушивший на несколько секунд шум ветра и дождя.

Сарай, судя по всему, был единственным местом, где она могла укрыться от стихии. Кроме того, там можно было найти оружие. В сарае обычно хранилось снаряжение для подводного плавания, в том числе дайверские ножи.

Из-за сильных порывов ветра Бет не сразу удалось открыть дверь. Наконец дверь подалась.

Внутри царила чернильно-черная тьма.

Бет проскользнула внутрь, шаря в кармане в поисках спичек, которыми она разжигала «Стерно». Мокрые, холодные руки тряслись.

Первая попытка оказалась неудачной. Бет насквозь промокла, вода с нее капала прямо на спички.

И все же ей удалось извлечь огонь.

Разгоревшийся язычок пламени на краткий миг выхватил из мглы сарая лицо с кожей нездорового белого цвета.

И с красными глазами.

И с рукой, сжимавшей дайверский нож.

— Не кричите,— раздался голос.

Слишком поздно.

Она закричала.

Кит стрелой вылетел из дома.

На улице ему пришлось затормозить, чтобы сориентироваться. Ветер и дождь заглушали все прочие звуки. Наконец он понял, что источник крика, скорее всего, в сарае, и помчался туда, держа наготове пистолет.

Рывком распахнул дверь.

И окунулся в темноту.

— Бет!

— Положи пушку! — отчеканил хриплый мужской голос.

Из темноты показалась Бет; мокрые волосы облепили прекрасное лицо. Позади нее находился мужчина. Тот самый, который представился Джо Питерсоном. Сейчас в руке его был нож, и этот нож был приставлен к горлу Бет.

— Положи пушку! — нервно повторил Питерсон.

— Отойди от моей жены,— с трудом сохраняя спокойствие, ответил Кит.

— Ты убьешь меня,— возразил Джо и обратился к Бет: — Он же ненормальный, неужели вы не видите?

Широко раскрытыми глазами она посмотрела на мужа. Кит нахмурился. Казалось, она пытается сообщить, что с ней все в порядке. Безумие. Да, это полное безумие, когда к ее горлу приставлен нож.

— Послушайте, мы тут все стоим мокрые. Давайте вернемся в дом. Кит, ты знаешь, что у нас еще один гость? — спокойно спросила Бет, будто ее плоти не касалась остро заточенная сталь.

— Я видел его.

— Где миссис Питерсон? — поинтересовалась Бет.

— Он пытался убить ее, запихнул в багажник ее же собственной машины,— объяснил Кит.— Сейчас она лежит у нас в гостиной на диване. И твой, хм, гость тоже в доме. По крайней мере, должен там быть.

— Я не пытался убить тетю Дот! — возразил Питерсон; рука с ножом задрожала.— Я вот подозреваю вас!

— Давайте вернемся в дом,— снова предложила Бет.— Мистер Питерсон, я пойду перед вами, а Кит — передо мной.

Кит свирепо взглянул на жену.

— Да, отлично! Идемте,— согласился Питерсон.

Тогда Кит медленно двинулся вперед. Он нервничал, и было из-за чего: один незнакомец находился в доме, другой, приставив нож к горлу Бет, шел сзади. Несомненно, один из них — убийца.

Дверь дома была распахнута настежь. Прихожую заливал дождь.

Первым порог переступил Кит.

Следом Бет.

За ней мужчина с ножом.

Миссис Питерсон неподвижно лежала на диване — неясная тень в темноте. Коко, однако, оставил хозяйку. Прижавшись в дальнем конце комнаты к двери в гостевую, он даже не гавкал, а просто смотрел на вошедших и жалобно поскуливал.

— Здесь был еще один человек. Музыкант,— поведала мужу Бет.— Он играет в группе «Ультра си».— Она судорожно сглотнула, перед тем как снова поднять глаза на Кита.— Что с ним? Он... он был в доме, когда я выходила.

— Ушел... Я надеюсь!

Тут они услышали горестный стон. Это был Джо Питерсон. Он не мигая уставился на фигуру на диване.

— Мистер Питерсон,— мягко промолвил Кит,— я не собираюсь в вас стрелять. Но уберите немедленно нож от горла моей жены.

Бет оттолкнула руку Питерсона и отскочила в сторону. Но тот едва ли обратил на нее внимание. Он по-прежнему смотрел на диван.

— Боже! Она умерла?

Коко заскулил. Бет взглянула на мужа. Ее еще трясло от пережитого потрясения, но все же она чувствовала облегчение.

— Коко,— тихонько позвала она, затем повернулась к мужу.— Дорогой, я, конечно, могу ошибаться, но если бы этот человек действительно напал на миссис Питерсон, собака бы сейчас лаяла на него.

— Тетя Дот,— глухо пробормотал Питерсон.

— Она жива. Ну, была жива,— отозвался Кит и посмотрел на жену.— Значит, это твой музыкант.

— Ты тоже это понял... Но...

— Он где-то поблизости, придется что-то делать. Хотя в данную минуту... надо позаботиться о миссис Питерсон.

— Кит, не принесешь мне с кухни бренди и нашатырный спирт? — попросила Бет.— Посмотрим, получится ли у нас

привести ее в чувство. А потом попробуем доставить ее в больницу.— Она скорчила гримасу.— На «хаммере».

Кит отправился на кухню, по дороге остановился, чтобы подобрать с пола сковородку... И замер на месте, услышав испуганный крик, заглушивший шум дождя. Он развернулся, готовый броситься обратно в гостиную, но тут же застыл.

Гостиная погрузилась в абсолютную темноту.

Ужас проник в самое сердце Бет. Она стянула одеяло, горя желанием первой убедиться в том, что старая дама жива.

Из-под одеяла стремительно высунулась рука, схватила Бет и с невероятной силой притянула к себе. Пальцы сжались у нее на горле; несчастная Бет болталась из стороны в сторону, словно весила не больше пушинки.

Иган. Марк Иган. Обкурившийся музыкант. Нет! Убийца-психопат.

Она успела увидеть безумную улыбку, и тут же он погасил фонарь, продолжая удерживать женщину на весу одной рукой, словно тряпичную куклу.

— Ну, крутой парень, и че ты теперь будешь делать? — раздался в темноте, прямо над ее ухом, хриплый голос.— Если выстрелишь в меня — можешь убить ее. И не вздумай за мной следить, иначе ей конец.

Бет напрягла все мускулы. Она понятия не имела, вооружен ли Иган, есть ли у него другое оружие, кроме чудовищной силы рук.

До нее доносился лишь шум дождя и ветра. Мужчина еще крепче сжал ее, и перед глазами Бет заплясали звезды. Она не слышала ни малейшего звука. Ни голоса, ничего.

Даже Коко затих и не скулил.

Тут раздался приглушенный стон.

Но это был не Кит. Нет, не Кит. Застонал Питерсон. Но тогда... где же Кит?

— Вот так,— удовлетворенно проговорил Иган, или кто он там на самом деле.— Вы оставайтесь там, где стоите. Мы с миссис пойдем возьмем машину. Вашу машину. Прокатимся немного. Будет ли с ней все в порядке? Кто знает? Но только

попытайтесь остановить меня, и тогда наверняка ее убьете.— Он потащил Бет к двери, по дороге негромко хихикнув: — Я неплохо вижу в темноте. Люблю темноту.

Они уже находились у самого выхода — она чувствовала это. Иган открыл дверь. Сердце Бет так колотилось в груди, что она не сразу различила поблизости какой-то звук.

Ей было трудно дышать, и в этот момент на них налетела груда мышц, застав врасплох и ее, и Игана. Кит. Он, подобно молнии, атаковал со стороны крыльца и повалил обоих на пол. Хватка убийцы ослабла, и Бет удалось вывернуться. Она тут же вцепилась зубами в его запястье. Иган взвыл, откатился в сторону, и мужчины сошлись в рукопашной не на жизнь, а на смерть.

Взволнованно залаял Коко. Он перепрыгнул через руку Бет и зарычал. Иган снова заорал от боли — это Коко азартно терзал и кусал его плоть. Однако вмешательство песика не помешало убийце яростно драться с Китом. Через открытую дверь ветер заносил в дом струи дождя, которые поливали сцепившихся на полу мужчин. Проникающий с улицы слабенький свет отразился от чего-то...

Сковородка.

Бет подняла ее, отчаянно пытаясь различить в темноте очертания тела мужа. Вот один из борющихся мужчин приподнял голову...

Она едва не ударила.

Кит!

Голова Игана лежала на полу, одна рука вцепилась в горло Кита, и пальцы сжимались все крепче...

Почти вслепую Бет с силой опустила сковородку. Раздался вопль...

Она ударила еще раз. И еще. А потом к ней протянулись руки.

— Все хорошо! Все закончилось!

Фонарь был снова зажжен. Старина Коко в спальне охранял покой хозяйки. Миссис Питерсон, несмотря на то что Иган бесцеремонно скинул ее на пол, была жива и дышала. Ее племянник Джо Питерсон ухаживал за ней.

Тело Марка Игана так и осталось лежать на полу. Бет понятия не имела, жив он или умер, но не сомневалась, что на этот раз ему уже не удастся так легко подняться.

Она видела его лицо перед тем, как Кит накрыл его покрывалом.

— Это... он? Серийный убийца? — спросила она.

— Думаю, да,— отозвался Кит и крепко обнял жену.

— Но ты знал, что это не Питерсон, хотя я подозревала его.

Губы Кита чуть искривились в печальной улыбке. Он посмотрел на супругу и тихо произнес:

— Просто всякому, кто хоть изредка бывает в Ки-Уэсте, известно, что в группе «Ультра си» играют одни только девушки.

— Я говорила ему, что ты разбираешься в музыке.

Услышав рев клаксона на улице, они оба подпрыгнули. Через несколько секунд в дверь постучали.

Сжимая в руке пистолет, Кит шагнул к двери и отворил ее. На пороге стоял Энди Фэйрмонт из офиса шерифа округа Монро.

— Ну и дела! — воскликнул Энди.— Сбежал серийный убийца! Слышали?

Кит взглянул на Бет. Та пожала плечами, повернулась к Энди и серьезно сообщила:

— Никогда не вытаскивай сковородку, если не собираешься ее использовать.

— Чего?

— Ты бы лучше зашел, Энди,— сказал Кит и, обняв жену за плечи, притянул ближе к себе.

Джеймс Сигел

Как говорит сам Джеймс Сигел, его читателей чаще всего интересует, где он берет идеи для своих книг. Обычно он отвечает просто: «Не знаю. А вы сами как считаете?» Но конечно же, ответ будет: везде. Сигел пишет об обычных людях, попадающих в необычные ситуации. Он ведь тоже, по его собственному признанию, является обычным человеком; в своих произведениях он часто описывает события, происходившие с ним в реальной жизни. Так, в поездах, следовавших из одного конца Лонг-Айленда в другой, его соседями часто оказывались привлекательные девушки, и однажды он размечтался: «А что, если...» Результатом мечтаний стал роман «Сошедший с рельсов» — история о ничем не примечательном сотруднике рекламного агентства, чья жизнь пошла наперекосяк после знакомства в поезде с самой обыкновенной девушкой. Усыновив приемных детей из Колумбии, писатель сел за роман «Кружным путем», сюжет которого начинается с усыновления, а дальше главный герой проходит через настоящий ад.

В один прекрасный день Сигел лежал на кушетке в массажном кабинете отеля «Четыре сезона» в Беверли-Хиллз. Массажистка дотронулась до его шеи и спросила: «Что вас беспокоит?» Сигел тоже задал вопрос: «С чего вы взяли, что меня что-то беспокоит?» «Я эмпат»*,— пояснила она.

Писатель был озадачен.

Эмпат? Что же это такое?

---

* Эмпат — человек, способный воспринимать переживания, эмоции и чувства другого человека на уровне собственных эмоций.

Джеймс Сигел

ЭМПАТИЯ

Я сижу в темном номере мотеля.

На улице царит непроглядный мрак, но я все равно плотно прикрыл шторы, чтобы она не увидела меня, когда войдет. И тогда она точно не посмотрит в мою сторону и включит свет.

Темноту я не люблю.

Я постоянно пью виски, принимаю амбиен* и стараюсь не замечать темноту, потому что рано или поздно она снова оказывается темнотой исповедальни и мне снова становится восемь лет. Я чувствую, как у него изо рта воняет чесноком, и слышу шелест его одежды. На мгновение я опять превращаюсь в застенчивого и добродушного мальчишку, свихнувшегося на бейсболе, и пытаюсь спрятаться от того, что меня ждет.

Затем все окрашивается красным, и мир поглощает огонь.

В ярости я оглядываюсь назад, ведь ярость — это то, чем я стал. Всесокрушающая ярость.

Это она послужила причиной того, что я лишился дома и был вынужден проходить принудительную терапию по решению суда. И наконец, меня вышвырнули из лос-анджелесской полиции. Теперь я работаю охранником в отеле, где моя ярость не причинит никому вреда, где я никого не убью.

Пока дела обстоят именно так.

Copyright © 2006 by James Siegel.

* Амбиен — лекарственное средство, обладающее снотворным и расслабляющим воздействием. Применяется для лечения проблем со сном. Амбиен предназначен только для краткосрочного применения, как правило, не более 7–10 дней.

Вы наверняка слышали об отеле, в котором я подвизался. Он считается одним из лучших; в нем часто останавливаются разнообразные подражатели голливудским звездам, а также случайные знаменитости. Хотя моя жизнь и дала значительную трещину, я все же не опустился на самое дно — лишь до Беверли и Дохени.

На работе я должен носить костюм и каплю наушника в ухе — прямо как секретный агент. В мои обязанности входит стоять целый день с важным видом, и я могу даже отдавать приказания служащим отеля — тем, кому не положено носить костюм.

Она работала массажисткой в спа-центре отеля.

Келли.

Специалист по массажу глубоких тканей и массажу горячими камнями. В первый раз я заговорил с ней в подвале отеля, куда направился в поисках уединения, хотя обратил на нее внимание еще раньше, когда проходил по коридору к лифтам в задней части здания и до меня из массажного кабинета доносилась музыка. И вот однажды Келли спустилась в подвал покурить, и я выразил восхищение ее музыкальным вкусом. Большинство работавших в отеле массажисток неровно дышали к Энии, восточным ситарам и шуму волн, плещущихся о песчаный берег. Но у Келли был особенный вкус. В ее кабинете звучали исключительно записи музыкантов по фамилии Джонс: Рикки Ли, Нора и иногда Куинси*.

— Вашим клиентам нравится? — спросил я Келли.

— Понятия не имею,— пожала она плечами.— Большинство озабочено только тем, чтобы у них не встал.

---

* Рикки Ли Джонс (р. 1954) — американская певица и композитор, работающая в жанрах рок, блюз, поп и других. Нора Джонс (р. 1979) — американская певица, пианистка, гитаристка, а также актриса. Дочь знаменитого индийского музыканта Рави Шанкара. Куинси Джонс (р. 1933) — американский дирижер, аранжировщик, композитор, продюсер, трубач. *Вошел в историю как продюсер самого продаваемого альбома всех времен* — альбома Майкла Джексона «Триллер» (1982).

— Профессиональный риск, полагаю?

— О да.

Келли определенно была хорошенькой. Но еще что-то привлекало в ней — ощутимая аура, от которой по коже вдруг пробегали мурашки, даже несмотря на работающие на полную мощь кондиционеры.

Думаю, она заметила, как ужасно опухли у меня костяшки пальцев на правой руке, а также вмятину на стене, оставшуюся после удара.

— Плохой день?

— Да нет. Вполне обычный.

Протянув руку, она коснулась моего лица, легонько провела пальцами по правой щеке. Кажется, тогда эта девушка и сообщила, что является эмпатом.

Не буду врать и уверять, что я знал тогда значение этого слова.

Лицо Келли, когда она дотронулась до меня, приобрело странное выражение — словно она проникла в ту часть меня, в которую я и сам-то редко заглядывал, и то лишь в темноте, перед тем как сработает магия виски «Джонни Уокер».

— Мне очень жаль.

— В каком смысле?

— Жаль, что это случилось с тобой.

В том и заключается особый дар эмпата. Или проклятие — когда как.

В течение следующих нескольких недель благодаря Келли я выяснил все об эмпатах. Мы встречались в подвале и болтали, или сталкивались по дороге в отель, или просто бегали за угол перекурить.

Эмпаты дотрагиваются до человека — и узнают. Они касаются плоти, но чувствуют душу. Они видят посредством рук. Все — и хорошее, и плохое, даже отвратительное.

Келли видела намного больше отвратительного, чем хотела бы.

И уже начала уставать от всего этого. Она ощущала, как ее затягивает в жуткую, мрачную бездну.

По ее словам, началось все из-за одного ее клиента.

— Как правило, я просто вижу эмоции, переживания,— пояснила она.— Ну, ты понимаешь, счастье, печаль, страх, тоску, все такое. Но иногда... иногда я вижу больше... Я знаю, кто они такие, понимаешь?

— Нет. Если честно, не понимаю.

— Этот человек — мой постоянный клиент. Когда я в первый раз до него дотронулась, мне пришлось отдернуть руки — такое сильное было ощущение.

— Чего?

— Ощущение зла. Это было как... с чем бы сравнить... ну, как заглянуть в черную дыру.

— Какое зло ты имеешь в виду?

— Самое худшее.

Позже она поведала мне подробности. Мы сидели в баре на бульваре Сансет. Думаю, это можно назвать нашим первым свиданием.

— Он издевается над детьми.

На меня накатило то особенное отвращение, которое я испытывал всякий раз, когда возвращался в своих воспоминаниях назад, в ту исповедальню, и ждал, что он придет за мной, этот мрачный призрак боли. Отвращение, которое накрывало меня, когда мой младший брат покорно последовал по моим стопам и тоже стал алтарным служкой; когда мне приходилось держать рот на замке. Не рассказывать... не рассказывать. За это молчание пришлось расплатиться. Не сразу — много позже, когда однажды вечером я обнаружил, что мой дорогой несчастный брат повесился на ремне в нашей спальне. В старших классах он неистово искал утешение в самых разных наркотиках, и в итоге они привели его к смерти.

— Откуда тебе известно? — спросил я Келли.

— Известно. Он собирается что-то сделать. И он уже делал это.

Когда я предложил Келли пойти с ее подозрениями в полицию, она наградила меня взглядом, каким обычно смотрят на умственно отсталых.

— Сообщить им, что я эмпат? Что я считаю, будто один из моих клиентов педофил? Веселенькая будет картина.

Конечно, она была права. В полиции над ней просто посмеются.

Где-то неделю спустя — это было после того, как клиент Келли посетил очередной сеанс массажа и она выглядела особенно несчастной,— я предложил устроить за ним слежку.

— Как?

Мы тогда лежали в моей постели — наши отношения, что называется, перешли на новый уровень. Но секс для нас обоих был чем-то вроде наркотика, средством позабыть о реальности.

— Когда у него следующий сеанс? — осведомился я.

— Во вторник, в два часа.

— Отлично.

Я ждал в зоне спа-центра возле плавательного бассейна, где клиенты, сонные и удовлетворенные, прогуливаются после процедур. Однако мой «клиент» был какой-то озабоченный и издерганный.

Пока он переодевался, Келли выскочила из кабинета, чтобы сообщить мне, как он сегодня одет. Но ей не стоило беспокоиться — я узнал бы его в любом случае.

Он нес свое бремя, словно тяжелый мешок.

Когда из гаража при отеле ему подали «вольво», я уже ждал за рулем своей машины.

Он — и я следом за ним — вырулил на шоссе 101 и направился в долину*.

Мы ехали по широкому бульвару около пяти миль, после чего свернули у знака «Дети». Припарковавшись возле школьной игровой площадки, он выключил двигатель и стал ждать.

Она снова накатывала.

---

* Подразумевается долина Сан-Фернандо, в которой расположена часть городских районов Лос-Анджелеса.

Парализующая тошнота, от которой хотелось спрятаться, свернуться в клубочек.

Оставаясь в машине, я наблюдал, как он открывает дверь, выходит и осторожно, бочком, идет к забору. Как снимает очки и протирает их о штаны. Как внимательно смотрит на группу учеников начальной школы, выбегающих на улицу через центральный вход. Судя по всему, его внимание привлек один из учеников — пожалуй, четвероклассник,— симпатичный мальчуган, кого-то мне напомнивший. «Клиент» двинулся за ним следом по улице, подбираясь все ближе и ближе — так лев отсекает теленка от стада. Я был только свидетелем происходящего, который не в силах ничего сделать; такой же беспомощный, как и в детстве, когда мой братик спускался по ступеням нашего дома на первое свое причастие.

Я не мог шевельнуться.

Вот он нагнал мальчика и заговорил с ним. Мне не нужно было видеть лицо ребенка — я и так отчетливо все представлял. Мужчина схватил мальчика за руку, а я все сидел в машине и ничего не мог предпринять.

И только когда мальчик вырвал руку, когда он повернулся и побежал, когда мужчина неуклюже бросился за ним, но, сделав несколько шагов, упал и оставил эту затею — только тогда я наконец пошевелился.

Ярость была моим врагом. Ярость была моим давно утраченным другом. Она внезапно, так что мне стало жарко, накатила на меня, прогоняя прочь нерешительность и слабость, заставив буквально пулей вылететь из машины. Теперь я был готов защитить его.

— Джозеф,— прошептал я.

Так звали моего брата.

Мужчина нырнул в автомобиль и скрылся за поворотом. А я остался посреди улицы; сердце бешено колотилось в груди.

Той же ночью я поделился с Келли своим планом.

Мы лежали в постели оба мокрые от пота, и я заявил, что должен это сделать. Ярость вернулась и предъявила на меня

права. Келли крепко прижала меня к своей уютной груди и произнесла:

— Ты дома.

На следующий день я ждал его возле школы. И через день. Ждал всю неделю.

Он появился в понедельник. Подъехал и припарковался прямо напротив игровой площадки.

Когда он выбрался из машины, я подошел с вопросом, как попасть на Четвертую улицу. И только он повернулся указать направление, как я тут же приставил к его спине пистолет.

— Только пикни — и ты покойник.

Мужчина тут же сник, промямлил что-то насчет того, что я могу забрать деньги, но я велел ему заткнуться.

Покорно, словно овечка, он сел в мой автомобиль.

Чья-то мамаша недоверчиво оглядела нас, когда мы проходили мимо.

Я вел машину в укромное местечко в долине, которым уже пользовался раньше, когда меня охватывала слепая ярость, *заставляющая подозреваемых с большими ртами и ужасной* биографией трепетать от страха. Они боялись меня, боялись того, что я собирался с ними сделать. А меня это успокаивало; я обуздывал владевшую мною ярость, как в детские годы, когда говорил всем, что научился, считая до десяти, сдерживаться и не нажимать на спусковой крючок. Такими спусковыми крючками были вещи или люди, выводившие меня из себя. Их было множество.

Человек в облачении священника с белым воротничком. Спусковой крючок номер один.

Нам пришлось преодолеть больше четверти мили до песчаного карьера, заполненного водой неприятного бурого цвета. Стараниями окрестных жителей он превратился в гигантскую свалку.

— Почему? — спросил мужчина, когда я заставил его встать на краю карьера.

Потому что когда мне было всего восемь лет, моя жизнь была сломана. Потому что я убил своего брата точно так же, как

если бы собственными руками затянул ремень вокруг его шеи и отпихнул ногой стул. Вот почему.

Он упал и вскоре исчез среди груд разнообразного мусора.

Почему? Потому что ты заслужил подобную участь.

Когда я появился на следующий день на работе, Келли в отеле не было.

Мне не терпелось все ей рассказать, порадовать ее.

Я набрал номер ее мобильника, однако она не ответила.

У сотрудников отеля я выведал ее адрес. Мы всегда встречались на моей территории, потому что Келли делила комнату с соседкой. Два дня спустя я поднялся на второй этаж дома в Вентуре, где Келли снимала жилье, и постучал в дверь.

Тишина.

На неопрятном заднем дворе я нашел хозяина дома — тот лениво прогуливался среди зарослей росички и одуванчиков.

— Вы не видели Келли?

— Она уехала,— отозвался он, даже не взглянув на меня.

— Уехала? Куда? В магазин?

— Нет. Вообще уехала. Она здесь больше не живет.

— Что вы такое говорите? Куда она могла уехать?

Он пожал плечами.

— Никаких координат она не оставила. Просто уехала вместе с ребенком.

— Каким ребенком?

Наконец он соизволил на меня посмотреть.

— Со своим ребенком. С сыном. А вы, собственно, кто такой?

— Друг.

— Ну что ж, друг Келли. Она забрала ребенка и уехала. Этот ее жалкий приятель увез их. Все. Финита.

Должен признаться, я так и не понял, что же произошло.

Вернувшись в отель, я постарался спокойно поразмыслить над случившимся. Когда из ее кабинета вышла другая масса-

жистка, Труди,— одна из девушек, с которыми Келли порой общалась,— я попросил ее поговорить со мной о Келли. И сообщил ей, что Келли эмпат.

— Кто?

— Эмпат. Дотрагивается до людей и узнает о них разные вещи.

— Да. Например, что все они сексуально озабоченные придурки.

— Ей известно, что люди чувствуют. Известно, кто они такие.

— Ха! С чего вы взяли? Келли?

Я по-прежнему ничегошеньки не понимал.

Даже тогда, когда Труди уставилась на меня, словно на пришельца с альфы Центавра. Даже тогда я отказывался признать очевидное.

— У Келли есть сын,— заметил я.

— Ага. Хороший парнишка. Но это не ее заслуга. Ладно, история не очень-то красивая. Ей просто нужно научиться выбирать себе мужчин поприличнее.

— Вы имеете в виду отца ребенка?

— Нет. Бойфренда. У Келли проблемы с наркотой. Это ее вечные проблемы: с наркотой и с выбором парней.

— Так что с отцом ребенка?

— Ну, он-то весьма приятный мужик. Хорошая работа и все такое. А она его натурально бортанула. Он борется с ней за право опеки над сыном.

— Почему?

— Ну, наверное, считает, что нарики не самая хорошая компания для восьмилетнего ребенка. А она постоянно пытается настроить сына против отца. Гадко это, мать ее. Вы наверняка слышали, как они ругались из-за этого на прошлой неделе в комнате отдыха.

— На прошлой неделе... В какой день?

— Сейчас, подождите. Он иногда приходил, чтобы отдать ей деньги на ребенка. Вроде во вторник.

Оно подступало. Неудержимо.

— Во вторник в какое время?

— Да не помню я! После ланча. А что такое?

Посмотри на него. Оно хочет, чтобы ты посмотрел на него.

«Вроде во вторник... После ланча».

— А как он выглядит, Труди?

— Гос-с-с-поди... Ну что за допрос! С вас ростом, пожалуй. В очках. После встречи с ней он выглядел довольно хреново. Она заявила, что заберет ребенка и навсегда исчезнет, если он не прекратит всю эту бодягу с опекой. Знаете, что я думаю? Ее бойфренду нужны эти денежки, что он дает на ребенка.

«С вас ростом. В очках».

Не смотри. Не смотри!

«Во вторник. После ланча».

Как раз тогда тот мужчина вышел из комнаты отдыха на улицу встревоженный и в расстроенных чувствах. Значит, спорил с ней из-за сына.

«Во вторник».

Именно тогда он поехал в школу, где учится его сын.

«Во вторник».

Там он пытался заговорить с мальчиком, объяснить, что беспокоится за него, и убедить не верить всем тем ужасам, что болтает про него мать. Он хотел взять сына за руку, чтобы тот послушал его, но мальчик вырвался и убежал, поскольку лживые нашептывания гадюки матери сделали свое дело.

— Мальчик,— вымолвил я.— У него темные волосы. Коротко постриженные, как у солдата. Очень хорошенький.

— Да, это он.

«Я эмпат,— жаловалась Келли.— Я дотрагиваюсь до этого плохого человека, этого сексуального извращенца. И что я могу сделать? Ничего. Ничего, потому что полиция не поверит эмпату вроде меня. Он придет во вторник в два часа. Но что я могу сделать? Ничего».

Как?

Как она выбрала меня?

Почему?

А потому.

Потому что заставила меня раскрыть мою самую сокровенную тайну.

Потому что однажды ей, одной из массажисток, указали на меня и предостерегли: о! этот... держись от него подальше. Бывший коп, который избивал людей до полусмерти.

Но она поступила с точностью до наоборот: спустилась в подвальное помещение, где я проверял на прочность свои кулаки, круша ими стены. Стала со мной общаться. А потом я весь раскрылся перед ней и в перерывах между занятиями сексом выдал все свои ужасные секреты.

Мой брат. Моя вина. Моя ярость.

Моя троица.

Своеобразная религия с одним-единственным последователем и единственной заповедью.

Ты имеешь право на месть!

«Он плохой человек,— произнесла Келли.— Он придет во вторник в два часа. Во вторник».

В два часа.

Этот человек просто любил сына. И просто пытался его защитить.

От нее.

«Почему? — спросил он, стоя на краю песчаного карьера за несколько секунд до смерти.— Почему?»

Потому что ярость так же слепа, как и любовь. А Келли дала мне и то и другое.

Я расскажу вам, что в Лос-Анджелесе случилась засуха, которая превратила кустарник в горах Малибу в гигантскую вязанку сухого хвороста. В пламени пожаров сгорели дома стоимостью в десятки миллионов долларов. Из-за засухи наполовину обмелело море Солтона, а вода в том самом песча-

ном карьере высохла полностью, и мужчина, который приволок на выброс стиральную машину, увидел тело, свернувшееся возле старинного масляного картера.

Я расскажу вам, что тело опознали, а извлеченную из сердца пулю идентифицировали как выпущенную из «вальтера» сорок пятого калибра — оружия, которое обычно используют охранники. Кроме того, объявилась та самая мамаша, которая сообщила полиции, что видела недалеко от школы, где учится ее сын, как погибшего мужчину заставляли сесть в автомобиль.

Я расскажу вам, что машина правосудия, словно колесница Джаггернаута, неумолимо покатилась в мою сторону.

Я расскажу вам, что меня не очень-то любят коллеги-полицейские, с которыми я раньше работал, но существует такая вещь, как профессиональный кодекс. И мой бывший напарник, едва не вылетевший со службы вместе со мной, раздобыл банковские записи, так что я разузнал, где Келли Марсел в последнее время пользовалась своей кредиткой.

Я расскажу вам, что чуть южнее Ла-Джоллы есть мотель, где можно снять номер почти задаром.

Я отправился туда.

И выяснил, что Келли оставила сына у его бабушки, живущей в трейлерном парке возле моря.

Ее бойфренд свалил в неизвестные края.

А она опустилась на самое дно.

Я расскажу вам, что сижу сейчас в темном номере мотеля.

Шторы плотно прикрыты, чтобы она не увидела меня, когда войдет. И тогда она точно не посмотрит в мою сторону и включит свет.

Я расскажу вам, что сейчас слышу, как она приближается. Вот хлопнула дверца автомобиля, захрустел гравий на ведущей к двери дорожке.

Я расскажу вам, что держу в руке «вальтер» сорок пятого калибра и в нем две пули. Две.

Я расскажу вам, что дверь открывается.

Я расскажу вам, что наконец, по прошествии стольких лет, тьма больше не пугает меня; я обнаружил, что покой утешает сильнее, чем ярость.

— Мне жаль,— говорю я.

К кому я обращаюсь?

А этого я не расскажу вам.

Не расскажу...

Джеймс Роллинс

Романы Джеймса Роллинса «Песчаный дьявол» (2003) и «Кости волхвов» (2004) стоят особняком от его более ранних работ – законченных произведений со своими уникальными героями. Двумя вышеназванными романами Роллинс открывает серию произведений, объединенных одними и теми же действующими лицами. Причиной появления серии послужили как просьбы читателей, так и собственное желание автора. На протяжении нескольких лет поклонники творчества Роллинса засыпали его вопросами о дальнейшей судьбе героев ранних романов. Что стало с ребенком Эшли и Бена из «Пещеры» (1999)? Какой порт оказался следующим на пути команды из «Бездны» (2001)?

В конце концов Роллинсу и самому стали интересны ответы на подобные вопросы. И тогда он решил взяться за непростое дело: создать цикл произведений. Писатель вознамерился сотворить маленькую вселенную, населить ее действующими лицами, придумать для них мифологию и потом наблюдать, как они живут, работают, добиваются успеха или терпят неудачи и на личном, и на профессиональном поприще. Но в то же время Роллинс не собирался отказываться от своих корней. Будучи по образованию биологом, он в новых рома-

нах, как и в ранних работах, органично вводит интригующие современные научные открытия в повествование об исторических тайнах и загадках. Главные герои цикла – члены отряда «Сигма», элитного подразделения бывших сотрудников спецслужб, прошедших дополнительное обучение по различным научным дисциплинам (сам Роллинс шутливо именует их «учеными-убийцами, действующими за рамками закона»). И наконец, как обладатель докторской степени по ветеринарной медицине, Роллинс не может отказать себе в удовольствии вплести в сюжет редких, экзотических животных, которые играют в действии не последнюю роль.

Этот рассказ не является исключением.

В нем Роллинс объединяет героев прошлого и настоящего, выводя на авансцену Джо Ковальски, второстепенного персонажа (но одного из своих любимцев) из последнего внесерийного романа «Айсберг» (2003). Военного моряка Ковальски можно описать как человека, у которого есть все задатки героя, но недостаточно мозгов, чтобы этим героем стать. Как же поведет себя простой американский парень Ковальски, когда его вовлекут в операцию, проводимую знаменитым отрядом «Сигма»?

Как говорится, лучше слепая удача, чем никакой.

Джеймс Роллинс

ВЛЮБЛЕННЫЙ КОВАЛЬСКИ

Она не могла на это спокойно смотреть... как он раскачивается туда-сюда, пойманный в ловушку для диких свиней. Курносый нос, коротко остриженные тусклые волосы — шестифутовый кусок мяса, подвешенный на крюк; обнаженный, если не считать мокрых трусов-боксеров серого цвета. Грудь вся иссечена старыми шрамами, и на их фоне выделяется свежая рваная рана, протянувшаяся от ключицы до паха. В широко раскрытых глазах застыло дикое выражение.

И тому есть причины.

Две минуты назад доктор Шэй Розауро приземлилась на пляже и едва отцепила парашют, как услышала в джунглях крики и поспешила проверить, что случилось. Передвигалась она незаметно, скрываясь в тени и листве, абсолютно бесшумно и постоянно оглядываясь по сторонам.

— Убирайся, извращенец хренов!

Мужчина беспрерывно исторгал проклятия с выраженным акцентом уроженца Бронкса. Американец. Такой же, как и она.

Доктор Розауро взглянула на часы. Тридцать три минуты девятого утра.

Остров взлетит на воздух через двадцать семь минут.

Мужчина умрет раньше.

Непосредственную угрозу для него представляли двуногие обитатели острова, привлеченные человеческими криками. Взрослая особь мандрила* весит в среднем свыше сотни

Copyright © 2006 by James Rollins.

* Мандрил — вид приматов из семейства мартышковых.

фунтов, большая часть которых приходится на мышцы и зубы. Странно было видеть типичного представителя африканской фауны на лесистом острове у побережья Бразилии. Желтые ошейники с радиомаяком свидетельствовали о том, что прежде обезьяны служили объектами изучения профессора Салазара, который устроил на этом удаленном острове исследовательскую лабораторию. Mandrillus sphinx считаются плодоядными животными, то есть их пищевой рацион состоит из фруктов и орехов.

Но не всегда.

Иногда мандрилы не прочь отведать и мяса.

Из стаи выступил самец с угольно-черной шерстью; его широкую красную морду окаймляли с обеих сторон костные борозды голубого цвета — окраска вожака стаи. Он медленно обошел вокруг пойманного в ловушку мужчины. Самки и рядовые самцы — все с шерстью коричневого цвета — сидели неподалеку или же висели на ветках ближайших деревьев. Один из мандрилов зевнул, широко раскрыв пасть и обнажив трехдюймовые клыки и набор великолепных резцов.

Самец принюхался к мужчине, и тут же в нескольких сантиметрах от морды любопытного примата просвистел мощный кулак.

Встав на задние конечности, вожак зарычал, в оскаленной пасти сверкнули во всей красе желтые клыки. Ужасающее и впечатляющее зрелище. Остальные обезьяны придвинулись ближе.

Появившись на поляне, Шэй мгновенно оказалась в центре внимания всех присутствующих. Она подняла руку и нажала кнопку на специальном звуковом устройстве, называемом в обиходе «крикуном». Последовавший за этим рев сирены произвел ожидаемый эффект.

Обезьяны стремительно бросились в лес. Мандрил-вожак подскочил, ухватился за нависшую над землей ветку и, перебирая руками-ногами, исчез в спасительной темноте джунглей.

Мужчина, по-прежнему раскачиваясь на веревке, обратился к своей спасительнице:

— Эй! Как насчет...

Но Шэй уже сжимала в руке мачете. Запрыгнув на огромный валун, она одним взмахом остро заточенного ножа перерезала пеньковую веревку.

Бедолага тяжело рухнул на мягкую землю и перекатился на бок. Какое-то время он сражался с опутавшим лодыжку силком, изрыгая поток ругательств. Наконец ему удалось распутать узлы на веревке.

— Чертовы мартышки!

— Мандрилы,— поправила Шэй.

— Чего?

— Это мандрилы, а не мартышки. У них есть хвосты.

— Да какая разница! Я видел только большие чертовы зубы!

Когда мужчина поднялся, отряхивая колени, Шэй заметила у него на правом предплечье вытатуированный якорь. Бывший военный моряк? Он может быть полезным. Шэй снова посмотрела на часы.

Восемь тридцать пять.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

— Моя посудина пошла на дно.

Его взгляд скользил по соблазнительным формам Шэй.

Что ж, она привыкла к подобному интересу со стороны представителей мужского пола... даже сейчас, когда была в простом камуфляжном костюме и прочных армейских ботинках. Черные волосы до плеч были аккуратно убраны за уши и покрыты черной банданой. Кожа кофейного цвета сверкала в знойном тропическом воздухе.

Наткнувшись на ответный изучающий взгляд, мужчина кивнул в сторону берега.

— Лодка утонула, и я добрался сюда вплавь.

— Ваша лодка затонула?

— Ну, в общем, она взорвалась.

Шэй смотрела на него, ожидая дальнейших разъяснений.

— Произошла утечка газа. Я бросил сигару...

Взмахом мачете она заставила мужчину умолкнуть на середине фразы. Шэй должны были забрать на северном полуострове менее чем через полчаса. Согласно графику операции, ей необходимо было успеть добраться до места, вскрыть сейф и взять ампулы с противоядием. Заметив тропинку, она без лишних слов двинулась в джунгли. Мужчина потащился следом.

— Эй... куда мы идем?

Шэй вытащила из рюкзака свернутое пончо и протянула ему.

Продевая голову в дырку и стараясь не отстать, он представился:

— Меня зовут Ковальски.

Наконец ему удалось просунуть голову, и теперь он пытался расправить складки пончо на могучем теле.

— У вас есть лодка? Возможность убраться с этого проклятого острова?

В тот момент у нее не было времени что-то сочинять.

— Через двадцать три минуты бразильские военные забросают этот атолл зажигательными бомбами.

— Что?

Ковальски машинально взглянул на запястье, однако часов там не оказалось.

— Меня должны забрать в восемь пятьдесят пять на северном полуострове,— продолжала Шэй.— Но прежде мне нужно кое-что здесь найти и унести с собой.

— Погодите. Что вы такое говорите? Кому надо бомбить эту вонючую дыру?

— Бразильским ВМС. Через двадцать три минуты.

— Ну конечно.— Он покачал головой.— Из всех чертовых островов мою задницу занесло именно на тот, который вот-вот собираются уничтожить.

Эту страстную тираду Шэй проигнорировала. Хорошо хоть новый знакомый не отставал. Надо отдать ему должное. Он либо настолько храбр, либо настолько глуп.

— О, смотрите, манго! — воскликнул Ковальски, протягивая руку к желтому фрукту.

— Не трогайте.

— Но я не ел уже...

— Всю растительность на острове опрыскали с воздуха трансгенным рабдовирусом*.

Ковальски отдернул руку.

— При попадании внутрь человека вирус стимулирует сенсорные центры в мозге, усиливая зрение, слух, обоняние, вкус и осязание.

— И что в этом плохого?

— Одновременно разрушается ретикулярный аппарат коры головного мозга, и в жертве пробуждается необузданная ярость.

Позади этой идущей по джунглям пары эхом прокатился громкий рев. В ответ с другой стороны раздался вой и кашляющие звуки.

— Мартышки...

— Мандрилы. Да, они определенно инфицированы. Объекты экспериментов.

— Великолепно! Остров взбесившихся гамадрилов.

Не обращая внимания на его словоблудие, Шэй протянула руку. Через брешь в густой листве на вершине соседнего холма виднелась побеленная асьенда**.

— Нам нужно попасть вот туда.

Крытое терракотовой плиткой строение арендовал профессор Салазар; внутри он проводил свои исследования, финансируемые некой организацией террористического толка. Здесь, на этом изолированном острове, он ставил заключительные эксперименты по совершенствованию своего биологического

---

* Рабдовирусы — семейство РНК-содержащих вирусов. Вызывают у человека и животных инфекционные заболевания с различными клиническими проявлениями, например бешенство. Под трансгенным организмом понимается организм, в геном которого искусственно введен ген другого организма.

** Асьенда — крупное частное поместье в Испании и Латинской Америке.

оружия. Два дня назад члены отряда «Сигма» — секретного подразделения спецназовцев-ученых, чьей задачей являлось предотвращение глобальных угроз,— захватили Салазара в самом сердце бразильской сельвы. Но перед этим негодяй успел заразить целую индейскую деревню в районе Манауса, в том числе и расположенный поблизости международный детский реабилитационный центр.

Болезнь еще находилась на ранней стадии, но быстро прогрессировала, и бразильские военные немедленно ввели в округе карантинный режим. Исправить ситуацию могло только противоядие, хранившееся в сейфе на асьенде профессора Салазара.

По крайней мере, оно могло там храниться.

Сам профессор заявил, что уничтожил все запасы.

Основываясь на этом утверждении, бразильские власти решили свести риск к минимуму. На рассвете ожидался шторм с ураганным ветром, и власти опасались, что он может подхватить вирус и перенести с острова в прибрежные джунгли. Достаточно было одного листочка, чтобы заразить все тропические леса континента. Тогда и появился план забросать остров зажигательными бомбами и выжечь всю растительность, вплоть до голой скалы. Начало операции назначили на девять утра. Невозможно было убедить правительство рискнуть и отложить операцию — надежда раздобыть противоядие казалась слишком призрачной. Все и вся надлежало стереть с лица земли. В том числе и индейскую деревню. Это были приемлемые жертвы.

Гнев охватил Шэй, когда она мысленно представила своего напарника Мануэля Гаррисона. Он пытался эвакуировать детей из центра, но оказался блокирован в зараженном районе, а после и сам заразился. Вместе со всеми детьми.

В лексикон доктора Розауро словосочетание «приемлемые жертвы» не входило.

Не в этот раз.

И она решила действовать в одиночку. Уже прыгнув с парашютом и находясь в свободном падении, она сообщила по рации о своем плане. Руководство «Сигмы» пообещало выслать

спасательный вертолет к северной оконечности острова. Он приземлится там всего на одну минуту. Либо Шэй успеет вовремя добраться до вертолета, либо... умрет на этом острове.

У нее имелись реальные шансы на успех.

Вот только теперь она была не одна.

Здоровяк, едва не ставший жертвой обезумевших обезьян, шумно топал за ее спиной и что-то насвистывал. Насвистывал... Шэй обернулась.

— Мистер Ковальски, помните, я говорила, что вирус обостряет слух у зараженного?

В спокойном тоне, каким была произнесена эта фраза, проскользнули нотки раздражения.

— Извините.

Он оглянулся назад, на тропу.

— Осторожно: здесь ловушка на тигра,— предупредила Шэй, обходя прикрытую наспех яму.

— Что?..

Левой ногой Ковальски наступил прямо на крышку из сплетенного тростника, закрывающую яму; конструкция не выдержала его веса и рухнула вниз.

Шэй успела плечом оттолкнуть мужчину в сторону и упала на него сверху. Ощущение было такое, будто она свалилась на груду кирпичей. Вот только кирпичи и те отличаются большей сообразительностью.

Она приподнялась на руках.

— Ну, после того как вы уже попались один раз в западню, могли бы внимательнее смотреть на дорогу! Этот остров — одна большая ловушка!

Поднявшись, Шэй поправила рюкзак и стала аккуратно обходить утыканную острыми шипами яму.

— Держитесь меня. Ступайте по моим следам.

Рассердившись на неловкого Ковальски, она не заметила натянутой веревки.

Только тренькнуло что-то в воздухе.

Доктор Розауро отпрыгнула в сторону, но было слишком поздно. Привязанное за веревку бревно вылетело из кустов и

ударило ее по колену. Большая берцовая кость хрустнула, и Шэй полетела прямо в разверстую пасть ловушки.

В воздухе она попыталась увернуться и избежать острых железных шипов. Однако надежды не оставалось...

И тут она снова врезалась в груду кирпичей.

Это Ковальски ринулся вперед и перекрыл яму могучим телом. Шэй отскочила от него и рухнула на землю. Острая вспышка боли пронзила колено, потом бедро и прокатилась вдоль всего позвоночника. В глазах Шэй потемнело, но не настолько, чтобы она не увидела изогнутую под причудливым углом ногу.

Подошел Ковальски и запричитал:

— Ох, как же это... ох...

— Нога сломана,— превозмогая боль, выдавила Шэй.

— Надо наложить шину.

Она посмотрела на часы.

Восемь тридцать девять.

Осталась двадцать одна минута.

От Ковальски не укрылось ее беспокойство.

— Могу понести вас. У нас еще есть шанс успеть на место встречи.

Шэй мысленно прикинула время. Представила глуповатую ухмылку Мануэля... и множество детских лиц. На мгновение она ощутила боль гораздо более сильную, чем в сломанной ноге. Она не имела права на неудачу.

Поняв все по ее лицу, Ковальски заметил:

— Вы не сможете проникнуть в тот дом.

— У меня нет выбора.

— Тогда разрешите мне,— выпалил он и, кажется, удивился собственным словам не меньше, чем Шэй. Но на попятную не пошел.— Идите потихоньку в сторону берега. А я заберу из этой треклятой асьенды то, что вам нужно.

Она повернулась и посмотрела ему прямо в глаза. Ей отчаянно хотелось найти в себе хоть какой-то проблеск надежды, какие-то скрытые резервы, которые вернут ей здоровье и силы. Однако ничего не получалось. Иного варианта, кроме того, что предложил Ковальски, не было.

— Вам попадутся и другие ловушки.

— На этот раз буду смотреть в оба.

— В кабинете стоит сейф... Хотя прямо сейчас некогда объяснять, как его вскрыть.

— У вас есть лишняя рация?

Она кивнула.

— Тогда расскажете, когда я окажусь на месте.

Доктор Розауро секунду колебалась, но времени для сомнений просто не было. Она взяла рюкзак и попросила:

— Нагните голову.

Из бокового кармана она вытащила два предмета, внешне напоминающие кусочки пластыря. Приклеила один за ухом мужчины, второй — над его кадыком.

— Микроприемник и передатчик. Вслух произносить ничего не надо, достаточно просто шевелить губами.

Шэй быстро проверила рацию, одновременно объясняя Ковальски всю серьезность ситуации, в которой он оказался.

— Пожалуй, чересчур для отпуска под теплым солнышком,— пробурчал он.

— И еще кое-что,— добавила Шэй, доставая из рюкзака несколько металлических деталей какого-то устройства.— Кинетическая винтовка со сменными зарядами.

Быстро собрав оружие, она в заключение вставила в отверстие в нижней части толстый цилиндрический предмет. По виду это напоминало укороченную штурмовую винтовку, но с более широким и приплюснутым стволом.

— Предохранитель вот здесь,— пояснила она, наведя винтовку на ближайший кустарник и надавив на спусковой крючок.

Раздалось едва слышное жужжание. Заряд вырвался из ствола и прошил кустарник, срезая на лету листья и ветки.

— Стреляет заточенными как бритва дюймовыми дисками. Можно стрелять одиночными и очередями.— Шэй показала, как переключать режимы.— В магазине двести зарядов.

Ковальски присвистнул и взял оружие в руки.

— Может, вы оставите себе эту... газонокосилку. С вашей ногой вам придется тащиться со скоростью улитки.— Он кивнул в сторону джунглей.— А там эти чертовы мартышки.

— Это мандрилы... И потом, у меня ведь есть карманный «крикун». А теперь идите.— Шэй снова посмотрела на часы. (Вторые часы, синхронизированные с первыми, она отдала Ковальски.) — Девятнадцать минут.

Ковальски кивнул.

— До скорой встречи.

Он сошел с тропинки и практически моментально исчез в густой листве.

— Куда вы? — спросила Шэй по рации.— Тропинка...

— На хрен тропинку,— отозвался Ковальски.— Попробую срезать напрямую через джунгли. Там меньше ловушек. Кроме того, у меня теперь есть классная штуковина, которая расчистит дорогу к дому этого психа доктора.

Шэй хотелось верить, что он прав. Ведь другой возможности вернуться и попытать счастья еще раз, просто не будет. Она быстро сделала себе инъекцию морфия, соорудила костыль из ветки сломанного дерева и, уже поковыляв к берегу, услышала охотничий клич оголодавших мандрилов.

Она очень надеялась, что Ковальски удастся перехитрить обезьян.

От этой мысли она громко застонала. И дело было не в сломанной ноге.

К счастью, теперь у него был нож.

Ковальски повис вниз головой... во второй раз за день. Сложившись почти пополам, он схватил ногу, угодившую в петлю, и перерезал веревку. Та разошлась с легким хлопком. Он полетел вниз, успел сгруппироваться и с громким треском рухнул на лесную подстилку.

— Что это было? — послышался в приемнике голос доктора Розауро.

— Ничего,— проворчал он.— Просто споткнулся о камень.

Распрямив конечности, он лежал теперь на спине, восстанавливая сбитое при падении дыхание. Затем мрачно поко-

сился на свисающую над головой веревку. Ему вовсе не улыбалось сообщать красивой докторше, что он во второй раз наступил на те же грабли. Он еще не растерял всю гордость.

— Чертова ловушка,— пробубнил Ковальски себе под нос.

— Что?

— Ничего.

Он совершенно забыл о высокой чувствительности передатчика.

— Ловушка? Вы что, снова попались в ловушку?

Однако Ковальски хранил молчание.

Его мама однажды заявила: «Лучше держать рот на замке, и пускай люди догадываются, что ты дурак, чем открыть его и отмести все сомнения».

— Смотрите внимательно, куда идете,— сказала Шэй.

Ковальски подавил раздражение и не ответил резко, как хотел бы. Он слышал боль в ее голосе. Боль и страх. Тихонько поднявшись с земли, он взял в руки винтовку.

— Семнадцать минут,— напомнила доктор Розауро.

— Я уже почти на месте.

Беленькая асьенда казалась мирным островком цивилизации в буйном море дикой природы. Ее прямые линии и стерильная чистота резко контрастировали с беспорядочными зарослями, так и дышащими первобытной жизнью. На тщательно ухоженной территории находились три строения, они соединялись между собой крытыми переходами и окружали небольшой внутренний дворик с садом. В центре двора стоял трехъярусный, оставшийся еще от испанцев фонтан, отделанный синим и красным кафелем. Фонтан был выключен.

Ковальски внимательно изучал огороженную территорию, пока у него не заныла от напряжения спина. Ни малейшего движения, если не считать колыхания ветвей кокосовых пальм. Постепенно поднимался ветер, предвещая приближение настоящего урагана. С юга на небе собирались грозовые тучи.

— Кабинет на первом этаже,— раздался в ухе голос доктора Розауро,— ближе к задней части дома. Будьте осторожнее с оградой, она может быть под напряжением.

Получив это предупреждение, Ковальски тщательно осмотрел ограду, представляющую собой металлическую сетку почти восьми футов высотой, увенчанную свитыми кольцами колючей проволоки. От джунглей ее отделяли примерно десять футов скошенной и выжженной травы. Ни следа присутствия людей.

И ни намека на присутствие мартышек.

Он подобрал обломанную ветку и сделал шаг к ограде. Прищурившись, протянул ветку к металлическим кольцам. Взглянул на босые ноги.

«Может, чтобы не шарахнуло, я должен быть в обуви?» — мелькнула мысль.

Но откуда он мог знать?

Как только ветка коснулась сетки, тишину нарушил пронзительный вой. Ковальски проворно отскочил назад, но потом сообразил, что звук доносится не от ограды, а откуда-то слева. Со стороны берега.

«Крикун» доктора Розауро.

— С вами все в порядке? — спросил Ковальски.

Длительная тишина заставила его задержать дыхание. Наконец приемник ожил.

— Наверное, мандрилы чувствуют мою рану,— сообщила Шэй.— Они собираются вокруг меня. Идите и не останавливайтесь.

Ковальски еще несколько раз ткнул веткой в ограду — так ребенок тычет палкой в дохлую крысу, желая убедиться, что она действительно мертва. Наконец, удовлетворившись, он перерезал колючую проволоку ножницами, выданными доктором Розауро, и быстро перелез на ту сторону, уверенный, что ограда просто притворялась и сейчас его пронзит смертельный разряд.

Со вздохом облегчения он приземлился на аккуратно постриженную лужайку, которая составила бы честь любому гольф-клубу.

— У вас мало времени,— напомнила доктор, что, впрочем, было излишним.— Если все пройдет удачно, выбирайтесь че-

рез заднюю дверь и ступайте прямо по парку. Он выведет вас на берег. А там уже и до северного полуострова рукой подать.

Выслушав инструкцию, Ковальски поспешил к главному зданию. Переменившийся ветер принес запах дождя и... зловонное дыхание смерти — вонь мяса, долго пролежавшего на солнце. С дальней стороны фонтана лежало тело человека.

Ковальски обошел вокруг трупа. Лицо несчастного было обглодано до костей, одежда порвана на мелкие лоскутки, живот искромсан, так что раздувшиеся внутренности вывалились на землю и остались там, словно красочный серпантин. Судя по всему, после того как добрый доктор покинул дом, здесь вволю попировали мартышки.

В одной руке мертвец крепко сжимал пистолет. Затвор был открыт, магазин пуст. В любом случае, это недостаточно эффективное средство против чертовых плотоядных тварей. Ковальски поднял собственное оружие и стал высматривать, не скрываются ли в темных уголках обезьяны. Но не увидел даже тел. Либо бедолага был совершенно никудышным стрелком, либо краснозадые твари утащили трупы сородичей, возможно намереваясь сожрать позднее — устроить себе роскошный пир.

Затем Ковальски обошел кругом внутренний дворик. Пусто.

Тогда он направился прямиком к главному строению. Что-то — то ли увиденное, то ли услышанное — не давало ему покоя. Он поскреб голову, пытаясь прогнать назойливую мысль, что что-то не так, но безуспешно.

Поднявшись на сделанное из чистого дерева крыльцо, он подергал дверную ручку. Закрыто на задвижку, но не заперто. Одним ударом ноги он толкнул дверь, держа винтовку наготове и ожидая нападения целой своры мартышек.

Дверь распахнулась во всю ширь, ударилась о стену и, вернувшись в исходное положение, захлопнулась прямо перед носом Ковальски.

Раздраженно фыркнув, он снова схватился за ручку, но та не двинулась с места. Он потянул сильнее.

Заперто.

— Это шутка, что ли?

Вероятно, от удара засов встал на место и замок защелкнулся.

— Вы уже внутри? — осведомилась Розауро.

— Почти,— буркнул Ковальски.

— Что вас держит?

— Ну... тут случилось такое...— Он попытался придать голосу робости, но подобная манера подходила ему, как корове седло.— Думаю, кто-то запер дверь.

— Попробуйте окно.

Ковальски осмотрел большие окна, расположенные по обе стороны от запертой двери. Выбрал правое и заглянул внутрь. Взору его открылась простенько обставленная кухня с дубовыми столами, большой белой раковиной и старой эмалированной посудой. Неплохо. Может, в холодильнике даже отыщется бутылочка пива. Помечтать, конечно, можно. Но дело прежде всего.

Отойдя на шаг, он прицелился из винтовки и выстрелил. Серебристый диск прошил насквозь деревянную дверь с такой же легкостью, как и пуля. Щепки полетели во все стороны.

Он ухмыльнулся. Кажется, все не так уж плохо.

Отступив еще немного и встав на краю крыльца, он перевел переключатель в режим автоматического огня и разнес дверь в мелкую щепу.

Затем просунул голову в образовавшуюся дыру и крикнул:

— Эй, есть кто дома?

И в этот момент Ковальски увидел оголенный провод, с шипением скачущий вокруг серебристого диска, воткнувшегося в оштукатуренную стену... и точнехонько в электропроводку. В дальней стене торчали и другие диски... а один пробил трубу, ведущую к газовой плите.

Ковальски даже не стал чертыхаться.

Он лишь успел повернуться и отпрыгнуть, как за его спиной грохнул взрыв. Волна раскаленного воздуха швырнула его вперед, накинув пончо на голову. Он ударился о землю и покатился по двору, словно гигантская шаровая молния. За-

путавшись в пончо и ничего не видя перед собой, он врезался прямо в истерзанный труп. Все части тела ныли, вокруг стоял непереносимый жар, пальцы инстинктивно пытались нащупать опору, но находили под собой лишь мертвую плоть и противно хлюпающие кишки.

Давясь и кашляя, Ковальски наконец освободился от пончо и скинул его на землю. Поднялся, дрожа, как мокрый пес, и с отвращением вытер окровавленные руки. Затем посмотрел на здание.

За окнами кухни плясали языки пламени. Через дыру в расстрелянной двери сочился черный дым.

— Что случилось? — прохрипел в приемнике голос доктора.

Он только покачал головой. Пожар стремительно распространялся; огонь, вырвавшись через разбитые окна, уже весело принялся за крыльцо.

— Ковальски?

— Дурацкая ловушка. Я в порядке.

Подобрав винтовку, запутавшуюся в складках пончо, он закинул ее на плечо и решил обогнуть здание и войти в заднюю дверь. По словам доктора Розауро, кабинет Салазара находился в той части дома.

Если он поспешит...

Ковальски взглянул на часы.

Восемь сорок пять.

Время проявить себя.

Он шагнул к северной части асьенды. Босая нога поскользнулась на вылезших из трупа кишках, склизких, словно банановая кожура. Ковальски потерял равновесие и упал лицом вниз, при этом больно ударившись. Винтовка стукнулась о слежавшуюся землю, и палец непроизвольно нажал на спусковой крючок.

Вылетевшие из ствола серебристые диски нашли цель: неуклюже передвигающегося человека, который только что выбежал во двор. Одна рука его была охвачена пламенем. Мужчина взвыл — но не в предсмертной агонии, а в дикой ярости.

Ковальски увидел болтающиеся на нем остатки облачения дворецкого. Глаза, наполовину прикрытые тестообразной субстанцией, яростно сверкали. Изо рта, искривленного в жуткой ухмылке, текла пена. Вся нижняя половина лица мужчины была в крови; кровью также насквозь пропиталась некогда белоснежная накрахмаленная рубашка.

И тут Ковальски осенило — вообще-то такое с ним редко случалось,— он понял, что же все это время не давало ему покоя. Отсутствие трупов обезьян. Он предположил, что их сожрали свои же сородичи — но в таком случае почему они оставили весьма привлекательный кусок мяса?

Ответ оказался прост: здесь и не было никаких обезьян.

Судя по всему, на этом острове заразились не одни только животные.

И не одни животные были каннибалами.

Дворецкий — рука его по-прежнему полыхала — ринулся на Ковальски. Первая очередь смертоносных дисков поразила нападающего в плечо и шею. Лохмотья моментально окрасились кровью. Но целеустремленного маньяка не так-то просто было остановить.

Прицелившись пониже, Ковальски нажал на спусковой крючок.

Веер сверкающих дисков прошил воздух на высоте колена, вспарывая сухожилия и дробя кости. Словно подкошенный, дворецкий рухнул на землю, оказавшись почти нос к носу с Ковальски, и железной хваткой вцепился ему в горло. Ногти глубоко вонзились в плоть. Ковальски поднял дуло винтовки и сказал:

— Извини, приятель.

Прицелившись в раскрытый рот, он зажмурился и выстрелил.

Раздался противный вой, бульканье — и моментально все стихло. Острейший диск сделал свое дело.

Ковальски открыл глаза: дворецкий лежал лицом вниз, раскинув руки.

Он был мертв.

Перекатившись на бок, Ковальски вскочил на ноги. Осмотрелся по сторонам — не подкрадывается ли еще кто-нибудь? — и припустил к дальней стороне асьенды. По дороге он заглядывал в окна: раздевалка, лаборатория со стальными клетками для животных, бильярдная.

В задней части здания бушевал огонь, раздуваемый все усиливающимся ветром. Черный дым взвивался в потемневшие небеса.

В следующем окне Ковальски увидел комнату с массивным деревянным письменным столом и книжными полками, высящимися от пола до потолка.

Вероятно, тот самый кабинет профессора.

— Доктор Розауро,— прошептал Ковальски.

Тишина.

— Доктор Розауро,— повторил он чуть громче.

Опять ничего.

Тогда он схватился за горло и обнаружил, что передатчик исчез, слетел во время драки с дворецким. Он оглянулся на двор. К небу поднимались языки пламени.

Итак, теперь он предоставлен самому себе.

Снова повернувшись, Ковальски заметил, что задняя дверь, ведущая в кабинет, приоткрыта.

Отчего же ему это не нравится?

Чувствуя, что время уходит, Ковальски осторожно двинулся вперед, готовый в любую секунду выстрелить. Кончиком винтовки слегка подтолкнул дверь, открывая ее пошире.

Он готов был увидеть что угодно: взбесившихся обезьян, маньяков-дворецких... но не молодую женщину в плотно облегающем черном костюме для подводного плавания.

Она склонилась перед открытым напольным сейфом, но, услышав скрип двери, быстро выпрямилась, демонстрируя гибкость. На одном плече у нее висела сумка. Распущенные влажные волосы были черными, как сама ночь, кожа светилась медовым загаром. Чуть затуманенные глаза цвета жженого сахара посмотрели прямо на Ковальски.

В руке красавица сжимала девятимиллиметровый «ЗИГ-Зауэр».

Ковальски привалился к косяку и выставил перед собой винтовку.

— Кто вы такая, черт бы вас побрал?

— Меня зовут Кондеза Габриэлла Салазар, сеньор. Вы вторглись во владение моего мужа.

Жена профессора. Ковальски нахмурился. Ну почему все симпатичные девицы так любят разных проходимцев? Однако он проигнорировал заявление сеньоры Салазар и задал новый вопрос:

— Что вы здесь делаете?

— Вы американец, sí?* Отряд «Сигма», конечно же.— Последнюю фразу она произнесла с усмешкой.— Я пришла за препаратом мужа. Хочу предложить бартер: противоядие в обмен на свободу моего marido**. Вы не остановите меня.

После этих слов она выстрелила. Пуля пробила дыру в двери, и на спину Ковальски посыпались щепки.

Легкость, с какой чертовка обращалась с пистолетом, наводила на мысль, что для нее это привычное занятие. Кроме того, раз она вышла замуж за профессора, значит, ее IQ на несколько пунктов выше, чем у мужа.

Мозги и к ним в придачу такое шикарное тело...

Жизнь — несправедливая штука.

Ковальски попятился, прикрывая боковую дверь.

Над ухом разлетелось вдребезги оконное стекло. Пуля просвистела так близко, что, казалось, задела волоски на шее. Он пригнулся и вжался в саманную стену.

Сучка вышла из кабинета и теперь медленно выжимала его на улицу.

Тело, мозги... а кроме того, она знает здесь каждый кустик.

Ничего удивительного, что ей удалось избежать встречи со всеми местными страшилищами.

С улицы послышался пока еще далекий гул. Характерное хлопанье лопастей приближающегося вертолета. Того, кото-

---

* Да? *(исп.)*

** Муж *(исп.)*.

рый должен забрать доктора Розауро. Ковальски посмотрел на часы. Естественно, вертушка прибыла раньше времени.

— Торопились бы к своим друзьям,— посоветовала сеньора Салазар.— Пока еще не поздно.

Ковальски уставился на тщательно ухоженную лужайку, простирающуюся до самого берега. На ней абсолютно негде было укрыться. Эта сучка его непременно уложит, не пройдет он и нескольких шагов.

Настало время выбора: действовать или умереть.

Удобно расставив ноги, Ковальски сосредоточился, сделал глубокий вдох и прыгнул спиной вперед, вышибая стекла, оставшиеся в оконной раме после выстрела. Винтовку он крепко прижал к груди. Приземление получилось не самым удачным, однако Ковальски смягчил удар, перекатившись на бок и не обращая внимания на впившиеся в тело острые осколки.

Встал, пригнувшись, и поднял винтовку. Поводил ею из стороны в сторону.

Комната была пуста.

Сучка свалила.

Что ж, придется побегать по дому, поиграть в кошки-мышки.

Он двинулся к двери, ведущей в глубь здания. Под потолком собирались клубы дыма. В помещении было жарко, как в печке.

На плече у женщины висела сумка. Значит, она уже достала из сейфа содержимое и сейчас направлялась к одному из выходов.

Соблюдая осторожность, Ковальски приблизился к следующей комнате.

Это была застекленная терраса. Окна от пола до потолка открывали вид на великолепные сады и лужайку. Ротанговая мебель и расставленные повсюду ширмы давали прекрасную возможность спрятаться. Необходимо было как-то перехитрить красотку. Выманить из укрытия. Да, именно так.

Крадучись и держась задней стены, он почти миновал террасу. Никто не нападал. Вот уже впереди и дверь в прихожую. Открытая дверь.

Ковальски про себя выругался. Когда он заходил, она наверняка выходила и сейчас уже на полпути к Гондурасу. Он мигом выскочил на заднее крыльцо и обвел взглядом окрестности.

Никого.

«Мозгов у тебя недостаточно, чтобы ее перехитрить»,— подумал Ковáльски.

И тут, точно в подтверждение этой мысли, в его затылок уткнулся горячий ствол. Вероятно, чертовка рассудила так же, как и он,— что пытаться пересечь открытое пространство слишком рискованно,— а потому решила дождаться его появления и напасть.

Она даже не стала утруждать себя никаким остроумным замечанием — вроде того, что из него, Ковальски, получился бы неплохой спарринг-партнер. Одно-единственное слово в качестве утешения:

— Adiós*.

Тут раздался внезапный вой сирены, который заглушил пистолетный выстрел. От неожиданности оба подпрыгнули.

По счастливому стечению обстоятельств он прыгнул влево, она вправо. Пуля насквозь прошила правое ухо Ковальски, которое взорвалось фейерверком боли. Он крутанулся на месте, нажимая спусковой крючок винтовки. Не целясь, он просто палил очередями на уровне пояса. Ноги не удержались на краешке крыльца, и он рухнул вниз. Следующая пуля просвистела буквально в миллиметре от кончика его носа.

Как назло, приземлился он на тропинку, выложенную камнем, и с отчетливым стуком приложился головой. От удара винтовка выскользнула из рук. Приподняв голову, Ковальски увидел, что к нему приближается сеньора Салазар.

«ЗИГ-Зауэр» был нацелен прямо на него.

Свободную руку женщина прижимала к животу, безуспешно пытаясь удержать выползающие из распоротого нутра кишки. Темная кровь заливала гидрокостюм. Она приподняла дрожащую руку с пистолетом; их глаза встретились. В ее взгля-

* Прощайте *(исп.)*.

де читалось удивление. В следующий миг оружие выпало из ослабевшей руки, и сеньора Салазар повалилась на Ковальски.

Он вовремя успел откатиться в сторону.

Тело с мягким шлепком приземлилось на каменную дорожку.

Ветер переменил направление, и шум летящего вертолета звучал теперь совсем близко. Обещанный шторм накатывал с удвоенной силой. Ковальски наблюдал, как вертушка сделала круг над пляжем — словно собака в поисках места для сна — и начала снижение над плоским каменистым участком берега. Он наклонился над телом Габриэллы Салазар и стянул с ее плеча сумку. Поспешил было к берегу, но остановился и вернулся подобрать винтовку. Оружие он не оставит.

Пока он бежал, на ум пришли два вопроса.

Первый. Вой сирены из ближайших зарослей очень быстро оборвался. И второй. Он давно не слышал ни слова от доктора Розауро. Ковальски проверил, на месте ли приемник. Он был все там же, за ухом.

Почему же она столько времени молчит?

Вертолет — «Сикорский S-76» — сел перед ним, поднимая в воздух тучи песка. Вооруженный мужчина в камуфляже направил на Ковальски винтовку и проорал, заглушая рев вращающихся лопастей:

— Стоять! Немедленно!

Ковальски послушно замер, опустил винтовку и поднял над головой сумку.

— У меня здесь это чертово противоядие! — крикнул он, оглядывая берег в поисках доктора Розауро; однако той нигде не было.— Я Джо Ковальски! Военно-морские силы США! Я помогаю доктору Розауро!

Быстро переговорив с кем-то в салоне вертушки, мужчина жестом велел Ковальски подойти. Тот, пригнувшись под винтами, подобрался к открытой двери и протянул сумку. Смутно виднеющаяся в салоне фигура приняла ее и проверила содержимое. Забормотала рация.

— Где доктор Розауро? — спросил незнакомец.

Очевидно, он был здесь главный. Холодные голубые глаза внимательно изучали Ковальски.

Тот покачал головой.

— Коммандер Кроу,— обратился к главному пилот,— мы должны немедленно улетать. Бразильские военные только что отдали приказ о начале бомбежки.

— Забирайтесь,— не терпящим возражения тоном скомандовал главный.

Ковальски ступил в салон. И замер, услышав пронзительный вой сирены. Совсем коротенький. Он донесся из джунглей, росших сразу за песчаной полосой пляжа.

Доктор Шэй Розауро намертво вцепилась в сплетение ветвей где-то посередине ствола широколиственного дерева какао. Обезьяны галдели внизу. Один раз ее все-таки цапнули — за ногу. Кроме того, Шэй потеряла рацию и рюкзак.

Несколько минут назад, после того как обезьяны загнали ее на дерево, она обнаружила, что сверху, с ее импровизированного насеста, открывается прекрасный вид на асьенду. Как раз достаточный, чтобы увидеть Ковальски, к затылку которого приставлен пистолет. Не в силах оказать более действенную помощь, Шэй воспользовалась единственным доступным средством — «крикуном».

К несчастью, рев сирены всполошил мандрилов, те кинулись врассыпную и задели ветку, на которой сидела Шэй. Она потеряла равновесие и... уронила «крикун». Угнездившись вновь на ветке, она услышала два выстрела.

И надежда умерла в ней.

Внизу один из мандрилов, тот самый вожак, подобрал «крикун» и нажал на кнопку включения. Вой сирены на мгновение вспугнул стаю. Но всего лишь на мгновение. Теперь обезьяны привыкли к сирене и не так боялись ее, она лишь пробудила в них ярость.

Плотнее обхватив ствол, Шэй посмотрела на часы и закрыла глаза. Перед мысленным взором вновь предстали лица детей... лицо напарника...

Ее внимание привлек шум над головой. Характерные звуки вращающихся лопастей вертолета. Ветер закачал ветви дерева. Шэй подняла руку... и опустила.

Слишком поздно.

Вертушка скрылась. Через считаные секунды бразильская авиация начнет атаку. Шэй разжала пальцы и выпустила дубинку — последнее оставшееся оружие, но какой теперь от него прок? Дубинка упала, не причинив обезьянам никакого вреда, только привлекла их внимание. Мандрилы возобновили попытки запрыгнуть на нижние ветки и добраться до жертвы.

Шэй могла только беспомощно за ними наблюдать.

Вдруг снизу донесся знакомый голос.

— Сдохните, долбаные грязные мартышки!

Из джунглей появилась массивная фигура. Ковальски. В руках у него была винтовка, изрыгающая серебристые снаряды. Обезьяны завизжали. Шерсть полетела в разные стороны. В одно мгновение зелень джунглей окрасилась кровью.

Ковальски решительно двигался вперед. Из одежды на нем были лишь трусы. Да еще винтовка в руках. Он поворачивался в разные стороны, ведя ураганный огонь по ненавистным «мартышкам».

Уцелевшие обезьяны удирали что есть мочи.

Все, кроме вожака. Здоровенный самец встал на задние лапы и, обнажив длинные клыки, заревел так же громко, как Ковальски. Мужчина немедля оскалился в не менее жуткой гримасе.

— Заткнись, к чертовой матери!

Чтобы придать своим словам вес, он выпустил в вожака длинную очередь, разрезавшую тело животного на мелкие кусочки. Покончив с этим, Ковальски закинул винтовку на плечо и подошел к дереву. Прислонившись к стволу, посмотрел вверх.

— Готовы спуститься, доктор?

Почувствовав огромное облегчение, Шэй наполовину сползла, наполовину свалилась с дерева в объятия Ковальски.

— Противоядие?..— сразу спросила она.

— В надежных руках,— заверил он.— Сейчас находится на пути к материку вместе с коммандером Кроу. Он предлагал мне полететь с ними, но я... мне кажется, я обязан вам жизнью.

Быстро, как только возможно, они ковыляли от леса к берегу. Ковальски поддерживал Шэй под локоть.

— Но как мы выберемся?..— вздохнула она.

— Есть тут у меня одна идея. Кажется, прелестная леди оставила нам прощальный подарок.— Он указал на шикарный водный мотоцикл «Кавасаки джет скай», стоящий на берегу у самой воды.— К счастью для нас, Габриэлла Салазар так любила мужа, что рискнула ради него явиться на остров.

Наконец они добрели до гидроцикла. Ковальски помог женщине сесть на заднее сиденье, а сам устроился спереди.

Обняв его за талию, она заметила его окровавленное ухо и сочащиеся кровью порезы на спине. Новые шрамы в дополнение к его богатой коллекции. Шэй прикрыла глаза и прижалась щекой к обнаженной спине Ковальски. Совершенно обессиленная и благодарная.

— Да, если уж мы заговорили о любви,— произнес он, заводя двигатель и прибавляя газу,— я, наверное, тоже влюбился...

Пораженная Шэй подняла голову, но тут же снова ее опустила. Успокоенная. Ковальски не мог оторвать глаз от висящей через плечо винтовки.

— О да,— мечтательно добавил он,— эта детка действительно супер.

Гейл Линдс

Гейл Линдс не собиралась писать романы с продолжениями. Приступая в середине 1990-х к работе над первой книгой «Операция "Маскарад"», она хотела создать современный шпионский триллер. Однако несколько лет после падения железного занавеса подобный жанр был не в почете. В Конгрессе США велись серьезные дебаты о необходимости роспуска ЦРУ. «Нью-Йорк таймс» перестала публиковать регулярное книжное обозрение «Шпионы и триллеры». Книгоиздатели объявили, что с прекращением холодной войны шпионский роман умер.

Тем не менее «Операция "Маскарад"» получилась великолепной приключенческой историей, в умеренных дозах приправленной историческими фактами и психологическими этюдами, и попал в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Главная его героиня Сара Уокер удивительным образом напоминает саму Линдс. Обе женщины — журналистки, но Сара имеет несчастье быть племянницей известного наемного убийцы по кличке Хищник, хотя сама об этом до поры не догадывается. Главная мужская роль в романе отведена сотруднику ЦРУ по имени Эшер Флорес. Это фигура совершенно очаровательная: ловкий, обаятельный и плутоватый. Вместе Сара и Эшер должны поймать Хищника.

Кроме того, Линдс написала две книги, не связанные с Хищником: «Зачарованный» («Mesmerized») и «Мозаика», а также в соавторстве с

Робертом Ладлэмом сочинила несколько романов в серии «Прикрытие-один». Все это время поклонники засыпали ее многочисленными письмами с просьбами продолжить повествование о Саре, Эшере и Хищнике. Так на свет появился роман «Кольцо» («The Coil»). В нем рассказывается о единственном отпрыске Хищника — Лиз Сансборо. Лиз, бывший оперативник ЦРУ, появлялась в качестве второстепенного персонажа в «Маскараде». В «Кольце» она становится главной героиней, а Сара и Эшер отходят на второй план.

Лиз и Сара похожи друг на друга, как близнецы,— не только внешне, но и характерами. Они смышленые, находчивые, им присуща та особая храбрость, которая одновременно вызывает восхищение и обескураживает. У Лиз также есть напарник, его зовут Саймон Чайлдс, он из МИ-6*. Это типичный индивидуалист, вспыльчивый и в то же время полный холодного очарования. Линдс всегда питала повышенный интерес к политике, не смогла обойти ее стороной и в «Кольце»: Чайлдс является засекреченным агентом, внедренным в организацию антиглобалистов.

Последняя на сегодняшний день работа Линдс — триллер «Последний супершпион» («The Last Spymaster»). После него писательница собирается опубликовать очередное произведение из серии о Хищнике. Рассказ «Охота за Дмитрием» представляет собой главу из нового романа. Это повествование о Лиз Сансборо. А значит, в нем должен появиться и Хищник.

---

* МИ-6 — государственный орган внешней разведки Великобритании.

Гейл Линдс

ОХОТА ЗА ДМИТРИЕМ

Французам нельзя особенно доверять. Немцам не хватает самоконтроля. Румыны вечно испытывают комплекс вины. А американцы туговато соображают. Пока сидевшие за столиками в клубе «Факультет» продолжали добродушно перемывать косточки общим знакомым, Лиз Сансборо, доктор философии, высматривала своего близкого друга и коллегу Аркадия Олбэма. Тот опаздывал.

Тускло освещенный бар был забит до отказа, все столики заняты. В воздухе витал густой аромат вина и более крепких напитков. Звенели бокалы, отовсюду доносилась возбужденная речь на разных языках. Посетители бара, все сплошь ученые, отмечали окончание успешно прошедшей международной конференции, посвященной краху политики времен холодной войны и ситуации, которая сложилась в мире после атаки террористов 11 сентября. Лиз была одним из организаторов конференции. И сейчас она никак не могла найти Аркадия.

Экономист из Лондонского университета многозначительно ей улыбнулся — единственной американке в их небольшой группке.

— По слухам, русская экономика настолько плоха, что Кремлю пришлось отказаться от десятка своих «кротов» в американских спецслужбах.

— Просто мы не продаемся задешево,— усмехнулась в ответ Лиз.— Но Москва вполне может позволить себе пожизненно содержать предателей из вашей МИ-шесть.

Copyright © 2006 by Gayle Hallenbeck Lynds.

Пока присутствующие хохотали, оценив шутку, социолог из Сорбонны кивнул на пустой стул рядом с Лиз и произнес по-французски:

— Где же Аркадий? Почему он не защищает здесь свою страну?

— Да.— Лиз вновь окинула холл цепким взглядом.— Мне самой интересно.

Аркадий с января преподавал русскую историю в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре. Они встретились на общем факультетском собрании вскоре после его приезда. Аркадий уселся рядом с Лиз, взглянул на свободное место по другую сторону от нее и наконец представился. «Я здесь новенький»,— вот так просто он и сказал. Они обнаружили, что у них много общего: оба были по-европейски обидчивы, любили кино и не желали обсуждать свое прошлое. Перед мысленным взором Лиз предстало его доброе морщинистое лицо, она вспомнила прикосновение кончиков его пальцев к своему предплечью, когда он склонялся к ней с озорной улыбкой, чтобы поделиться мудрым изречением или просто сплетней.

Проблема заключалась в том, что Аркадий был уже немолод — около семидесяти — и всю последнюю неделю ему так нездоровилось, что он пропустил понедельничные мероприятия, включая и собственный семинар. Он позвонил Лиз и предупредил, что болен, но сам упорно отказывался показаться врачу.

Тем временем торжество продолжалось. Народу в баре все прибывало, однако Аркадий не появлялся. Лиз быстро набрала его номер на мобильнике. Русский историк снова не взял трубку. Она решила не оставлять ему еще одно сообщение, а подняла в прощальном жесте бокал и, лавируя в толпе, направилась к выходу. Квартира Аркадия находилась всего в нескольких минутах езды от клуба. «Чем звонить, лучше зайти самой»,— рассудила Лиз.

На темном ночном небе далекие звезды казались совсем крошечными, не больше булавочной головки. Лиз поспешила

к машине, швырнула сумочку на пассажирское сиденье, включила двигатель и тронулась с места. Она промчалась по улицам, вдоль которых замерли высокие пальмы, и вскоре уже парковалась возле дома Аркадия. Он жил в квартире 2С. Както он разоткровенничался с Лиз — редкий случай — и пошутил, что предпочитает это С другому — начальной букве слова «cellar» («подвал» в переводе на русский). Имелся в виду подвал здания на Лубянке, в котором КГБ расстреливал диссидентов, шпионов и вообще всех своих врагов. Аркадий как-то обмолвился, что еле вырвался из лап госбезопасности, но тут же замкнулся и ушел в себя; лицо его посуровело от неприятных воспоминаний.

Взлетев по лестнице, Лиз постучала в дверь — молчание. Портьеры были закрыты, но неплотно, между ними пробивался свет. Она снова постучала, затем подергала ручку. Та повернулась, и Лиз чуть приоткрыла дверь. Первое, что бросилось в глаза,— пачки журналов, разбросанные по полу. Настольная лампа лежала на боку, ее керамическое основание было разбито. Сердце Лиз сжалось.

— Аркадий? Вы здесь?

Единственный звук в комнате издавали тикающие ходики. Она открыла дверь шире. На полу валялись сброшенные с полок книги; корешки были частью оторваны, частью помяты. Она заглянула за дверь — и увидела Аркадия. Тот сидел в своем привычном кресле, освещенный высокой чугунной напольной лампой. В его широко раскрытых карих глазах застыл страх; он весь казался маленьким, будто съежившимся, хотя для своего возраста был весьма хорошо сложен и мускулист.

— Вы в порядке?

Аркадий вздохнул.

— Вот что я обнаружил у себя дома, когда вернулся с последнего семинара.— Он говорил по-английски с американским акцентом.— Беспорядок, да?

На нем все еще была надета поношенная уличная твидовая куртка; серый галстук был завязан тугим узлом. В левой ру-

ке Аркадий сжимал голубой конверт, другую руку засунул под куртку, словно держался за сердце. Он обладал экспрессивным русским характером, но в то же время был по-восточному аскетичен в привычках. Обычно энергия била из него ключом, он мог часами, без остановки, о чем-нибудь рассуждать.

Лиз нахмурилась.

— Да. Но вы не ответили на мой вопрос. Вы не ранены?

Он отрицательно помотал головой. Повинуясь профессиональным инстинктам, она вышла на балкон. Порыв ветра зашелестел ветвями перечного дерева и остудил разгоряченное лицо. Пока Лиз внимательно изучала улицу, припаркованные машины и соседнее жилое здание, нахлынули неприятные воспоминания, перенеся женщину в те дни, когда она в ранге нештатного оперативника ЦРУ выполняла под прикрытием тайную миссию в Париже и Москве. Никто в университете не знал, что она работала в ЦРУ.

Не заметив ничего подозрительного, Лиз вернулась в комнату и заперла дверь. Аркадий в своем кресле даже не шелохнулся. В свете лампы его густые волосы и брови напоминали металлическую стружку.

— Аркадий, что произошло? Кто это сделал? Что-нибудь пропало?

Хозяин квартиры с несчастным видом пожал плечами.

Тогда Лиз осмотрела кухню, затем спальню и кабинет. Кажется, в комнатах все было на своих местах.

А Аркадий в гостиной постепенно приходил в себя.

— Посидите со мной, дорогая Лиз,— обратился он к гостье.— С вами так уютно. Если бы Господь даровал мне дочь, я бы хотел, чтобы это были вы.

Его слова тронули женщину. Будучи психологом, она отдавала себе отчет, что испытывает желание привлечь внимание пожилого русского, хочет, чтобы он стал ее приемным отцом, чтобы между ними установилась прочная связь. Настоящий отец Лиз, известный всему миру наемный убийца, был ее самым тщательно хранимым секретом. Его называли

Хищник, и имя это вполне соответствовало его репутации. Она ненавидела отца, ненавидела за то, кем он был и что делал. Мысль о том, что в ее венах течет кровь убийцы, постоянно преследовала Лиз — за исключением тех часов, которые она проводила с Аркадием.

Она опустилась в свое привычное кресло, так что их разделял только низкий журнальный столик.

— Вы позвонили в офис шерифа?

— В этом нет смысла,— снова пожал плечами Аркадий.

— Тогда я позвоню.

— Слишком опасно,— возразил русский, резко дернув головой.— Он вернется.

— Слишком опасно? — Лиз недоуменно подняла брови.— Кто вернется?

Аркадий протянул ей конверт, который все это время держал в руке. Лиз перевернула его и взглянула на штемпель — отправлено из Лос-Анджелеса.

— Не обращайте внимания,— предупредил Аркадий.— Письмо отправили из Москвы в Нью-Йорк в конверте большего размера. В Нью-Йорке один мой друг вскрыл его, положил письмо в новый конверт и переслал в Лос-Анджелес, где добавили мой адрес.

Лиз вытащила сложенные листки бумаги. Помимо них внутри оказались три маленьких засохших цветка подсолнуха. Просто удивительно, как много разных цветов, по убеждению русских, приносят удачу. Развернув листки, Лиз обнаружила, что почерк отличается от того, которым написан адрес на конверте, к тому же это была кириллица — русский алфавит.

«Дорогой мой»,— начиналось письмо.

Лиз подняла на Аркадия глаза.

— Это от моей жены Нины.— Казалось, он смотрит сквозь Лиз в другое время, в другую жизнь.— Она не захотела бежать из страны вместе со мной. Детей у нас не было, и она понимала, что я сам смогу о себе позаботиться. Она сказала: «Пусть уж лучше ты будешь где-то далеко, но живой, чем в Москве,

но в могиле».— Аркадий сделал паузу.— Подозреваю, она догадывалась, что без нее мне будет проще.

Держа цветы в одной руке, а исписанные листы в другой, Лиз вздохнула, наклонила голову и принялась за чтение. Речь в письме шла о жизни обычной женщины, которая обитала в маленькой московской квартире и получала скромную пенсию. Заканчивалось оно следующими словами:

«Любимый, кладу в конверт три засушенных подсолнуха как напоминание о прежних счастливых днях. Ты всегда рядом со мной».

Еще долго Лиз не могла оторвать взгляд от побуревших высохших цветов. Наконец сложила листы и убрала в конверт вместе с цветами.

Аркадий с тревогой поглядывал на свою гостью, словно надеялся, что она подберет нужные выражения. Исправит то, что произошло, не даст случиться новой беде.

— Нина вас очень любит,— заметила Лиз,— и, я уверена, еще сможет к вам приехать.

— Это исключено.

— Но почему? — нахмурилась Лиз.— Что происходит? Объясните мне.

— Перед моим отъездом мы с Ниной договорились: если один из нас заподозрит, что нашу корреспонденцию вскрывают, он должен написать, что вкладывает в конверт три подсолнуха. Тогда тот, кто читает наши письма, наверняка решит, что цветы выпали, и, боясь выдать себя, вложит их в конверт. Стало быть, догадка жены подтвердилась. Плюс еще и это.— Аркадий обвел рукой царящий в комнате бедлам.— Вчера и сегодня у меня было ощущение, что за мной следят. Этот вандализм доказывает: он здесь и у него есть связи в Москве, так что, если я попытаюсь сейчас скрыться, они могут убить Нину. Он понимает, что мне это известно.

Лиз припомнила слова, произнесенные на показательном суде коммунистов над болгарским перебежчиком Борисом Арсовым: «Руки правосудия длиннее, чем ноги предателя». Через несколько месяцев Арсова нашли в камере мертвым.

Кремль был беспощаден к изменникам. И в наши дни агенты Москвы продолжают охотиться по всему миру за предателями уже не существующего Советского Союза.

— Вы думаете, что он убьет вас,— безжизненным голосом констатировала Лиз.

— Вам пора уходить, Лиз. А я приму свою судьбу.

— Кто этот человек?

— Убийца из КГБ Олег Оленков. Большой мастер перевоплощения. Никогда не знаешь, что от него ожидать. Даже после распада Советского Союза он преследовал меня. Поэтому я и стал Аркадием Олбэмом, надеялся, что он не будет искать меня в мире ученых. Но у него ко мне персональные счеты.— Аркадий внимательно посмотрел на Лиз.— Мое настоящее имя Дмитрий Гарницкий, я бывший диссидент. То были ужасные времена. Вы действительно хотите услышать?

— Действительно.— Лиз нервно переводила взгляд с окна на дверь и обратно.— Только побыстрее.

Глаза Лиз снова остановились на Аркадии: едва заметная холодная улыбка исчезла с его лица. Прежде он никогда так не улыбался, и в ее душе зародилось смутное подозрение.

Стояла морозная зима 1983-го. Каждый день с утра до ночи из низкого хмурого неба не переставая валил снег. В своей квартире Дмитрий и Нина Гарницкие слышали вой волков, доносившийся из соседнего зоопарка. От тоски и холода народ спасался водкой. А в это время Вашингтон активно развертывал в Европе «Першинги», нацеленные на Советский Союз. Беспомощное отчаяние охватывало Москву вплоть до паранойи. Кремлевские власти не сомневались в возможности внезапной ядерной атаки и в качестве ответной меры отдали спецслужбам секретный приказ: разработать план терактов против лидеров западных стран. Кроме того, было принято решение немедленно очистить Москву от диссидентов.

Хоть Дмитрий и был лидером диссидентского столичного движения, ему удалось на неделю ускользнуть из-под наблюдения, и сейчас он печатал антисоветские брошюры на древ-

нем печатном станке, спрятанном в одном из туннелей, прорытых под огромным городом. В тот последний день незадолго до рассвета рядом с мужем была и Нина. Чтобы сон не сморил обоих, она заваривала в кружках крепкий черный чай.

Внезапно в туннель ворвался Саша Пеновский. Снежинки таяли на его ондатровой шапке и коротком шерстяном пальто.

— Гэбисты окружили здание!

— Ну же, говори! — поторопил Дмитрий.

Он притянул к себе жену. Нина вся дрожала.

— Дмитрий! Эта гэбистская скотина, Олег Оленков, получил специальный приказ схватить тебя. Но не смог найти и пошел на крайние меры: арестовал всех наших. Сейчас они на Лубянке.— Саша поперхнулся.— И еще. В КГБ так мечтают тебя уничтожить, что наняли для этого специального человека. Наемного убийцу, который еще никогда не промахивался. Его зовут Хищник.

Нина с побелевшим лицом посмотрела на мужа.

— Тебе нельзя дольше ждать. Нужно немедленно уходить.

— Дмитрий, она права!

С этими словами Саша повернулся и бросился бежать. У него имелся собственный план исчезновения, о котором никто не знал. Так же как никто не знал и о планах Дмитрия. Так было безопасней.

— Дорогой, я расскажу им, где вы встречались.— Голос Нины дрогнул.— Со мной все будет в порядке.

В КГБ ее допросят и отпустят, надеясь в дальнейшем через нее выйти на Дмитрия. Но если заподозрят, что Нина участвовала в подрывной деятельности, ее жизнь тоже окажется под угрозой.

Сердце Дмитрия отчаянно колотилось, пока они мчались по туннелю. Наконец они остановились, Дмитрий толкнул крышку люка, и Нина выбралась наружу. Несколько секунд он наблюдал за тем, как жена спешит прочь по засыпанному свежим снегом переулку, потом двинулся дальше.

Он шел по туннелю еще пять минут. Затем тоже поднялся наверх и сделал вид, что идет по своим делам,— самый обыч-

ный работяга с пакетом бутербродов на обед. Занимался бледный рассвет. Мороз пробирал до костей. Мимо с ревом проезжали «жигули» и «москвичи», рассеивая сумрак кровавокрасными стоп-сигналами. Дмитрий шагал и нервно озирался по сторонам. Оленкова он знал в лицо, но вот как выглядит Хищник...

На другой стороне Калининского моста* Дмитрий начал спускаться по ступеням в подземный переход, и тут волосы на загривке встали дыбом. Он быстро оглянулся. Позади него шла молодая парочка, за ней мужчина постарше с портфелем и еще два человека; у обоих в руках, как и у Дмитрия, были пакеты с бутербродами. Один был с усами, другой гладко выбрит. Обоих он видел впервые.

Справа потянулась вечнозеленая живая изгородь. Дмитрий распахнул деревянную калитку и быстро нырнул в парк, расположенный позади шикарного дома, в котором жила советская номенклатура. Над головой, словно анемичные вены, простирались голые ветви гигантской липы. Он схватил заснеженную скамейку, подтянул поближе к стволу и встал на сиденье. Засунув руку в дупло, Дмитрий долго шарил среди смерзшихся листьев, пока не нащупал сверток в водонепроницаемой бумаге. В нем лежали рубли, немного «зеленых» и отлично сделанный фальшивый паспорт.

Он уже вытаскивал сверток, когда раздался негромкий стук открывающейся калитки. Все тело словно одеревенело. Дмитрий неуклюже повернулся — прямо на него был направлен пистолет с глушителем. Сердце учащенно забилось. Он поднял взгляд и увидел лицо с усами. Перед ним стоял один из следовавших за ним работяг.

— Вы Дмитрий Гарницкий,— с легким акцентом произнес незнакомец.

Его ноги были широко расставлены и чуть согнуты в коленях. Ростом он был примерно метр восемьдесят, крупный, но не толстый, а мускулистый. Лицо было совершенно бесстраст-

* До 1963 и после 1993 года — Новоарбатский мост.

ным, на нем выделялись почти бесцветные глаза. От мужчины исходила ощутимая угроза, как от хищника, и дело было отнюдь не в пистолете.

Дмитрий отчаянно искал выход из положения.

— Нет. Не знаю...

Вдруг калитка снова распахнулась. Мужчина напрягся и тут же расслабился: к ним шел Оленков. Пресловутый кагэбэшник выглядел очень стильно в черном кашемировом пальто и норковой шапке. Он был даже выше незнакомца и шире в плечах. С улыбкой расстегнув пару пуговиц на пальто, Оленков достал пистолет, направил его на Гарницкого и сказал:

— Отлично. Вы нашли его.— Затем обратился к Дмитрию, помахивая наручниками: — Пойдемте, товарищ Гарницкий. Ваш пример станет хорошим уроком для всех, кто выступает против советской власти.

Сунув сверток под мышку, Дмитрий спрыгнул со скамейки.

— К чему возиться с наручниками? Вы же хотите убить меня и тем самым устрашить остальных. Чтобы они публично отреклись от своих убеждений перед тем, как вы отправите их в исправительный лагерь. Вы ведь все равно убьете меня прямо здесь.

— Все почти так,— легко согласился Оленков.— Только на кой мне нужно напрягаться и тащить вас отсюда? Специалиста тоже нанимали не для носки трупов. Нет, гораздо логичнее пристрелить вас на улице возле машины. Там и свидетели сыщутся, которые подтвердят, что вы оказывали сопротивление.

Первый мужчина быстро осмотрелся по сторонам. Бесстрастно, как заметил Дмитрий.

У него все внутри сжалось. Слова Оленкова гулким эхом отдавались в голове: «Специалиста... нанимали...» Значит, незнакомец и есть Хищник.

— А что с моей женой? — спросил Гарницкий.

— Ею я займусь позже.— Оленков махнул пистолетом и скомандовал наемнику: — Отведите его!

Однако Хищник не шелохнулся.

— В моей профессии осторожность превыше всего,— промолвил он тихо, но убедительно.— Вы единственный человек, кто должен знать обо мне. Вы один сейчас сопровождаете меня.

— И? — нетерпеливо отозвался Оленков.

— Я никогда не делаю мокрую работу на людях.— Хищник прищурился, разглядывая кагэбэшника.— Никакой улицы. Никаких свидетелей, которые смогут потом меня опознать. Эти правила я соблюдаю неукоснительно. И вам это было известно.— Казалось, он дает Оленкову шанс одуматься.— Я работаю один.

На скулах Оленкова заиграли желваки. Лицо посуровело.

— Но не в этот раз! — резко воскликнул он.— Шефу позарез нужен труп Гарницкого. Отведите его!

На лице Хищника появилось выражение отвращения. Он плавно перевел пистолет с Гарницкого на своего нанимателя и выстрелил. Пуля прожгла в пальто дыру еще более черную, чем кашемировая ткань. Из раны хлынула кровь вперемешку с кусочками плоти.

Лицо Оленкова исказила ярость. Он пошатнулся и попытался прицелиться в наемника, однако Хищник сделал два быстрых шага и впечатал каблук в колено кагэбэшника.

Тот нечленораздельно хрюкнул и повалился на спину, распростершись черным пятном на сверкающем белизной снегу. Потянулся было за отлетевшим в сторону пистолетом, но Хищник с силой наступил ему на руку. Затем наемник подобрал пистолет и сунул в карман. Все это время Оленков отчаянно пытался высвободиться, сесть, дотянуться до противника. Но его лицо уже приобрело пепельно-серый оттенок, глаза закрылись, и он затих. Воздух с шумом вырывался из легких.

А Дмитрий боролся со страхом и тошнотой. Он ждал, что сейчас Хищник выстрелит и в него.

Однако тот только взглянул на Гарницкого и сообщил ровно, без эмоций:

— Контракт аннулирован.

После чего открыл калитку и исчез.

Рассказ был давно окончен, а Лиз все никак не могла прийти в себя. Во время холодной войны как правительства, так и частные лица по обе стороны железного занавеса то использовали Хищника в своих интересах, то пытались ликвидировать. Он превратился в легенду — жестокий и безжалостный убийца. Утверждали, что только деньги имеют для него ценность. Выполняя деликатные поручения, он всегда изменял внешность, поэтому никому в точности не было известно, как же выглядит Хищник на самом деле. Тем более никто не знал его настоящего имени.

Однако его участие в этой истории не могло быть простым совпадением. Не обращая внимания на Аркадия, который пристально наблюдал за ней, Лиз взяла голубой конверт и тщательно изучила в ярком свете напольной лампы. Следов так называемого французского вскрытия, когда конверт аккуратно надрезают с одной стороны, а потом снова заклеивают, видно не было, равно как и признаков того, что письмо открывали с помощью двух скрепленных вместе иголок — это уже изобретение Советов. Кроме того, для вскрытия конверта не использовали ни пар, ни одно из современных химических соединений.

Лиз положила письмо. Ее дыхание участилось — она вспомнила промелькнувшую на лице Аркадия странную улыбку.

— Вы знаете, что Хищник — мой отец,— заключила Лиз; это был не вопрос, а утверждение.

— Как вы поняли это?

Она не удостоила его ответом. Взор Лиз был прикован к правой руке мужчины, которая по-прежнему находилась под его курткой возле сердца. Что же он там прячет?

Словно прочитав ее мысли, Аркадий свободной рукой отогнул лацкан куртки.

На мгновение Лиз замерла, хотя и догадывалась, что ее ожидает. Под курткой Аркадий сжимал пистолет, и сейчас оружие было направлено на нее. Однако Лиз никак не могла предположить, что это окажется ее собственный «глок», который обычно был заперт в сейфе в спальне. Она медленно перевела взгляд на лицо человека, которого считала своим добрым дру-

гом, которого хотела бы видеть своим отцом. Теперь он скинул маску. В темных глазах полыхала неприкрытая ненависть.

Но сейчас не время было поддаваться эмоциям. Лиз прогнала прочь все посторонние мысли и стала быстро соображать, как одолеть противника или сбежать.

— Конверт,— пояснила она наконец.— Его никто не вскрывал до вас.

Мужчина склонил голову.

— Где Хищник?

— Если вам известно, что он мой отец, наверное, известно и то, что он мертв.

Тут она слегка покривила душой. Хищник мог быть и жив. Работая в ЦРУ, Лиз выяснила, чем на самом деле занимается отец — однажды она застукала его за «работой» в Лиссабоне. Ей удалось предотвратить убийство, и отец пообещал сдаться ей в руки. Но не успел — был убит, хотя труп так и не нашли.

— В вашей истории есть хоть толика правды? — осведомилась она.

— Дмитрий и Нина Гарницкие существовали на самом деле. Был там и Олег Оленков, и Хищник. Оленкова застрелили. Гарницкий спасся.

Мысли лихорадочно скакали в голове Лиз. Затем она вспомнила его собственные слова: «Олег Оленков. Большой мастер перевоплощения. Никогда не знаешь, что от него ожидать», и все происходящее обрело смысл, пусть и совершенно безумный. Отнюдь не случайно в январе «Аркадий Олбэм» подсел к ней на собрании факультета. Это было началом его тщательно разработанного плана: втереться к ней в доверие, привязать к себе. Затем он сочинил письмо, якобы от Нины Гарницкой, и в понедельник, прикинувшись больным, поехал в Лос-Анджелес, откуда послал письмо самому себе. Он сделал все, чтобы сегодня Лиз забеспокоилась, отправилась навестить «Аркадия» и угодила в ловушку. Сам он спрятал под курткой украденный у нее «глок» и ждал, когда она явится и займет свое обычное место.

— Вы Оленков!

Его тонкие губы искривились в усмешке. Мерзавец был удовлетворен тем, как сработала его хитрость. У Лиз все похолодело внутри — она услышала тихие шаги на лестнице. Оленков придумал эту затею с конвертом и письмом с целью отвлечь ее сколь возможно долго, потому что кто-то действительно должен был прийти. Но вовсе не затем, чтобы его убить.

— Я так понимаю, это Дмитрий Гарницкий,— предположила Лиз, стараясь, чтобы ее голос не дрогнул.

Оленков вытащил из-за спины девятимиллиметровый «смит-вессон». Ни на нем, ни на «глоке» не было глушителя, и Лиз заключила, что Оленков не собирается таиться.

— Вы надеетесь выйти сухим из воды,— озвучила она свою догадку.— Бьюсь об заклад, полиция обнаружит, что и в моей квартире все перевернуто вверх дном. Стало быть, вы сможете дать им такие показания: я взяла с собой «глок» для обороны, поскольку каким-то образом обнаружила, что за мной следит Олег Оленков — он не смог отомстить моему отцу и теперь охотится за мной.

Постепенно Лиз начала понимать, что и письмо, и рассказ предназначались и для нее тоже.

Довольный тем, как сложилась задуманная операция, Оленков хихикнул.

— Вы угадали. Дочь стала достойной заменой отцу. Конечно, вам придется защищаться. И в итоге — какая досада! — вы с Дмитрием убьете друг друга. Поверьте, я буду очень убедителен перед полицией.

По спине Лиз скатилась струйка пота.

— Но ведь прошло столько лет! Все уже давно забыли про тот случай.

— Я не забыл! Я тогда чуть не умер. Два года я провалялся в больнице. А когда наконец вернулся на службу, меня понизили в звании из-за того, что Гарницкий сбежал. С карьерой было покончено. Вся жизнь пошла под откос. Надо мной смеялись!

Любому психологу известно: больше всех склонны к проявлению насилия люди, которых отвергли, оскорбили, уни-

зили, сбросили со счетов. Такой человек начинает ощущать себя никому не нужным, незначительным и полным ничтожеством и пытается доказать всему миру обратное. Оленков, очевидно, страдал комплексом неполноценности и потому был опасен, как гремучая змея. В то же время порой он мог действовать иррационально и в ущерб своим интересам. События вечера подтверждали это — в рассказе о давних событиях Оленков выставил самого себя самонадеянным и не слишком умелым оперативником.

— Но вам нечего стыдиться,— попыталась успокоить его Лиз.

— Я все делал правильно! Это ваш чертов отец...

Тут в дверь постучали. В небольшой квартире стук показался грохотом отбойного молотка.

Проворно вскочив, Оленков бочком прошел к двери, тихонько отпер замок и вернулся на место. Все это время он держал Лиз на мушке. Усевшись обратно в кресло, он перевел на нее ствол «смит-вессона», а «глок» направил на дверь и крикнул:

— Войдите!

В открытую дверь ворвался поток свежего воздуха с привкусом соли. Горевшие на сером ночном небе звезды осветили стоящего на пороге человека.

— Лиз Сансборо? — произнес он с русским акцентом.— Я получил записку с просьбой прийти...

Тут он заметил пистолеты. Кроткие голубые глаза потемнели от страха. Квадратные плечи дернулись, будто мужчина собирался бежать.

Лиз узнала его — историк из Университета штата Айова, лет примерно пятидесяти. Одет в легкие брюки из китайки и желто-коричневую вельветовую куртку. У него было невыразительное усталое лицо и большие руки. Неужели это Дмитрий Гарницкий?

— Даже не пытайтесь,— предупредил Оленков.— Вы не успеете сделать и шага, как я пристрелю вас. Входите и закройте дверь.

Помявшись немного в нерешительности, Дмитрий осторожно переступил порог и, не сводя глаз с Оленкова, носком теннисной туфли захлопнул дверь. Страх на время сменился замешательством.

— Кто вы? Что вам надо? — спросил Дмитрий, мельком взглянув на Лиз.

— Не узнаете меня?

— Возможно, голос.

Оленков громко захохотал.

— Я тоже не сразу узнал вас — только когда увидел вашу походку. Важное правило: никогда не забывай, как человек ходит.— Он внимательно присмотрелся к Гарницкому.— В ЦРУ о вас хорошо позаботились. Мне тоже сделали пластическую операцию.

Своим поведением Оленков точно подтверждал предположение Лиз: у него явно имелся комплекс неполноценности. Сейчас все его внимание было устремлено на Гарницкого. Он упивался своим положением, смаковал каждое слово, наслаждался производимым эффектом. Это-то ей и требовалось. Лиз быстро обвела глазами комнату в поисках оружия и остановила выбор на массивной напольной лампе, находившейся позади маленького столика, как раз между ней и Оленковым.

Казалось, Дмитрий совершенно пал духом.

— Олег Оленков.— Он возвысил голос.— Ах ты, мерзавец! Где Нина? Ты ничего ей не сделал!

Хозяин квартиры снова рассмеялся.

— У меня есть для тебя кое-что поинтереснее. Это Лиз Сансборо, дочь Хищника. Помнишь Хищника, своего спасителя?

В надежде, что Гарницкий догадается о ее намерениях, Лиз наклонилась к лампе. Правым локтем она оперлась на подлокотник кресла. Из такого положения легко будет в нужный момент вскочить, взяться обеими руками за лампу и обрушить ее тяжелую ножку на голову Оленкова.

Однако Дмитрий никак не отреагировал на ее приготовления. Он посмотрел прямо в глаза бывшему кагэбэшнику и заявил:

— Хищник не спасал меня. Это все твоя тупость.

Дальнейшее произошло в считаные секунды. Оленков резко выпрямился, будто его ударили по спине плетью. Не вымолвив ни звука, он взглянул на мужчину, потом на женщину и прицелился из обоих пистолетов сразу.

Тут Лиз протянула руки и схватила лампу. Оленков уловил ее движение, пригнулся и начал стрелять. Комната наполнилась грохотом и дымом, а железная ножка с силой опустилась на его голову. Лампа выскочила из рук Лиз и тяжело грохнула на пол; абажур откатился в сторону. По левой щеке Оленкова потекла кровь.

Бок Лиз взорвался болью. Она была ранена. Пока убийца тряс головой, пытаясь прийти в себя, женщина вырвала у него пистолет. Но вдруг у нее закружилась голова, и, тяжело хватая ртом воздух, она упала обратно в кресло.

Напротив нее к стене тяжело привалился Гарницкий. Из раненого плеча струилась алая кровь. Широко распахнутые глаза светились каким-то неземным светом, будто он только что очнулся от долгого кошмара. Изрыгая поток русских ругательств, Гарницкий кинулся на врага.

Оленков уже поднимал «глок», но в этот момент Лиз ухитрилась пнуть его ногой по пальцам. Пистолет отлетел в сторону. Рука безвольно поникла.

Ребрами обеих ладоней Гарницкий ударил Оленкова по плечам. Кресло из-под Оленкова вылетело, и мужчины рухнули на пол. Оказавшись сверху, Гарницкий надавил коленом на грудь противника, пригвоздив того к полу, и сжал его шею своими могучими ручищами, словно тисками.

Бывший чекист попытался кулаком достать Гарницкого, но тот увернулся от удара и только усилил хватку. Оленков отчаянно вцепился в руки противника, намертво стиснувшие его горло. Он задыхался. Лицо налилось кровью и постепенно приобретало багровый оттенок. С него градом лил пот.

Сражаясь с болью в раненом боку, Лиз выдохнула и с усилием сосредоточилась на Гарницком. Перед ней был человек, многие годы живший в страхе за судьбу жены и копивший в себе ярость, человек, с ненавистью смотревший прямо в глаза

Оленкова. Рот Дмитрия кривился, он вновь начал сыпать проклятиями. Тем временем руки все сильнее сдавливали горло врага. Гарницкий оторвал шею Оленкова от пола — голова того безвольно закачалась — и, увидев налившиеся кровью глаза, громко захохотал.

Лиз заставила себя приподняться в кресле, положила руку с пистолетом на подлокотник и прицелилась Гарницкому в висок.

— Остановитесь! Отпустите его! Теперь он ничего нам не сделает.

Но Гарницкий не реагировал. Осатаневший русский продолжал душить соотечественника, грудь которого судорожно вздымалась и опускалась.

— Да прекратите же, Дмитрий, черт бы вас побрал! Пусть его арестует полиция! А вы сможете поехать в Москву. Вернуться к Нине.

Услышав имя жены, Гарницкий напрягся. Поток ругательств обратился в бормотание. Однако он продолжал крепко сжимать горло противника и надавливать коленями на грудь. Оленков закрыл глаза, но, судя по хриплому дыханию, был еще жив. Эти звуки подсказали Лиз, что конец, возможно, близок. Насильственной смертью умерли ее муж, мать и многие коллеги по работе. Приходилось только удивляться, как ей самой удалось выжить. Или все вокруг лишь кошмарный сон?

Она покрепче зажала края раны и добавила, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— У вас с Ниной еще есть шанс. Мне бы такую возможность.

Тут Гарницкий отпустил горло противника, поднялся на ноги и отошел, не глядя на тело бесчувственного Оленкова. На лице Дмитрия застыла гримаса отвращения.

Лиз также отвернулась от поверженного русского. Он не вызывал у нее ничего, кроме тошноты и омерзения.

На улице завыли сирены. Гарницкий задрал голову, слушая, как они приближаются.

— Когда родилась Нина, я уже был в бегах. Ее вырастили родители жены. Сейчас ей двадцать три.— Он помолчал.— Это моя вина. Так хотелось узнать, как она там, и в прошлом году я не сдержался и написал ей. Вероятно, тогда он и вычислил меня.

У Лиз перехватило дыхание.

— Так Нина — ваша...

— Дочь.— Гарницкий ослепительно улыбнулся.— Спасибо вам.

С этими словами он направился к выходу и распахнул дверь. Ночное небо, еще недавно тускло-серое, теперь стало угольно-черным, украшенным множеством ярких звезд.

Он осторожно коснулся раненого плеча и заметил:

— Не смертельно. А вы как?

— Жить буду. Но Оленков утверждал, что Нина — ваша жена.

Рука Дмитрия бессильно повисла вдоль тела. Боль искривила черты лица.

— Ее звали Наталья. Оленков убил ее.

— Какой ужас. Мне очень жаль.— Значит, бывший чекист и в этом солгал.— Вы уверены, что это сделал не мой отец?

Гарницкий покачал головой.

— Когда Хищник нашел нас, Оленков первым делом прикончил мою жену. Хищник просто вышел из себя. Заявил, дескать, что его нанимали убрать преступников, а не инакомыслящих. А когда мерзавец попытался убить и меня, Хищник выстрелил в него.

Лиз недоуменно глядела на русского. Так его спас ее отец? От этой мысли ей стало даже не по себе. Власти всегда отзывались о Хищнике как о безжалостном убийце, и у нее не было причин в этом сомневаться. Ведь и сам он никогда не пытался развеять этот миф. Интересно, что еще она не знает об отце?

— Он и вытащил меня из Советского Союза,— продолжал Гарницкий.— Дважды нас едва не схватили. Мы трое суток пробирались сквозь ужасные сугробы в Финляндию.— Дмит-

рий судорожно сглотнул и отвел взгляд.— Говорят, что он убийца и все такое. Но ко мне он был очень добр.

И, словно это происходило только вчера, к Лиз вернулись воспоминания из детства. Вот она держит отца за руку, они перебегают через дорогу и заразительно смеются. Вот они удобно устроились за чаем и ведут долгие неспешные беседы. А как нежно откидывал он в сторону волосы с ее лица перед тем, как поцеловать в щечку. Что, если она ошибалась в оценке отца? Что еще она не знает о нем? Для Лиз все только начиналось.

Майкл и Дэниел Палмеры

В 1982 году Майкл Палмер, никому не известный врач «скорой помощи» с полуострова Кейп-Код, буквально потряс литературный мир своим дебютным романом «Милосердные сестры», который возглавил список бестселлеров «Нью-Йорк таймс» и был переведен на тридцать три языка. С тех пор Палмер написал еще девять романов в жанре медицинского триллера.

А взяться за перо его побудили произведения Майкла Крайтона и успех романа Робина Кука «Кома». С Куком Палмер учился в университете Уэсли, а затем они некоторое время работали вместе в Центральной больнице штата Массачусетс. Три этих автора и по сей день считаются признанными лидерами медицинского триллера.

По мнению Палмера, триллер значительно отличается от обычного детектива. Классикой жанра для него являются «Марафонец» Уильяма Голдмана и «Шесть дней Кондора» Джеймса Грейди. В его собственных произведениях главные герои отнюдь не детективы и не специалисты по распутыванию тайн. Это врачи, главная задача ко-

торых – как можно лучше делать свое дело. Как правило, заняться расследованием их побуждает именно профессиональная деятельность. Происходящее затягивает их помимо воли, словно водоворот. На их пути встречается много трудностей, они оказываются перед выбором: либо одолеть противостоящую им силу, либо погибнуть – но в конце концов успешно преодолевают все испытания. Безусловной заслугой Палмера является умение создать такую атмосферу страха, которая заставляет читателя задуматься: «А не может ли подобное приключиться со мной?»

Прежде Палмер никогда не работал в соавторстве, но в рассказе «Похищение» он объединил усилия с Дэниелом Джеймсом Палмером, средним из троих своих сыновей, профессиональным музыкантом и автором песен, а также специалистом в области программного обеспечения. Идея «Похищения» принадлежит именно Дэниелу. Хотя главная героиня истории, Мора, и не является врачом, «Похищение» – все тот же медицинский триллер. Подобно большинству персонажей Майкла Палмера, Мора против собственного желания вынуждена проявить все свои сильные черты характера. Иначе она потеряет самое дорогое.

Майкл и Дэниел Палмеры

ПОХИЩЕНИЕ

«Ваш сын у нас. Фотография в письме настоящая, никакого фотошопа. Торговаться с нами бесполезно. Если хотите видеть сына живым, внимательно прочитайте инструкцию и точно ей следуйте.

Итак: 23 июня в четыре часа дня у вас назначена операция по подтяжке лица Одре Медоуз, проживающей в Бель-Эйр на Гленн-Черри-лейн, 144. Во время операции вы введете ей с обеих сторон от лицевого нерва по пять кубиков изопропилового спирта. Результатом должен стать не поддающийся излечению полный паралич лицевых мышц. Если вы ошибетесь и она сможет пошевелить хотя бы краешком рта, вы никогда не увидите своего сына.

Такое же письмо с такой же фотографией оставлено на кровати Дэвида. Оно предназначено вашей жене. Не пытайтесь обратиться в полицию или куда-нибудь еще. Тем самым вы подпишете Дэвиду смертный приговор».

Доктор Джордж Хилл, пластический хирург, клиентами которого были сплошь знаменитости, тяжело опустился прямо на холодный мраморный пол прихожей. Казалось, сердце вот-вот выскочит из груди. Несколько минут назад его разбудил настойчивый звон дверного колокольчика. На полу у входа он обнаружил конверт из плотной бумаги.

Хилл заставил себя подняться и принялся изучать присланную фотографию. Когда он последний раз встречался с сыном,

Copyright © 2006 by Daniel Palmer and Michael Palmer.

волосы у Дэвида были длиннее. Сколько же времени прошло? Два месяца? Точно не больше трех. Глаза, всегда такие живые и смышленые, прикрывала повязка. Мальчик сидел на складном металлическом стуле и держал в руках табличку с надписью:

22 июня
02.00

Два ночи. То есть три часа назад. Весь дрожа, Хилл прошел к телефону в приемной и набрал номер своего менеджера.

— Привет, это я.

— Джи,— раздался голос Джойс Бейкер.— Можно было даже не смотреть на АОН, и так ясно, кто звонит. Кто еще это может быть в пять утра?

Вот уже пятнадцать лет Джойс вела дела Джорджа Хилла, одного из самых востребованных пластических хирургов юга Калифорнии или даже всей страны. Взобравшись на вершину, он намеревался оставаться там максимально долго, и Джойс уже давно привыкла к работе во внеурочное время и к тому, что ее личная жизнь может быть в любую минуту прервана таким вот звонком.

— Скажи, ты никому из наших не давала код доступа к этой новой программе-планировщику?

— Нет,— ответила она.— Пароль известен только мне.

— У тебя никто не интересовался временем операций наших клиентов? Неважно кто.

— Абсолютно никто,— удивленно отозвалась Джойс.— Да в чем дело? О ком из клиентов идет речь?

— Ерунда,— поспешил заверить Хилл.— Просто на вечер воскресенья в хирургическом центре назначена дополнительная операция миссис Дж.

— Знаю. Я лично ей назначила.

— Вот, и она подозревает, что об этом пронюхал один газетчик.

— Господи! Я действительно не понимаю, как это...

— Послушай, Джойс, не бери в голову. Увидимся позже.

«Это не может быть посторонний,— размышлял Хилл.— Это кто-то из своих, из сотрудников хирургического центра».

Конкретное содержание операций, а уж тем более точное время их проведения было более тщательно охраняемым секретом, чем формула кока-колы. Хотя Одра не относилась к числу голливудских суперзвезд, для доктора Хилла она была особенной пациенткой — его Моной Лизой, его Сикстинской капеллой. Обычно Хилл не скрывал от прессы свои достижения, однако никто из вездесущих журналистов и не догадывался, что именно доктору Хиллу Одра обязана яркой, неувядающей красотой.

Он мерил шагами особняк в Малибу, пока не успокоился настолько, чтобы позвонить бывшей жене Море. Кто, как не она, лучше других поймет стоящую перед ним моральную дилемму? И конечно, как мать Дэвида, она имеет право разделить с ним решение, от которого зависит жизнь их сына. До назначенного срока оставалось полтора дня.

Тяжело дыша, Мора Хилл бежала по Оверленд-авеню. Каждый шаг давался ей все труднее.

— Еще несколько минут, детка,— уговаривала она себя.— Еще несколько минут.

Много лет она вела сидячий образ жизни, а потом начала бегать. Довольно быстро она переключилась на длинные дистанции и в скором времени уже надеялась принять участие в лос-анджелесском марафоне. И не просто выступить, но и с неплохим результатом. Однако эта мечта могла подождать. В последнее время успеваемость Дэвида снизилась, изменилось само его отношение к учебе. Слишком много MTV и игры на гитаре — так объясняют учителя. Не говоря уже о бушующих в теле четырнадцатилетнего подростка гормонах. «И еще ему не хватает отца»,— с грустью подумала Мора. Она хорошо знала потенциал сына и надеялась на собственном примере продемонстрировать, как упорный труд и настойчивость при-

водят к достижению цели. Возможно, уже в следующем году. А пока все, что ему нужно,— это родительская поддержка.

Мора подбежала по мощеной дорожке к коттеджу, в котором жила вместе с сыном. В доме царила тишина. Надо поднять сына в школу, а это, как всегда, потребует усилий. Впрочем, сегодня он должен встать побыстрее, если хочет, чтобы она подвезла его. С самого утра у Моры было намечено собрание на факультете в Калифорнийском технологическом институте, где она вела занятия в компьютерном классе.

От внезапного телефонного звонка она вздрогнула. На дисплее высветился номер Джорджа.

— Скотина,— инстинктивно пробормотала Мора.

Она уже примирилась с тем, что Джордж, открыв в себе талант пластического хирурга, превратился в эгоистичного самовлюбленного волокиту. Но как можно искренне считать себя хорошим отцом, когда встречаешься с сыном раз в два месяца, чтобы пообедать или погонять мяч? Это не укладывалось у Моры в голове.

— Привет, Джордж,— холодно произнесла она в трубку.

Но пока она слушала бывшего мужа, кровь от ее лица отхлынула. С телефоном в руке она бросилась по коридору в комнату сына. Нет, это просто невозможно! Накануне она, как обычно, поцеловала его перед сном. Не мог он никуда деться. Не мог... Мора открыла дверь, и у нее перехватило дыхание. Разобранная постель пуста, окно распахнуто настежь. В неярком утреннем свете, словно привидения, колышутся занавески.

— Кто она? — срывая голос, крикнула Мора, ворвавшись в изысканно отделанный офис бывшего мужа в Беверли-Хиллз.

Хилл, сгорбившись, сидел на стуле в приемной и пил виски из высокого стакана. При появлении жены он едва пошевелился.

— Ее зовут Одра Медоуз.— Он осушил стакан и налил новую порцию.— Она уже много лет моя пациентка. Мора, про-

шло всего несколько часов с исчезновения Дэвида. Может, нам позвонить в полицию?

— Ты же читал записку.

— Тогда что нам делать?

— Прежде всего мы должны перестать напиваться до потери пульса и начать хоть немножко соображать. Мне надо посмотреть медицинскую карту этой женщины.

— Но врачи клянутся...

— Господи! Джордж! Это же наш сын! Или ты дашь мне бумаги, или я переверну вверх дном твою контору и сама их найду!

Открыв несгораемый сейф, Хилл достал папку с материалами на Одру Медоуз и протянул жене. С широко раскрытыми от удивления глазами Мора листала сделанные на протяжении двенадцати лет записи и фотографии. Обычные для голливудских звезд складки и жировые отложения, восемь или девять операций по подтяжке лица. Причем еще до первой операции Одра Медоуз была поразительно красива. Ее от рождения высоким скулам позавидовало бы великое множество женщин. Темно-зеленые миндалевидные глаза очаровывали с первого взгляда. В сущности, она была почти идеальной. Однако с каждым новым хирургическим вмешательством — почти незаметным, если бы не фотографии — доктор Хилл совершенствовал эту удивительную, не имеющую возраста красоту.

— Зачем вообще ей понадобилось ложиться под нож? — недоуменно поинтересовалась Мора.

— Как и большинство моих пациенток, Одра видит в себе недостатки, которых не замечают другие.

Мора скорчила гримасу. Какое тщеславие!

— Ну хорошо. Кто же так жаждет навредить этой Одре, что готов из-за нее убить моего сына? Ой, прошу прощения, я имею в виду нашего сына.

— Кто-нибудь, кто завидует ее красоте? — предположил Джордж, пожав плечами.

— Или твоему таланту. Может, их цель — погубить тебя.

— Я думал об этом. В нашем бизнесе высокая конкуренция. Особенно здесь, в этом городе.

Глаза Моры сузились.

— Джордж, если от этого будет зависеть жизнь нашего сына, ты ведь сделаешь то, о чем тебя просят? Сделаешь инъекцию?

Несколько секунд Хилл колебался и наконец выдавил:

— В таком случае ее лицевые мышцы будут навсегда парализованы. Но даже если я сделаю инъекцию... не факт, что Дэвида оставят в живых.

— У нас нет выбора! — воскликнула Мора.— Неужели нельзя выполнить их просьбу, а потом все уладить? Ты ведь, мать твою, звездный хирург!

Джордж стукнул ладонью по столу.

— Да ты что, не понимаешь, Мора? Господи, если я сделаю это и меня поймают, мне конец! Меня навсегда лишат практики. Более того, тут пахнет еще и уголовным делом.

— Ах ты, самовлюбленный засранец!

— Я знаю, тебе это трудно уяснить, но я всегда, с самого поступления в университет, мечтал стать пластическим хирургом. Ты предлагаешь мне умышленно искалечить человека. Это идет вразрез со всем, во что я верю! Полагаю, нам надо обратиться в полицию.

Ее глаза полыхнули яростью.

— Только попробуй — и я лично добьюсь того, что тебя лишат практики! — Мора схватила папку с делом Одры.— Можешь не волноваться, я найду Дэвида, и тебе не придется решать, что для тебя важнее — репутация или жизнь собственного сына.

Она вышла и с такой силой захлопнула дверь, что матовое стекло разлетелось вдребезги.

Мора догадывалась, что за ней могут следить: не обратится ли она в полицию. Машин на улице было не много — час пик

еще не наступил,— и ни одна не вызывала подозрений. Трясясь от страха и ярости, она пролетела около мили на запад и резко затормозила на красный сигнал светофора. Только сейчас, опустив голову на руль, Мора дала волю слезам. Она была типичной интеллигенткой, скромной преподавательницей, но никак не человеком действия. Теперь ей предстояло перемениться. И очень быстро.

Взяв себя в руки, Мора посмотрела в зеркало заднего вида: через несколько автомобилей стоял серый «кадиллак» с включенными фарами. Не эту ли машину она видела всего несколько минут назад у конторы Джорджа? Сердце бешено застучало. А если похитители подслушали ее телефонный разговор с мужем и сейчас ведут за ней наблюдение? Мора медленно влилась в движущийся поток машин. Спустя несколько секунд, сохраняя прежнюю дистанцию, «кадиллак» тронулся за ней. Номеров было не разглядеть. Мора судорожно вытащила из сумочки мобильник и нажала несколько кнопок.

— Алло,— раздался знакомый голос.

— Хакер, слава богу, ты на месте.

Тейлор «Хакер» Берджесс был ее аспирантом. Он специализировался в области нанотехнологий — создании микроскопических электронных сенсоров с неограниченными возможностями. Приятель по выпуску как-то назвал блистательного и совершенно антисоциального Берджесса «компьютерным Эйнштейном». Перед ним открывались безграничные перспективы — если, конечно, Господь убережет его от тюрьмы. Прозвище Хакер точно отражало страсть Берджесса, и Море регулярно приходилось наказывать излишне ретивого молодого человека за проникновение в сети, считающиеся недоступными. Сам он называл это исследованием.

— Хакер, слушай внимательно,— торопливо начала Мора.— Не требуй объяснений, просто разузнай для меня кое-что.

— Для вас что угодно.

Она продиктовала Берджессу адрес и дату рождения Одры Медоуз и пояснила:

— Мне нужна любая информация о ней, какую получится раскопать. Может, ее арестовывали. Привлекали к суду. Или она возглавляла какой-нибудь благотворительный фонд. Возможно, получала награды. Любая информация. Ищи везде, где только сможешь. Это срочно.

— Вы даже не попросите меня быть осторожным?

— Делай все, что сочтешь нужным.

Мора снова посмотрела в зеркало. «Кадиллак» сохранял дистанцию. Слепящее солнце мешало разглядеть лицо водителя. Мора остановилась на светофоре на Уилтшир. Пальцы, сжимавшие рулевое колесо, побелели от напряжения.

«Неужели я так и останусь в неведении?»

Она взяла мобильник, сделала глубокий вдох и, когда светофор сменил сигнал на зеленый, выскочила из машины. Вокруг возмущенно загудели клаксоны. Мора различила силуэт водителя «кадди», но отчетливо увидела только бейсболку и, кажется, солнцезащитные очки. Когда она подбежала ближе, шины «кадиллака» взвизгнули, автомобиль сорвался с места и врезался в «акуру». Та развернулась на сорок пять градусов и ударилась в «фольксваген».

Мора замерла, а водитель «кадиллака» тем временем со скрипом переключил передачу и, дав задний ход, врезался еще в одну машину. Противно заскрежетал металл о металл, с хлопком раскрылась подушка безопасности. «Кадиллак» резко вильнул вбок и вылетел на встречную полосу. Отчаянно завизжали тормоза, и через несколько мгновений автомобиль превратился в размытое серое пятно на горизонте. Еще не до конца придя в себя, Мора набрала номер. Хакер отозвался после третьего гудка.

— Серый «кадиллак». Номер калифорнийский, начинается с AZ-три. Это пока все. Найди мне машину.

Вдали раздались звуки сирены. Пока не прибыла полиция, Мора быстренько сочинила историю о якобы заглохшем дви-

гателе и о том, как ее достал своим поведением на дороге водитель серого «кадиллака».

Прошло еще несколько часов, в течение которых Мора проверяла, нет ли за ней слежки. Наконец она решила, что чем возвращаться домой, лучше снять комнату в гостинице, так надежнее. Неизвестно, может, и телефон ее прослушивается, и вообще весь дом нашпигован «жучками». Получив ключи от номера, Мора отправила бывшему мужу сообщение со строгим наказом ни с кем не общаться и звонить ей в гостиницу из уличного таксофона. Возможно, у нее развилась паранойя, но уж лучше перебдеть.

У Джорджа никаких новостей не было. Помолчав, Мора снова задала вопрос, готов ли он выполнить требование похитителей и искалечить Одру Медоуз.

— Мы не можем это допустить.— Таков был его ответ.— Просто не можем.

Мора с грохотом бросила трубку на рычаг и тут же набрала номер Хакера.

— Что ты выяснил?

— Кое-что. Пришлось повозиться, не так-то просто проникнуть в базу данных по автомобилям. Судя по всему, завели нового сисадмина. Но они совершили ошибку, когда апгрейдили свою базу SQL до четвертого сервис-пака. Там-то я и нашел лазейку.

— Хакер, мне все равно, как ты это сделал. Лучше бы мне этого не знать. Просто скажи, что ты нашел.

— Ладно. В Калифорнии больше трех тысяч номеров, начинающихся с AZ-три.

У Моры сердце оборвалось.

— Черт!

— На «кадиллаках» их всего штук двадцать пять. Половина принадлежит фирмам по прокату, половина — личные авто. Но ни одного в Лос-Анджелесе и пригородах.

— Мы погибли.

— Не торопитесь. Я решил не рыться долго в базе, а воспользоваться старым добрым телефоном и позвонил в «Авис» и «Херц»*.

— Продолжай,— оживилась Мора.

— Я представился полицейским, сообщил, что веду расследование дорожного происшествия. Так или иначе, но, кажется, нам повезло. Вчера в «Ависе» брали напрокат серый «кадиллак» две тысячи пятого года выпуска, арендовал кто-то из «Медоуз продакшнз». Эта компания принадлежит Алеку Медоузу. Я проверил.

Есть! Алек Медоуз. Супружеская неверность? Одра пригрозила от него уйти? Какова бы ни была причина, Медоуз так жаждал отомстить жене, что задумал похитить Дэвида и сейчас угрожал его убить. Но осмелится ли он привести угрозу в исполнение?

Притаившись за хорошо ухоженной живой изгородью, Мора осматривала в бинокль огромные владения Медоуза. Принадлежащий ему участок земли находился в лесу, достаточно далеко от автострады. К сложенному из плитняка дому, напоминающему средневековый замок, примыкал гараж на три машины, в котором прежде наверняка стояли кареты. Она появилась здесь вскоре после захода солнца и сейчас ломала голову над вопросом: не стоит ли рискнуть и обратиться в полицию? Вполне вероятно, Дэвида держат именно здесь. В противном случае, возможно, удастся как-то разузнать его местонахождение.

Хакер передал Море информацию об Алеке Медоузе, надерганную из различных источников. Свое состояние Алек сколотил в шоу-бизнесе, продюсируя низкопробные подростковые ужастики и ряд успешных телевизионных шоу. Никакого криминала за ним не водилось. Для него брак с Одрой был первым, для нее — вторым. Детей у них не было.

---

* Известные фирмы по прокату автомобилей.

«Ваш сын у нас».

У нас. Что это может означать? Кто является сообщником Алека Медоуза? Может, он прибег к помощи профессионалов? Мора изо всех сил пыталась докопаться до правды. Ели Алек захотел убрать жену, было бы проще просто нанять убийцу. К чему так рисковать с похищением? Тут Мора снова задумалась: что, если в действительности удар направлен не на Одру, а на Джорджа?

Темноту прорезал свет фар приближающегося автомобиля. Хакер был готов в любой момент вывести из строя охранную систему, чтобы Мора проникла в дом. Но, судя по всему, в этом не было необходимости. Она быстро перебежала дорогу и спряталась в ближайших к гаражу кустах. Через несколько секунд центральные ворота поползли вверх, и в гараж заехал огромный черный «мерседес». Дождавшись, когда ворота опустятся почти до земли, Мора нырнула в сужающуюся щель и, перекатившись, притаилась у заднего бампера. Рукой она задела горячую выхлопную трубу и до крови прикусила губу, сдерживая крик. Двери «мерседеса» открылись, из него вышли два человека.

— Одра, сучка, давай надевай. Придешь, когда я буду готов,— произнес мужчина уверенным командным голосом, полным ярости.

— Конечно, Алек,— безразлично отозвалась женщина.

Они скрылись в доме, и только тогда Мора покинула укрытие, поднялась по короткой лестнице и совсем чуть-чуть приоткрыла дверь. В конце темного коридора виднелась кухня. Вот распахнулась дверь холодильника, и на стене появилась тень причудливых очертаний. Через несколько секунд кухня опустела. Мужчина поднимался по широкой лестнице; его шаги гулко отдавались в огромном доме. Мора прокралась на кухню. Зажигать свет не было нужды — глаза уже привыкли к темноте.

Стараясь не шуметь, она ступила в чуть освещенную гостиную. Согласно разработанному плану, Мора собиралась до-

ждаться, когда чета Медоуз заснет, и тогда приступить к поискам в подвале. Конечно, там могут оказаться, например, датчики движения — что ж, тогда придется импровизировать.

Вдруг на лестнице послышались шаги. У Моры отчаянно забилось сердце, она огляделась и быстро забилась за диван. В гостиной появился Алек. Он направился к камину и повернул скрытый в стене выключатель. От Моры до хозяина особняка было не больше десяти футов. Отойди он чуть правее — и глаза их встретятся.

Через открытую дверь Мора увидела столовую, огромный стол, накрытый свисающей почти до самого пола не очень чистой скатертью. В центре стояла роскошная ваза со свежесрезанными цветами.

— Одра, спускайся! — громко приказал Алек, подойдя к лестнице.

«Давай же! Вперед!» — подбодрила себя Мора.

Без малейшего шума она быстро подползла к столу и скользнула между двумя массивными стульями под скатерть. От свисающего края скатерти до пола было расстояние около трех дюймов, и, прижавшись щекой к роскошному восточному ковру, Мора могла следить за происходящим. Вот в комнате показался Алек — он был бос,— за ним его жена.

— В этом платье ты похожа на потаскуху,— усмехнулся Медоуз.— А мне нравятся шлюхи. Очень нравятся.

Раздался звук пощечины. Одра вскрикнула.

— Пожалуйста, Алек, не сегодня. Я не могу.

— Тебе это нравится, сучка. Ты это знаешь, и я знаю.

Он еще раз ударил жену. На этот раз так сильно, что та упала на пол всего в нескольких футах от места, где пряталась Мора. Если бы Одра не была в шоке от удара, она могла бы заметить незваную гостью. Но не заметила.

— А ну, поднимайся! — потребовал Алек.— У меня уже встал.

— Прошу тебя, Алек...

С большим трудом Мора заставила себя остаться в убежище, а не броситься спасать Одру от этого чудовища. Но у Моры была более важная цель, так что приходилось лежать без движения в позе эмбриона.

— Давай на стол,— продолжал Алек.— Ты мне сегодня очень нравишься. Ты так прекрасна... восхитительна. А завтра после операции будешь выглядеть еще лучше.

Мора прикрыла рот и тяжело задышала. От долгого нахождения в одной позе икроножную мышцу свело судорогой. Ощущение было такое, будто в нее раз за разом вонзают тупой нож. Она крепко сжала пальцы в кулаки, чтобы не выдать себя ни единым стоном, и постаралась отрешиться на время от действительности, от тех кошмарных звуков, что раздавались прямо над головой.

Тем не менее минуты, в течение которых Алек насиловал жену, тянулись для Моры мучительно долго. Жалобные всхлипы Одры не могли утихомирить разбушевавшегося монстра. Наконец ярость его утихла, и сверху доносилось только учащенное дыхание. Очередная пытка для Одры завершилась.

Если бы только можно было убить негодяя, не подвергая опасности жизнь сына, Мора бы это сделала. Кончив, Алек отвалился от стола, привел в порядок одежду и быстрыми шагами поднялся по лестнице. Одра, совершенно обессиленная, некоторое время не шевелилась, только тихо поскуливала. Их с Морой многое объединяло. Они обе были жертвами гнусных замыслов Алека Медоуза.

Лишь около половины пятого Одра покинула кухню и также отправилась наверх. Мора несколько минут таилась в своем укрытии, затем осторожно выбралась из-под стола и смогла наконец распрямить онемевшую ногу. После безуспешных поисков на нижнем этаже ей удалось обнаружить рядом с кухней дверь в подвал. Огромное, сырое, едва освещенное помещение с кое-как сложенными бетонными стенами вызыва-

ло дрожь. По полу были разбросаны ящики и старая мебель. И никаких следов Дэвида. Ничего не указывало на возможную причастность Алека Медоуза к похищению.

Однако Мора недолго пребывала в унынии. Сначала она решила подождать, пока в доме все стихнет, и только тогда взяться за поиски наверху, но, немного поразмыслив, отвергла эту идею. Она уже устремилась к лестнице, и тут ее внимание привлекла дверь в дальнем конце подвала. За дверью оказалась неотделанная ванная комната с ванной, раковиной, зеркалом и небольшим шкафчиком. В последнем Мора обнаружила синюю косметичку, набитую пластиковыми бутылочками, в основном пустыми. Все это были антидепрессанты: валиум, золофт, прозак, ксанакс, эффексор — и на каждом рецепте стояло имя Одры Медоуз. Больше всего было ксанакса и эффексора. Во время бракоразводного процесса и после него Мора пребывала в сильной депрессии и пыталась принимать эти же препараты. Эффексор вызывал у нее вялость, апатию и сильную зависимость. От ксанакса ей и вовсе делалось тошно. Лекарствам Мора предпочла ночные телевизионные передачи, советы друзей и изнуряющие физические упражнения. Тем не менее она прекрасно понимала, зачем Одре столько медикаментов.

Благодаря своей находке Мора сделала следующий вывод: если Одра проходит курс лечения, то ее врач может знать об Алеке. Вот только как заставить человека, давшего клятву Гиппократа, нарушить ее?

«Может, у доктора Саймона Рубинштейна есть сын»,— подумала Мора со свирепой улыбкой.

Она взглянула на часы. У нее осталось девять часов. Сунув в карман пустой пузырек из-под таблеток с адресом доктора Рубинштейна, Мора выбралась на улицу и исчезла в лесу, укрытом завесой холодного утреннего тумана.

Действуя согласно полученным инструкциям, Хакер оставил на ресепшене гостиницы «Холидей инн» коробку из-под обуви. Он хорошо знал Дэвида и с готовностью исполнил прось-

бу его матери. В машине Мора открыла коробку и переложила в карман куртки заряженный «смит-вессон» 38-го калибра. Хакер всегда отличался не только умением раздобыть нужную информацию, но и характером: он был эксцентриком и немного параноиком. У себя дома он держал маленький арсенал. Помимо пистолета в коробке лежала также распечатка с данными об Алеке Медоузе.

Ни на нем, ни на его компании не числилось студии или склада. Вероятность того, что он будет прятать Дэвида в своем офисе в центре Лос-Анджелеса, была крайне мала. На другом листке бумаги Мора обнаружила список объектов недвижимости на юге Калифорнии, принадлежащих людям с именем А. Медоуз. Одну строчку Хакер обвел в кружок — небольшой коттедж или что-то вроде того в Национальном лесопарке Лос-Падрес, к северу от Вентуры. Владельца коттеджа звали А. Р. Медоуз — так же, как и мужа Одры. Мора сверилась с картой и прикинула, что дорога туда и обратно займет часов пять. До начала пластической операции оставалось восемь часов.

Номера домашнего телефона доктора Рубинштейна в телефонном справочнике не было, и сейчас Хакер пытался найти телефон и адрес доктора. Тем временем Мора поехала в офис Рубинштейна, расположенный в Голливуде, всего в нескольких кварталах от хирургического центра Джорджа. Дверь была заперта. Надо было решать — то ли остаться здесь и дождаться доктора, то ли проверить единственную имеющуюся зацепку: домик в горах.

Мора позвонила мужу домой, потом в офис и на мобильник. Везде включался автоответчик. Обычно доктор Джордж Хилл, звездный хирург, был доступен в любое время. Но теперь он явно избегал бывшую жену, а это означало, что его раздирали противоречия по поводу как предстоящей операции, так и собственных действий. Мора оставила на всех автоответчиках экспрессивные сообщения, недвусмысленно дав мужу понять, что его ожидает, если, не дай бог, из-за него что-то слу-

чится с Дэвидом. Затем на заправке она залила в «камри» полный бак бензина и устремилась к выезду из города.

О дороге пришлось справляться у смотрителей лесопарка; сыграла свою роль и простая удача. В итоге после примерно двух с половиной часов пути Мора свернула на Иглс-Нестроуд в двух милях к западу от Фрейзер-парк. На поиски Дэвида оставалось четыре с половиной часа.

Деревянная табличка с намалеванными цифрами 1 и 4 была прибита к дереву на обочине. Сам дом — небольшой коттедж, как и предполагал Хакер,— представлял собой полуразвалившееся строение. Двор был весь завален разнообразным хламом. Вряд ли подобное убожество могло принадлежать Алеку Медоузу. Тем не менее Мора припарковала машину и стала лесом пробираться к коттеджу. Добравшись до края поляны, она вытащила из кармана «смит-вессон» и... практически в ту же секунду почувствовала, как в основание шеи уперся холодный ствол.

— Бросьте игрушку! — пророкотал сзади бас.— А теперь поворачивайтесь. Медленно.

Подчинившись, Мора повернулась и увидела огромного, почти двухметрового, мужчину с густой рыжей бородой. В руках он держал охотничью винтовку с телескопическим прикладом.

— Где мой сын? — спросила Мора, с вызовом посмотрев ему в глаза.

— Леди, единственный мальчишка на всю округу — это мой сын. Луанна?

На дворе появилась непривлекательная женщина, ведущая за руку замызганного мальчика лет двух от роду.

Море стало худо.

— Ваша фамилия Медоуз? — уточнила она охрипшим, дрожащим голосом.

— Медоуз. Амброуз Медоуз. Хотя не понимаю, почему вас это волнует. А теперь выкладывайте: какого черта вы здесь делаете?

Один час.

Мора возвращалась в Лос-Анджелес совершенно опустошенная; ей пришлось впустую смотаться в Лос-Падрес и потерять уйму времени, в частности из-за плотного движения на шоссе. Пистолет вернулся на место в карман куртки. Бывший муж по-прежнему упорно не отвечал на звонки ни по одному из телефонов.

Наконец трубку в офисе подняла секретарша.

— Вероятно, вы забыли,— твердо произнесла она,— что доктор Хилл запрещает звонить в центр, пока идет операция.

Черт бы побрал этого «великого врача» с его политикой: «Каждый пациент — наш единственный пациент». Мора застонала. Она не стала угрожать ни в чем не повинной секретарше, сбросила звонок и вырулила на аварийную полосу. Через несколько минут Мора подлетела к зданию, в котором располагался офис доктора Рубинштейна, и бегом поднялась на третий этаж. Приземистый мужчина с абсолютно лысой головой и добрым умным лицом — очевидно, сам Саймон Рубинштейн — как раз запирал дверь кабинета.

— Доктор Рубинштейн?

— Да.

— У меня пистолет. Пожалуйста, вернитесь в кабинет, или, клянусь, я буду стрелять.

Если психиатр и испугался, то никоим образом этого не показал; он молча повернул ключ в обратную сторону, переступил порог комнаты и придержал дверь для Моры. Она вошла и закрыла за собой дверь.

Тридцать минут.

— Я ничего против вас не имею,— начала Мора,— но мне нужна помощь.

— Я не храню у себя наркотики. Впрочем, кажется, вас не это интересует.

Мора достала письмо от похитителей Дэвида и протянула Рубинштейну. Он прочел его с задумчивым видом.

— Я проникла в поместье Медоуза и нашла выписанные вами рецепты. Но перед этим я пряталась под столом, в то

время как Алек Медоуз насиловал Одру. Он стоит за этим похищением! Либо он хочет изуродовать жену, либо дискредитировать моего бывшего мужа. Одру начнут оперировать через несколько минут, а мне неизвестно, где находится мой сын.

Не сдержавшись, Мора заплакала.

— Пожалуйста, опустите пистолет,— велел Рубинштейн тихим, но властным голосом.— Вы обратились в полицию?

— В письме же велят не делать этого. Я... я надеялась отыскать Дэвида до того...

— А доктор Хилл исполнит требование? Он изуродует Одру?

— Не знаю... Правда не знаю. Прошу вас. Операция должна начаться через несколько минут!

— Думаю, я смогу вам помочь,— сказал Рубинштейн.— Но прежде вы должны мне довериться и найти способ отменить операцию. Сколько времени вам потребуется, чтобы преодолеть четыре квартала?

В отношении расписания операций Джордж был таким же педантом, как и во всем остальном. Ошарашенная тем, что узнала от Рубинштейна, Мора сбежала по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, выскочила на улицу и помчалась сквозь толпу, словно полузащитник по полю.

Пробило ровно четыре, когда она оказалась перед зданием хирургического центра из стекла и белого кирпича. Двери были заперты, свет в фойе не горел. Ни секунды не колеблясь, она ногой выбила стекло, вытащила осколки и проникла внутрь. Операционные располагались в дальней части центра. В одной из них шла операция.

— Миссис Хилл, вам сюда нельзя! — крикнула сестра, когда Мора вихрем ворвалась в святая святых.

Часы показывали пять минут пятого. Одра Медоуз лежала под простыней на ярко освещенном столе; лицо ее блестело от антисептика.

Джордж — царь и бог — в униформе, маске и перчатках стоял у стола. В руке он держал большой шприц. Другой шприц,

похожий, находился на поддоне из нержавеющей стали. Один, вероятно, был наполнен обезболивающим, а второй...

— Мора! — удивленно воскликнул Джордж.— Что за...

Не обращая на мужа внимания, она подлетела к Одре. Глаза женщины слезились от лекарств.

— Мора, тебе нельзя здесь находиться,— произнес Джордж.

Однако она снова проигнорировала его, низко склонилась над Одрой и прошептала:

— Бедняжка. Мне все известно. Одра, я хочу помочь вам. Все будет хорошо. Вы понимаете меня?

— Да... Понимаю.

— Хорошо. А теперь ответьте, где мой сын.

Джордж недоверчиво качал головой.

— Нет, не могу поверить, что Одра Медоуз собиралась сотворить с собой такое.

Позвонили из полиции и сообщили, что команда SWAT обнаружила Дэвида в точности там, где указала Одра,— в редко посещаемом коттедже ее подруги в горах над Малибу. Человек, который по ее поручению похитил Дэвида и потом стерег его в коттедже, был арестован. Арестовали и саму Одру, хотя судья уже пообещал вернуть ее под опеку доктора Рубинштейна, чтобы тот дал квалифицированную оценку состоянию женщины.

— Ее психиатр назвал это комплексным посттравматическим стрессом,— объяснила Мора бывшему мужу.— Еще задолго до свадьбы у нее были патологически странные отношения с этим садистом Алеком Медоузом. Любовь и ненависть переплелись там воедино. Это он заставлял ее то и дело ложиться под нож. Полагаю, многие годы сексуального и психического насилия довели Одру до крайности. Бедняжка надеялась, что, если лицо ее будет обезображено, Алек отвергнет ее и она обретет свободу. Наверное, она просто не могла сама изуродовать себе лицо или же нанять для этого кого-то еще. И в итоге решила, что лучше всех справишься ты.

В комнате появился молодой детектив и жестом приказал Джорджу следовать за ним.

— Доктор Хилл, мне необходимо взять у вас показания.

Хирург направился к двери, но Мора остановила его.

— Джордж, один шприц ты держал в руке, другой находился на поддоне. Ты собирался сделать инъекцию? В шприце у тебя в руке был спирт?

— А ты, Мора, сама как думаешь? — улыбнулся Джордж.

После чего повернулся и вышел из комнаты.

Дэвид Моррелл

«Братство розы» всегда имело особенное значение для Дэвида Моррелла. Роман первым из его произведений попал в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», а позже Эн-би-си сняла по нему мини-сериал. Слово «роза» в названии отсылает к древнему символу тайны из греческой мифологии. На собраниях тайных обществ было принято вешать на стену цветок розы, и собравшиеся давали клятву не разглашать того, что произнесено «sub rosa», то есть под розой. «Братство» — это два молодых человека, Сол и Крис. Они рано остались сиротами, и приемный отец завербовал их в ЦРУ. Моррелл сам вырос без родителей и приписал главным героям романа некоторые реальные события своей жизни.

После окончания работы над «Братством розы» писатель так скучал по созданному им миру, что вскоре сочинил триллер с похожим названием — «Братство камня». Там появляется еще один сирота, Дрю Маклейн. Для Моррелла обращение к теме сирот и приемных отцов было сродни сеансу у психоаналитика, и он развил эту тему в следующем романе «Лига "Ночь и туман"», где встретились герои двух первых произведений цикла — Сол и Дрю. Таким образом, «Лига» является двойным сиквелом и одновременно последним романом трилогии. Моррелл планировал четвертую книгу и умышленно оставил незакон-

ченной сюжетную линию. Однако его постигло несчастье. Пятнадцатилетний сын Моррелла, Мэтью, умер от редкой формы рака кости, известной как саркома Юинга. Душа писателя больше не лежала к теме сирот, ищущих приемных родителей. Моррелл пытался заполнить пустоту, образовавшуюся в его жизни со смертью сына. Тему потери он исследовал в нескольких последующих произведениях, главным образом в «Крайних мерах» и «Давно пропавшем».

Все эти годы Моррелл получал по паре писем в неделю с просьбами продолжить неоконченное повествование и написать о дальнейших приключениях Сола. Когда я задумал издать эту антологию, я специально обратился к Морреллу с предложением сочинить что-нибудь новенькое про «Братство». Он всячески сопротивлялся, не желая возвращаться в те далекие дни. Однако Сол и его жена Эрика снова и снова напоминали о себе. В итоге возникла новая сюжетная линия — необъяснимое нападение на поселок, в котором жил Сол. Быть может, читатели и сам Моррелл теперь будут удовлетворены. Дрю и его подруга Арлин на страницах рассказа не появляются, но поклонники почувствуют их незримое присутствие «за кадром».

Ну и конечно же, какое произведение о «Братстве» без принципа Абеляра?*

* Дэвид Моррелл является также литературным отцом знаменитого Рэмбо.

Дэвид Моррелл

ПРИНЦИП АБЕЛЯРА

Изначально безопасные дома, или убежища Абеляра, существовали всего в шести городах: Потсдаме, Осло, Лиссабоне, Буэнос-Айресе, Александрии и Монреале. Возникли они в 1938 году, после того как представители ведущих мировых разведок встретились в Берлине и пришли к единому мнению: в неизбежной войне необходимо поддерживать подобие хоть какого-то порядка. С этой целью был установлен принцип Абеляра; название отсылало к известному средневековому поэту и богослову Пьеру Абеляру, который совратил свою ученицу, прекрасную Элоизу, за что был оскоплен по приказу мстительных родственников девушки. Опасаясь за свою жизнь, Абеляр скрылся в монастыре близ Парижа, а позже выстроил часовню Параклет, названную так в честь Духа Святого, Заступника и Утешителя*. Всякому, кто искал помощи, в стенах Параклета было гарантировано покровительство.

В двадцатом веке последователи Абеляра рассудили, что в хаосе новой мировой войны сотрудники разведок будут очень уязвимыми. У разведслужб всех стран имелись стандартные убежища, но функции безопасных домов должны были расшириться. В чрезвычайных ситуациях сотрудник разведслужбы любой страны мог получить гарантированное убежище в любом из домов. Ему (или ей), независимо от государственной принадлежности, здесь был обеспечен отдых, лечение, а также возможность в спокойной обстановке поразмыслить над

Copyright © 2006 by David Morrell.

* Параклет (*греч.* «помощник», «утешитель») — синоним Святого Духа.

дальнейшими действиями. И не стоило опасаться, что слова, произнесенные в одном из убежищ, когда-нибудь обратятся против говорящего. Кроме того, убежища Абеляра планировалось использовать в качестве места встреч, этакой нейтральной территории для заключения союзов между спецслужбами разных стран и для плетения интриг.

Наказание за нарушение принципа Абеляра было суровым. Если в стенах безопасного дома один разведчик причинял вред другому, на нарушителя немедленно объявляли охоту, его преследовали представители всех разведслужб и убивали при первой же возможности. И не имело значения, к разведке какой страны он принадлежит. Убежище Пьера Абеляра находилось в стенах церкви, и современные апологеты принципа Абеляра решили продолжить традицию. Они посчитали, что во время всеобщего упадка моральных ценностей именно религия послужит гарантом стабильности и придаст вес принятым договоренностям. Конечно, представитель НКВД скептически отнесся к предложению — религия в Советском Союзе находилась под негласным запретом,— однако он не видел ничего плохого в том, чтобы англичане или американцы верили в «опиум для народа».

В течение Второй мировой и в последовавшем безумии холодной войны убежища Абеляра многократно доказывали свою полезность, поэтому решено было организовать новые убежища: в Бангкоке, Сингапуре, Флоренции, Мельбурне, австрийском Ферлахе и в Санта-Фе в штате Нью-Мексико. О последнем следует сказать особо. На встрече в тридцать восьмом году представитель Соединенных Штатов долго сомневался, поддерживать ли идею безопасных домов. Он настоял на том, чтобы не размещать на территории США такие потенциально взрывоопасные и нестабильные объекты. Время доказало его неправоту; в еще более опасном послевоенном мире роль интернациональных убежищ только возросла. И никто из представителей самой циничной профессии ни разу не нарушил правило нейтралитета, принятое в убежищах Абеляра.

Санта-Фе в переводе с испанского означает «святая вера».

«Абеляр бы это одобрил»,— подумал Сол Гризман, ведя неприметную арендованную машину по сумрачной дороге. На город налетела внезапная гроза, и хотя было не поздно, уже совсем стемнело. Несведущие люди считают, будто Санта-Фе — выжженный солнцем безжизненный город вроде Финикса. Но они ошибаются. В Санта-Фе отчетливо выделяются все четыре времени года. Город расположен на высоте семи тысяч футов над уровнем моря, в предгорьях цепи Скалистых гор, известных здесь как Сангре-де-Кристо. Это название дали первые испанские поселенцы, которым отблески заката на снежных вершинах напоминали о крови Христовой*. Путь Сола лежал к горному хребту, на северо-восток от этого артистического городка с населением в пятьдесят тысяч человек. В небе периодически вспыхивали молнии, освещая далекие вершины. Инструкции и карта лежали рядом на сиденье; Сол заранее очень тщательно изучил их во время экстренного перелета в Нью-Мексико. Ему пришлось остановиться всего один раз — освежить в памяти ориентиры на местности, которые он запомнил несколько лет назад в прошлое посещение Санта-Фе. За пеленой дождя в свете фар мелькнул дорожный указатель: Камино-де-ла-Круз. Улица Креста. Сол крепче сжал руль и повернул направо.

Убежище Абеляра находилось именно возле Санта-Фе по многим причинам. Через долину к западу на вершине горы громоздится знаменитый Лос-Аламос — «колыбель» атомной бомбы. В часе езды к югу, близ Альбукерке, в недрах горы запрятан еще один исследовательский центр, работающий на Министерство обороны,— «Национальные лаборатории Сандия». Здесь, на крутом изгибе Корралес-стрит, двойной агент Эдвард Ли Ховард ускользнул от агентов ФБР и бежал в Советский Союз. Шпионаж являлся такой же неотъемлемой частью здешних мест, как и бесконечные художественные

* Сангре-де-Кристо так и переводится с испанского: «кровь Христова».

галереи Каньон-роуд*. Многие дислоцировавшиеся здесь разведчики влюблялись в Волшебный край, как называют эти места здешние жители, и поселялись в Санта-Фе, выйдя в отставку.

Растущие вдоль проезжей части могучие пиньоны** и кусты можжевельника отбрасывали мрачные тени. Через четверть мили дорога закончилась. Ослепительно сверкнула молния, и Сол увидел впереди колокольню церкви. Удар грома потряс машину, а Сол между тем рассматривал примыкающее к церкви низкое длинное здание. Плоская крыша, как и у большинства строений в Санта-Фе. Углы закруглены, толстые стены землистого цвета сложены из оштукатуренного кирпича-сырца. Надпись на табличке гласила: «Монастырь солнца и луны». Сол, иудей по вероисповеданию, заключил, что название связано с расположенными поблизости горами, которые так и назывались: гора Солнца и гора Луны. Кроме того, название — вполне соответствующее духу Санта-Фе, города «новой волны», подчиняющегося законам фэн-шуя,— указывало на то, что это не совсем обычный католический монастырь.

На стоянке была припаркована всего одна машина — такая же темная и неприметная, как у самого Сола. Он остановился рядом, заглушил двигатель, сделал глубокий вдох и, медленно сосчитав про себя до трех, выдохнул. Затем выбрался из автомобиля, запер дверь, закинул на плечо сумку и под непрекращающимся ливнем поспешил к входу в монастырь.

Укрывшись от дождя под навесом, Сол попробовал поочередно открыть обе тяжелые с виду деревянные двери, но безуспешно. Тогда он нажал кнопку звонка и посмотрел в глазок камеры видеонаблюдения. Послышалось жужжание, и следом — щелчок замка. Сол потянул на себя правую дверь, и

---

* Каньон-роуд — улица в Санта-Фе, на которой расположено множество магазинов и всевозможных лавочек.

** Пиньон — вид хвойных деревьев рода сосна.

взору его предстал ярко освещенный холл с кирпичным полом. Когда он вошел внутрь, по холлу пронесся сильный порыв ветра, от которого в камине слева вспыхнули языки пламени. Очаг был приподнят над полом на фут, его овальное отверстие выполнено в стиле кива*. Мирно потрескивали поленья, прислоненные вертикально к дальней стене топки. Хвойный аромат пиньона напомнил Солу запах ладана.

Он повернулся к расположенной справа стойке, из-за которой за ним наблюдал молодой человек в сутане. У священника было аскетическое впалое лицо и наголо выбритый череп.

— Чем могу помочь?

— Мне нужно где-то остановиться.

Капли дождя струйкой потекли с волос Сола на шею.

— Возможно, вас неверно информировали. Это не гостиница.

— Мне сказали спросить мистера Абеляра.

Священник медленно отвел взгляд и напрягся.

— Я позову настоятеля.

Он говорил с европейским акцентом, но каким именно — Сол определить затруднился. Служитель церкви нажал кнопку и уточнил:

— Вы вооружены?

— Да.

Нахмурившись, священник посмотрел на мониторы, которые в разных оттенках зеленого (через камеры ночного видения) изображали залитую дождем территорию снаружи монастыря: две машины на парковке, пустынную дорогу, заросшие можжевельником холмы на дальнем плане.

— Вы пришли к нам, потому что вам угрожают?

— Нет, меня никто не преследует,— ответил Сол.

— Вы уже останавливались у нас?

— Да, в Мельбурне.

— Тогда вам известны правила. Покажите ваш пистолет.

---

* Кива — церемониальное сооружение индейцев юга и юго-запада США.

Сунув руку под кожаную куртку, Сол осторожно извлек девятимиллиметровый «хеклер-кох». Он положил оружие на стойку дулом к стене и терпеливо ожидал, пока молодой человек записывает модель пистолета (P2000) и его серийный номер.

А тот внимательно изучил сдвоенный магазин и ударно-спусковой механизм, после чего убрал пистолет в металлический ящик.

— Другое оружие есть?

— Потайной нож.

Сол приподнял левую полу куртки. Нож в форме когтя бенгальского тигра, всего четыре дюйма в длину, покоился в черных ножнах параллельно черному же ремню. Наружу торчала только маленькая черная рукоять; оружие было почти незаметно.

И его Сол положил на стойку.

Сделав вторую запись, священник спрятал нож в ящик.

— Что-то еще имеется?

— Нет,— отозвался Сол, зная, что сканер, встроенный в стойку, не даст соврать.

— Меня зовут отец Чен,— раздался голос из дальнего конца холла.

На улице прогремел гром. Сол обернулся и увидел еще одного человека в сутане. Этот был постарше, за сорок. Китаец с внушительным животиком, круглым лицом и бритым черепом, что делало его похожим на Будду. Однако акцент выдавал в нем воспитанника одного из университетов «Лиги плюща».

— Я здешний настоятель.— Священник жестом подозвал Сола к себе.— Как вас зовут?

— Сол Гризман.

— Я имел в виду ваше кодовое имя.

— Ромул.

Несколько секунд отец Чен внимательно его разглядывал. Затем они прошли по коридору и оказались в кабинете, расположенном по правую сторону. Священник уселся за рабочий

стол и застучал пальцами по клавиатуре. Прочитал что-то на экране, затем снова посмотрел на Сола. Уже несколько иными глазами.

— Ромул был одним из близнецов-основателей Рима. А у вас есть близнец?

Солу было известно, что его проверяют.

— Был. Не близнец. Вроде как брат. Его звали...— Нахлынувшие эмоции заставили Сола запнуться.— Крис.

— Кристофер Килмуни. Ирландец.— Отец Чен махнул рукой в сторону монитора.— Кодовое имя — Рем. Вы оба сироты, выросли в Филадельфии. Воспитывались в школе Бенджамина Франклина для мальчиков. В военизированной школе.

Тут Сол понял, что должен поделиться подробностями.

— Мы носили форму. Маршировали с игрушечными ружьями. Все предметы — история, тригонометрия, литература и прочие — непременно касались войны. Нам показывали фильмы о войне, мы играли в военные игры.

— Какой девиз был у школы?

— «Научите их искусству политики и ведения войны, чтобы их сыновья смогли изучать медицину и математику, и тогда сыновья их сыновей получат возможность заниматься живописью, поэзией, музыкой и архитектурой».

— Но это слова не Бенджамина Франклина.

— Нет. Это Джон Адамс.

— Вас подготовил Эдвард Франциск Элиот,— заметил отец Чен.

И снова Солу пришлось скрывать чувства. Элиот возглавлял в ЦРУ контрразведку, но они с Крисом узнали об этом много лет спустя.

— Он появился в школе, когда нам было по пять лет, и быстро с нами подружился. С годами он стал... наверное, можно назвать его нашим приемным отцом. Так же как мы с Крисом были молочными братьями. Элиот получил разрешение забирать нас из школы на выходные. Он возил нас на бейсбольные матчи, на барбекю к себе домой в Фоллз-Черч, это в Виргинии,

в школу дзюдо, где мы обучались боевым искусствам. По существу, он завербовал нас и сделал своими личными агентами. Мы и сами хотели служить нашему отцу.

— И вы убили его.

Некоторое время Сол молчал, наконец ответил:

— Это так. Оказалось, что у сукина сына мы не одни. Были и другие сироты, которые любили его, как родного отца, стали его личными агентами и готовы были сделать ради него все, что угодно. А он просто использовал всех нас. Крис погиб из-за него. Тогда я взял «узи» и выпустил весь магазин в лживое сердце этого подонка.

Глаза отца Чена сузились. Сол догадывался, какие слова сейчас услышит.

— И при этом вы нарушили принцип Абеляра.

— Вовсе нет. Элиот находился за пределами убежища. Я не нарушал принципа.

Священник продолжал пристально его разглядывать.

— Все это есть в моем деле,— продолжал Сол.— Да, я устроил бучу в убежище. В итоге мне и Элиоту приказали убираться. У него была фора в двадцать четыре часа. Но я настиг его.

Настоятель забарабанил по столу толстыми пальцами.

— Третейские судьи решили, что принцип Абеляра был искажен, но не нарушен. В обмен на информацию о том, как Элиот стал «кротом», вам неофициально была предоставлена неприкосновенность. Но до тех пор, пока вы находитесь в изгнании. Вы помогали строить поселение в Израиле. Почему вы не остались там? Ради всего святого, как вы после всего, что натворили, надеетесь на радушный прием в убежище Абеляра?

— Я ищу женщину.

Возмущению отца Чена не было предела.

— А теперь еще я должен найти вам проститутку?

— Вы не поняли. Эта женщина — моя жена.

Отец Чен хмуро уставился в монитор.

— Эрика Бернстайн. Бывший агент «Моссада».

— Автомобиль на парковке принадлежит ей?

— Нет. Так вы действительно ее ищете?

— Я не видел ее три недели. Это машина Юсуфа Хабиба?

На улице снова громыхнуло. Священник кивнул.

— Он наш гость.

— В таком случае очень скоро здесь объявится и Эрика. Я вовсе не хочу неприятностей. Наоборот, пытаюсь их предотвратить.

Раздался звонок. Нахмурившись, священник нажал кнопку. На мониторе возникло изображение холла. Сол почувствовал, как к сердцу прилила кровь: на пороге появилась Эрика. Даже на лишенной цветов картинке она была великолепна: тугой конский хвост из длинных черных волос, строгие, но все же прекрасные скулы. Так же как и Сол, она была одета в джинсы и кроссовки. С непромокаемого плаща на пол капала вода.

Не успел отец Чен подняться с кресла, как Сол понеся по коридору. Стоя в ярко освещенном холле, Эрика услышала торопливые шаги по кирпичному полу и инстинктивно приняла оборонительную позу. И едва ли расслабилась, увидев собственного мужа.

— Я же просила не следить за мной,— гневно произнесла она.

— Я и не следил.

— Тогда какого черта ты здесь делаешь?

— Я следил не за тобой, а за Хабибом.— Сол обернулся к отцу Чену.— Нам с женой нужно где-то поговорить.

Священник указал на дверь, расположенную напротив его кабинета.

— В трапезной сейчас свободно.

Несколько секунд Сол и Эрика пожирали друг друга глазами. Затем она нетерпеливо прошла мимо мужа в трапезную.

Сол поспешил за ней и повернул выключатель. Под потолком с жужжанием вспыхнули флуоресцентные лампы. В помещении имелись четыре длинных стола, сдвинутые по два. Было холодно. В воздухе витал оставшийся после вечерней трапезы запах рыбы. За стойкой в дальнем конце находились

огромный холодильник и плита из нержавейки. На стойке в контейнерах хранились ложки, вилки и ножи, рядом стояли кофейник с подогретым кофе и чашки. Сол налил две чашки, добавил безмолочных сливок и заменитель сахара — как любила Эрика. В темные окна по-прежнему хлестал дождь.

Он выбрал стул поближе к жене и уселся. Она с неохотой опустилась рядом.

— Ты в порядке? — поинтересовался Сол.

— Конечно не в порядке. Он еще спрашивает!

— Я имел в виду: ты не ранена?

— Ах это.— Эрика отвела глаза.— Все нормально.

— Нормально ли?

Она промолчала.

— Он был не только твоим сыном,— напомнил Сол, не отрывая взгляд от чашки с нетронутым кофе.— Он был и моим сыном.

И снова Эрика не ответила.

— Я так же сильно ненавижу Хабиба, как и ты. Я мечтаю схватить его за горло и...

— Чушь! Тогда бы ты делал то, что сейчас делаю я.

— Мы потеряли нашего мальчика. И я сойду с ума, если и тебя потеряю. Тебе ведь известно: убьешь Хабиба в убежище — и считай себя покойницей. Ты едва ли проживешь и пару дней, если нарушишь принцип Абеляра.

— А если я не убью Хабиба, мне и жить незачем. Он здесь?

Сол заколебался.

— Говорят, здесь.

— Другого шанса у меня не будет.

— Послушай, мы можем дождаться его на нейтральной территории,— предложил Сол.— Я помогу тебе. Окрестные горы подходят как нельзя лучше. Тебе ведь необязательно смотреть в глаза Хабибу, когда он будет умирать? Хватит и выстрела из снайперской винтовки?

— Главное, чтобы он был мертв и не оскорблял меня тем, что дышит со мной одним воздухом.

— Тогда последуй моему совету.

Эрика покачала головой.

— В Каире я почти добралась до него. На память об этом городе у него осталась дырка в руке. Две недели он пытался меня перехитрить, перебегал из одного схрона в другой. Но шесть дней назад сменил тактику. Перестал таиться. Я решила, что он, наверное, устает, что я загоняла его. Но когда он удирал через Мексику на юго-запад Штатов, я разгадала его план. На Ближнем Востоке Хабибу было легко затеряться, а в Санта-Фе, слава богу, восточных людей днем с огнем не сыщешь. Зачем же его понесло сюда? И я поняла: он заманивает меня. Хочет, чтобы именно здесь я нашла его. Не сомневаюсь: его люди захлопнули ловушку и сейчас караулят снаружи. Хабиб не верит в то, что я нарушу принцип, что моя ненависть к нему безгранична и я готова даже принять смерть, лишь бы прихватить его с собой на тот свет. Он предполагает, что я предприму логичный шаг: спрячусь в лесу и буду его ждать. Но стоит мне так поступить — и его люди нападут на меня. Я превращусь в мишень. Черт, ну почему ты не послушался меня и не остался в стороне? А теперь у тебя не больше шансов выбраться отсюда живым, чем у меня.

— Я люблю тебя,— тихо промолвил Сол.

Эрика уставилась на свои сжатые кулаки. Черты ее лица немного смягчились.

— Единственный человек, которого я люблю больше тебя... любила больше тебя,— это наш сын.

— Вы двое должны уйти,— раздался голос отца Чена.

Сол и Эрика повернулись к открытой двери и увидели на пороге священника со спрятанными за спиной руками. Сол не сомневался, что в них оружие.

В коридоре хлопнула дверь, и через мгновение рядом с отцом Ченом возник худой священник, тот, который встретил Сола. Руки его также были убраны за спину.

Тут Сол догадался, что в трапезной установлены скрытые микрофоны.

— Вы слышали слова Эрики. Там нас ждет ловушка, устроенная Хабибом.

— Это домыслы,— отмахнулся отец Чен.— Бездоказательные. Может, она специально все придумала, чтобы я поверил и позволил вам двоим остаться.

— Хабиб — один из организаторов терактов движения ХАМАС,— сообщила Эрика.

— Меня не интересует, кто он и на кого работает. Здесь всем одинаково гарантирована безопасность.

— Этот мерзавец — психолог, который вербует террористов-смертников,— горячо продолжала Эрика.— Он руководит гребаными тренировочными центрами. Он убеждает смертников, что они попадут в их гребаный рай и будут вечно трахать там гурий, если подорвут себя, а вместе с собой как можно больше евреев.

— Я в курсе, как зомбируют смертников,— отозвался отец Чен,— но единственное, что имеет для меня значение,— неприкосновенность убежища Абеляра.

— Неприкосновенность? — гневно вмешался Сол.— А как насчет неприкосновенности нашего дома? Четыре недели назад один из смертников Хабиба пробрался в наше поселение и подорвал себя на рынке. А наш дом находится рядом с рынком. И наш сын...

Сол замолчал, будучи не в силах продолжать.

— Нашего сына убило осколком,— подхватила Эрика.— Ему едва не оторвало голову.

— Примите мои искренние и глубочайшие соболезнования,— сказал священник,— но я не могу из-за случившегося несчастья позволить вам нарушить принцип Абеляра. Дайте выход своей мести вне стен этого дома.

— Согласна, если Хабиб отзовет своих бандитов,— решительно заявила Эрика.— Мне плевать, что случится со мной, но вот с мужем все должно быть в порядке.

На улице прогремел гром.

— Я передам вашу просьбу,— кивнул отец Чен.

— В этом нет необходимости,— донеслось из погруженного в тень коридора.

Мышцы Сола напряглись, когда позади священника возникло желтоватое лицо. Хабибу было за сорок. Плотного телосложения, густые черные волосы, темные брови и интеллигентное выражение лица — он совсем не напоминал террориста и убийцу. На нем были темные слаксы и толстый свитер. Левая рука болталась на перевязи.

Держась за священником, Хабиб заговорил:

— Мне тоже жаль вашего сына. Для меня жертвы — это просто сухие цифры. Безымянные потери. А как иначе можно вести войну? Если начинаешь видеть во врагах обычных людей — считай, что проиграл. Но мне всегда больно читать о конкретных жертвах, о детях, погибших при взрывах. Они не отбирали нашу землю. Они не устанавливали законы, которые делают нас людьми второго сорта.

— Ваши соболезнования звучат прямо как обвинение,— заметила Эрика.

— Когда я был ребенком, мои родители жили в Старом городе Иерусалима. Израильские солдаты патрулировали крепостную стену вокруг города. И каждый день они мочились вниз на наши огороды. С тех пор ваши политики непрерывно мочатся на нас.

— Но это не моя вина,— возразила Эрика.— Я ни на кого не мочусь.

— Смените политический курс, верните нам нашу землю, и взрывы прекратятся. И тогда другим детям ничто не будет угрожать.

— Меня не волнуют другие дети! — воскликнула Эрика, шагнув к Хабибу.

— Поосторожней,— предупредил отец Чен; он внутренне собрался, готовый вынуть руки из-за спины.

Эрика остановилась.

— Меня волнует только мой сын. Он не мочился на ваши помидоры, однако вы убили его. Именно вы, как если бы сами взорвали эту бомбу.

Хабиб внимательно изучал женщину — должно быть, так психолог изучает беспокойного пациента.

— И теперь вы готовы пожертвовать вашими жизнями, лишь бы свершилось возмездие?

— Нет.— Эрика пылала от ярости.— Не жизнью Сола. Он тут вообще ни при чем. Свяжитесь со своими людьми. Пусть они уберутся.

— Но если вы свободно выйдете отсюда, то сами займете их место,— резонно заметил Хабиб,— и будете меня поджидать. А потом нападете.

— Сыграем в ту же игру, что мой муж со своим приемным отцом. Я дам вам двадцать четыре часа форы.

— Вы хоть подумайте, что говорите. Сейчас вы в худшем положении, но почему-то надеетесь, что я откажусь от своего преимущества.

— Преимущества? — Эрика расстегнула молнию плаща.— А как вам это?

Хабиб тяжело задышал. Отец Чен вытаращил глаза. Сол шагнул вперед и увидел на талии супруги бруски динамита. Его сердце бешено застучало, когда большой палец жены потянулся к кнопке детонатора и вдавил ее.

— Если кто-то из вас выстрелит в меня, палец соскочит с кнопки и все мы отправимся на небеса,— заявила Эрика.— Хоть у меня и нет ни малейшего желания трахать гурий.

— Ваш муж умрет.

— Он так и так умрет, пока ваши люди дежурят снаружи. И вы, кстати, погибнете вместе с ним. Ну, каково находиться рядом со смертником? Не знаю даже, долго ли смогу удерживать кнопку. Вдруг скоро руку сведет судорога?

— Вы ненормальная.

— Не более, чем вы и ваши убийцы. Единственное, за что вас можно поблагодарить,— что эти дегенераты не оставят потомства. Ради Сола я дарю вам шанс. Проваливайте отсюда и забирайте своих людей. Клянусь, у вас будет двадцать четыре часа.

Некоторое время Хабиб пристально разглядывал разъяренную женщину. Затем обратился к священнику:

— Если она выйдет отсюда до истечения суток...

— Не выйдет,— заверил отец Чен, вытащив из-за спины пистолет.

— Помогая мне, вы рискуете взлететь на воздух,— предостерег его Хабиб.

— Дело не в вас. Я дал обет хранить мир в этом доме.

— Эй, у меня уже деревенеет палец,— прервала их Эрика.

Араб кивнул и направился по коридору в свою комнату. Сол с Эрикой под присмотром обоих священников проследовали за ним и наблюдали, как Хабиб складывает вещи в чемодан и затем шагает к выходу, неуклюже двигаясь из-за раненой руки. У стойки в холле он остановился, снял трубку телефона, указательным пальцем здоровой руки набрал номер и включил громкую связь.

Сол услышал, как мужской голос бесстрастно произнес: «Слушаю». На заднем плане монотонно шумел дождь.

— Я выхожу из дома. Операция откладывается.

— Мне нужен код в подтверждение.

— Санта-Фе — необычный город.

— Принято. Операция отложена.

— Будьте неподалеку. Через двадцать четыре часа вы мне понадобитесь.— Отдав распоряжение, Хабиб мрачно посмотрел на Эрику и пообещал ей: — В следующий раз вы так близко ко мне не подберетесь.

Палец Эрики на кнопке детонатора заметно дрожал. Она кивнула на часы, что висели на стене за стойкой.

— Сейчас пять минут одиннадцатого. Насколько я понимаю, время пошло. Идите.

Здоровой правой рукой Хабиб толкнул входную дверь. В холл влетел ветер с дождем.

— Мне действительно очень жаль,— сказал он Эрике.— Ужасно, когда дети должны страдать, чтобы политики исправили свои ошибки.

Нажав одну кнопку на брелоке, Хабиб отпер двери машины, нажав другую, запустил двигатель. Затем подхватил чемодан и вышел на улицу под струи дождя.

Сол наблюдал, как он, шатаясь под порывами ветра, торопится к машине. Сверкнула молния. Инстинктивно Сол отступил от распахнутой двери, на случай если кто-нибудь из боевиков Хабиба решится, наплевав на приказ, открыть стрельбу по человеку, находящемуся под защитой убежища Абеляра.

Сражаясь с ветром, Хабиб добрался до машины, открыл дверь с водительской стороны, бросил чемодан на пассажирское сиденье и быстро сел за руль.

Отец Чен захлопнул входную дверь, разом отрезав шум дождя и лишив Сола возможности следить за Хабибом. В холле было ощутимо холодно.

— Интересно, а парковка расположена за границей убежища? — осведомилась Эрика.

— Это неважно! — рявкнул священник, свирепо на нее посмотрев.— Динамит. Вот что имеет значение! Ради всего святого, как нам обезвредить его?

— Легко!

И Эрика убрала палец с кнопки.

Настоятель вскрикнул и бросился в сторону, едва не упав.

Но Эрика продолжала стоять как ни в чем не бывало. Зато на улице громыхнуло от души, так что Сол растянул губы в свирепой усмешке. Он живо представил, как машины — его и Эрики,— припаркованные по обе стороны от автомобиля Хабиба, одновременно взлетают на воздух. Ударная волна от взрыва пластита, заложенного в багажниках, добралась до дверей убежища. По стенам забарабанили осколки. Где-то разлетелось стекло.

Отец Чен с силой распахнул дверь. Застучавший по полу косой дождь принес с собой вонь дыма, горелого металла и обугленной плоти. Ни дождь, ни ветер не могли затушить пламя, которое вырывалось из искореженных машин и освещало темную парковку. В середине весело полыхал автомобиль Хабиба, превращенный взрывом в груду металлолома. За рулем корчилась в огне человеческая фигура.

Гром прогремел, словно еще один взрыв.

— Что вы наделали? — завопил отец Чен.

— Отправили мерзавца в ад. Где ему самое место,— ответила Эрика.

В ближайших холмах затрещали выстрелы, едва различимые из-за бушующей непогоды.

— Это наши друзья,— сообщил Сол.— Люди Хабиба больше никому не причинят вреда.

— И можете не беспокоиться, что в монастырь нагрянет полиция,— успокоила Эрика.

Вдалеке раздался еще один взрыв.

— Когда наши друзья услышали звук взрыва, они подстроили дорожный инцидент у въезда на эту дорогу. Ехала машина, в ней были баллоны с газом для барбекю, и вдруг — раз! — они взорвались. Машина вся охвачена пламенем. Вот и объяснение взрыву. И ни полицейские, ни пожарные никогда не заподозрят, что на самом деле все произошло в полумиле дальше по этой забытой богом дороге.

Тем временем дождь усилился и практически загасил пламя от горящих на парковке машин.

— Мы не знали, что будет гроза,— продолжал Сол.— Но она только облегчила нам задачу. Не пришлось спешно тушить пожар, чтобы власти вдруг не заметили отблесков пламени.

С ближайшего холма донесся еще один выстрел.

— Мы, конечно, поможем здесь все убрать,— заверила священника Эрика.— Монастырь солнца и луны будет выглядеть так, словно ничего не случилось.

— Вы нарушили принцип! — крикнул отец Чен, направив на нее пистолет.

— Нет. Вы сказали, что парковка не является частью убежища Абеляра,— возразил Сол.

— Ничего подобного я не говорил!

— Эрика спросила вас про парковку! Я отлично слышал. И ваш брат тоже слышал. Вы ответили, что это неважно.

— Вы угрожали агенту в стенах убежища!

— Чем же? У Эрики на поясе никакой не динамит. Это всего лишь раскрашенные картонные коробочки. У нас нет ни-

какого оружия. Может, мы и перегнули палку, но принцип Абеляра не нарушили.

Священник сердито взглянул на Сола.

— Конечно. Как и тогда, когда вы убили приемного отца.

Эрика кивнула.

— Еще один негодяй не будет осквернять этот мир своим присутствием.— Слезы потекли по ее щекам.— Но мой сын все равно мертв. Ничего не изменилось. И мне больно. Господи, как же мне больно!

Сол поддержал жену под руку.

— Как бы я хотела, чтобы он вернулся,— простонала Эрика.

— Знаю, дорогая. Знаю.

— Я буду молиться за него,— пообещал отец Чен.

— Помолитесь за всех нас.

Крис Муни

В «Жажде мести», первом остросюжетном романе Криса Муни, одним из второстепенных персонажей является Малькольм Флетчер, бывший профайлер* – загадочный человек с необычными, абсолютно черными глазами, скрывающийся от ФБР. Его выслеживает бывший коллега по имени Джек Кейси и убеждает помочь в расследовании громкого дела серийного убийцы, который вырезает целые семьи, пока те спят, а потом, когда на место преступления прибывает полиция, подрывает бомбу. Кейси выясняет, что Флетчер знаком с преступником – это бывший пациент программы по изменению поведения, проводимой под эгидой ФБР. Роман заканчивается тем, что Флетчер снова пускается в бега, а Джек Кейси идет по его следу.

После первой публикации «Жажды мести» Муни был поражен количеством поступающих в его адрес бумажных и электронных писем

* Профайлер – следователь-психолог, воссоздающий облик убийцы (как правило, серийного) по косвенным уликам и признакам. Он ставит себя на место преступника и, находя ответ на вопрос «Почему он убивает?», понимает, что им движет и как его можно найти и обезвредить.

от читателей, желающих больше узнать о Малькольме Флетчере. Что с ним стало? По-прежнему ли за ним охотятся люди из ФБР? Какие еще тайны он хранит? И самый важный вопрос: чем занимается Флетчер?

У Муни и самого не было всех ответов. Флетчер в то время перестал интересовать писателя, он начал работу над двумя новыми романами: «Бесконечный мир» («World Without End») и «Вспоминая Сару» («Remembering Sarah»). Однако поток писем от поклонников не прекращался, и Муни сам стал задаваться теми же вопросами и решил в итоге вернуть к жизни популярного персонажа. Удивительно, но писатель обнаружил, что, оказывается, скучает по Флетчеру и миру, в котором тот обитает. В результате сейчас Муни рассматривает возможность создания цикла произведений, главным героем которых станет Малькольм Флетчер.

В рассказе «Человек с черными глазами» Муни обращается к своим излюбленным темам: потеря, возмездие и то, насколько субъективным бывает понятие «справедливость». На страницах появляется новый персонаж — молодая женщина, к которой обратились с просьбой помочь в поимке опасного преступника, бывшего агента ФБР.

Итак, что же делал все эти годы Малькольм Флетчер?

Настало время это выяснить...

Крис Муни

ЧЕЛОВЕК С ЧЕРНЫМИ ГЛАЗАМИ

Аэропорт оживленно гудел. Марлене приходилось чуть ли не бежать, чтобы не отстать от спутника.

— Передатчик совсем маленький, в два раза меньше ластика на кончике карандаша,— говорил специальный агент Оуэн Ли, слегка шепелявый мужчина худощавого телосложения.— От вас требуется всего лишь прицепить передатчик и спокойно удалиться, а потом можете насладиться несколькими днями отдыха здесь, на Кайманах. Привилегия тех, кто работает на федеральное правительство.

— Все же я до сих пор не понимаю, почему вы обратились именно ко мне? — задала Марлена вполне резонный вопрос.

Она была скромной лабораторной мышкой и знала толк в делах судебных, но никак не в слежке.

— Мне требовалось найти уверенную в себе молодую женщину с головой на плечах,— ответил Ли.— Кроме того, исключительно хорошенькую и имеющую кубинское происхождение. У нашего парня пунктик в отношении кубинок. Вот тогда и всплыло ваше имя.

— Как зовут объект?

— Малькольм Флетчер.

У Марлены подкосились ноги.

Малькольм Флетчер, некогда считавшийся одним из самых блестящих агентов ФБР всех времен, сейчас был для Бюро самой желанной добычей. За его поимку назначили награду

Copyright © 2006 by Chris Mooney.

в два миллиона долларов — цена жизни по меньшей мере трех федеральных агентов.

И это только то, что предлагало правительство. Вот уже несколько лет до Марлены периодически долетали слухи о сумме порядка пяти миллионов, которую готов заплатить Жан Поль Руссо. Его сын, специальный агент Стефан Руссо, вместе с другими фэбээровцами принимал участие в неудачной попытке захвата Флетчера. Теперь Руссо-младший был прикован к больничной койке и вел растительный образ жизни.

— Судя по вашему лицу, вам известно это имя.

Судорожно сглотнув, Марлена кивнула.

— Это правда... про глаза?

— Да, они полностью лишены пигмента и совершенно черные,— подтвердил Ли.— Я слышал, вы подали заявку на вакантное место в отдел особых расследований?

— Да.

Марлена очень надеялась, что ее опыт работы в лаборатории даст ей преимущество над другими претендентами и поможет занять место в отделе — подразделении Бюро, специализирующемся исключительно на расследовании серийных убийств.

— Помочь задержать Флетчера и предать его правосудию — такая удача выпадает далеко не каждому. Это хороший шанс сделать карьеру. Надеюсь, вы в точности будете следовать инструкциям.

— Можете на меня положиться, сэр.

— Хорошо. А теперь пора купить вам платье. Вы пойдете на коктейльную вечеринку.

Марлена бросила чемоданчик на заднее сиденье потрепанного джипа. За рулем сидел здоровенный детина, который легко сошел бы за двойника Невероятного Халка*. На нем

* «Невероятный Халк» — научно-фантастический боевик, снятый по одноименному комиксу. Главный герой, ученый Брюс Баннер, после неудачного эксперимента с гамма-лучами мутирует, превращаясь в гневе в огромного зеленого монстра Халка.

была бейсболка «Янкиз» и футболка, столь плотно облегающая мускулистое тело, что, казалось, вот-вот порвется. Это был Барри Джейкобс, оперативник из команды Ли.

Оуэн Ли объяснил Марлене, что вкусы Малькольма Флетчера весьма специфичны, поэтому необходимо учитывать любую мелочь. Ли настоял на том, чтобы в магазине Марлена продемонстрировала каждый наряд лично ему.

Он комфортно устроился в кожаном кресле, а она всякий раз представала перед ним и, повинуясь просьбам, поворачивалась налево, направо или кругом. От Ли она не дождалась ни улыбки, ни одного лишнего слова, но чувствовала, что его взгляд чересчур долго задерживается на открытых участках ее тела. Пытаясь отвлечься, Марлена постоянно смотрела по сторонам — на длинные ряды дорогих туфель и стеклянные витрины, полные драгоценностей. Предупредительная продавщица-француженка подносила все новые и новые платья. Вот она подошла снова, бережно держа со вкусом сделанное, но чересчур откровенное черное платье от «Гуччи».

Когда Марлена появилась перед Ли, выражение лица агента живо напомнило ей недавнее дело о серии изнасилований, которым ей пришлось заниматься. Красивый молодой человек, получивший образование в одном из университетов «Лиги плюща», подсыпал женщинам в напитки рогипнол*, а затем снимал на видео то, что вытворял с ними. Улыбка агента Ли чрезвычайно походила на улыбку насильника в ту минуту, когда он расстегивал ремень на брюках.

---

* Рогипнол — очень сильный транквилизатор, примерно в пять раз сильнее, чем валиум. Рогипнол сослужил себе славу наркотика, используемого для совершения изнасилований, в силу того что он не имеет ни цвета, ни запаха, действует как снотворный препарат при растворении в напитках и отключает память у жертвы насилия. В США в 1996 году рогипнол был включен в Закон о противодействии сексуальному насилию, осуществляемому с применением сильнодействующих препаратов. Согласно этому закону, использование и хранение рогипнола влечет за собой серьезное наказание и штрафы.

Пока агент расплачивался за платье и туфли, Марлена, извинившись, выбежала на улицу, где, прислонившись к стене, с наслаждением курил Джейкобс.

— Можно стрельнуть сигаретку?

Он протянул сигарету, поднес зажигалку и участливо поинтересовался:

— Нервничаете перед сегодняшним вечером?

— А надо?

— Нет. Я буду находиться в яхт-клубе неподалеку, но вы не увидите меня. Ли и еще два агента из нашей команды будут следить за всем происходящим из оперативного штаба, примерно милях в пяти от места. Там мы все и остановились. Для вас Ли забронировал номер в лучшем отеле.

Согласно новым предписаниям, разнополые агенты не должны были жить вместе. Слишком часто женщины жаловались на непристойное поведение своих коллег-мужчин и сексуальные домогательства. И теперь, после того как Ли столь бесстыдно ее разглядывал, Марлена почувствовала облегчение, узнав, что поселится в другом месте.

— Флетчер ни разу не нападал в публичных местах. Пока вы на людях и никуда с ним не отлучаетесь, вам не о чем беспокоиться.— Джейкобс затушил сигарету.— Пойду за джипом. Предайте Ли, что я буду через несколько минут. Пришлось загнать машину в гараж.

В ожидании Джейкобса Марлена обратила внимание на вращающуюся витрину, где были выставлены ряды ярких открыток с пейзажами Каймановых островов. Она сразу же вспомнила о матери. На протяжении многих лет Рути Санчес собирала открытки, которые присылали ей родные и друзья, и вешала на стены чуланчика, где хранила инвентарь,— она работала уборщицей. Мать любила открытки с живописными видами.

Марлена выбрала две, которые, по ее мнению, понравились бы маме. Расплачиваясь за них и за пачку сигарет, она изо

всех сил сражалась с нахлынувшими воспоминаниями. Мама оказалась в ловушке на пятьдесят шестом этаже северной башни Всемирного торгового центра. Со всех сторон доносились рев пламени и ужасные крики о помощи, которые с каждой секундой становились все громче. А мама не отрывала глаз от разбитого окна, из которого открывался вид на застланное густым дымом синее небо,— единственный выход на волю...

Оуэн Ли настоял, чтобы инструктаж проходил в ее номере. Он передал Марлене папку и, извинившись, вышел в коридор переговорить с Джейкобсом. Стоя на балконе и изредка поглядывая на заполненный людьми пляж, Марлена изучала материалы дела.

В основном там содержалась информация о перемещениях Флетчера по острову за последнюю неделю. Дважды его видели за беседой с Джонатаном Принсом, адвокатом, которому принадлежал частный банк на Кайманах. По сведениям анонимного информатора, этим вечером Флетчер планировал встретиться на коктейльной вечеринке с Принсом и получить от него паспорт и кредитные карты на новое имя.

Также в папке были четыре фотографии. Одна запечатлела Джонатана Принса на фоне стеклянных дверей. Это был пожилой мужчина с бритым черепом и носом, напоминающим клюв. На трех других красовался Флетчер. Бывший фэбээровец щеголял модной одеждой и на каждом снимке представал в разных солнцезащитных очках. Марлену снедало любопытство: что же за необычные черные глаза скрываются под темными очками? Ее размышления прервал агент Ли, появившийся с дамской сумочкой от «Прада».

— Внутри часы «Ролекс» и пара бриллиантовых сережек,— сообщил он.— Вы должны выглядеть соответствующим образом. Передатчики находятся в маленьком клатче с молнией.

На прямоугольном кусочке пластмассы лежали шесть передатчиков, все разного цвета — чтобы подойти к любой одежде клиента.

Ли подтянул к себе стул и уселся.

— Они покрыты специальным составом, который легко прилепляется ко всем без исключения тканям. Даже не нужно использовать силу, надавливать на него. Ну-ка, попробуйте.

Подцепив белый кружочек, Марлена обошла агента и слегка коснулась пальцем воротника его рубашки. И удивилась тому, с какой легкостью передатчик приклеился к ткани. Устройство было крохотным, незаметным для незнающего человека.

— Превосходная техника,— улыбаясь, заметил Ли.

Изо рта агента пахнуло мятой. Рыжие волосы были влажными после душа и аккуратно расчесанными. Марлене очень хотелось надеяться, что он расстарался не ради нее.

— Вы не против, если я закурю? — спросила она.

— Нет, если меня угостите,— отозвался Ли.

Марлена сходила в спальню и вернулась с сигаретами. Прикурив, она протянула пачку и коробок спичек агенту.

— Я прочитала отчет.— Как бы случайно Марлена отодвинула свой стул, чтобы оказаться подальше от Ли.— Там нет и слова о том, где на острове находится Флетчер.

— Просто мы этого не знаем. Флетчер прекрасно осведомлен о методах ведения слежки, поэтому у нас во многом связаны руки. Плюс ко всему он имеет обыкновение передвигаться только по ночам, что тоже создает определенные проблемы. А теперь расскажите, что вы слышали о нем.

— Прежде всего, что он гений.

— Несомненно. Когда он работал в Бюро, у него был самый высокий процент раскрываемости серийных преступлений. К несчастью, Флетчер нарушил границы дозволенного. Вместо того чтобы предавать этих выродков правосудию, он взял на себя функции судьи, суда присяжных и палача одновременно. Когда о его делах стало известно, решили отправить к нему домой трех агентов и там по-тихому решить проблему. Один из них теперь ведет растительную жизнь, а двое дру-

гих... Мы до сих пор понятия не имеем, что с ними случилось. С тех пор Флетчер в бегах.

— Как вы нашли его?

— Информатор, упоминаемый в отчете,— это секретарша из фирмы Принса. Мы уже давно подозревали, что на Каймановах Флетчер прокручивает денежные махинации, и здесь же его снабжают фальшивыми документами и кредитками. Теперь мы убедились в этом. Она сообщила нам все вымышленные имена, под которыми действовал Флетчер, и номера его банковских счетов.— Ли зажег сигарету и выбросил спичку с балкона.— Флетчер встречается с Принсом в десять. К тому времени на вечеринке будет полно народу, все будут ходить взад-вперед со стаканами, озабоченные только тем, как бы ни с кем не столкнуться и не разлить выпивку. Вы подойдете к Флетчеру со спины, коснетесь его руки и извинитесь. Ну, будто случайно оказались рядом. Постарайтесь, чтобы это выглядело как можно естественнее.

— А если Флетчер сам подойдет ко мне?

— Завяжите с ним беседу. Ведите себя естественно, немного пофлиртуйте и как бы невзначай дотроньтесь до его руки или плеча, словно заинтересовались. И постарайтесь прицепить передатчик. Но только сразу не исчезайте, это может вызвать подозрения. Поболтайте еще несколько минут, а потом уже найдите повод удалиться. Дальше в игру включимся мы.

— Почему секретарша решила сдать Флетчера?

— Она собирается расстаться с мужем, а два миллиона долларов послужат хорошим подспорьем для начала новой жизни. И сразу отвечу на ваш возможный вопрос: почему мы ей не поручили вашу задачу? Прежде всего, она не вступает в прямой контакт с Флетчером. Они с Принсом никогда не встречаются в его конторе, только в людных местах, где есть множество путей для отступления. И вторая причина. Даже если бы мне удалось придумать, как подослать ее к Флетчеру

с целью прикрепить передатчик, он бы сразу заподозрил неладное и смылся. Дело в том, что эта тетка... в общем, мне столько не выпить.

— Но к чему такие сложности? Почему просто не применить к Флетчеру силу? У вас наверняка есть такая возможность.

— Есть, конечно. Но тогда пришлось бы подключать местные власти, а у Принса здесь много влиятельных друзей. Их легко подкупить, и тогда начнется тягомотина с экстрадицией и другие проблемы. Впрочем, к вам это не имеет отношения.— Ли помолчал.— Послушайте, Марлена, я понимаю, почему вы нервничаете. Но вы должны мне верить. Если я обещаю, что все под нашим контролем, значит, так и есть. В ваши часы встроен микрофон, мы будем слышать каждое слово. Если возникнут проблемы или поменяются планы — Джейкобс немедленно об этом доложит. И если я посчитаю, что вам угрожает опасность, я вытащу вас. Там неподалеку приготовлена наша лодка. На всякий пожарный. И помните, с вами ничего не случится, пока вы соблюдаете одно простое правило: ни в коем случае не оставаться с Флетчером наедине.

— Джейкобс говорил об этом.

— Отправляйтесь на вечеринку около восьми, осмотритесь там немного. Ваше имя внесено в список гостей. На кровати вы найдете ключи от черного «мерседеса», который стоит на парковке за гостиницей. Под сиденьем — схема проезда к клубу.

Марлена уставилась на океан.

— И сотрите с лица это похоронное выражение,— сморщился Ли.— Все будет тип-топ.

«Интересно, кого ты пытаешься убедить?» — подумала Марлена.

Яхт-клуб находился на противоположном конце острова, в уединенном и поразительно живописном местечке. Причал, притулившийся к берегу, пестрил множеством яхт и шлюпок

под парусом. Райское местечко для желающих подыскать себе симпатичную женушку или богатенького мужа. Здесь не встретишь женщину старше тридцати пяти. Каждая сногсшибательно красива и одета так, что хоть сейчас выходи на подиум. Теперь Марлена поняла озабоченность агента Ли тем, какое платье ей подобрать.

Время близилось к десяти. Последние полчаса Марлена была вынуждена слушать бесконечное словоизвержение Уильяма Бингема, или просто Билли Бинга, автомобильного магната из калифорнийского Фресно. Старикан рассказывал о хождении под парусом с таким запалом, с каким обычно хвалятся своими сексуальными подвигами. Марлена притворилась, что ей жутко интересно, сама же тем временем высматривала в нарядной толпе Малькольма Флетчера и Джонатана Принса. А мысли снова и снова возвращались к открыткам.

Уже не первый раз она приобретала что-то для покойной матери. В прошлое Рождество Марлена ухлопала двести долларов на кашемировый свитер в магазине модной одежды «Талботс». И ведь невозможно было принести свитер или открытки на мамину могилу. У Рути Санчес не было могилы. Ее останки — как и останки многих других жертв терактов 11 сентября — так и не нашли. И не найдут, поскольку Марлена официально отказалась от всех прав на них в обмен на солидную денежную выплату, которая позволила ей поместить в лечебницу брата, страдающего тяжелой формой аутизма.

Любой начинающий психолог сделал бы вывод, что, покупая подарки умершей матери, Марлена отказывается примириться с потерей. Это была одна из причин, но существовала и другая, в которой Марлена боялась признаться даже самой себе, не говоря уже о психоаналитике. Всякий раз, когда она держала в руках открытки, рождественский свитер или хрустальную вазу, купленную на первую годовщину маминой смерти, она испытывала клокочущую, рвущуюся наружу ненависть. Арабские террористы, пилоты-смертники, бюрократы из ЦРУ и ФБР, политики, которые вовремя не вняли пре-

дупреждениям,— всех их Марлена мечтала собрать вместе и, как в Библии, забросать камнями до смерти. И еще растянуть казнь на недели. Снова и снова она придумывала, какую бы муку выбрала для людей, виновных в гибели ее матери.

Марлена с трудом заставила себя вернуться к реальности. Билли Бинг продолжал вещать — теперь что-то о гольфе. Слава богу, появился официант и принес ей бокал вина.

— Джентльмен у барной стойки попросил вам передать,— с этими словами официант протянул ей сложенную салфетку.

На салфетке было написано черными чернилами:

«Идите на катер "Падающая звезда", стоящий в конце причала. На холодильнике вы найдете телефон. Отвяжите лодку, наберите указанный номер и следуйте инструкциям. Джейкобс».

Ниже был выведен телефонный номер.

Вежливо извинившись, Марлена покинула собеседников и направилась к причалу. По дороге она припомнила вчерашнюю фразу Ли: «Если я посчитаю, что вам угрожает опасность, я вытащу вас. Там неподалеку приготовлена наша лодка».

Значит, что-то пошло не так и сейчас она в опасности.

С бешено колотящимся сердцем Марлена остановилась перед «Падающей звездой», огромным катером фирмы «Бостон уэйлер». Такие катера обычно сдают в аренду для рыбной ловли в открытом море. Судно было темным и казалось пустым. Зато рядом на якоре стояла ярко освещенная моторная яхта «Си Рэй», на палубе которой веселилась прилично одетая компания. Гуляки пили виски с содовой и льдом и курили кто сигареты, кто сигары.

Марлена огляделась по сторонам. По причалу прохаживалось множество людей, но никто не приближался к «Падающей звезде». «Отлично, действуй»,— подбодрила себя Марлена. Она забралась на борт катера и почувствовала, как палуба раскачивается под ногами. В каюте она поставила на столик недопитый бокал и положила сумочку. Под столом она заметила два одинаковых огромных походных холодильника «Ко-

улман», стянутые цепями и запертые на висячие замки. Третий такой же холодильник располагался у стены за ее спиной, рядом с дверью. Он не был заперт; цепи, свернутые клубком, валялись на полу. На крышке холодильника находились мобильный телефон и связка ключей. Марлена отметила, что крышка прикрыта неплотно.

Следуя инструкции, она отвязала лодку, периодически крутя головой и осматриваясь. Люди на причале сновали туда-сюда по своим делам, их голоса и смех сливались с несущимися с палубы «Си Рэй» звуками старомодного джаза. Марлена подняла на корму последний кранец* с резиновой оболочкой, вернулась в каюту и набрала написанный на салфетке номер.

— *Молчите и просто слушайте меня,* — раздался в трубке мужской голос, низкий и удивительно спокойный.

«Наверное, один из тех двух агентов, которых я еще не видела,— решила Марлена.— Тот, что наблюдает за происходящим из дома».

— Ключи на холодильнике — от катера. Выводите судно из гавани. И побыстрее. У нас мало времени.

Мужчина по телефону объяснил, как включить свет. Марлена повернула в замке ключ зажигания, и сдвоенный двигатель начал набирать обороты. Пол завибрировал под ногами, когда она прибавила газу и стала медленно отводить судно от причала. Одной рукой она крутила штурвал, другой крепко прижимала телефон к уху.

Вдруг что-то тяжелое опустилось на корму. От неожиданности Марлена резко повернулась на звук и сразу успокоилась: в кабину входил Барри Джейкобс собственной персоной. На нем был такой же темный костюм, как и на официантах яхт-клуба.

«Слава богу»,— мысленно выдохнула Марлена.

---

* Кранцы — устройства, которые используются для амортизации ударов корпуса судна о причал или другое судно в процессе швартовки или буксировки.

Однако Джейкобс повел себя странно — вырвал у нее телефон и с силой швырнул на пол. Онемев от изумления, Марлена уставилась на агента. Она открыла было рот, но тут же позабыла все слова, поскольку Джейкобс вдруг грубо толкнул ее к стене и крикнул:

— Ну и какого хрена вы делаете?

— Вы же велели мне вывести судно из гавани.

Пальцы Джейкобса больно сжали ее запястья.

— Не лгите мне, или же, Богом клянусь...

— Я не лгу,— возразила Марлена.— Официант передал мне салфетку с запиской. Внизу было ваше имя. Там говорилось, чтобы...

— И вы просто пришли сюда?

— Ли обещал, что, если будут какие-то проблемы, вы свяжетесь со мной...

— Где записка?

— У меня в сумочке.

— Дайте сюда.

Джейкобс отпустил женщину и взялся за штурвал. Он прибавил газу, и катер рванулся вперед.

Что-то стеклянное упало на пол и разбилось. Оказалось, ее бокал с недопитым вином. Холодильник возле двери сдвинулся с места. Через неплотно прикрытую крышку просачивались капли крови. Марлена решительно шагнула к холодильнику и открыла крышку.

По долгу службы ей много раз приходилось видеть мертвые тела. Ее сложно было удивить каким-то особенным методом, которым человека отправляли на тот свет,— попадались ей и обезглавленные трупы, и раздавленные в лепешку. Однако при взгляде на расчлененного Оуэна Ли в горле Марлены образовался противный комок, и она, борясь с тошнотой, выдавила:

— Барри.

Тот мигом возник рядом и захлопнул крышку холодильника.

— Расслабьтесь, дышите глубже,— советовал Джейкобс, провожая девушку к сиденью.— Сейчас я свяжусь с начальством.

В руке он держал мобильник. Марлена не сводила с агента изумленных глаз.

Вдруг что-то острое и горячее впилось ей в кожу. Она посмотрела на свою грудь: в нее вонзились две металлические вилки, за которыми тянулись провода. В руке у Джейкобса был не мобильный телефон, а электрошокер. Разряд сотряс все тело, и последнее, что мелькнуло в сознании Марлены,— как ее мать отчаянно цепляется руками за воздух, когда они вместе падают сквозь бездонное голубое небо.

До ушей донесся плеск. Марлена открыла глаза и увидела на небе луну.

Девушка по-прежнему находилась на катере и сейчас лежала поперек одного из мягких диванов на корме. Все палубные и внутренние огни были потушены, двигатели не работали. Холодильник валялся на боку. Открытый. И пустой.

Что-то тяжелое ударилось о борт. Марлена догадывалась, что происходит, и сделала попытку подняться на ноги, однако не смогла пошевелиться. Руки были связаны за спиной, лодыжки туго стянуты той же грубой веревкой. Извиваясь, Марлена смогла скинуть ноги с дивана и ухитрилась сесть.

Катер покачивался в открытом море, вдали от гавани. В воде у бортов и за кормой отчетливо выделялись непрерывно двигающиеся спинные плавники. И плавники эти принадлежали акулам.

— Не надо волноваться, Марлена. Я не собираюсь скармливать вас этим рыбкам.

Она отвернулась от акул и обнаружила, что смотрит прямо в удивительные черные глаза Малькольма Флетчера.

Подавшись назад, она свалилась с дивана на доски палубы, больно стукнувшись при этом головой о борт. Марлена лежала

на животе и собиралась перекатиться на спину и по возможности пнуть Флетчера ногами, но не успела. Сильные руки подхватили ее под мышки и легко подняли в воздух, так что она зависла над водами океана. Даже в таком отчаянном положении она пыталась сопротивляться.

— Что бы там ни наплели про меня федералы, я вовсе не намерен причинить вам вред,— успокоил ее Флетчер, опустив обратно на сиденье.— А вот про специального агента Джейкобса не могу сказать то же самое. К счастью для вас, я оказался на борту и вовремя вмешался.

Лицо у Флетчера было более смуглым и исхудавшим, чем на фотографиях. На нем был безукоризненный темный костюм и рубашка без галстука.

— Я разрежу веревки, но прежде хотел бы получить от вас кое-какую информацию,— продолжал Флетчер.— И буду признателен, если вы ничего не утаите. Итак, вы обещаете быть со мной честной? Это важно.

Марлена кивнула. Ей пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы унять бешеное сердцебиение.

— Эти открытки. Для кого вы купили их?

Вопрос застал ее врасплох.

— Для матери,— после некоторого замешательства пояснила девушка.

— Но она же умерла?

— Откуда... Да, она умерла. Но почему...

— И как это произошло?

— Мама погибла одиннадцатого сентября. Она находилась в одной из башен-близнецов. В северной.

— У вас была возможность пообщаться с ней?

— Не совсем. Она оставила сообщение на автоответчике.

— Что она сказала?

— Она сказала: «Я люблю тебя, и не забывай, ты должна позаботиться о своем брате». Потом раздался шум, и сигнал пропал.

Марлена подумала о другом голосе, попавшем на пленку. Голосе мужчины, шептавшем что-то матери. Приятель Марлены из лаборатории поколдовал над записью, и стала отчетливо слышна фраза: «Держи меня за руку, Рути. Прыгнем вместе». Это казалось безумием, но голос незнакомца очень напоминал голос отца Марлены, скончавшегося, когда ей было двадцать. А может, ей просто хотелось верить, что мама была не одинока в последние мгновения жизни.

— Я сожалею о вашей потере,— с искренней печалью в голосе произнес Флетчер.— Простите, что заставил вас вернуться в прошлое.

С этими словами он скрылся в каюте. За бортами катера по-прежнему плескалась вода. Мгновение спустя он появился на палубе, волоча за собой связанного по рукам и ногам агента Джейкобса, рот которого был заклеен скотчем. Флетчер поставил агента на колени прямо перед Марленой и обратился к нему:

— Помните, я говорил вам, что чистосердечное признание облегчит душу.

Затем Флетчер содрал ленту со рта Джейкобса.

Тот с ужасом уставился на акул вокруг лодки. Перед тем как ответить, он несколько раз судорожно сглотнул.

— Я продал вас охотникам за головами, которые работают на Жан Поля Руссо. Его сын Стефан был федеральным агентом и входил в команду, сформированную для вашего ареста.

— Этих агентов отправили убить меня,— уточнил Флетчер.— Я только защищался. Но это другая история. Прошу вас, продолжайте, специальный агент Джейкобс.

— По плану Руссо, вас должны были схватить живым и доставить в Луизиану. Таково было условие для получения награды. Охотники за головами и люди, работающие на Руссо, желали нашего исчезновения. Естественно, подозрение бы пало на вас из-за того, предыдущего случая. А Руссо при таком раскладе вышел бы сухим из воды.

— Боюсь, Джейкобс не врет об охотниках,— кивнул Флетчер.— Ли пас меня всю последнюю неделю. Мне захотелось выяснить, что же он задумал, и я взял на себя смелость подслушать его телефонные разговоры. Должен заметить, шифровальные технологии ФБР безнадежно устарели. После того как Ли и Джейкобс покинули ваш отель, я проследил их до самого дома, который они использовали в качестве базы на время проведения операции. Можете представить мое удивление, когда два часа спустя пятеро весьма неприятных на вид субъекта вышли через дверь черного хода и перетащили на рыбацкую лодку, предназначенную для перевозки снаряжения федералов, три огромных холодильника. Одного из этих джентльменов я узнал по нашей прошлой встрече — профессиональный охотник за головами, занимающийся розыском беглых преступников. Мне было известно, что он работает на папашу Руссо. А теперь поведайте-ка Марлене, какую судьбу вы уготовили для нее.

Однако Джейкобс молчал.

Нагнувшись, Флетчер прошептал ему что-то на ухо. Агент побледнел и дрожащим голосом промолвил:

— После того как вы прикрепили бы передатчик, в игру бы вступили охотники. Мне приказано было доставить вас на судно под предлогом встречи с Ли на базе. Здесь вам и предстояло погибнуть. О вас бы позаботились акулы. Нет тела, нет улик, а стало быть, нет и повода для возбуждения дела.

— И куда вы собирались?

— В Коста-Рику.

— С какой, интересно, суммой?

Джейкобс немного помедлил.

— Семь миллионов.

— Хм, кажется, моя голова подорожала,— ухмыльнулся Флетчер.— Агент Джейкобс еще забыл упомянуть ту часть, когда я тихо выбрался из стенного шкафа и обнаружил, что он бесцеремонно вас лапает. Полагаю, перед тем как накор-

мить акул, он решил насладиться общением с вами. Не каждый день выпадает удача побыть наедине с такой красивой женщиной. Кстати, вы рассказали Марлене о своей краткой, но насыщенной событиями службе в Бостоне?

— Я курировал работу осведомителей.

— Он так скромен,— расплылся в улыбке Флетчер.— На самом деле специальный агент Джейкобс работал на двух очень влиятельных персон из ирландской мафии. Используя свое положение, он за весьма и весьма приличное вознаграждение покрывал их грязные делишки: вымогательство, отмывание денег, убийства. Когда его начальство прознало о том, что происходит, эти два мафиози внезапно словно испарились, можете себе представить? Как вы думаете, что с ними стряслось?

— С меня сняли все обвинения,— огрызнулся Джейкобс.

— Вас не привлекли к ответственности только потому, что вмешался сам президент. Он потребовал исключительной неприкосновенности для человека из своего окружения — того, который некогда был вашим шефом в Бостоне. Коррупция проникла на самые верхи, и Джейкобс здесь ни при чем. Президент просто надеялся сохранить все в тайне. Сколько еще людей погибло, чтобы ваши тайны не выплыли наружу, а? Специальный агент Джейкобс? Скольких вы убили?

Агент молчал.

— Ладно, это неважно. Полагаю, мы и так услышали достаточно.

Флетчер снова заклеил Джейкобсу рот.

Марлена с ужасом наблюдала, как Флетчер тащит на корму, словно куль муки, брыкающегося и беззвучно орущего агента. Она живо представила себе картину: связанный Джейкобс беспомощно барахтается в воде, крича от ужаса и боли, а голодные акулы разрывают его тело на куски. Но ничто в ее душе не шелохнулось и не воззвало к проявлению гуманизма.

Джейкобс лежал на корме, придавленный к палубе всем весом Флетчера. Широко раскрытыми от ужаса глазами агент

неотрывно смотрел за борт, а из его рта рвался беззвучный крик.

— Хотите, я перережу веревки, прежде чем швырнуть его за борт? — обратился Флетчер к Марлене.

Та ничего не ответила, но внутри росло знакомое сильное чувство, посещавшее ее, когда она держала в руках открытки, свитер и тому подобные вещи.

— А чего бы хотела ваша мать? — спросил Флетчер.

Марлена подумала о том, каково было ее матери в те последние минуты. Рути Санчес была самой обыкновенной женщиной, уборщицей, мечтающей лишь о том, чтобы быть хорошей матерью для двоих детей. И вот перед ней встал ужасный выбор: прыгнуть навстречу быстрой смерти или остаться и сгореть заживо.

Тут на горизонте Марлена заметила яркий свет. К ним приближалось судно.

— Это за мной,— сообщил Флетчер.— Так каким будет ваш ответ?

Да, было бы неплохо, если бы Джейкобс помучился. Но одно дело — фантазировать, и совсем другое — решить его судьбу.

— Пусть его предадут суду,— твердо заявила Марлена.

— На данный момент у вас нет непосредственных доказательств его связи с охотниками за головами. Жан Поль Руссо отнюдь не дурак. И сам Джейкобс, хоть и кажется на вид полным тупицей, наверняка хорошо замел следы. Так что это будет ваше слово против его слова. А мне не нужно напоминать вам, как оборачиваются подобные дела. Особенно если принять во внимание знакомства этого мерзавца на самых верхах.

— Я раздобуду доказательства.

— Сомневаюсь, что вам это удастся.

— Я попробую.

— Как угодно.— Флетчер отпустил Джейкобса.— Марлена, повернитесь, я развяжу вам руки.

Тем временем к их катеру пришвартовался другой, длинный и узкий, напоминающий формой сигару. Еще он был похож на пулю и предназначался для того, чтобы мчаться по волнам с огромной скоростью. За штурвалом стоял бледный мужчина с бритой головой и забавным носом. Джонатан Принс.

— Малькольм! — позвал Принс.— Нам пора.

Марлена узнала этот голос. С его обладателем она разговаривала не так давно по мобильному телефону.

— Вы все спланировали заранее,— пробормотала она больше для себя, чем для Флетчера.

— Мне надо было доставить вас в безопасное место. Выход был только один: заманить вас на лодку, подальше от яхт-клуба.

Марлена ощутила возле уха горячее дыхание этого удивительного человека.

— Все открытки и другие вещи, которые вы покупали после смерти матери... Полагаю, вы хороните их?

Руки ее освободились от пут.

— Джейкобса я оставлю связанным. На случай если вы измените решение. Удачи, Марлена.

Взревел мотор, и через несколько секунд катер Принса скрылся вдали. Марлена села поудобнее и принялась распутывать узлы на лодыжках. Она не торопилась — так или иначе, никакой возможности догнать Флетчера не было.

Каким-то образом Джейкобсу удалось частично отодрать заклеивавшую его рот ленту.

— У меня здесь на острове открыт счет,— прошамкал он сквозь скотч.— Я переведу вам деньги. Мне нужен только ноутбук. Дайте мне уйти, и никогда больше меня не увидите.

Девушка не реагировала.

— Семь миллионов,— продолжал Джейкобс.— За такие деньги вы сможете купить все, что пожелаете.

«Но то, что мне нужно, я на них не куплю»,— мысленно констатировала Марлена и отправилась заводить двигатель.

— Постойте, давайте все обсудим,— не сдавался Джейкобс.— Убежден, мы найдем общий язык.

Марлена уверенно вела судно к сверкающему яркими огнями берегу. Она слышала, как Джейкобс, пытаясь перекричать шум двигателей и ветра, умоляет ее образумиться и заключить сделку, но не обращала внимания и только прибавила скорость, а сама с грустью думала о матери. О том, как та выпрыгнула из окна, спасаясь от кромешного ужаса. Марлена сейчас мечтала об одном: о восстановлении справедливости.

Деннис Линдс

Лауреат множества литературных премий, Деннис Линдс с одинаковым успехом писал как триллеры, так и «обычные» романы. Именно ему двадцать лет назад — в восьмидесятые годы прошлого века — удалось вывести детективный жанр на совершенно иной, современный уровень. Используя особенные литературные приемы, он добавил жанру так недостающей ему свежести и динамики. Линдс пользовался несколькими псевдонимами и опубликовал в общей сложности около восьмидесяти романов и две сотни рассказов. Наиболее известный его псевдоним — Майкл Коллинз. Под этим именем он создал самый длинный в истории детективный сериал, главным действующим лицом которого является харизматичный частный детектив Дэн Форчун. «Нью-Йорк таймс» регулярно включает детективные романы Линдса в десятку лучших в стране по итогам года. Был и анекдотичный случай, когда в топ-10 вошли сразу два произведения автора, но написанные под разными псевдонимами, о чем в газете даже не догадывались. В числе достижений Линдса — премия «Эдгар» и награда «Marlowe Lifetime Achievement».

Линдс также опубликовал несколько романов и рассказов, не имеющих отношения к детективам. Пять его произведений были удостоены награды «Лучший американский рассказ».

В конце 80-х он снова произвел революцию в детективном жанре — взялся за романы, состоящие из ряда рассказов, объединенных общим сюжетом, где повествование ведется попеременно от первого

и от третьего лица. В настоящее время подобный прием используют многие авторы.

«Яркие и запоминающиеся, они [эти произведения] свидетельствуют о том, что, даже имея в своем послужном списке шесть десятков книг, Коллинз не боится искать новые пути,— писал критик Ричард С. Карпентер в "Twentieth Century Crime and Mystery Writers"*.— Он определенно из тех авторов, с кем нельзя не считаться». А вот фрагмент из рецензии «Лос-Анджелес таймс» на последний сборник рассказов Линдса «Мир Форчуна» («Fortune's World»): «Сочинять на протяжении трех десятков лет такие увлекательные и одновременно заставляющие думать истории — само по себе большое достижение. Не говоря уже о неизменно высоком их качестве... Для этого нужно обладать отменным вкусом. И конечно, мужеством».

Остроумный, плодовитый, бросающий вызов традициям и авторитетам, Деннис Линдс, увы, покинул наш мир 19 августа 2005 года в возрасте восьмидесяти одного года. Несколько его рассказов будут опубликованы посмертно, в их числе и «Успех миссии». Эта история впервые была издана в 1968 году и с тех пор неоднократно номинировалась на различные награды и включалась в антологии. И по сей день рассказ вызывает интерес у читателей — в нем сплелись воедино триумф и трагедия.

---

* Пятитомное издание, своеобразный справочник «Кто есть кто» среди англоязычных писателей, работающих в детективном и фантастическом жанрах, включающий биографии, полные библиографии, критические статьи и многое другое.

Деннис Линдс

УСПЕХ МИССИИ

Стоя спиной к присутствующим и глядя на большую карту на стене кабинета, министр обороны подвел итог:

— Они нападут на нас. Мы не сможем их остановить, если не выясним, где расположены их склады боеприпасов и провианта, где хранится топливо.

Он повернулся. Это был маленький человечек с круглым лицом, которое могло бы показаться добрым, если бы не холодный блеск серых глаз. Сейчас эти глаза внимательно смотрели на двух находившихся в комнате людей — так ученый изучает в микроскоп особенно интересное насекомое.

— Эту информацию, господин министр, можно раздобыть только в их столице, в штабе,— заметил высокий пехотный капитан.

— Верно,— согласился министр.— Наш человек в штабе уже разузнал, где конкретно в здании находятся эти материалы.

— И он не может их достать, господин министр? — уточнила женщина.

— Нет. Он не имеет возможности попасть в здание в своем нынешнем обличье. В любом случае, он нужен нам на своем месте. У него там не слишком серьезные связи, а других надежных агентов в их штабе с необходимым опытом для такой сложной и деликатной миссии у нас нет. Времени внедрять еще одного человека тоже нет. Остается только провести быструю и четкую операцию извне. Вы проникаете в здание, находите бумаги, забираете то, что нам нужно, и тихо исчезаете, так, чтобы никто ничего не заподозрил.

Copyright © 1968 by Dennis Lynds.

Женщина побледнела, это было заметно даже под смуглой кожей. Всего лишь на мгновение, но она испугалась. Она была еще совсем молодой, хотя носила уже офицерские погоны. Мужчинам она нравилась: овальное лицо, небольшой аккуратный нос, полные губы и светло-карие глаза. В армии она служила только три года, но уже успела под покровом ночи зарезать четырех человек. Однако она побледнела от страха, когда министр объяснил, что ей с напарником предстоит сделать во вражеском штабе в самом сердце вражеской страны.

Высокий мужчина только кивнул и произнес низким голосом:

— Когда мы отбываем?

В отличие от министра и юной напарницы говорил он с едва заметным акцентом. Длинный шрам рассекал худое загорелое лицо. На левой руке недоставало среднего пальца. Темные, едва ли не черные глаза почти не выражали эмоций.

— Через десять минут,— сообщил министр.— Все документы готовы. Вы, капитан Хэрит, изображаете американского продавца автомобилей, который, наплевав на кризис, отправился в давно планируемую поездку, чтобы совместить приятное с полезным. Мы выбрали для этой миссии именно вас из-за вашего большого опыта и хорошего владения разговорным американским английским, а также арабским. А если еще кожу сделать чуть темнее, вы легко сойдете за араба, если возникнет такая необходимость. Вы также неплохо знакомы с их армией и самим городом.

— Да, сэр,— ответил капитан.— Уверен, это поможет в нашей миссии.

Министр перевел взгляд на девушку.

— Лейтенант Франк, вы будете его женой. Живете вы в Калифорнии, в Санта-Барбаре, и провели там всю жизнь. Вы образованная женщина, и вам нет нужды изъясняться с местным акцентом. В случае крайней необходимости можете использовать арабский. Но мы надеемся, что до этого не дойдет. Женщине в арабских странах тяжело адаптироваться.

— Да, сэр,— отчеканила женщина.

И все же ее голос чуть дрогнул. Совсем незначительно, так что только такие тертые калачи, как министр и капитан Хэрит, могли это уловить. К тому же женщина более ничем себя не выдала. Мужчины коротко переглянулись, кивнули и улыбнулись ей.

— Вы любовники? — осведомился вдруг министр.

Капитан промолчал. Лейтенант Франк некоторое время колебалась, затем подтвердила:

— Да, сэр. Мы с Полом живем вместе больше года. А любовниками стали еще раньше. В скором времени мы собирались пожениться, но теперь придется подождать окончания кризиса.

— Прошу прощения, лейтенант, но я должен был убедиться, что у меня верная информация.

— Это действительно необходимо? — поинтересовался капитан Хэрит.

— Любая информация представляет ценность,— заявил министр,— а в данном случае она в буквальном смысле жизненно необходима. Вам придется изображать семейную пару в непростых условиях — в нынешней ситуации любой въезжающий в страну иностранец находится под самым неусыпным вниманием местных властей. Они ждут, что мы зашлем шпионов и попытаемся разведать их планы. Незамужняя женщина в роли замужней может в критический момент забыться и повести себя как девочка-недотрога. Чтобы вести себя так, словно она постоянно спит с мужчиной, женщина должна действительно с ним спать. А неженатые мужчины просто не знают, как вести себя с женой.

— Да, сэр,— отозвался Хэрит и снова улыбнулся лейтенанту.— Думаю, мы с Гретой так сыграем свои роли, что никто ничего не заподозрит.

— Мы десантируемся с самолета? — уточнила Грета.

— Погода слишком хорошая. Они будут настороже. Сейчас вы полетите в Рим, а там пересядете на обычный рейс. Вы — мистер и миссис Роджерс из Санта-Барбары. Гарри и Сьюзен. Хотя он зовет ее Сьюзи. Все документы в полном порядке. Настоящие мистер и миссис Роджерс сейчас путеше-

ствуют по Европе, однако у них внезапно изменился маршрут, тут уж мы постарались. За ними пристально следят наши люди. Вы достаточно на них похожи и должны выдержать поверхностную проверку.— Министр снова взглянул на карту.— Хотелось бы дать вам хоть немного времени, чтобы настроиться и собраться, но увы! Вы единственные, кто может выполнить миссию практически без подготовки. Я даже не могу подсказать вам, как лучше действовать. Но вся информация должна оказаться у нас не позже чем через трое суток.— Повернувшись и посмотрев на Хэрита и Грету своими стальными глазами, министр добавил: — Через трое суток они нападут на нас.

Мистер и миссис Роджерс из Санта-Барбары, штат Калифорния, без проблем прошли таможню и иммиграционный контроль в аэропорту Рима. Итальянские чиновники были сама вежливость и, кроме того, высоко оценили экзотическую красоту миссис Роджерс. Восторженные итальянцы улыбались ей во весь рот, насвистывали вслед, а кто-то даже ухитрился ущипнуть. В такси по дороге в гостиницу «семейная пара» прилипла к окнам и громко восторгалась видами Вечного города — как вели бы себя все нормальные американские туристы.

Они заселились в забронированный еще несколько месяцев назад номер, смыли в душе дорожную пыль, позанимались любовью на богато украшенной кровати и отправились знакомиться с достопримечательностями Рима. После прогулки они пообедали в одном из лучших ресторанов города, отдали должное превосходному местному белому вину, потанцевали, бросили несколько монеток в «счастливый» фонтан и полюбовались другими фонтанами. В общем, провели в итальянской столице превосходный беззаботный вечер.

Утром они встали довольно поздно, не спеша съели свой обычный обильный завтрак, поймали такси и поехали в аэропорт, чтобы продолжить путешествие. В самолете им достались места прямо за крылом. Держа в руке путеводитель, Гарри Роджерс показывал жене в иллюминатор достопримеча-

тельности, которые они не успели посетить накануне вечером.

— Смотри, дорогая,— говорил Грете капитан Хэрит, сейчас — энергичный американец, торговец автомобилями, впервые оказавшийся в Европе,— вон собор Святого Петра, это Колизей, а там, гляди, Виа венето. А вчера вечером, милая, мы с тобой стояли во-о-о-он там.

— Гарри, ты не забыл послать открытки Фелпсам и Темплезам? — спросила Грета.

Как настоящая добрая жена, она и здесь помнила о своих обязательствах по отношению к друзьям.

— Упс, забыл,— ничуть не смутившись, ответил Гарри Роджерс, настоящий эгоцентричный американец.— Отправим открытки из Афин, делов-то! Лады?

Когда они прибыли в столицу враждебного государства, в аэропорту назначения их ожидала характерная для всех арабских стран шумная неразбериха, которую только усиливали текущий политический кризис и угроза неминуемой войны. На таможне их очень тщательно досмотрели. В нынешней обстановке, когда готовые к боевым действиям корабли Седьмого флота ВМС США бороздили воды Средиземного моря неподалеку от берега, американцы не являлись желанными гостями в здешних краях.

— На вашем месте я бы не покидал город,— холодно посоветовал им таможенный чиновник.— Да и здесь старайтесь избегать отдаленных и не патрулируемых полицией районов.

— Обязательно, приятель,— нервно произнес Хэрит.

Чиновник с улыбкой проводил взглядом испуганного янки. Однако мужчина справа от стойки, внимательно наблюдавший за всеми проходящими через таможню пассажирами, не улыбался. Его темные левантийские глаза были устремлены на левую руку капитана Хэрита. Лицо оставалось совершенно непроницаемым, он не отрываясь смотрел на парочку, пока та не скрылась из вида.

— Пол, он заинтересовался твоим пальцем, точнее, его отсутствием,— заметила Грета, изобразив на лице непринужденную улыбку.— Вдруг у них есть на тебя досье?

— Возможно,— отозвался Хэрит и тоже улыбнулся.— Но нужно ехать в гостиницу. Риск неизбежен. Встреча назначена именно там.

Как заведено у американцев, Грета вышагивала впереди «мужа». Они взяли такси и благополучно добрались до отеля. Грета вышла из машины и направилась к гостинице, предоставив спутнику расплачиваться с водителем.

Когда они оказались в номере люкс, Хэрит не забыл вручить угрюмому портье в ливрее излишне щедрые чаевые, а Грета сразу же засобиралась в ванную. Все это были разумные предосторожности. Вскоре в номере появились две горничные и стали делать вид, что выполняют крайне необходимую работу.

— Пол, за нами следят.

Хэрит кивнул.

— Вопрос только в том, следят, как за любыми другими туристами в это напряженное время, или же на нас обратили особое внимание, посчитав, что мы можем представлять угрозу?

— По-моему, второе.— Грета задумалась.— Но они пока не уверены. Нас проверяют.

— Тогда у нас еще есть время. По меньшей мере несколько часов. Если, конечно, они не откопали досье на меня и не сопоставили его с Гарри Роджерсом.

— Сколько их явится за нами? — спросила Грета.

— Если нас разоблачат — вооруженный отряд на машине, если будут только подозревать — пара человек.

— Нам нельзя торчать в номере. Это совершенно нетипично для американских туристов.

— Верно. Ты готова?

Они спустились на оживленную улицу, где запахи, исходящие от людей, смешивались с вонью канализации. В этот час народу на улицах было больше, чем обычно: крестьяне, представители среднего класса и даже местные богатеи в своих «кадиллаках» и «мерседесах». И все были заметно возбуждены. В воздухе ощутимо витало растущее буквально с каждой минутой напряжение. Ненависть и жажда насилия овладели

людьми. На рынках шла оживленная торговля. Во всех магазинах и лавочках были подняты ставни, демонстрируя товары на продажу.

На двух американцев смотрели с едва скрываемой враждой.

Хэрит фотографировал все подряд, пока не стемнело. Затем они отправились в поход по переполненным клубам, на каждом шагу сталкиваясь с проявлениями оголтелого патриотизма. Охваченные экстазом танцовщицы неистово извивались специально для солдат, которые, казалось, были повсюду. В одном из клубов, пользующихся популярностью у туристов, рядом с Хэритом и Гретой сели четверо американцев, и один из них обратился к ним со словами:

— Не нравится мне это. Пора нам убираться отсюда.

— И чем скорее, тем лучше,— подхватил другой.

— Действительно, приятного мало,— признал Хэрит.

— Дейв Спац,— представился первый американец.— Вы сами откуда?

— Из Санта-Барбары,— ответил Хэрит.— Гарри и Сьюзи Роджерс.

— Был я раз в Санта-Барбаре на Фиесте*. Это чертовски крутой город! А мы из Чикаго.

— Август у нас — лучший месяц,— заметила Грета.

Полицейские не спускали с них глаз и прислушивались к беседе. Впрочем, полиция следила за всеми. Хэрит и Грета выпили по две порции, посмотрели три выступления танцовщиц, затем откланялись и вернулись в гостиницу. Администратор на ресепшене дружески поприветствовал их и посетовал:

— Ужасное время. Сейчас даже воры слишком взбудоражены и не работают.

— Воры? — удивился Хэрит.

Администратор улыбнулся и протянул Грете обручальное кольцо.

---

* Фиеста — ежегодный красочный праздник, посвященный истории, традициям и обычаям коренного населения Америки, мексиканцев и первых американских поселенцев. Проходит в августе в Санта-Барбаре.

— Мадам забыла после душа. Пока вы гуляли, кольцо нашла горничная.

— Ой, мамочки, какая же я невнимательная! — воскликнула Грета.

Она улыбнулась служащему и протянула левую руку. Администратор наклонился и надел кольцо на палец. Когда он выпрямился, взгляд его едва заметно изменился, лицо чуть помрачнело. Однако он продолжал улыбаться как ни в чем не бывало.

Грета и Пол направились в номер.

— Они обыскивали комнаты,— предположил Хэрит,— и во время обыска нашли кольцо.

— Это не имеет значения,— грустно промолвила Грета.— Я совершила ужасную ошибку. Пол, ты видел его глаза. Он заметил.

— Ошибку?

Растопырив ладонь, Грета сняла довольно широкое золотое кольцо; безымянный палец на левой руке был однородного *цвета, без всяких полосок.*

— Я загорала,— продолжила она,— и на пальце должен был остаться след. Администратор догадался, что я ношу кольцо максимум несколько дней.

— У тебя от природы смуглая кожа.

— Не такая уж смуглая, Пол. Взгляни на руку под браслетом от часов. И на носу светлое пятно от солнцезащитных очков. Он обратил на это внимание.

Хэрит посмотрел на часы.

— Полчасика подождем связного.

Стук в дверь раздался через пятнадцать минут.

Дверь открыл Хэрит. Было слышно, как льется вода в душе; из закрытой ванной комнаты доносился плеск.

Двое темноглазых мужчин на пороге были одеты по-европейски. Они, как по команде, устремили взоры на дверь ванной, затем на Хэрита.

— Жена не может переносить здешнюю жару,— с извиняющейся улыбкой объяснил он.— У вас слишком влажно. Дома

у нас не так сыро. Напротив, сухо и более прохладно. Только если горячий ветер не подует с гор Санта-Ана. Понимаете?

— В Санта-Барбаре, сэр? — подал голос один из гостей.— Вечерние ветры, да?

Второй тем временем, не вынимая руку из кармана, быстро прошел по комнатам. Не заглянул он только в ванную. Вернувшись, он кивнул напарнику и встал у двери в коридор, которую оставили открытой.

— Точно,— наконец ответил Хэрит.— Вы бывали в Санта-Барбаре?

— Если вы спросите свою жену...— начал мужчина.

Бесшумно, словно привидение, у входной двери возникла Грета. Мужчина, дежуривший там, услышал ее тихие шаги, повернулся и... не успев ничего предпринять, не издав ни звука, получил два удара ножом в сердце.

В руке Хэрита сверкнуло лезвие. Другой мужчина лишь попытался вытащить пистолет. Хэрит убил его одним молниеносным колющим ударом.

Грета затворила дверь. Они быстро затащили тела в спальню и запихнули в стенной шкаф, потом передвинули в гостиной мебель, скрыв пятна крови, расплывшиеся по ковровому покрытию. Затем переоделись в арабские одежды, покинули номер и поспешили к лестнице черного хода. С собой они взяли только оружие и документы на новые имена.

Перед уходом Хэрит разбил зеркало на туалетном столике в спальне.

На шумных улицах они быстро смешались с толпой. Народу, казалось, только прибыло, и Грете, лицо которой, как и положено, скрывалось под чадрой, приходилось держаться за Пола, иначе она могла потеряться. Когда толпа поредела, он пошел впереди, а Грета за ним. Наконец они достигли мрачного и пустынного района трущоб, где влачили свое жалкое существование беднейшие обитатели города.

На одной особенно темной и глухой улочке Пол и Грета спустились по ступенькам в сырой подвал, вдоль стены кото-

рого по глубокому желобу бежала вода. В воде плавала мерзкая на вид слизь, где копошились крысы. Хэрит поторговался с одноглазым арабом в драной европейской одежде и заляпанной феске и протянул несколько монет. Они с Гретой нашли свободное место в углу подвала и устроились там с намерением хоть сколько-нибудь поспать.

— У нас много времени? — еле слышно спросила Грета.

— Столько же, сколько всегда. Еще два дня.

Они негромко переговаривались на неестественно высокопарном арабском. В подвале было темно и тихо. Шумела лишь вода, беспрерывно текшая из ржавых труб в стенах. В воздухе висел густой запах давно не мытых человеческих тел. Люди вповалку лежали на полу, забывшись глубоким сном. Некоторые сидели, привалившись к стене, созерцая собственную бедность, нищету и убожество. Никому не было дела до Греты и Пола, никто не проявлял подозрительности. В любой стране патриотизм — удел сытых и довольных, а не голодных и больных. Пусть даже в этой стране патриотизм зачастую был единственным, что придавало какой-то смысл человеческому существованию.

— Они никак не смогут нас выследить,— заметил Хэрит.— Роджерсы просто исчезли. Властям известно, что в городе находятся два шпиона. Но они в любом случае ожидали шпионов. Перед нами все та же задача: раздобыть необходимую информацию. Правда, теперь будет несколько сложнее успеть добраться до нее и вовремя вернуться домой.

— Да, и еще сегодня ночью мы спим бог весть где,— вздохнула Грета.

— Увы,— сказал Хэрит.— Мне очень жаль, liebchen*.

Услышав такое проявление чувств, столь далекое от их высокопарного арабского, Грета улыбнулась, прижалась к Полу и ответила:

— Мне жаль еще больше. Где мы будем жить, когда выйдем в отставку? Когда все закончится.

---

* Милая *(нем.)*.

Хэрит нежно погладил ее руку.

— На севере есть холм, у подножия которого растут апельсиновые деревья и оливковая роща. А дальше видна граница. Эти земли принадлежат мне. И вот когда я смогу спокойно смотреть на границу и знать, что больше нам оттуда ничего не угрожает, вот тогда мы построим там каменный дом, в котором и поселимся.

Некоторое время они спокойно спали, дежуря по очереди. Когда бодрствовала Грета, к ним осторожно приблизился оборванец — словно призрак, поднявшийся из вонючей, склизкой воды. Девушка дотронулась до Хэрита, и тот мгновенно открыл глаза, но не пошевелился.

— Зеркало можно склеить,— прошептал оборванец. По-английски.

Хэрит расслабился и убрал руку с пистолета, запрятанного в складки ветхой одежды. Грета убрала нож обратно в свой широкий рукав.

— Нам пришлось убить двоих,— доложил Хэрит.

— Их нашли. К счастью, я увидел разбитое зеркало пятью минутами раньше. Какое у вас задание?

— Склады боеприпасов, провианта, резервуары с топливом.

— Невозможно. Карты и все прочее хранятся в Генштабе,— сообщил оборванец.

— Я могу проникнуть туда,— возразил Хэрит.

— Но выйти не получится. Выхода оттуда нет, капитан. По крайней мере, с теми данными, которые вам нужны.

— Почему? — вмешалась Грета.

Мерзкий оборванец сел, прислонившись спиной к влажной каменной стене, и прикрыл глаза, будто собрался спать.

— Потому что, лейтенант, наши арабские друзья идут в ногу со временем. По крайней мере, в Генеральном штабе. Документы обработаны специальным химическим составом, чтобы никто не мог незаметно взять их или даже сфотографировать. У наших арабов имеются друзья среди сильных мира сего, которые и научили их таким премудростям. Кроме то-

го, чтобы выбраться из здания, вам потребуется преодолеть два ряда охраны, запертые ворота и кучу детекторов, которые легко определят, что вы несете отснятые документы или сами подлинники.

— Значит, если мы украдем их, пропажа сразу обнаружится и они сменят дислокацию.

— Если вы раздобудете документы, они внесут коррективы в свои планы с максимальной скоростью. Возможно, это вызовет небольшую задержку, но нам ничем не поможет.

— И у нас есть только одна попытка,— задумчиво протянула Грета.

— Неважно, сколько у нас попыток,— отрезал Хэрит.— Информация имеет ценность, только пока им неизвестно, что мы заполучили ее. Необходимо добыть сведения и доставить командованию так, чтобы арабы ничего не заметили.

— А это невозможно,— констатировал оборванец.— Нам придется схлестнуться с ними в бою, как ни крути.

Хэрит сел. Вонь в подвале только усилилась. Единственным звуком, нарушающим тишину, был шум бегущей и капающей воды.

— Все на свете возможно, так или иначе,— заявил он.— Наш человек все еще в Генштабе?

— Да,— кивнул оборванец,— но он никоим образом...

— Главное здание, которое нас интересует, находится во внутреннем дворе?

— Да. Ворота во внешней стене всегда заперты.

— Где расположены детекторы?

— У входа в здание.

— Как охраняется здание?

— Днем достаточно серьезно. Ночью похуже. Они полагаются на стену, запертые ворота и охрану по периметру. Охранники внутри здания совершают обходы, но в кабинеты не заглядывают. Штабные офицеры не настолько доверяют солдатам, чтобы давать им ключи. В этом их слабость.

— И мы воспользуемся ею,— решительно произнес Хэрит.

— Пол, мы можем пойти туда вместе? — спросила его Грета.

— Нет, конечно,— просто ответил он. Затем улыбнулся и добавил: — Но может, нам попозднее удастся найти уединенное местечко и отдохнуть.

— Желательно сегодня,— улыбнулась Грета.

Сидя у стены, она наблюдала за тем, как Хэрит с оборванцем лежат на каменном полу и о чем-то тихо беседуют. Было уже далеко за полночь, когда гость наконец удалился. Мужчина и женщина еще час делали вид, что спят, затем бесшумно выскользнули из сырого, темного подвала на свежий воздух.

— Наш друг дал мне другой адрес,— сообщил Хэрит.— Там мы сможем побыть вдвоем. Это где-то недалеко.

Они хорошо осознавали опасность передвижения по ночным улицам. В любой момент их могли остановить, подвергнуть обыску, и вероятность проколоться была высока. Угроза подстерегала на каждом шагу, они не знали, откуда ее ожидать. Зато знали, чего ожидать завтра: им предстояло гораздо более серьезное испытание.

Обещанное уединенное место представляло собой маленькую комнату на втором этаже над книжной лавкой, темной в это время суток. Магазинчик принадлежал пожилой вдове, коптской христианке; единственное окно лавки пестрело патриотическими лозунгами. Впустил их в дом давешний оборванец, который уже больше года проживал в комнате на первом этаже.

— Здесь можете расслабиться, насколько это вообще сейчас возможно,— сказал он и оставил Грету и Пола одних.

Обстановку крохотной комнатки составляли кровать, несколько стульев и еле видимый в темноте шкаф. Света не было. Но для занятий любовью свет необязателен. После Хэрит крепко обнял Грету, прижал к себе и не отпускал всю ночь, словно пытался защитить от возможной угрозы. Обычно он никогда не проявлял свои чувства, и Грета понимала: ее возлюбленный боится того, что может случиться с ней, с ними обоими, когда наступит утро.

У ворот Генерального штаба, комплекс зданий которого располагался на окраине города, туда-сюда прохаживались часовые. Время от времени они задирали головы, когда высоко в небе красивым строем проносились реактивные истребители. Беднота на улицах шумно приветствовала такое проявление военной мощи государства, равно как подбадривала криками и часовых, шагающих вдоль главных ворот Генштаба.

В уличной толпе выделялся высокий смуглый мужчина с остроконечной бородкой и в очках с толстыми стеклами. С надменным видом, не обращая внимания на суету, он целеустремленно двигался вперед. Мужчина был облачен в темный европейский костюм, на руках — безукоризненно чистые светлые лайковые перчатки, на голове красовалась феска с кисточкой. Крестьяне, составлявшие основную часть толпы, почтительно уступали ему дорогу.

Хэрит — а это был он в гриме под араба и перчатках, скрывающих отсутствующий палец,— свернул за угол на боковую улочку и продолжил изучать здание Генштаба. В боковой стене имелись единственные ворота, высокие, деревянные, запертые как снаружи, так и изнутри. На задней стене не было ни ворот, ни калитки. Наконец с четвертой стороны Хэрит обнаружил узкую решетчатую калитку, также запертую изнутри и снаружи и охраняемую часовым.

Само здание за высокой каменной стеной было построено в прошлом веке и имело всего два этажа и крутую крышу. Окна верхнего этажа были зарешечены и закрыты изнутри жалюзи. Улицы вокруг здания патрулировали два бронированных автомобиля, двигавшиеся в противоположных направлениях на небольшой скорости.

Закончив рекогносцировку местности, Хэрит пешком направился к неприметному дому в нескольких кварталах от Генштаба и там переоделся в ниспадающий складками залатанный бурнус — обычную для арабских стран одежду. Потом растрепал фальшивую бороду и снял очки, а феска с кисточкой уступила место куфии. Левую руку Хэрит примотал к туловищу, а когда спустился на улицу, захромал на левую ногу.

Слишком много несчастных калек бродило по улицам города, чтобы привлекать к себе внимание. Хэрит без помех доковылял до грязного переулка, расположенного параллельно улице, на которую выходили главные ворота Генштаба, и нырнул в дом с черного хода. Поднялся на второй этаж и оказался в пустой комнате с окнами на улицу. Заперев за собой дверь, он перестал хромать и бросил быстрый взгляд в окно, из которого открывался превосходный вид на здание Генштаба и охраняемые часовыми ворота.

Затем Хэрит опустился на стул примерно в трех футах от окна, чтобы солнечные лучи случайно не отразились от стекол мощного армейского бинокля, который он извлек из складок бурнуса. Так он просидел почти неподвижно шесть часов, внимательно наблюдая за зданием и снующими туда-сюда военными. Лишь изредка он давал отдых уставшим глазам да еще несколько раз закуривал сигарету.

Уже вечером кто-то тихонько поскребся в дверь. Хэрит замер. Звуки повторились в определенной последовательности. Он открыл дверь и впустил знакомого оборванца.

— Ну что, капитан, нашли вашего человека?

— Да. Артиллерийский полковник,— сообщил Хэрит.— Он слишком похож на меня, чтобы его не заметить. Сейчас он в правом крыле. Высокомерный тип, солдаты его, кажется, не любят, так что за рулем он сидит сам. Если судить по машине, это боевой офицер, а не штабная крыса. Он необычайно высокого роста, имеет суданские черты лица, носит монокль и походкой очень напоминает меня. Он также носит перчатки и щегольскую трость. Его безумно раздражает, что всякий раз на главном входе нужно предъявлять документы.— Хэрит помолчал.— Когда сменяются часовые?

— Через час.

— Где хранятся документы с информацией по складам боеприпасов, провианта и остальному, что нас интересует?

— В небольшом сейфе. Допотопная модель — запирается на ключ. Достался еще от англичан. Учитывая принятые не без помощи нынешних друзей меры предосторожности, ара-

бы не хотят тратиться на новый современный сейф. Вскрыть его будет нетрудно. Сейф находится в архиве, смежном с кабинетом начальника отдела снабжения. Но подозреваю, они сегодня могут провести на службе всю ночь.

— Нет, только не арабские офицеры. Скорее, они отправятся к своим любовницам. Ну, нам пора.

Мужчины покинули комнату и спустились в переулок. В тени деревьев пряталась Грета, переодетая уличным мальчишкой.

Хэрит быстро описал ей приметы артиллерийского полковника.

— Жди его и, когда появится, не упусти.

Затем мужчины вернулись в дом, где несколькими часами ранее Хэрит перевоплотился из важного господина в феске в жалкого увечного крестьянина. Они расположились поудобнее, и агент открыл внушительное досье, в котором Хэрит обнаружил фото, подробную биографию, имена и адреса — все, что имело отношение к полковнику, за перемещениями которого он сегодня внимательно следил.

Агент начал читать досье.

— Полковник Азиз Рамди. Сорок два года. Не женат. Мать суданка. Никогда не служил за границей, не служил при штабах, зато имеет множество благодарностей за мужество, проявленное в последней войне с нами. Командующий Сто двенадцатым полевым артиллерийским полком. Полк входит в систему обороны города и только недавно был переведен сюда с места постоянной дислокации на южной границе. У полковника не самая выгодная должность, что может означать отсутствие влиятельных знакомых. Вероятно, из-за матери. Трудно сказать, насколько хорошо его знают в штабе.

— Я быстро справлюсь,— заявил Хэрит.— Логично предположить, что боевого офицера, служившего далеко на границе, здесь знают не очень хорошо. Это мой единственный шанс. И времени у нас крайне мало.

Агент кивнул. Хэрит взял из досье фотографию, положил перед собой и принялся за работу, пока наконец не добился

максимального сходства с полковником Азизом Рамди из Сто двенадцатого полевого артиллерийского полка.

— Можно сделать снимки над стеной из верхнего окна,— предложил агент.— У меня есть необходимая аппаратура.

— Об этом станет известно,— отмел предложение Хэрит.

— Вы могли бы сделать копии вручную, то есть не фотографировать. Тогда свет не проявит химикаты, которыми обработаны документы.

— На это не будет времени. Мне придется взять их в руки. Мы должны заполучить эти сведения так, чтобы никто не заметил,— подчеркнул Хэрит.

Он завершил процесс преображения, и они отправились обратно в мрачный переулок к дому с окнами, смотрящими прямо на главный вход в Генеральный штаб. Агент двигался впереди на значительном расстоянии, чтобы никто, упаси бог, не заподозрил какую-то связь между ними. На город уже опустились сумерки; мощные прожектора ярко освещали здание Генштаба и стену вокруг него.

— Он все еще внутри,— донесся из темного угла голос Греты.

Только через час появился наконец полковник; он сел в джип и нетерпеливо помахал бумагами перед носом часового у главных ворот. Затем поехал по улице налево и вскоре свернул направо в узенькую улочку, которая кратчайшим путем вела к месту дислокации его полка.

Внезапно из густой тени на дорогу перед джипом выскочила женщина в крестьянской одежде, которую по пятам преследовал уличный торговец в драных одеждах. Он настиг женщину, и прямо посреди проезжей части завязалась драка, сопровождаемая громкими криками и бранью. Рамди ударил по тормозам и в свою очередь разразился потоком крепких арабских выражений.

Вряд ли он почувствовал, как машина чуть покачнулась, когда кто-то запрыгнул в нее за его спиной. Пистолет полковника мирно покоился в кобуре, в то время как тонкий шнурок крепко затянулся на его шее.

Полковник Азиз Рамди яростно буравил глазами офицера караула у ворот Генерального штаба. Офицер, проверяющий документы полковника, заметно нервничал. Всего пятнадцать минут назад он видел бумаги этого Рамди, когда тот выезжал с территории штаба, и казалось довольно нелепым снова повторять ту же процедуру. Однако офицер прекрасно знал: если он отступит от заведенного порядка, ему может не поздоровиться. В армии любого арабского государства вольнодумие и самостоятельность не приветствуются. Еще одно слабое место, которое и прежде играло на руку Хэриту.

Полковник даже не собирался объяснять причины внезапного возвращения. Пока шла процедура проверки, он неподвижно сидел и хранил ледяное молчание. Однако его высокомерный взгляд насквозь прожигал младшего офицера и недвусмысленно давал понять, что этого оскорбления полковник не забудет. Впрочем, в любой армии порядок есть порядок, особенно в условиях военного времени.

— Тысяча извинений, полковник,— наконец произнес офицер и энергично вскинул руку.

В ответ Хэрит и не подумал отдать честь; он вдарил по газам и въехал во двор. Караульный офицер, глядя вслед надменному полковнику, от души выругался, правда, шепотом.

Хэрит припарковал джип максимально близко к главному входу — старшим офицерам негоже много ходить пешком. Он нетерпеливо выпрыгнул из машины, словно торопился по неотложному делу, и быстро направился к дверям. Два майора оказались у входа на мгновение раньше — он сам подстроил так, замедлив шаг. Офицеры остановились, пропуская полковника вперед. Тот же нетерпеливо помахал им тростью,— дескать, проходите! — одновременно подтверждая свой ранг, демонстрируя демократичное отношение и сбивая с толку дежурящего у ворот офицера.

Майоры поспешили внутрь, чтобы не заставлять ждать старшего по званию. Едва не наступая им на пятки, в здание проследовал и Хэрит, на ходу быстро махнув документами перед носом часового. Тот испытал некоторое замешательство

оттого, что нужно проверять сразу столько документов да еще и отдавать три раза честь, а потому едва удостоил вниманием удостоверение полковника.

Итак, Хэрит проник в здание.

В длинных коридорах с высокими сводами было холодно, царил полумрак. Твердой походкой Хэрит добрался до кабинета начальника отдела снабжения. Из-под двери пробивался свет, и доносились ровные приглушенные звуки. Как и предсказывал агент, начальник отдела снабжения работал сегодня допоздна.

Затем Хэрит направился в комнату отдыха для офицерского состава, зашел в туалет и заперся в кабинке. Там он смыл с себя весь грим и сменил знаки различия — теперь он не полковник, а майор танкового подразделения, расквартированного далеко на юге. Все бумаги полковника Азиза Рамди были порваны на мелкие кусочки и отправлены в унитаз. Из тонкого кисета, спрятанного под одеждой, Хэрит достал документы танкового майора. Остатки кисета также исчезли в унитазе. Покинув туалет, «майор» уселся в комнате отдыха и погрузился в чтение важного донесения.

Каждый час он приближался к двери кабинета начальника отдела снабжения. Дважды пролистывал журнал в комнате отдыха. Один раз выпил крепкого, должным образом сваренного турецкого кофе. Хэрит не опасался, что кто-то его разоблачит. По сведениям агента, в столице сейчас не было офицеров из далекого южного подразделения. Все боевые части находились в состоянии двадцатичетырехчасовой готовности.

К полуночи звуки в кабинете начальника отдела снабжения наконец стихли, свет был погашен, как и в остальных кабинетах. Как и предполагал Хэрит, сотрудники не остались на ночь, а все, включая самого шефа, отправились кто по домам, кто развлекаться. Грядущий день обещал стать великим днем, на ночь же здание Генштаба замерло. Тишину нарушали только часовые, обходившие коридоры.

Хэрит дождался, пока солдат минует на своем маршруте кабинет начальника отдела снабжения, и, когда шаги смолк-

ли вдали, отпер при помощи отмычки дверь и нырнул внутрь. В руке он держал нож — на случай, если в помещении кто-то есть. Пусть даже этот кто-то и спит.

Но в кабинете было пусто.

Дверь в архив — комнату без окон — была открыта. Хэрит прикрепил на лоб небольшой фонарик и, скорчившись в три погибели, приступил к осмотру сейфа. Как и сообщил агент, это оказался простенький, еще времен английского владычества, запираемый на ключ сейф. Хэрит без труда совладал с замком и распахнул дверцу.

Нужные документы лежали аккуратной стопкой, папки были скреплены печатью. Недолго думая, Хэрит сломал печать и вынул бумаги. На ощупь они казались чуть скользкими. Завтра в ультрафиолетовых лучах обнаружатся отпечатки пальцев, но это уже не будет иметь значения.

Из тайника в пятке ботинка Хэрит извлек миниатюрную камеру и начал фотографировать документы. Всего там было десять листов с картами и подписанными датами. На всех листах стояло сегодняшнее число. Хэрит запечатлел каждый документ. Под воздействием сильного света бумага чуть потемнела. Он достал из камеры отснятую микропленку и аккуратно поместил в контейнер, находящийся в нагрудном кармане.

Из второго ботинка Хэрит вытащил вторую пленку, перезарядил камеру и еще раз сфотографировал все листы с картами.

Затем он вернул документы на место, как мог запечатал папки, убрал в сейф и запер замок.

Разобравшись с архивом, Хэрит уселся за обширный стол начальника отдела, закурил сигарету и, смакуя табачный дым, принялся разглядывать шикарный вражеский кабинет, погруженный в темноту. Ему надо было дождаться очередного обхода часового. Выкурить пришлось вторую, а потом и третью сигарету. Он глубоко затягивался и с наслаждением вдыхал дым, используя редкую возможность расслабиться.

Когда часовой прошагал по коридору, Хэрит осторожно покинул кабинет, закрыл дверь и, не таясь, отправился в комнату отдыха. Там он снова заперся в кабинке туалета, привалился головой к стене и забылся крепким сном.

В начале шестого показалось солнце.

Здание Генштаба медленно оживало. Одна за другой въезжали и парковались машины. Во дворе и у ворот раздавались громкие приказы. Коридоры наполнились четким щелканьем каблуков и утренними приветствиями элитных офицеров. По всему зданию гуляло эхо от топота тяжелых армейских ботинок. Подобно звуку выстрелов, хлопали открывающиеся и закрывающиеся двери.

Хэрит прождал в кабинке примерно час, пока первоначальный хаос не перерос в обычную каждодневную рутину.

Из кармана он достал большой кусок халвы, освободил ее от бумаги и стал вминать в лакомство вторую отснятую микропленку, до тех пор пока та полностью не исчезла в мягкой сладкой массе.

Покончив с этим, Хэрит вышел из кабинки, пересек пустую в этот ранний утренний час комнату отдыха и оказался в коридоре. Путь его лежал к центральному входу. Там сонные часовые из ночной смены проверяли документы у прибывающих офицеров. Вокруг царило возбуждение и неразбериха — характерные признаки скорой и неминуемой войны. Во дворе строилась дневная смена часовых. В преддверии жаркого во всех смыслах дня обслуга из кое-как одетых крестьян подметала и поливала водой дворовое покрытие.

Солнце поднялось уже довольно высоко, на небе не было ни облачка. В дальнем конце двора у главных ворот дежурившие ночью часовые в нетерпении разминали уставшие члены, мечтая о предстоящем отдыхе. Утренний воздух был наполнен гудением и чиханием автомобильных моторов.

Офицеры все продолжали прибывать. Здание пока не покинул ни один человек.

Вот наконец дневные часовые выстроились в колонну и направились на посты, чтобы принять смену у своих товарищей. Дождавшись этого момента, Хэрит положил в карман пистолет, нащупал в другом кармане микропленку и, когда большая группа офицеров миновала двор и приблизилась к центральному входу, широкими шагами, чуть не бегом, устремился к дверям.

Офицеры толпились у входа.

Часовой повернулся к Хэриту — проверить документы.

Со стороны стены раздался тихий щелчок. Мгновенно завыла сирена, отдаваясь эхом по двору. Часовой уставился на Хэрита.

Тот нанес несчастному молниеносный удар ножом в сердце, подхватил обмякшее тело и, крепко прижав к себе, выскочил во двор мимо толпы ничего не соображающих офицеров.

Сирена продолжала реветь, прибывшие офицеры и часовые бестолково кружились по двору и громко кричали; довольно долго никто не обращал на Хэрита внимания. А он, пользуясь благоприятной обстановкой, быстро пересекал двор, удаляясь и от здания, и от главных ворот. Прямо перед собой он частично нес, частично тащил труп часового, как будто они вдвоем спешили куда-то по важному поручению.

Наконец караульный офицер заметил странную парочку, двигающуюся непонятно куда отдельно от других офицеров; более того, один поддерживал другого. Он бросился за ними вслед и закричал:

— Эй, вы, там! Вы, майор! Стоять! Стоять на...

Отпустив мертвого часового, Хэрит выхватил пистолет и выстрелил в преследователя. Затем повернулся и что есть мочи припустил через двор к расположенной в боковой стене решетчатой калитке, которую, как он знал, охранял всего один человек.

Во дворе и в самом здании Генштаба воцарился настоящий пандемоний. Солдаты и офицеры быстро взялись за оружие. Часовые и дневной, и ночной смены тоже увидели бегущего

Хэрита и помчались за ним. Часовой у калитки выстрелил и промахнулся.

Зато Хэрит был точен.

Он запрыгнул на стену, и в этот миг в него попали. Нога беспомощно заболталась. Он рухнул на землю, перевернулся на живот и попытался встать. Уцепившись за решетки, он из последних сил подтянул вверх словно налившееся свинцом тело. Снаружи на улицу одновременно выкатились с разных сторон два патрульных броневика. Хэрит сумел перевалиться на стену.

Вспышка чудовищной боли пронзила позвоночник. Пулеметные очереди из обоих броневиков практически развалили тело пополам. Две пули из винтовки раскололи череп. Окровавленное тело Пола Хэрита на миг замерло на верху стены и упало на камни внутреннего двора Генерального штаба.

Часовые ночной и дневной смены, сгрудившиеся вокруг поверженного тела Хэрита, находились в явном замешательстве и не знали, что делать. Вероятно, на них произвела впечатление дерзкая, пусть и неудачная, попытка побега.

Сквозь толпу пробился полковник военной полиции. Он выстрелил в голову давно мертвого Хэрита, склонился над трупом, обыскал его и обнаружил в нагрудном кармане контейнер с микропленкой. Полковник захохотал и пнул мертвеца. Некоторые солдаты также стали смеяться и плевать в безжизненные глаза Хэрита.

— Отрубите ему башку! — скомандовал полковник.— Повесьте ее на ворота и прибейте табличку «Гнусный шпион».

К собравшимся медленно подошел штабной генерал. Солдаты и офицеры почтительно расступились. Генерал посмотрел на распростертое на камнях тело. Полковник военной полиции протянул старшему по званию рулончик микропленки.

— Полковник, прежде чем отрубать чьи-то головы, заберите тело для опознания,— приказал генерал.— Чрезвычайно глупая затея. Придумано, однако, хорошо. Он едва не скрылся.

— Это был жест отчаяния,— презрительно усмехнулся полковник.— Безнадежное предприятие с самого начала. Они боятся нас, генерал.

— Конечно, они боятся нас. Так же, как и мы боимся их,— утомленно произнес генерал.— Выясните, что им было нужно, полковник. Что там, на этой пленке? Не то чтобы это имело значение, но они могут попробовать еще раз.

— Все равно у них ничего не выйдет,— уверенно заявил полковник.

Не нравились ему эти разговоры о том, что он боится врага. Это было проявлением слабости и пораженческих настроений. Он решил повнимательнее приглядеться к генералу. А пока же обратил внимание на мертвое тело у своих ног и добавил:

— Глупец, он и не догадывался, что все его усилия никак не могли увенчаться успехом. Даже если бы ему удалось сбежать, мы бы все равно выяснили, что он забрал, и мгновенно поменяли планы.

Полковник снова рассмеялся. Тело Хэрита унесли. Начальник отдела снабжения быстро обнаружил, что кто-то вскрыл ночью сейф с документами, и велел выставить у дверей кабинета круглосуточную охрану. Тем не менее он уверил командующего армией, что беспокоиться нечего, ведь шпиону не удалось уйти. И вообще, никто не похитил бы ценную информацию так, чтобы он, начальник отдела снабжения, мгновенно об этом не узнал. Как бы там ни было, уверял он командующего, секретные сведения остались секретными и нет необходимости менять тщательно разработанные планы, когда время уже на исходе. Командующий вздохнул с облегчением — смена планов вызвала бы задержку в несколько дней.

Капитана Хэрита вскоре опознали, и его отрубленную голову повесили на воротах честному народу на потеху.

Генеральный штаб вернулся к повседневной рутине. Офицеры постоянно прибывали и отбывали. Слуги из феллахов наводили порядок во дворе, в то время как военные готовились

к войне. Напыщенные и озабоченные делами офицеры не обращали внимания на немытых крестьян. Один из них подобрал выброшенный недоеденный кусок халвы и бросил в мусорный мешок. Закончив уборку, он выкинул мешок в контейнер, стоящий у боковой стены. Возле того самого места, где нашел свою смерть Хэрит.

Вскоре этот контейнер вместе с другими погрузили в мусоровоз, который и доставил их на городскую свалку. Когда машина уехала, в контейнерах стал рыться нищий уличный торговец. Позднее у входа в гостиницу на восточной окраине города этот торговец предлагал туристам восточные безделушки.

Хорошенькая туристка из Италии приобрела у него небольшой, затейливо украшенный сосуд.

Вечером того же дня хорошенькая итальянская туристка выписалась из гостиницы, села в автомобиль и направилась из города на заброшенный пляж. Там она разделась и вошла в воду.

Тридцать шесть часов спустя началась атака. Еще через десять часов война, по существу, закончилась. За эти десять часов были полностью уничтожены все склады провианта и боеприпасов, а также топливные хранилища нападавшей армии.

Прошло несколько недель. Лейтенант Грета Франк сидела одна на холме на севере ее страны и смотрела на виднеющуюся за апельсиновыми деревьями и оливковыми рощами границу. Там было тихо. Еще не безопасно, но все шло к тому.

Девушка плакала.

Поднимая ногами клубы пыли, на холм взобрался министр и опустился рядом на корточки. Твердый взгляд серых глаз был устремлен в сторону границы.

— Другого варианта не было,— нарушил тишину министр.— Они должны были убедиться, что он попытался добыть эти сведения и потерпел неудачу. Его должны были схва-

тить... и он не мог остаться в живых. Капитан знал, что только такой план сработает.

— И вы знали,— заметила Грета.

— Знал.

— Знали еще до того, как отправили нас.

Министр молча чертил тростью в пыли замысловатые фигуры.

— Почему вы сами не отправились туда и не сделали это? — спросила Грета.— Великий министр, одержавший победу.

— Я бы не смог.

— Да, не смогли бы. И я бы не смогла, и этот оборванец торговец — кто бы он ни был на самом деле — тоже не смог бы. Только Пол мог. Он понимал, что только он один на это способен.

Грета посмотрела на рисунки в пыли. Примитивные иероглифические изображения луны и солнца, какие мог бы сделать древний пещерный житель.

А у подножия холма, среди апельсиновых деревьев, бегали и громко кричали двое мальчишек. Они играли в войну.

Джон Лескроарт и М. Дж. Роуз

Джон Лескроарт – автор многих, ставших бестселлерами судебных триллеров. М. Дж. Роуз – всемирно известная писательница, автор ряда произведений о сексуальном сексологе и ее пациентах. Трудно представить, как могут пересекаться дела судебные с сексуальными проблемами, однако именно это и происходит в рассказе «Портал», который два автора писали, общаясь друг с другом исключительно по электронной почте. В центре рассказа – внутренний и внешний мир Люси Делри. Эта молодая беспокойная женщина порой ведет себя самым неожиданным образом, чем удивляет даже авторов. Для Роуз процесс лечения Люси сродни открыванию портала, который, оказывается, ведет в абсолютно темную комнату. Возможно ли доктору Морган Сноу (она фигурировала в триллере Роуз «Эффект ореола» («The Halo Effect»)) что-то там разглядеть? Потому и совет, который доктор Сноу дает Люси, основывается на ненадежных предпосылках. А Люси принимает этот совет близко к сердцу. Что касается Лескроарта, для него «Портал» стал возможностью вернуться в мир судебного триллера, вспомнить то время, когда он работал над суперуспешным романом «Вина». Пытаясь изгнать своих демонов, Люси попадает прямиком в Сан-Франциско (где разворачивается действие большинства произведений Лескроарта). Там искушенные прожигатели жизни посещают респектабельные рестораны, останавливаются в респектабельных отелях и пересекаются с обычными людьми, чья жизнь, внешне благополучная, скрывает множество мрачных тайн.

Джон Лескроарт и М. Дж. Роуз

ПОРТАЛ

— Мне кажется, со мной что-то не в порядке. В психическом смысле.

Я кивнула. Мне уже доводилось слышать это от Люси Делри. Едва ли не на каждом сеансе. Вот уже почти два месяца Люси проходила у меня терапию. По вторникам в шесть вечера она являлась в мой кабинет в Верхнем Ист-Сайде на Манхэттене, садилась напротив, и мы пытались разобраться в ее проблемах.

— Почему вам кажется, что с вами что-то не в порядке? — спросила я.

— Я ничего не чувствую, доктор Сноу. Просто ничего. Даже в самых экстремальных ситуациях.

— А что вы называете самыми экстремальными ситуациями?

Реплики наши почти точь-в-точь совпадали с репликами прошлой встречи, да и всех предыдущих. Обычно после этого вопроса Люси затихала на несколько минут, а затем меняла тему и говорила о своем детстве. О том, как хотела стать художником, и о человеке, который ее вдохновлял.

Но сегодня она впервые пояснила:

— Когда я кого-то уничтожаю. Даже тогда, доктор, я ничегошеньки не чувствую.

Она замолчала. Посмотрела на меня выжидательным взглядом. Попыталась прочесть что-нибудь по моему лицу. Но я была уверена, что сумела скрыть шок и удивление. Я привыкла к исповедям. Даже к чрезмерно драматическим вроде этой.

Copyright © 2006 by Lescroart Corporation & M. J. Rose.

— Что вы подразумеваете под «кого-то уничтожаю»? — уточнила я.

Люси замешкалась с ответом. Мне было любопытно, что же она скажет. Я ожидала фразы вроде: «Это была всего лишь метафора, доктор».

Однако спустя несколько секунд она сообщила:

— Уничтожение. Понимаете? Убийство.— Первое слово Люси прошептала, и с каждым последующим ее голос становился все тише и тише.— Истребление.— И еще тише, так что я еле расслышала: — Убийство.

Выражение лица ее при этом ничуть не изменилось, однако, едва закончив, Люси в изнеможении сгорбилась. Как будто ей стоило больших физических усилий произнести то, что она произнесла.

И эта перемена, произошедшая в Люси, заставила меня на короткий миг задуматься: а не может ли так быть, что она в действительности... Нет! За прошедшие два месяца она ни разу не дала повода заподозрить ее в способности к убийству. Конечно, это лишь метафора. Люси имела в виду, что психологически уничтожает тех, кого любит.

— Я должна что-то чувствовать. Должна расстраиваться,— добавила она уже своим обычным голосом.

Впервые наша беседа продлилась так долго без упоминания имени Фрэнка Миллея. Так звали художника, с которым Люси была знакома в детстве. Он рисовал акварелью на дощатых мостовых в районе Бруклин-Хайтс.

Во время одних сеансов она описывала его картины — как точно они передавали суть реки или городского пейзажа, как волновали ее и вызывали желание научиться пользоваться кистью и красками и самой создавать наполненные глубоким смыслом произведения. А бывало, она вспоминала о том, как, будучи семилетней девочкой, несколько месяцев пыталась заинтересовать собой художника. Наконец он снизошел до того, что показал ей, как рисовать на специальной плотной бумаге с текстурой, которая передает тончайшие оттенки цвета.

В ходе наших встреч я убедилась, что моя пациентка очень внимательна к мелочам и просто одержима красками. А ее память хранила мельчайшие подробности о событиях тех дней.

Однако я до сих пор так и не поняла, с какой целью Люси ко мне обратилась.

Да, я знала: ее беспокоит то, что она ничего не чувствует. Но обычно дальше констатации этого факта дело не заходило. По-настоящему эмоционально Люси вела себя, только когда рассуждала о художнике, о его картинах и о том, как была впечатлена ими.

И вот вдруг она перестала повторять одни и те же истории из детства и разоткровенничалась настолько, что застала меня врасплох.

— О чем вы думаете, когда... когда уничтожаете кого-то?

— Что это просто работа. Я полностью сосредотачиваюсь на ее выполнении.

Мне все еще не верилось, что Люси не шутит. Это совершенно не соответствовало ее характеру. Я работала с заключенными — и мужчинами, и женщинами. Мне доводилось слышать о хладнокровных убийствах и убийствах, совершенных в порыве страсти. Я видела искаженные в мучительной гримасе лица пациентов, когда они рассказывали, как внезапно приходили в себя и обнаруживали в руках окровавленный нож. Или пистолет. Или видели, как их пальцы сжимаются на чьем-то горле и несчастная жертва хрипит, а они только усиливают хватку.

— Простите, Люси, боюсь, я не совсем уловила вашу мысль. «Это просто работа». Что вы имеете в виду? Мне казалось, вы работаете фотографом.

— Так и есть. Но кроме того... меня нанимают...

Она осеклась.

Я одобрительно кивнула, побуждая ее продолжать.

— Это не та информация, которой можно поделиться в приличном обществе. Я не привыкла говорить об этом. Но наверное, вам необходимо знать — так вы лучше меня поймете и поможете разобраться, почему мне совершенно наплевать

на то, что я забираю, на хрен, человеческие жизни. Уничтожаю их!

Чисто инстинктивно я выпрямила правую ногу.

Чтобы нажать на тревожную кнопку.

Но в моем кабинете отродясь не было такой кнопки. Она имелась в маленькой комнатке в тюрьме, где я проводила сеансы терапии с заключенными. Люси очень убедительно втолковывала мне, что она самая настоящая убийца, и я отреагировала на ее слова так, как если бы передо мной сидел содержащийся под стражей опасный преступник,— хотела позвать на помощь. Внезапно я осознала: ведь может статься, что Люси действительно убийца и говорит вовсе не иносказательно. От этой догадки меня пробрала дрожь.

Но я не могла позволить себе роскошь прислушиваться к своим ощущениям. Мне нужно было что-то ответить. Заставить Люси раскрыться. Выудить из нее максимальное количество подробностей. И понять, что же мне с этим делать. Единственная ситуация, когда можно нарушить врачебную тайну,— если существует непосредственная угроза человеческой жизни.

Только в этом случае.

— Не верю, что вы не испытываете совсем никаких чувств от того, что делаете,— осторожно вымолвила я.— Обычно мы ничего не чувствуем потому, что сами этого не хотим.

— С чего бы мне не хотеть? Я этим живу. Мне нечего стыдиться. Я убиваю их при помощи их же собственных страстей.

— Каким же образом?

— А вы в курсе, что, если женщина предлагает мужчине перепихнуться, он не станет особо интересоваться, кто она такая? Сегодня, перед тем как принять ваше деловое предложение, он обращается в «Дан энд Брэдстрит»*, а завтра тащит

---

* «Дан энд Брэдстрит» — международная корпорация, которая занимается оказанием услуг в сфере бизнес-информации. Является самым известным в мире источником информации о фирмах.

в постель женщину, даже не спрашивая фамилию. Похоть — вот на чем строится мой расчет. Их неуемное желание потрахаться — оно облегчает мою работу. Это и вправду не требует никаких усилий. По-моему, мужчина не должен позволять так легко себя убить. Он должен бороться. Ему должно быть страшно. Он должен понимать, что его жизнь находится в опасности, а не просто лежать с голой задницей, пока какая-то блондинка берет у него за щеку. Им и в голову не приходит...

Здесь Люси сделала паузу и отхлебнула кофе из чашки, которую принесла с собой из дома.

У меня слегка тряслись руки. Я надеялась, что пациентка этого не замечает.

Да, мне уже доводилось слышать подобные откровения. Но такое всегда происходило в тюрьме, и рядом находились вооруженные охранники. А в моем собственном кабинете...

— Вам это доставляет удовольствие?

Она кивнула.

— Если мне достаточно известно об этом человеке. И если он порядочный мерзавец. Да. Наверное, меня можно назвать карающим ангелом. Я убиваю только тех, кто этого заслуживает. Кто совершил непростительный проступок. Кто должен быть наказан.

Я внимательно наблюдала за Люси, пытаясь обнаружить какие-то признаки того, что она все выдумывает. Однако зрачки ее не были расширены. Дыхание не участилось. Ни над верхней губой, ни на лбу не выступил пот. Кожа не заблестела. Пальцы не отбивали дробь по коленке. Ноги не стучали по полу. Ее голос был все таким же ровным, хорошо знакомым мне по предыдущим сеансам. Кажется, она полностью себя контролировала и вполне отдавала себе отчет, где и с кем сейчас находится.

— Художник,— произнесла Люси.— Тогда я была еще совсем ребенком, и он научил меня, что любую вещь можно превратить в нечто иное. Он смотрел на воду, которая представ-

лялась мне полоской грязно-синего цвета, и находил в ней сотни разных оттенков. Некоторые были просто потрясающими.

— Художник умер?

— Даже не представляю. Он уехал. Не предупредил меня. Просто однажды исчез. Я искала его, но никто толком не знал, что случилось. Когда есть возможность, я посещаю выставки. Сейчас ему должно быть около пятидесяти. Пятидесятилетних легче одурачить, чем тридцатилетних. Более молодые часто проявляют мнительность. Да, они поддаются, но сначала могут быть немного подозрительны. «Почему она подошла ко мне? Почему ко мне?» — так они рассуждают. Ну а мужчинам в возрасте настолько льстит подобное внимание, что по глазам понятно: у них, черт возьми, стоит. С ними, черт побери, легко.

Я кивнула.

— Может, художник умер? Может, он никуда не уезжал?

Она ничего не ответила, но ее глаза внезапно наполнились слезами. Одна покатилась по щеке, и Люси подняла руку — смахнуть ее. Видно было, что она очень удивилась при виде собственных слез.

— Я никогда не считала, что он умер.

— Но почему же? Почему вы предположили, что он просто уехал и не попрощался?

Пациентка потрясла головой, словно отгоняя прочь разбередившие душу воспоминания, и решила сменить тему.

— То, что я делаю, должно беспокоить меня, выводить из равновесия. Я знаю, что должно. Но понимаете, они все заслуживают этого. То есть большинство из них поступают непорядочно. С кем-то дурно обращаются. Они все нехорошие парни. Однако я каждому даю шанс. Перед тем как увести их в спальню, я даю им шанс отказаться. Интересуюсь, женаты ли они, или, может, у них есть подружки. А потом спрашиваю, неужели они действительно желают этого. Неужели действительно согласны причинить боль своим близким женщинам?

— Наверняка кто-то отказывается?

— Очень мало кто. Может, только двое за все время.

Так и хотелось уточнить: двое из скольких? Но я не стала прерывать Люси.

— Один из них гладил мою кожу. У него были такие мягкие кончики пальцев, как у женщины. И голубые глаза. Я запомнила его глаза. Из-за этих чертовых пальцев, которые бегали взад-вперед по моей руке, так что я дрожала. Обычно я ничего не чувствую. Это я и имела в виду. И накануне встречи. И когда они дотрагиваются до меня. И когда делаю «клац!» — то же самое.

— Вы пользуетесь пистолетом?

Непрофессиональный ход. Я не собиралась проявлять подобную прямолинейность — будто сомневаюсь и не верю Люси. Я хотела только выяснить, как она убивала их, а получилось, что выпалила вслух самый худший вопрос, какой только можно вообразить.

Люси посмотрела на меня, как на умалишенную, причем нуждающуюся в срочной госпитализации.

— Пистолетом?

— Когда убиваете их.

— Доктор Сноу, я наемная убийца. Я завожу их, а потом заставляю обломаться. Я разоблачаю их и гублю. Вся моя квартира — сплошные камеры. Я фотографирую их, а потом передаю снимки полицейским или в таблоиды. Так я их и уничтожаю. Я — цифровая убийца.

Она улыбнулась.

И в течение нескольких секунд я не сомневалась: мужчина пойдет за ней не задумываясь, по первому зову.

— По-вашему, мне стоит попытаться найти его? Найти Фрэнка Миллея?

Сеанс подошел к концу, но я не поднялась, как обычно, чтобы дать Люси понять: ее время истекло. В лечении настал

кульминационный момент, и я боялась прервать ее, не выслушав до конца.

— Мне кажется, вы хотите его найти. И это очень важно.

Как правило, я не отвечаю на вопросы, а задаю их. Собственно, я сама объясняла Люси — как и всем пациентам,— что, только когда отвечаешь на собственные вопросы, можно прийти к согласию с самим собой и обрести душевный покой. Но сейчас был особый случай: Люси наконец выразила желание, проявила нужду, и это было для нее большим достижением. Если судить по ее рассказам, бедняжка последний раз испытывала настоящие эмоции в тот последний день, который провела с этим художником. Она обмолвилась, что художник был для нее порталом, окном в мир. И когда он исчез из ее жизни, исчезли фактически все чувства.

— Люси, есть один момент. Давайте еще раз его проясним. Если вы решите найти художника, то лишь с целью понять. Но не предпринимать никаких действий.

Пациентка улыбнулась хитрой, обольстительной улыбкой, принимая позу, которую всегда принимала, когда пыталась спрятаться, закрыться от меня. Да и от кого угодно, скорее всего. Люси вела себя так почти каждый сеанс. Мы приближаемся к критической точке — и она закрывается.

Готова ли Люси отправиться на поиски Миллея?

И не следует ли мне удержать ее от этого шага?

— Я уверена, что хочу понять, а не что-то делать. А вы не уверены, доктор Сноу?

— Поскольку мы предположили, что могло иметь место событие, из-за которого Фрэнку Миллею пришлось исчезнуть, а вы перестали что-либо чувствовать, стоило бы обсудить это подробнее. Но я понимаю ваше нетерпение. Сколько времени вы намерены уделить поискам?

— Не знаю. Может, пару недель.

— Предлагаю вам прийти еще на один сеанс. Или на два. Чтобы мы могли убедиться: вы готовы к любой информации, какой бы она ни была.

Люси моментально уловила в моих словах скрытый смысл. Она вся вжалась в спинку стула и приняла оборонительную позу: плотно скрестила ноги и отвела взгляд в сторону.

— С предыдущим психоаналитиком мы проводили сеанс регрессивного гипноза,— заявила она,— и не обнаружили ничего такого.

— Чего такого, Люси?

— Изнасилования.

— Но вы могли просто похоронить в памяти неприглядные факты.

— Неприглядные факты.— Глаза ее увлажнились, а голос задрожал от гнева, хотя она и несколько сбавила тон.— Фрэнк Миллей не насиловал меня.

— Хорошо.

— Вот не надо этого «хорошо», доктор. Такое я бы не забыла. Это точно.

Я кивнула и вздохнула. Дольше задерживать пациентку я не могла.

— Вы что-то потеряли и ищете, и это что-то непосредственным образом связано с вашей способностью чувствовать. Если вы сможете найти это в реальном мире — скорее, чем в моем кабинете,— или с помощью другого психоаналитика... да-да, Люси, тогда у вас появится шанс вылечиться.

— Юридическая фирма Баскома, Оуэна и Миллея.

— О, я могу услышать Фрэнка Миллея?

— Конечно,— ответил приятный женский голос.— Как вас представить?

— Передайте, что звонит старый друг. Я, правда, не уверена, что он вспомнит меня. Мое имя Люси Делри.

— Подождите минуточку.

С одной стороны, это было слишком просто, а с другой — невозможно. Пока доктор Сноу не посоветовала искать Фрэнка Миллея целенаправленно, Люси вела бессистемный поиск: читала в газетах статьи об открытии выставок или загляды-

вала в галереи, если вдруг представленные там работы казались смутно знакомыми. Она и помыслить не могла, что уличный художник способен забросить первое страстное увлечение и посвятить себя какому-то другому занятию. Точно так же ей никогда прежде не приходило в голову набрать «Фрэнк Миллей» в поисковой системе Google.

Спустя пару секунд ее старания увенчались успехом.

Юрист из Сан-Франциско.

Быть не может, что это тот самый человек из ее прошлого. Однако надо позвонить и выяснить. Надо убедиться.

— Фрэнк Миллей слушает.

На мгновение слова застряли у Люси в горле. Но, испугавшись, что Миллей просто повесит трубку, если она так и будет молчать, девушка взяла себя в руки и заговорила:

— Это вы были художником в Нью-Йорке?

Теперь замолчали уже на том конце провода.

— Не то чтобы художником. Просто рисовал. Да, это я. Прошу прощения,— нерешительно прибавил мужчина,— секретарша назвала ваше имя, но я...

— Люси. Люси Делри. Я была маленькой тогда...

— О боже,— выдохнул Миллей.— Маленькая Люси. Ну конечно. Сколько вам тогда было?

— Семь. А сейчас мне тридцать.

— Тридцать? Господи, это невероятно.

— Вовсе нет, если вам сейчас около пятидесяти. Должно быть так.

Люси не смогла сдержать приглушенный нервный смешок. Это был его голос. Она бы узнала его где угодно. Разве что он приобрел непривычную серьезность, некую взрослость, что, очевидно, было связано с его нынешним родом занятий.

— Так вы теперь юрист? — осведомилась она.

— Только последние двадцать лет,— уточнил Миллей.— Вау, Люси.— Казалось, он не знает, как себя вести.— Вы искали меня?

— Ну, в общем, да. В Google.

— Но... чем вы занимаетесь? Где вы?

— Я дома, все там же, в Нью-Йорке. Я... э-э-э-э...— Не так-то просто было объяснить, чем именно она занимается.— Я фотограф,— сообщила она наконец.

— Ну хоть кто-то по-прежнему причастен к искусству,— обрадовался Миллей и после затянувшейся паузы неуклюже промолвил: — Приятно слышать.

— Э-э-э-э... да.

На минуту воцарилась тишина, затем Люси неожиданно для самой себя произнесла:

— Послушайте, мистер Миллей.

— Просто Фрэнк, хорошо?

— Хорошо, Фрэнк. Так получилось, что на следующей неделе я еду в Сан-Франциско по делам. Давайте встретимся? Может, позавтракаем или еще что? — Почувствовав в его молчании нежелание, Люси поспешно продолжила: — Я не буду винить вас, если вы откажетесь. Но вы не подумайте ничего такого. Я не какая-то там вертихвостка и не стану донимать вас звонками или еще как... Просто я до сих пор не могу забыть, какое впечатление производили на меня ваши картины. Стоит мне вспомнить о них, и снова всплывают те ощущения. Это... это так много для меня значит. Понимаете, я уверена, что должна вас увидеть.

На этот раз молчание затянулось надолго, затем Миллей сказал:

— Я женатый человек, и у меня трое детей. Вряд ли моя жена...

Он не закончил фразу.

— Пожалуйста,— настаивала Люси.— Ей не нужно знать. Но это так важно. Мы должны пообщаться, только и всего.

— Кстати, Люси, я ведь больше не рисую. Двадцать лет не притрагивался к кисти.

— Нет, тут другое. Дело лично в вас, в том, каким вы были.— И, запутавшись в собственных мыслях, Люси прибавила: — И не только в этом.

— Пожалуй, нет,— сомневался Миллей.— Нет.

Он затих, и, когда наконец заговорил, голос его существенно изменился: в нем отчетливо сквозила эта «взрослость».

— Ладно, я выкрою время. Когда вы прилетаете?

В последующие пять дней Люси не спалось.

Буйство красок с картин Фрэнка Миллея настойчиво проникало в сны и раз за разом будило ее. Чаще всего ей снилась та полоска воды холодного грязно-синего цвета под холодным небом, и она просыпалась. Как ни странно, в поту. Испытывая вожделение.

Во сне действие всегда происходило в одном месте: в комнате Миллея без единого окна. Помещение представлялось Люси чревом, заключенным в холодную грязно-синюю оболочку,— река, как он изображал ее на картинах, бежала и бежала по стенам над кроватью.

Только сон не имел смысла. Люси никогда не была в спальне Миллея. И никогда не видела его кровать.

Но какая-то причина должна была существовать.

Последний сон отличался от предыдущих. Вначале она ощутила то ли запах плесени, то ли сырой земли или животного и заметила яркий свет в конце темно-зеленого туннеля. Она повернулась, прошла через красную дверь и внезапно очутилась в грязно-синей комнате Миллея. Люси почувствовала, как трутся друг о друга ее оголенные бедра, и обнаружила, что на ней нет и следа одежды. Она стояла на каком-то золотом ящике, а Миллей писал ее, хотя Люси видела лишь торчащую над холстом голову художника. У него была светлая борода, и она почему-то выглядела мокрой. Он без умолку тараторил; его низкий голос, казалось, отдавался эхом в ее костях, так что Люси ощущала слабость в теле. Обойдя картину, он приблизился к ней. Пах он точно так же, как пахли другие, и Люси узнала запах семени. Одет Миллей был в цветастую оранжевую футболку, но ни брюк, ни белья на нем не было. Поскольку Люси стояла на ящике, лица обоих находились

почти на одном уровне, и он смотрел ей прямо в глаза, в то время как его рука оказалась у нее между ног. Она взглянула вниз: с пениса художника капала какая-то грязно-синяя жидкость, и он начал рисовать ею прямо на теле Люси. Мазок за мазком.

Рыдая, она проснулась; ее тело сотрясалось в оргазме.

Наконец она все вспомнила.

Теперь было ясно: она на пути к выздоровлению. Если раньше память отказывалась перед ней раскрыться, то теперь прошлое донимало ее, словно ноющий зуб. Оно оказалось достаточно болезненным и еще дважды доводило Люси до слез, но, по крайней мере, она начала что-то чувствовать. И уже собиралась позвонить доктору Сноу и поделиться новостями. Пусть даже она испытывает негативные и болезненные эмоции, но это неизбежная плата за возвращение к нормальной жизни. Однако Люси понимала, что излечилась не до конца. Для полного выздоровления надо было совершить еще одно, последнее убийство. Убить человека, который погубил ее много лет назад.

Фрэнк Миллей был категорически против визита Люси в его офис. Он сообщил по электронной почте, что заказал на час дня столик во вьетнамском ресторане «Косая дверь» на фамилию Йорк. Это потрясающее местечко найти было нетрудно, оно располагалось в недавно отремонтированном здании Ферри-билдинг* в начале Маркет-стрит. Миллей написал ей, что в этом ресторане в назначенное время обычно не бывает его коллег. С легким трепетом Люси отметила, что он уже боится разоблачения. Боится даже, что их просто застанут вместе. Немного поразмыслив, она отыскала три причины, почему Миллей, несмотря ни на что, согласился с ней встре-

* Ферри-билдинг — здание морского вокзала, от которого отходят паромы, курсирующие через залив Сан-Франциско. Там же находится крупный торговый центр.

титься: он попытается объяснить, почему так поступил много лет назад, станет умолять о прощении или же попробует выведать, как она собирается его шантажировать.

Но Люси хорошо изучила пятидесятилетних мужчин. Раз уж она сама проявила инициативу, несмотря на то, что он сделал с ней, Миллей ни за что не заподозрит ее истинных намерений. Он решит, как бы ужасно это ни звучало, что Люси до сих пор влечет к нему. Что ж, она все записала, а в номере отеля «Четыре сезона» в паре кварталов отсюда ждут своего часа камеры и микрофоны.

Она подготовилась.

Люси вошла в ресторан за двадцать минут до назначенного срока и заняла место за столиком в углу. На ней была черная юбка с разрезом, туфли на низких каблуках и обтягивающая красная шелковая блузка. Бюстгальтером девушка пренебрегла. День выдался нежаркий, и в ресторане также было прохладно. Люси доставляло удовольствие следить за реакцией мужчин — ни один из них не мог хотя бы украдкой не взглянуть на ее торчащие под тканью блузки соски.

Когда на пороге возник Фрэнк Миллей, она моментально узнала его, хотя выглядел он теперь как типичный преуспевающий юрист: чисто выбритый, с короткой стрижкой, в костюме-тройке. Он был все так же элегантен, все так же красив, хотя волосы уже тронула седина. По-прежнему притягивало взоры мужественное лицо с решительной челюстью. Когда он приблизился, Люси увидела, что темно-голубые глаза бывшего художника сохранили свою магическую силу и могли легко пленить особу женского пола. Но не ее. Против нее они были бессильны.

Когда метрдотель оставил их, Миллей сел, изобразил на лице озабоченную улыбку и воскликнул:

— Господи, вы прекрасны!

— Спасибо.

Появился официант, представился и, положив на столик меню, пообещал вернуться через пару минут. Помощник офи-

цианта принес воду и налил в стаканы. За окном ветер гнал облака, от причала в сопровождении кричащих чаек медленно отходил паром на Сосалито.

Миллей стрельнул взглядом по ее груди, затем снова посмотрел ей в глаза и со вздохом произнес:

— Так неловко.

Люси протянула руку и опустила поверх его руки, но тут же отдернула.

— Все хорошо. Пожалуй, надо было сказать вам по телефону. Я искала вас, чтобы сообщить: я вас прощаю.

— Не знаю, почему...— промямлил Миллей.— Я... из-за этого я и покинул Нью-Йорк. Как будто бежал от самого себя. Я уже не мог себя контролировать. То, что я сделал с вами, было лишь малой частью... Это было какое-то безумие.— Он поднес руку к лицу и с силой потер щеку; весь его вид выражал не только огорчение, но и нечто большее — страх.— Не могу объяснить...

— И не нужно,— ободрила его Люси.— Все мы совершаем ошибки.

— Но не такие! Моей дочке сейчас семь лет. Меня тошнит от одной только мысли о том, что я сотворил с вами. Простите меня. Простите.

— Были и другие?

— Нет! — едва не закричал Миллей.— Нет,— повторил он уже тише.— Это было только с вами, хорошенькой маленькой девочкой, которая любила мои картины. Знаете, ведь больше они никому не нравились. И однажды я не выдержал и привел эту девочку к себе показать работы.

— Только один раз? — Люси снова дотронулась до его руки.— Я действительно не помню.

— Всего раз. Одного раза хватило.

Подошел официант и принял заказ. Люси заявила, что не откажется от вина, если только ее спутник составит ей компанию. Когда официант удалился, Миллей заметно расслабился. Он откинулся на стуле и закинул ногу на ногу, так что ло-

дыжка оказалась на коленке. На ногах у него были превосходные черные ботинки из прочной кожи и черные носки, обтягивающие ноги чуть ли не до колен. Люси беспокойно ерзала на стуле, притворяясь, будто нервничает, и между делом ухитрилась расстегнуть вторую сверху пуговицу на блузке.

— Значит, вы женаты?

— Да.

— И счастливы?

— Да, вот уже семнадцать лет. У нас все прекрасно.

— Звучит не очень-то романтично.

— Но так и есть на самом деле.

— А вы скучаете? По романтике?

— Да нет,— пожал плечами Миллей и, подумав, добавил: — Ну, наверное, иногда. А кто в моем возрасте не скучает?

— Ну как вам не стыдно? Вы еще превосходно выглядите. И не можете этого не знать. Наверняка постоянно слышите комплименты.

Миллей смущенно захихикал.

— Спасибо. Но я бы не сказал, что все время слышу комплименты. И я, черт возьми, не считаю, что до сих пор хорошо выгляжу.

И снова Люси накрыла его руку своей, но на сей раз не отняла ее, а посмотрела Миллею прямо в глаза и проворковала:

— А вот я считаю. Почему, как вы думаете, я вспомнила о вас после стольких-то лет? Полагаете, в тот день это была только ваша идея?

После все было уже просто.

В отеле они, не задерживаясь, поднялись прямо в ее двухкомнатный номер. Как только они там оказались, Люси, извинившись, оставила Миллея в гостиной, а сама якобы направилась в ванную комнату. В спальне она положила на туалетный столик обыкновенную с виду ручку — а на самом деле камеру, запрограммированную делать снимок каждую мину-

ту, пока ее не выключат. На прикроватную тумбочку она поместила мобильный телефон со встроенной видеокамерой.

Пройдя в ванную, Люси для видимости спустила воду, затем вернулась в спальню, расстегнула пуговицы на блузке, сняла ее и бросила на кровать.

— Фрэнк,— позвала она,— может, зайдете?

— Конечно.

Он возник на пороге и замер, не сводя с Люси глаз.

Она заметила его нерешительность. Он так и не снял пиджак и галстук, а у Люси было одно незыблемое правило: она всегда предоставляла жертвам шанс на спасение, возможность уйти и доказать ей, что они на самом деле лучше, чем кажутся. Даже Фрэнк Миллей еще мог спастись, хотя — видит бог — ей этого очень не хотелось.

Люси улыбнулась ему самой своей обворожительной, соблазнительной и шутливой улыбкой, под напускной беззаботностью которой скрывалась потаенная страсть.

— Вы правда комфортно себя чувствуете? — спросила она.— Не желаю заставлять вас делать что-то против воли.

Ее гость выдавил из себя подобие улыбки.

— Вы бы не разделись, если б не желали меня заставлять.

Тогда Люси расстегнула крючок на юбке, и та с шелестом упала на пол.

— Ну что ж...— С этими словами она перешагнула через юбку и опустилась на кровать с тем расчетом, чтобы камеры ухватили каждую деталь. Затем похлопала по матрасу рядом с собой.— Может, присядете?

Несколько секунд Миллей еще колебался, но потом все же двинулся к ней. Он встал перед Люси, она протянула руку к молнии на ширинке, нащупала выпуклость под тканью брюк и с придыханием вымолвила:

— Ого.

Она почувствовала, как Фрэнк гладит ее волосы, затем он взял ее лицо в ладони, и их глаза встретились.

— Мне очень жаль,— произнес Миллей, в то время как его пальцы скользили все ниже.

— Нет, не нужно...

Люси осеклась, внезапно ощутив, как его руки надавили ей на плечи, удерживая ее на месте, а потом медленно, будто он ласкал ее, сомкнулись вокруг шеи.

— Ты же понимаешь? — Неожиданно он приблизил к ней лицо чуть ли не вплотную.— Мне нельзя рисковать. В один прекрасный день ты можешь все рассказать.

— Нет. Нет, я...

Больше ей не удалось издать ни звука. Она пробовала кричать, извивалась на кровати, пыталась ударить Миллея ногой. Но он был почти вдвое крупнее хрупкой девушки, и его хватка обладала невероятной силой. Он повалил Люси на спину, сам уселся сверху и продолжал все сильнее и сильнее сжимать руками горло.

В глазах у Люси замелькали желтые, зеленые и пурпурные пятна, затем все они смешались и приобрели грязно-синий оттенок. Стали холодного синего цвета.

А потом исчезли все краски. Ее накрыла чернота.

Две недели я не получала от Люси никаких сообщений, и вот как-то поздним вечером включила новости и увидела на экране ее лицо. Репортер говорил о жестоком убийстве, происшедшем в Сан-Франциско.

— Убийство было записано на камеру, встроенную в мобильник Люси Делри. Полиция обнаружила телефон на месте преступления.

В последовавшие за этим часы, дни и недели в игру активно включились коллеги Фрэнка Миллея, так что не оставалось сомнений: когда дело передадут в суд, адвокаты представят все в таком свете, что их подзащитный окажется несчастной жертвой. Весь мир поверит, что виновата сама Люси Делри, психически неуравновешенная нимфоманка, которая получала удовольствие от того, что завлекала мужчин в постель и делала компрометирующие снимки с целью погубить их.

Симпатии большинства к тому времени будут на стороне Миллея, однако я уверена, что даже в Сан-Франциско, если

человек совершает убийство и оно запечатлено на камеру, его ждет тюремный срок. Карьера Миллея и вся его жизнь будут разрушены. Прежнее благополучие к нему уже не вернется.

И вот еще что. Люси, точно как я и просила ее, сумела-таки выведать непростую правду. Неважно, как сложились те последние минуты. Она поехала в Калифорнию с намерением уничтожить Миллея, и она это сделала.

Дэвид Лисс

Первый роман Дэвида Лисса «Заговор бумаг» имеет не совсем обычную историю. На его создание автора вдохновила работа над докторской диссертацией на тему британского романа восемнадцатого века и его связи с новыми методами ведения финансовых дел. Лисс удачно показал, как увеличение денежного оборота в Англии того времени сопровождалось тайнами, загадками, опасностью и культурной паранойей. Своим успехом роман также обязан фигуре главного героя — дерзкого и бесстрашного охотника на преступников Бенджамина Уивера. Уивер представляет собой нечто среднее между современным частным детективом, полицейским и наемником. Его бесстрашное поведение на улицах Лондона восемнадцатого века, где не имели силы никакие законы, его готовность встретить любую опасность с открытым забралом завоевали симпатии множества читателей. Уивер вновь появился на страницах романа «Ярмарка коррупции», а в скором времени вернется к своим поклонникам в новой книге писателя — «В компании с дьяволом» («The Devil's Company»).

В своих интервью Лисс подчеркивает, что получает огромное наслаждение, сочиняя истории о похождениях Уивера и описывая яркую и жестокую действительность, в которой тот обитает. Однако ав-

тор находит время и на другие романы, не об Уивере. К ним относятся «Торговец кофе» и «Этичный убийца». После «Заговора бумаг» у него возникло желание написать рассказ, действие которого происходит в мире Уивера, но сам главный герой играет второстепенную роль, а на первый план выходят иные персонажи. Но, отдавая все силы работе над новыми произведениями об Уивере, а также другим увлечениям, Лисс долго не мог взяться за этот проект.

И вот наконец рассказ готов.

Главный герой «Двойной игры» — стареющий разбойник, который перед смертью, возможно в последний раз, вспоминает о случившейся много лет назад стычке с участием юного Бенджамина Уивера, также промышлявшего в те годы разбоем.

Лиссу было весьма интересно и даже забавно взглянуть на своего героя под несколько иным углом зрения и представить его читателям в новом, неожиданном свете. Автору доставляет удовольствие писать о порочных героях и симпатичных злодеях, поскольку, по его мнению, в реальной жизни не бывает совершенных людей, так же как не существует абсолютных негодяев. И каждый человек является героем своей собственной истории.

В «Двойной игре» Лиссу представился шанс показать любимого персонажа злодеем — именно таким его видит главный герой рассказа.

Дэвид Лисс

ДВОЙНАЯ ИГРА

Я уже стар и, видно, скоро умру. И никому до этого не будет дела, это надо признать. Но перед тем как отправиться к праотцам, я бы хотел поведать одну историю. Я заплатил вот этому тощему грамотею с лицом как твое сгнившее яблоко, чтобы он записал ее. Я не доверяю ему, а потому он все мне потом перечитает; я и пенни не заплачу, пока мне не понравится то, что я услышу.

А мне мало что нравится из того, что я слышу. Эти газеты, будь они неладны, по три, четыре, а то и пять раз в год только и нахваливают великие деяния этого никчемного еврея Бенджамина Уивера — этого «великого человека», который оказал неоценимую услугу кабинету министров, или могущественному герцогу Подотри-Задницу, или сквайру Добрая Тряпка. Стар ведь уже, а все ему неймется. Они забыли, да, забыли, но старина Фишер не забыл. Я хорошо помню, как мы пересеклись, когда он был еще молодой и ничем не лучше меня, а то и хуже; еврей — он и есть еврей.

Однажды этот молодец, этот «охотник на преступников» заявил, что вроде он сделает улицы безопасными для обычных людей, как они себя называют. Это ни для кого не секрет, хотя говорить об этом не любят. А сам-то он ничем не лучше меня и любого из моей компании, вор и разбойник с большой дороги, который якшался со всяким отребьем.

Все кругом знают, что этот Уивер был когда-то боксером и кулаками зарабатывал себе на жизнь, а потом прославился как благодетель. Но было и другое время — в промежутке, когда он уже завязал с мордобоем, но еще не взялся ловить

Copyright © 2006 by David Liss.

преступников. Мне о том времени все известно, и я собираюсь сейчас о нем рассказать.

Итак, начну я с дерьмового дождливого дня осенью 1717 или 1718, а может, 1719 или 1720 года. Точнее не помню. Ну, вы уже поняли, что я старик и здоровье слабое: кровью харкаю и кровью испражняюсь. Но вас это не касается. А вот что вас должно заинтересовать: я, тогда еще молодой, повстречал на живописном, но пустынном участке дороги щегольски разодетого франта — он как раз заканчивал обрабатывать огромный красивый экипаж. В руках он держал мешок, полный монет, драгоценных камней и прочих ценных штучек-дрючек. Этак учтиво он попрощался с парочкой уродливых сучек за тридцать, сразу видно: совершенно никчемных. Однако он, шельма, очаровал их, назвался Благородным Беном, а они стояли все красные да ресницами хлопали, словно он сплясал перед ними какой модный танец, а не связал кучера и не забрал их дорогие безделушки. Напарник этого ухаря, малый по имени Томас Лейн, находился футах в двадцати от них и зорко смотрел по сторонам — не появится ли кто.

Эти двое были прям как братья и на дело никогда не ходили по одному, только на пару. Они и внешность имели схожую: росту высокого, в плечах широкие и оба с темными волосами. В этом-то вся соль, да? У кого хошь пропадет охота ссориться с такими парнями, ворами этими, будь они неладны, которые не разлей вода, всюду вместе, вроде кровных родственников. Тут ведь как: обидишь одного, будь уверен — придется иметь дело со вторым.

Стало быть, подъехал я поближе к Томасу Лейну (ну, это я потом выяснил, что его так звали). Второй — Уивер, как я после узнал — вел возле экипажа учтивую беседу с дамами. Солнце как раз показалось из-за туч и светило мне прямо в глаза, так что я не разобрал четко лица Лейна, но все ж отметил, что парень морщится. Это его коробило то словоблудие, что Уивер развел с бабенками,— так я понял. В общем, глазел он на дружка своего, а не в мою сторону, а потому не видел и не слышал, как я подъехал. А подъехал я и вправду очень ти-

хо, потому как, доложу я вам, лошадка моя была как раз для таких дел натаскана. Значит, подобрался я к нему тихонько так и треснул от души по голове. Повалился он на землю, но не отключился, так что стукнул я снова, опять же по кумполу. И еще разик все по той же головушке, чтобы лежал тихо, как мышка. И удачно я последний раз приложил — он ведь копыта и откинул, как мне позднее сообщили. Хотя тогда-то я этого не понял. Важно, что и звука от него слышно не было — это меня вполне устраивало.

Вообще-то я не собирался его убивать. Лейн не был мне другом, но все же был своим братом-вором, и я только хотел, чтобы он не поднимал шума. Однако что сделано, то сделано. Плачь не плачь, а снова он не задышит, если уж испустил дух, верно ведь?

В это время с другой стороны уже приближался мой дружок и напарник в таких делах Рудди Дик. У меня, кстати, было трое или четверо лихих приятелей, которых я брал с собой, но ни одному я не доверял так, как доверял Дику. Был он уже стар, но это по моим тогдашним меркам. На самом-то деле ему лет на двадцать было поменьше, чем мне сейчас. Обменялись мы, значит, с Диком взглядами, враз оценили расклад и сообразили, что нам делать. Мы же были с ним старые друзья, ну, я уже говорил.

Уивер этот, может, и не заботился посматривать по сторонам, зато две обкраденные им дамочки все видели. Видели, какую шуточку я сыграл со стариной Томасом Лейном. И как они завизжали да пальцами стали на меня показывать, слышь, будто эти два гаврика с большой дороги — их друзья закадычные, а я враг. И ведь ни на секундочку не предположили, стервы, что я собираюсь спасти их от злодеев. Но тут ничего удивительного нет — морда лица у меня та еще, а в молодости и вовсе жуткая была.

Голосят эти крали, стало быть, а потом прячутся в карету. Я же таким удальцом подлетаю ближе и кричу этому бандиту в благородном обличье: «Эй, парень, я тут малехо приятеля твоего прибил и боюсь, ты будешь следующим».

Уивер — хоть, повторяю еще раз, я тогда не знал его имени — поворачивается ко мне и пялится. Не удивленно там или грустно и не со страхом, а вижу я, как ярость полыхает в его темных глазищах. Даже сквозь пелену дождя заметно, как полыхает. Вы бы и моргнуть не успели — так быстро этот пройдоха обо всем догадался. Огляделся он кругом, мигом просчитал мои намерения, и понял я тогда, что нажил себе смертельного врага.

Это была, что называется, плохая новость. Но имелась и хорошая: долго прожить ему было не суждено — Рудди Дик находился уже рукой подать. Он пришпорил лошадь, и та понеслась резвым галопом. На всем скаку Дик выхватил клинок, готовый отсечь ничего не подозревающему иудею голову, точно как эти нехристи отсекают друг другу крайнюю плоть.

И вот этот Уивер стоит, таращится на меня с ненавистью во взоре; я его взгляд выдерживаю, отвлекаю его внимание, чтобы он не засек Дика. А тот уже совсем близко. Не успеют часы еще раз тикнуть, как этот разгневанный малый станет на голову короче. Но тут внезапно, будто у этого черта глаза на затылке, он разворачивается. Быстро швыряет в сторону мешок с награбленным добром, в одно мгновение выхватывает саблю и наносит удар. И успевает это сделать раньше Дика. Нет, голову он Дику не отрубил, но горло вспорол, кровь оттуда хлынула алым потоком, и все... Конец старине Дику.

Да, большая была потеря. Хорошим другом был Дик, все мы делили с ним: и еду, и монету, и шлюх. Но знаете, жизнь-то продолжается, и Уивер вовсе не один такой смышленый и ловкий. Я пришпорил лошадь и притворился, будто жажду отомстить за друга и наброситься на Уивера, а сам на всем скаку нагнулся, подхватил, значит, с земли брошенный им мешок и поскакал скорее прочь, оставив позади два трупа в лужах крови. Так-то вот.

Только через несколько недель я выяснил, что малый, которому я настучал по голове, там прям и помер. Второй же парень — теперь мне было известно, что его зовут Бенджамин Уивер,— поклялся поквитаться со мной за смерть своего бра-

та. Так что месяц-другой я был настороже, однако ничего такого не происходило. Я ничего не слышал ни об Уивере, ни о его, так сказать, подвигах и начал уже себе думать: а может, он помер или где затихарился? И решил я, что все кончилось. Но на самом деле ничего не кончилось. И хоть я уже долго тут болтаю и выдул целых две пинты, это еще только начало моей истории.

Минул, значит, год или больше, и я собрался на новое дело. Хотелось мне залечь на дно, потому как тогда много нашего брата хватали на месте преступления и без объяснений отправляли на виселицу, словно скот на бойню. Я тщательно готовил операции и старался проводить их как можно реже — так меньше шансов, что на тебя настучат. Со времени предыдущей вылазки и месяца не прошло, а все потому, что в тот раз события развивались не так, как планировалось. Мне нашептали, что в одной карете будут перевозить большие деньги, и так оно и случилось, но вот незадача — денежки оказались заперты в сейфе. Этот ящик сделал один немец по фамилии Домаль, который вроде считался лучшим в мире мастером по изготовлению сейфов. Эта штуковина была слишком прочная, чтоб ее взломать, и код был больно мудреный — не подобрать. Богатство — вот оно, а не достать. Близок, как говорится, локоть... Так он и хранился у меня в жилище, в тайном месте, поскольку я никому не рассказывал, где живу. Даже ближайшим своим друзьям. Мое правило: не доверять никому, а в особенности друзьям.

Так что про сейф я пока забыл и положил глаз на карету, на которой богатенькие дамы намеревались возвращаться в Лондон после лета, проведенного в Йоркшире. Поживиться там было чем: баулы со всяким барахлом, бабские побрякушки типа серебряных пряжек, изящные носовые платки, ткани и много чего еще. Вот только дело это для вора не шибко выгодное. Возьмешь добычи на три-четыре сотни фунтов, а от скупщика получишь всего три-четыре фунта. Но так уж заведено. Да еще надобно отметить, что эти богатенькие нонче не

дураки и передвигаются только с сопровождением. И с таким сопровождением, на преданность которого могут рассчитывать. Вот и с теми дамочками должны были ехать двое да еще здоровый крепкий кучер на задках. Кучера этого, видного мужичонку, звали Филлип, что означает «любитель лошадей». Для чего я это прибавил? А чтоб вы поняли, что я ученее любого ученого буду. Вот так.

И случилось, что этот Филлип заинтересовался одной малышкой судомойкой по имени Мэгги, тоненькой, как тростиночка, но горячего нрава. А любила она меня страстно и беззаветно. Вот от нее-то я и прознал все подробности. И я же убедил ее оказать бедному Филлипу знаки внимания, и девочка сделала все, как я просил. Ну и, доложу я вам, сразили его наповал колдовские чары моей подружки; когда я увидел его, он еле дышать мог от страсти, от него за сотню ярдов разило влюбленностью. Старина Фил готов был сделать все, что только потребует его обожаемая. В общем, согласился он помочь нам за долю добычи для себя и для прекрасной Мэгги. Ну, это он зря надеялся, поскольку я задумал двойную игру.

И вот, значит, отправились мы на дело, я и мой напарник. Я уже говорил вам, что никогда не промышлял один, всегда рядом со мной бывал какой-нибудь добрый молодец. В тот раз я взял с собой малого по имени Бздунишка Дэн. Ох и в точку его так прозвали. Он, кстати, не только воздух портить умел, но и башку имел на плечах, а в наших делах это немаловажно. Но как же он вонял!

Частенько, когда нас искали, я опасался, что нас обнаружат по благоуханию Дэна. Потому как газы он пускал необычные: от них и глаза слезились, и голова становилась дурная. И все же славный он был малый, этот Дэн. Вот только вонь... Не такой, может, бесстрашный и рисковый, как Рудди Дик, но парень, на которого можно положиться. И к тому же разбирался в оружии так, как никто из тех, с кем мне доводилось встречаться. С ним я мог быть уверен на все сто, что мои пистолеты не дадут осечку в неподходящий момент. Кроме того, когда мы, разделив добычу, отправлялись в лихой загул, ни разу

не было такого, чтоб первосортные дамочки предпочли его, а не меня, и это с моей-то рожей.

Вот, значит, в нужный день затаились мы в небольшой рощице и ждем, когда появится наша цель. Наконец он показался, нарядный такой экипаж, весь бирюзовый с золотым, а отделан черным. Я размечтался, будто две крепкие лошади везут баулы со звонкой монетой. Один охранник скакал спереди, а другой, стало быть, позади. И вид у этих двоих был такой, словно им жуть как скучно. И за это они мне очень понравились.

Тут в игру вступил Бздунишка Дэн, он молнией выскочил из кустов на того, который сзади, и разрядил пистолет прямо ему в грудь. Ну, конечно, грохот, пламя, и парень завалился на свою лошадь.

Я-то совсем не так привык действовать. Смысл убивать человека, если вполне достаточно его просто оглушить? Но чем предаваться бесполезным умствованиям, я собрался уже позаботиться о скачущем впереди парне, однако Бздунишка Дэн меня опередил. Понесся он, значит, галопом и на ходу разрядил тому в спину вторую пушку.

Тогда я уже был рядом и на мгновение натурально ослеп от вспышки. Когда же зрение вернулось, я обнаружил лошадь без всадника и лежащее на земле тело.

Смотрю я так на Дэна, тот в ответ пожимает плечами. Что ж, думаю я себе, весьма неплохо.

В экипаже, ясен пень, вопят на разные голоса. Ну оно и понятно: разве ж ожидали они такого кровопролития? Если честно, эти разбойники-джентльмены только облегчали нам задачу. Дамочки начинали считать, что ограбление — это самая романтическая в мире штука. А когда сталкивались с ним поближе, видели море кровищи, чувствовали запах смерти и дерьма; тут-то они готовы были хоть голыми на дерево лезть, если б им приказали.

Тем временем Бздунишка Дэн совершил один из своих знаменитых залпов и помчался к карете. Я скачу следом — нужно же экипаж остановить. Держу пистолет наготове, а свобод-

ной рукой отгоняю от лица волны вони. С Филлипом мы договорились, что он сделает вид, будто пытается от нас удрать, и он играет свою роль как надо: свистит и гонит лошадей сумасшедшим галопом. Да вот не слишком ли сумасшедшим? И вообще, судя по всему, он не играет. Похоже, посмотрел наш Филлип, как Дэнни на раз-два замочил пару лихих парней, да и потерял к нам доверие и решил, собака, из игры выйти.

По нашему плану разобраться с Филлипом должен был я, однако этот Бздунишка Дэн рассудил иначе. Он, словно вольтижер на ярмарке Бартоломью, встает, значит, на спине своей лошади, а потом натурально взлетает в воздух. Он всегда все продумывал, этот Бздунишка Дэн. Вот и сейчас намеревается прыгнуть прямо на кучера Филлипа, того, который, как предполагалось, будет нам помогать. Дэну это хорошо известно, но, кажется, ничуть его не беспокоит; я оглядываюсь и застаю такую картину: Дэн вытаскивает пистолет и лупасит Филлипа, точно дубинкой. Поднимает пистолет и опускает, снова поднимает и опускает. В третий раз и в четвертый. Да... Слышу я хрипы и стоны, вот только не вижу, что там у них происходит. Когда же подобрался я наконец поближе, все было тип-топ: карета не двигалась, кучер висел на задках этаким кулем, а то, что осталось от его головы, было вроде твоего малинового желе. Руки у Бздунишки Дэна все были забрызганы красным, рубашка покрыта красными пятнами, и лицо в такую же крапинку. Ухмыльнулся он мне жуткой улыбкой, а потом взял и облизал свои окровавленные губы.

И вот, значит, торможу я возле кареты. В четверти мили позади валяются два мертвяка и две лошади. Ох, не люблю я оставлять за собой такой явный след, но дорогой этой мало кто пользуется, так что, по моим прикидкам, четверть часа у нас всяко есть. Возможно, и через час тут никто не поедет, однако не до пустых рассуждений. Нужно всегда соблюдать максимум осторожности, а не то тебя сцапают и вздернут. Куда уж проще, верно?

Тут Бздунишка Дэн спешивается и выводит очередную свою руладу. Глаза у меня слезятся, дышу через два раза на третий

и тоже спешиваюсь. Настало время приступить непосредственно к делу.

Из экипажа доносятся стоны и всхлипывания, но я ни черта не вижу сквозь задернутые занавески, как будто, наивные, они могут спрятаться за этими тряпочками. Однако излишняя осторожность еще никому не повредила, так что я взмахиваю пистолетом и тычу им в дверцу кареты.

— На выход, суки! — кричу.— Медленно и аккуратно, ручки повыше подняли, и никаких резких движений. Если кто вздумает меня ослушаться, пристрелю, к чертовой матери, отрежу хозяйство и засуну в рот ближайшей даме.

Тут главное — напугать их до чертиков. Никакого душещипательного бреда вроде: «О боже, какие чудесные драгоценности. Не будете ли так любезны передать их мне, вот сюда». Да я скорее свинью в хлеву трахну, чем скажу такую чушь. Один раз было подобное. А что именно — секрет.

Вдруг дверца с шумом распахивается, и из кареты вываливается здоровый дядька с огромным животом в костюме из небесно-голубой ткани, а костюм-то весь в кружавчиках и с золотыми нитями. Парик съехал набок — явно трясся весь от страха. Лицо блестит от пота, хоть на улице и не жарко совсем, а в глазах слезы. И ведь дядьке этому явно под полтинник, а рыдает, будто дитя малое, которое у матери отняли.

— Пожалуйста,— бормочет он сквозь слезы и сопли,— мы сделаем все, что пожелаете. Только никого не трогайте.

— Никого не трогать? — рявкаю я.— Ты оглянись по сторонам, рева-корова. Охранники ваши мертвы, кучера мы тоже грохнули. Ты имеешь в виду, чтоб я не трогал никого, кроме слуг?

Хотелось мне еще кой-чего добавить, но сдержался — время сейчас дороже всего. Да и не пристало джентльмену с большой дороги строить из себя комика, прости господи.

— Живо вылезайте,— приказываю.— Все, кто там есть.

— Там никого, только моя жена,— хнычет этот жиртрест.

— Пусть выходит, иначе там только твоя вдова останется,— отвечаю я; такой я в те деньки был умный и находчивый.

И вот она выбирается из кареты — красавица, каких я никогда не видел. Лет ей не больше восемнадцати, кожа белая, шея лебединая, а глаза такие зеленые, словно листья на деревьях в самый солнечный день самого прекрасного лета. Вот. Платье на ней жутко модное, а вырез такой глубокий, что титьки ее большие просматриваются очень даже хорошо. Глаза она вниз опустила, а губы, как и у мужа, трясутся. И губы у нее алые и влажные, так и просят, чтобы их целовали.

Бздунишка Дэн окидывает ее сладострастным взором, и бабенке с муженьком остается только гадать: то ли Дэнни собирается проделать в ней дырку, то ли воспользоваться уже имеющимися в наличии.

Я же кидаю толстяку мешок со словами:

— Сгребай все сюда: монеты, банкноты, драгоценности, все мало-мальски ценное. Потом, перед нашим прощанием, я все проверю и буду отрубать тебе по одному пальцу за каждую укрытую вещь.

Парочку эту я по-прежнему держу под прицелом пистолетов. И тут Дэн заявляет:

— Наверное, мы можем задержаться чуть дольше, чем собирались.

И так зырит на женушку, что никаких сомнений касательно его намерений нет. Но я ясно даю понять, что сейчас не время удовлетворять похоть.

— Повеселишься со шлюхами,— говорю я Дэну.— Не собираюсь рисковать.

— Будь по-твоему.

Он вскакивает на лошадь и вроде как не возражает против того, что я тут командую.

А ребятки тем временем наполняют мешок, в точности как я и велел. Жирный положил туда свой кошелек и занят тем, что отстегивает пряжки с туфель. Дамочка не отстает — снимает кольца и ожерелье.

Потом я приказываю жирному лезть на верх кареты и сбросить оттуда два пухлых, как и он сам, чемодана. Они падают в грязь и от удара раскрываются, ну точно яйца раскололись.

И вываливается из них груда всякого шмотья и разных побрякушек. Я заставляю красотку собрать все безделушки и отправить их туда же, в мешок. И вот пока она ползает и собирает свое добро, я вдруг примечаю что-то яркое такое, блестящее. Так оно, понимаешь, сверкает на солнце, что волей-неволей увидишь.

Оказалось: запертый ящик, напоминающий тот сейф, что хранится у меня на хате. Ну, тот, что я так мечтал раздобыть, тот, в котором находится целое состояние. И от которого один черт никакого проку, потому как мне его все равно не вскрыть. И собственно, этот ящик очень похож на мой: стальной и сделан так же филигранно. Вот. Только этот намного меньше, размером с два моих кулака. Но замок, кажись, точно такого же размера, что и у моего, и смотрится замок ни к селу ни к городу. И тут мне на ум приходит кое-что намного важнее похотливых мыслей о хорошенькой леди.

— Что в этом ящике? — обращаюсь я к жирному.

— Банкноты,— мямлит он.

Чувствую, что не хочет, а все же говорит. Хороший малый. Пожалуй, заслуживает дружеского хлопка по заднице.

— Дай ключ,— приказываю.

Но он только башкой качает.

— У меня нет ключа.

— И где же он? — спрашиваю.

— Нету. Там лежат такие ценности, что я уничтожил ключ.

— И как же ты достанешь их оттуда? — возмущаюсь я.

Согласитесь, весьма разумный вопрос, стоящий того, чтобы задать его громко.

— Есть всего один человек на свете, который может вскрыть замок Домаля,— сообщает жирный.

И что бы вы думали? Указывает на эту сволочь Филлипа! А тот распластался по земле, скучный и неподвижный, весь в крови, и сверкает она на солнце почти так же ярко, как чертов запертый ящик.

Ирония судьбы — так это вроде называется. Бздунишка Дэн вышиб, к чертовой матери, мозги единственному в мире

человеку, который мог открыть этот сейф. Плюс еще один сейф — тот, что спрятан в моем жилище. Уставился я, значит, на мертвое тело, и тут происходит такое, чего не бывает и быть не может. Оно, это тело, вдруг дернулось, будто по команде.

Я по-прежнему держу на прицеле эту сладкую парочку, но осторожно так подхожу к Филлипу поближе. Волосы у него все спутались и насквозь пропитались кровью, но череп, кажется, поврежден не сильно. Как ни дубасил его Бздунишка Дэн, парень оказался невероятно живучим.

Значит, действия мои теперь такие: надо забрать Филлипа к себе и ухаживать за ним, пока он не поправится и не сможет открыть мой заветный сейф. Наверное, вы бы так же рассудили на моем месте.

Тут я подумал, что давненько не видел Дэна. Куда это он запропастился и чем там занимается? Осматриваюсь я по сторонам: никого. Тогда сжимаю покрепче оба пистолета и на секунду поворачиваюсь. То есть хотел повернуться на секунду. Если бы эти двое решили на меня напасть, их ожидал бы успех, потому как лицезрел я открывшуюся картину много дольше, чем пристало осторожному и мудрому грабителю.

А что же так привлекло мое внимание? Бздунишка Дэн, он самый. Он находился у меня за спиной. Да, за спиной. Привязанный к дереву. Глаза его были открыты, рот тоже открыт. И хоть я стоял в доброй сотне футов, я готов был поклясться, что у Дэна перерезано горло. Оно все было в крови, так же как и рубашка с курткой.

И все проделано с такой жестокостью, с такой злобой. Всякому, кто посмотрел бы на беднягу Дэна, стало бы ясно: убийца не просто желал поиздеваться над моим приятелем. Нет, мерзавцу надобно было вселить страх в того, кто найдет Дэна мертвым. Все выглядело прямо так, будто кто-то хочет со мной поквитаться. И тут меня осенило: есть только один человек, который мог учинить такое,— Бенджамин Уивер. Он весь горел жаждой мести.

— Ты, гад ползучий, почему молчал? — набросился я на жирного.

— Я ничего не видел,— захныкал тот.— Я же наполнял вам мешок.

— Вот ты и сдохнешь за это!

Он вроде как был и ни при чем, но кто-то же должен поплатиться жизнью за нанесенное мне оскорбление. Однако меня прервали самым неожиданным образом.

— Отпусти его, Фишер,— услышал я за спиной,— и посмотри мне в глаза. Если, конечно, осмелишься.

Повернулся я — и вот он, сидит на лошади, остановился примерно посредине между мной и телом Бздунишки Дэна. Хоть и находился он довольно далеко, да и целый год минул с нашей встречи, я все равно узнал это лицо. Точно, Уивер собственной персоной. Тот самый, который завалил Рудди Дика. В каждой руке этот еврей держал по пистолету, и направлены они были на меня.

Впрочем, стрелять с такого расстояния совершенно бесполезно, посему он тронул лошадь и стал приближаться.

— Пробил час расплаты за то, что ты сделал с Томасом Лейном,— заявил он.

Я пытался изо всех сил скрыть, что мне страшно. Хотя, признаюсь, поджилки так и тряслись.

— А как быть с Бздунишкой Дэном? Он-то не имел никакого отношения к твоему драгоценному приятелю.

— Достаточно того, что вы здесь учинили,— произнес Уивер этаким надменным тоном, словно лорд.— Он заслужил смерть. И ты тоже.

Пистолеты его по-прежнему смотрели на меня. Я тоже держал его на мушке, только вот пистоль мой был один против его двух. Впрочем, моя пушка стоила их — ведь за ней следил и заряжал ее великий мастер по оружию, покойный ныне Бздунишка Дэн. Я бы всяко успел раньше нажать на курок, чем этот выскочка еврей, а одного удачного выстрела мне бы вполне хватило.

И вот, значит, приближается он к той невидимой черте, откуда я, будь на его месте, начал бы палить. Тут я и стреляю первым. Он почти мгновенно отвечает. Однако ж мой выстрел оказался точным, а его — нет. Конечно, по моему разумению «точность» — это несколько иное, потому как пуля только чиркнула по его плечу. Но и этого хватило; от удара Уивер не удержался в седле и кувырнулся с лошади, пальнув с обоих стволов в небо по воробьям.

И понял я, что вот он — мой шанс.

— Ты! — ору я жирному.— Заброс ь его на мою лошадь.

И тычу пистолетом в Филлипа. А тот так и лежит скрюченный на земле и больше не шевелится.

Толстяк беспрекословно подчинился, и меньше чем через полминуты тело кучера было перекинуто поперек кобылы, а сам я восседал в седле. Уивер все еще пытался подняться на ноги. Он держался за плечо, и я заметил, что кровь оттуда так и хлещет. Кажется, попал я прямиком в кровеносный сосуд и очень надеялся, что рана не позволит ему погнаться за мной. Рисковать не хотелось, да.

Так что проскакал я мимо Уивера, выстрелил в него разик для порядку и помчался прочь. Пленник мой безмолвно покачивался в такт движению лошади, словно большой окровавленный мешок дерьма.

А потом были три часа безумной скачки домой, в Лондон. Все вышло, как вышло, и добрался я до города, когда уже совсем стемнело. Хоть и не настолько, чтобы на меня не обращали на улицах внимания. Но вот чем прекрасен Лондон, пусть он во многом и говенный город,— есть у него такая чудесная особенность: здесь никто не удивится, если заметит, как ты везешь перекинутое через седло неподвижное тело. Здесь и без этого, должен вам доложить, хватает развлечений. Кричат на углах бабы, продающие устриц и креветок, кричат торговцы пирожками, кричат шлюхи и сутенеры. По узким улочкам носятся сломя голову всякие идиоты в экипажах, фермеры тащат на продажу свиней. На мостовых тут и там попадаются

кучи дерьма и лужи мочи, а возле лошадиных трупов пируют нищие. Небо над городом все в саже и копоти. Людишки, злые и напуганные, знай себе снуют туда-сюда. В общем, никому до меня не было дела, словно я и не человек вовсе, а муха навозная.

Хата моя находилась в районе Хокли-ин-зе-Хоул — надежное такое местечко. В этом лабиринте самопальных сооружений, у которых сроду не имелось адреса — да и улицы здесь были чисто условные,— никто не смог бы меня найти, если б я сам не показал дорогу. И хозяин у меня был что надо — видел, как я волоку этого черта Филлипа вверх по лестнице, но промолчал. Ну да я платил ему за молчание. Он даже помог мне затащить эту гниду в комнату, где мы и бросили его на пол. Я дал хозяину еще монету, чтоб наверняка ни о чем не тревожиться, и велел ступать прочь.

В квартире у меня было небогато, потому как здесь я не жил, только отдыхал. Жил я, понимаете ли, в тавернах да публичных домах с уличными красотками. Здесь же у меня имелась скромная кровать и кое-какая мебелишка, чтоб присесть и жратву поставить, когда я, бывало, здесь ел. И никаких глупостей вроде картинок на стенах, ковров на растрескавшихся досках пола или занавесей на рассохшихся окнах.

Еще пока мы ехали в Лондон, я заметил, что башка у Филлипа перестала кровоточить, а дыхание, сколько я мог судить, пришло в норму. От этого я враз повеселел. Зажег быстренько несколько ламп, чтоб лучше видеть. Потом взял ведро с водой, которой умывался утром, и окатил Филлипа. Тот сразу зашевелился, застонал, закашлялся и что-то зашипел. А потом и глаза открыл.

Тут я, значит, навел на него пистолет.

— Сядь,— говорю.

Он подчинился, потом дотронулся до головы рукой и тут же отдернул.

— Слышал я, ты можешь открыть сейф Домаля.

Филлип кивнул, но показалось мне, что от этого простого движения чуть не свалился обратно на пол. Похоже было на

то, что только благодаря чуду эта гнида пораненная сможет сегодня открыть мой сейф.

С некоторым усилием, поскольку устал как черт, я отодвинул от стены в сторону огромный и удивительно тяжелый стол и открыл потайной закуток, где хранились самые большие мои ценности. Среди них был и сейф. В общем-то, кроме него, там практически ничего и не было — в то время, видите ли, не густо у меня было с ценностями. По сравнению с сейфом, что лежал в моей сумке, этот был огромный — ну, как туловище взрослого мужчины в обхвате — и тяжелый. Только вот я не знал, он сам по себе такой тяжелый или из-за содержимого.

Значит, вытянул я сейф на центр комнаты прямо перед Филлипом. Он так неуверенно на него уставился.

— Открывай,— велю.

— Нет,— отзывается он на удивление ровным голосом.

Я тычу в него пушкой и повторяю:

— Открывай.

— От того, что убьешь меня, он не откроется.

Скотина, он еще и издеваться вздумал.

— Верно,— соглашаюсь,— но если я прострелю тебе коленку, ты можешь стать сговорчивее.

И тут этот гад делает такое, что ну никак не должен делать человек с пробитой башкой. Вскакивает, понимаете ли, на ноги и смотрит на меня этаким волком. И взгляд у него совершенно ясный, и держится он прямо и ничуть не шатается. Ну ладно, решил я, раны оказались не такие уж тяжелые и не такие серьезные.

Вот, значит, стоит он не дальше чем в десяти футах от меня. Но у меня-то в руке пистолет заряженный, с коим я мастак управляться. А ежели он угрозам не поверит, что ж, придется объяснить мерзавцу на доступном для него языке.

— Открывай, или пожалеешь, что на свет появился.

Улыбается мне эта гадина такой, знаете, улыбкой самоуверенной и — да, довольной. Он просто наслаждался ситуацией. И неслабо так наслаждался.

— А я не помню как,— заявляет.

— Тогда я напомню тебе,— отвечаю и стреляю ему прямо в колено.

Конечно, он должен был испытать такую боль, от которой и забудешь, как сейф открыть, и вообще перестанешь соображать. Но видите ли, я замечал, и не раз, одну штуку: когда человеку коленку прострелишь, он пойдет на что угодно, лишь бы то же не повторилось со второй.

Но как вы думаете, что я вижу сквозь рассеивающийся дым от выстрела? Вижу, что мерзавец, которому положено кататься по полу и визжать от боли, стоит себе как ни в чем не бывало. А я ведь не мог промахнуться с такого расстояния! Не мог, поймите! И следа от пули в полу — это если я все же промахнулся — тоже нет. Но ведь стоит этот чертов Филлип невредимый и, что характерно, даже не дернулся, когда я выстрелил.

И тут он так нахально произносит:

— У тебя патроны кончились, а вот у меня — нет.

С этими словами он достает из кармана внушительных размеров пушку, направляет мне в грудь и добавляет:

— Сядь.

И указывает на мой стул, большой и тяжелый.

Имейте в виду: я все четко соображал. Падать духом я не стал, но подчинился и сел, поскольку иного выбора просто не было. Мерзавец тем временем выудил из кармана длинную толстую веревку и скомандовал:

— Привязывай себя к стулу. И не помышляй о том, чтобы сжульничать. Я внимательно за тобой наблюдаю. Надо будет — так привяжу, что вовек не развяжут.

Мну я в руках веревку и говорю ему:

— Послушай, Филлип, у меня здесь чертова уйма денег. Чем ссориться, давай лучше попробуем найти, что называется, взаимопонимание.

Однако он молчит только, пока я привязываю себя крепко к стулу. Хотел я, конечно, не сильно затянуть узел, но гад глаз с меня не спускал. Посему оставалось мне надеяться, что он

не убьет меня хладнокровно, и строить планы, как купить себе свободу, пообещав ему много денег.

Когда я закончил с привязыванием, мерзавец посмотрел на меня, улыбнулся этакой дьявольской улыбкой и сообщил:

— Меня зовут вовсе не Филлип. Я так понял, ты не видел моего лица, когда ударил меня полтора года назад, вот и сегодня не узнал.

В комнате повисла гробовая тишина. Такая тишина случается в театре, когда на сцене происходит что-то грандиозное. Даже сброд в партере перестает галдеть и, захлопнув рты, глазеет на то таинство, что происходит на сцене. И вот в моей жизни, будь она неладна, настал именно такой момент. Когда сокрытые до того секреты вылезают наружу.

— Томас Лейн. Я думал, ты мертв.

— Нет, Томас не умер. Хотя я не Томас. Ты принял одного за другого, как мы и планировали. Я Бенджамин Уивер.

— Тогда тот, кого я вырубил...— начал я.

— Именно. Во время нашей последней встречи ты принял меня за Томаса Лейна. За голову Томаса была назначена приличная награда, и не одна, так что он решил: пусть лучше все поверят, будто ты убил его. Этот слух распространился повсюду. А для придания истории пущей достоверности, что было на руку Томасу, пустили еще один слух: будто я горю желанием отомстить тебе за убийство, которого на самом деле не было.

Когда я понял, как ловко меня провели, то зашипел от ярости.

— Но если я не убивал Лейна, зачем тогда ты хочешь отомстить?

Уивер снова улыбнулся.

— Это не месть, Фишер. Просто бизнес. Видишь ли, я нашел лучший способ заработать себе на кусок хлеба. Я больше не джентльмен с большой дороги. Я охотник на преступников. Владелец этого сейфа нанял меня вернуть собственность. Так как ты никому, даже ближайшим сообщникам, не рассказываешь, где прячешь свое добро, мне не оставалось ничего дру-

гого, как вынудить тебя лично притащить меня сюда. Это ограбление на дороге — часть моего плана. Я позволил тебе поверить, что ты управляешь мной, хотя на самом деле это я управлял тобой.

— Значит, ты все это время вел двойную игру! — возмутился я.— Безжалостный негодяй! Куда уж мне до тебя! Столько народу погибло, чтобы ты мог вернуть этот чертов ящик!

А он только рассмеялся.

— Никто не погиб, никто не ранен. Разве ты не удивился, что не попал в меня, хоть и стрелял с близкого расстояния? Просто твой приятель не зарядил пистолеты. Так что все эти выстрелы и не могли никому причинить вреда. А кровь была бутафорская. Мы надули тебя, Фишер.

И вот тогда-то помимо пороховой вони я ощутил и какой-то другой запах. Воняло вроде как протухшими яйцами. А еще испорченным мясом и гнилыми зубами. А потом... потом в комнату вошли бок о бок Бздунишка Дэн и Томас Лейн.

— Мне было известно, что сейф ты хранишь у себя на хате,— пояснил Дэн.— Но ты ж, типа, от всех скрывал, где живешь, и я, стало быть, не мог продать эти сведения. Правда, я знал, какой дорогой ты добираешься, и вот мы с Томасом поскакали вперед и дожидались тебя, чтоб потом тайком за тобой пойти. Ты так торопился домой, так был уверен в своей безопасности, что не заметил нас.

— Ты предал меня! — крикнул я Бздунишке Дэну.— Но почему?

— Из-за денег,— пожал тот плечами.

— Да, это причина,— согласился я.— И я не виню тебя за это.

— А теперь,— обратился Дэн к Уиверу,— забирай ящик и уматывай вместе с ним. Так мы условились, а ты, надеюсь, держишь слово.

Уивер кивнул.

— Я бы с удовольствием передал тебя, Фишер, в руки правосудия, но я дорожу своим словом. Полагаю, однако, у тебя хватит ума больше не попадаться мне на пути.

После этого, значит, подхватил он сейф и вместе со своим приятелем убрался из моей квартиры.

Мы сидели в полной тишине и слышали, как они топают по лестнице. Потом хлопнула входная дверь. Бздунишка Дэн подошел к окну и несколько минут пялился на улицу, а я, значит, следил за ним. Наконец он повернулся ко мне и спросил:

— Ну... веревки не очень жмут?

— Я сам завязывал,— отвечаю.

— Тебе так удобно?

— Закрой хайло и развяжи меня,— не выдержал я.— Получил последнюю плату?

Разрезал он веревки ножом и говорит:

— Еще десять гиней, как и было обещано.

Выпрямился я, потер затекшие руки и проворчал:

— Куча дерьма за двадцать гиней. Особенно если учесть, что содержимое этого гребаного ящика должно стоить в сотню раз больше.

— Ну, двадцать гиней лучше, чем ничего. А если б мы не смогли его вскрыть, нам бы вообще ни шиша не досталось. И смотри, никаких хлопот от этих денежек, не надо бояться виселицы, не надо иметь дело со скупщиками. По-моему, неплохо.

И, доложу я вам, он был прав. Этот Бздунишка Дэн был практичным парнем. И умным. Я бы в одиночку никогда не смог разработать такой план. Это все Дэн. Он всегда думал. И всегда пускал газы.

Грегг Гервиц

Будучи заместителем федерального маршала*, в обязанности которого входит транспортировка заключенных и поимка беглых преступников, главный герой ряда произведений Грегга Гервица, Тим Рэкли, каждый день по долгу службы оказывается либо в тюрьме, либо где-то неподалеку. «Обвинение в убийстве», первый роман, в котором появляется Рэкли, начинается с того, что главный герой узнает об убийстве своей семилетней дочери. Неспособность властей найти преступников приводит его в тайное общество, члены которого вершат правосудие в случаях, когда закон оказывается бессилен. В романе «Программа» Рэкли получает задание разыскать пропавшую дочь влиятельного голливудского продюсера. В ходе поисков он тайно проникает в секту, которая проводит смертельно опасные эксперименты

* Служба федеральных маршалов является подразделением Министерства юстиции США, и в ее задачи входит обеспечение деятельности федеральных судов, контроль за исполнением их приговоров и решений, розыск, арест и надзор за содержанием федеральных преступников, аукционная продажа конфискованного имущества, а также борьба с терроризмом и массовыми беспорядками.

по контролю над сознанием, и подвергается там ужасным испытаниям.

Следующий роман с участием Рэкли, «Специалист», начинается с того, что лидер преступной группировки байкеров совершает дерзкий побег, когда его перевозят из зала суда в тюрьму.

Определенно, центральный вопрос произведений о Тиме Рэкли — это вопрос о правомерности вигилантизма*, о соотношении справедливости и закона. И каждая книга по-своему отвечает на этот вопрос.

Собирая материал для романов о Рэкли, Гервиц часто посещал места лишения свободы, чтобы больше узнать о заключенных мужчинах и женщинах. Знакомство с этими людьми и вдохновило автора на создание рассказа «Ненастная погода».

---

* Вигилантизм — в широком смысле право граждан самим защищать себя и своих близких. Косвенно оно зафиксировано в Билле о правах: «Поскольку хорошо организованная милиция необходима для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться». Движение вигилантизма спонтанно возникло в 1851 году, когда под натиском чудовищного разгула преступности в Калифорнии добропорядочные граждане объединились и сформировали вооруженные дружины для самозащиты и утверждения «закона и порядка». Впоследствии эта традиция запечатлелась в массовом сознании, в основном в образе ку-клукс-клана.

Грегг Гервиц

НЕНАСТНАЯ ПОГОДА

Он был красив, но какой-то непристойной красотой: прямые волосы небрежно забраны за уши, мышцы бугрятся под белой рубашкой навыпуск, рукава закатаны так, что обнажают предплечья. Он тихо переступил порог «Пристанища Фрэнки» и проследовал в дальний конец бара. Сильный порыв ветра проник за ним в медленно закрывающуюся дверь. Покосившееся здание забегаловки торчало из сугроба на обочине шоссе, точно кто-то швырнул его сюда могучей рукой, да так и забыл. Внутри сильный запах опилок, густо устилавших пол, смешивался с ароматами пролитого спиртного и занесенной с улицы грязи.

«Пристанище» находилось здесь с того момента, как Фрэнки, служивший в тюрьме надзирателем, отправился на пенсию и решил организовать собственный бизнес: бар с бильярдом под красным сукном. Для своей цели он и купил эту халупу с ненадежной крышей. Заведение давало приют дальнобойщикам и вроде бы завязавшим, однако вновь пристрастившимся к бутылке пьяницам. Но особенно любили сюда заглядывать тюремные служащие. Дела у Фрэнки шли неплохо, хотя в это с трудом верилось, если судить по убогому виду забегаловки.

Зимой местность в округе была голой и унылой. Из серых сугробов торчали искривленные застывшие деревья. В этом вымороженном уголке штата Мичиган можно было обнаружить лишь несколько признаков того, что жизнь здесь еще

Copyright © 2006 by Gregg Hurwitz.

теплится: магазинчик спиртных напитков через дорогу, давно закрытая заправочная станция да идущая под гору гравийная дорога для фур. И наконец, за пустошами в десяти милях к северу находилось единственное во всей округе значимое заведение: мужское исправительное учреждение Аппер-Риджуэя. Оно возвышалось над белыми кедрами, словно сообщая всем и каждому: «Вот оно я, здесь!»

Закончив вытирать стакан, Лора снова переключила внимание на незнакомца у дальнего конца стойки. При ходьбе, как заметила Лора, он слегка прихрамывал, что вызвало ее любопытство. Кроме того, он не отрывал глаз от стойки, покрытой лакированным березовым шпоном, и не обращал внимания ни на ее грудь (самая привлекательная часть ее тела, если судить по числу взглядов, бросаемых на нее постоянными посетителями бара), ни на округлившуюся, но по-прежнему крепкую для тридцатишестилетней женщины задницу. Лицом Лора — и она это хорошо знала — также была недурна, однако вокруг глаз и рта уже собирались предательские морщинки. Шея тоже выдавала возраст, и с этим ничего нельзя было поделать. Лицо же незнакомца, напротив, дышало молодостью — Лора предположила, что мужчине нет еще и тридцати,— но было совсем бледным и казалось нездоровым. Наверное, он привык к более теплому климату.

В перерывах между маленькими неторопливыми глотками он вертел в руках бутылку с таким выражением лица, будто увидел пиво впервые в жизни. Подобное поведение было большой редкостью в «Пристанище Фрэнки». Типичным клиентом заведения был Рик Джейкобс, который сейчас горой навис над щупленьким Майроном. Бочкообразная грудь, теплая нижняя рубаха, борода — обычный воскресный гуляка, каких можно встретить в любом городке. После того как Рик вступил в байкерскую группировку «Корабли асфальта», он просил называть его Спайк*. Однако, несмотря на все его уси-

* Spike *(англ.)* — шип, костыль, гвоздь.

лия, прозвище не прижилось. Он любил отпустить пару-тройку расистских шуточек, вечно громко рыгал и не мог провести и сорока минут без бутылочки «Гленливета»*, чтобы его не начинала бить дрожь. По этой-то причине он и притащился в «Пристанище» в такую бурю, когда все нормальные люди оставались дома. Исключение составляли Лора, которая, будучи сиделкой для больного отца, согласилась бы разрыть снег голыми руками, лишь бы вдохнуть свежего воздуха, и Майрон — его, несомненно, заставил пойти с собой Рик. Хорошие такие деревенские парни Рик и Майрон, готовые в любой момент и пошутить, и в лоб дать.

Рик остановился перед камином и повернулся к нему задницей. Кирпичный камин, в котором стараниями Лоры постоянно горел огонь, был предметом гордости ее отца. Тот сложил камин собственными руками, о чем минимум раз в неделю напоминал дочери — дескать, вот он, результат мужского труда. При этом сам он не доверял всевозможным печкам и, даже когда лично стоял за стойкой, камином практически не занимался. Фрэнки был еще крепким мужчиной, несмотря на немалый возраст, с лицом, словно высеченным из скалы. Он до сих пор расхаживал по дому в свитере из шерсти шетландской овцы, купленном в 1967 году в Монреале во время посещения Всемирной выставки.

Перехватив очередной взгляд Лоры, незнакомец поманил ее пальцем. Она неспешно приблизилась, ведя рукой по стойке.

— Еще одну?

— Нет. Пожалуйста, пачку «Мальборо».

— Пить — здоровью вредить.— Лора толкнула в его сторону сигареты.— Отличный выбор. У тебя все сладится там.

Незнакомец ухмыльнулся и облокотился на стойку.

— Это так заметно?

Лора нагнулась, давая возможность насладиться восхитительным видом ложбинки между грудей — к ее удовлетворе-

* «Гленливет» — сорт элитного шотландского виски.

нию, незнакомец не стал пожирать глазами открывшиеся взору прелести,— и уставилась на торчащее из-за его ремня кольцо полицейской дубинки.

— Плюс ботинки от «Гэллз»*. Ты сам себя выдал. Я давно здесь работаю. И хоть ты и симпатяга,— от этих слов его улыбка стала шире,— вы все выглядите одинаково. Только поступил или тебя перевели?

Взгляд его голубых глаз сделался игривым.

— Как ты догадалась, что я здесь новенький?

— Просто раньше тебя не видела. Черт, наше заведение называется «Пристанище Фрэнки». О нас знают даже заключенные. Мы же на трассе находимся.— Лора выбросила в мусорный бачок засохший попкорн и сунула деревянную миску в шкаф.— Ну так я снова тебя спрашиваю, красавчик, ты только поступил или тебя перевели?

— Только поступил.— Он протянул мозолистую руку и представился: — Брайан Дайер.

— Лора Хиллман.

Она указала на висящую над зеркалом неоновую вывеску с пятнами ржавчины. Поскольку вот уже несколько лет вывеску не ремонтировали, сейчас она гласила: «Пр.с..нищ. .рэн.и».

— Я дочь Фрэнка. В таких делах я спец.— Лора резко откинула голову, так что волосы упали на глаза.— Не привык еще?

— С чего ты взяла?

— Ни куртки, ни дурацкого бордового галстука, ни серых брюк. Ты переоделся после смены в тюряге. Уж мне-то известно: там такие сквозняки, что запросто можно задубеть.— Лора слегка дотронулась до его локтя.— Но я понимаю: не так-то просто в этой жизни служить офицером в исправительном учреждении, можно и неприятностей огрести, поэтому ты предпочитаешь оставлять форму на службе.

---

* «Galls Inc.»— фирма, выпускающая различную продукцию, в том числе одежду и обувь, для нужд полиции.

Он снова улыбнулся, и Лора почувствовала, как внутри разлилось тепло. Уже очень давно она не ощущала себя так комфортно, не испытывала надежды. Хотя камин находился в добрых пятнадцати футах, на лбу Дайера повисла капелька пота. Лоре понравилось, что он так остро реагирует на жару.

— Что еще расскажешь? — спросил он.— Ты ведь явно сообразительнее меня. Существует ли «мистер Лора»?

Рик тем временем топтался поблизости у бильярдного стола и усердно натирал мелом кий. Майрон, пошатываясь, покинул забегаловку и побрел к дому, где его ожидал традиционный вечерний град упреков от сожительницы Кэти. Так что Рик остался в одиночестве и теперь тратил последние четвертаки, отрабатывая хитрые удары на бильярде. Когда с отцом Лоры приключился последний сердечный приступ, она стала работать в баре по уик-эндам, и Рик взял за правило околачиваться в «Пристанище» до закрытия.

На бильярдном столе с громким щелчком стукнулись друг о друга шары, и Рик сердечно поздравил себя с удачным ударом.

Лора наклонилась и понизила голос:

— Так получилось, что я вышла замуж не по любви, а ради поддержания семейной традиции. Я тогда только-только окончила школу, а «мистер Лора» как раз выпустился из академии. Ты ведь, наверное, знаешь, какие три вещи получаешь первым делом, когда становишься тюремным надзирателем.

— Машина, дубинка и развод,— ответил Брайан.

— Тем не менее мы сумели протянуть два года. Ну а с тех пор я одинокая девушка.

— Не такая уж и одинокая,— вмешался Рик.

Склонившись над бильярдным столом, он уставился на тринадцатый шар, который после удара с тремя отскоками не захотел залетать в угловую лузу.

— Спасибо тебе, Спайк,— поблагодарила Лора.

Рик что-то пробурчал и снова принялся натирать кий мелом.

— А что это за татуировка? — осведомилась Лора, приложив ладонь к уже изрядно выцветшему рисунку на предплечье Брайана.

Тот от неожиданности чуть отдернул руку. Кожа у него была теплая и мягкая, и от прикосновения к ней Лора испытала необъяснимый трепет.

Кий за ее спиной со стуком ударился о выцветший вельвет бильярдного стола.

— Заколебало все,— выругался Рик.

Затем звякнул колокольчик, в помещение на миг ворвался вой ветра, и входная дверь с шумом захлопнулась. Лора и Брайан остались одни.

— Так как насчет татуировки? — повторила она вопрос, проводя большим пальцем по талии наколотой женщины.

— Не помню, откуда она у меня.

— Хм, похоже на морские байки.

— Не совсем так.

Брайан отвел взгляд и крепче сжал губы. Лора почувствовала, что за его внешним спокойствием скрываются печаль и гнев.

— Это случилось во время восьмидневной пьянки...

— После чего? — тихим и чуть хрипловатым голосом уточнила Лора, уже опасаясь, как бы не пришлось раскаяться в излишнем любопытстве.

— Жена. Она была на третьем месяце. Пьяный водитель... Я любил ее еще со старших классов, и она стоила того. Мы были вместе уже четыре года, отношения стали ухудшаться, хотя я все равно любил ее. И мы решили завести ребенка, дети ведь сближают.— Брайан опрокинул в рот бутылку, но она оказалась пустой.— Вот такая грустная история. Как раз то, что надо для такого местечка.

Рука Лоры все еще оставалась на его предплечье, и теперь убирать ее казалось как-то неудобно. И потом, Лоре просто нравилось это единение, нравилось ощущать его кожу под ладо-

нью. Оба немного вспотели, их пот перемешался. Лора попыталась подобрать слова, которые не прозвучали бы в данной ситуации банально. Она подумала о неродившемся ребенке, о скрежете металла, о легкой хромоте Брайана.

— Как ты отошел от всего этого?

— А я отошел? — Дайер рассмеялся так, будто ему и в самом деле было весело.— Много времени я провел словно в тумане, а когда немного оклемался, то поступил в академию. После такой трагедии для человека возможны два пути, и грань между ними...— Он приблизил большой и указательный пальцы на расстояние в четверть дюйма.— Я надеялся, что строгий порядок поможет мне собраться, и я оказался прав. Вот и живу в соответствии со строгим порядком. Я работаю с парнями, которые паркуются у здания тюряги, но устанавливают на рули своих автомобилей противоугонные штыри. Один из этих парней — Коннер, знаешь такого?

— Конечно, я знаю Коннера.

— Так он приделал к контейнеру, в котором носит завтрак, петлю для маленького замочка. Вот так-то.

— Похоже, он нормальный малый.

— Это все чертова паранойя. Но вот что я скажу. Разрази меня гром, если мне не нравится моя служба. Все углы прямые. По сигналам можно выставлять часы. Уверен, однажды я махну куда-нибудь в теплые края. Но клянусь, мне всего этого будет не хватать. Это как... как броня.

— И ты нуждался в броне.

— Да,— согласился Брайан,— нуждался.

Лора вдруг обнаружила, что наклонилась к нему совсем близко — расстояние между их головами не превышало фута. Дайер говорил так тихо и спокойно, что ее буквально тянуло к нему. Было мгновение, когда Лора подумала: еще немного — и их губы встретятся. Его подавленное состояние было сопоставимо с ее собственным грузом разочарования. Единственный ребенок, выросший без матери посреди унылой, холодной равнины, она пыталась вырваться отсюда, пыталась

даже перебраться в Детройт, но потом случился ранний брак, быстро окончившийся разводом, и Лора осталась, чувствуя себя подстреленной уткой, завязшей в трясине. За минувшие двадцать лет она так и не нашла в себе силы что-то изменить.

Однажды она побывала во Флориде — вместе со Сью-Энн они посетили «Диснейуорлд». Но вот чтобы начать совершенно новую жизнь — нет, об этом не было и речи. Она безвылазно сидела в отцовском доме, исключая то недолгое время, что была замужем. Да и тогда она отдалилась от родного очага едва ли на десяток миль. Лет пятнадцать минуло с тех пор, да. Так она и проводила все эти годы: перешучивалась в баре с дальнобойщиками, нюхала кокаин с тюремными надзирателями и периодически, когда хотелось тепла и ласки, заваливалась с кем-то из них в постель. Как следствие такого неблагоразумного поведения — смешки украдкой в церкви и обвиняющие взгляды со стороны отца. На папу в последнее время вообще было страшно смотреть; подергивающаяся левая щека и белая пленка на губах вызывали у Лоры безотчетный ужас. Ее, конечно, очень уязвлял этот шепоток за спиной, предваряющий ее появление и несущийся следом, но она давно уже для себя решила, что будет всеми возможными способами находить средства к существованию — и плевать на мнение окружающих.

Впрочем, у Лоры имелись некоторые сбережения, уже несколько лет она откладывала деньги в надежде, что они, возможно, помогут ей убраться из Аппер-Риджуэя или, по крайней мере, из отчего дома. А может даже — правда, она боялась лишний раз подумать об этом,— у нее получится завести семью. Но как любил повторять отец, ее радар сломался. Лора видела в мужчинах только то, что хотела, а в последнее время иногда даже этого не видела.

Брайан оперся локтем на стойку и поднес руку к ее щеке (какая же у него теплая кожа!). Лора погрузила подбородок в его сложенную чашечкой ладонь, и в эту самую секунду их идиллию грубо нарушили. Дверь с грохотом распахнулась, в

помещение ворвался мужчина с пистолетом и заорал, так широко раскрывая рот, что на стойку полетели брызги слюны:

— Сейф! Здесь точно есть сейф! Открывайте его, на хрен, немедленно!

Лора отпрянула к стеклянным полкам; бутылка ликера «Трипл-сек» упала на пол, пару раз подпрыгнула и завертелась. Брайан, словно ничего не случилось, спокойно сидел на стуле и смотрел прямо перед собой, положив руки на стойку, чтобы налетчик мог их видеть. Такое хладнокровное поведение свидетельствовало об определенном опыте в подобных делах. Взгляд его был прикован к висящему на стене зеркалу, кажется, он следил за каждым движением неизвестного.

Одет налетчик был весьма своеобразно: несколько напяленных друг на друга футболок с длинными рукавами. Мокрые от снега и пота тонкие светлые волосы облепили череп. Дрожащей рукой он вытащил из кармана бежевый кубик размером с кредитку, по виду напоминающий пластилин, и уставился Лоре прямо в глаза.

— Давай пошевеливайся, сука.— Он ткнул стволом пистолета в плечо Брайана.— А ты встань возле...

Внезапно Брайан развернулся на стуле и ударил мужчину кулаком в живот. Тот сложился пополам, и одновременно раздался выстрел. Брайан застонал и качнулся вперед.

Шаркающей походкой налетчик направился к двери, хрипло крича:

— Черт возьми! Черт! Ты тупой идиот!

Звякнул колокольчик; в помещение ворвался ледяной ветер. Налетчик скрылся.

Лора посмотрела на Дайера. Тот, скрипя зубами, стащил с себя ботинок и швырнул в горящий камин. Затем с противным хлюпаньем стянул носок, весь пропитавшийся кровью, и отправил туда же.

Пуля попала во внешнюю сторону правой ступни в паре дюймов от мизинца. Лора, шокированная произошедшим, едва могла пошевелиться. На глазах у нее выступили слезы.

Приятный, успокаивающий запах дыма защекотал ноздри и еще сильнее затуманил зрение.

— Ты в порядке,— неуверенно, но в то же время и с некоторым облегчением пробормотала Лора.— Ты в порядке.

— Все хорошо. Так, слегка задело.

— Я перевяжу тебя и потом отвезу в больницу. У меня есть аптечка...

— Сначала запри дверь. И выгляни на стоянку, убедись, что он уехал.

Закрыв дверь, Лора отогнула уголок жалюзи на окне. Шоссе казалось еле различимой белой полосой. Пустую парковку окаймляли огромные сугробы, за которыми смутно виднелись заснеженные стволы елей. Лоре пришлось вплотную прижать лицо к стеклу, чтобы разглядеть белый «субару» на обочине дороги. Свет передних фар пытался пробиться сквозь снегопад. Несмотря на плохую видимость, Лора была уверена, что в автомобиле никого нет.

— Никого. Но у дороги стоит машина. С включенными фарами.

— Наверняка его. Здесь больше ни души. А пешком он далеко не уйдет.

— Может, он спрятался в ней. Или скрывается за деревьями.

— Позвони девять-один-один.

Вернувшись за стойку, Лора сняла трубку. Мертвая тишина.

— Он перерезал провод.

— Отлично. Значит, сейчас мы отрезаны от мира. У тебя есть оружие?

— Нет. Думаешь, этот парень вернется?

— По-моему, у него был с собой си-четыре*. Чтобы взорвать сейф.

---

* С-4 — распространенная в США разновидность пластичных взрывчатых веществ военного назначения на основе гексогена.

— Господи,— простонала Лора.— Си-четыре — это как показывают в боевиках?

— Я, конечно, его напугал, но он вполне может переждать в машине. Он понимает, что здесь мы в ловушке, к тому же я ранен. Более того, не надо забывать про буран — даже если бы телефон работал, полиция наверняка ехала бы долго. Надо сматываться.

— Но сперва я должна остановить кровотечение.

Лора доставала из шкафчика чашки и тарелки, наконец нашла аптечку и поспешила к Дайеру. Тот сидел, обхватив руками колени, и лицо его, на которое огонь в камине бросал оранжевые отблески, озаряла улыбка. Лора чувствовала, что он внимательно наблюдает за тем, как она обрабатывает рану. Казалось, на боль Брайан просто не обращал внимания. Лора плохо понимала, что делает, но тем не менее довольно профессионально перетянула жгутом ногу выше ступни, приложила к открытой ране несколько стерильных ватных подушечек и туго закрепила сверху эластичным бинтом.

— И часто здесь случается такое?

— В баре, который посещают тюремные офицеры? Ты, наверное, шутишь. Да если бы в обычный вечер сюда зашел какой-нибудь ненормальный, его бы моментально отметелили до потери сознания.

Закончив накладывать повязку, Лора легонько похлопала Брайана по голени. В его глазах отражался горящий в камине огонь, и ее неудержимо потянуло к своему новому знакомому. Она дотронулась до его лица и нежно провела пальцами по губам.

Лицо Дайера омрачилось, он нервно взглянул в окно.

— Давай поторапливаться.

— Пойдем. У меня там стоит «бранко»*.

С этими словами Лора помогла мужчине подняться.

---

* «Форд бранко» — автомобиль повышенной проходимости. Выпускался с 1966 по 1996 год.

Опираясь на стену, Дайер потихоньку ковылял к двери.

Вдруг Лора опустилась на колени возле музыкального автомата и свернула часть заляпанного ковра.

— Эй, что ты делаешь? — удивился он.

Она крутила колесико у вмонтированного в пол сейфа, пока внутри что-то не звякнуло. Затем поспешно вынула оттуда три тугие пачки стодолларовых купюр и рассовала по карманам.

— Здесь пятнадцать штук. Все мои сбережения. Если тот парень вернется, ему придется изрядно потрудиться, чтобы все здесь перерыть. Если, конечно, он не знает, где находится сейф.

— Пойдем. Быстрее!

Обняв Дайера за талию, она ударом ноги распахнула дверь черного хода, ежесекундно ожидая, что тот псих с пушкой сейчас выскочит на них из снежной мглы. Но глазам Лоры открылись лишь узкий проход, груда размокших картонных коробок из-под «Будвайзера» под навесом и ее «форд». Ветер едва не сбивал их с ног и швырял в лицо целые тучи снега, который проникал Лоре за воротник и за отвороты джинсов. Она усадила Брайана на пассажирское сиденье и быстро обежала джип, не сводя испуганного взгляда с белого «субару». Ее очень беспокоило, что машина налетчика так подозрительно неподвижна; передние фары смотрели сквозь снежную пелену, словно глаза мертвеца.

Брайан весь трясся, когда она села за руль и повернула ключ зажигания. Дав двигателю прогреться, Лора включила радио. Дон на волне KRZ крутил «The Highwaymen»; голос Криса Кристофферсона* был приятным, как хороший виски,— вот если бы еще не эти помехи. Наконец Лора выжала сцепление,

* «The Highwaymen» — группа в составе четырех популярных кантри-музыкантов: Джонни Кэша, Вэйлона Дженнингса, Вилли Нельсона и Криса Кристофферсона. Существовала с 1985 по 1995 год и выпустила за это время три альбома.

и «бранко» рванул вперед, преодолевая снежные заносы. Мимо промелькнул «субару»; сквозь стекла, успевшие покрыться ледяной коркой, на мгновение показался погруженный в темноту салон. И вот уже джип мчал по дороге к федеральной трассе. Лора озабоченно взглянула в зеркало заднего вида. Радио сначала зашипело, а потом и вовсе смолкло.

Однако ничего не происходило, белый «субару» по-прежнему не двигался. В зеркало заднего вида Лора наблюдала, как он постепенно растворяется в белой мгле. Сердце ее бешено стучало.

Вдруг впереди показались едва различимые сквозь снежную пелену два ряда мигающих красных огней. Притормозив у деревянных козел, перегородивших въезд на мостик, Лора с трудом опустила стекло. Возле козел стояли четверо помощников шерифа.

Не успела она ничего спросить, как в приоткрытое окно просунул голову Эрл и, пытаясь перекричать ветер, сообщил:

— Мы недавно узнали, что в тюрьме произошел побег. Мигель погиб, мерзавец проломил ему голову. Это пока вся информация. И еще мы получили приказ перекрыть дороги.

— В «Пристанище» только что пытался вломиться какой-то парень. Его машина все еще там. Наверняка и он крутится где-то поблизости.— Лора потерла лоб дрожащей рукой.— О боже! Мигель... Я только вчера видела его возле гаража. Он как раз ставил новый радиатор на машину своей...— Глаза ее наполнились слезами.— Летиции уже сказали?

— Редеющие светлые волосы,— внезапно подал голос Брайан.— Рост пять-восемь, возможно, пять-девять. Худой.

Эрл посмотрел на пассажирское сиденье, и брови его поползли вверх.

— А это кто?

— Брайан Дайер. Офицер из «большого дома». Тот человек ранил его, когда он пытался меня защитить. Я везу его в больницу.

— Ладно. Конечно, не буду задерживать. Мы разберемся с «Пристанищем».

Прищурившись, Эрл взглянул в ту сторону, откуда приехала Лора. Фары «субару» были еле видны в сплошной белой мгле.

— Эта, что ли, машина? — Эрл повернулся к товарищам.— Давайте двигать, ребята.

Напоследок он стукнул кулаком в перчатке по капоту «форда». Миновав пост, Лора надавила на газ.

За мостиком дорога поворачивала на юг и, плавно изгибаясь, выводила в конце концов на федеральную трассу.

Радиоприемник громко трещал, но периодически из динамиков прорывался искаженный помехами голос диджея.

— ...дерзкий побег из тюрьмы... на восточном дворе найден обнаженный и замерзший Мигель Геррера...

Прямо перед выездом на шоссе лежало поваленное дерево, полностью перекрывая дорогу. Брайан вскрикнул, и Лора резко ударила по тормозам, так что «форд» повело юзом. Остановиться они успели; торчащая ветка со скрипом процарапала правую переднюю дверь. Лора с шумом выдохнула. Брайан рассмеялся. Впереди на шоссе виднелась глубокая колея, ее пересекали следы — возможно, какой-то озябший работяга подходил к краю моста, чтобы взглянуть вниз на канализационные трубы.

— Сейчас объедем,— пообещала Лора.

Брайан нагнулся и стукнул кулаком по прикуривателю. Другая его рука лежала на подголовнике водительского сиденья, и теперь Дайер обхватил пальцами шею Лоры. Его ладонь была такой теплой — он держал ее над вентиляторной решеткой на приборной панели. Вот пальцы поползли дальше, нежно коснулись ее щеки, подбородка. Лора почувствовала, как от прикосновения Брайана расслабились мышцы шеи, все тело обмякло.

Из приемника сквозь треск помех снова пробился голос диджея:

— ...записали камеры слежения... беглецы использовали стартовый пистолет... один из них был ранен в ногу, когда переби...

Лора замерла и устремила взгляд на поваленное дерево. Расщепившейся древесины не наблюдалось (как было бы, если бы дерево повалило ветром), зато имелись следы от топора. Кусочки мозаики начали складываться. «Субару», принадлежащий жене Мигеля. Пустая парковка перед «Пристанищем» — не мог же Дайер прийти пешком. Его хромота. Форменная рубашка и ремень с кольцом полицейской дубинки. Бледное лицо — он уже был ранен. Капельки пота на лбу — ну конечно, ему было больно. И снятый с Мигеля ботинок, который он швырнул в огонь — иначе она бы обнаружила, что в нем нет пулевого отверстия.

Рука Брайана ласкала ее лицо. Дрожа всем телом, она повернула голову на своего спутника и оцепенела — на нее смотрел совсем другой человек. В стекла стучала метель; ветка с противным скрежетом царапалась в дверь. И тут, словно она попала прямиком в фильм ужасов, над стволом дерева показалась чрезвычайно бледная рука.

Брайан сжал шею Лоры и нанес мощный удар в челюсть. Голова ее со звоном ударилась о стекло, женщина медленно сползла с кресла и привалилась к двери. Порывшись в ее карманах, Брайан достал три пачки банкнот, помял немного пышную грудь, потом распахнул водительскую дверь и пинком здоровой ноги вышвырнул Лору на улицу.

Притопывая ногами и потирая руки, Тедди спрыгнул со ствола упавшего дерева. На жиденьких клочках светлых волос и на ресницах, окаймлявших налитые кровью глаза, налип снег. Он переступил через лежащую без движения Лору, забрался в «форд» и побыстрее захлопнул за собой дверь, но все же успел запустить в салон изрядную порцию холодного воздуха. Брайан вытащил из кармана пачку «Мальборо», выщелкнул сигарету и, зажав ее между двумя пальцами, протянул приятелю. Тедди взял сигарету и сунул ее между дрожащих губ. Из кармана он выудил кубик бежевого цвета, аккуратно слепленный из жевательной резинки, и бросил его на заднее сиденье. Затем врубил печку на максимум и, сотряса-

ясь крупной дрожью, положил побелевшие руки на вентиляторную решетку.

Выскочил из гнезда прикуриватель. Тедди схватил его и, наклонившись вперед, принялся вдыхать теплый воздух.

Брайан сложил руку пистолетиком и направил указательный палец на юг.

— Вперед, к солнцу!

Тедди осторожно объехал по засыпанной рыхлым снегом обочине поваленное дерево и вырулил на шоссе. Снег белой простыней укрывал неподвижное тело Лоры, предавая его забвению, по крайней мере, до весны.

Дэвид Дан

Современные технологии и связанные с ними беды с одной стороны и мистицизм коренного населения Северной Америки с другой — две эти силы сталкиваются в дебютном романе Дэвида Дана, остросюжетном триллере «Необходимое зло» («Necessary Evil»). Ученые против людей, призывающих повернуться лицом к природе,— кто возьмет верх? Главный герой Кир Уинтрипп, борец за спасение дикой природы, вынужден противостоять могущественной и безжалостной корпорации, которая в ходе разработки новых лекарств занялась клонированием людей.

Кир родом из племени тилоков. Тилоки фигурируют в большинстве произведений Дана. Племя это выдуманное, однако автор основывался на действительных фактах и событиях из жизни, фольклора, мифов и религии коренного населения Северной Америки. Одним из столпов культуры тилоков является врачеватель Талт — он и психолог, и политический лидер, и судья. Он настоящий знаток леса и лесной жизни. С культом Талта тесно связаны так называемые Призрачные Следопыты. Эти люди появляются лишь раз в столетие, и узнать их можно по мудрости, какую они проявляют в отношении людей и природы.

Кир — первый и, наверное, самый яркий представитель племени тилоков, описанный Даном. Охотник, прекрасно разбирающийся в лесе, наставник, обучающий молодых искусству любить и понимать природу, плюс ко всему дипломированный доктор ветеринарной медицины. Будучи ученым, Кир пытается найти ответы на мучающие его вопросы в мире науки, но, как правило, путь к ответам лежит в другой плоскости.

Перед вами история о том, как Кир Уинтрипп стал Призрачным Следопытом.

Дэвид Дан

ПРИЗРАЧНЫЙ СЛЕДОПЫТ

Старики говорили, что это дух человека, которого в детстве никто не любил, скитается по глухим горным лесам. Но Кир Уинтрипп не верил в духов, ведущих себя как психопаты.

Он собирал чернику под вековыми хвойными деревьями возле своей хижины, когда появились Матти и Джек Микс. Донельзя любопытная парочка. Она — старая женщина из племени, и он — бывший агент ФБР. Подойдя к Киру, Матти с материнской любовью сжала его запястья, и он ощутил, как напряжено хрупкое тело. Микс почтительно держался на расстоянии нескольких шагов.

— Мой внук Джейк отправился вместе с Кармен в горы, в пещеры,— сообщила Матти.— Они вышли три дня назад до рассвета и собирались вернуться домой вечером того же дня.— Матти внимательно разглядывала свои ноги.— Есть еще кое-что.

Кир молча ждал продолжения.

— Джейк собирался на скалы, те, что над пещерами.

— Под Мировой горой? В священное место?

— Это запрещено. Я знаю.

— И они должны были вернуться в тот же день?

— Да,— кивнула Матти.— На следующий день у меня был день рождения. Джейк никогда бы не пропустил день рождения бабушки.

«Не пропустил бы»,— мысленно согласился Кир.

— Так ты пойдешь их искать? — спросила Матти; в ее голосе сквозило отчаяние.— Всем известно, что ты потомок по-

Copyright © 2006 by David Dun.

следнего Призрачного Следопыта. Он в тебе. Ты сможешь найти их.

Его дед действительно был Призрачным Следопытом, одним из тех загадочных и почитаемых всем племенем людей, которые рождаются раз в сто лет. Они являются проводниками Талта, дают племени мудрые советы, общаются с духами и читают в сердцах людей. Кир прекрасно знал лес и обучал молодежь его секретам. Но он был обычным человеком — наполовину англичанин, наполовину тилок — и опытным ветеринаром, не чуждым науке, и какая-то часть его всегда искала рациональные объяснения.

— Ты пойдешь их искать? — срывающимся голосом повторила Матти.— Пожалуйста.

— Пойду,— отозвался Кир.— Неважно, Призрачный я Следопыт или нет.

— Это там, где духи. Енот уверял, что видел духа. В белых одеждах, точно постиранные простыни. Джейк и Кармен думали, что Енот, возможно, будет там с духами. Потому и отправились туда.

До Кира долетали слухи о духах и об убийстве. Фантастические истории, которые со временем обросли ворохом невероятных подробностей.

Микс, казалось, с нетерпением ждал, когда Матти уйдет, но старуха не торопилась. Они поднялись на крыльцо, и Кир пригласил мужчину и женщину присесть. Кира мучило любопытство: что же нужно Миксу? В последнее время слишком уж часто он ошивался повсюду. Оказавшись под крышей, экс-агент снял соломенную шляпу, под которой обнаружились коротко постриженные каштановые волосы, удачно сочетающиеся с аккуратными усиками. Уволившись из Бюро, Микс перебрался в эти края, открыл продуктовую лавку и занялся любительской фотографией дикой природы, хотя с местными жителями, избегающими чужаков, так и не поладил. Микс с радостью оставил большой город ради деревенской жизни, так же как и Джесси, жена Кира, тоже бывший агент ФБР.

— Мне звонили друзья из Бюро,— начал Микс.— Я рекомендовал им обратиться за помощью к тебе. Ты лучший охотник в округе.

От Кира не укрылся истинный смысл слов экс-агента.

— ФБР ищет не Джейка с Кармен. И не духов.

— Ты прав,— подтвердил Микс.— Они хотят пообщаться с Енотом. Мне звонили буквально вчера. Год назад в округе Лассен пропала парочка. Девчонку так и не нашли, а парня обнаружили хорошо прожаренным, точно бифштекс. А отец парня — сенатор штата. Потом бесследно, точно корова языком слизала, исчезла парочка из Гумбольдта. В газетах появились статьи о серийном убийце.

— Это не имеет никакого отношения к Еноту.

— Да всякое бывает. Что ты можешь рассказать о нем?

— Мы зовем его Кава-Ве-Ма. Добрый человек в большом теле.

Он вспомнил Енота, каким видел его в последний раз — в кожаной куртке-пилоте поверх оленьей шкуры. Его настоящее имя было Джозия Морган. Сирота-полукровка, усыновленный племенем. Прозвище пошло от пятна цвета портвейна на лице, что придавало ему сходство с мордой енота.

— Следы, обнаруженные шерифом, да и другие улики очень подозрительны,— заметил Микс.— Енот, случается, пропадает на несколько дней.

— Ты тоже сутками пропадаешь в лесу со своей фотографией.

— Но я возвращаюсь. Разговариваю с людьми. Управляюсь с лавкой.

— Енот разговаривает с лесом,— возразил Кир.— Люди не понимают его и потому боятся. Нам с тобой не дано видеть чудо в каждом распускающемся цветке. А он весь поглощен чудесами природы и просто не способен никому причинить зло.

— Но если он ни в чем не виноват, почему ты отказываешься его найти? — поинтересовался Микс.

— Потому что не хочу.

Матти взглянула на Кира и сообщила:

— Енот рассказал Кармен, что в скалах над пещерами есть хижина, где обитает дух. Это прямо над Горным Оком.

Кармен была дочерью Енота, и тот, по сведениям Кира, ее просто боготворил. Так что Кир поверил старухе.

Микс достал пакетик нечищеных фисташек и предложил собеседникам. Те взяли себе по горсточке.

— Хижину наверняка видно на снимках с воздуха,— предположил экс-агент.

Кир покачал головой.

— Она может находиться в пещере или лощине, так что ее не увидишь. И поскольку это место священное, туда никто не ходит. Даже скалолазы не забираются.

— К кому, по-твоему, Енот действительно небезразличен? — спросил Микс.

— Интересная формулировка для бывшего бюрократа,— улыбнулся Кир.— Ты будто вернулся к своей профессии. Как повторял мой дед: разница между человеком добрым и злым в том, кого он любит. Не уверен, что Енот любит еще кого-то кроме Кармен. Но все же мое мнение: он не убийца.

Микс задавал и другие вопросы, однако Кир понял, что начал повторяться в ответах, а это ему вовсе не нравилось. Наконец он заявил:

— Я думал, ты полностью разочаровался в ФБР. Ты обвинял их, что они не защищают страну так, как должны. Одиннадцатое сентября, сибирская язва и все прочее.

— Ну, я действительно много чем недоволен в этой организации. Но по-моему, если речь идет о каком-то психе, никто не должен оставаться в стороне.

Кир закивал, словно все понял.

Он поцеловал на прощание Джесси и детей, торопливо сжал их в объятиях и, получив обычное напутствие «будь осторожен», отправился в лес. Три часа спустя он уже внимательно изучал следы Джейка и Кармен, которые поведали ему целую

историю. По расположению двух цепочек следов Кир сделал вывод, что молодых людей связывают только дружеские отношения и ничего больше. Но особенно его заинтересовал третий след, перекрывающий первые два. Его оставил крупный *мужчина в хорошей физической форме. Судя по гладкой по*дошве и закругленному носку, человек носил самодельные кожаные ботинки. Не многие из племени тилоков имели такие. А если еще принять во внимание размер следов, глубину и равномерно большое расстояние между ними, получалось, что оставить их мог только Енот. Больше таких крупных мужчин, кроме, пожалуй, самого Кира, в племени не было.

От стонущего в ветвях ветра на душе следопыта было неспокойно. Он шел и гадал: может, он ощущает присутствие иной жизни, как ощущал и его дед?

Кир перебирал в уме различные объяснения занимавшей его загадки, и ему становилось все тревожнее. Над ним возвышались каменные стены Железной горы с ее пещерами и Горным Оком — дырой в скале. Он медленно обернулся на триста шестьдесят градусов, и все пять чувств мигом обострились. Внимание его привлек некий предмет явно искусственного происхождения, клочок ткани на земле, едва видимый за деревьями.

Сделав глубокий вдох, Кир уловил странный мясной запах, что-то вроде жаркого в котелке.

Волоски на руке встали дыбом.

Замерев, он весь обратился в слух. Затем огляделся, сделал несколько осторожных шагов и снова замер. Полчаса спустя, продвигаясь мелкими шажками и периодически надолго останавливаясь, Кир сделал вывод, что впереди его никто не подстерегает. Однако чутье, доставшееся от деда, буквально кричало, что что-то не так. Кир не понимал, в чем дело. Наконец, преодолев внутреннее сопротивление, он ступил на территорию бивака.

И первое, что он увидел, были обугленные останки Джейка.

Кир не сдержался и застонал. С большим трудом ему удалось прогнать упорно лезущие в голову мысли о том, сколь

мучительными были последние минуты жизни несчастного парня. Он попытался отыскать следы Кармен, воображая, какой ужас ей довелось испытать. Внутри нарастал гнев, превращаясь в хорошо знакомую решимость дойти до конца.

Уинтрипп внимательно исследовал очаг с останками Джейка. Судя по толщине слоя пепла, тело горело часов пять. Вероятно, убийца какое-то время наблюдал за молодыми людьми, смакуя предстоящее развлечение. Это навело Кира на мысль, что нужно найти наблюдательный пост убийцы.

Отойдя от кострища, он осмотрелся и довольно скоро обнаружил место, где тот скрывался,— возле ручья. Здесь же стояла прислоненная к дереву удочка, судя по всему принадлежавшая Джейку. Кир впился взглядом в следы на земле, местами нечеткие, но все же различимые. Если бы он не видел подобные следы и в лагере, то мог бы подумать, что ожидавший здесь человек приплясывал от нетерпения. Не будь Кир столь опытным следопытом, он бы посчитал, что это два человека, оба крупные, оставили похожие следы.

Енот был здесь.

И все же Кир знал, что Енот не убийца.

Он тщательно изучил землю вокруг наблюдательного поста.

Внимание его привлекло что-то маленькое и белое. Кир склонился, чтобы лучше разглядеть находку. Маленькая чешуйка. Нет. Кусочек чего-то. Не совсем так. Нечто большее.

Кусочек фисташки.

Внезапная догадка поразила словно громом. Джек Микс.

Кир быстро прокрутил в голове возможные варианты. Отпечаток подобного размера легко мог принадлежать Миксу — его вес вполне это позволял. Но чтобы сделать такую цепочку следов, экс-агент должен был шагать шире обычного, имитируя поступь Енота.

Что же это может означать?

Вернувшись в лагерь, Кир занялся поиском следов борьбы или места, где могла находиться связанная Кармен. Но усилия не увенчались успехом. У основания скалы ему удалось найти кровавые брызги. Футах в пятидесяти выше на

каменной поверхности обнаружилось кровавое пятно. Кир понял, как все случилось. Джек свалился со скалы, а потом его поджарили на огне. Точно как того мальчишку в округе Лассен.

Но зачем?

С целью что-то скрыть.

Унаследованная от деда способность не давала Киру покоя: он ощущал рядом еще одну жизнь. Однако его второе «я», ученое, тут же напомнило, что суеверия ни к чему не приводят. Он медленно обошел лагерь кругом в поисках следов, ведущих из лагеря. На земле в дальнем углу бивака лежал порыжевший листок бумаги. Кир нагнулся и поднял его; выяснилось, что это карта. Под ней был полароидный снимок женщины лет тридцати пяти.

Джесси.

Его жена.

Любой убийца, увидев ее очаровательную улыбку, говорящую о врожденной доброте, сразу почувствовал бы желание расправиться с этой женщиной. На Кира внезапно нахлынул страх. Смысл послания был кристально ясен. Убийца знал, что Уинтрипп доберется до лагеря, и нанес удар по самому уязвимому месту.

Не обращать внимания!

Сунув фотографию в карман, Кир переключился на карту. На ней был нанесен участок поблизости от реки Уинтун, крестик отмечал местоположение его собственной хижины. Кир вздрогнул и призадумался. Слишком очевидно.

Уголком глаза он зафиксировал какую-то вспышку.

Движение.

Он пристально вгляделся в листву.

Там кто-то был.

Следопыт нырнул в кустарник, но вдруг мощный удар сбоку швырнул его на землю. Игла чудовищной боли пронзила левую руку и отдалась в позвоночник. Кир едва не задыхался, боль, казалось, разрывала тело на части. Слева, возле самого подбородка, торчал кончик арбалетной стрелы. Она про-

ткнула снизу вверх трапециевидную мышцу между плечом и шеей и вышла наружу прямо над ключицей.

Кир как мог поспешил выбраться из зарослей — он, извиваясь, полз на одном боку, пытаясь сохранять пронзенное плечо в максимальной неподвижности. Но все равно каждое движение вызывало непереносимую боль. Наконец ему удалось уползти в лес, подальше от поляны и лагеря.

Еще несколько стрел прорезали листву.

Вытащив из брюк кожаный ремень, Кир обмотал им правое запястье, соорудив что-то вроде чехла.

Он взялся защищенной таким способом рукой за острые как бритва грани наконечника, зажмурился и с силой дернул вверх. Оперенная стрела с противным звуком высвободилась из плоти. Несколько минут Кир просто лежал, стараясь не потерять сознание и борясь с подступающей к горлу тошнотой, пока к нему не вернулась способность соображать. Из заплечной сумки он достал стерильную марлю и, свернув в несколько слоев, приложил к ранам.

Кровотечение прекратилось. Хвала Великому Духу!

Успокоившись, Кир вынул из сумки маленький пистолет «ругер» двадцать второго калибра и тихонько отполз на два десятка футов.

Убийца был здесь.

Кир затаился и стал ждать.

Но никто не появился.

Обливаясь потом и морщась от боли, Кир наконец выбрался из кустов и обнаружил, что из лагеря ведут две цепочки следов. Одни большого размера, нечеткие, другие поменьше, принадлежащие Кармен. У вторых следов носок глубже впечатался в землю — вероятно, убийца тащил девушку. Однако шла она ровно, большими шагами, не спотыкалась и не оступалась. На крутом склоне следы были видны особенно четко. Убийца тянул ее за собой в горы.

Рана от стрелы сковывала движения, и вскоре Кир оставил надежду настигнуть преступника и его жертву. Он заметил,

что, напрягая мышцы спины, создает что-то вроде естественной шины, которая удерживает раненую руку в неподвижности. Но тут случилась новая напасть: мышцы начало сводить судорогой, и Кир вынужден был перейти на медленный, неуклюжий шаг.

Тропа впереди расширилась.

Он попытался сосредоточить внимание на следах, но тропинка завертелась перед глазами — следствие большой потери крови. Он несколько раз моргнул, собрался с силами и снова посмотрел на следы. Кармен и ее похититель шли теперь бок о бок.

Кажется, она добровольно сопровождала убийцу. Следы большого размера уже не пересекались со следами девушки, а потому стали более отчетливыми и действительно оказались огромными. Как у Енота. Однако временами они делались размытыми или поверх них оказывалась другая цепочка следов.

Как там говорил дед?

«Нашими глазами управляет мозг. Нам нужно и то и другое. Однако и зрение, и мозг могут нас обмануть, поэтому на них нельзя всецело полагаться. Иногда мы должны узнавать не думая и не глядя».

Сознание Кира сопротивлялось этой мысли.

«Знать — значит понимать».

Хотелось бы поспорить со стариком, ушедшим в страну мертвых, но, увы, это невозможно.

Кир старательно игнорировал болевые ощущения. Что же сбивает его с толку? Что ему необходимо узнать?

Двое мужчин, один след.

Но возможно, второй ходил здесь на день, а то и на два позже.

Озадаченный Кир двинулся дальше.

От развилки из следов Енота отрастала третья цепочка следов, при этом первые две оказались нетронутыми. Кир с трудом удержался на ногах, борясь с потрясением.

Следы убийцы были точь-в-точь как его собственные.

И они были самыми свежими из всех.

Что все это значит?

Он чувствовал себя словно в кошмаре наяву. Ботинки Енота и его были очень похожи — и та и другая обувь выполнена в традиционном тилокском стиле. Большого размера, как и те, которые оставили следы в лагере. Очевидно, здесь был Енот, а после, видимо, кто-то другой в точно таких же ботинках. Если убийца смог сделать следы как у Енота, он вполне мог сыграть эту шутку и с Киром.

Енот был здесь. Но был также и Микс.

Около двухсот футов Кир шел по следам, чрезвычайно напоминавшим его собственные, пока не наткнулся на русло пересохшего ручья. Вдоль русла лежал самый короткий путь до его хижины, расположенной в двух тысячах футов внизу... и до Джесси. Если убийца выбрал эту дорогу, она приведет его к водопадам и отвесному спуску с предательскими тропками. Кир начал осторожно спускаться по каменистому руслу сквозь густые кусты, оглядываясь по сторонам в поисках следов. Его мутило от потери крови, мышцы скручивало судорогой.

Он остановился и попытался собраться с мыслями.

«Иногда мы должны узнавать не думая и не глядя».

Что-то не давало Киру покоя. Дедовские суеверия словно манили его в священное место.

«Если человек станет слушать такой вздор, он не сможет и носки утром надеть».

Думать необходимо. Только глупцы верят во все подряд не задумываясь.

Джейк решил остаться в одиночестве. Порыбачить? Нет. Он упал со скалы. Или же его скинули. Тогда что означает удочка? Отвлекающий маневр? Убийца подталкивает нас к выводу, будто парень ловил рыбу. Зачем? Чтобы отвлечь наше внимание от чего-то другого.

Пытка огнем была инсценировкой.

Огонь был уже после смерти Джейка.

Теперь и карта, и фотография Джесси однозначно казались приманкой. «Человека определяет то, что и кого он любит». Слова деда громом отдавались в голове.

Внезапно Кир буквально кожей ощутил близкую опасность и крепче сжал в руке пистолет.

«Ты же следопыт. Пусть земля тебе все расскажет».

И тут он увидел.

Тонкий слой белого порошка на низких кустиках в русле ручья прямо по курсу. Справа и слева — ничего. Только впереди. Кир обернулся в поисках порошка позади — тоже ничего.

По горам эхом прокатился собачий лай.

Вскарабкавшись на берег ручья, он затаился в ожидании под низко нависшими ветвями. Взгляд его упал на песчаную землю: следы, точь-в-точь как его собственные, но ведущие вверх по склону, а не вниз к хижине, где Джесси возилась с детьми. Кир смотрел не отрываясь и не верил собственным глазам. Если бы он продолжил движение по следу убийцы или же бросился бегом к хижине спасать Джесси, то точно прошел бы через россыпь белого порошка.

С той стороны, откуда явился Кир, приближались собаки, огромные, рвущиеся с поводков бладхаунды.

Он замер и даже перестал дышать.

Вслед за собаками показались люди в автономных костюмах биологической защиты с дыхательными фильтрами на лицах. Псы яростно рвались вперед; облаченные в белое мужчины с трудом их удерживали. Возле рассыпанного порошка бладхаунды залаяли и завиляли хвостами. Казалось, им нет никакого дела до запаха Кира или убийцы.

Кир повернулся и возобновил свое восхождение. Голос деда посоветовал ему убираться из лагеря и идти в пещеры. Если бы он действовал сугубо логично, то оказался бы в опасности.

Тем не менее Киру по-прежнему хотелось поспорить со стариком.

Перед ним раскинулась сеть высокогорных пещер, на камнях которых невозможно было прочитать ни единого следа. Там, в лабиринте длиною во много миль, пряталось Озеро Предков. Сорок минут потребовалось Киру, чтобы добраться до Горного Ока — отверстия в скале, из которого открывался захватывающий вид на бесконечные дикие нагромождения Мраморных гор. Узкий уступ вел из отверстия наружу, и только храбрецы осмеливались встать на него.

Выход из пещер, о котором упоминала старая Матти, находился выше на несколько сотен футов. Там, в священном месте, прилепилась к каменной стене небольшая хижина. В ней обитал Джек Микс. Наиболее удобный путь к ней пролегал через пещеры. Кир включил маленький карманный фонарик и шагнул под каменные своды.

Все тело его содрогалось в лихорадке, он едва держался на ногах. Продолжать движение по круто бегущей вверх узкой тропе было равносильно самоубийству. Он вспомнил о деде. Стройный, как тростинка; глаза, от которых ничего не укроется. Как бы он поступил? Кир чувствовал, что силы покинули его, оставалась одна только воля, да и та ослабевала с каждой минутой.

«Я еще могу вернуться домой и попытаться все выяснить».

Перед глазами отчетливо возник дед, стоящий у пещерного озера.

«Однажды тебе придется решить: хочешь ли ты остаться с тилоками? Ты прекрасно сможешь жить в мире белых людей».

«Но я уже решил».

«Нет. Ты решишь, когда придет время».

Тут Кир увидел небольшой туннель, расположенный под углом в сорок пять градусов. Он снял сумку и освободился от куртки, насквозь пропитавшейся кровью. Затем ухватился за узкие края и осторожно полез в отверстие. Тело от бедра до затылка пронзили судороги; он беззвучно застонал от боли, плотно прижался спиной к скале и ощутил, как проникающий сквозь рубашку холод немного облегчил страдания.

Собравшись с духом, он отправился дальше. Клаустрофобия крепко стиснула его в своих объятиях. Продвигался Кир еле-еле: по паре дюймов за шаг. Широкие плечи постоянно задевали за стенки туннеля.

Три минуты, которые он, изогнувшись немыслимым образом, пробирался через самый узкий участок, показались Киру вечностью — боль была нестерпимой. Впрочем, и дальше проход был ненамного шире.

Наконец он добрался до конца туннеля и увидел свет. Солнечные лучи освещали древние наскальные рисунки тилоков. Один из них был знаком Киру. Охотник в короне в виде оленьих рогов.

Знак Призрачного Следопыта.

Остался только уступ. Кир сделал глубокий вдох и, не глядя, взялся за край. И ощутил чудовищную боль в пальцах правой руки. Прямо над ним возвышался человек в перчатках и в маске с выпуклыми фильтрами. В руках он держал нацеленный вниз арбалет.

— Не думал, что кто-то явится сюда через туннель. Джейку позавчера это не удалось.— Голос Микса через маску казался далеким и приглушенным; экс-агент покачал головой.— То, что ты забрался сюда,— чистое безумие, но, может, оно и к лучшему. Вообще-то сейчас тебя должны были арестовывать в твоей хижине. Я рассказал агентам, как ты пытался меня убить, когда я раскрыл твои махинации с порошком сибирской язвы.

Кир боролся одновременно с болью в пальцах и в трапециевидной мышце. Рана от стрелы разошлась, и по его спине потекла струйка свежей крови. Он собрался уже высвободить пальцы и схватиться с противником, но тут кинул взгляд на корону из оленьих рогов и понял, что дед на его месте повременил бы с решительными действиями.

Чертов старик!

— Я говорил им, что каждого мужчину, женщину и ребенка в стране необходимо вакцинировать от сибирской язвы,—

продолжал Микс, не убирая нацеленный на Кира арбалет.— Даже человек вроде меня, без специального образования, легко может вырастить у себя в подвале культуру сибирской язвы. Я предупреждал их, что это по плечу кому угодно. Арабы, евреи, черные, белые. А они считали меня сумасшедшим. Потом я изготовил порошок сибирской язвы и отправил по почте в Конгресс и в газеты. Однако в Бюро по-прежнему не обращали на меня внимания. О, они допрашивали меня насчет терроризма. Допрашивали с пристрастием. Но мне известны все их секреты. Я пообещал им, что найду настоящего производителя сибирской язвы. И вот я нашел его.

Микс сильнее надавил на пальцы Кира, ломая ему кости. Кир весь, с головы до ног, покрылся холодным потом и прохрипел:

— Зачем было убивать мальчишку?

— Давай не будем разводить сопли.

— Это началось... когда? Та парочка год назад...

— Я вынужден был их прикончить. Они вломились в мою хижину, где хранился порошок. Они бы так и так умерли. Достаточно чуть вдохнуть и...— Микс провел рукой по горлу.— Уже год, как я выбрал тебя на роль злодея. А два дня назад появился Джейк и ускорил реализацию моих планов.

— Мы радушно приняли тебя...— возмущенно начал Кир.

— Джейк увидел хижину. Гордо заявил, что это священное место. Я хотел просто скинуть его со скалы, однако змееныш оказался живучим. Пришлось добить его из арбалета. Но тело нельзя было так оставлять. Тогда я вспомнил о том парне из Лассена. В Бюро верят, что ты и есть террорист, распространяющий сибирскую язву. А если еще убедить их, что именно ты убил Джейка...

Кир изо всех сил сражался с болью, молясь, чтобы мышцы вновь обрели силу.

— Им позарез нужно схватить террориста с сибирской язвой, вот я тебя и представлю.— Микс довольно захихикал.—

Сурвивалист-изменник*. Мятежный индеец. И ты можешь посещать священное место. Призрачный Следопыт.— Он рассмеялся и махнул рукой.— Хижина стоит вон там. Я подделал твои следы. Они проходят прямо здесь. Не заметил возле своего домика? В Бюро меня обучили таким штучкам и много чему еще. Забавно, правда?

— Племя никогда этому не поверит.

— В подвале в твоем летнем домике спрятан порошок. А пройдя по моему следу, ты подцепил его. Если б ты не увидел меня тогда в лагере, я бы просто оставил тебя в кутузке подыхать от сибирской язвы.

Но Кир-то знал, что немного не дошел до смертоносного порошка. Даже сквозь боль, застилающую мозг, он понял теперь, как все случилось. Енот выследил Джейка и Кармен до лагеря и забрал дочь с собой. Микс убил Джейка, а позже спустился в лагерь со скалы.

— Джесси,— с трудом выдавил Кир.

— ФБР сейчас получает ордер на обыск в подвале твоей хижины, если уже не получило.

— Лассен? — спросил Кир, хотя думать сейчас мог только о своей семье.

— Зачем было убивать какую-то парочку любовников в Лассене? Да, лишь привлек ненужное внимание копов. Но надо было заткнуть этого сенатора. Он много болтал. Из Енота выйдет отличный серийный убийца. История о серийном убийце Еноте и распространителе сибирской язвы Кире. Возможно, я напишу книгу.— Микс умолк и направил стрелу арбалета в основание шеи Кира.— Пора кончать с тобой. Меня еще ждут дела. Кармен с Енотом шастают где-то поблизости.

— Нажива? — выдохнул Кир.— Все ради этого?

— Отчисления с продажи книги. Некоторая доля акций в фармацевтической компании, производящей вакцину. Но

* Сурвивализм — наука о выживании в трудных и опасных условиях; также сурвивализм можно отнести к экстремальному виду спорта.

не это главное. Я хочу защитить страну, раз наши лидеры этого не делают.

Кир уже не мог говорить. Страх за семью буквально парализовал его. Он закрыл глаза, и воспоминания о Джесси и детях вытеснили из сознания всю боль. Потом перед мысленным взором предстало лицо деда, и Кир почувствовал, как к нему возвращаются силы.

Сделав глубокий вдох, он резко выдернул искалеченную руку из-под ботинка Микса. Но не успел ничего предпринять, поскольку в нескольких футах над головой раздался яростный вопль.

На Микса всей своей массивной тушей налетел Енот.

Пальцами левой руки Кир молниеносно обхватил лодыжку свихнувшегося экс-агента и дернул его вниз.

Микс нажал на спусковой крючок арбалета, и Кир услышал резкий звук выпущенной стрелы. А затем увидел брызги крови, когда стрела пронзила шею Енота.

Упав, Микс ударился о разрисованную каменную стену, и они вместе с Киром закатились в туннель. Здоровой рукой индеец взялся за маску и сорвал ее. Затем усилием воли сконцентрировал энергию в большом пальце поврежденной руки и со всего размаха воткнул его в глаз Микса, пронзая роговицу и слезный мениск до самого мозга. Экс-агент тяжело застонал и прижал обе руки к раненому глазу. Тело его забилось в агонии.

Возле Енота возникла Кармен. Рыдая, она попыталась остановить хлещущую из раны отца кровь.

— Нет, папочка. Нет! — всхлипывала она.

Енот взял дочь за руку, понимая, что все кончено.

— Останься с нами,— сказал другу Кир.

Целый глаз Микса закатился и замер, тело перестало дергаться. Он был мертв. Кир подполз ближе к Еноту и посмотрел в глаза человеку, который спас ему жизнь.

— Эта стрела предназначалась мне.

— Призрачный Следопыт,— выдохнул Енот, беря Кира за руку.— Кармен.

Енот последний раз тяжело вздохнул, его грудь опустилась и больше уже не поднималась. Кир наблюдал, как дух вылетает из тела друга, и даже поднял руку, пытаясь удержать его.

Слов не было. Одна только боль.

— Отец ушел,— прошептала Кармен.— Когда мы поднялись на уступ, он увидел, что ты в опасности. Даже попрощаться не успели.

Мысленно Кир усомнился, мог ли Енот откуда-нибудь его увидеть.

Кармен молчала, неотрывно глядя на отца. Кир тоже молчал. Наконец девушка спросила:

— Почему ты еще не Призрачный Следопыт?

— Я уже решил,— ответил Кир.— Я стал им.

И закрыл глаза.

У зеркальной глади озера сидел его дед и смотрел прямо перед собой. Старик покивал и улыбнулся.

Дениз Хэмилтон

Сегодня, к великому удовольствию своей семьи, Дениз Хэмилтон проводит все время дома, в Лос-Анджелесе, за сочинением криминальных романов о Еве Дайамонд. Но так было не всегда. До того как заняться литературной деятельностью, Хэмилтон была штатным корреспондентом «Лос-Анджелес таймс» и моталась по всему свету; ее перу принадлежат репортажи из Азии, Восточной Европы, с Балкан и с территории бывшего СССР.

В 1993 году Хэмилтон получила грант по программе Фулбрайта* и отправилась преподавать основы журналистики в Македонию. В то время вовсю бушевала война в Боснии, и Хэмилтон четко понимала, что, если вооруженный конфликт перекинется и на территорию Македонии, ей придется в одночасье переквалифицироваться из преподавателя колледжа в военного корреспондента. К счастью, в стране все происходило мирным путем, и Хэмилтон имела возможность много путешествовать по южным Балканам. Во время этих поездок она по-настоящему влюбилась в небольшой по численности, но замечательный албанский народ, который только-только просыпался после пятидесяти лет изоляции от всего мира. Как Хэмилтон описывает в представленном ниже рассказе, тогда существовало всего несколько

---

* Программа Фулбрайта – программа образовательных грантов, основанная американским сенатором Дж. У. Фулбрайтом и финансируемая Госдепартаментом США. Предоставляет гранты как американским, так и зарубежным ученым и исследователям.

путей, по которым можно было попасть в Албанию или же выбраться из нее. Ей удалось доехать до Тираны автостопом вместе с албанскими журналистами, которых Хэмилтон повстречала на конференции на красивейшем Охридском озере, расположенном на албано-македонской границе.

Поездка получилась спонтанной; у Дениз имелось при себе всего две сотни долларов да смена белья в рюкзаке. Но, будучи по своей природе склонной к разного рода авантюрам, она не раздумывая согласилась отправиться в незнакомую страну. Прибыв уже вечером в центр Тираны, Хэмилтон сразу стала названивать своим американским коллегам по программе Фулбрайта, преподающим в Албании, в надежде отыскать кого-нибудь, кто бы приютил ее и предоставил свободную койку. Дениз повезло: еще до наступления темноты она нашла соотечественника, который пригласил ее поужинать во французский ресторан, единственный тогда в албанской столице. Там они познакомились с владельцем ресторана, симпатичным и образованным албанцем.

Он сообщил, что часто бывает по делам в Скопье, и даже предложил отвезти туда Хэмилтон на собственном «мерседесе». Но поскольку у Дениз были иные планы, она отказалась. И лишь много лет спустя она узнала в подробностях историю жизни этого человека. В рассказе «В два счета» Хэмилтон упоминает многие факты его биографии. Она приглашает читателя в увлекательное и волнующее путешествие по Балканам, повествуя о местах, людях, обычаях, с которыми западный человек практически не знаком.

Это рассказ женщины, которой довелось увидеть все своими глазами.

Дениз Хэмилтон

В ДВА СЧЕТА

Джейн выглянула в окно с пассажирского сиденья и сказала себе, что все прекрасно. Башким уверенно вел «мерседес» по шоссе со скоростью сто километров в час. В салоне было душно. Снаружи проносились невозделанные поля и зеленые домишки, смотрящие на дорогу слепыми глазницами разбитых окон. Женщина в черной одежде поднималась вслед за стадом коз по склону усыпанного каменными обломками холма и на ходу пряла пряжу на веретене. Джейн пришло в голову, что в этом краю может произойти что угодно — и никто ни о чем не узнает. Ветер разорвет на клочки ее одежду, а дождь выбелит кости, и, когда придет весна, козы будут мирно щипать травку возле ее останков.

«Ну хватит»,— одернула себя Джейн. Она ведь здравомыслящая девушка, а не одна из тех нервических особ, которые в два счета падают в обморок при любой оказии. Лучше заново пережить волнующие мгновения вчерашнего вечера.

Они с Полом сидели в своем любимом ресторанчике Тираны и спорили. Пол категорически не желал помочь ей: использовать свои дипломатические каналы для переправки Джейн через границу в бывшую югославскую республику Македонию. В тамошней столице проходила конференция по балканской литературе, и Джейн мечтала на ней присутствовать.

— Подумаешь, проблема! — негодовала она.— Ваш посольский курьер по два раза в неделю мотается из Тираны в Скопье.

Copyright © 2006 by Denise Hamilton.

Но Пол вдруг целиком погрузился в созерцание фотографий на стенах с изображением Эйфелевой башни, Триумфальной арки и Французских Альп. В колонках рыдала о любви и предательстве Эдит Пиаф. Из кухни непрерывно выносили все новые порции омлета и салата нисуаз. Ресторанчик, этот маленький уголок Парижа, служил для Пола и Джейн убежищем, где можно было скрыться от хаоса, царящего снаружи. Хаоса, который назывался Албания. Но сейчас и в самом убежище от него было не спрятаться.

— Я не могу пустить гражданское лицо на этот маршрут. Он предназначен исключительно для посольских дел,— произнес наконец Пол.

«С каких это пор я стала просто гражданским лицом?» — рассердилась про себя Джейн, припоминая другие, более страстные слова, которые он нашептывал ей в те три недели, что они провели вместе. Пол был мелкой сошкой в американском посольстве, она — преподавателем по программе Фулбрайта. Они встретились на вечере в посольстве в первую неделю ее пребывания в Тиране, выпили слишком много албанского мерло и с тех пор уже не расставались. Правда, порой Джейн казалось, что их связь основана на одном: они оба чужие в чужой стране.

— И как, по-твоему, мне туда добираться? Автостопом? Вариантов-то совсем не много.

Вариантов было действительно не много, поскольку идиоты коммунисты, правившие Албанией без малого пятьдесят лет, разорвали все железнодорожное сообщение и заперли на замок границу из опасения, что Югославия, Америка и НАТО планируют напасть на их нищую, отсталую страну. Даже спустя годы после смерти Энвера Ходжи попасть в Албанию или же выехать из нее было серьезной проблемой. В стране не было поездов или междугородных автобусов. Самолеты летали только в Западную Европу, так что до Скопье пришлось бы добираться в два раза дольше. Дорога на такси обошлась

бы дешевле, но у студентки Джейн не имелось и ста пятидесяти долларов лишних.

— Прошу меня простить,— раздался тихий мелодичный голос.— Я вовсе не собирался подслушивать, но вы здесь говорили... возможно, я могу быть вам полезен.

Перед ними стоял владелец ресторана по имени Башким, элегантный, в итальянском костюме, и почтительно протягивал руку. Много лет он проработал в парижских ресторанах и вернулся на родину, чтобы познакомить соотечественников с великолепием французской кухни. Вот только средний албанец не мог себе позволить даже порции картошки фри. Однако у обладающих толстыми кошельками представителей разномастных неправительственных организаций и дипломатов заведение моментально стало популярным.

Странный огонек вспыхнул и тут же погас в глазах Пола. Он кинул на хозяина задумчивый взгляд и спросил:

— Правда?

Тот скромно улыбнулся, поклонился Джейн и пояснил:

— Завтра мне нужно ехать в Скопье по делам. Я бы почел за честь, если бы вы согласились составить мне компанию. Места у меня в машине предостаточно.

— Не уверен, что это хорошая идея,— медленно процедил Пол.

Но Джейн заметила стоящий во дворе ярко-синий «мерседес» и уже мысленно воображала приятную поездку и оживленную беседу, в то время как за окном будут мелькать сначала деревни и села, а затем безлюдные горные ущелья. Башким обладал утонченными манерами, владел пятью языками и был докой в светских отношениях. Его жена, прекрасная зеленоглазая албанка, вела бухгалтерию, а их маленькая дочка, нарядная девочка в платьицах с оборками, целыми днями играла во дворе с куклами. Джейн не сомневалась, что все в этой семье счастливы и любят друг друга. Башким, в отличие от многих местных донжуанов с голодными глазами, никогда на нее не заглядывался. Она видела, как к нему относятся ино-

странные посетители ресторана, и понимала, что с ней ничего не случится. Кроме того, ее согласие положит конец мутному спору и ее устойчивым подозрениям, что Пол не особенно хочет ради нее подергать за ниточки в посольстве.

Почувствовав внезапное желание самоутвердиться, Джейн твердо заявила:

— Зато я уверена. Я еду.

Пол в притворном ужасе вскинул руки и подмигнул Башкиму.

— Ах, эти западные женщины! Привыкли все решать сами.

Джейн лягнула его под столом, однако позже вечером они завалились в постель с привычным неистовством, и страсть разгорелась только сильнее ввиду ее скорого отъезда. После любовных утех Пол сунул ей в рюкзак свой мобильник и настоял на том, чтобы она не расставалась с телефоном до самого Скопье, а оттуда позвонила и сообщила, как добралась. Джейн была тронута такой заботой.

Рано утром она покинула квартиру Пола. На улицах пахло сырой землей и нечистотами. Страшненькие цыганята, скорчившись на брошенных на землю картонках, просили милостыню у прохожих. Домохозяйки, перегнувшись через перила балконов, с яростными красными лицами выбивали ковры. На четвертом этаже одного из домов негодующе мычала корова. Поначалу Джейн никак не могла взять в толк, что домашняя скотина делает в городских квартирах, но вскоре ей разъяснили, что ни машину, ни корову оставлять в Тиране на ночь ни в коем случае нельзя.

Когда она подошла, Башким закидывал на заднее сиденье чемодан. «Мерседес», казалось, припал к земле, будто был нагружен тяжелой поклажей. Впрочем, Джейн посчитала это маловероятным — из Албании почти ничего не вывозилось. Не считая людей.

Она стояла под ярким адриатическим солнышком, а Башким внимательно ее рассматривал: туристические ботинки,

джинсы «Ливайс», жилетка с шерстяной подкладкой, накинутая поверх красной водолазки с начесом. От этого взгляда девушке стало неуютно. У нее вдруг возникло нехорошее опасение. Что, если она все же ошиблась в Башкиме? Но тут албанец улыбнулся хорошо знакомой улыбкой, и сомнения Джейн мигом улетучились.

— Готовы?

Кивнув, она села в машину.

На окраине Тираны многоквартирные дома постепенно уступили место унылым лачугам, те, в свою очередь, сменились сельскохозяйственными угодьями. Джейн и Башким все болтали об албанской литературе и культуре, а затем перешли к проблемам современности.

— То, чем вы занимаетесь здесь, чудесно,— восхитилась Джейн.— У вас столько возможностей.

— Во Франции возможностей было больше,— заметил Башким,— жаль, мне не удалось там остаться.

— Но Запад такой бесплодный. Все помешаны на деньгах, на карьере. Семья на самом деле важнее всего, а там она ничего не значит.

— Думаете, здесь люди не помешаны на деньгах?

Башким прибавил газу. Какое-то время они молчали. «Мерседес» пробивался через вереницу запряженных ослами повозок и тракторов. Они проезжали так близко, что при желании Джейн могла бы вытащить соломинку, застрявшую в волосах фермера. Прогромыхал, обгоняя «мерседес», грузовик защитного цвета еще советского производства; на его борту красовалась надпись большими буквами: «СТАЛИН». Стоявшие в кузове молодые албанцы громко вопили и улюлюкали. Впрочем, остальные водители, не претендуя на лидерство, выстроились следом за Башкимом.

Он вставил в щель проигрывателя компакт-диск, и из динамиков полились звуки симфонии Моцарта. Джейн наслаждалась музыкой и витающим в воздухе ароматом одеколона своего спутника.

— Правда, мне очень повезло, что вам понадобилось на этой неделе в Скопье,— промолвила она, пытаясь вернуть разговору прежнюю непринужденность.— Вы часто туда ездите?

— По необходимости,— улыбнулся Башким краешком губ.

Джейн внимательно разглядывала его. Он был блондином с голубыми глазами. Это удивляло ее. Он вполне мог бы сойти за спортсмена-серфингиста из ее родного колледжа. Из нарисованной в воображении картины выбивались только бледная кожа и выражение какой-то обреченности на лице. Джейн смотрела на его профиль на фоне безрадостного ландшафта и полуразрушенных каменных строений и вдруг поняла, что вот она — квинтэссенция Балкан.

— Вы покупаете в Скопье продукты для ресторана? — спросила она.

Последовала пауза. Наконец Башким вздохнул и произнес:

— Вы слишком любопытны.

— Просто интересно,— пожала плечами Джейн.

— Иногда лучше не проявлять излишний интерес,— ответил Башким.

Тут Джейн вновь посетило непонятное ощущение: давление внутри головы и какое-то покалывание в области затылка. Долгое время она молча изучала однообразный ландшафт за окном, где глазу было не за что зацепиться.

— Смотрите! — Башким как ни в чем не бывало указал рукой на взгромоздившуюся на вершине холма крепость, хотя Джейн уловила в его голосе неискренность.— Это замок Скандербега, нашего национального героя. Он служил в янычарах, командовал большим отрядом. В тысяча пятьсот шестьдесят девятом году* он восстал и повел албанский народ на борьбу с Оттоманской империей. Врагам не удалось его одолеть.

---

* Настоящие годы жизни Скандербега (он же Георг Кастриоти) — 1405–1468.

У поворота появилась толпа оборванных мальчишек; перед открытыми ртами они держали сжатые кулаки.

— Они голодные,— догадалась Джейн и полезла в свой рюкзак в поисках орехов и сушеных фруктов.

Однако Башким только сильнее надавил на акселератор.

— Они уже привыкли попрошайничать,— бросил он.— Работники, раздающие гуманитарную помощь, кидают им сладости, и они дерутся из-за них, словно собаки.

Девушка вдруг почувствовала резкую антипатию к своему попутчику. Когда Башким свернул на шоссе в Эльбасан, город, главной «достопримечательностью» которого была огромная фабрика, выбрасывающая в небо клубы черного дыма, в Джейн зашевелились и стали подниматься ростки беспокойства.

— Почему мы свернули?

— Нужно передать другу лекарство,— равнодушно объяснил Башким и прибавил извиняющимся тоном: — У него мать болеет.

Вдруг перед машиной появилось стадо овец, водитель резко затормозил, и в этот момент что-то выскользнуло из-под сиденья Джейн и ударило ее по пятке. Она опустила глаза и увидела дуло автомата. Башким тоже заметил его, быстро нагнулся между ног девушки и схватил оружие. При этом провел рукой по внутренней поверхности ее бедра. Выпрямившись, он засунул автомат под собственное кресло и пробормотал:

— Прошу прощения.

Джейн изо всех сил вцепилась в кожаные подлокотники. Ладони ее повлажнели от выступившего пота. Очень хотелось закричать. Показалось или рука ресторатора действительно задержалась на ее бедре? И что, если бы автомат вдруг выстрелил?

Башким похлопал ее по плечу, и девушка подскочила от неожиданности.

— Это для нашей же безопасности,— объяснил он.— На всякий случай.

Она попыталась унять отчаянное сердцебиение, убедить себя, что в случившемся нет ничего особенного. В конце концов, в этих краях до сих пор полно грабителей. Что до остального, наверное, это просто результат его неловкости.

Башким вырулил на подъездную дорожку и направил машину к распахнутым воротам. Тревога Джейн достигла крайней точки. Почему он заранее не предупредил об остановке? А если это какая-то хитрость? Ловушка? Машина тем временем приближалась к воротам. Джейн даже порывалась открыть дверь и выпрыгнуть наружу. Но что потом? На улицах полным-полно праздношатающихся молодых людей самого бандитского вида. И она останется совсем одна, почти без денег, не имея ни единого шанса вернуться. До нее доходили слухи о том, что бывает с женщинами, которые после наступления темноты оказываются одни на улице, особенно в провинции. За спиной клацнули закрывающиеся ворота, и рядом с машиной тут же возникли трое мужчин с ястребиными профилями.

«Так значит, это случится здесь»,— отрешенно подумала Джейн и вслух произнесла:

— Я подожду в машине.

— Вам лучше воспользоваться удобствами,— твердым голосом ответил Башким.— Другой возможности не будет.

Тут дверь в дом распахнулась, и на пороге появилась полная дама. Джейн едва не вскрикнула от облегчения, когда Башким достал упаковку таблеток и протянул женщине. Та, двигаясь вперевалку, обошла машину, открыла дверцу со стороны пассажира и, взяв Джейн за руку, потащила к дому. От женщины исходил тяжелый запах пота пополам с жареным луком и чем-то еще, напоминающим забродившее вино. Джейн оглянулась и увидела, что мужчины столпились у багажника «мерседеса».

В доме она провела около полутора часов, в течение которых полная женщина потчевала ее чаем, оранжадом, домашним печеньем и ракией — крепким, дерущим горло виноград-

ным бренди. Когда они вновь вышли на улицу, Джейн обратила внимание, что машина заметно приподнялась над землей на рессорах. Мужчины смотрели на груду коробок, и на мгновение девушке показалось, что на солнце блеснуло что-то металлическое. Тут перед ней встал Башким, загораживая обзор, и сказал, что им пора двигаться дальше. От крепкой ракии, к тому же выпитой на пустой желудок, Джейн развезло. Она говорила себе, что должна сохранять бдительность, но не смогла противиться навалившейся дремоте. Откинувшись на спинку сиденья, она заснула. И проснулась через час с неприятным ощущением в желудке и противным привкусом во рту.

Их путь лежал через горы, занимающие большую часть территории Албании и оставляющие пригодной для возделывания лишь малую толику земли. Высокие, крутые вершины с обеих сторон подступали к дороге. Прямо впереди над глубокой пропастью висел мост. Пока «мерседес» переезжал на противоположный берег, Джейн смотрела вниз на белую шипящую воду. Она припомнила слова Пола, что мост находится недалеко от границы, значит, дальше дорога некоторое время будет идти вдоль берега Охридского озера — спокойного глубокого водного массива, служащего естественной границей между Македонией и Албанией. Преодолев мост, Башким резко свернул — дорога здесь с одной стороны обрывалась в глубокую пропасть, причем никакого ограждения Джейн не заметила. В сотнях ярдов внизу она увидела ржавеющие остовы автомобилей, которым не удалось удержаться на шоссе. Рот внезапно наполнился слюной, и Джейн почувствовала, что ее вот-вот стошнит.

Когда они оказались на прямом участке, впереди замаячила авария; мужчина на дороге размахивал привязанной к палке белой рубашкой. Башким выругался и сбросил скорость. Но когда они приблизились, Джейн поняла, что это никакая не авария. Два армейских грузовика перегородили путь, и солдатик с прыщавым лицом махал им винтовкой, веля остано-

виться на обочине. Башким напряженно уставился на дорогу. «Мерседес» рванулся вперед, и Джейн уже решила, что ресторатор намеревается вдавить педаль газа в пол и прорваться через заслон.

Буквально в последнюю секунду он все же ударил по тормозам. Следующие за ним машины резко вильнули в кювет и, подняв тучу пыли, проскочили мимо дорожного поста. «Любопытно,— подумала Джейн,— организуют ли военные преследование?» Но те, кажется, не проявили никакого интереса.

Отдавая команды на албанском и держа голову Башкима на прицеле, к машине подошел солдат. Колени у ресторатора дрожали, однако голос оставался спокойным. Джейн уловила слова «Amerikane» и «Skopje». Появились еще несколько военных и велели выйти из машины. Джейн всю трясло от страха, она еле могла пошевелить враз одеревеневшими мышцами. Она слышала истории об албанских бандитах, устраивающих на дорогах засады и грабящих западных путешественников. Преступники отбирали все: и машины, и одежду, и даже обувь, оставляя своих жертв в одном исподнем. В прежние годы до границы следовали только колонны мощных грузовиков, не делая остановок. Может, предложить солдатам денег?

Она вытащила мобильник и собралась позвонить Полу в американское посольство. «Помоги мне,— скажет она ему.— Нас остановили на дороге албанские солдаты, и я подозреваю, что у нас проблемы. Теперь ты, возможно, пожалеешь, что не отправил меня через границу с курьером!»

Солдаты столпились вокруг Башкима, толкали его и выкрикивали вопросы. На Джейн никто не обращал внимания. Она отступила немного назад. По-прежнему никакой реакции. Тогда она обогнула один грузовик, двинулась вдоль брезентового борта к другому... и замерла, не веря своим глазам.

В кабине, сгорбившись над ноутбуком, сидел Пол. Еще один парень из посольства с короткой стрижкой — она запомнила его по вечеринке в Тиране — привалился к двери и со-

средоточенно смотрел на экран ноутбука. К уху он прижимал мобильный телефон. Джейн удалось подавить инстинктивное желание броситься с рыданиями в объятия Пола. Вместо этого она начала быстро прокручивать в голове различные объяснения происходящему. Что ее любовник делает на этом безлюдном горном перевале да еще в компании большого отряда албанских военных? Почему он не сообщил, что отправляется сюда? И почему, в конце концов, не предложил подвезти? Лезущие в голову ответы совсем не понравились Джейн, она хотела уже нырнуть обратно в тень грузовика, но было поздно.

Словно почувствовав ее присутствие, Пол поднял глаза.

— Джейн. О господи! Что ты здесь делаешь?

Как будто ее появление стало для него большим сюрпризом. Мысленно Джейн вернулась к недавнему спору в ресторане. Тогда Пол громогласно заявил, что не позволит ей ехать в Македонию вместе с посольским курьером. И ведь он восторжествовал в душе, когда Башким предложил свои услуги — теперь Джейн отчетливо это поняла.

— Ты все спланировал,— обвинила она любовника.— Ты подстроил ему ловушку.

— Глупости какие,— возмутился Пол, но его голос был таким же неискренним, как и взгляд.

Он посмотрел через плечо Джейн и злорадно ухмыльнулся. Она обернулась и увидела, что солдаты выгружают коробки из багажника «мерседеса». Автомат под сиденьем они уже нашли. На обочине дороги, распластавшись на земле, лежал Башким. Один из солдат, проходя мимо, пнул его ногой, и он сдавленно вскрикнул.

— А ну, прекрати, придурок! — вмешался товарищ Пола.— Мы еще должны его допросить.

Чертыхнувшись, Пол выпрыгнул из кабины грузовика и поспешил к солдату. И внезапно глазам Джейн предстал совсем другой человек, так не похожий на того, которого она зна-

ла. Манера держать себя, даже тенорок голоса — все изменилось. Теперь это был облеченный властью, уверенный в себе мужчина, от которого ощутимо исходила сила. Бедняга солдат весь съежился, когда Пол принялся громко бранить его на безупречном на слух албанском.

Джейн просто не верила своим ушам. Ведь Пол убеждал ее, что совершенно не способен к языкам. Но вот он подошел к ней и заговорил:

— Прости, Джейн. Тебе ни одну минуту не угрожала опасность. Мы постоянно следили за тобой при помощи GPS.— Он энергично кивнул на мобильник, который девушка продолжала бессильно сжимать в руке.— Телефон привел нас прямо на хвост врага.

Понимание того, что случилось, стопудовой тяжестью обрушилось на Джейн, она ощутила себя разбитой на тысячу осколков. Хорошенькая западная женщина, она стала обычной приманкой. Ее просто все использовали. В этот самый миг в ней что-то оборвалось. Но — удивительное дело! — по некотором размышлении она обнаружила, что в этой истории кроется некая пугающая красота, кроме того, можно попробовать обратить ситуацию себе на пользу.

— Что Башким натворил? — осведомилась она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Наш приятель — один из крупнейших контрабандистов в Тиране. Помнишь беспорядки в стране, когда разгромили оружейный склад? Он продавал автоматы «Аль-Каеде» в обмен на героин из Афганистана. Мы уже несколько месяцев за ним наблюдаем.

— Мы? С каких это пор сотрудники посольства выслеживают контрабандистов?

— Посольство работает в тесном контакте с Интерполом.

— Пол, ты ведь не простой атташе?

Он провел руками по волосам, отвернулся и ничего не сказал. Да все и так было очевидно.

Джейн словно окунулась в другую реальность; еще немного — и она просто сойдет с ума. Однако ей совершенно необходимо было получить ответ на один вопрос.

— Ты все это спланировал? Я имею в виду, с самого начала? Потому что я думала... мне казалось...

Она покачала головой, на глаза навернулись слезы. Ее просто использовали, а она, идиотка, поверила.

Лицо Пола омрачилось.

— Я вовсе не хотел...— начал он, облизнув губы.

Но закончить не успел.

С востока по шоссе, рыча двигателями, неслись две машины. Застрочили автоматы. Джейн бросилась на землю, но успела про себя отметить, что машины ей знакомы — вроде именно они проскочили через дорожный пост сразу за «мерседесом». А не они ли ехали за ними от самой Тираны? Вокруг грохотали выстрелы. Обхватив голову, Джейн на животе заползла под ближайший грузовик, каждую секунду ожидая, что вот сейчас ее подстрелят и все разом кончится. Наконец ей удалось забраться под шасси; она лежала, свернувшись калачиком, и вслушивалась в крики, выстрелы и стоны умирающих. Оставалось только молиться, чтобы случайная пуля не пробила бензобак.

По ощущениям Джейн, стрельба не стихала несколько часов. Затем установилась долгая тишина. Вдалеке торжествующе закричала птица — любительница падали почуяла ужин. Раздались шаги. Джейн вся сжалась, съежилась в комок, мечтая сию же секунду исчезнуть. На дорогу упала тень, и Джейн увидела лакированную кожаную туфлю.

— Вылезай,— скомандовал обладатель ботинка по-английски с албанским акцентом.

Башким.

Она не издала ни звука.

— Если не вылезешь, я выстрелю.

Но девушка по-прежнему сидела как мышка и гадала, не запугивает ли он ее. Она услышала, как хрустнули колени

Башкима, когда он опустился рядом на корточки. В поле зрения появилась рука с пистолетом, поводила туда-сюда, и дуло замерло. К счастью, его цель находилась далеко от места, где укрылась Джейн. Палец нажал на спусковой крючок, и Джейн задержала дыхание. С громким хлопком взорвалась одна из покрышек грузовика и начала сдуваться. Джейн невольно вскрикнула.

— Я знал! — торжествующе провозгласил Башким.— Последний шанс, Джейн. В следующий раз я выстрелю на твой голос.

— Хорошо,— торопливо отозвалась девушка.— Не стреляйте.

Она выбралась из-под машины и уставилась на Башкима. Тот, в свою очередь, уставился на нее.

— Пожалуйста,— умоляюще протянула она.— Я даже не догадывалась, что это ловушка.

Ресторатор поджал губы и взглянул туда, где на дороге лежало тело Пола; глаза американца безжизненно смотрели в небо. Возле его головы растеклась лужа крови. Вся дорога вокруг была усеяна трупами. Одна из атаковавших пост легковушек, перевернутая набок и раздавленная всмятку, горела. Джейн повертела головой в поисках второй легковушки.

— Она улетела в пропасть,— сообщил Башким.— Шансов уцелеть у них не было.

— У к-к-к-кого?

Лицо Башкима исказила гримаса боли.

— У моих телохранителей. Тебе разве неизвестно, как опасно путешествовать по Албании?

— Господи,— пробормотала Джейн; все ее тело сотрясла крупная дрожь.

Башким пристально смотрел на нее, и у нее пронеслась в голове мысль, что, может, в эту минуту он решает, сразу ее пристрелить или попозже. Они оба понимали: Джейн видела слишком многое, чтобы оставить ее в живых.

— А ведь он и меня тоже предал,— наконец выпалила она.

— Так я слышал,— безразлично обронил Башким.

Подойдя к валяющемуся на дороге мобильнику Джейн, он с силой наступил на него, растирая по асфальту, словно таракана.

— Не убивайте меня,— попросила девушка.— Я помогу вам. У меня есть американский паспорт и деньги.

— Да,— кивнул Башким,— с твоим паспортом мы прорвемся.

Он ткнул пистолетом в направлении «мерседеса». Все шины были прострелены, из-под капота поднимался дым. «Интересно, не вспыхнет ли он сейчас?» — отрешенно подумала Джейн. Багажник был открыт, из продырявленных пулями коробок высыпался белый порошок.

Остальные коробки в беспорядке громоздились вдоль дороги. Рядом с ними находился и автомат Башкима, который теперь представлял собой искореженную железяку. Башким приказал Джейн вытряхнуть все из рюкзака. Паспорт и бумажник он забрал и сунул себе в карман. Затем велел вскрыть коробки и наполнить рюкзак пакетами с белым порошком. Из багажника «мерседеса» он выудил старый рюкзак и распорядился набить и его. Затем навьючил оба рюкзака на Джейн, словно на мула, и подтолкнул ее прочь с дороги, в направлении гор, на пыльную тропинку, испещренную следами зверья.

— До границы где-то десять миль. Нам нужно держаться в стороне от дороги.

И они пустились в путь, двигаясь словно призраки через унылую голую местность.

Когда они вышли к обнаженным скалам, Башким предложил остановиться и немного передохнуть. Джейн не понравился его голос — какой-то нервный и напряженный. Башким посмотрел на нее, стараясь изобразить непринужденность. Джейн отвела взгляд и стала размышлять о побеге, о том, когда может представиться такая возможность. Ей нужно будет где-то спрятаться. Вдруг Башким встал, положил пистолет на

скалу и направился к девушке. Она тоже поднялась на ноги. И тут он набросился на нее и сшиб с ног. Она попыталась освободиться, но безрезультатно — албанец был сильнее и своим весом придавил ее к земле. Джейн увидела выражение его глаз. Может, произошедшие за день события пробудили в нем какие-то атавистические чувства, а может, они всегда в нем скрывались. Так или иначе, Джейн поняла: она для Башкима — пустое место. Он убьет ее, как только они перейдут границу, а до этого намерен поступать с ней как заблагорассудится.

— Слезь с меня,— задыхаясь, произнесла она.

Башким засунул ей руку в штаны.

— Слезь с меня, траханый отморозок!

— Точно. Трахаться вы, американки, любите. Я это сразу понял, едва тебя увидел.

— Ты ошибаешься. Слезь!

Джейн попыталась вцепиться одной рукой в землю, чтобы выбраться из-под навалившейся на нее туши и лягнуть насильника, и тут пальцы наткнулись на большой камень. Она потянулась за ним, но лишь слегка коснулась его кончиками пальцев. Камень был слишком далеко. Башким уже расстегнул ширинку.

Немыслимым образом изогнувшись, Джейн вытянула руку. Наконец-то пальцы нащупали камень, скользнули по его грубым зернистым краям, пытаясь отыскать место поуже, где можно взяться удобнее. Вот оно. Джейн сжала камень в руке.

Башким разорвал на ней трусики и чуть приподнялся, раздвигая коленом ее ноги. Джейн ощутила жажду крови. У нее есть всего один шанс. Она замахнулась камнем, одновременно пнула маньяка коленом в пах и с громким криком нанесла удар в основание черепа.

Мужчина изумленно открыл рот, повалился и затих. Джейн сбросила с себя неподвижное тело и с трудом поднялась на ноги. Албанец лежал без сознания. Из раны на голове текла

кровь. Девушка окинула его взглядом; больше всего на свете ей хотелось застегнуть ширинку и бежать прочь.

В руке она по-прежнему держала блестящий от крови камень. Волевым усилием она заставила себя разжать пальцы и выпустить его. Некоторое время Джейн просто стояла и тяжело дышала. На нее накатил ужас всего произошедшего. Затем склонилась над каким-то колючим кустиком и, проклиная собственную слабость, освободилась от содержимого желудка. Ей нужно было добраться до границы засветло, чтобы не заблудиться в незнакомой местности с наступлением ночи. К тому же заметно похолодало. Дорога внизу вела к границе, но Джейн понимала, что должна держаться от нее в стороне. Перевернув ногой бесчувственное тело Башкима, она вытащила у него из кармана свой паспорт, деньги, а также его бумажник. Еще она забрала маленькую черную книжечку с записями на албанском и арабском. Присовокупила к своим трофеям пистолет. Джейн никогда прежде не доводилось держать в руках оружие, но она знала, что у него должен быть предохранитель. Щелкнув им несколько раз, чтобы запомнить, как он работает, она засунула пистолет за пояс. Металл приятно холодил кожу и придавал уверенности. В течение двух часов Джейн карабкалась в горы, прячась за валунами всякий раз, когда по шоссе проезжала машина. Она не решалась остановиться и передохнуть, боялась, что в этом случае просто не сможет заставить себя продолжить путь.

Пробираясь между камней, Джейн только и мечтала о том моменте, когда протянет пограничнику паспорт и через несколько минут будет в безопасности по ту сторону границы. Неожиданно оказавшись прямо над шоссе, она увидела внизу уже знакомый зеленый грузовик с надписью «СТАЛИН». Он был припаркован на обочине, а давешние молодые люди столпились вокруг и перекусывали. Джейн на мгновение замерла, инстинкты посоветовали ей удирать. И она помчалась, надеясь на удачу — на то, что парни не заметят ее. Но нет, за ее спиной раздались возбужденные крики, затем взревел мо-

тор грузовика. Машина двигалась задним ходом в поисках места, где можно съехать с дороги и пуститься вдогонку.

Джейн бежала, адреналин в крови придавал ей дополнительные силы. Однако состязаться в скорости с грузовиком она не могла. Она отчаянно хватала ртом воздух и хорошо понимала, что будет, если парни ее настигнут. Джейн видела в их глазах охотничий азарт. Нужно где-то спрятаться, пока не показался грузовик, и надеяться, что увлеченные погоней парни пронесутся мимо. Она скрючилась в три погибели за шатающимся валуном, молясь про себя, чтобы ее укрыли вечерние тени. Грузовик, из которого доносился непристойный смех, просвистел буквально в двадцати футах от нее. Джейн короткими перебежками двинулась за ним и увидела, как машина снова повернула на шоссе. Очевидно, преследователи посчитали, что Джейн отправилась назад по собственным следам, и теперь решили поймать ее на дороге перед границей. Стало быть, придется топать по бездорожью. Девушка безумно устала, но заставила себя продолжить путь. Через полмили она оказалась в седловине между двумя вершинами. Внизу простиралась угрюмая темная гладь: Охридское озеро. По ту сторону озера ее ждала Македония. И свобода.

Она внимательно всматривалась в берег в поисках лодки, пусть даже самой плохонькой — лишь бы переправиться на ту сторону. Вплавь добираться было слишком далеко. В синеве сумерек она разглядела одинокую фигуру, латающую сети, но в ту же секунду услышала рев мотора и радостные вопли: проклятые албанцы снова ее заметили. Однако им предстояло ехать по извилистой дороге, в то время как Джейн могла напрямую спуститься с горы. Озеро протянулось на несколько миль, и большая его часть не охранялась. Это был ее единственный шанс. И она устремилась вперед, взметая ногами тучи мелких камешков и пыли, местами она съезжала на пятой точке, а один раз перекувырнулась через голову и пролетела несколько метров с расставленными в стороны руками, пока не восстановила равновесие и не смогла продолжить спуск.

На берегу в одиночестве сидел старик. Джейн ощутила прикосновение холодной стали к коже и поняла, что убьет его, если понадобится. Подобравшись ближе, она увидела шапку седых волос, почерневшие зубы, изрезанное морщинами загорелое лицо. Старик наблюдал за ней с бесстрастным видом — можно было подумать, что ему каждый день доводится встречать ошалевших западных женщин, сваливающихся с гор.

Она остановилась прямо перед стариком. Одежда ее была изодрана, из многочисленных порезов шла кровь.

— Пожалуйста,— выдохнула Джейн.— Вы должны перевезти меня через озеро.— Она показала рукой на противоположный берег.— Я могу заплатить. Валютой.

Вытащив бумажник Башкима, она сунула старику под нос доллары, евро и албанские динары.

— Это вам.

К ее удивлению, рыбак отпихнул бумажник с деньгами. Джейн занервничала и на смеси четырех языков закричала на старика. Тот, не обращая внимания на сумасшедшую девицу, протопал к кустам и извлек спрятанную в них лодку. На дне ее лежала древняя истертая веревка. Старик потащил лодку к берегу. Джейн кинулась ему помогать, одновременно благодаря на всех доступных ей языках.

— Но нам нужно поторопиться,— сказала она, оглядываясь через плечо и изображая жестами бег и погоню.

— Ska problema,— отозвался старик.

«Никаких проблем».

— Besa? — спросила Джейн.

В переводе с албанского «besa» означает торжественное обещание, клятву — понятие, ведущее историю с феодальных времен. Албанец скорее умрет, чем нарушит besa. Вот только были ли еще живы старые традиции?

Албанскую сторону огромного озера окутывали сумерки. В нескольких прилепившихся к склонам домишках электричества не знали сроду. На противоположном же, югославском берегу мерцали и манили к себе теплые красные и желтые огоньки.

Джейн помогла старику столкнуть лодку в воду и запрыгнула в нее.

Они отплыли ярдов на сто, когда из-за горы на берег вылетел ревущий грузовик. Молодые люди в нем были сердиты, словно разбуженный пчелиный рой. Некоторые уже наполовину разделись. Выскочив из машины, они бросились в воду и открыли беспорядочную стрельбу по лодке. Джейн и старый рыбак пригнулись; пули проносились совсем рядом, некоторые вздымали из воды фонтанчики брызг. Старик, что-то ворча себе под нос, продолжал грести; под кожей, словно набухшие веревки, выступили мышцы.

Девушка на всякий случай держала наготове пистолет, но рыбак, убаюканный равномерными взмахами весел и плеском воды, казалось, вообще не замечал пассажирку. Голоса постепенно становились все тише, а вскоре и вовсе смолкли. Поднялся ветер, и Джейн задрожала от холода. Они словно были подвешены в пустоте, парили где-то между мирами. Но вот далекие огни начали приближаться. Джейн голодными глазами смотрела на постепенно вырисовывающиеся в темноте отели и коттеджи. Вскоре лодка заскрежетала днищем об усыпанное галькой дно.

— Да здравствует Югославия! — воскликнул старый рыбак.

Джейн снова попыталась всучить ему деньги, но он резким жестом отмахнулся и приложил руку к сердцу. Старик исполнил besa.

Он помог девушке спрыгнуть в ледяную воду, доходящую ей до бедер. Джейн помахала ему на прощание и зашлепала на ватных ногах к берегу. Когда она снова обернулась, лодка старика быстро исчезала в чернильно-черной тьме. Наконец Джейн добрела до ближайшего отеля, сняла номер и заказала себе в комнату чевапчичи* с рисом.

---

* Чевапчичи — популярное балканское блюдо: жареные колбаски из перемолотого мяса (говядины, свинины) с луком и приправами.

Когда в дверь постучали, она спросила:

— Кто там?

Ей ответили на одном из славянских языков, и она, приоткрыв дверь, увидела официанта с подносом. Она уже собиралась впустить его, как вдруг в коридоре материализовались двое мужчин в куртках-ветровках. Джейн хотела захлопнуть дверь, но один из незнакомцев оказался проворнее и сунул в щель ногу. Второй протянул официанту банкноту и произнес по-английски с американским акцентом:

— Спасибо. Вы свободны.

Мужчины прошли в комнату и закрыли дверь.

— Джейн, вы все сделали правильно,— обратился к ней первый.— Мы наблюдали с этого берега, на случай, если кто-нибудь будет переправляться через озеро. Вы, конечно, понимаете, почему мы не могли допустить никакого инцидента в международных водах.

— Но кто вы? Откуда вам известно мое имя?

— Довольно уже бегать. Пол как раз находился с нами на связи, и вдруг связь прервалась. Вы не против обо всем рассказать нам? — Он повернулся к напарнику.— Ник, будь добр, освободи Джейн от ее ноши. Она наверняка нелегкая. Где порошок, Джейн?

Но пакеты с белым порошком остались на том берегу Охридского озера, среди нагромождения скал, рядом с Башкимом. «Скорее,— со страхом подумала Джейн,— рядом с трупом Башкима». Но неужели эти идиоты решили, что она будет переходить границу со спрятанным в рюкзаке героином стоимостью в несколько миллионов долларов?

Джейн нащупала за ремнем пистолет и прикинула возможные варианты. Она ведь здравомыслящая девушка, а не одна из тех нервических особ, которые в два счета падают в обморок при любой оказии.

— Вы многого не знаете,— спокойно промолвила Джейн,— и только я могу вам все рассказать. Но сначала мне надо как следует поесть и принять душ. Потом мы можем переправиться на тот берег, и я покажу, где находится наркотик. Есть

еще записная книжка, она тоже может вас заинтересовать. Ну и коль мы упомянули о делах, я бы попросила одного из вас, господа, отвезти меня в Скопье. Там проходит конференция, и мне совсем не хочется ее пропустить. И еще: скоро я заканчиваю учебу и не могу представить, что буду всю жизнь преподавать балканскую литературу в какой-нибудь американской глуши. Поэтому, полагаю, нам нужно поговорить о работе. Насколько я понимаю, у вас в Тиране открылась вакансия?

Эрик Ван Ластбадер

Когда к Эрику Ван Ластбадеру обратились наследники Роберта Ладлэма с просьбой продолжить известный сериал о похождениях Джейсона Борна, тот согласился, но с условием, что сможет вольно распоряжаться судьбой главного героя. Незадолго до этого Ластбадер пережил потерю отца, и неудивительно, что семейная драма писателя нашла отражение в романе «Наследие Борна». В основе сюжета лежат непростые отношения между Борном и его сыном, которого он на протяжении многих лет считал погибшим.

И в «Завете», последнем на сегодняшний день романе Ластбадера, двигателем захватывающего, динамичного сюжета служат отношения между отцом и сыном; автор прослеживает, как они влияют на поступки главных героев. Поклонникам автора знаком резонанс эмоциональности семейных отношений, который пронизывает все произведения писателя, начиная с дебютного романа «Ниндзя».

Рассказ «По ту сторону зеркала» также развивает эту тему, хотя и является нехарактерным для Ластбадера. Он создал этот рассказ после того, как однажды обнаружил в своей библиотеке книгу философа и писателя Колина Уилсона «Посторонний» («The Outsider»). Во время учебы в колледже Ластбадер зачитывался ею и теперь, перечитав заново, нашел новый смысл и в своей работе, что отразилось в представленном ниже рассказе. «По ту сторону зеркала» — история о шпионе, аутсайдере, если можно его так назвать, которого гнетут ужасная тайна и воспоминания о многих годах постоянной лжи. Ластбадер и себя считает аутсайдером, посторонним, и кажется, что ему близко чувство отчужденности его героя. Если тебе, уважаемый читатель, приходилось когда-нибудь задумываться, каково быть человеком, чуждым обществу, или же ты и в самом деле ощущаешь себя таковым, что ж, тогда этот рассказ для тебя.

Эрик Ван Ластбадер

ПО ТУ СТОРОНУ ЗЕРКАЛА

Когда он проснулся посреди ночи, его окружала темнота. Это была не просто физическая темнота, но и ужасная темнота души, мучившая его уже тринадцать недель. Или тринадцать месяцев. Сказать точнее было невозможно.

Зато он мог точно сказать, что вот уже тринадцать недель находится в бегах, а задание получил тринадцать месяцев назад. В Агентство его привело не столько чувство патриотизма или непреодолимое желание постоянно рисковать своей жизнью (два основных побудительных мотива его соотечественников), сколько гибель жены. Сразу после ее смерти им овладело непреодолимое желание самому погрузиться в тот мрачный и зачастую порочный лабиринт, в котором его супруга провела десять лет жизни, пока однажды не выяснилось, что она не ходит на работу в общепринятом смысле.

И вот теперь он здесь, спустя двадцать три года после того, как они поклялись друг другу в верности. Сидит в темноте в ожидании смерти.

В комнате жарко, и щеки у него горят. Повсюду разбросаны кипы журналов, которые он сначала собирал, а потом мял и рвал на куски. Скрипя суставами, он поднимается и, выступая, точно цапля на болоте, идет к кондиционеру. Тот надсадно хрипит, когда его включают, и он ничуть не удивляется, что уже через пять минут сквозь замызганную металлическую решетку вырывается воздух не холодный, а горячий, отчего в

Copyright © 2006 by Eric Van Lustbader.

комнате делается еще жарче. Да уж, Буэнос-Айрес далеко не третий город в мире. Здесь, конечно, полно шикарных отелей, где сейчас прохлада и благодать, однако этот не входит в их число. У отеля даже есть название, которое он уже позабыл.

В крошечной ванной комнате на стенах выступили капли воды и повсюду ползают водяные жуки размером с его большой палец. Он плещет себе на лицо тепловатую воду. Из холодного крана идет горячая вода, и наоборот... Хоть что-нибудь работает нормально в этой чертовой дыре? Он хочет принять душ, но и в ванне свалены стопки журналов — словно игрушечные замки на песке. Однако они успокаивают его, эти сооружения из журналов. Он поворачивается и, осененный внезапной мыслью, возвращается в комнату.

Забавно, но именно в этой чертовой дыре ему комфортнее всего. За последние тринадцать недель он побывал во множестве отелей в самых разных городах на трех континентах: в Европе, в Северной Америке, теперь вот в Южной. Разница — не считая перехода от зимы к лету — в том, что здесь, в этом убогом переулке с рушащимися домами на задворках Буэнос-Айреса, старуха с косой поджидает прямо за углом. Все эти тринадцать недель смерть неотступно следовала за ним по пятам и вот добралась; он уже чувствует ее смрадное дыхание, напоминающее вонь бешеной собаки или запах изо рта старика с гнилыми зубами.

И чем ближе подкрадывается смерть, тем спокойнее он становится. Такая вот ирония. Но когда он видит в зеркале собственное бледное лицо с запавшими глазами и грубо очерченными скулами, он сознает, что ничего веселого во всем этом нет.

Некоторое время он смотрит на подушечку указательного пальца. Замечает на нем какой-то знакомый рисунок — из журнала? А может, из его собственной жизни? Он пожимает плечами и оттягивает указательным пальцем поочередно одно веко, затем другое. Глаза напоминают две черные, совершенно непрозрачные линзы. Кажется, в их глубине не вспыхнет искорка света, разум не пробудится. Он... А кстати, кто

он сегодня такой? Макс Брандт. Так же как и вчера, и позавчера. Макс Брандт, бизнесмен из Эссена. Так он зарегистрировался в этой дыре. Но вот через паспортный контроль в Эсейса, международном аэропорту Буэнос-Айреса, проходил совсем другой человек: турист Гарольд Мосс, недавно разведшийся с женой. Мосс и Брандт совсем не похожи: один сутулый, с чуть выступающими зубами и снисходительной ухмылкой, другой держит спину прямо, будто шомпол проглотил, шагает по улице уверенной походкой и определенно радуется жизни. В таких делах походка намного важнее, чем лицо. Лицо со временем теряет очертание и забывается, а вот походка остается в памяти.

Брандт внимательно изучает себя в зеркале, и ему кажется, что перед ним рисунок или манекен. Он одновременно и Гарольд Мосс, и Макс Брандт; он существует в их телах, а они существуют в его теле. Они помогают забыть, стереть воспоминания о том, кем он был прежде, до того, как призвал их к жизни из небытия. Его внешность, его экзоскелет, его броня совершенны. Он никто и ничто, он меньше — намного меньше,— чем нуль. Кто бы, взглянув на него на улице, мог предположить, что встретил самого взаправдашнего секретного агента? Только враг. Враг, против которого вот уже тринадцать лет — а возможно, и дольше — он без устали ведет борьбу; враг, которого уже не обмануть периодическими сменами личины, как бы он ни владел этим искусством; враг, который после стольких лет наконец обнаружил его и теперь затаился на пороге.

Подойдя к смятой постели, Брандт смахивает с нее еще нескольких водяных жуков. Они любят кучковаться в теплой вмятине, оставленной его телом. Несомненно, они питаются мельчайшими чешуйками кожи, которые он теряет во сне,— и такими же чешуйками от подсознания отрываются будоражащие сон ночные кошмары. Он сгоняет жуков чисто машинально; на самом деле он не испытывает к ним враждебности, как большинство людей. Живи сам и давай жить другим — таково его жизненное кредо.

От грубого смеха жуки в панике разбегаются в затемненные углы комнаты. Некоторые прячутся за деревянными жалюзи на окне. Они слишком быстро поняли, с кем имеют дело, и теперь не хотят быть съеденными заживо. Он плюхается на тонкий матрас, раскинув в стороны руки и ноги — этакая звезда,— и пристально вглядывается в созвездия трещин на оштукатуренном потолке, который, судя по всему, был выкрашен в светло-синий цвет давным-давно. Такое чувство, словно каждый раз, когда он разглядывает потолок, трещины меняют местоположение. Но он-то знает, что это невозможно.

«Знаю, знаю...» Он будто бы сам себе поет монотонную колыбельную.

«Что я знаю?» Что-то... нечто... Кто мог бы ответить точно, имей он те трещины, что появляются в его голове?

И синий цвет неизменно пробуждает в нем воспоминания о Лили. Лазурное небо, под которым они отдыхали, когда только начинали встречаться; аквамариново-белый прибой, в котором он, догоняя ее, плыл на глубину. А еще синие птички, щебечущие в ветвях старого сикомора, что рос во дворе их дома в Мэриленде. Вскоре после женитьбы было время, когда Лили в качестве хобби разводила колокольчики. Еще она любила одеваться в одежду разных оттенков синего: летом блузки без рукавов цвета синего пороха, осенью кардиганы строгого синего цвета, зимой кобальтовые парки, весной джинсовые рубашки. Особенно он любил весеннее время, после суровых зим с ледяными ветрами, когда она закатывала рукава и демонстрировала восхитительную кожу рук.

Лили с ее крепким сухощавым телом и яркими васильково-голубыми глазами. На лошади скакала почище любого мужика, а в постели была сама женственность. В моменты близости она была такой нежной, так мило ворковала, что он с радостью исполнял любые ее капризы. Он единственный мог видеть эту сторону ее натуры, о которой даже их сын Кристофер не догадывался. Как бы ни было горько, он понимал ис-

тинную природу чувств Лили по отношению к себе, но сам влюбился безумно, без памяти. Когда он впервые увидел ее в университете, где Лили пробовалась на роль в любительском спектакле, его словно ударили чем-то тяжелым, так что он едва не грохнулся на пол.

В то время он подвизался на театральном поприще и постигал премудрости искусства гримера. И через неделю ему предстояло работать над лицом Лили — состарить его, поскольку роль на пробах она получила, великолепно сыграв даже тогда, без всякого опыта и подготовки. Она была рождена актрисой, слова на сцене произносила так, будто они идут от самого сердца и выражают подлинные ее мысли и чувства.

Он любил свою работу. Образы, им созданные, были для него более реальными, нежели сами актеры. Последних он находил скучными и самонадеянными. Каждый раз, когда требовалось изобразить кровь или раны, он внедрял технические новшества, а все потому, что размышлял о причинах повреждений героя, жил этим, представлял все так ярко и подробно, что постоянно заслуживал поощрения от руководства факультета, хотя за четыре с лишним года оно менялось неоднократно.

Гримировать Лили было равносильно занятию с ней любовью. Он отчетливо ощущал, что преображает ее не только внешне, но и внутренне. С его помощью она становилась другим человеком. Неизвестной величиной. Он чувствовал тогда удивительную, буквально трансцендентную близость. Он словно убивал ее, но только для того, чтобы она воскресла во всем своем великолепии, когда выйдет на сцену.

Поначалу он совершенно не волновал Лили, по крайней мере, она ухитрялась держаться равнодушно. Ему уже была известна ее репутация. Несколько человек из круга его друзей и знакомых советовали ему держаться от Лили подальше. Но как водится, после таких предупреждений она стала еще желанней. Страсть разгоралась в нем все сильнее и угрожала поглотить без остатка.

— Ты хочешь меня. Возможно, ты думаешь, что хочешь меня,— сказала ему Лили в один из первых дней знакомства.— Но я знаю, чего ты хочешь.

Она очень удивила его, однако со временем он принял как непреложный факт: как бы странно ни звучало то, что говорит Лили, все это — правда. Она достаточно им заинтересовалась, чтобы провести небольшое расследование. При этом Лили не производила впечатления человека, который станет терять время на несущественную для него ерунду. Так и оказалось. Спустя шесть месяцев после окончания университета они обручились.

К тому времени он оставил ремесло гримера и занимался изготовлением декораций для спектаклей. Ему уже недостаточно было просто преображать лица — от этого веяло смертной скукой. Хотелось воссоздавать реальность в более крупных масштабах, давать волю воображению на бóльших холстах, нежели человеческие лица. Его работы высоко ценились. В них он передавал не только общий замысел драматурга, но и ухитрялся подчеркивать особенности характеров основных действующих лиц. Он тщательно представлял себе каждого персонажа, находил у него наиболее значимую черточку и вкладывал ее в свои работы.

Еще через год, в июне, они поженились. Это было прекрасно, или, точнее, Лили была прекрасна в блестящем сатиновом платье с невесомыми рукавами из тюля. Однако не обошлось и без ложки дегтя. Во время свадебной гулянки он вышел облегчиться и, вернувшись, увидел Лили со своим кузеном Уиллом, они мило беседовали. Что разозлило его больше всего — Уилл держал его новоиспеченную супругу за обнаженное предплечье. Белый тюль рукава был поднят, словно занавес будуара, открывая то, чего не следовало касаться никому чужому. Это было немыслимо.

Потребовались усилия четырех человек, чтобы оттащить его от кузена, лицо которого к тому моменту превратилось в кровавую кашу. Он медленно покидал поле боя, испытывая

дикий восторг при виде противника, который не мог самостоятельно держаться на ногах.

До начала драки оркестр исполнял «We Are Family». Теперь он снова заиграл; на первых нескольких тактах у музыкантов дрожали руки.

Брандт стоял, широко расставив ноги, перед натужно гудящим кондиционером, в который — он готов был биться об заклад — вот уже много лет не заливали фреон. Ну хоть воздух гоняет, пусть и горячий. Как он ни пытался отгородиться от внешнего мира, в комнату сквозь пластины жалюзи все равно проникали холодные неоновые огни. Посреди бетонного внутреннего двора имелся бассейн, по крайней мере, ему так показалось. Когда он только приехал сюда несколько дней — или же недель? — назад, он вроде бы проходил мимо овального сине-черного водоема. Можно спуститься вниз, с разбегу кинуться в бассейн и смыть с себя пот. Но не исключено, что вода окажется такой же противно-теплой, как в кране, и он только еще больше вспотеет от беготни туда-сюда. В любом случае, он знает, что не решится на это. Он спрятался, спрятался в последнем своем убежище и ни за что не покинет его по собственной воле.

Кристофер появился на свет через шесть месяцев после свадьбы. Но это были не преждевременные роды. Нет, он родился точно в срок. Очаровательный мальчуган, в отличие от многих новорожденных не похожий на куклу или гнома. Светлые волосы и розовые, как спелое яблоко, щечки достались ему от матери; крепким же телосложением он был обязан отцу и со временем обещал превратиться в улучшенную и более красивую копию человека, который его породил.

По крайней мере, свою роль в рождении сына он всегда представлял именно так: Лили послужила лишь вместилищем для его семени и ее гены никак не повлияли на физическую или эмоциональную природу Кристофера. Господи, он очень надеялся, что это правда!

И тем не менее... Он вспомнил тот день, когда Кристофер нашел одну из ранних его работ: кусок цветного картона формата А4 с вкраплениями дерева и металла. Декорация к последнему акту пьесы Артура Миллера «Смерть коммивояжера». Кристоферу тогда было — так-так, прикинем — десять или одиннадцать. В отцовском кабинете он стащил с полки текст — потертые листы с загнутыми уголками — и пригласил родителей на представление. Он играл роль Биффа* и смотрелся в ней весьма неплохо. Лили его всячески поддерживала, и некоторое время он брал уроки актерского мастерства, как когда-то и его мать. Но уже тогда мальчик проявил стремление к самостоятельности. Связанная с театром суматоха, необходимость постоянно находиться на публике оказались для него слишком серьезным испытанием. Он увлекся компьютерами; его привлекали их точность и логика. Первым по-настоящему серьезным проектом Кристофера стала разработка программы, которая позволила его отцу создавать декорации, о каких прежде тот и мечтать не мог — настолько они были сложные, настолько искусно имитировали действительность.

Неудивительно, что этот проект — триумф Кристофера как художника, хотя и не имевший большого коммерческого успеха,— привел к сближению сына с отцом. Это же послужило причиной того, что сын в большей степени доверял ему, своему отцу, а не сверстникам.

— Папа, они не понимают меня. Не могут меня разгадать,— сообщил ему однажды сын.

Во время долгих прогулок Кристофер частенько поверял ему свои любовные дела.

— Все предопределено с самого начала,— жаловался сын.— Даже когда я с ними, я уже понимаю, чем все закончится. Это так тяжело.

— Тогда почему ты не остановишься?

---

* Бифф Ломан — действующее лицо пьесы Артура Миллера «Смерть коммивояжера».

— Потому что не могу,— отвечал Кристофер.— Когда кровь приливает, я просто забываю обо всем на свете.

Позже он с удивлением обнаружил, что сын хранит память обо всех своих любовных похождениях: локоны волос, бусины, ножной браслет и даже сигаретный окурок со следами розовой помады бывшей возлюбленной. Он не имел ничего против фетишизма, так как вполне его понимал, но, конечно, никогда не говорил об этом Лили.

А однажды глубокой ночью, когда все вокруг погрузилось в спокойный безмятежный сон, он зашел в комнату сына и застал того у открытого окна.

— Почему ты не в постели? — спросил он Кристофера.

— Да вот пытаюсь представить, каково это — спрыгнуть вниз.

— Спрыгнуть? — непонимающе уточнил он.

— Покончить с собой, па.

Он подошел и встал рядом с сыном.

— Но с чего вдруг?

— А как ты думаешь?

И опять он не испугался; опять все понял. Потому что и сам чувствовал, что чужой этому миру, а порой и самому себе.

Он положил руку на плечо Кристофера, и сразу же возникло ощущение, будто плечо это его собственное.

— Не переживай, сынок. Все в жизни меняется.

— Но не в лучшую сторону.

— Ну, этого никто не может знать заранее.

Кристофер кивнул и, закрывая окно, сказал:

— Спасибо тебе, па. Спасибо, что ты честен со мной.

Кондиционер ревет, как двигатели самолета, который доставил Брандта сюда, а результат почти нулевой. Струи горячего воздуха поднимают волоски на руках и на груди. Он смотрит на босые ноги и размышляет о смерти. Ни о чем другом он думать не может. И сомневается, что прежде мог.

Когда же ему стало ясно, что с Лили что-то не так? Вот уже несколько месяцев он усиленно напрягал мозг, но так и не

смог определить, в какой момент все случилось. Возможно, это произошло не сразу, возможно, было несколько звоночков. Лили до последнего оставалась великолепной актрисой. Конечно, он, самый близкий для нее человек, должен был разглядеть ее хитрости и уловки. Но как он мог объективно и беспристрастно относиться к своей жене и возлюбленной? И все же Лили являлась для него чем-то вроде большого и сложного часового механизма, который он изучил вдоль и поперек.

В конце концов его внимание стали привлекать кое-какие мельчайшие детали, настолько незначительные, что даже Кристофер не замечал их. Знал о них только он — супруг, обожавший свою жену, для которого она была фетишем. Хотя на самом деле ничего он не знал — во всяком случае, поначалу. Подозрения начали одолевать его со временем, и уже не получалось просто так от них отделаться. Тогда он стал пристальнее присматриваться к Лили.

Ему вспомнился один день, когда он зашел в ее комнату. Он постоянно наведывался туда и ползал на четвереньках по полу в поисках фетишей: оброненного состриженного ногтя или пары лобковых волос. Больше всего он любил реснички — не только за их серпообразную форму, но и потому, что они представлялись чем-то исключительно интимным; он почти чувствовал биение ее сердца, когда клал на кончик пальца крохотный волосок. Она словно скрывалась в ресничке, как заточенный в волшебную лампу джинн, чтобы на веки вечные быть рядом.

Он собственными руками смастерил небольшую шкатулку из красного дерева со скошенными гранями и углами и положил туда сделанную во время медового месяца фотографию Лили размерами восемь на десять. Глаза ее казались чуть влажными, за нимбом волос виднелись размытые ветви балийской пальмы, похожие на тжак — местную птичку с лицом как у человека. В эту же шкатулку он складывал и сделанные в комнате жены находки; некоторые из них отбрасывали неясные тени на лицо с фотографии.

Но в тот день он обнаружил нечто совсем другое: маленький клочок бумаги с непонятным значком. Вероятно, это была часть записки, но никак не на английском и, если уж на то пошло, ни на одном из языков, использующих латиницу. Больше всего значок напоминал руну — старинную и потому нечитаемую. Если прежде его подозрения были неотчетливыми, то теперь они стали обретать форму.

В некоторых отношениях Лили была само совершенство, и это совершенство озадачивало больше всего, если предположить, что она притворялась. Но она действительно была великолепной женой и матерью. Она готовила вкуснейшие обеды, в постели проявляла чудеса изобретательности, всегда была рядом, когда Кристофер болел или ему просто было плохо, всегда была так добра к подружкам сына, что те продолжали общаться с ней уже после того, как расставались с Кристофером. Лили никогда не жаловалась, если мужу надо было куда-то уехать по делам, и была благодарна ему за подобное отношение к ее собственным поездкам.

Внешне все было благополучно, жизнь текла именно так, как должна. Но ничто не идеально в мире, и, как быстро понял его сын, счастье недолговечно, подобно цветку на вишневом дереве. Да он и сам считал, что счастье обманчиво.

Взять, к примеру, секс. Да, во время учебы в колледже он менял подружек как перчатки, но причиной его непостоянства была вовсе не неудовлетворенность в сексуальном плане. К сексу он был равнодушен. Он просто искал. Поначалу он и сам не мог в себе разобраться, понимал только, что каждая новая девушка его разочаровывает, и каждая по-своему. Позднее его озарила догадка, что он ищет собственную тень, своего рода антипода, который обладал бы теми качествами, каких ему самому не хватало.

То, что вытворяла в постели Лили, напоминало искусные эротические ритуалы. Неудивительно, что он испытывал неземное удовольствие, без которого со временем уже не представлял жизни. Позже он с горечью осознал, что тем самым Лили крепко-накрепко привязала его к себе.

Как только он разглядел наконец истину за глянцевым фасадом, все переменилось. Лили, как выяснилось, работала в Агентстве — но не в агентстве недвижимости Филдстоуна и не в пиар-агентстве Марча и Массона (в последние годы). Точнее, она числилась в конторе Филдстоуна, а затем у Марча с Массоном, но обе фирмы принадлежали Агентству и им управлялись. Это были точно такие же искусно имитирующие реальность декорации, каких он сам создал десятки.

В дверь номера кто-то тихонько поскребся. Он повернулся, чтобы посмотреть судьбе прямо в глаза, будто это объектив камеры. Пускай они входят. Его враги. Теперь он готов их встретить, ведь когда они проникнут в номер, то найдут там Гарольда Мосса или Макса Брандта. Ничто для него уже не будет иметь значения, а вот его враги здорово разочаруются. Его самого больше нет, он исчез, растаял, словно свеча на жаре.

На чем он остановился? Ну да, Лили. Конечно Лили. Его альфа и омега.

— Я знаю, чего ты хочешь,— сказала она, когда их отношения только начинались.

И была права: она видела его насквозь, до самой сердцевины. Пустой сердцевины. Собственно, он убежден: она и вышла за него именно потому, что внутри у него была пустота; она могла сделать из него идеального любовника. Она могла вывернуть его наизнанку и обратно, могла лепить из него все, что угодно.

Спустя годы он как-то спросил жену:

— Чего ты хочешь от меня?

Была ночь, они лежали в постели, обнаженные и мокрые после акробатических упражнений. Лили все еще сидела на нем верхом и не желала слезать. За окном стояла тишина. Так было всегда, когда они занимались любовью,— будто все остальное вокруг переставало существовать.

— Мне казалось, это вполне очевидно. Я люблю тебя.

Она обманывала, но, наверное, не в первый раз. «Не смотри на меня так, у меня от этого мурашки по коже». Или как она

говорила, пока он гримировал ее, пока убивал ее: «Ты ничто для меня. Мне все равно, живой ты или мертвый». А потом, возродившись на сцене, она кидала взгляды за кулисы, туда, где, как она знала, он имел обыкновение стоять во время каждого представления, и улыбалась.

Актеры, конечно, все большие мастера создавать свой мир, но ложь... нет, это совсем другое. Сейчас, по прошествии стольких лет, в другой уже жизни, когда он в номере изнывает от жары — хотя по календарю сейчас зима,— ему кажется, что Лили пристрастилась врать точно так же, как другие могут пристраститься к героину или кокаину. Он подозревал, что жена получала кайф от своей лжи. Нет, не подозревал — знал, поскольку, формируя личность мужа по собственному разумению, Лили раскрывала и всю свою подноготную; он изучил жену так же хорошо, как и она его.

Возможно, именно этим она все и погубила — нет, не самим фактом лжи, а тем, как лгала. Когда характер лжи изменился, совсем незначительно, но очевидно, он это уловил. Однажды Лили отправилась в одну из своих «деловых» поездок, и он проследил за ней до сельской глуши посреди штата Мэриленд. Там он видел, как она сунула что-то в разукрашенный скворечник, прибитый к кривому деревянному столбу. Лили тут же уехала, а он остался. Через двадцать минут появилась машина. Вышедший из нее человек направился прямо к столбу и вытащил из тайника то, что спрятала Лили. Этого человека он несколько раз щелкнул кнопкой цифровой камеры с десятикратным увеличением.

Снимки он отнес людям из Агентства, и те сразу же пришли в заметное возбуждение. Затем он показал им найденный в комнате Лили клочок бумаги с непонятным знаком.

— Это не руна,— сообщили ему люди в Агентстве и забеспокоились еще сильнее.— Это буква арабского алфавита.

Он просыпается в темноте и мгновенно вскакивает с постели, поскольку в полной тишине слышит громкое сопение — как будто прямо за дверью находится большая, враждебно на-

строенная собака. Когда же он умудрился заснуть? Никак не вспомнить, да это все равно не имеет значения. Минуты бегут и бегут, но на дворе еще глухая ночь.

Сунув руку под подушку, он смахивает водяного жука с вороненого дула полуавтоматического пистолета, который многие годы служил ему верой и правдой. На рукоятке ряд засечек — каждая означает человека, сраженного выстрелом из этого оружия. Таким образом, люди, убитые им, всегда рядом, как и любовницы, в которых он разочаровался. Таким образом, он может подтвердить свой рассказ о местах, где ему пришлось побывать, перед тем как очутиться в этой дыре. Кому-то подобный ход мыслей покажется извращенным, даже алогичным, но он-то никогда не опускался до рассуждений на тему, есть ли хоть капля логики в его убеждениях.

Хотя в этом нет нужды, он еще раз проверяет пистолет — тщательный уход за оружием всегда составлял предмет его гордости. Вся обойма на месте. Он достает запасную, кладет в левый карман и еще одну — в правый, чтобы наверняка.

Вдруг комната наполняется шумом, дверь начинает ходить ходуном. Он бросается к окну и открывает жалюзи. Едва не ослепляя, в комнату врываются мириады огней ночного Буэнос-Айреса. Он забывает о своем решении оставаться в номере и настежь распахивает окно. За крошащимся бетонным выступом проходит металлическая пожарная лестница, и он, оттолкнувшись ногами, перебирается на нее. Шум в комнате становится оглушающим. Не оборачиваясь, он быстро взбирается по ступенькам, задыхаясь, но не задерживаясь даже на секунду, чтобы посмотреть на распростершееся над головой ночное небо или высящиеся вдали темные горы. Когда он оказывается на крыше, то первое, что видит,— это раскинувшийся внизу блестящий океан. Волны накатывают на изогнутый дугой песчаный берег, который цветом и формой здорово напоминает реснички Лили.

Он оглядывается по сторонам. Вокруг простирается, подобно пустой сцене, голая крыша, пахнущая креозотом и протухшей рыбой. Здесь и там торчат прямоугольные кожухи вентиляционных шахт, но доминирует над всем металлический

каркас, к которому крепится огромная неоновая вывеска с названием отеля: «ЭЛЬ ПОРТАЛ». Претенциозное название — можно подумать, что это дворец наслаждений, а не захудалая дыра, кишащая водяными жуками. Но ему-то все абсолютно ясно. Это не более чем декорация, гигантская, ярко раскрашенная фантазия, призванная имитировать реальную жизнь. Снизу вывеска смотрится, но здесь, вблизи, уродливая черная тяжеловесная конструкция производит угнетающее впечатление.

Со стороны лестницы доносятся звуки, и он отступает назад. С пистолетом наготове идет к ближайшей вентшахте и, скрючившись, прячется за ней. Теперь преследователи, едва появившись на крыше, сразу окажутся у него на мушке. За спиной неоновая вывеска шипит и освещает все вокруг неестественным светом, словно умирающая звезда. Голуби описывают круги в пылающем небе. Далеко внизу заливается лаем собака — этот зов одиночества ему близок и понятен.

Тут он замечает промельк над парапетом — тень, неясный силуэт, чернеющий на фоне окружающей ночи,— и нажимает на спусковой крючок. Тень становится отчетливой и приобретает человеческие очертания. Неизвестный неспешно движется к нему, хотя он продолжает стрелять. Отбросив опустевшую обойму, он отбегает к следующей вентшахте, загоняет в пистолет вторую обойму и сразу же палит, палит, пока не опустошает и ее. Шагает во мглу скрещенных над головой металлических конструкций, держащих вывеску, и вставляет последнюю обойму. Карабкается в море разноцветных сверкающих огней, словно это последнее, что связывает его с прошлым, и стреляет... Но теперь он знает: неизвестный будет неотвратимо приближаться, равнодушный и неуязвимый...

Он просыпается в полной темноте, мокрый от пота, сознание наполовину парализовано. Кошмар отчасти представляется более реальным, чем окружающая действительность. Определенно, он более реален, чем любые события из его прошлой жизни. Судя по всему, это был вещий кошмар, поскольк-

ку в дверь стучат. Но нет, он так же мало верит в иррациональное, как и в рациональное.

За дверью не слышно никакого собачьего сопения, лишь обычный человеческий голос. Он снимает пистолет с предохранителя и, лавируя между вырванными, разрезанными и сложенными в несколько раз страницами из журналов (наступать на них он не осмеливается!), пробирается к двери. Но он не настолько глуп, чтобы вставать прямо перед дверью, нет. Враги не зря завлекли его этим добреньким голосом — почти наверняка они сейчас изрешетят дверь автоматной очередью. Только им не провести его!

Он делает вдох, медленно и ровно выдыхает — спустя какое-то время он точно так же, хладнокровно нажмет на спусковой крючок. Затем осторожно изгибается и заглядывает в глазок. Смотрит несколько секунд, потом моргает и снова смотрит. Распрямляет спину. За дверью находится его сын.

— Кристофер? — произносит он, не узнавая собственный голос, тонкий и неуверенный — результат долгого молчания.

— Папа, это я. Открой, пожалуйста.

Снова глубокий вдох и медленный выдох — он пытается успокоить взвинченные нервы. Но ничего не получается. Его сын здесь. Почему?

— Па?

— Отойди от двери, сынок.

Он решается снова посмотреть в глазок: Кристофер послушался и отошел в сторону. Благодаря эффекту линзы, он видит сына в полный рост. На нем надет легкий полотняный костюм и под ним белая рубашка поло. На ногах лакированные кожаные ботинки с кисточками. Впечатление такое, будто Кристофер только что сошел с трапа самолета.

— Па, впусти меня, пожалуйста.

Утерев пот со лба, он уже подносит руку к цепочке на двери, но останавливается. Что, если его враги схватили Кристофера и теперь используют в качестве приманки? Но пока их разделяет дверь, он этого не поймет. К черту! Он откидывает цепочку, отпирает замок и говорит:

— Все в порядке, сынок. Проходи.

И сам делает шаг назад.

Сын переступает порог и прикрывает за собой дверь.

— Запри ее, сынок.

Кристофер выполняет просьбу.

— Что ты здесь делаешь?

— Приехал за тобой.

Глаза его сужаются в щелочки, рука крепче сжимает рукоять пистолета.

— Это что значит?

— Ты убил маму,— заявляет Кристофер.

— Я был вынужден...

— У тебя не было такого приказа.

— У меня не было времени. Она была двойным агентом и...

— Папа, ты ошибаешься.

— Нет уж. Я сам был свидетелем, как она спрятала шифровку...

— ...в скворечник,— перебивает его Кристофер.— Это был ты, папа. Ты спрятал туда шифровку.

Он делает неуверенный шаг назад.

— Что? — У него начинает болеть голова.— Нет, я...

— Я лично тебя там видел. У меня есть снимки...

— Это ложь!

Кристофер печально улыбается.

— Папа, мы ведь никогда не обманываем друг друга. Помнишь?

Головная боль все усиливается, сердце бешено стучит в груди.

— Да, я...

— Папа, ты был болен. Ты и сейчас болен.— Умоляющим жестом Кристофер протягивает отцу руку.— Ты решил, что мама раскусила тебя, и...

— Нет, нет! Я нашел у нее клочок бумаги с руной!

— Па, это арабская буква. Это ты написал. Ты владеешь арабским.

— Да?

Он надавливает пальцами на виски. Если бы только голова так не раскалывалась от боли, он мог бы трезво обо всем

подумать. Но теперь он уже не помнит, когда в последний раз рассуждал о чем-то трезво. Возможно ли, что Кристофер прав?

Внезапно его осеняет ужасная мысль.

— Как ты можешь это обсуждать? Ты ведь ничего не знаешь о нас с матерью, о нашей тайной жизни. Ты же простой специалист по компьютерным программам.

Кристофер кротко смотрит на отца и улыбается все печальнее.

— Это ты специалист по софту. Поэтому тебя и привлекли к работе в Агентстве. Так ты стал двойным агентом — в одну из твоих поездок то ли в Шанхай, то ли в Бангалор, точно неизвестно, да это сейчас и неважно. Важно, чтобы ты отдал мне пушку и мы с тобой убрались отсюда.

От внезапно нахлынувшей ярости он ощущает буквально физическую боль и поднимает пистолет.

— Я не уйду отсюда ни с тобой, ни с кем другим.

— Папа, ну прояви же здравый смысл.

— Мир давно сошел с ума! — кричит он.— Здравый смысл — это иллюзия, так же как и любовь!

Он целится из пистолета в Кристофера, но вдруг тот выхватывает из-за спины короткоствольный «Вальтер ППК» и проделывает во лбу отца аккуратную дырочку.

Кристофер посмотрел на тело на полу. Он все гадал: какие чувства будет испытывать? Оказалось, никаких. Наверное, душа так очерствела от постоянной смены обличий, что ни одно событие, даже самое трагичное, не может вызвать в нем обычные человеческие эмоции.

Непреложное правило Агентства гласит: все свидетельства ликвидации должны быть сразу уничтожены. С этим нет никаких проблем. Работа выполнена чисто, он может гордиться собой.

Какое-то время Кристофер разглядывал творения отца, тщательно, до мельчайших деталей, с любовью сделанные из страниц журналов, купленных или стянутых из вестибюля гостиницы.

Здесь были декорации к «Венецианскому купцу», «Трамваю "Желание"», к возрожденной заново «Карусели»*, которая благодаря новациям отца имела оглушительный успех. Были и многие другие пьесы. Не в первый уже раз Кристофер застыл на мгновение, изумленный гением отца, сумевшего создать такие шедевры.

Наконец в ванной он наткнулся на декорацию к «Смерти коммивояжера». Он рассматривал ее, и фразы, принадлежащие перу Артура Миллера, проносились перед глазами, словно бегущая строка телевизионных новостей. Он не помнил, как долго так простоял. Затем нагнулся, взял декорацию и, вернувшись в комнату, бросил ее на неподвижное тело отца. Вытащил купленный специально для этой цели флакон с бензином для зажигалок и побрызгал на журнальные листы и на тело. Стоя спиной к двери, открыл замок, зажег спичку и немного понаблюдал, как занимается пламя.

Все в жизни меняется. Но не в лучшую сторону.

Из отеля Кристофер вышел через боковую дверь и сразу окунулся в вонючее утро. Запахи бензина и горящих волос перекрывали тошнотворные запахи человеческих экскрементов и гниения. Он задержался в ожидании, когда покажутся первые струйки дыма из горящего номера, и в эту минуту решил придумать для себя новую легенду. На пограничном контроле по дороге домой он назовется Биффом Ломаном.

От этой мысли лицо Кристофера озарила улыбка, и на мгновение он стал очень и очень похож на отца.

---

* «Венецианский купец» — одна из наиболее известных пьес Уильяма Шекспира. «Трамвай "Желание"» — пьеса известного американского драматурга Теннесси Уильямса, по которой в 1951 году снят одноименный фильм с Вивьен Ли и Марлоном Брандо в главных ролях. «Карусель» — бродвейский мюзикл по пьесе «Лилиом» американского драматурга и романиста Ференца Мольнара.

Кристофер Райс

Дебютный роман Кристофера Райса, готический ужастик «Пустота душ» («A Density of Souls»), увидел свет, когда автору было всего двадцать два года. Книга, написанная сыном знаменитого автора вампирских романов Энн Райс, получила широкое освещение в прессе и в то же время была встречена с изрядной долей скептицизма. Репутацию Райса как писателя, способного добиться значительного коммерческого успеха с историями, в которых главными действующими лицами являются геи, укрепил «Снежный сад» («The Snow Garden») — второй его роман, вошедший в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

Последняя на сегодня книга Райса, «Свет до рассвета» («Light Before Day»), раскрывает неприглядную изнанку сообщества геев Лос-Анджелеса. В целом же во всех трех произведениях автор акцентирует внимание читателя на непростых отношениях, возникающих между натуралами и гомосексуалистами, связанными общим несчастьем. Так, в «Снежном саду» говорится о дружбе гея и обычной женщины и о жестоких уловках, при помощи которых эту дружбу пытаются разрушить. В центре романа «Свет до рассвета» — отцовские чувства, которые все сильнее испытывает к своему ассистенту-гею популярный автор мистических романов. Эта же тема прослеживается и в рассказе «Ловушка для мужчин», когда молодая женщина внезапно обнаруживает, что ее любимый является гомосексуалистом, и в результате мирная семейная идиллия оборачивается настоящим адом.

Райсу было непросто работать над «Ловушкой для мужчин». Прежде он никогда не писал рассказов и больше привык выстраивать атмосферу, конструируя в мельчайших подробностях каждую сцену, за что его и полюбили читатели. Желая научиться раскрывать сюжет и характеры персонажей на нескольких страницах, Райс обратился к рассказам признанных корифеев жанра: Ричарда Матесона и Дэвида Морелла. Поначалу он побаивался отказываться от некоторых своих фирменных приемов подачи литературного материала, но в конечном итоге признался, что получил от работы над «Ловушкой для мужчин» истинное удовольствие.

Кристофер Райс

ЛОВУШКА ДЛЯ МУЖЧИН

Кейт сидела за столиком у окна в шумной кофейне «Старбакс». За переполненной парковкой и оживленным шоссе открывался прекрасный вид на горы Сан-Бернардино; их призрачные очертания вырисовывались на близком горизонте в лучах заходящего солнца. Рик отдал ей свой ноутбук, а сам скрылся в дверях торгового центра. Наверное, сейчас он уютно устроился возле полок в книжном магазине «Бордерс» и увлеченно листает книги по рыбалке, охоте или еще какому из этих странных увлечений для взрослых, которыми после школы он заразился от отца.

Эта поездка должна была стать их первым самостоятельным совместным путешествием — три дня в коттедже близ Лейк-Эрроухеда, три дня без надоедливых родителей, желающих удостовериться, что их чада спят каждый в своей кровати. Меньше чем через месяц им предстояло оказаться в разных колледжах, и всякий час, проведенный вместе, был слишком ценен, чтобы терять время в пробках на дорогах.

Хотя Рик и утверждал, что иначе до коттеджа не добраться, Кейт все же решила поискать иной, более короткий путь. Она набрала две первые буквы в поисковой системе, и в браузере тут же отобразился адрес сайта с аналогичным началом — из тех, что в последнее время открывали на ноутбуке.

www.ManCatch.com

Убежденная, что сайт предназначен для непутевых маменькиных сынков, которые не знают, как распорядиться своими деньгами, Кейт нажала на ссылку. Экран заполнило

Copyright © 2006 by Christopher Rice.

изображение полуобнаженного мускулистого латиноамериканца, возлежащего на белых простынях. Рука его покоилась на выпуклости на белых шортах. Над головой мачо вспыхивал и гас розовый баннер, извещающий, что ManCatch.com — сайт номер один для гомосексуалистов. Кейт едва не расхохоталась в голос. Конечно, Рик забрел сюда по ошибке.

Но тут она заметила, что компьютер настроен на запоминание имени пользователя и пароля — неудивительно, так как Рик за четыре года учебы в старших классах никогда не мог сохранить в памяти даже простую комбинацию букв и цифр. В строчке «Имя пользователя» она прочитала: «Парень из Ш-Оукс». Последнее, должно быть, означало Шерман-Оукс, район Лос-Анджелеса, где выросли и Кейт, и Рик. Согласно журналу посещений, Рик заходил на сайт прошлой ночью в половине второго — когда, как считала Кейт, он мирно посапывал у нее под боком.

В ее доме. В ее постели.

Учащенно дыша, она кликнула на кнопку «Войти», хотя какая-то часть ее сознания и просила этого не делать. И вот она уже пролистывает профили пользователей сайта, где они откровенничают о своих сексуальных пристрастиях на особом языке, который в последнее время получил большую популярность среди молодежи. «Превед, какдила?», «Йа креведко», «Эй, а этот чувак настоящий кросаффчег» и тому подобный бессодержательный бред. Ее подружки пользовались подобным языком, когда писали друг другу записки. Большинство профилей сопровождались фотографиями. Поначалу снимки были вполне безобидными: вот мускулистая грудь, вот горделиво поднятая голова — точно греческая статуя при плохом освещении. Но дальше Кейт наткнулась на фото, где мачо демонстрировали эрекцию.

За спиной раздался скрип отодвигаемого стула. Мамаша с выражением тихой ярости на лице тащила к двери годовалого сынишку. Когда женщина оглянулась и обнаружила, что такую непристойность ее сын увидел благодаря приличной на вид молоденькой особе, она одновременно и оскорби-

лась, и смутилась, как если бы ее ребенок показал средний палец руки.

Сгорая от стыда, Кейт быстро прокрутила страницу, пока наиболее похабные фотографии не исчезли. Изо всех сил она пыталась найти увиденному какое-то разумное объяснение. Если верить журналу, Рик за последние три недели всего один раз посещал этот сайт. Однако если он зарегистрировался, то, вероятно, планировал часто бывать здесь в дальнейшем. Но почему тогда он без колебаний разрешил ей воспользоваться ноутбуком? А если он постоянно заглядывает на этот гадкий сайт, а потом уничтожает записи в журнале? И просто позабыл стереть последнюю?

Кейт вдруг поняла: ничто так не подстегивает воображение, как предательство. Совершенно отчетливо она представила себе, как Рик в одних трусах-боксерах тихонечко крадется из полуоткрытой двери ее комнаты и в обеих руках, словно чашу Грааля, несет ноутбук.

Взгляд ее упал на панель меню в левой части экрана. Кейт уже не сомневалась, что ее парень регулярно заходит на сайт для геев; теперь можно было проверить, есть ли у него здесь друзья. Она нажала на кнопку «Список друзей», и на экране появился один-единственный ник: Весельчак. На фотографии рядом с именем был изображен лежащий на кровати на животе невысокий мускулистый парень с каштановыми волосами. Сначала Кейт показалось, что он совершенно голый, но потом она разглядела красные резинки трусов-джоки, поддерживающие снизу откляченные ягодицы.

ЙО! КЛАССНЫЙ ЧУВАК ПРИГЛАШАЕТ ПОИГРАТЬ С НИМ!

Мне 27 лет. Мой рост 5 футов и 11 дюймов, вес 156 фунтов. Дружок 9 дюймов в длину и обрезан. Живу в Студио-сити. Приглашаю молодых и старых, но вы должны мне подходить! Как подходить? Вы обожаете это дело и можете заниматься им всю ночь. О! Вам понравится! Не люблю жирных придурков, кидал и трепачей. Да, и слюнтяев не люблю! Люблю экстрим, ролевые игры и особенно оральный секс. Все будет клево, парни! Вам это запомнится!

Снимок сам по себе не шокировал Кейт, но, прочитав откровенные пожелания Весельчака, она почувствовала, что ее сейчас вырвет. И тут девушка сообразила, что надо бы посмотреть другой профиль.

Она уже собиралась набрать на клавиатуре «Парень из Ш-Оукс», как что-то внезапно ударило в окно прямо над ухом. Подняв глаза, Кейт увидела прижавшегося к стеклу Рика — будто его швырнул туда вышибала из ночного клуба. Он отошел на пару шагов и был так доволен собой, что не заметил странного выражения на лице Кейт.

— Я сейчас болтал со своей теткой по телефону,— громко возвестил он, подходя к столику.— По ее словам, там есть чудесный пруд, прикинь, всего в полумиле от коттеджа. И дорога до него легкая.— Он плюхнулся на стул напротив Кейт и пригладил пятерней черные кудри.— Она говорит, там, типа, очень круто на восходе: солнце встает прямо над прудом. Божественно! Эй, ты в порядке?

Кейт молча развернула ноутбук экраном к Рику. Тот отпрянул от него, словно черт от ладана. Но вот его сонные глаза превратились в щелочки, рот изогнулся и застыл. Он тяжело и прерывисто задышал.

— Этой ночью,— отчеканила она,— в половине второго. Я спала. И думала, что ты тоже спишь.

— Я и спал!

— А вот если верить компу, в это время ты был здесь.— Для усиления эффекта Кейт постучала по крышке ноутбука.— Или он лжет, а, Рик?

Но тот продолжал отрицательно мотать головой, уставившись в экран, будто пытался найти спасение в профиле некоего Весельчака. Целых два года Кейт с Риком встречались, и все это время она наблюдала за его поведением в отношении других девчонок: ловила его улыбки, которые можно было расценить как заигрывание, следила, как он дружески похлопывает знакомых девиц по нескромным частям тела. И вот теперь оказалось, что она искала не в том месте.

Глаза их встретились.

— Кейт, это был не я,— прошептал Рик.

— Тогда кто же?

Он почесал переносицу, чуть приоткрыл рот, но так и не издал ни звука, просто сидел и жевал нижнюю губу. Что ж, если он не хочет признаваться в содеянном, это его проблемы. Кейт выдернула из розетки шнур и, схватив ноутбук, устремилась к выходу.

Она уже подходила к своему внедорожнику «тойота», когда Рик догнал ее. Только он дотронулся до плеча девушки, как она резко обернулась, отвела руку с ноутбуком вверх и чуть назад и, словно бейсбольной битой, со всего размаху нанесла удар. На мгновение Кейт замерла, сама не в силах понять, что же произошло. В следующую секунду Рик тяжело упал задницей на асфальт; кровь хлестала из разбитого носа и заливала нижнюю часть лица. Выезжая со стоянки, Кейт оглянулась посмотреть, не попытается ли он ее преследовать. Рик, шатаясь, силился встать на ноги, и от этой картины девушка ощутила мрачное удовлетворение.

В зеркальце она увидела лежащую на заднем сиденье спортивную сумку Рика, и в это время зазвонил телефон. Рик. Отвечать она не собиралась и после четвертого звонка просто отключила на мобильнике звук. Затем набрала номер отца. Он все уладит. Он отметелит Рика до полусмерти, этому мерзавцу мало не покажется. Но тут девушка вспомнила: утром, когда она собиралась в поездку, отец обмолвился, что будет допоздна занят с клиентами. Звонить ему было бесполезно — тем более он обычно просил свою помощницу оставлять сообщение на автоответчике, так что Кейт не удалось бы даже утешиться мягким, успокаивающим баритоном отца. Глаза ее увлажнились, в горле застрял комок.

Она нажала на телефоне кнопку «Отбой».

Мать два дня назад уехала в Сан-Франциско на встречу с коллегами-риелторами и, несомненно, как раз читала им лекции о том, как преуспеть в жизни, впаривая клиентам даже самые безнадежные квартиры. С матерью связываться было

бесполезно: она еще выставит виноватой Кейт, которая сама что-то упустила, не заметила очевидных свидетельств тому, что ее парень знакомится в Интернете с мужчинами и трахается с ними; безусловно, Кейт должна была предусмотреть такую возможность и так далее, и тому подобное. Ее мать всегда все предусматривала и обожала строить планы. На данный момент план Кейт заключался в том, чтобы приехать домой, забиться под одеяло и дожидаться возвращения отца.

В центре Лос-Анджелеса она уткнулась в исчезающую за горизонтом вереницу тормозных огней и два часа с черепашьей скоростью ползла в долину* по шоссе 101. Только в начале первого ночи она добралась наконец до дома — коттеджа в стиле кейп-код**, стоявшего на извилистой улочке у подножия холмов. Поскольку Рик вполне мог, слегка оклемавшись у одного из друзей, примчаться за ней сюда, Кейт решила перестраховаться и оставила машину за углом, в квартале от дома.

Когда она открыла входную дверь, раздалось пиканье охранной сигнализации. Кейт бросилась к панели, собираясь ввести код, но гудки уже прекратились — они не предвещали воя тревожной сирены, сигнализация просто пикала всякий раз, когда в доме открывали дверь или окно. В холле было темно. Уходя, отец не поставил дом на охрану — не похоже на него.

Сердце бешено стучало в груди Кейт. Хотя она все это время просидела в машине, ощущения были такие, словно она пробежала марафонскую дистанцию. Дверь в отцовский кабинет оказалась приоткрыта. На столе в беспорядке валялись бумаги, что тоже было нехарактерно для отца; компьютера на обычном месте не было. Кейт вспомнила: утром отец говорил, что мать перед отъездом взяла комп и отвезла в мастерскую — апгрейдить жесткий диск; она хотела купить отцу новый компьютер, а старый подарить на Рождество своей матери.

---

* Долину Сан-Фернандо.

** Коттедж в стиле кейп-код представляет собой кирпичный (или деревянный) дом в полтора этажа под двухскатной крышей, с каминной трубой и полуподвалом.

Постепенно глаза Кейт привыкли к темноте, и она заметила на стенах холла слабый мерцающий свет, исходящий со второго этажа. Там, в конце коридора, располагалась родительская спальня. Дверь в нее была наполовину приоткрыта, и Кейт увидела множество расставленных на комоде свечей, которые наполняли спальню призрачным сиянием. Свечи горели и в других местах, но где именно — было не разобрать. Тот, кто находился в спальне, слышал, как она вошла, но не потрудился потушить ни одной свечи. От этой мысли немного отлегло от сердца. Наверное, отец принимает ванну.

Она осторожно открыла дверь пошире и собиралась уже позвать отца, как вдруг ее взгляд упал на совершенно постороннего человека, лежащего поперек кровати лицом вниз. Возле его головы на желто-коричневом одеяле виднелось неправильных очертаний темное пятно. Мужчина был приземист и мускулист, каштановые волосы коротко пострижены. И опять ей показалось, что человек совершенно голый, но потом она рассмотрела красные резинки трусов-джоки, поддерживающие снизу откляченные ягодицы. Всего несколько часов назад девушка видела фотографию этого самого человека на экране компьютера своего бойфренда и сейчас едва не прошептала его ник: Весельчак.

Но открыть рот она не успела; от двери в ванную комнату отделилась и двинулась к ней, подняв руку, черная тень. Очертания казались смутно знакомыми, и через мгновение Кейт узнала мать. Та заправила длинные волосы в откинутый капюшон черного свитера, так что сзади у нее образовался уродливый горб.

Кейт испытала муки совести. Перед ее мысленным взором отчетливо предстал тяжело дышащий Рик с широко раскрытыми глазами на потрясенном лице. Когда она обвинила его в непотребных вещах, то расценила такую его реакцию как свидетельство признания вины, однако на самом-то деле Рику была известна вся правда, просто он не решался ей рассказать. Затем Кейт, как наяву, вообразила себе картину: вот они с Риком мирно спят на первом этаже в ее постели, а отец бес-

шумно крадется из комнаты и держит в руках ноутбук Рика. Потому что его собственный компьютер мать отнесла в мастерскую. Кейт попыталась уловить в неровном пламени свечей какие-нибудь признаки движения, признаки того, что человек на кровати жив.

— Он мертв? — спросила она.

— Тебе интересно услышать, чем они вдвоем занимались? Однажды меня не было дома. Ты спала. Во дворе, Кейт, во дворе! Они занимались этим во дворе, пока ты спала!

На улице раздался шум притормаживающей машины. Автомобиль свернул на подъездную дорожку к дому, под колесами зашуршал гравий. Приехал отец, и с минуты на минуту должно было произойти что-то ужасное.

— Когда я все объясню, Кейт, ты поймешь меня. Я днями беседовала с этим молодым человеком, днями выясняла, чем они занимались с твоим отцом! Как только ты все узнаешь, ты вряд ли будешь и дальше примерной папиной дочкой!

Выскочив из комнаты, Кейт побежала вниз, но на середине лестницы не удержалась на ногах и кубарем покатилась по ступенькам, с такой силой ударившись о твердые доски пола, что едва не потеряла сознание. Ей с трудом удалось встать на четвереньки. За полосками освинцованного стекла по сторонам от входной двери появилась тень. Загремели ключи в замке.

— Кейт,— тихим, но твердым голосом произнесла мать.

В этом обращении девушке почудился вызов. Возможно, если бы она позволила все объяснить... Возможно, она бы поняла... Возможно, тогда бы ей не пришлось рисковать жизнью ради отца, совершавшего эти мерзости, в которых она обвинила своего парня...

Как только в холл через открывающуюся дверь проник с улицы луч света, Кейт вскочила с колен, бросилась к двери и захлопнула ее перед самым носом отца. Тот недоуменно замычал. Опасаясь, что в следующую секунду прозвучит выстрел, Кейт ничком упала на пол.

— Что ж,— спокойно промолвила мать,— похоже, ты сделала свой выбор.

Дверь родительской спальни захлопнулась, затем раздался непонятный пронзительный звук. Девушка не сразу поняла, что мать включила фильм. Через пару секунд она узнала его: «Глушитель».

К этому времени отец уже вошел в дом и остановился возле дочери. Куртка была переброшена через руку, узел галстука ослаблен. Он стоял, наклонив голову набок, и пытался понять, что же происходит в доме: что делает на полу его дочь и что за звуки доносятся из спальни.

Кейт не стала ничего ему говорить. Она молча посторонилась, пропуская отца на лестницу на второй этаж, где в спальне он, как и планировала мать, увидит все своими глазами.

Алекс Кава

Алекс Кава и не помышляла, что ее дебютный роман «Абсолютное зло» («A Perfect Evil») станет началом целой серии произведений. Собственно, главное действующее лицо книги и всей серии – специальный агент ФБР, профайлер Мэгги О'Делл – впервые появляется только в седьмой главе. Сюжет романа основывается на двух никак не связанных между собой реальных преступлениях, которые имели место в 1980-е годы в штате Небраска. В одном случае преступник – маньяк, охотившийся на маленьких мальчиков,– действовал в небольшом городке, где в то время будущая писательница работала редактором и коллажистом местной газеты.

Годы спустя в то самое лето, когда Кава решила заняться сочинительством, был казнен Джон Жубер – преступник, который тринадцатью годами ранее сознался в убийстве трех маленьких мальчиков и был осужден. Еще одно преступление – убийство маленького мальчика в расположенной неподалеку Омахе, совершенное через несколько лет после ареста Жубера,– так и осталось нераскрытым вплоть до наших дней. Эти реальные преступления и побудили автора взяться за перо. Роман «Абсолютное зло» и его главная героиня понравились

множеству читателей по всему миру, так что писательнице пришлось засесть за продолжение. В результате на свет появились еще четыре романа о специальном агенте Мэгги О'Делл: «Доля секунды» («Split Second»), «Ловец душ» («The Soul Catcher»), «Приступ безумия» («At the Stroke of Madness») и «Необходимое зло» («A Necessary Evil»). Кроме того, Кава выпустила роман «Один неверный шаг» («One False Move»), который никак не связан с О'Делл, но тоже базируется на реальных событиях.

По мнению писательницы, действительность намного удивительнее вымысла. В этом она убеждается всякий раз, когда приступает к работе над новой книгой. Читатели произведений о Мэгги О'Делл часто комментируют взаимоотношения между героиней и ее матерью. В двух словах их можно охарактеризовать как сложные и конфронтационные — и весьма и весьма далекие от привычных отношений матери и дочери. И все же, как и бывает в жизни, их связывают тесные родственные узы, хотя проявляется это порой необъяснимым и иррациональным образом. В рассказе «Спокойной ночи, мамочка» Мэгги с матерью отправляются в совместную поездку, и мы убеждаемся, насколько реальные чувства и отношения могут отличаться от показных.

Алекс Кава

СПОКОЙНОЙ НОЧИ, МАМОЧКА

Еще задолго до того, как Мэгги О'Делл услышала отвратительный скрежет металла о металл и ощутила вонь горелой резины покрышек, она поняла, что идея отправиться в эту поездку была ошибкой.

Она объявила об этом вслух несколько часов назад, когда они усаживались в обитую потрескавшимся красным винилом кабинку в забегаловке под названием «Обе у Фредди». На самом деле, если принять во внимание явно отсутствующую букву «д», название звучало так: «Обед у Фредди». Сам обед оказался одним из немногих плюсов поездки. Мэгги была весьма неприхотлива и не стеснялась питаться в заведениях, которые не могут позволить себе восстановить вывеску. В конце концов, ей доводилось жевать чизбургеры в прозекторской и с неменьшим аппетитом вкушать сэндвичи в заброшенной каменоломне в окружении засунутых в бочки трупов.

Нет, ресторанчик Фредди определенно был неплохой. Мэгги во все глаза уставилась на кусок яблочного пирога с мороженым, который официантка плюхнула на стол, после чего плеснула еще кофе в их с мамой чашки. Пирог выглядел восхитительно и к тому же очень аппетитно пах свежим тестом; он был еще теплый, так что мороженое начинало подтаивать и тонкими струйками стекать по бокам. И пирог тоже был плюсом, пусть даже Мэгги без особых усилий представила,

Copyright © 2006 by S. M. Kava.

что это кровь, а не мороженое стекает в белую, словно кость, фарфоровую тарелку. Пришлось отхлебнуть воды, закрыть глаза и успокоиться, прежде чем она снова смогла посмотреть на стол.

Нет, настоящая ошибка заключалась в том, что Мэгги не заказывала себе пирог. Пирог заказала мать. И тем самым вынудила дочь задуматься: то ли ее мать, Кэтлин О'Делл, в самом деле такая бесчувственная, то ли просто позабыла об обстоятельствах, которые могли легко спровоцировать у дочери неудержимую тошноту. Но как она могла забыть один из тех редких моментов, когда Мэгги поделилась с ней рассказом о своих буднях в качестве профайлера ФБР? Конечно, случилось это несколько лет назад, и в то время мать стаканами пила «Джек Дэниелс» и издевалась над дочерью: дескать, если тебе это не нравится, можешь меня арестовать. Мэгги до сих пор прекрасно помнила, что тогда ответила. «Я не собираюсь тратить время на то, чтобы арестовывать шизанутых алкоголичек». Надо было на этом и остановиться, но Мэгги не удержалась и через несколько дней, едва войдя в дом, сразу прошла в мамину комнату и швырнула на кофейный столик со стеклянной столешницей пачку только что сделанных на месте преступления фотографий.

— Вот чем я зарабатываю на жизнь,— бросила она матери, как будто той требовалось подобное уточнение.

И наверху стопки — это Мэгги тоже прекрасно помнила — находилась самая выразительная фотография: сделанный с близкого расстояния снимок картонной коробки, стоящей на кухонной стойке. Эта самая обычная коробка — в таких закусочные продают еду навынос — навсегда останется в памяти Мэгги, особенно ее содержимое: аккуратно отрезанный кусок яблочного пирога, на котором сверху положена окровавленная селезенка убитого хозяина квартиры.

Мэгги вовсе не удивило, что мать позабыла — или заставила себя позабыть — о том инциденте. Такова была ее единственная тактика выживания: все отрицать и очень естествен-

но делать вид, что ничего подобного не происходило и произойти не могло. Иначе как бы она оправдалась, что совершенно не заботилась о своей двенадцатилетней дочери, ежевечерне заявлялась домой пьяная да еще притаскивала с собой «спонсоров»? И только когда один из маминых ухажеров предложил устроить групповуху с участием малолетней Мэгги, Кэтлин О'Делл сообразила, что этими делами лучше заниматься вне дома. Девочке уже в раннем возрасте пришлось научиться самостоятельности. Она выросла одна и только сейчас осознала, спустя много лет после разрыва с матерью, что одиночество для нее ассоциировалось с безопасностью.

Но с тех пор много воды утекло, многое изменилось. По крайней мере, Мэгги в это верила, и на то были причины. Разве могла она еще несколько лет назад помыслить, что они с матерью вот так запросто отправятся в совместную поездку, будут сидеть в забавном ресторанчике и мать закажет яблочный пирог?

Мэгги наблюдала, как Кэтлин прихлебывает кофе, а между глотками откусывает от пирога. На работе агент ФБР Мэгги О'Делл повидала всякого, но вот сейчас перекусывала с матерью, а воображение услужливо подкидывало яркую картинку: прощальный сюрприз серийного убийцы, засунутый в коробку для еды. Черт-те что лезет в голову. Наверное, надо быть проще — как мать — и выкидывать всякую ерунду из головы, но такой уж она уродилась.

Неожиданно Кэтлин указала вилкой куда-то за спину Мэгги. Молча, поскольку это ведь очень невежливо — говорить с набитым ртом. Неважно, что в прошлом в те редкие моменты, когда в Кэтлин просыпался материнский инстинкт, она постоянно твердила дочери, что невежливо тыкать в кого бы то ни было. Мэгги проигнорировала жест матери и даже не пошевелилась — и это тоже было глупо, поскольку таким образом она хотела отомстить Кэтлин за прежнее наплевательское к себе отношение. Тем более в результате мамаша стала только ожесточеннее размахивать столовым прибором.

— Этот парень — настоящий козел,— вымолвила наконец Кэтлин.

Тут уж Мэгги не сдержалась и обернулась посмотреть на «настоящего козла», готовая выступить в его защиту.

С виду он казался слишком обыкновенным, чтобы нуждаться в защите Мэгги. По профессиональной привычке она сразу же дала ему оценку. Высокий мужчина средних лет с редеющими волосами, слабовольным подбородком и в очках в проволочной оправе. На нем была белая оксфордская рубашка не по размеру, так что, как он ни старался аккуратно заправить ее в мятые штаны, она все равно неопрятно выбивалась со всех сторон. Над ремнем нависало намечающееся брюшко, выдающее человека, который проводит слишком много времени в офисе.

Мужчина уселся за стол в одной из угловых кабинок, взял с полочки ламинированное меню и, сгорбившись, стал внимательно его изучать. Одновременно он вынимал из свернутой салфетки столовые приборы. И опять все выглядело совершенно обыденным: ничем не примечательный человек вышел перекусить в обеденный перерыв. Но тут Мэгги увидела с трудом идущую к столу тщедушную пожилую женщину; старушка опиралась на палочку, однако этого явно было недостаточно, поскольку второй рукой она держалась за ограждения кабинок. Тогда только Мэгги поняла, что восклицание матери относилось вовсе не к внешнему виду мужчины — Кэтлин была возмущена его поведением, тем, что он бросил бедную женщину и та была вынуждена самостоятельно ковылять к столику. Он ни на секунду не оторвался от меню, пока старушка с трудом огибала стол и потихоньку, дюйм за дюймом, опускала свое немощное тело на скамейку.

Не желая дольше наблюдать эту картину, Мэгги отвернулась. Ей ненавистна была мысль, что с матерью придется согласиться. Еще более ненавистны были неодобрительные цокающие звуки, которые издавала мать, причем так громко, что их слышали другие посетители ресторана, включая, возможно, и «настоящего козла». Да, забавная ситуация.

Многое бы отдала Мэгги, лишь бы и в данную минуту слышать это цоканье, а не дикие вопли, которые издавала мать с пассажирского кресла — будто ее режут. Возможно, если бы Мэгги не отвлекли эти вопли, она бы раньше заметила, как мимо проносится размытое от скорости черное пятно. Определенно, она заметила бы, как огромный пикап собирается врезаться в ее «тойоту короллу», как со скрежетом раздирает мягкий металл и вышвыривает ее легковушку на обочину.

Эй, а не от «короллы» ли бампер болтается на решетке радиатора этого монстра из машинного семейства, как будто он отхватил кусок от бедненькой «тойоты»? Водила обалдел, что ли?

— Не поверю, что ты не видела его! — Нехарактерный визг Кэтлин прозвучал почти комично в сравнении с ее обычным брюзжанием.— Откуда он, на хрен, взялся? — вступая с собой в противоречие, прибавила она.

Затем нагнулась, так что натянулся ремень безопасности, и стала подбирать рассыпавшиеся по всему салону драже «Скиттлз», которые она жевала перед аварией. Конфеты лежали на коврике, словно разноцветные драгоценные жемчужины из порвавшегося ожерелья.

— Я не видела его,— сообщила Мэгги.

Ей удалось восстановить контроль над машиной, и теперь она притормаживала на пыльной обочине двухполосного шоссе. Господи! От пережитого тряслись руки. Чтобы унять дрожь, ей пришлось крепко вцепиться в руль. Но это не помогло, и тогда она бессильно уронила руки на колени. По спине ручьями стекал пот. Как же так получилось, что она не увидела?

Тем временем виновник инцидента также съехал с дороги метрах в двадцати впереди; задние стоп-сигналы мигнули в туче поднятой мощным пикапом пыли. Между автомобилями валялся, словно выброшенный кем-то за ненадобностью, смятый и перекрученный передний бампер «короллы».

— Не вздумай пойти и сказать ему об этом,— прошептала мать.

— Прости, что?

— Не ходи и не признавайся в том, что не заметила его. Ты разве не хочешь получить кругленькую сумму по страховке?

— По-твоему, я вру?

— По-моему, лучше держать рот на замке.

— Я сотрудник Федерального бюро.

— Нет. Ты говорила, что оставила дома жетон и пистолет. Так что сегодня ты самый обычный человек, который едет по своим делам.

Кэтлин кинула в рот несколько разноцветных конфеток, и Мэгги не удержалась от воспоминаний: в свое время мать точно так же глотала в большом количестве пилюли от нервов и частенько запивала их водкой или скотчем. Господи, как у нее вообще что-то лезет в рот после случившегося? Да и пообедали они меньше часа назад. Однако Мэгги понимала: нужно радоваться, что у матери сменились пристрастия.

— Последний раз я попадала в аварию во время учебы в колледже,— обмолвилась Мэгги, роясь в бумажнике в поисках водительского удостоверения и страховки.

— Не знаю, что ты собираешься делать, но только не вызывай копов,— снова прошептала мать, заговорщически нагнувшись к самому ее уху.

Мать и дочь никогда не были близки и обычно находились по разные стороны баррикад, но вот в их машину врезался какой-то псих, и они моментально стали подругами. Хорошо, может, и не подругами. Наверное, более подходит слово «соучастники».

— Но ведь он столкнул нас на обочину,— возразила Мэгги, хотя мать и так была на ее стороне.

— Не имеет значения! Если ты вызовешь копов, будет только хуже.

Мэгги взглянула на мать, которая продолжала закидывать в рот конфеты — будто принимала лекарство от изжоги. Люди часто удивлялись, насколько мать и дочь похожи друг на друга: рыжеватые волосы, светлая кожа и темно-карие глаза.

Несмотря на это, когда они бывали вместе, Мэгги обычно чувствовала себя совершенно чужой этой женщине, которая никак не могла уяснить, что ее дочь не выносит даже вида яблочного пирога.

— Я и есть коп,— отчеканила Мэгги, расстроенная тем, что матери нужно об этом напоминать.

— Нет, дорогуша. ФБР и полиция — разные вещи. О боже! Это он. Тот козел из ресторана.

Мужчина выбрался из грузовичка и осматривал его в поисках возможных повреждений.

— Поезжай,— прошипела Кэтлин и пихнула дочь в бок, жестами показывая, что надо завести машину.

— Скрыться с места происшествия?

— Это ведь он виноват. Он не будет заявлять на тебя копам.

— Уже поздно,— заметила Мэгги.

В боковом зеркале она увидела мигалку патрульной машины, которая показалась из-за поворота и теперь парковалась на обочине. Мать проследила за взглядом дочери и всем телом развернулась на сиденье.

— Бляха-муха!

— Мама!

Несмотря на многочисленные недостатки, ругалась Кэтлин редко.

— Хреновая вышла поездочка.

Мэгги ошарашенно уставилась на мать, изумленная тем, что не только она, но и Кэтлин считает поездку неудачной.

— Пообещай мне, что не будешь строить из себя героиню,— попросила мать, хватая дочь за руку.— Скрой от них, что ты федеральный агент.

— На самом деле сказать будет проще,— ответила Мэгги.— Мы так или иначе родственные структуры.

На слова дочери Кэтлин отреагировала истерическим смехом.

— Ох, дорогуша, если ты всерьез думаешь, что дорожный полицейский оценит помощь со стороны федерального агента, особенно если этот агент женщина...

Господи, как Мэгги не хотелось уже во второй раз за день соглашаться с матерью, но... Та была права. В сельской местности Мэгги сталкивалась с подобным отношением постоянно. Полицейские в маленьких городках обычно занимают позицию «ничего не знаю, моя хата с краю» и всячески противятся расследованию. Порой так же ведут себя и дорожные полицейские.

Она открыла дверцу, однако мать не выпустила ее руку, лишь многозначительно произнесла:

— Обещай мне.

Тон матери напомнил Мэгги о тех далеких временах детства, когда мать настойчиво требовала с нее обещания не разглашать ее многочисленные неблаговидные поступки.

— Не беспокойся,— заверила ее Мэгги и выдернула руку.

— Вай-вай, какой бардак,— посетовал полицейский, приближаясь к «тойоте».

Большие пальцы рук он засунул за пряжку ремня. Миновав автомобиль, он поравнялся с оторванным бампером и остановился. Перевел взгляд с одной машины на другую, затем обратно и удручающе покачал головой. В его зеркальных солнцезащитных очках прекрасно отражалась вся картина происшедшего.

Полицейский был молод — Мэгги могла судить об этом, даже не видя скрытых за очками глаз. Не очень высокий — хотя она и прежде не думала, что в полиции штата Виргиния служат сплошь высокие парни,— но хорошо сложен и явно стремился обратить на это внимание. Руки на ремне он держал явно не для того, чтобы в случае необходимости быстро выхватить оружие, а скорее чтобы подчеркнуть плоский живот — вероятно, под аккуратно заправленной в брюки форменной рубашкой скрывались рельефные мышцы.

— Дайте-ка я отгадаю,— обратился он к Мэгги, хотя сам наблюдал за тем, как «настоящий козел» топчется возле пикапа.— Вы потеряли контроль над машиной. Наверное, губки подкрашивали, а?

— Простите?

Мэгги не сомневалась, что ослышалась.

— А может, болтали по мобильнику? — Он усмехнулся.— Знаю я вас, дамочек. Обожаете вести машину и одновременно трепаться по телефону.

— Здесь нет моей вины.

Она уже повернулась достать из бардачка жетон и тут увидела, как мать подмигивает ей обоими глазами. Мэгги прекрасно поняла значение этой пантомимы: «Вот что получается, когда в дело вмешиваются копы».

— Ну разумеется, это не ваша вина,— даже не потрудившись скрыть сарказм, протянул полицейский.

— Это он нарушил правила,— заявила Мэгги и в ту же секунду поняла, насколько неубедительно прозвучали ее слова.

Этот сопляк в форме уже добился своего — заставил ее занять оборонительную позицию.

— Скажите, сэр, вы нарушали правила? — спросил полицейский у владельца пикапа.

Виновник аварии наконец присоединился к ним и теперь стоял возле оторванного бампера «тойоты» и глазел на него с таким видом, будто понятия не имеет, откуда тот взялся.

— О, ради бога,— простонала Мэгги, но удержалась и не стала развивать мысль.

Ей безумно хотелось двинуть по физиономии этому нахальному сукину сыну. Черт, она уже не помнила, когда в последний раз испытывала такое желание в отношении незнакомого человека.

— Я просто пытался ее обогнать, а она врезалась прямо в меня.

— Это ложь! — крикнула мать Мэгги, которая уже выбралась из машины.

Оба мужчины удивленно на нее уставились, словно не сразу сообразили, что в их компании прибыло.

— Ага,— удовлетворенно изрек полицейский,— у нас есть свидетель.

— Там, в пикапе, моя мама,— сообщил мужчина из ресторана и ткнул большим пальцем за спину.

Все повернули головы в ту сторону: из приоткрытой пассажирской дверцы была высунута худая бледная нога. На большее у старушки не хватило сил. Ее палка висела на ручке с внутренней стороны. Нога, обутая в нечто, больше всего смахивающее на тряпочный больничный тапок, торчала дюймах в восьми над порожком пикапа.

— Что ж, пожалуй, стоит тут все осмотреть. Надо выяснить, что произошло. Посмотрим, чья история окажется более точной.

Полицейский снова неприятно ухмыльнулся.

Мэгги задалась вопросом: где это стервец получал образование? Ни в одной известной ей академии не могли научить такой самодовольной, высокомерной ухмылке. Наверное, он от кого-то услышал, что подобное поведение дает преимущество и обезоруживает возможных оппонентов. Оно и верно — тяжело спорить с человеком, который уже принял для себя решение и намерен унижать вас, коль вы с ним не согласны. Такое поведение более подобает умудренным опытом служителям закона, людям, которые могут позволить себе самоуверенность, поскольку, сами того не желая, прекрасно изучили человеческую природу; людям, которые круты не только перед трепещущими жертвами, но и в серьезной переделке. Этот же чванливый юнец, по убеждению Мэгги, вел себя недостойно.

Подойдя ближе и прочитав имя на полицейском жетоне, она выработала для себя линию поведения. Три полоски на погоне означали, что парень не дослужился даже до первого сержанта*.

— Тормозной след даст довольно четкую информацию, сержант Блейк,— заметила Мэгги.

Полицейский одарил ее колким взглядом, но уже без ухмылки. В этом, в частности, и заключалась ее тактика. Очень важ-

* Первый сержант — звание сержантского состава, эквивалентное званию старшины в российской армии. Находится выше звания сержанта 1-го класса и ниже званий сержант-майора, команд-сержант-майора.

но, во-первых, знать имя, во-вторых, обращаться по званию. Большинство простых людей не разбираются в знаках отличия, им все едино: что сержант, что офицер, что простой патрульный.

— Конечно, конечно. Вполне возможно,— кивнул полицейский.— Но сначала я бы хотел взглянуть на ваши права. Вас обоих.

Он протянул руку.

Видя, как сержант Блейк изо всех сил пытается вновь овладеть ситуацией и вернуть себе преимущество, Мэгги еле сдержала улыбку. Что ж, пускай. Права у нее уже давно были наготове, и она отдала их полицейскому. Водитель пикапа сунул руку в карман рубашки, затем повернулся и похлопал себя по задним карманам брюк. В этот самый момент из его машины раздался странный звук, что-то среднее между сдавленным криком и завыванием: «Гарольд? Гарольд?»

Все повернули головы в направлении пикапа, но ничего особенного не случилось, только продолжала покачиваться торчащая из машины бледная нога. Мэгги, ее мать и сержант Блейк перевели глаза на Гарольда, который начал багроветь от шеи, потом краска залила лицо, а под конец запылали и уши, да так, что Мэгги испугалась: а не горят ли они на самом деле. Однако как он в ресторанчике не обращал внимания на старуху, так и сейчас сделал вид, будто ничего не услышал. Он вытащил наконец огромный раздутый кожаный бумажник и стал в нем рыться.

Мэгги не особенно-то следила за Кэтлин и пропустила момент, когда та отошла в сторону. Сержант Блейк, забрав права, устремился к патрульной машине, а Гарольд тем временем направился на проезжую часть посмотреть, что там с тормозными следами. Потом еще раз внимательно изучил причиненные его машине повреждения, печально покачал головой и поцокал языком — точно такие же звуки совсем недавно издавала Кэтлин, чем едва не вывела дочь из себя.

Наблюдая за Гарольдом, Мэгги собиралась с духом — она хотела сказать, что ему вообще-то повезло. Повреждения у пи-

капа были ерундой по сравнению с оторванным бампером и смятым боком со стороны водительского сиденья у «тойоты». Из зияющей в капоте дыры кинжалами торчали острые куски металла. И он еще чем-то недоволен! Да ни за что в жизни она не возьмет вину на себя! За этими рассуждениями она не сразу заметила, что ее мать стоит у открытой пассажирской дверцы пикапа, положив руки на бедра, наклонив голову и кивая,— видимо, Кэтлин старалась лучше понять слова старухи. В этот момент мать обернулась, поймала взгляд дочери и помахала рукой, подзывая к себе.

Первое, что пришло в голову Мэгги: бедняжка ранена, а Гарольд даже не удосужился поинтересоваться, что с ней случилось. Ах, почему же она не подумала об этом раньше? Мэгги бегом бросилась к пикапу, оглянувшись на ходу на мужчин. Ни один ни другой не обратили на нее никакого внимания.

Женщины о чем-то шептались. К счастью, опасения Мэгги не подтвердились: насколько она могла видеть, мать Гарольда в аварии не пострадала. Правда, на руках у пожилой женщины она заметила несколько старых синяков, которые уже приобрели зеленовато-желтый оттенок. Скрюченные артритом пальцы непроизвольно отбивали дробь по сиденью. Сжавшись в кресле огромного пикапа, она казалась еще более крохотной и хрупкой, чем в ресторанчике.

— Иногда он пугает меня,— обратилась женщина к Кэтлин, хотя глаза ее были устремлены на Мэгги.

— Плохо дело,— отозвалась Кэтлин и, будто только сейчас обнаружив присутствие дочери, пояснила: — Рита пожаловалась, что иногда он бьет ее.

Кэтлин показала на синяки, и старушка, словно желая скрыть доказательства, сложила руки на груди.

— Это он виноват в том, что произошло,— промолвила Рита.— Он врезался прямо в вашу машину. Но вы же понимаете, я не могу даже заикнуться об этом.

Старушка потерла плечи под хлопковой блузкой, словно они тоже болели и были покрыты синяками.

Мэгги удивленно смотрела на двух женщин, которые общались так непринужденно, будто были давними подругами. Как это возможно, что Кэтлин О'Делл за несколько минут подружилась с посторонней женщиной, а к родной дочери за долгие годы так и не смогла подобрать ключик?

— Рита говорит, что иногда по ночам он гоняется за ней с молотком.— Мать Мэгги огляделась по сторонам и, убедившись, что никто не подслушивает, добавила: — И грозится, что утром она может не проснуться.

— Нехороший он мальчик, мой Гарольд,— качала головой старуха; ее пальцы все сильнее отбивали дробь по креслу.

— Эй, что тут происходит? — крикнул Гарольд и, оторвавшись от изучения следов на асфальте, направился к своей машине.

— Мы тут просто беседуем с вашей мамой,— сообщила Кэтлин.— В этом ведь нет ничего страшного?

— Если только она не лжет вам,— произнес он, чуть запыхавшись.— Она все время обманывает.

Для Мэгги странно было слышать, что человек так рассуждает о родной матери, но голос Гарольда звучал совершенно буднично, словно он представлял им свою мать и описывал ее достоинства. Однако, увидев приближающегося сержанта, он сразу утратил кажущуюся безмятежность.

— Забавно, но только что она сказала то же самое о вас,— заявила Кэтлин.— Сказала, что вы лжец.

Мэгги попыталась привлечь внимание матери и предупредить ее, но безуспешно.

— Что тут происходит? — вмешался сержант Блейк, повторив вопрос Гарольда.

— Рита говорит, что он бьет ее,— смело доложила Кэтлин полицейскому.

Несмотря на угрожающее выражение лица Гарольда, она не отступила ни на шаг. Наверное, чувствовала себя в безопасности, пока между ними стояла Мэгги.

— Кэтлин, вы же мне обещали,— жалобно протянула запаниковавшая Рита.

И снова Мэгги попробовала взглядом предостеречь мать, чтобы та замолчала, но Кэтлин игнорировала старания дочери.

— Рита говорит, что вы гоняетесь за ней с молотком.

Сержант Блейк больше не ухмылялся, а Гарольд снова начал багроветь, и теперь Мэгги поняла: не от смущения, а от ярости. Руки он опустил вдоль туловища, пальцы разгибались и снова сжимались в кулаки.

— Ради бога,— пробормотал он с вымученным смешком,— не слушайте вы ее. Она про всех это болтает. Старушка не в своем уме.

— Правда, что ли? — спросил сержант и снова положил руки на ремень.

«На этот раз с таким расчетом, чтобы моментально выхватить пистолет»,— подумала Мэгги.

— Два дня назад она говорила то же самое о почтальоне.— Гарольд смахнул со лба пот.— Ради всего святого, она постоянно лжет.

Мэгги перевела взгляд на Риту: старушка отодвинулась в глубь салона, в трясущихся руках она держала трость, словно приготовилась защищаться.

О том, что было дальше, у Мэгги остались смутные воспоминания. Даже для нее, опытного агента, все случившееся слилось в неясную череду событий. Ей уже доводилось присутствовать при подобных сценах. Происходит обмен репликами, собеседники вдруг вспыхивают — и совершается непоправимое.

Вот сержант Блейк велит Гарольду проехать вместе с ним в участок и там ответить на несколько вопросов. Тот огрызается, что с него довольно «этого бреда», обходит кругом пикап и открывает водительскую дверцу с намерением сесть за руль и уехать. Будь на месте сержанта более опытный полицейский, он бы, возможно, придал своим словам больше убедительности да и вел бы себя иначе, однако Блейк не находит ничего лучшего, как подкрепить свое распоряжение толчком в спину. Конечно, Гарольд отмахивается, и не успевает Мэгги

вмешаться, как он уже лежит на земле, а в его затылке зияет кровавая рана — при падении бедняга налетел на торчащее искореженное крыло собственного автомобиля. Широко раскрытые глаза бессмысленно смотрят в небо, и Мэгги не нужно проверять пульс, чтобы убедиться: Гарольд мертв.

Спустя три часа Мэгги с матерью отвозили Риту домой. Несколько раз старушка указывала неверное направление, но Мэгги понимала, что женщина находится в шоковом состоянии, поэтому спокойно останавливалась и терпеливо дожидалась, пока та вспомнит правильную дорогу. Практически все время Рита молчала. В полицейском участке Кэтлин постоянно интересовалась, не нужно ли кому-нибудь позвонить и обо всем рассказать. И даже после того, как было решено, что они отвезут Риту домой, мать Мэгги продолжала допытываться, не может ли кто-нибудь приехать и побыть с ней, но старушка молчала и только качала головой.

Наконец «тойота» затормозила на обочине у приятного на вид желтенького бунгало в конце улицы, вдоль которой росли огромные дубы и зеленели большие лужайки.

— Не знаю, что я буду делать без моего мальчика,— обронила вдруг Рита.— Он был для меня всем.

В наступившей мертвой тишине Мэгги с матерью обменялись недоуменными взглядами. Наверное, это просто следствие перенесенного потрясения?

— Но он ведь бил вас! — воскликнула Кэтлин.

— О нет. Гарольд ни за что не поднял бы на меня руку.

— Вы говорили, что по ночам он гоняется за вами с молотком.

Мэгги и ее мать повернулись и уставились на старушку; та выпрямилась на заднем сиденье и одной рукой крепко ухватилась за дверную ручку.

— Мой Гарольд никогда бы меня не обидел,— уверенно произнесла она и распахнула дверцу.— Это все противный мистер Самптер, тот, что доставляет почту. Я знаю: он носит в сумке молоток. Он грозился ударить меня им по голове.

С этими словами Рита решительно захлопнула за собой дверцу.

Мэгги и Кэтлин в немом изумлении взирали друг на друга, совершенно ошеломленные. И только когда мать Гарольда уже поднималась на крылечко дома, Мэгги заметила, что старушка больше не ковыляет. Нет, она шагала прямо и ровно, хотя трость осталась на заднем сиденье «тойоты».

Грант Блэквуд

Бриггз Таннер, главный герой дебютного романа Гранта Блэквуда «Конец врагов» («The End of Enemies»), становится случайным свидетелем убийства неизвестного, после чего его втягивают в заговор, и он попадает сначала в Японию, затем на затерянный тихоокеанский остров и в конце концов на кривые улочки Бейрута, где частенько постреливают.

В романе «Стена ночи» («The Wall of Night») мир неумолимо катится к катастрофической войне, а Таннер возвращается в Китай, чтобы раскрыть тайну, которая преследует его вот уже двадцать лет.

В романе «Эхо войны» («An Echo of War») Таннер отправляется на поиски пропавшего родственника, но неожиданно для самого себя включается в охоту за биологическим оружием, разработанным в секретном бункере в последние дни Первой мировой войны.

В приведенном ниже рассказе «Жертвенный лев» вниманию читателей представлен персонаж по имени Генри Колдер, британский

шпион, который тайно едет с «невыполнимой миссией» в Восточный Берлин времен холодной войны. В те годы судьба Европы, да и, возможно, всего мира, висела на волоске. Но «Жертвенный лев» не простая шпионская история, это еще и своеобразный мостик между поколениями. Генри Колдер приходится дедом новому герою Блэквуда — Сэму Колдеру, который через пятьдесят пять лет после роковой миссии деда оказывается в самом эпицентре бурных событий и вступает в противоборство с агентами-предателями, боссами мафии, правящей элитой Вашингтона и олигархами, стремящимися взять бразды правления Америкой в свои руки.

В настоящее время Блэквуд планирует написать несколько произведений о приключениях Сэма Колдера.

Оба Колдера, и дед, и внук, живут в то время, когда мир пребывает в крайне хрупком равновесии.

Но и Генри, и Сэм готовы к осуществлению «невыполнимой миссии».

Грант Блэквуд

ЖЕРТВЕННЫЙ ЛЕВ

Москва, январь 1953 года

Генри Колдер услышал шаги и понял: настал его последний час.

Для чего разыгрывался этот спектакль: чтобы вселить страх в заключенных или же внушить мысль, что никто не скроется от всевидящего ока Сталина? Так или иначе, все обитатели застенков Лубянки узнавали зловещую поступь охранников по коридору. Звук их шагов наводил ужас, их вид производил сильное впечатление. Но Генри уже давно готовился к этому дню, и единственной его мыслью было: «Ну вот все и закончилось».

Перед ним увели как минимум троих бедолаг, и каждый получил в голову пулю из пистолета Макарова. Как и большинство заключенных, они до последнего твердили о своей невиновности, пока их затылка не коснулась ледяная сталь пистолетного дула.

Звуки шагов замерли за дверью. Генри в последний раз оглядел помещение: стандартная мрачная камера без окон с брошенным на полу соломенным матрасом и переполненной парашей в углу. Стены выкрашены в серый и гнойно-желтый цвета. Щель между дверью и стеной — единственный источник света. Солнечного света Генри не видел уже сорок дней. Удивительно, но больше всего он страдал не от пыток, не от постоянного чувства голода и холода, а именно от отсутствия солнца. Как же ему хотелось оказаться под чистым небом!

Copyright © 2006 by Grant Blackwood.

Тело отказывалось повиноваться. С тех пор как заплечных дел мастера принялись за него, Генри исхудал настолько, что ребра и ключицы буквально выпирали из кожи. Нос и правая рука были сломаны, а яички... в общем, он не мог заставить себя посмотреть на них. Ступни раздулись от многочисленных гематом, пальцы на ногах почернели.

«*Похоже, я лишился всех ногтей*,— печально усмехнулся Генри.— Не носить мне больше сандалии».

Кроме всего прочего, он страдал от сильного и мучительного кашля. Наверное, пневмония. А может, что-то другое.

Снаружи отодвинули засов. Генри сгорбился и придал лицу безразличное выражение. Дверь широко распахнулась. В коридоре одетые полностью по форме стояли два знакомых охранника, которых он про себя окрестил Борис-один и Борис-два.

— На выход! — скомандовал Борис-один.

Сделав пару неуверенных шагов, Генри рухнул прямо между охранниками. Он уже давно подозревал, что является единственным заключенным в этом блоке, и теперь убедился в верности своей догадки. Двери всех камер были открыты настежь, показывая только непроглядную темень и голые лампочки, свисающие с потолка. Коридор заканчивался массивной дверью, и, когда они приблизились к ней, Борис-один крикнул по-русски:

— Открывай! Заключенный номер один-ноль-девять-два.

Дверь с грохотом распахнулась. Они вышли и повернули налево. У Генри затряслись руки, и он сжал кулаки. «Ты молодец... ты все сделал как надо...» Затем они начали спускаться по лестнице. Чем ниже, тем слабее становился проникающий сверху свет; когда ступеньки закончились, вокруг стояла почти полная темнота. Впереди смутно угадывался дверной проем. Генри застыл на месте, ноги отказывались двигаться. Идущий позади Борис-два осторожно, едва ли не нежно, положил руку ему на талию. Впервые за сорок дней до Генри дотронулись не с целью причинить боль. На глаза у него навернулись слезы. «Давай, Генри».

Он поковылял во мрак. У двери Борис-один шагнул в сторону и щелкнул каблуками сапог, словно хотел привлечь внимание. Генри судорожно набрал полные легкие воздуха и переступил порог.

«Два месяца,— подумал он.— Господи, неужели это все?»

А сколько ему довелось пережить...

Понимая, что бонзы из МИ-6 не одобрят его план, Генри первым же рейсом вылетел из Лондона в Вашингтон. В аэропорту он взял такси до Е-стрит, где располагался офис недавно образованного Центрального разведывательного управления США. Правда, про себя он продолжал называть контору старым названием — УСС* — и сомневался, что сможет перестроиться. У Генри в управлении имелись друзья, с большинством из которых он не раз в составе отрядов «Джедбург»** совершал рейды за линию фронта.

У сидящего в будке охранника он спросил Люсиль Руссо. Тот набрал номер, выслушал ответ, после чего вручил Генри бедж и объяснил, как пройти к квонсет-бараку Люсиль. Она уже ждала старого знакомого.

— Генри! Вот так сюрприз! А мне казалось, ты ненавидишь летать.

---

* УСС (Управление стратегических служб) — первая объединенная разведывательная служба США, созданная в июне 1942 года для сбора и анализа стратегической информации, необходимой для комитета начальников штабов и для проведения специальных операций. 20 сентября 1945 года УСС было распущено президентом Гарри Трумэном, но уже в 1946 году Трумэн создал Центральную группу разведки, ставшую прямой предшественницей ЦРУ. 26 июля 1947 года был принят закон о национальной безопасности, по которому было создано Центральное разведывательное управление, которое приняло на себя функции УСС.

** Отряды «Джедбург» — отряды специального назначения во время Второй мировой войны, состоявшие из двух офицеров и радиста-рядового. Десантировались на оккупированной территории, чтобы установить контакты с действующими группами сопротивления. Отряды обеспечивали связь с союзными штабами, организовывали снабжение, обучали бойцов движения Сопротивления обращаться с оружием и координировали действия разных отрядов.

— Так и есть. Ненавижу.— Воспоминания о самолетах, парашютах и всем с ними связанном были для Генри неприятны.— Люсиль, я тут занимаюсь одним делом, и мне нужна твоя помощь. Я могу рассчитывать на беседу без свидетелей — ты, я и Джо?

Джо Пультц, еще один друг Генри по отряду «Джедбург», теперь трудился в отделе специальных операций. Он сидел, развалившись на стуле и закинув ноги на стол, но при виде гостей проворно вскочил и бросился навстречу.

— Генри? Генри Колдер? Боже, как я рад тебя видеть!

— Взаимно, Джо.

— Генри хотел бы поговорить с нами,— вмешалась Люсиль.

— Валяй,— согласился Пультц.

Закрыв дверь, он предложил гостям стулья.

На то, чтобы обрисовать ситуацию, у Генри ушло меньше пяти минут.

— Дело рискованное, но если мы победим...

— Господи, Генри, не знаю, что и сказать. Как у тебя со временем?

— Все должно произойти в ближайшую пару месяцев. У нас масса времени, если мы поторопимся.

— А твои люди?

— Я в долгосрочном отпуске.

Пультц на мгновение задумался, затем кивнул.

— Даллес сейчас в отъезде. Пойдем пообщаемся с Жуком.

Уолтер Беделл Смит по прозвищу Жук в прошлом командовал штабом генерала Эйзенхауэра в Европе, затем президент Трумэн своим указом назначил его на пост директора ЦРУ. Смит был солдатом до мозга костей, и Генри надеялся повернуть это обстоятельство в свою пользу. Внимательно выслушав план Генри, Жук воскликнул:

— Боже, приятель, тебе жить надоело?

Подпиравшие стену Люсиль и Джо нервно заерзали. Генри только улыбнулся.

— Прошу прощения,— продолжил Смит.— Ладно, сколько тебе нужно контактов?

— Три.— Генри назвал имена.— Сомневаюсь, что на большее у меня хватит времени.

— Тебе требуется основательная подготовка.

— Да.

— Насколько я помню, ты знаешь немецкий. А как у тебя с русским?

— Йа ищу девушку, которая хочет любит и быт любимой.

— А кто этого не хочет? — отреагировал Смит.— Ты собираешься ехать без ничего?

«Без ничего» означало без дипломатического прикрытия. Если Генри схватят, ему никто не поможет.

— Это единственный шанс,— объяснил он.

— Как по времени?

— Две недели на подготовку здесь и три дня на операцию.

— Плотное расписание.

— Вряд ли мне отпустят больше времени.

— Пожалуй, ты прав.— Несколько секунд Смит молча смотрел в окно.— Скажи, ты уверен?

— Генерал, нам известно, что рано или поздно они придут. Это наш шанс.

— У тебя есть семья?

— Мы с женой развелись в сорок втором. Оуэну, сыну, сейчас двенадцать. Отчим — порядочный человек.

«Не то что я,— с горечью добавил по себя Генри.— Никогда не был ни хорошим мужем, ни хорошим отцом».

Начиная с 1939 года он чаще бывал в разъездах, чем дома.

— Но все же они...— начал Смит.

— Они не станут по мне скучать, генерал. Разреши мне сделать это. Прошу тебя. У меня получится все изменить.

— Мне надо будет переговорить с Айком.— Эйзенхауэр, всего неделю назад избранный президентом Соединенных Штатов, как раз готовился к предстоящей в январе инаугурации.— А пока, Джо, вам с Люсиль предстоит потрудиться. Обеспечьте Генри всем необходимым.

Спустя десять дней все необходимое имелось в наличии: прикрытие, соответствующие документы, явки, маршрут следования. Главная роль во всей операции отводилась административному секретарю, женщине, служащей в штаб-квартире ГСВГ (Группы советских войск в Германии) в Цоссен-Вюнсдорфе. Ее активно обрабатывал «наставник» из ЦРУ.

Через две недели после прибытия в Вашингтон Генри Колдер спустился по трапу на летном поле аэропорта Темпельхоф, расположенного в Западном Берлине. Там он взял такси и отправился на Баервальд-штрассе в местное отделение ЦРУ, где в течение часа общался с резидентом. Уже сгущались сумерки, когда он добрался до контрольно-пропускного пункта на границе с Восточным Берлином на Хаусзее-штрассе в контролируемый французами сектор.

Генри остановился перед шлагбаумом. По обе стороны от машины вдаль тянулись ряды колючей проволоки, сверкающей в лучах электрического света. К водительской дверце подошел часовой и велел предъявить документы. Еще двое солдат встали по сторонам.

— Уважаемый есть француз? — осведомился часовой на неестественном английском, который по умолчанию был в ходу на пропускных пунктах.

— Oui. Да.

— Цель поездки?

— В письме все изложено,— ответил Генри.— Я работаю консультантом в СЭВ.

Аббревиатура расшифровывалась как Совет экономической взаимопомощи. Один этот факт уже гарантировал немедленное и пристальное внимание к Генри со стороны Штази, секретной полиции Восточной Германии, и МГБ, Министерства госбезопасности Советского Союза, но другого выхода не было.

Часовой вернул документы.

— Проезжайте.

Шлагбаум поднялся, и Генри Колдер въехал на территорию советской оккупационной зоны.

Он работал в Берлине с самого окончания войны и хорошо знал здесь все закоулки. Даже во мгле наступившего вечера бросалась в глаза унылость советского сектора: серые строения, серые улицы; сквозь холодную морось едва пробивается свет уличных фонарей. Такое впечатление, что за время оккупации выцвели все краски. На каждом шагу взгляд натыкался на груды камней — свидетельства бомбардировок семилетней давности. Большинство зданий несло на себе следы минувшей войны: дыры от пуль, зияющие проломы от снарядов, осыпающиеся фасады. Изредка по улице быстро шли люди в потертых пальто, головы у всех были опущены. Домой они спешили или еще куда?

«Сколько же их?» — прикинул Генри.

Согласно последним оценкам, по всей Восточной Германии у Штази насчитывалось 50 000 агентов и еще 125 000 осведомителей. Стало быть, каждый шестой на улице работал на Штази.

Вопрос для Генри стоял просто: успеет ли он исполнить все, что задумал, прежде чем до него доберутся?

Он без труда нашел конспиративную квартиру на Вильгельм-Пик-штрассе. Машину он оставил в конце квартала и прогулялся пешком — убедиться, что не подцепил хвост. Затем поднялся по узкой лестнице и постучал в дверь.

— Ja? Герр Томас? — раздался женский голос; говорили на немецком, но с русским акцентом.

Любое другое имя, кроме Томаса, означало, что что-то пошло не так и ему следует незамедлительно убираться отсюда и никогда не возвращаться.

Генри произнес условленную фразу, и дверь распахнулась.

Агент под кодовым именем Адекс оказалась высокой светловолосой женщиной с хорошей фигурой. Генри понятия не имел, что подтолкнуло ее к предательству — наверное, что-то из списка: деньги, идеология, компромисс, принуждение,— да это и не имело значения. Люсиль с Джо поручились за ее наставника, а наставник поручился за Адекс. Последние че-

тыре года она работала в Управлении снабжения и транспорта в ГСВГ.

— Добро пожаловать,— поприветствовала она гостя.— Меня зовут...

— Мне не нужно ваше имя.

— О да, конечно. Проходите.

Генри торопился, а женщине не терпелось поболтать. Все агенты не в меру общительны. Чувство одиночества и страха — обычное дело среди них, в особенности здесь. Через двадцать минут она передала Генри досье. Он попросил чаю и стал просматривать бумаги, запоминая основные моменты. Потом подошел к дровяной печи и сунул папку в огонь.

— Как вы раздобыли эти сведения?

— Слухи. Отчеты о расходах. Все такое. Они собираются по нескольку раз в неделю. Что тут скажешь? Они любят поговорить.

Адекс застенчиво улыбнулась и отхлебнула чаю.

«Наверняка есть еще кое-что,— подумал Генри.— Секс-*шпионаж в лучшем виде*».

— А другие способы?

При помощи указательного и среднего пальцев руки она изобразила ножницы.

— Чик-чик — и готово. Срезала у него с пояса.

Они обменялись еще несколькими фразами, потом Генри бросил на стол сложенную газету. Внутри ее был конверт.

— Там документы. Сегодня вы уезжаете. Вас встретят...

— Что? Сегодня? Почему?

— Вас арестуют, если останетесь. Из дома вы направитесь к восточному концу аллеи Пренцлауэр. Там остановитесь. В левую руку возьмите газету. Вас встретят.

На самом деле он знал, что за Адекс начнут следить, как только она переступит порог, и, если нарушит инструкцию, ее подберут прямо на улице.

— Повторите,— велел он.

— Аллея Пренцлауэр, восточный конец. Газета в левой руке.

— Хорошо. Вам пора.

Женщина ушла. Генри допил чай, растянулся на раскладушке и заснул.

Проснувшись в два часа, он спустился на улицу, сел в машину и направился на юг. На окраине Берлина он допустил первую ошибку: не остановившись, проскочил знак «Стоп» и не заметил спрятавшуюся в кустах машину Народной полиции. Притормозив на обочине, Генри терпеливо ждал, пока полицейский проверяет документы, интересуется его маршрутом и читает лекцию о правилах дорожного движения.

Оставшуюся часть ночи он, убивая время, колесил по сельской местности, держа курс на юго-восток. За два часа до рассвета Генри добрался до Магдебурга и посетил за час несколько тайников. Забирать в них было нечего, но сам он кое-что оставил. Затем, сверившись с картой, поехал в Кляйнгартен — парк на берегах озера Нойштадтер. Возле него Генри припарковался, забрался в гараж, из которого открывался вид на центральную аллею, и там затаился.

Нужный ему человек появился точно по графику. Генерал-полковник Василий Сергеевич Беликов, герой Великой Отечественной войны, командующий Третьей краснознаменной ударной армией, был человеком привычки. Каждое утро без исключений он выгуливал на берегу озера Нойштадтер свою борзую.

Генри подождал, когда Беликов окажется от него в трехстах ярдах, поднял воротник и ступил на аллею. Трава серебрилась инеем, снежинки вылетали из-под ног и ярко сверкали в лучах солнца.

Беликова сопровождали четыре охранника — десантники из Девятого корпуса, двое впереди и двое сзади. Генри сгорбился и побрел шаркающей походкой — самый обыкновенный уставший и измученный немец. Когда он поравнялся с первой парой охранников, те остановили его, проверили документы, сноровисто обыскали и отпустили с миром. Генри чувствовал

на себе настороженные взгляды и знал, что эти ребята держат оружие наготове и стоит ему сделать один неверный шаг — они без промедления откроют огонь.

Поравнявшись с генералом, он незаметно кинул на землю синюю пуговицу. Нагнулся ее поднять и произнес:

— Entschuldigen Sie, bitte.

«Простите, пожалуйста».

Генерал обернулся и ответил по-русски:

— Простите.— Затем добавил на немецком: — Was?

«Что?»

— Вы обронили,— сообщил Генри, протягивая генералу пуговицу.

За его спиной охранники Беликова тяжело задышали и крепче сжали в руках автоматы. Генерал поднял руку, останавливая их, и обратился к Генри:

— Пардон?

— Вот, с пояса вашего пальто. Наверное, оторвалась.

— Э... да,— отозвался Беликов, посмотрев вниз, и забрал пуговицу.— Спасибо вам.

С этими словами он повернулся и продолжил прогулку.

Ближе к полудню Генри возвратился в Берлин. На мосту Варшауэр через Шпрее он впервые заметил агентов из Штази. Те были на двух машинах: первая двигалась впереди, а вторая ярдах в ста позади. В зеркальце заднего вида Генри увидел, как один из людей в машине поднес ко рту микрофон и что-то сказал.

Все понятно. Штази село ему на хвост, возможно уже начиная с Магдебурга. Поскольку пока он являлся для них неизвестной величиной, они держались на расстоянии. Но долго такая ситуация продлиться не могла.

Два часа Генри катался по городу, позволяя агентам наблюдать за собой, а сам одновременно наблюдал за ними. Генри размышлял о том, что необходимо определить масштаб развернутой слежки и тогда станет ясно, каким временем он рас-

полагает. С другой стороны, если агенты посчитают, что он заметает следы, у них могут не выдержать нервы и они попытаются его задержать. Так или иначе, Генри предстояло играть роль преследуемой добычи.

День он провел в безопасном доме на Пик-штрассе, а в шесть часов направился из города на север и, преодолев сорок миль, оказался в городке Фюрстенберг. Уже спустились сумерки; вдоль Ляйбнин-штрассе желтыми маяками загорелись уличные фонари. Всего ничего отъехал он от Берлина — меньше часа,— но в Фюрстенберге и люди были повеселее, и даже дышалось легче. Оставив машину на боковой улочке, Генри пешком прошел полквартала до пивной под названием «Черная кошка».

Пивная была забита русскими солдатами, в основном танкистами и спецназовцами — элитой советских спецслужб. В воздухе висела плотная завеса сигаретного дыма. Из приемника в углу, включенного на полную громкость, звучала русская народная музыка. Генри с трудом пробился сквозь толпу к стойке и заказал пиво. Пару минут спустя в пивную вошли двое штатских в черных кожаных пальто и заняли столик в дальнем углу.

«Они уже не скрываются,— мысленно отметил Генри.— Сеть затягивается».

Ему понадобилось всего полминуты, чтобы найти интересующего его человека. Генерал Юрий Павлович Кондраш, командующий Второй гвардейской танковой армией и Двадцатой гвардейской диверсионной бригадой специального назначения, сидел в гордом одиночестве, компанию ему составляла лишь бутылка водки. Генри подошел к его столику и предложил сигарету, завязал непринужденный разговор. На какой улице ближайшая мясная лавка? В каком месяце организуют фестиваль Мэригольд? Как часто ходят поезда в Блиндов?

Генерал отвечал односложно, но Генри своей цели добился.

В Берлин он вернулся около десяти вечера. По дороге обнаружил, что наблюдателей прибавилось: еще шестеро в трех машинах. Итого десять человек. Это только те, кого он засек, но, возможно, рядом находилась еще дюжина. Они уже совершенно не прятались — ближайшая машина следовала в каких-то десяти футах от заднего бампера автомобиля Генри.

«Теперь уже осталось недолго,— подумал он, сверяясь с часами.— Господи, только бы успеть».

Удивительно, но расположенный в непосредственной близости от Бранденбургских ворот и выходящий окнами на реку Шпрее Театр на Шиффбауэрдамм во время войны почти не пострадал. После 1948 года он фактически стал средоточием культуры Восточного Берлина — от оперы до балета и театральных представлений. По пятницам здесь давали оперу. Сверившись с программкой, которую ему любезно предоставила Адекс, Генри выяснил, что этим вечером идет «Тангейзер» Вагнера. Сам он предпочитал опере старый добрый вестерн, но у человека, ради которого он здесь оказался, были иные вкусы.

Маршал Красной армии Георгий Иванович Преминин, командующий Группой советских войск в Германии, был железным кулаком Сталина в Восточной Германии. Кроме того, он являлся последним звеном в головоломке, которую торопился собрать Генри Колдер.

Припарковавшись на Ораниенбургер-штрассе возле небольшой липовой рощицы позади полуразрушенной церкви, Генри выбрался из машины. Прежняя морось переросла в ледяной дождь вперемешку с градом. Генри подошел к багажнику — градины ударялись и отскакивали от полей его шляпы — и посветил карманным фонариком под бампер. Как он и предполагал, там был передатчик, видимо прикрепленный, пока он находился в «Черной кошке». Генри оторвал его, раздавил ногой, а искореженные остатки зашвырнул подальше. Конечно, Генри знал, что это не спасет его, но, по крайней ме-

ре, даст фору во времени, пока люди из Штази рыскают по округе в поисках его автомобиля.

Он надвинул шляпу на глаза и направился к театру.

Повалил мокрый снег, и вместе с ним со Шпрее поднялся туман. Казалось, здание театра плывет над землей; клубы тумана завивались вокруг его готических карнизов. В окружающей темноте подсвеченные изнутри прямоугольные витражные окна сверкали всеми цветами радуги.

Притаившись на аллее, Генри внимательно осмотрел стоянку и наконец нашел машину Преминина: черный лимузин ЗИС-110 с советской эмблемой «серп и молот» на крыльях. Шофер маршала, он же его телохранитель, стоял под зонтом возле водительской двери и курил.

Вдруг раздался визг покрышек. Из-за угла вылетел черный «мерседес». Водитель резко затормозил и погасил фары. Впереди сидели двое; в свете уличных фонарей виднелись лишь неясные силуэты. Вот вспыхнул огонек сигареты и тут же погас.

Генри достал из кармана двубортного плаща пинту виски, половину вылил, затем сделал большой глоток и прополоскал рот. Отшвырнул шляпу в сторону, окунул руки в грязную лужу и перепачкал себе волосы, после чего вышел на тротуар.

Изображать пьяного — очень непростая задача, но Генри уже не раз доводилось прибегать к этой уловке. Немелодично напевая что-то себе под нос, он свернул на проезжую часть и, пошатываясь, устремился в сторону премининского ЗИСа. Заметив пьянчугу, шофер щелчком отбросил сигарету и проворно сунул руку под пальто.

— Эй, классная тачка, да? — произнес Генри по-немецки.— Это че такое? «Мерседес»?

— Нет. Нет,— прорычал шофер по-русски.— Вали отсюда.

Не обращая на него внимания, Генри прошаркал к пассажирской дверце. Шофер двинулся за ним, не вынимая руку из-под пальто, и все повторял:

— Нет. Нет...

— Чертовски большая хреновина.

Заднее окошко ЗИСа было чуть опущено.

Генри сделал большой глоток из бутылки и краешком глаза увидел, что русский решительно шагает к нему. Генри покачнулся, накренился вперед и, чтобы не упасть, ухватился за опущенное стекло и прижался к нему лицом.

— Какой интерьер! Это кожа?

— Убирайся отсюда!

Шофер грубо вцепился Генри в отворот пальто, но тот успел разжать пальцы и уронил внутрь машины небольшую алюминиевую трубочку. Она ударилась о заднее сиденье и приземлилась на пол. Шофер с силой дернул пальто на себя, и Генри покорно плюхнулся на мостовую.

— Эй, что за дела?

— Вали отсюда, тебе говорят!

— Ну хорошо, хорошо.

Поднявшись на ноги, Генри отряхнулся и нетвердой походкой побрел по улице.

За спиной взревел двигатель, фары осветили удаляющегося «пьянчужку». Он кинул взгляд через плечо — «мерседес», набирая скорость, следовал за ним. Генри выбросил бутылку и помчался.

Ловушка захлопнулась, люди из Штази были повсюду. В течение следующего часа Генри несся по паркам и перепрыгивал через заборы, летел вниз по переулкам и вверх по пожарным лестницам и дальше по крышам. Выли сирены — иногда вдалеке, иногда совсем близко. На каждом повороте синие мигалки освещали мокрый булыжник и витрины магазинов. Безумная гонка продолжалась, пока Генри не оказался на северо-западе всего в переулке от безопасного дома.

Скрючившись за изгородью, он затаился на пять минут, ежесекундно ожидая увидеть огни мигалок и услышать вой сирен. Все было тихо. Он быстро перешел дорогу и стал подниматься по ступенькам, когда его выхватила из темноты пара мощных фар, затем еще одна и еще. Открылись и захлопнулись дверцы машин. По мостовой загрохотали башмаки.

— Schnell! Schnell!

— Halt!*

Генри взбежал по ступенькам, трясущимися руками повернул ключ в замке, толкнул дверь, влетел внутрь и заперся. На лестнице раздался топот множества ног. Дверь содрогнулась от удара, потом еще от одного. Деревянный косяк треснул. Генри мгновенно пересек комнату, опустился на колени и с усилием отогнул плинтус. За спиной вдребезги разбилось стекло. Генри быстро оглянулся: в образовавшуюся дыру просовывалась чья-то рука и нащупывала дверную ручку. Он вынул из тайника пакет и бросился к печке, в которой одиноко тлел уголек. Генри с силой дунул, и в печи вспыхнул огонь. Он попытался засунуть внутрь пакет. Слишком большой. Пришлось сложить его и повторить попытку.

В это время дверь с треском распахнулась.

— Halt!

Он обернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как мелькнул приклад винтовки.

А потом его поглотила тьма.

С завязанными глазами и скованными за спиной руками Генри доставили — как он предположил — либо в штаб-квартиру Штази на Норманнен-штрассе, либо в тюрьму «Хоэншенхаузен». Никто с ним не общался, не задавал никаких вопросов. Через неплотно сидящую на глазах повязку он видел ноги входящих в камеру и выходящих из нее. Потом ощутил укол, и сразу же тело стало будто невесомым. Звуки, запахи, чувства — все слилось воедино. Он слышал русскую речь, чувствовал сильный запах курева, потом чьи-то руки начали его раздевать.

Время для Генри перестало существовать. Он постоянно балансировал на грани провала в беспамятство. Воспоминания о том периоде были довольно скудными: укол иглы... жжение в венах от введенного наркотика... ритмичный стук сталь-

* «Быстро! Быстро!», «Стой!» *(нем.)*.

ных колес по рельсам... паровозные гудки... резкий запах сжигаемого угля. Небольшой незамутненной частью сознания Генри понимал, в чьи лапы угодил и куда его везут.

На утро третьего, или четвертого, или пятого дня пути поезд остановился, громко скрипя колесами.

Генри рывком подняли и стащили вниз по ступеням. Под ногами громко хрустел снег, а сквозь повязку проникал яркий солнечный свет. Затем его недолго везли в автомобиле, после чего грубо выволокли наружу, и ему пришлось спуститься по бесконечным ступенькам, а потом пройти по длинному коридору. Наконец Генри сильно пихнули в спину, он споткнулся и врезался в стену. Сзади громко захлопнулась дверь.

Он привалился спиной к стене и медленно съехал на пол.

Лубянка.

Три дня он провел в полной темноте. На четвертый за ним явились двое охранников. Генри снова надели повязку на глаза и повели по коридору, на несколько лестничных маршей вниз, потом по другому коридору, все дальше и дальше в ужасное чрево тюрьмы.

Его втолкнули в комнату, усадили на стул, привинченный болтами к полу, и приковали наручниками. Повязку наконец сняли. Маленькое квадратное помещение без окон освещалось единственной голой лампочкой, свисающей с потолка. Перед Генри стоял и в упор смотрел на него человек в форме полковника Министерства госбезопасности, как определил по погонам Генри.

«Второе управление,— догадался он.— Скверно».

— Доброе утро, мистер Колдер,— поприветствовал его полковник по-английски с легким акцентом.

Генри не удивился тому, что здесь его знают, все же он участвовал в нескольких десятках операций в Берлине, как непосредственно, так и издалека в качестве руководителя, и доставил немало головной боли и Штази, и МГБ.

— Я давно мечтал с вами встретиться,— добавил полковник.

— И теперь, когда встреча состоялась, надеюсь, вы отпустите меня?

Полковник довольно захихикал.

— Боюсь, что нет. Давайте побеседуем, не возражаете?

В последующие два дня полковник допрашивал его по двадцать часов в сутки — на рассвете, в течение дня, посреди ночи. То двенадцать часов без передышки, то всего лишь час. Все вопросы сводились к одному-единственному: зачем он прибыл в Восточный Берлин?

Но Генри хранил молчание.

На третий день его начали избивать. Его подвесили за запястья, а лысый здоровяк обрабатывал его дубинкой, прерываясь лишь затем, чтобы перевести дыхание или дать полковнику возможность задать очередной вопрос.

Генри продолжал молчать.

В начале второй недели пребывания на Лубянке его снова привели в комнату для допросов, раздели донага и приковали наручниками к стулу. Полковник курил в углу и наблюдал за заключенным. На пороге возник лысый громила; в руках он держал нечто напоминающее скворечник.

«Нет, не скворечник,— подумал Генри.— Держись, приятель. Тебе прекрасно известно, что это такое».

Полевой телефон с рукояткой.

Лысый прикрепил провода сначала к телефону, затем при помощи зажимов-крокодильчиков — к яичкам Генри. Сделав дело, он кивнул полковнику. Тот медленно подошел и навис над заключенным.

— Даю вам последний шанс.

Однако Генри только отрицательно покачал головой.

Лысый начал крутить рукоятку.

Продержался Генри еще неделю, а потом раскололся. Признания лились потоком — начиная с прилета в Темпельхоф, встреч с Беликовым, Кондрашом и Премининым и заканчивая захватом на квартире. Сменивший гнев на милость пол-

ковник раз за разом заставлял Генри повторять историю и все пытался отыскать в ней несоответствия и противоречия. Наконец на пятый день полковник прекратил задавать вопросы и отпустил стенографистку.

— Не падайте духом, дружище. Вы сделали все, что смогли.

И в первый раз за сорок дней Генри Колдер улыбнулся.

И вот, стоя на пороге помещения, где приводили в исполнение смертные приговоры, он почувствовал, как помимо воли на уста его снова наползает улыбка. Генри смахнул улыбку с лица и шагнул в комнату. Она очень напоминала ту, в которой его допрашивали, за исключением двух деталей: стены были завешаны плотной тканью, заляпанной пятнами, и на полу лежал мешок для трупов.

— Доброе утро,— приветствовал его полковник.

— Вроде звучит обнадеживающе.

— Да уж. Но иначе не скажешь. Жаль, что дошло до этого. Однако у меня приказ, увы.

— Как и у всех нас.

— Мы ведь с вами профессионалы. Вы делали свою работу, я — свою. А для начальства мы заклятые враги.

— Что они понимают...

— Все пройдет быстро, обещаю.

— Что будет с моими людьми? — поинтересовался Генри.— Беликов, Кондраш и Преминин.

Он знал ответ, но ему хотелось услышать его от полковника.

— Все уже случилось. Их признали виновными в измене Родине и вчера казнили.

— А моя сеть?

— Сейчас мы проводим самое тщательное расследование и в скором времени вычислим всех.

— Не сомневаюсь.

— Встаньте, пожалуйста, на колени,— велел полковник.

Генри повернулся лицом к стене и опустился на колени. Он предполагал, что его охватит чувство страха, что оно заполнит каждую клеточку тела... Но ничего подобного. Ему было

хорошо и покойно. Внезапно он ощутил тяжесть в груди, к горлу подступил кашель. Он напрягся и согнулся пополам от ужасной боли, дожидаясь, когда пройдет спазм. Затем утер рот и обнаружил, что вся ладонь в крови.

— Пневмония,— заметил полковник.

«Нет, не совсем так»,— подумал Генри.

Ирония заключалась в том, что только сейчас проявились первые симптомы. Врачи говорили, что ему осталось максимум четыре месяца, затем возникнут метастазы и рак распространится из легких на весь организм. После этого жить он будет неделю, максимум две.

В послевоенные годы американские и британские спецслужбы серьезно опасались, что рано или поздно Сталин двинется с Красной армией на Европу и союзникам придется решать, как одолеть его без применения ядерного оружия. Нужно было попытаться остановить наступление еще до того, как оно начнется. Для Генри было очевидно, как это сделать: лишить Красную армию ее лучших умов. Советский вождь сам взвел курок своей параноидальной подозрительностью, оставалось лишь плавно потянуть за спусковой крючок.

Сталин дюжину раз проводил чистку в рядах армии и уничтожил сотни тысяч преданных бойцов, основываясь лишь на беспочвенных подозрениях и совершенно невинных связях. Тем не менее трое из числа наиболее одаренных военачальников — генерал-полковник Василий Беликов, генерал Юрий Кондраш и маршал Георгий Преминин — пережили все чистки и заняли в итоге ключевые позиции в армии Советов. Когда началась война, у этих троих было достаточно сил, чтобы покорить Западную Европу.

Конечно, все они клялись в своей невиновности, но советская госбезопасность, всегда готовая к разоблачению предателей и понукаемая маниакальной подозрительностью Сталина, опасавшегося внутреннего заговора, получила необходимые доказательства.

Генри тщательно разработал сценарий, исходя из ожидаемой реакции советских спецслужб. Британский супершпион, много лет торчавший занозой в пальце советской контрразведки, внезапно приехал в Восточный Берлин с некой срочной миссией.

Была организована утечка информации: в эфир якобы случайно просочилось кодированное сообщение с упоминанием об операции «Мэригольд» и активации трех агентов с кодовыми именами Паскаль, Херринг и Овен.

За несколько недель до появления в Берлине агента поддерживаемая ЦРУ радиостанция «Свободная Европа» начала периодически передавать в эфир определенный набор фраз, в которых повторялось одно слово: «Мэригольд». Генри очень надеялся, что русские проглотят наживку.

И наконец, одновременно с прибытием шпиона в Восточный Берлин из штаб-квартиры ГСВГ исчез административный секретарь. Генри легко мог вообразить донесение, которое люди из МГБ адресовали лично Сталину:

«Оказавшись в советском секторе, британский агент Колдер сразу попал под наблюдение. Его проследили до Магдебурга, где он проверил три тайника в непосредственной близости от штаб-квартиры Третьей краснознаменной ударной армии, затем тайно передал что-то генерал-полковнику Василию Сергеевичу Беликову; факт передачи был запечатлен на пленку. Когда Беликова арестовали, у него изъяли фальшивую пуговицу от пальто. Пуговица представляла собой футляр для микропленки, внутри лежала записка со следующим текстом: "Приступить к операции «Мэригольд»".

В Фюрстенберге агент Колдер был замечен в компании генерала Юрия Павловича Кондраша, командующего Второй гвардейской танковой армией и Двадцатой гвардейской диверсионной бригадой специального назначения. По словам свидетелей, в их беседе прозвучало слово "Мэригольд".

В Восточном Берлине агента Колдера сфотографировали возле лимузина маршала Георгия Ивановича Преминина, ко-

мандующего Группой советских войск в Германии. Во время ареста в лимузине был произведен обыск и обнаружена металлическая трубочка, в которой находилась записка со словами: "Приступить к операции «Мэригольд»".

В ходе допросов агент Колдер подписал признание, в котором подробно рассказал обо всех деталях операции "Мэригольд" и участии Беликова, Кондраша и Преминина в заговоре, ставившем целью бунт в рядах Красной армии и в дальнейшем — свержение Советского правительства».

В свою очередь, Генри осторожно, но последовательно нарушал все установленные правила конспирации. Он в открытую заявился в отделение ЦРУ в Западном Берлине, где его сфотографировали наблюдатели из Штази; въехал на территорию Восточного Берлина из французского сектора с документами, не выдерживающими никакой критики; остановившая его Народная полиция переписала номер его машины и позволила агентам Штази сесть ему на хвост; он уничтожил поставленный на машину передатчик — явный признак, что агент собирается бежать. Наконец, во время ареста при нем нашли среди прочего шифровальный блокнот и частично зашифрованное послание, содержащее слово «Мэригольд»; в тайнике за плинтусом хранились поддельные документы и поврежденный передатчик.

Генри продумал план до мельчайших деталей, однако было в нем одно «но»: чтобы операция завершилась успешно, требовалась жертва, человек, который согласится «купить билет в один конец».

Когда Генри узнал о своей болезни, он не колебался ни секунды.

Заскрипела кожаная кобура — это полковник вытаскивал пистолет. По бетонному полу зацокали каблуки. Генри буквально почувствовал, как полковник подносит к его затылку дуло пистолета, выискивая нужную точку.

«Ни о чем не жалей, Генри. Ты переменил ситуацию в лучшую сторону. Ты вел себя как настоящий герой».

— Полковник,— не оборачиваясь, произнес Генри,— можно попросить об одной услуге? Как профессионал профессионала.

Пауза. Затем вопрос полковника:

— О какой?

— Хотелось бы еще раз увидеть солнце.

Молчание.

Генри зажмурил глаза и задержал дыхание.

— Хорошо, Генри,— согласился наконец полковник.— Встаньте, я провожу вас.

В последовавшие за арестом Генри Колдера месяцы к суду были привлечены и казнены или же отправлены в лагеря по обвинению в измене Родине сотни офицеров из различных подразделений Группы советских войск в Германии. Чистка охватила не только армейские ряды, пострадали также некоторые политики и сотрудники Главного разведывательного управления. К концу февраля тысячи людей исчезли в мрачных подвалах Лубянки.

А 5 марта 1953 года во сне умер Иосиф Сталин.

Ф. Пол Вилсон

Наладчик Джек, современный городской наемник, впервые появляется на страницах романа «Гробница», попавшего в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

Вот несколько фактов о Джеке.

Прозвище Наладчик прилипло к нему само собой.

С одной стороны, он обычный человек, живущий на Манхэттене, с другой – существует как бы вне обычного мира. У него нет удостоверения личности и социальной страховки, он не платит налоги. Когда вы теряете веру в систему или же система отбрасывает вас, словно ненужную вещь, вы идете к парню, который находится вне системы. Идете к Джеку. Но он отнюдь не занимается благотворительностью. Он профессиональный преступник и работает исключительно за деньги.

Джек считает себя скромным бизнесменом и старается, чтобы в работе эмоции не брали верх над разумом, хотя на практике почти всегда выходит наоборот. Временами в нем просыпается необузданная ярость, и Джека это беспокоит.

Будучи убежденным сторонником закона Мерфи*, он тщательно планирует все свои «наладки», однако действительность редко укладывается в планы, и это его раздражает.

---

* Закон Мерфи в общем случае формулируется так: если неприятность может случиться, она случается.

Он противник современных технологий. Не луддит*, но считает, что к технологиям в целом более всего применим опять же закон Мерфи. По его мнению, все мужчины попали на Землю с Марса, женщины – с Венеры, а правительство – с Урана.

В конце романа «Гробница» Джек погибает, однако спустя четырнадцать лет волею Вилсона воскресает, чтобы заняться «наладкой» в романе «Наследники». Впоследствии автор создал еще семь романов о приключениях героя.

Вилсон родился и вырос в Нью-Джерси и все свое детство баловался со спичками и разглядывал комиксы издательства «DC Comics»**. К настоящему времени он написал тридцать два романа и сотню рассказов в самых разных жанрах: ужасы, научная фантастика, современные триллеры и многое другое. Живет Вилсон на побережье Нью-Джерси, часто сидит на интернет-аукционе eBay в поисках редких часов и прочих занятных вещиц, а в свободное от этого время придумывает новые истории о Наладчике Джеке. В нашем сборнике представлена одна из них.

---

* Луддиты – группа английских рабочих, протестовавших в начале 1800-х годов против изменений, которые спровоцировали промышленный переворот, и считавших, что их рабочим местам угрожает опасность. Часто протест выражался в разрушении машин и оборудования. В настоящее время понятия «луддит» и «неолуддит» служат для обозначения человека, который борется с достижениями индустриальных технологий.

** «DC Comics» – одно из крупнейших и наиболее известных издательств комиксов. Среди его популярных персонажей Супермен, Бэтмен, Джокер, Женщина-кошка и другие.

Ф. Пол Вилсон

ИНТЕРМЕДИЯ В «ДУЭЙНЕ»

— Вот что я скажу, Джек,— пыхтела Лоретта, пока они шли по Пятьдесят восьмой Западной,— от всех этих перемен у меня жуткое настроение. Черт-те что. Еще и ноги, блин, болят. Лучше меня не трогать, пока я не окажусь дома и не выпью приличную порцию вискаря.

Джек ее вежливо слушал и согласно кивал, хотя гораздо больше его интересовали прохожие. Еще он размышлял о том, что шататься по улицам без оружия — то же самое, что без одежды. Он и чувствовал себя раздетым — верный «глок» с запасной обоймой пришлось не брать, поскольку сегодня был день ежегодного посещения Эмпайр-стейт-билдинг. Девятнадцатое апреля он называл для себя «днем Кинг-Конга». Каждый год Джек совершал паломничество в застекленную круговую обсерваторию на самом верху небоскреба и оставлял там небольшой венок в память о Большом парне*. Основным недостатком экскурсии была необходимость проходить через металлодетектор — обязательное условие для желающих подняться. Так что любое оружие исключалось.

Джек вовсе не считал себя параноиком — ну если только самую малость,— но не питал теплых чувств к окружающим и не имел никакого желания появляться среди них обнаженным, то бишь невооруженным.

Copyright © 2006 by F. Paul Wilson.

* В финале фильма «Кинг-Конг» 1933 года главный герой сражался на крыше Эмпайр-стейт-билдинг с истребителями американских ВВС.

После торжественного возложения венка он решил прогуляться до своего дома в Уэст-Сайде пешком и по пути столкнулся с Лоретой.

Они разговорились, вспомнили, как познакомились двенадцать лет назад или около того, когда оба дожидались места за столиком в давно уже исчезнувшей траттории* на Четвертой Западной. Лоретта тогда только недавно приехала из Миссисипи, он — всего несколько лет как из Нью-Джерси. Она была на добрый десяток лет старше Джека, возможно даже больше. Не исключено, что ее возраст уже приближался к пятидесяти. Кроме того, она была на добрую сотню фунтов тяжелее его, красила мелко вьющиеся волосы в оранжевый цвет и постоянно носила какую-то бесформенную зелено-желтую хламиду, в которой выглядела точно ламантин, нарядившийся в традиционное гавайское платье.

По дороге Лоретта застыла как вкопанная и уставилась на черное коктейльное платье в витрине модного бутика.

— Разве оно не прелестное? Конечно, мне придется подождать, когда меня кремируют, чтобы в него влезть.

И они продолжили путь к Шестой авеню.

Пока они стояли на углу в ожидании зеленого сигнала светофора, к ним обратились две азиатки; та, что повыше, спросила:

— Вы не подскажете, где находится универмаг «Сакс на Пятой авеню»?

Сердито взглянув на женщину, Лоретта бросила:

— На Пятой авеню, дурочка.— Она тяжело вздохнула и ткнула пальцем за спину.— Вон туда.

Джек посмотрел на приятельницу.

— А ты не шутила насчет плохого настроения.

— Ты вообще помнишь, чтобы я когда-нибудь шутила? — Она покрутила головой по сторонам.— Пресвятая Богородица, надо бы съесть какую-нибудь вкусняшку. Например, шоколадно-орехово-сливочное мороженое.— Лоретта указала

* Траттория — то же, что ресторан, трактир.

на вывеску «Дуэйн рид» на противоположном углу улицы.— То, что надо.

— Это же аптека.

— Дорогой, это намного круче. В «Дуэйне» есть все. Эх, был бы в моей аптеке еще и мясной отдел, не пришлось бы таскаться по магазинам неизвестно где. Пойдем.

Не успел Джек возразить, как она схватила его за рукав и потянула через дорогу.

— Мне особенно нравится их косметика. В других местах продают просто «Кавер-герл», которая годится, если ты белокожая блондинка. Не знаю, замечал ты или нет, но в здешних местах белых совсем мало. Все темненькие. Кроме тебя, конечно. Помню-помню, ты избегаешь излишнего внимания, но, честно, если бы в твои сливки добавить немного кофе, ты стал бы по-настоящему незаметным.

Джек прилагал массу усилий, чтобы оставаться в тени. Для этого у него имелись все предпосылки: средний рост, среднее телосложение, невзрачные каштановые волосы, невыразительное лицо. И одевался он так же неприметно. Сегодня на нем были потертые джинсы, фланелевая рубашка, кепка с эмблемой «Нью-Йорк метс»* и поношенные рабочие ботинки. Самый обычный мужик, возможно, строительный рабочий, прогуливающийся по улицам Нью-Йорка.

Уже у аптеки Джек остановился.

— Послушай, Ло, я, наверное, в другой раз...

Но Лоретта только сильнее сжала его руку.

— Иди к черту! Мне нужна компания. Я даже куплю тебе «Маунтин дью». Ты по-прежнему предпочитаешь кофеин всему остальному?

— Да. Пока не начинаю пить пиво.— Он высвободил руку.— Ладно, заскочу на пять минут, но не больше. У меня еще куча дел.

— Что такое пять минут? Ну ладно.

---

* «Нью-Йорк метс» — профессиональная бейсбольная команда из Квинса.

— Давай вперед, я за тобой.

Немного отстав, Джек огляделся по сторонам. В дверь была вмонтирована камера, направленная так, что фиксировала всех входящих и выходящих.

Он натянул шляпу на глаза и, опустив голову, поспешил за приятельницей. Вдруг чей-то громкий голос воскликнул с сильным акцентом:

— Вай-вай-вай! Вы только посмотрите на эту задницу!

Джек очень надеялся, что замечание относится не к нему. Чуть подняв голову, он увидел ухмыляющегося усатого латиноамериканца, который небрежно прислонился к стене возле двери в аптеку. У его ног стояла темно-красная спортивная сумка. Блестящие волосы были гладко зачесаны назад, на руках красовались татуировки, намекающие на уголовное прошлое их обладателя.

Замерев на месте, Лоретта уставилась на усатого.

— Лучше не задевай меня!

Его улыбка разъехалась до ушей.

— Но, сеньорита, в моей стране любая женщина почтет за честь услышать комплимент от такого человека, как я.

— Ну и что же за страна такая?

— Эквадор.

— Круто, конечно, но ты в Нью-Йорке, парень, а я сучка из Бронкса. Еще раз вякнешь что-нибудь в том же духе, и я надеру тебе задницу.

— Эй, а тебе понравилось бы посидеть у меня на лице.

— У тебя что, нос длиннее члена?

Услышав этот «обмен любезностями», две девчушки выскочили вон из аптеки. Лицо «мистера Эквадора» потемнело — он явно не оценил шутку.

Тем временем Лоретта проследовала внутрь. Джек с опущенной головой двинулся за ней.

— Говорила я тебе, что сегодня не в духе.

— Говорила, говорила. Пять минут, Лоретта, хорошо?

— Да помню я.

Обернувшись, Джек обнаружил, что «мистер Эквадор» подхватил сумку и пошел за ними в аптеку.

Лоретта сразу же упорхнула в один из отделов с косметикой. Джек остался посмотреть, не собирается ли уязвленный латиноамериканец продолжить перепалку, но тот целеустремленно зашагал в заднюю часть заведения.

Сеть аптек «Дуэйн рид» является одной из визитных карточек Нью-Йорка. В городе их несколько сотен. И пожалуй, только самые чванливые из жителей Верхнего Ист-Сайда не бывали в одной из этих аптек десятки, а то и сотни раз. В свою очередь, визитной карточкой самих аптек является их непохожесть — вряд ли вы найдете две одинаковые по размерам и планировке. Да, во всех косметика размещена возле входа, но в остальном посетителям предоставляется право самим гадать, где что находится. Джек понимал причины такой политики: чем дольше люди будут метаться в поисках, тем больше вероятность, что они купят изначально ненужную вещь.

В аптеке почти не было посетителей, и Джек решил побыстрее отыскать мороженое и не задерживаться дольше, чем нужно. Он углубился в проходы между витринами и моментально заблудился. Помещение имело форму буквы L, вот только проходы не шли стройными рядами, а виляли самым невероятным образом. Дизайнер, проектировавший местный интерьер, явно был или приверженцем теории хаоса, или же тем самым шутником, который создает круги на пшеничных полях.

Джек пробирался между стеллажами в шесть футов высотой и, когда оказался возле витрины со средствами от геморроя, услышал позади резкий окрик:

— А ну, пошевеливайся, ты! Давай топай назад.

Оглянувшись, он увидел огромного накачанного чернокожего в красной безрукавке. Гладко выбритый череп гиганта блестел в свете подвешенных под потолком люминесцентных ламп. У негра были пустые глаза, левую бровь рассекал толстый шрам, а в руке он сжимал тупорылый пистолет 38-го калибра — дешевая и популярная среди чернокожих пушка.

Не теряя присутствия духа, Джек спокойно произнес:

— В чем дело?

Негр поднял пистолет, держа его боком, как любят показывать в фильмах, хотя любой мало-мальски разбирающийся в оружии человек никогда не станет так делать.

— Ну, ты, двигай задницей, пока я не прострелил тебе башку!

Джек подождал пару секунд в надежде, что парень подойдет ближе и его пушка окажется в пределах досягаемости, но тот остался на месте. Наверное, не совсем новичок.

Это не есть хорошо. Важно теперь выяснить: случайность ли это, или же именно он, Джек, является мишенью. Тут он услышал тревожный шепот и посмотрел в сторону прилавка: перед ним на коленях стояли перепуганные люди в белых халатах, очевидно сотрудники аптеки; их руки были сцеплены на затылках. Значит, он здесь ни при чем.

От этой мысли Джек испытал некоторое облегчение.

Над плененными аптекарями, направив на них сверкающий никелированными пластинами револьвер 357-го калибра, возвышался «мистер Эквадор».

Стало быть, ограбление.

Ничего страшного. Надо просто пониже склонить голову, чтобы не попасть в поле зрения чертовых камер, и тогда можно будет спокойно убраться отсюда вместе с остальными.

Налетчик подтолкнул его в спину.

— *Давай к ним, мудила.*

Под потолком Джек приметил две камеры, нацеленные как раз на прилавок. Он покорно опустился на колени слева от вереницы людей в белых халатах, сложил руки за головой и уставился в пол.

Слева раздался шум, и он кинул в ту сторону быстрый взгляд. В проходе показался худощавый, низенький растаман с немыслимыми красно-желто-зелеными дредами на голове. Короткоствольным дробовиком он подгонял группу из шести человек. Среди них была и Лоретта; на лице ее застыл страх.

Следом появился и четвертый бандит. Белый. «Господи, сколько же их всего?» — ужаснулся Джек. У этого дреды бы-

ли светло-коричневые и до невозможности грязные, все тело украшал пирсинг. Одет он был в классическом стиле хип-хоп: широкие мешковатые джинсы, свитер «Нью-Йорк джайантс»* огромного размера и сдвинутая набок бейсболка.

Пистолетом он подталкивал в шею смуглого — индиец? пакистанец? — мужчину средних лет.

У обоих новоприбывших налетчиков также были совершенно стеклянные глаза. Капитально обдолбанные. Возможно, это не сыграет им на руку. Короче, странная компашка. Интересно, где они встретились: в «Райкерсе» или в «Тумбсе»?**

— Привел мистера управляющего,— бесцветным голосом доложил Белый.

Эквадор посмотрел на него и спросил:

— Запер входную дверь?

Белый достал большую связку ключей и швырнул на прилавок.

— Угу. Все тип-топ.

— Bueno***. Пойди проверь, вдруг мы кого пропустили. Не дай бог кто сбежит.

— Щас, через минутку. Сперва кое-что сделаю.

Бандит толкнул управляющего в спину, а сам шмыгнул за прилавок и скрылся за полками.

— Уилкинс! А ну, вернись!

Появился довольный Уилкинс и плюхнул на прилавок три больших пластиковых флакона. На этикетках Джек прочитал названия: перкоцет и оксиконтин****.

— Это моя добыча. Не смейте трогать!

— Пошел! Быстро! — сквозь зубы процедил Эквадор.

— Уже ушел,— огрызнулся Уилкинс и исчез.

---

* «Нью-Йорк джайантс» — профессиональная бейсбольная команда, до 1957 года базировавшаяся в Нью-Йорке, позже переехавшая в Сан-Франциско.

** «Райкерс» и «Тумбс» — тюрьмы в Нью-Йорке.

*** Хорошо *(исп.)*.

**** Сильнодействующие обезболивающие препараты, вызывающие наркотическую зависимость.

Разбитая Бровь схватил управляющего за рубашку и сильно встряхнул.

— Комбинация, сука! Быстро!

На беджике управляющего значилось имя: Дж. Пател. Смуглая кожа его заметно посерела — казалось, бедолага вот-вот грохнется в обморок.

— Я не знаю!

Растаман упер ствол дробовика прямо в трясущийся кадык Пателя.

— Ты скажешь моему корешу все, что он пожелает. И скажешь немедленно!

На брюках несчастного управляющего растеклось темное пятно.

— Хозяина сейчас нет. Я н-н-не знаю к-к-комбинацию.

Тогда к нему шагнул Эквадор.

— Хм, так от тебя никакого толку?

Пател упал на колени и умоляюще протянул руки.

— Пожалуйста! У меня жена, дети.

— Хочешь снова их увидеть — говори. Мне известно, что каждый вторник сюда приезжает за деньгами бронированная машина. Я следил. Сегодня вторник, так что говори.

— Но я не...

На этих словах Эквадор ударил управляющего по голове стволом пистолета, и тот повалился на пол.

— Надеешься спасти деньги своего босса, да? А тебе интересно, что бывает, когда получаешь пулю в башку? Гляди. Щас я тебе покажу.— Он обернулся и обвел глазами пленников.— Где эта толстая сучка с большим ртом? — Найдя Лоретту, он заулыбался.— Ага, ты здесь.

«Вот дерьмо»,— подумал Джек.

Эквадор схватил Лоретту за платье и потащил за собой, так что ей пришлось передвигаться на коленях. Через несколько метров он отпустил ее.

— Теперь повернись, сука!

Не вставая с колен, Лоретта повернулась лицом к другим бедолагам. Ее губы тряслись от страха. Она кинула на Джека

полный безмолвного отчаяния взгляд, умоляя сделать что-нибудь, не позволить трагедии случиться. Спасти ее!

Джек лихорадочно прикидывал возможные варианты развития событий, если он попробует прийти ей на помощь, но шансы на успех были призрачными.

Эквадор уже направил ствол револьвера в затылок Лоретты, и тут Джек вспомнил о камерах и громко произнес:

— Ты действительно хочешь, чтобы это было заснято?

Эквадор перевел револьвер на Джека.

— Какого хрена?

Не поворачивая головы, Джек указал на камеры под потолком.

— Все снимается на скрытую камеру.

— Какое тебе, на хрен, дело?

— Никакого,— робко улыбнулся Джек.— Просто решил помочь. Я сам в свое время промышлял кражами и загремел в «Райкерс», потому что не заметил такой вот штучки. А сейчас заметил. Поверь — заметил.

Наконец Эквадор соизволил поднять голову, после чего односложно выругался. Затем посмотрел на растамана и указал на стену. Тот улыбнулся, обнажив ряд золотых зубов, и вскинул ствол.

Одновременно со звуком выстрела, пока все присутствующие глазели на разлетающуюся вдребезги камеру, Джек начал движение. Когда раздался второй выстрел, он уже нырнул в проход между витринами.

За спиной истошно заорал Эквадор:

— Эй! Куда он, на хрен, делся? Уилкинс, мать твою! Там к тебе идут!

— Я встречу его, парень,— тут же отозвался Уилкинс.

Надежде застать Белого врасплох и отобрать у него пушку не суждено было сбыться. Проклятье! Почему это случилось именно сегодня? В любой другой день он бы уже понаделал в этих уродах с дюжину аккуратных дырочек.

Теперь придется импровизировать.

Петляя между витринами, Джек мысленно возблагодарил того сумасшедшего дизайнера, который спроектировал аптеку. Будь проходы прямыми, он бы не прожил и минуты. Джек ощущал себя мышью в поисках сыра, но этот причудливый лабиринт давал ему шанс.

Он бежал вдоль застекленных стеллажей и выискивал что-нибудь, что угодно, что можно использовать против грабителей. Черт, у него ведь даже ножа при себе нет.

Батарейки... записные книжки... маркеры... ручки... жевательная резинка... поздравительные открытки.

Все не то.

Затем на глаза Джеку попалась расческа с заостренной ручкой. Он на лету подобрал ее, сорвал упаковку и сунул расческу в задний карман.

Где-то за рядами стеллажей выкрикивал команды Эквадор: он отправится сюда, Джамал в другую сторону, а Демонт останется стеречь пленников.

Бинты... мороженое... щипцы для завивки волос. Может, они сгодятся?

Нет.

Краска для волос... увлажнители воздуха... чипсы... вяленая говядина...

Вперед!

Повернув за угол, Джек оказался среди товаров для пикника. Что здесь? Стулья — нет. Зонтик — не то. Массивная металлическая лопаточка для накладывания еды — попробуем ее на вес. Сойдет! Сделана из нержавейки, один край зазубрен. Убить ею не убьешь, но мало не покажется. Так, а вот бутановые зажигалки. Джек взял одну. Огонь никогда не помешает.

Огонь... Он задрал голову и увидел оборудованную под потолком спринклерную систему пожаротушения. В Нью-Йорке такие есть в каждом магазине. При пожаре система включается и передает сигнал тревоги в пожарное отделение.

Действуй, Джек!

Схватив баллончик с жидкостью для зажигалок, он начал обрызгивать полки. В баллончике оставалась еще примерно половина, но жидкость уже начала стекать на пол, и Джек только собрался ее поджечь, как вдруг...

Выстрел.

Возле самой головы прожужжала пуля. Он быстро обернулся и увидел в проходе Разбитую Бровь — должно быть, это и был Джамал. Бандит стоял всего в десяти ярдах и готовился пальнуть еще раз.

— Эй, вы, *я нашел его! Он здесь!*

Джек пригнулся и бросился за угол. Вторая пуля просвистела далеко от цели, что неудивительно для такой пукалки. Эти отстойные пистолеты годятся только для ближнего боя, а на большее не способны.

Услышав за спиной шаги, Джек замер у торца полки и украдкой выглянул в соседний проход. Никого. Тогда он совершил короткую перебежку и очутился у стены. В десяти футах справа находилась дверь с табличкой «Только для персонала».

Он потянул дверь на себя и сунул голову внутрь. Комната была пуста, если не считать стола, на котором валялись обертки от сэндвичей. И никакого, черт возьми, выхода.

Позади раздался топот. Джек с силой хлопнул дверью и метнулся вправо — в сторону, противоположную той, откуда доносились шаги. У первой же полки он остановился и осторожно *посмотрел* в проход.

Джамал завернул за угол и подкрался к двери. На лице его вспыхнула ухмылка.

— Вот ты и влип, козел!

Присев и держа пистолет наготове, он рванул дверь на себя. Выждал несколько секунд и вошел в комнату.

У Джека появился шанс. Он продел руку в кожаную петлю на ручке лопаточки для барбекю, обхватил ее двумя руками, словно самурайский меч, и, выставив вперед зазубренное лезвие, двинулся к открытой двери.

Бесшумно он подошел сзади к Джамалу и замахнулся для смертельного удара, но... Возможно, чертов негр что-то услышал или заметил тень, а может, сработало шестое чувство — так или иначе, в последний миг он уклонился в сторону, и удар получился не таким, как замыслил Джек. Острое лезвие разрезало мясистое плечо Джамала, и тот взвыл от боли. Джек приготовился ударить еще раз, слева, но негр оказался проворнее, чем можно было предположить по внешнему виду. Он прыгнул в сторону и поднял пушку.

На этот раз Джек ударил лопаточкой по пистолету, но лезвие, соприкоснувшись с металлом, отскочило, а оружие так и осталось в руке у Джамала.

Пора было сваливать.

Не успел еще Джамал как следует прицелиться, а Джек уже несся к выходу и как раз нырял в дверной проем, когда пуля расщепила косяк в паре дюймов слева от его головы. Он кинулся на пол и перекатился в сторону, так что вторая пуля пролетела намного выше.

Четыре выстрела. Значит, осталось всего два патрона, если, конечно, негр не носит с собой запасную обойму. Однако Джек очень сомневался, чтобы такой парень, как Джамал, думал далеко вперед.

Лавируя между рядами стеллажей к задней части аптеки, Джек услышал из дальнего конца зала крик Эквадора:

— Джамал! Ты достал его? Достал?

— Нет! Этот урод меня чуть не прикончил! Попадется мне — я с него живьем шкуру сдеру!

— У нас нет времени! Вот-вот подвалит машина! Пора убираться отсюда! Уилкинс! Возвращайся и найди его!

— А кто будет приглядывать за входной дверью?

— На хрен входную дверь! Мы же ее заперли, кретин!

— Да, но...

— Найди его!

— Нет проблем. Щас, парни, я покажу вам, как это делается.

Теперь Джек довольно точно мог определить, где находятся Эквадор и Джамал: совсем рядом с секцией аксессуаров для барбекю — стало быть, возвращаться рискованно. И он пошел вперед, в направлении Белого-Уилкинса. Он чувствовал, что если в этой четверке есть слабое звено, зовется оно Уилкинс.

По пути Джек продолжал изучать полки. Сейчас у него имелись металлическая лопаточка, расческа и бутановая зажигалка; оставалось отыскать что-нибудь легковоспламеняющееся.

Антибиотические мази... слабительные... зефир...

Черт!

Джек продолжал петлять по проходам, пока не обнаружил стеллажи со средствами по уходу за волосами. Здесь должен быть лак для волос.

Что за...

Ни одного спрея. Все чертовы лаки в неаэрозольных упаковках! Вот так всегда: когда тебе что-нибудь очень нужно, хрен найдешь!

Он добрался до полок с дезодорантами. Черт, и здесь поживиться нечем! Сплошные шариковые дезики. Где же старый добрый «Райт гуард»?*

На самой нижней полке, наполовину скрытый за напольной витриной с дезодорантами «Митчум», стоял зеленый баллончик дезодоранта «Брут»**. Джек схватил его и принялся читать надписи.

«ОПАСНО! Содержимое находится под давлением... легко воспламеняется...»

Да!

В этот момент он услышал легкую поступь Уилкинса в соседнем проходе и его высокий монотонный голос:

— Эй, мистер Дурак! Где вы-ы-ы? У Джимми есть для вас подарочек.— Он захихикал.— Нет, погодите. У Джимми есть

---

* Известная марка дезодорантов, выпускаемых компанией «Schwarzkopf».

** Марка парфюмерии от дома Фаберже.

шесть — запомните! — шесть подарочков для вас. Можете прийти и получить их.

«Да уж, парень — юморист»,— подумал Джек и решил принять приглашение.

Достигнув конца прохода, он снял колпачок с баллончика и прижался к стеллажу, отделявшему его от Уилкинса. Поднял баллончик и поднес к нему зажигалку. Как только из-за полок показалась голова Уилкинса, Джек шагнул вперед, нажал на насадку и одновременно щелкнул зажигалкой. В лицо грабителя моментально ударила десятидюймовая струя пламени.

Парень завопил, выронил оружие и отшатнулся, дрыгая ногами и не переставая орать. Огонь быстро перекинулся на дреды.

При помощи все той же лопаточки Джек сбил с баллончика насадку, и из него на пару футов вверх выплеснулась струя дезодоранта. Джек поднес баллончик и зажигалку к необъятным джинсам Уилкинса. Задницу налетчика охватил огонь. Не дожидаясь, чем кончится дело, Джек подобрал пистолет и кинулся в проход, преследуемый жуткими воплями.

Один готов, остались трое.

По дороге Джек осмотрел трофейное оружие: старенький, обшарпанный револьвер 38-го калибра. Он откинул барабан и обнаружил шесть патронов. Дерьмовая, конечно, пушка, но она, по крайней мере, находится в его руках.

Теперь шансы на успех повысились.

Со стороны входа Джек услышал топот двух пар ног. Как он и предполагал, на вопли Уилкинса сбежались его подельники.

Раздались крики: «Вот черт!», потом: «Мать твою!» и «Что он с тобой сделал, брателло?»

В ответ Уилкинс завизжал дурным голосом:

— Пепе! Чувак, помоги мне! Я помираю!

Пепе... стало быть, так зовут Эквадора.

— Sí*,— констатировал Пепе,— помираешь.

---

* Да *(исп.)*.

— Нет! — заорал Уилкинс.

Грохнул выстрел — судя по всему, из 357-го калибра.

— Черт! — выругался Джамал.— Неужели ты так поступил?

— Эй, ребя, в чем дело? Че у вас там происходит? — присоединился еще один голос.

— Все в норме, Демонт! — отозвался Пепе.— Оставайся на месте.— Потом, уже тише, сказал Джамалу: — Уилкинс нас только тормозил. А теперь отыщи эту суку, пока он не добрался до телефона.

Обернувшись, Джек заметил поднимающуюся к потолку струйку белого дыма. Он ждал, что сейчас сработает система пожаротушения и включится сирена.

Но ничего подобного.

И что теперь прикажете делать — разводить здесь костер?

Возле помещения для персонала Джек притормозил. Заманчиво было попробовать повторить трюк, но вряд ли он сработает во второй раз, и Джек отправился дальше. Он проходил мимо застекленной камеры, в которой хранилось мороженое, как вдруг справа бухнуло, а слева разлетелась вдребезги стеклянная дверца. Из разверстого чрева холодильника на пол хлынули стаканчики, рожки и торты-мороженое.

Через три прохода Джек увидел Демонта. Тот как раз загонял патрон в патронник. Джек отпрянул; второй выстрел разворотил ближайшую витрину, откуда в разные стороны полетели порванные в клочки тампоны.

— Скорее сюда! Он здесь!

Затаившись у торца ближайшего стеллажа, Джек внимательно прислушивался. Вот ботинки Демонта захрустели по разбитому стеклу в проходе, из которого Джек только что выскочил. Нырнув в соседний проход, он замер возле полок с предметами женской гигиены и весь обратился в слух, дожидаясь появления растамана. Пистолет он держал в паре дюймов от шаткой задней стенки стеллажа. Прямо на уровне его глаз на полке лежала сумка с персональным набором для душа.

«Интересно,— озадачился Джек,— это городской вариант?»

Тут раздались шаги Демонта — растаман приближался, и Джек дважды выстрелил. Хотел выстрелить четыре раза, но чертов пистолет заклинило. За стеллажами застонал растаман; он выстрелил в ответ, но пуля из дробовика лишь проделала изрядную дыру в низком потолке.

Демонт ранен, но не убит. Джек выкинул пистолет. Надо придумать что-то еще. А в наборах для душа имеются шланги? Он открыл сумку. Есть! Красный ребристый шланг. Сгодится.

Из дальнего конца аптеки донеслись громкие шаги. Джек быстро выглянул из-за угла: растаман держался за правое плечо, дробовик он выронил, но сейчас пытался подобрать его с пола.

Джек успел к оружию первым и ударом ноги отшвырнул его в сторону, а затем дважды обмотал шланг вокруг тощей шеи грабителя и подтащил к разбитому холодильнику. Перекинул свободный конец шланга через металлическую раму и подтянул Демонта, так что ноги бандита оторвались от пола. Пока мелкий растаман изо всех сил брыкался и булькал, Джек захлопнул дверцу, зафиксировав таким образом импровизированную удавку, и, чтобы та не соскользнула, быстро завязал два узла. Затем подобрал брошенный дробовик, выщелкнул пустую гильзу и едва успел перезарядить, как из-за угла показались Пепе и Джамал.

Джек потянул за спусковой крючок. Пепе досталось лишь несколько дробинок; основной же удар принял на себя шедший впереди негр. Его рубашка на груди превратилась в рваную тряпку, а перекачанная грудь сразу стала напоминать сырую отбивную. Не успел Джек вставить новый патрон, как Пепе и след простыл. Джек оценил обстановку: позади Демонт почти затих, его лицо посинело; впереди Джамал лежал, раскинув руки и уставившись неподвижным взглядом в потолок.

Что дальше? Догонять Пепе или устроить пожар?

Пожар. Запалить тут такой костер, чтобы вмиг примчалась дюжина пожарных расчетов.

Только теперь Джек уже не помнил, где именно находится секция с аксессуарами для барбекю. Вроде где-то в середине торгового зала.

Через три прохода он нашел искомое да плюс еще бегущего Пепе, который в этот самый момент оглянулся через плечо. Джек поднял дробовик и выстрелил, но мгновением раньше Пепе оказался на полу. Неумышленно, он просто поскользнулся на разлившейся жидкости. Дробь просвистела у него над головой и поразила товары для барбекю. В разные стороны полетели ошметки брикетированного топлива и баллончики с жидкостью для розжига. Пробитые баллончики с аэрозолем против комаров и прочих кровососущих с шипением выпустили в воздух смертоносные для насекомых струи.

Пепе пытался подняться, но ноги не слушались и разъезжались, как у пьяного. За этим было бы забавно наблюдать, если бы Эквадор по-прежнему не сжимал в руке револьвер 357-го калибра. Джек перезарядил дробовик, прицелился и нажал на спусковой крючок.

Бамц!

С верхней полки на пустой котелок свалился молоток.

Тем временем Пепе встал на колени и, улыбаясь, вскинул пистолет. Джек отпрянул и бросился на пол; пули над его головой одна за другой сбивали с полок средства от кашля и простуды, так что Джеку пришлось принимать душ из робитуссина, найквила и бог знает чего еще.

Всего он насчитал шесть выстрелов. Он даже не представлял, есть ли у Пепе заряжающее устройство для револьвера, и не собирался это выяснять. Вытащив из заднего кармана зажигалку, Джек щелкнул колесиком, потом взял упаковку леденцов от кашля, заклинил гашетку и швырнул зажигалку через полку. Хлопка от взрыва не последовало, но зато послышался встревоженный возглас Пепе. Следом занялись баллончики с противокомариным аэрозолем, и возглас перерос в вопли ужаса и боли.

Джек на четвереньках посмотрел из-за угла.

Бандит горел. Руками прикрывал глаза, защищаясь от огненных шутих,— это взрывались баллончики с аэрозолем. При этом грабитель кружился вокруг своей оси в пылающей луже, чем только усугублял положение. К потолку устремился черный дым.

И наконец это случилось. Послышался резкий металлический звук, с потолка хлынул поток воды.

Да!

На полу валялся бесхозный 357-й. Джек ногой на ходу отшвырнул его подальше и под проливным дождем из системы пожаротушения помчался в отдел лекарств. С трудом преодолев гору рассыпавшегося мороженого и фруктового льда, он добрался до кучки пленников, сбившейся позади прилавка, в том числе и до Лоретты. Подхватив с пола связку ключей, он кинул ее Пателу.

— Быстрее! Выводите отсюда людей!

Очухавшийся народ устремился к двери вслед за управляющим. Лоретта закричала в спины бегущим:

— Эй, вы! Этот человек спас всех нас. Хотите его поблагодарить — никому не говорите, что видели его. Он не существует. Это бандиты перессорились между собой и перебили друг друга, ясно? Поняли меня?

Она послала Джеку воздушный поцелуй и тоже поспешила к двери. Джек уже собирался присоединиться к массовому исходу, но в этот момент услышал звук выстрела, пуля пробила бутылочку с полосканием для рта над самой его головой. Вторая пуля просвистела еще ближе, и Джеку пришлось отскочить в сторону и скрыться за прилавком. Оттуда он осторожно выглянул в зал.

Ужасно обгоревший, насквозь вымокший Пепе, шатаясь, шел по проходу под струями воды. От тела его валил пар, в вытянутой руке он сжимал полуавтоматический пистолет. Джек не рассчитывал, что у Эквадора может быть запасной ствол. Черт! Он не рассчитывал, что Пепе вообще будет способен на что-то большее, чем посветить недолго живым факе-

лом. Автоматическая система пожаротушения спасла ему жизнь.

Бандит двигался в жутком молчании. Ему и не требовалось слов — в его взгляде читалась жажда убийства. А Джек оказался загнан в угол.

Пепе выстрелил, и пуля угодила в прилавок в шести дюймах от скорчившегося Джека, обдав его дождем из щепок.

Да, он в ловушке. Теперь надо как-то спасать шкуру. Но как? В этих чертовых игрушках обычно бывает по десять патронов.

Высунув на мгновение голову, он увидел, что Пепе пускай с трудом, но приблизился еще на пару метров. Джек хотел уже снова спрятаться, но в этот момент за спиной Эквадора мелькнуло желто-зеленое пятно.

Сколько Джек знал Лоретту, никогда бы не подумал, что она может демонстрировать такую резвость. Держа обеими руками над головой галлоновый контейнер мороженого, она атаковала бандита сзади. Если бы не шум льющейся из спринклеров воды, возможно, Пепе и услышал бы, как подкрадывается его судьба, а так он пребывал в полном неведении до тех пор, пока контейнер со смачным звуком не соприкоснулся с его темечком.

С выпученными от неожиданности и боли глазами Пепе повалился на пол лицом вниз. «Хорошая штука это мороженое»,— отметил про себя Джек. Не выпуская из рук контейнер, Лоретта бросилась на врага. Буквально бросилась — приземлилась коленями на хребет оглушенного бандита. С противным хрустом сломались ребра, изо рта Пепе вырвался протяжный предсмертный стон.

Но Лоретта на этом не успокоилась. Громко крича, она молотила поверженного противника ледяным контейнером по голове и по шее, произнося при этом в такт ударам:

— Теперь ты никогда больше не приставишь пушку к моей голове, отморозок хренов!

Тут к ней подошел Джек и коснулся ее руки.

— Мне кажется, он все понял.

Лоретта посмотрела сначала на Джека, потом на Пепе. Бандит лежал, уткнувшись лицом в пол, с неестественно вывернутой головой и не дышал.

— Уверена, ты прав,— кивнула Лоретта.

Джек помог ей подняться на ноги и легонько подтолкнул к двери.

— Идем!

Но и это было еще не все. Лоретта повернулась и пнула Пепе под ребра.

— Предупреждала ведь тебя, что я сучка!

— Лоретта, уходим!

Они поспешили к выходу.

— Джек, мы в расчете?

— Ага. Один-один.

— Слушай, я говорила тебе, что у меня поганое настроение?

— Говорила. Знаешь, Лоретта, иногда поганое настроение может быть очень кстати.

Тед Белл

Литературную деятельность Тед Белл начал как детский писатель. В 90-е годы прошлого века, когда мир еще не был знаком с Гарри Поттером, Белл жил в Лондоне. Из-за скверной погоды его девятилетняя дочь вынуждена была в основном сидеть в четырех стенах. Подходящий климат для чтения, но – увы! – на полках окрестных книжных магазинов стояли лишь ужастики да прочий ширпотреб. Где «Остров сокровищ», где «Одиссея капитана Блада», где современные приключенческие романы?

И Белл решил написать книгу сам. Получился подростковый роман, в котором нашлось место и приключениям, и романтике, характерным для книг из детства самого Белла. События романа «В последний момент» («Nick of Time») происходят накануне Второй мировой войны. Главные герои, одиннадцатилетний мальчик и его семилетняя сестра, решают помешать планам нацистов по оккупации их маленького островка, входящего в Нормандский архипелаг. Затем, перенесясь на машине времени в прошлое, они спасают флот адмирала Нельсона от свирепого пирата Билли Блада. Роман был экранизирован на студии «Парамаунт пикчерз» и впоследствии переведен на семь языков.

Оставив работу в рекламном бизнесе, Белл взялся за сочинение серии «взрослых» романов о похождениях Алекса Хоука. Эти произ-

ведения, как и дебют, полны утерянного в наши дни приключенческого духа и окутаны романтическим ореолом. В первом романе «Между адом и раем» («Hawke») главный герой лорд Александр Хоук вынужден противостоять трем генералам-предателям, которые похищают Фиделя Кастро и ставят Кубу на грань военного конфликта с США. Вторая книга, «Живая мишень» («Assassin»), повествует о борьбе лорда Александра с древним культом убийц, которые уничтожают по всему миру американских послов и членов их семей и готовят грандиозную атаку на Америку. Третий роман серии, «Ставка на смерть» («Pirate»), попал в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс». На этот раз Хоуку предстоит раскрыть французско-китайский нефтяной заговор и предотвратить ядерный конфликт с Китаем, главным в наши дни противником Соединенных Штатов.

Рассказ «Пороховая обезьяна» несколько отличается от перечисленных выше произведений. Действие происходит в 1880 году. Изнывающий от любви газетчик с целью выяснить всю правду о гибели известного пиратского капитана Билли Блада отправляется на Нормандские острова, где узнает чудесную историю спасения маленького мальчика, захваченного в плен на борт «Тайны» — фрегат капитана Блада.

Мальчика этого звали Алекс Хоук.

Произошедшие с ним драматические события готовят почву для будущих приключений его тезки, лорда Александра Хоука.

Тед Белл

ПОРОХОВАЯ ОБЕЗЬЯНА

Лондон и Нормандские острова, 1880 год

Я не герой.

Но горжусь тем, что обладаю удивительным по силе чутьем на жареные факты (я занимаюсь бумагомарательством в одной жалкой ежедневной лондонской газетенке). Но из-за этого самого чутья моей жизни порой угрожает нешуточная опасность. Недавно я раскопал захватывающую историю и со всем рвением золотоискателя принялся разрабатывать многообещающую жилу. Приближаясь под холодным проливным дождем к цели своего путешествия, я все сильнее ощущал, что двигаюсь прямиком навстречу судьбе.

По крайней мере, я верил, что это приключение может иметь для меня счастливый конец — что я пополню карманы, в которых нонче гуляет ветер, приличным запасом звонких монет.

Нет, вовсе не жажда мимолетной славы и не какой-то еще подобный вздор побудили меня отправиться к скользким каменистым осыпям этого богом забытого острова. Меня гнала вперед надежда на то, что в скором времени я стану обладателем достаточного состояния и вырвусь наконец из тесного нагромождения кабинетов над таверной «Черный монах», что на Флит-стрит, где располагается, с позволения сказать, штаб-квартира дешевого таблоида «Дейли гардиан».

В этом вот убожестве, под придирчивым бдительным оком редактора, настоящего маньяка «пера и чернил» по имени мистер Саймингтон Файф, я и добывал себе скромное пропи-

Copyright © 2006 by Ted Bell.

тание из расчета два пенса за слово. Счета мои в точности отражали мое положение; я мог похвастаться воистину роскошной суммой в семь гиней и шесть пенсов, спрятанной в сейфе под койкой. Впрочем, спасение мое было уже не за горами.

Так получилось, что главный конкурент «Гардиан», «желтый» полноформатник «Глоуб», в прошлом месяце объявил конкурс в честь грядущего семидесятипятилетия великой победы адмирала лорда Нельсона при Трафальгаре. И, клянусь Господом, я намеревался этот конкурс выиграть!

Условия были довольно просты. К участию допускался любой автор, который представит неизвестную прежде историю, имеющую отношение к означенной победе. Три самые необычные и увлекательные истории (конечно, при этом исторически точные) будут опубликованы. Автор лучшей из них получит суперприз в размере семидесяти пяти фунтов стерлингов. Как по мне, за такой куш стоило побороться.

От меня требовалось только одно: написать отличный рассказ о той битве и представить доказательства его достоверности. Конечно, за пинту-другую пива вы в любом пабе, в любой таверне услышите кучу самых потрясающих историй. Но вот доказать их истинность будет намного труднее. Итак, переполненный радужными надеждами, с носом, подергивающимся от возбуждения, словно у собаки, я отправился из Лондона в те края, где произошло сражение. На карту была поставлена моя свобода.

Как вы наверняка уже догадались, я обычный городской житель. Меня ни в коей мере не назовешь искателем приключений. Едва ли я отношусь к тем смелым широкоплечим парням, о которых можно прочитать в дешевых книжонках и которые валят лес на диких берегах Юкона, штурмуют альпийские вершины или кричат «Вижу корабль!» с просмоленного топа мачты. Я обычный обыватель, который любит свой диван, сигары и книги.

Я вспомнил об этом в тот самый момент, когда зацепился ногой о небольшой, лежащий прямо посреди дороги валун. (Откуда он взялся? Ведь только что его не было!) Я едва не ухнул-

ся лицом прямо в землю, но, к счастью, вовремя расставил в стороны руки и сумел прервать опасное падение, ограничившись парой ссадин да очередным ударом по уязвленной гордости.

Казалось, каждая минута, проведенная на этом проклятом острове, испытывает на прочность мою решимость. Мелкие камушки постоянно осыпались под ногами; бьющие едва ли не горизонтально струи ледяного дождя больно жалили лицо. Тем не менее я пер и пер вперед. Спотыкался и снова падал. Вставал и продолжал идти.

Думаю, вы согласитесь со мной: намного приятнее развалиться в удобном кресле у пылающего камина и при зажженных свечах читать о чужих приключениях, нежели самому тащиться по голой, неприветливой равнине, пронизываемой ледяным ветром с дождем. Однако я чертовски доверял своему чутью и потому упорно двигался вперед. Должен заметить, что к вечеру дождь немного поутих, но вскоре случилась новая напасть. Откуда-то наполз туман и почти скрыл своими щупальцами повисшее над самым горизонтом солнце, которое теперь казалось неясным желтым кругом, опускающимся в море. Видимость стала совсем никудышной.

Опасный ландшафт вкупе с непогодой заметно поубавили во мне уверенности в успехе всего предприятия и с каждой минутой причиняли все больше неудобств. Постоянно оскальзываясь, я волочился по каменистому мысу; меня одолевала усталость, холод пронизывал до костей. Близился вечер, и в голову начинали закрадываться предательские мысли о том, что стоит мне в темноте не разглядеть дорогу и сделать неудачный шаг, и мой хладный труп найдут в лучшем случае завтра утром.

И все же я был твердо намерен еще до наступления сумерек добраться до старой гостиницы «Седая борода», с владельцем которой, неким мистером Мартином Хорнби, мы условились встретиться в восемь вечера.

Было уже четверть восьмого, а я все еще брел; лицо мое превратилось в ледяную маску. Намереваясь уточнить, где следу-

ет повернуть, я опустил негнущиеся от холода пальцы в карман и вытащил карту, однако она, к несчастью, вся размокла и разошлась на части. Теперь только заходящее солнце могло указать мне направление на запад, но все же я верил, что попаду в гостиницу до наступления темноты. Так или иначе, дальше будет видно.

Это забытое богом место, куда меня занесла нелегкая, расположено в архипелаге недалеко от берегов Франции. Чертов островок, по которому я шел, самый маленький из всех, получил название за густые, словно гороховый суп, туманы, что постоянно окутывают его берега.

Соответственно, называется он Седая Борода.

Должен заметить, здешние места немного похожи на острова Скеллиг, если вы, конечно, слыхали о двух этих неприветливых скалах. Как-то раз мне пришлось охотиться там за редким видом местной крачки; птички эти безмятежно порхают вокруг мрачных, точно готические соборы, скал, торчащих из ярко-синих вод Атлантики к юго-западу от берегов Ирландии. Скеллиг — весьма уединенное местечко, могущественное в своей неприступности. Большинству людей одного визита туда хватит за глаза и за уши, что уж говорить о вашем верном «диванном» корреспонденте.

Но вот холодным, унылым вечером я плетусь по Седой Бороде, и гонит меня вперед единственная цель. Я искренне верю, что встреча с мистером Хорнби кардинальным образом изменит мою жалкую жизнь.

Мартин Хорнби, как я недавно выяснил от его восхитительной дочери Сесили, — один из очень немногих доживших до наших дней ветеранов Королевского военно-морского флота, которые участвовали в войнах с Наполеоном. Насколько я понял, он единственный остался в живых из команды корабля его величества «Мерлин».

В 1805 году маленький сорокавосьмипушечный английский военный корабль смело вступил в морской бой — ставший, как я заключил, ключевым событием той войны — против огромного семидесятичетырехпушечного французского

фрегата. И я отнюдь не преувеличиваю, называя тот бой ключевым. Я действительно считаю, что победа «Мерлина» изменила весь ход истории.

И никто, насколько мне известно, никто и никогда об этом не слышал!

Мисс Сесили Хорнби, самая очаровательная девушка из всех, каких я встречал, так проникновенно и красноречиво рассказывала о том бое, словно сама была ему свидетелем. Вот вкратце, что я узнал от нее.

Семьдесят пять лет назад, в начале июля 1805 года, огромный французский фрегат «Тайна» скрывался в засаде у этих самых берегов. Причины, по которым фрегат приплыл к острову Седая Борода, неведомы. Шел корабль под командованием пользовавшегося дурной славой английского капитана Уильяма Блада, предавшего родину и переметнувшегося на сторону французов.

Предал этот негодяй адмирала Нельсона вовсе не по политическим мотивам — прошу иметь это в виду,— а за очень крупную сумму денег, предложенную французским правительством. В его лице Императорский французский флот приобрел грозного и влиятельного морского капитана.

Адмиралу Нельсону не терпелось поскорее отомстить предателю, но лишь по чистой случайности капитан Блад попал наконец под прицел пушек своих недавних товарищей.

В тот день судьба всей Англии оказалась в руках команды «Мерлина». Тяжеловооруженный фрегат «Тайна» сошелся в смертельной схватке с намного более легким британским кораблем. Насколько мне удалось понять из слов мисс Сесили, не видать нам той победы, если бы не капитан «Мерлина», прежде никому не известный джентльмен по фамилии Макайвер, и не таинственный пассажир, про которого мы знаем лишь то, что звали его лорд Хоук. Если бы не они — говорить нам всем сегодня по-французски.

Я считал, что эта драматическая страница далекой войны, память о которой скрыта в глубине прошедших лет, опреде-

ленно заслуживает главного приза. Мне оставалось только надеяться, что на самом деле все так и было и что я смогу это доказать.

Выслушав Сесили, я со всем рвением приступил к поискам в Королевском военно-морском колледже в Гринвиче. Не найдя в тамошних архивах никаких записей об упомянутом бое, я решил, что если рассказ Мартина Хорнби окажется заслуживающим доверия, то я, Пендлтон Толливер, скромный автор статеек о благотворительных церковных распродажах, бесплатных обедах и пропавших кошках, очень скоро смогу стать состоятельным человеком. И плюс к тому переписать всю историю.

От таких мыслей, ясное дело, кружилась голова.

Предавшись столь приятным фантазиям, я в очередной раз поскользнулся и едва не съехал вниз по крутому откосу, который ниже обрывался в море отвесной скалой,— лететь мне, по скромным прикидкам, пришлось бы футов четыреста. Весь дрожа, я прижался к блестящей вертикальной каменной стене и на некоторое время застыл на краю бездны. Когда сердце вновь забилось в привычном ритме, я отлепился от скалы и продолжил путь.

Вокруг почти совсем стемнело, и я очень пожалел, что не прихватил с собой фонарь.

Нет, все-таки историкам необходима авантюрная жилка. Как ни крути, а отыскивать свидетелей и выяснять у них подробности тех или иных событий прошлого — занятие не для слабых духом и плотью. Человек, претендующий на то, чтобы освещать дела давно минувших дней, должен быть до некоторой степени фанатиком, а это качество редко встретишь у людей мирских. Тут мои рассуждения прервал оглушительный удар грома прямо за спиной; на далеком горизонте заплясали ветвистые молнии.

Промокший до нитки, голодный, но не утративший решимости, я добрался до развилки. Во мраке трудно было различить указатель, если он вообще здесь имелся. Налево разби-

тая дорога, усеянная разнокалиберными обломками, уводила через залитые дождем поля к пятну маяка вдали над горизонтом. Вправо и вниз убегала узкая каменистая тропинка. Слышно было, как прямо под ногами невидимые волны монотонно бьются об острые скалы.

На пристани в деревне местный паромщик любезно сообщил, что гостиница расположена на невысоком утесе на западной оконечности острова, так что я выбрал правый путь и стал спускаться вдоль нависающей скалы. Тропинка была совсем узкая и на некоторых участках представляла собой просто вырубленный в скале уступ шириной около десяти дюймов, то есть не больше длины ступни.

Отвесная скала справа казалась живым существом; она словно выдвинулась и пыталась спихнуть меня прочь с тропинки. Игра воображения? Я медленно шел вперед, трясясь от страха и стараясь не обращать внимания на нарастающую панику и бушующее далеко внизу море. Пару раз я чуть было не повернул назад, но быстро понял, что нахожусь уже слишком далеко и обратного пути нет.

Вскоре — ну, относительно вскоре — впереди возник каменный мыс, далеко выдающийся в черное как ночь море. На дальнем его конце сквозь пелену дождя и мрак светили уютные желтые огни. Двухэтажный домик так и манил к себе, обещал долгожданное тепло и еду, и я непроизвольно ускорил шаг.

Сознавая, какое жалкое зрелище я сейчас представляю, я остановился у входа под наклонным карнизом гостиницы и попытался привести себя в чувство. На мне тогда был единственный мой приличный шерстяной костюм — далеко не новый, но вполне годный для ношения, по крайней мере, в сухом виде. А вот ботинки, которые я прежде надевал только по воскресеньям, пришли в полную негодность. Да, и еще я подумал, выпрямляя спину и выжимая шляпу, что надо бы по возможности сделать умное лицо и уповать на чудо.

Толкнув тяжелую деревянную дверь, я переступил порог и обнаружил сидящего в тишине у камина самого настояще-

го старого морского волка — с косичкой и глиняной трубкой в зубах. Я пододвинул себе стул и представился.

— Имею ли я удовольствие говорить с мистером Мартином Хорнби? — спросил я с непринужденной улыбкой.

— Точно! Я Хорнби,— подтвердил он и вынул изо рта трубку.

Последовала длительная пауза. Хорнби молчал, весь его облик излучал радушие. Наконец, ощупывая меня цепким взглядом, он добавил:

— Сдается мне, вы задержались из-за непогоды.

Я ответил утвердительно и как мог извинился за опоздание. Заглянул бармен, и я сделал заказ: пинту эля для хозяина и полпинты горького пива для себя. Сняв плащ, я с наслаждением закинул онемевшие от холода ноги на каминную полку. В очаге уютно потрескивал огонь, а Хорнби казался хорошим малым, который наверняка расскажет все, что меня интересует,— надо только заправить его грогом или элем.

Это был крепкий, статный мужчина, чей возраст, сколько я мог судить, приближался к девяноста, с целой шапкой снежно-белых волос. Некогда красивое лицо носило следы долгого пребывания в море, открытом всем ветрам и непогодам. Одет он был в вылинявшие брюки и латаный-перелатаный шерстяной рыбацкий свитер. Голубые глаза в обрамлении мелких морщинок лучились в отблесках огня в камине, словно у юноши. Я сидел, довольный тем, что моя настойчивость привела меня сюда.

— Долгий вы проделали путь, мистер Толливер.

— Верно, сэр.

— Дочка в письме упомянула о старине «Мерлине». И еще о газетном конкурсе, в котором вы надеетесь выиграть, так?

— Да, мистер Хорнби,— кивнул я.— Меня очень занимают подробности боя с французами возле этого островка. Буду признателен, если вы окажете мне любезность и вспомните что-нибудь о тех событиях. Это существенно повысит мои шансы на победу, сэр.

— Сесили написала, что вы спасли ее кота.

— Я сочинил для своей газеты небольшую, но симпатичную статейку о бездомных кошках, нашедших хозяев. Ваша преданная Сесили, которая просто души не чает в этих животных, была моей главной героиней. И, доложу я вам, статья получила много положительных отзывов. С тех пор мы, я и Сесили, несколько раз встречались и обнаружили, что у нас много общего. А буквально в прошлом месяце мы узнали про конкурс, и Сесили поведала мне о «Мерлине». Увлекательная история, сэр! И я решил, что лучше мне услышать ее собственными ушами.

— Да,— отозвался Хорнби и на некоторое время затих.— Я последний... так что, наверное, должен обо всем рассказать. Если это вообще нужно рассказывать. И конечно, если память не подведет.

И он зычным голосом позвал из соседней комнаты бармена.

Вскоре появились напитки, а также мясной пирог для меня с пылу с жару. Так мы сидели, прихлебывали из стаканов, смотрели на весело потрескивающее пламя в камине и думали каждый о своем. Что касается меня, мысли мои были исключительно о бедных, несчастных ногах, которые наконец-то отогрелись и теперь нестерпимо зудели.

Неожиданно, без всякого предупреждения, Хорнби заговорил. При этом он пытливо меня разглядывал.

— Как много вам известно, мистер Толливер?

— Едва ли достаточно, сэр.

— Ну хорошо. В таком случае вы обратились по адресу. Я видел все собственными глазами, мистер Толливер, да. В те далекие и славные дни я был одной из пороховых обезьян капитана Макайвера и...

— Э-э-э-э, пороховых обезьян? — перебил я; с этим термином я был не знаком.

— Так называли мальчишек, которые, когда становилось жарко, доставляли черный порох из трюма пушечным командам. Вы слушайте, мистер Толливер. Я расскажу вам все с самого начала, если вам оно нужно — самое начало...

Я кивнул, одобрительно улыбаясь, и осторожно достал из кармана потрепанный блокнот в кожаном переплете и ручку.

— Мы шли с попутным ветром домой в Портсмут с нашей базы в Вест-Индии и по пути захватили в плен одного португашку,— сообщил Хорнби.— Шпиона.

— Шпиона,— повторил я.

— Да. И его язык очень быстро развязался. Кому же охота, чтоб тебя протянули под килем или облили кипящей смолой? Вот, и вскоре нам стало известно о коварном плане этого злодея Билли Блада, этого перебежчика. Он тогда командовал французским фрегатом.

— Речь о капитане Уильяме Бладе?

— Да, сэр, не многие из ныне живущих слышали это имя. А Старый Билл в свое время стал для нас настоящим кошмаром. При каждом удобном случае старался насолить лорду Нельсону. А план его был таков: наш исконный враг, испанский король, и этот французский выскочка должны были объединить силы, атаковать Нельсона, когда он будет идти на Трафальгар, и пустить на дно превосходящий их по численности флот его величества. И клянусь, план его сработал бы, если бы не героизм нашего капитана и некоторых пассажиров.

— Пассажиров?

— Звали его Хоук. Он был пэром, да, но из тех, что обожают приключения, а также прямым потомком пирата Блэкхоука. Он и мальчишка по имени Ник.

— Значит, лорд Хоук? — уточнил я, продолжая строчить в блокноте.

— Он давно умер.

— Извините, сэр, а как этот лорд Хоук оказался на борту «Мерлина»?

— Его маленького сынишку Александра украли ради выкупа французы. Это был такой метод у Билла: похищать детишек английской знати и требовать огромных денег за их освобождение. Хоуку стало известно, что Блад держит его сы-

на на борту своего фрегата «Тайна», и он решил освободить сына. Была там какая-то загадка, связанная с пребыванием на борту его светлости, однако кэп Макайвер разрешил ему отправиться с нами. На борт он поднялся, насколько я помню, на Бермудах.

— То есть вы разыскивали этот фрегат, «Тайну», не просто с целью пустить на дно?

Хорнби утвердительно закивал.

— Мы выяснили у этого проклятого португашки, где может находиться корабль Блада. Более того, мы узнали, что Блад выгравировал географические координаты места на золотой подзорной трубе, и...

— Минуточку. Вы говорите — выгравировал на подзорной трубе?

— Точно. И заметьте, то была не простая труба, а та самая, которую этот негодяй стянул у лорда адмирала в ночь бунта! По словам этого чертова португашки, место, где Билл собирался атаковать наш флот, было настолько засекречено, что он нацарапал широту и долготу прямо на металлическом корпусе подзорной трубы. А поскольку к этому плану приложил руку сам Бонапарт, ловушка нас ожидала хитроумная. Нам необходимо было раздобыть подзорную трубу до того, как Нельсон и весь британский флот выйдут из Портсмута... И, клянусь Богом, мы справились!

— Но как?

— В этом-то и заключается вся история, а, мистер Толливер?

Отхлебнув из стакана, я спросил:

— А лорд Хоук, это он был главным героем? Ведь именно ему отведена центральная роль в рассказе Сесили.

— Прошу прощения, сэр, но это все тот мальчишка, который был с ним. Всего на год старше меня и тихоня такой с виду, но только с виду.

Тут старый моряк неожиданно откинулся на стуле и привалился к стене. Он был так погружен в прошлое, а стул ка-

зался таким неустойчивым, что я всерьез испугался, как бы Хорнби не упал и не переломал себе руки-ноги.

— Он тоже был пороховой обезьяной? — осведомился я, не отрываясь от блокнота.— На британском военном корабле?

Хорнби надолго замолчал, вспоминая события давно минувших дней и потягивая эль.

— Нет-нет, он был вроде как подопечный его светлости, этот юный Николас. Молодой, светловолосый, да. Он появился на нашем борту на Бермудах вместе с лордом Хоуком. Мы с Ником довольно быстро сдружились, все-таки ребята почти одного возраста. Мне тогда было лет девять или десять, а ему, думаю, одиннадцать. Когда наши корабли, то есть «Мерлин» и французский фрегат, обменялись разрушительными бортовыми залпами и встали борт к борту, мы с юным Ником незаметно перебрались на «Тайну». Ох и угораздило же нас влезть в самое пекло — вокруг визжала картечь и все такое. Ни разу, доложу я вам, за все годы, проведенные на море, я не видел такого кровопролитного сражения.

С каждой минутой старый моряк все больше оживлялся; он размахивал кружкой с элем в одной руке и длинной тонкой трубкой в другой. Где-то пробили склянки — ночь подходила к концу. Порыв ветра сотряс карнизы старого дома. Огонь в камине стал угасать, так что в комнате ощутимо похолодало.

— Прошу вас, мистер Хорнби, продолжайте.

С этими словами я поднялся и подкинул пару поленьев в затухающие угли.

— Да. Ник обещал своему опекуну, что во время боя будет тихо сидеть вместе со мной в трюме «Мерлина». Мне-то корабельный врач строго-настрого запретил высовываться — у меня было ранение в голову. Но внизу полыхал неслабый пожар, который всерьез угрожал пороховому погребу, так что оставаться в трюме было небезопасно. Вот, и мы с Ником бегом поднялись на три палубы и нос к носу столкнулись со Змеиным Глазом собственной персоной.

— Змеиный Глаз? — отозвался я, бешено строча в блокноте.— Впервые слышу о таком.

— Французский пират. У него вокруг глаз и на переносице были вытатуированы змеи. Страшный человек, правая рука (и кровавая рука!) Старого Билла. Когда команды сошлись врукопашную, он перескочил на наш корабль и погнался за нами на снасти. Мы вскарабкались на бизань-мачту и дальше на нок-рею. Но пират упорно преследовал нас с кинжалом в руке, и тогда мы прыгнули. Два судна находились друг от друга не дальше чем в шести футах, и мы оба удачно влетели в раскрытое окно на корме фрегата.

— Какая потрясающая история! — восхитился я.— И что дальше?

— Так вот, когда мы с Ником спустились по сходному трапу с кормы на палубу, то удивились, как тихо вокруг. Мы огляделись по сторонам и обнаружили, что на палубе нет никого, кроме мертвых и раненых. Пушки уже сделали свое дело, и теперь на юте — нам это было хорошо видно — дрались моряки с обоих кораблей. Там развернулось настоящее сражение, было не разобрать, где свои, где чужие; лишь изредка из этой свалки доносились радостные возгласы то на французском, то на английском. А еще мы слышали ужасный звон двух абордажных сабель, и если судить по звуку, с которым они скрещивались, жуткая там была рубка. Вскинул я, значит, голову: «Юнион Джек»* по-прежнему развевался на нашей мачте. Но и французский флаг, хоть и изрядно потрепанный, колыхался на верхушке их бизани. Отсюда я заключил, что Старый Билл еще не сдался, хотя мы и завалили его свинцом. И вот взяли мы себе с Ником по абордажной сабле у убитых матросов, поползли вперед и забрались на рулевую рубку, чтобы оттуда незаметно наблюдать за событиями на юте. Осторожненько так, отталкиваясь локтями, подползли мы к самому краю и посмотрели вниз, а высоты там было не больше

* «Юнион Джек» — обиходное название флага Великобритании.

десяти футов. Матросы с обоих судов продвигались к корме, чтобы хоть одним глазком взглянуть на схватку у штурвала и...

— Так основной бой закончился?

— Да. Грандиозный морской бой превратился в схватку двух человек. Капитан Уильям Блад и лорд Хоук бились не на жизнь, а на смерть. Какое это было зрелище! Старый Билл был одет, что твой щеголь: белые шелковые брюки и когда-то ослепительно-белый капитанский китель. Вот только вся эта красота была изорвана, залита кровью и перепачкана порохом. И подзорная труба адмирала Нельсона тоже была при нем, да, засунута за широкий пояс. У Хоука на правой щеке была ужасная рана, кровь из нее залила спереди всю его рубаху. Тем не менее фехтовал лорд в классической дуэльной позиции, заложив левую руку за спину. Только в глазах его пылала бешеная ярость! Я даже не представлял, что человек способен на такие эмоции. Да... Хотите еще выпить, сэр?

— Не откажусь.

Хорнби распорядился принести еще выпивки и стал рассказывать дальше:

— Ужасные удары пирата Хоук парировал один за другим и сам снова и снова атаковал. Но, несмотря на потрясающее мастерство, с каким лорд обращался с саблей, когда Билл нанес подряд три страшных по силе молниеносных удара и звон от них эхом разнесся по палубе... да, сэр, мы, мальчишки, сразу поняли, что дела лорда плохи. «Тебе конец, Хоук! Сдавайся! — прогромыхал Блад, продолжая наступать.— Никто на свете не сравнится с Билли Бладом в умении обращаться с саблей! Я вырежу твое сердце и сожру за ужином!» «Ну тогда, сэр, придется вам сегодня остаться голодным! — отозвался Хоук, нанося яростные удары.— Запомните, Блад, конец не мне, а храброму похитителю детей». И тут же лорд отразил чудовищный по силе удар, который наверняка мог разрубить его надвое. «Смотрите! — крикнул он.— Смотрите, Билли Блад! Даже ваша собственная команда оставила вас. Види-

те — эти французы просто стоят и ждут, когда кровь их изменника капитана потечет в шпигаты»*. Противники продолжали свой танец, нанося и парируя удары. Лорд Хоук внезапно нанес сокрушительный удар, и над палубами разнеслось долгое эхо. Да, лорд был прав: люди Блада побросали оружие и не отрываясь следили за поединком. Последние очаги сопротивления на палубе были подавлены, и наш капитан Макайвер приказал королевским морским пехотинцам держать под прицелом мушкетов тех немногих французов, еще сжимавших оружие,— на случай, если им вдруг взбредет в голову прийти на подмогу своему капитану. «Лживый пес!» — бешено заорал Билли, и лицо его побагровело. Он набросился на лорда и заревел во всю мощь своих легких, словно раненый носорог. Хоук вскинул саблю, чтобы отразить мощнейшую атаку, но в самое последнее мгновение чертов Блад резко затормозил, крутанулся на пятках вокруг своей оси и со страшной силой ударил саблей по поднятому для защиты клинку лорда. Сабля выпала из руки его светлости и со звоном покатилась по палубе.

— Нет! — воскликнул я, чувствуя себя так, будто нахожусь в самой гуще событий.

Сделав большой глоток из стакана, я нагнулся к старику, желая скорее услышать продолжение.

— Да,— вздохнул Хорнби,— у нас прямо заледенело все внутри, когда мы беспомощно наблюдали, как лорд Хоук, совершенно беззащитный, отступает перед этим мерзавцем. На залитой кровью палубе он поскользнулся, да еще споткнулся о лежащих раненых и, не удержав равновесие, упал. Один молодой морской пехотинец направил мушкет прямо в сердце Блада, но наш капитан Макайвер покачал головой и отвел ствол в сторону. Законы чести не позволяли вмешиваться в поединок. Это был бой лорда Хоука, неважно, выиграет он или проиграет. Билли на мгновение прервался и обратился к ка-

* Шпигат — отверстие в палубе или фальшборте для удаления воды.

питану французской имперской морской пехоты: «Капитан Боннар! Почему ваши люди не сражаются? Им интересно посмотреть, как сдохнет этот жалкий трус? Я приказываю вам собрать все силы и атаковать! Убейте проклятых английских псов!» — Хорнби замолчал, поднялся с места и повернулся спиной к огню, чтобы согреться.— И тут, мистер Толливер, все переменилось. Боннар выступил вперед и вытащил саблю. «Я больше не подчиняюсь вашим приказам, месье Блад,— заявил он, и среди его потрепанного воинства пронесся гул одобрения.— Почти ни у кого на борту не осталось желания продолжать бой, в средней части судна бушует пожар, а ниже ватерлинии у нас серьезная пробоина. Под командованием любого достойного французского капитана это великолепное судно одержало бы сегодня победу, но вы, сэр, не годитесь на эту должность. Под вашим началом у нас не было ни единого шанса. Слишком долго мы терпели вас, сэр! Слишком! Вы недостойны быть капитаном, и я намерен от лица команды начать обсуждение условий капитуляции. Спрячьте вашу саблю, капитан Блад. Я, полномочный представитель Императорского французского флота, арестовываю вас! Эй, ребята, спустить флаг! Мы сдаемся...

— Прошу прощения, мистер Хорнби,— вмешался я,— но ведь на фрегате держали пленных детей, если я правильно понял. Что же стало...

Хорнби сурово на меня посмотрел, и я прикусил язык, сгорая от стыда за то, что перебил старика. Все же он продолжил:

— Билли откинул назад голову и расхохотался со словами: «Так это бунт? Я еще перережу ваши мятежные французские глотки, но начну с этой английской свиньи!» Он перевел взгляд на лорда Хоука, а потом ринулся на него, целясь кончиком клинка прямо в сердце. Я не отрываясь следил за происходящим на палубе и едва заметил, как за моей спиной Ник вскочил на ноги. «Лорд Хоук! Ловите!» — крикнул он. Все, кто был на палубе, задрали головы и увидели моего приятеля, стоящего на рулевой рубке. А он вытащил из-за пояса

трофейную абордажную саблю и кинул ее вниз своему безоружному опекуну. Бросок оказался точным, сабля приземлилась возле ног Хоука. Тот наклонился поднять ее, однако Билл воспользовался секундной паузой, зашел к Хоуку в тыл и замахнулся над его головой. Лорд еще только поднимал саблю, а Блад уже наносил разящий удар. Он плашмя ударил Хоука клинком по лопаткам, и тот снова рухнул на доски палубы. При этом он здорово стукнулся головой, и я понял, что он полностью оглушен. Сабля отлетела на добрых пятнадцать футов в сторону. Тут Ник посмотрел на меня, и по его глазам я прочел его намерения. С того места, где мы сидели, до палубы было всего около десяти футов, и Ник точно рассчитал прыжок. Он прыгнул на плечи разъяренного Блада и обхватил обеими ногами его шею, а пальцами рук надавил на глаза. Ослепленный Билли с громким пыхтением закружился на месте, спотыкаясь о лежащие на палубе тела мертвецов. Он изо всех сил пытался стряхнуть с себя этого нахального мальчишку, но молодчина Ник держался крепко. Я свесился с крыши рубки и во все глаза уставился на приятеля. Он заметил меня и заорал: «Быстро беги вниз, Мартин Хорнби! Найди сына лорда Хоука и других детей! А мы с его светлостью разберемся!» Каким-то образом Нику удалось вытащить у Блада из-за пояса бесценную подзорную трубу... и вдруг я увидел, как мой приятель летит по воздуху. Чертов пират наконец оторвал его от себя и, словно тряпичную куклу, с силой швырнул на палубу. «Разберемся...» — с сомнением подумал я, но поступил, как велел Ник. Тихонько соскочил с крыши, хоть было очень тяжело оставлять друга в таком отчаянном положении, и...

— Подождите! — Я резко встал и больно стукнулся голенью о камин.— Ради всего святого, мистер Хорнби, неужели в такой момент вы покинули свой наблюдательный пост?

— Мистер Толливер, отсутствовал я недолго, а о том, что пропустил, мне рассказали достаточно подробно, так что я почти все видел собственными глазами,— заверил меня Хорн-

би, похоже напуганный таким внезапным проявлением эмоций.

— Тогда прошу вас, продолжайте! — взмолился я и сел обратно на стул; рука застыла над блокнотом, готовая записать окончание этой захватывающей истории.

— «Я верну себе трубу!» — проревел Блад и поставил Нику на грудь ногу, обутую в блестящий сапог с высоким голенищем. Кончиком сабли он продырявил куртку Ника, затем разрезал тонкую синюю ткань рубахи, и на палубу выкатилась сверкающая подзорная труба. Ник отчаянно дернулся и попытался схватить ее, но куда там. Блад набросился на нее, словно хищник, сжал в руке, потом поднял высоко над головой, и труба засияла на солнце. «Нет! — воскликнул Ник.— Труба принадлежит адмиралу Нельсону!» Он отчаянно цеплялся за ногу пирата, пытаясь подняться, но Блад уперся тяжелым сапогом в живот бедняги, так что мой друг мог только бешено ерзать туда-сюда, будто приколотое булавкой насекомое. Тогда Ник сунул руку за пазуху, вытащил кинжал с костяной ручкой, который дал ему для самообороны лорд Хоук, и всадил его по самую рукоятку в мясистую голень капитана Блада. Тот заревел, как сто медведей, и не заметил, что сзади к нему приближается лорд Хоук. «Вы слышали мальчика? Труба принадлежит адмиралу Нельсону,— произнес Хоук, приставив кончик сабли к спине пирата.— Я буду благодарен, если вы вернете ее. Немедленно». «Это были твои последние слова в этой жизни»,— процедил Билл, повернувшись к лорду лицом. Некоторое время они просто смотрели друг на друга, а потом Блад атаковал, целясь в незащищенный живот лорда. Да. Но на сей раз уже Хоук стремительно обернулся вокруг своей оси, и в руке его молнией сверкнул клинок. А через мгновение раздался жуткий звук — такой издает сталь, когда разрезает плоть и разрубает кости. Да, сэр, разрезает плоть и разрубает кости! Страшным голосом заревел от боли капитан Блад и недоуменно уставился на окровавленный обрубок — все, что осталось от его правой руки. На палубе валя-

лась еще подергивающаяся отрубленная кисть; окровавленные пальцы продолжали сжимать сверкающую золотом подзорную трубу.

Я снова вскочил и посмотрел сверху вниз на старого моряка, который сидел, глядя блестящими глазами на пылающий в камине огонь.

— Так Хоук забрал трубу Нельсона?

— Да, ради всего святого, мы забрали ее. И на ней были нацарапаны зашифрованные географические координаты места планируемой засады. Поскольку тот португальский шпион давно передал нам шифр, Хоук легко прочел координаты, и их тут же записал один из морских пехотинцев.

— Это конец истории?

— Не совсем, сэр. Осталось еще немного.

— Что же? — спросил я умоляющим тоном.

Я уже представлял себе, как история Хорнби под моим авторством появляется на страницах «Глоуб».

— Да, пожалуй, мне нужно закончить рассказ, верно? Я ведь, знаете ли, снова в нем появляюсь.— Старик захихикал и отхлебнул из стакана.— Значит, на юте этот французский капитан Боннар опустился на одно колено и в знак капитуляции протянул свою саблю лорду Хоуку. Тот принял ее, а потом заговорил, но в голосе его не было ни капли гордости, нет. «Капитан Боннар, от имени команды "Мерлина" и Военно-морского флота его величества я принимаю вашу капитуляцию. Ваш флаг и вашу саблю я тотчас же передам своему капитану. Вы настоящий джентльмен, сэр, и для меня была большая честь сражаться с вами». Французы спустили флаг, и каждый англичанин возликовал, когда на стеньге «Тайны» на фоне голубого неба взвился «Юнион Джек». Лорд Хоук подошел к нактоузу и поднял в воздух флаг сдавшегося противника. «Мои храбрые друзья и товарищи,— так начал лорд.— У меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность за ваш доблестный...» «Отец! Отец!» — раздался вдруг тоненький голосок, и при звуке этого голоса отважное сердце

Хоука с такой силой подскочило к горлу, что он не в силах был продолжить речь. А потом он увидел группу матросов и бегущего к нему по палубе одетого в лохмотья маленького мальчика. Следом за ним мчалась ухмыляющаяся пороховая обезьяна, для которой настали самые прекрасные минуты в жизни. Я был слегка перепачкан в крови после недавней стычки со Змеиным Глазом и его людьми, охранявшими внизу пленных. Но я исполнил свой долг, и я улыбался. Да, сэр, поверьте: я улыбался, когда все эти маленькие детишки высыпали на палубу. Они смеялись и жадно глотали свежий воздух. «О, отец, это действительно ты!» — воскликнул маленький мальчик, и лорд Хоук как стоял, так и прыгнул с нактоуза, опустился на колени и крепко обнял своего сынишку, своего Алекса, будто не желал больше ни на шаг отпустить его от себя.

Хорнби умолк, и только барабанивший по крыше нескончаемый дождь нарушал тишину.

— Удивительная история,— наконец вымолвил я, глядя на старика.

Казалось, он совсем выдохся.

— Мне уже чертовски давно не приходилось столько болтать,— признался Хорнби, и я понял, что он действительно очень устал.— Примите мои извинения.

— Вы заслуживаете всяческого уважения, сэр. Но неужели это все?

— Довольно скоро наш корабль снова тронулся в путь. Дул попутный ветер. Закинув голову, я наблюдал, как туго надулись белые паруса; они несли нас домой, в Англию. Целый отряд барабанщиков отбивал на сияющих барабанах величественный военный марш, звуки которого летели над палубами «Мерлина». Шли мы с приличной скоростью, и, помню, я подумал, что, если этот ветерок продержится, мы без проблем завершим нашу судьбоносную миссию. Вовремя прибудем в Портсмут и успеем лично предупредить адмирала Нельсона о готовящейся засаде.

— И вы ведь успели?

Старый моряк подался вперед, словно намереваясь шепнуть мне что-то по секрету, и я заметил, что глаза его увлажнились.

— Да, сэр, успели. И я удостоился чести присутствовать на приеме во дворце Святого Иакова*. После лорд Хоук лично подошел ко мне с Алексом на руках, наклонился и посмотрел мне прямо в глаза. «Великолепная работа, юный мистер Хорнби»,— сказал он и протянул мне парусиновый сверток. Тогда я не сразу понял, что в нем находится. Спустя годы я повесил подарок лорда Хоука вон там, на стене возле камина. Видите, сэр?

Я встал со стула и направился взглянуть, что же висит там и посверкивает в отблесках пламени.

— Да, мистер Хорнби, вижу.

Протянув руку, я дотронулся пальцами до старого кожаного ремешка. Осторожно, чтобы он не рассыпался от моего прикосновения.

Подарок лорда Хоука юной пороховой обезьяне Мартину Хорнби некогда был воистину сокровищем. Ныне же он превратился в потускневшее воспоминание о былой славе, скромно висящее в углу над камином. Это была подзорная труба адмирала Нельсона.

— Давайте, мистер Толливер, посмотрите в нее. Сейчас вы держите в руках частичку нашей истории, сэр!

Только я снял трубу с гвоздя, как это и случилось. Старый ремешок порвался, подзорная труба выскользнула у меня из рук и ударилась о стенку камина. Из нее выскочила линза и закружилась в воздухе, словно подброшенная для жребия монетка. Я еле успел ее поймать.

— Сэр! — воскликнул я, нагибаясь, чтобы поднять покореженную трубу.— Приношу вам тысячу извинений!

— Ничего страшного, мистер Толливер,— добродушно произнес Хорнби.— Она и не в таких переделках бывала.

---

* Дворец Святого Иакова — официальная резиденция британских монархов; позднее была перенесена в Букингемский дворец.

Напрягите зрение — и вы найдете возле окуляра координаты, нацарапанные Билли Бладом.

Но тут из трубы выпало нечто, крайне меня заинтриговавшее. Это был пожелтевший свиток из тонкого пергамента, перевязанный черной ленточкой.

— Мистер Хорнби,— пролепетал я, с трудом сдерживая эмоции,— здесь внутри, кажется, какое-то послание. Вы знали?

— Послание, сэр? — удивился старик и медленно встал со стула.— Давайте-ка взглянем.

Со всей аккуратностью я развязал ленточку и расправил пергамент на столе. Ни Хорнби, ни я не могли поверить своим глазам. Бумага была подписана лично Наполеоном Бонапартом! Вот содержание письма:

«Капитан Блад,

немедленно отправляйтесь в Кадис под всеми парусами. Как только наш флот соединится с испанским, Англия окажется в наших руках. Атакуйте Нельсона на пути в Трафальгар, и все будет кончено. Это будет славная месть за шесть веков позора и унижения. Не щадите ни себя, ни врага! Его величество смирится с потерей кораблей, если они погибнут в сиянии славы.

Н.»

— Поразительно, сэр.— Я никак не мог прийти в себя от изумления.— И это убедительное доказательство правдивости истории.

— Да, думаю, вполне убедительное.

Некоторое время мы молча смотрели на этот невероятный документ.

— И сколько там главный приз у «Глоуб»? — задумчиво попыхивая трубкой, осведомился Хорнби.

— Семьдесят пять фунтов, сэр.

— Хорошие деньги.

Я сделал глубокий вдох, словно собирался нырнуть, и начал:

— Мистер Хорнби, мне необходимо обсудить с вами еще одно, последнее дело. Видите ли, мы с Сесили... в общем, мы собираемся пожениться. Извините. Я, собственно, что хотел спросить, сэр: не соблаговолите ли вы отдать за меня вашу дочь Сесили?

Хорнби молча уставился в догорающий огонь. Я был уверен: он считает меня, ничтожного писаку, недостойной парой своей прекрасной дочери. Казалось, у него просто нет сил лишать меня напрасной надежды. Я выпрямился, размял уставшие члены, закрыл блокнот и сунул его во внутренний карман куртки. С удовлетворением похлопал себя по груди — все-таки, имея в запасе такую историю, я мог довольно уверенно смотреть в будущее.

И уже хотел было подняться на второй этаж и поискать свободную кровать — я буквально валился с ног от усталости,— но тут Хорнби встал со стула и сказал:

— Вы хороший человек, Пенн Толливер. Честный малый. В письме Сесили говорила о вас много хорошего, но я ответил, что должен сам убедиться. На самом деле именно я подвигнул вас на это долгое путешествие.

— Но, сэр, я не...

— Возьмите письмо Наполеона, сынок, в качестве доказательства. Вы завоюете главный приз, я уверен. Берите-берите, оно ваше. Знаете, все эти годы я прикидывал, стоит ли чего-нибудь это письмо. И теперь вижу, что да — оно многого стоит.

— Так вы знали о письме?

— Конечно знал. С его помощью капитан Макайвер и лорд Хоук доказали адмиралу Нельсону, что вражеский план существует.

— Но, мистер Хорнби, это письмо стоит тысячи фунтов! По меньшей мере десять тысяч! Возможно, и больше. Нет, я никак не могу согласиться на такой подарок!

Тогда Хорнби вложил побитую подзорную трубу в мои руки и накрыл своими.

— Возьмите ее, мой мальчик.

— Но, сэр, как насчет Сесили? Я бы не хотел настаивать, но... видите ли, я очень люблю ее и могу только молиться, чтобы в свое время вы приняли меня в качестве ее единственного и...

— Для меня, мистер Толливер, будет большой честью породниться с вами.

Старый моряк откинул голову на подушку, и не успел я дойти до середины лестницы, как он забылся сном.

А я бегом преодолел оставшиеся ступеньки. Я чувствовал себя счастливым и готовился с завтрашнего утра начать новую, яркую жизнь. В конце концов, я еще молодой человек, у которого вся жизнь впереди.

М. Дайана Вогт

Отличительной чертой произведений в жанре судебного триллера является повышенный драматизм и выраженное противостояние главных героев. Ребенком М. Дайана Вогт была преданной поклонницей Перри Мейсона. Каждую неделю Дайана и ее отец смотрели, как на телевизионном экране герой произведений Эрла Стэнли Гарднера оставляет в дураках «плохих парней», и девочка пыталась представить себя на его месте. Безусловно, отчасти благодаря тем вечерам перед телевизором Вогт решила стать адвокатом, как и ее кумир, а много лет спустя начала писать судебные триллеры. Ее перу принадлежит, в частности, чрезвычайно успешный и популярный сериал «Судья Вильгельмина Карсон».

По мнению Вогт, чтобы получился хороший судебный триллер, надо добавить в реальную жизнь толику вымысла. Но, как и Гарднер, повествуя о служителях закона и их особенном мире, она не злоупотребляет излишним драматизмом. Вогт, будучи частью этого мира, правдиво описывает в своих произведениях то, что в действительно-

сти происходит в адвокатских конторах и в зале суда во время процессов — не только по уголовным, но и по гражданским делам, в ходе которых большинство людей и сталкиваются лицом к лицу с законом.

Героиня представленного в сборнике рассказа по имени Карен Энн Браун — молодой адвокат. Она разочаровалась в своей работе, вынуждающей ее идти на компромиссы с собственной совестью, и подалась на вольные хлеба. Она становится специалистом по судебным взысканиям и попутно сочиняет книги о путешествиях. Перед Карен встает нелегкий выбор, когда ее клиенты сталкиваются с несовершенством законодательной системы, позволяющей преступникам уходить от ответа — особенно в делах о похищении детей их родителями. Рассказ «В Торонто и обратно» был навеян реальными событиями: хорошая подруга Дайаны Вогт на протяжении десяти лет вела безуспешную битву в деле об опекунстве. Это история о безотчетной ярости и злости, отлично знакомых многим людям, которые имели опыт развода.

Но к счастью, Карен Браун является здесь человеком со стороны.

М. Дайана Вогт

В ТОРОНТО И ОБРАТНО

Карен Браун, одетая во все черное, полностью слилась с окружающей темнотой. За окном была полная тишина — слово «преступление» никак не вязалось с этим спокойным, престижным районом города. Единственный свет давали электронные часы на передней панели микроволновки. Они показывали три часа ночи.

Переложив «ЗИГ-Зауэр» в левую руку, Карен правой потерла ноющую шею и с наслаждением распрямила плечи. Господи, как же она ненавидела дела, связанные с опекой над детьми. Но нынешнее стояло особняком — и не из-за особой сложности, а из-за действующих лиц.

Откинувшись назад, Карен скрестила ноги на кухонном столе и постаралась расположиться поудобнее, чтобы скоротать остаток ночи — вот уже третьей кряду.

Несомненно, Джеффри Лондон — мерзавец, каких еще свет не видывал,— далеко не глуп. Он предпримет еще одну попытку похитить дочь. Если не этой ночью, то следующей. Или через одну. Карен это чувствовала. И она знала Джеффри. Уже не раз хорошая подготовка и инстинкты спасали ей жизнь; не стоило пренебрегать ими сейчас.

Борясь с одолевающей скукой, Карен непроизвольно обратилась мыслями ко времени ее влюбленности в Джеффри. Это был первый ее роман в колледже, и Джеффри тогда обращался с ней как с редким и бесценным предметом искусства, хотя уже тогда раздавались тревожные звоночки. По спине Карен пробежал холодок. Ей чудом удалось избежать сетей

Copyright © 2006 by M. Diane Vogt.

этого чудовища — он бросил ее ради более молодой и сексуальной, более веселой и наивной Беверли.

Сейчас, по прошествии десяти лет, Карен была не только признательна судьбе, но также ощущала вину. «Вина уцелевшего» — так называют это психологи; быть может, не совсем логичное, но вполне реальное чувство. Джеффри должен был на ком-то жениться, и как Карен ни пыталась предостеречь Беверли, глупышка отказывалась ее слушать. Теперь же именно Карен приходилось расхлебывать заварившуюся кашу.

Она точно знала, почему согласилась взяться за эту работу,— ей представился второй шанс спасти Беверли, теперь и вместе с дочерью, пока Джеффри их окончательно не погубил. Не исключено, что Беверли уже все позабыла, но Карен-то прекрасно помнила.

Часы показывали 3.34.17, когда раздались тяжелые шаги Джеффри по скрипучему дощатому настилу — словно она вызвала его своими мыслями. Она нажала кнопку на пульте, включив камеру, закрепленную на наружной стене дома. При помощи прибора ночного видения все происходящее будет записано в призрачном зеленом цвете.

В полнейшей тишине Карен ожидала развития событий. В правой руке она сжимала рукоять пистолета, готовая при необходимости пустить его в ход. Но не сразу — Джеффри можно будет обвинить в похищении только после того, как он выйдет с Дейдрой из дома.

Если Карен придется столкнуться с ним до этого момента, он с чистой совестью сможет заявить, что не собирался забирать дочь. Решением суда Дейдра оставалась с Беверли, однако дом был куплен Джеффри и до сих пор принадлежал ему. Формально он мог находиться здесь когда угодно на совершенно законных основаниях. В прошлом его изощренная ложь не раз вынуждала Беверли прощать все его выходки.

Карен засекла время. Джеффри ровно за двадцать секунд справился с замком и отпер дверь черного хода. Карен с улыбкой подумала, что он мог бы воспользоваться своим старым ключом; она лично убедилась, что ключ подходит.

Противно запиликала сигнализация. Карен старалась дышать как можно тише, чтобы не выдать себя дуновением воздуха. У Джеффри, как у настоящего хищника, были очень развиты органы чувств, и ее мог выдать малейший звук.

Ступая по кафельному полу, он подошел к блоку управления сигнализацией, который находился на стене рядом с холодильником, и быстро набрал шесть цифр — дату свадьбы. Этот код они с Беверли придумали, когда еще жили вместе. Еще до мучительного расставания. Пиликанье прекратилось. Джеффри Лондон повернулся, даже не взглянув в сторону Карен.

Самонадеянность всегда была его ахиллесовой пятой. Он бы никогда не догадался, что кто-то может за ним следить. Под черной лыжной шапочкой с прорезями для глаз Карен тихонько усмехнулась.

Джеффри неслышно поднялся по лестнице, быстро преодолел расстояние в несколько шагов до ближайшей двери с правой стороны и замер. Проникающего через окно лунного света было вполне достаточно, чтобы камера четко его запечатлела. Он и не собирался скрывать лицо — не хотел напугать дочь, иначе она могла закричать и разбудить мать. Воображение этого подонка рисовало одну и ту же картину: как его бывшая жена просыпается утром и, к глубочайшему своему ужасу, обнаруживает, что Дейдра пропала. Он мечтал, чтобы Беверли потеряла голову и погрузилась в постоянный страх. Чтобы он всегда мог контролировать ее жизнь и жизнь Дейдры, словно они заключены за решетку.

Оглянувшись по сторонам — желая, вероятно, удостовериться, что все удалось и Беверли спит внизу спокойным сном,— Джеффри открыл дверь в комнату дочери и осторожно прокрался внутрь.

Вскоре он уже появился на пороге со спящей Дейдрой на руках. Девочка была одета в белую пижаму. Рыжие кудряшки обрамляли ангельское личико и спадали на руку Джеффри. Она крепко спала.

Дверь он оставил чуть приоткрытой — как ее оставила Беверли, когда, пожелав дочке спокойной ночи, вышла из комнаты,— и тихо спустился по лестнице. Крепко сжимая в пра-

вой руке пистолет, Карен терпеливо ждала. Ствол «ЗИГ-Зауэра» был направлен на Джеффри. В случае необходимости она без колебаний в него выстрелит.

Если Лондон вдруг заметит ее, он может наделать глупостей, а в результате пострадает ни в чем не повинная Дейдра. Безопасность ребенка превыше всего.

Без единого звука он распахнул дверь черного хода и так же тихо прикрыл за собой. Карен включила крошечную камеру, спрятанную в кулоне на шее, немного выждала и, услышав скрип досок под ногами Джеффри, поспешила следом. Так они и оказались на улице, где Лондон припарковал темный внедорожник.

Он склонился над задним сиденьем и укладывал спящую Дейдру, когда позади неслышно возникла Карен.

— Отойди от машины,— тихо приказала она низким охрипшим голосом,— а не то выстрелю.

Джеффри отступил и непринужденно вскинул обе руки вверх.

— Повернись,— так же тихо, чтобы не разбудить девочку, скомандовала Карен.

Лондон подчинился и увидел направленный ему в грудь пистолет.

— Улыбнись.— Она подняла повыше кулон и сфотографировала похитителя.— Один снимок стоит целой тонны свидетельских показаний, согласен?

Потом она сфотографировала и спящую в машине Дейдру.

В отношении этой части плана Карен очень долго спорила с Беверли и ее сестрой Брендой. Беверли все плакала и категорически отказывалась отправлять отца дочери за решетку. Что ж, она еще не познала всей степени отчаяния, но скоро это произойдет. Оставаясь на свободе, Джеффри не замедлит в очередной раз попробовать насильно забрать дочь — не потому, что любит ее, а просто считает своей собственностью. Никогда Дейдра не будет находиться в безопасности. Мерзавцу давно уже следовало бы сидеть в тюрьме за избиение жены или за две предыдущие попытки выкрасть дочь, однако Беверли не

желала свидетельствовать против бывшего мужа. И вот наконец у Карен появились необходимые доказательства.

Джеффри смотрел на нее настороженно, но без особого страха. В бесформенном черном одеянии ее долговязая фигура вполне сошла бы за мужскую. Пистолет по-прежнему был нацелен в его грудь. Интересно, Лондон узнал ее голос? Возможно. Хотя много воды утекло с их последнего разговора. Карен понимала, что сейчас он напряженно просчитывает свой следующий шаг.

— Если еще хоть раз сунешься во Флориду, запись твоей сегодняшней выходки ляжет на стол федерального прокурора. Ты сгниешь в тюрьме.

Мерзавец только ухмыльнулся. Он ни капли ее не боялся. Карен до скрипа в зубах хотелось от души врезать рукояткой пистолета по этой самодовольной роже, но она сдерживалась.

— Встань перед машиной.

Двигаясь бочком, Джеффри встал перед решеткой радиатора. Карен, не спуская с него глаз и держа наготове пистолет, нагнулась и взяла на руки спящую девочку. Та зашевелилась, но не проснулась.

Теперь, когда Дейдре ничего не угрожало, Карен отступила на несколько шагов от автомобиля и произнесла:

— Садись за руль и убирайся.

Вальяжной походкой, держа руки в карманах, Джеффри подошел к водительской дверце и открыл ее. В ту же секунду включилась сигнализация, и на всю округу пронзительно завыла сирена. От этой какофонии проснулась Дейдра. Увидев, что ее держит на руках черное привидение, малышка заплакала, стала брыкаться и кричать: «Отпустите меня! Отпустите!» Карен пришлось сильнее ее сжать — иначе они вдвоем упали бы на землю. Впрочем, пистолет при этом не дрогнул в ее руке.

— Тише, Дейдра. Это я, тетя Карен. Все хорошо. Тише.

— Тетя Карен? — изумилась девочка и на время замолкла.

Джеффри наклонился к джипу, выключил ревущую сигнализацию и обернулся; его губы искривила сардоническая усмешка.

— Карен, я так рад снова тебя видеть.

Напрягшись, она выставила вперед руку с пистолетом, недвусмысленно демонстрируя свои намерения.

— Не забывай мои слова, Джеффри. Никаких контактов. А сейчас уматывай.

— Думаешь, я стану подчиняться твоим приказам?

Он уселся наконец за руль, включил двигатель и опустил до упора стекло. На Карен смотрело искаженное ненавистью лицо. Девушка чуть вздрогнула. Теперь у нее появился заклятый враг. Черт, неужели и она тоже является для него такой же вещью, как и все остальное в его мире, независимо от цены?

Окончательно отбросив маску доброго папочки, он угрожающе прошипел:

— Ты еще пожалеешь, что связалась со мной, стерва.

— Я жалею об этом много лет.

Карен только недавно вернулась из Европы и работала над текстом новой книги «С Карен Браун по Швейцарии». Вдруг на экране компьютера вспыхнули строчки срочных новостей — информация поступала к ней напрямую из департамента полиции города Тампа. Из местечка Кэрроллвуд раздался тревожный звонок. Выехавший по указанному адресу полицейский обнаружил в доме застреленную женщину. Ее пятилетняя дочь исчезла. Официальная информация о похищении ребенка была опубликована в половине четвертого утра; Карен взглянула на часы на экране: двадцать пять минут назад. Не тратя времени на бесполезное самобичевание, она помчалась на место преступления.

Полчаса спустя она находилась на Гроупер-серкл, небольшом скоплении домов в тупичке, ведущем к озеру Гроупер. Долфин-авеню была перекрыта полицейскими автомобилями. Карен припарковала свой красный джип и сунула «ЗИГ-Зауэр» под переднее сиденье. У нее, конечно, имелась лицензия на ношение оружия, но осложнять и без того непростую ситуацию не хотелось.

Взяв ноутбук, она направилась к ближайшему полицейскому.

— Рэнди, привет,— поздоровалась Карен, чтобы он чего доброго не испугался ее внезапного появления.

— А, адвокат.— Он кивнул.— А вам что надо?

— Беверли Лондон — мой клиент. Я приехала помочь.

— Ей уже не нужна помощь,— отозвался полицейский.

Лишь на мгновение Карен прикрыла глаза. У нее не было времени предаваться скорби.

— Есть подозреваемые?

— Они с мужем скверно разошлись. Были проблемы с опекунством над дочерью. Вы об этом?

Карен кивнула.

— Держу пари — это его рук дело,— заявил Рэнди.— Редкий отморозок. А наши чертовы законы ничем не могут помочь.

Уж кому-кому, а Карен не требовалось напоминать о том, насколько несовершенны законы в сфере защиты женщин от подонков, подобных Джеффри.

— Я могу пройти туда?

Рэнди кивнул.

— Кто старший?

— Джерри Скэнлон.

В конце короткой улочки располагался кирпичный колониальный дом. Возле него стояли две легковые машины и карета «скорой помощи», туда-сюда сновали люди. Полицейские в форме, криминалисты, фотографы. В стороне двое детективов опрашивали одного из соседей, возможно того самого, который и сообщил о выстрелах. Карен ступила на тротуар, подошла к крыльцу и заглянула в распахнутую входную дверь.

На кафельном полу распростерлось тело Беверли Лондон, залитое холодным люминесцентным светом. Глаза были открыты, в них застыло удивленное выражение. В груди и животе виднелись два входных пулевых отверстия. Вероятно, пули повредили паховую артерию, так как на полу образовалась огромная лужа крови. Даже если бы помощь прибыла незамедлительно, никаких шансов выжить у женщины не было, а так она пролежала достаточно долго, чтобы кровь успела свернуться.

Детектив Скэнлон заметил Карен.

— Слыхал я, вы оставили практику и теперь сочиняете книжки о путешествиях,— полувопросительно произнес он.

Черт! Ей уже тысячу раз приходилось отвечать на этот вопрос. Почему? — вот что на самом деле интересовало Скэнлона.

— Мне нравится писать книги о путешествиях,— просто ответила Карен.

Она по-прежнему член коллегии адвокатов, а большего ему знать ни к чему.

— Наверное, не очень это прибыльное дело, раз вам не сидится в кабинете, а?

— Типа того.

Скэнлон смерил ее взглядом, будто видел впервые, хотя они частенько пересекались в тот недолгий период времени, когда Карен работала в прокуратуре. Затем махнул рукой в сторону трупа.

— Малоприятное зрелище.

— По всему дому, а также на участке установлены скрытые камеры.

Она показала на одну из них, запрятанную в бра, висящем сбоку от входной двери. Брови Скэнлона от удивления поползли вверх, и тогда Карен пояснила:

— Это мои.

— Мы тут еще не начинали,— заметил детектив и пропустил ее в дом.

Стараясь ничего не задеть, Карен миновала кухню, осмотрела комнаты Дейдры и Беверли, потом прошла в примыкающий к дому гараж. Из каждой камеры она вытащила карты памяти. Они были запрограммированы так, что запись хранилась в течение трех дней, после чего автоматически стиралась и заменялась новой.

Карен открыла ноутбук, включила его и первой вставила в разъем карту памяти из камеры в кухне. Несколько минут они с детективом лицезрели на экране изображение темной кухни, потом Карен прокрутила запись к началу — ничего.

— К сожалению, пусто,— извиняющимся тоном промолвила она и начала методически проверять записи из других камер.

— Смотрите! — наконец воскликнула Карен, ткнув в экран.

Открылась ведущая из гаража дверь, и в дом проник человек. Джеффри Лондон, вне всяких сомнений!

«До чего же пакостный»,— подумала она.

В тишине Скэнлон и Карен следили за происходящим на маленьком экране ноутбука. У женщины все буквально сжалось внутри от мрачного ощущения дежавю. Все было в точности как в ту ночь, когда она сидела на стуле в кухне и своими глазами видела, как Джеффри проникает в дом, отключает сигнализацию, поднимается по лестнице, входит в комнату Дейдры и вскоре появляется со спящим ребенком на руках.

— Черт. Черт,— прошептала Карен.

Как же она винила себя! Надо было еще в прошлом году заставить Беверли сдать мерзавца полиции. Если бы она тогда проявила настойчивость, Беверли сейчас была бы жива.

— Взгляните...— обратил ее внимание Скэнлон.

Отвлекшись от самобичевания, Карен наблюдала, как на экране Джеффри спустился по лестнице в холл и повернул направо, к двери в гараж. И в этот момент вспыхнул свет.

Камера номер три запечатлела сцену во всех деталях. Беверли стояла примерно на том же самом месте, где теперь лежало ее тело. «Джеффри»,— раздался искаженный слабыми динамиками голос. Карен вздрогнула.

Проснулась Дейдра, огляделась вокруг сонными глазами, не понимая, что происходит. «Папа?» — переспросила девочка, будто не веря, что он держит ее на руках. Удивление ее было понятно: последний раз они с отцом виделись четырнадцать месяцев назад, и обстоятельства их встречи были весьма печальными.

«Отпусти ее, Джеффри!» — с паническими нотками в голосе приказала Беверли.

Он только усмехнулся и направился мимо бывшей жены прямиком к парадному входу.

Вцепившись Джеффри в правую руку, Беверли попыталась высвободить дочь из его объятий, но мужчина только крепче прижал ребенка к груди. Потом выдернул руку, сунул за спину, выхватил из-за ремня пистолет 38-го калибра и дважды выстрелил в бывшую жену.

Беверли повалилась на пол.

«Мама! Мамочка!» — отчаянно закричала Дейдра и бешено замолотила руками и ногами.

Изо всех сил удерживая перепуганную дочь, Джеффри выбежал на улицу и исчез из поля зрения камеры. На экране осталось изображение опустевшего холла. Еще несколько мучительных секунд слышны были слабые стоны умирающей Беверли, потом все стихло.

Некоторое время Скэнлон и Карен ошеломленно молчали. Наконец детектив положил руку на плечо Карен со словами:

— Мы получим ордер на арест и известим всех наших коллег. Есть предположения, куда он увез девочку?

Все еще находясь в состоянии оцепенения, Карен ответила:

— Он гражданин Канады. Живет в Торонто. Очень богатый. Возможно, воспользовался собственным самолетом.

Скэнлон тяжело вздохнул и сгорбился.

— Если мы не успеем перехватить его на нашей территории, у нас будут большие проблемы.

— Почему?

— Канадцы не выдадут его за преступление, которое тянет на смертную казнь, а мы не откажемся от высшей меры, пока он не признает вину и не согласится на пожизненный срок.

Карен овладело отчаяние.

— Да, перспективы радужные.

— Сарказм тут не поможет.— Скэнлон снова вздохнул.— Есть и другие варианты. Ни один не гарантирует полного успеха, и все требуют времени.

— Надеюсь, вы поймете меня, но я не считаю мудрым расшибить себе лоб обо все эти бюрократические препоны, если пытаться вернуть Дейдру официальным путем.

Карен снова поставила последнюю запись и проверила время, когда та была сделана.

— Прошло больше шести часов. На собственном самолете он уже легко мог добраться до Торонто.

Было очевидно, что Джеффри не станет рисковать и лететь в Канаду обычным рейсом.

— Мы, конечно, проверим все авиарейсы,— пообещал Скэнлон и после паузы добавил: — В противном случае, боюсь, у нас ничего не выйдет.

В Карен нарастал праведный гнев, готовый поглотить ее целиком — от макушки до пяток. Нервы были напряжены до предела. Беверли мертва. Дейдра похищена. Джеффри Лондон исчез.

Дело закрыто?

Как бы не так!

По телу хлестал холодный дождь, словно в наказание за допущенную оплошность. Однако, переплыв бассейн пять раз, Карен почувствовала себя немного лучше. Дни, когда она занималась бегом, канули в прошлое, но плавание здорово помогало прочистить мозги. Она нырнула, перевернулась под водой и уверенными гребками стала подниматься к поверхности. Омывающая тело вода казалась бархатной. Вынырнув, Карен поплыла кролем, совершая равномерные движения руками и ногами,— это помогало лучше сосредоточиться. Трудность заключалась не в том, чтобы найти Джеффри, а в том, чтобы вернуть Дейдру из Канады на родину. Да еще и оградить от дальнейших посягательств со стороны отца. К концу пятнадцатого заплыва в мозгу Карен начал вырисовываться план.

Когда она оставила юридическую практику, будучи не в силах смириться с необходимостью постоянных компромиссов и разочаровавшись в несовершенстве системы в целом, она задумала кардинально переменить жизнь и занялась сочинительством книг. Очень быстро Карен поняла, что получает от этого удовольствие (чего сама никак не ожидала). Новое занятие позволило ей открыть частную практику в качестве специалиста по судебным взысканиям, так что теперь она бы-

ла не обременена многочисленными правилами, которым вынуждены следовать адвокаты.

Подобный образ жизни вполне устраивал Карен. Она путешествовала, искала материал для книг, а кроме того, тщательно подбирала себе клиентов и успешно им помогала. Таким клиентам, как, например, Беверли Лондон и ее сестра Бренда.

Карен нахмурилась и смахнула воду с ресниц. Джеффри никогда не даст дочери покоя; единственное, что может его остановить,— это тюрьма или смерть. Других вариантов нет. И она, Карен, должна справиться с этой проблемой, найти верное решение.

Взмах одной руки, взмах другой, ноги с силой отталкиваются от воды; Карен плыла и плыла, разворачивалась, ныряла, не обращая внимания на ветер, который леденил кожу всякий раз, когда она показывалась над водой. Наконец ее план полностью созрел, и последние десять заплывов Карен провела в прогулочном темпе. Потом перевернулась на спину и подставила разгоряченное лицо под струи дождя. Холодный ветер приятно освежал. Теперь Карен четко знала, что делать.

Она терпеливо выждала несколько месяцев — достаточно, чтобы у Джеффри притупилась бдительность,— и в один прекрасный день вылетела из Тампы в Буффало, где в аэропорту взяла напрокат неприметный серый седан. Карен не хотелось пользоваться прямым рейсом в Торонто. Пусть такой вариант быстрее и проще, но в этом случае она будет зависеть от расписания. Кроме того, после событий одиннадцатого сентября пассажирам самолетов уделяли особое внимание. Карен придется объясняться по поводу Дейдры, и, если их и не задержат, они уж точно оставят отчетливый след. Гораздо удобнее было пересекать канадскую границу на автомобиле.

Карен с трудом подавила в себе желание купить на улицах Буффало незарегистрированный пистолет. Въезд на территорию Канады с оружием считался серьезным преступлением. Дело в том, что канадским гражданам запрещается носить оружие, и даже владение таковым очень жестко регламенти-

ровано. Если у нее найдут пистолет, неизбежен арест и, возможно, тюрьма, а Дейдру тогда вернут отцу. Нет, риск слишком велик. Если она хочет забрать девочку у Джеффри, ей придется рассчитывать только на свою смекалку. Допустить еще одну ошибку она не имеет права.

В Льюистоне, штат Нью-Йорк, Карен сняла на две ночи номер в небольшом семейном мотеле. На следующий день она собиралась провести генеральную репетицию, а послезавтра приступить непосредственно к исполнению плана.

Поспав четыре часа, Карен надела брюки цвета хаки, розовую рубашку, синюю спортивную куртку и кроссовки. Доходящие до плеч светлые волосы убрала в конский хвост и, критически оглядев себя в зеркале, осталась довольна: ничем не примечательная простодушная мамашка.

В пять утра, когда Карен взяла курс на мост, соединяющий Льюистон с канадской территорией, было еще темно. Джеффри наверняка думает, что она выберет кратчайший маршрут в Торонто и обратно. Что ж, Карен сделает ему такое одолжение. Путь предстоял недолгий — час с четвертью, без учета пробок или дорожных работ.

Границу она преодолела без проблем. Не в разгар сезона, да еще в будний день желающих ехать что в одну, что в другую сторону практически не нашлось, поэтому работал только один из двух таможенных постов. Как это бывает в большинстве некрупных городков, куда любят наведываться туристы, канадский таможенник просто спросил у Карен имя и фамилию, национальность, куда она направляется и когда собирается вернуться. Она дала стандартный ответ про посещение Ниагарского водопада и заплатила пошлину. Таможенник помахал ей вслед, так и не удосужившись проверить документы.

«Хоть бы и назавтра все прошло так же гладко»,— взмолилась про себя Карен.

Добравшись до частной школы, в которой, по ее данным, числилась Дейдра, Карен предварительно дважды объехала квартал — ей нужно было убедиться, что Джеффри не прячет-

ся в кустах и не держит дочку под неусыпным надзором. После этого она припарковалась неподалеку, так чтобы в поле зрения попала игровая площадка, и принялась ждать. В голову лезли нехорошие мысли. Неужели Джеффри ослабил контроль над дочерью? Он настолько в себе уверен и самонадеянно полагает, что Карен отказалась от своих притязаний? Что же она упустила?

В пятнадцать минут одиннадцатого из дверей школы на площадку вышли человек двадцать энергично скачущих детишек и молодая учительница. Среди учеников Карен заметила маленькую девочку с рыжими кудряшками и не смогла сдержать слезы, но все же быстро взяла себя в руки и вытерла с лица предательскую влагу, напомнив себе, что сейчас не время разводить сопли, необходимо полностью сконцентрироваться на работе.

В отличие от других детей Дейдра вела себя тихо и казалась немного задумчивой и рассеянной. Понуро опустив голову, она с печальными глазами стояла в сторонке и сжимала в одной руке замусоленную куклу, а большой палец другой засунула в рот.

В Карен закипел тщательно сдерживаемый гнев. Родители Дейдры были заняты преимущественно войной друг с другом и на дочь практически не обращали внимания. Бедное дитя уже никогда не будет такой, как ее сверстники. К несчастью, девочка стала жертвой трагических обстоятельств. Все, что Карен могла сделать для нее,— это попытаться как-то смягчить причиненную ей боль. И заставить мерзавца за все ответить.

Как всякий хороший адвокат, Карен всесторонне проанализировала ситуацию и соответственно разработала два плана действий. План А подразумевал, что они с Дейдрой без помех возвращаются домой, а если Джеффри будет угодно — что ж, он может последовать за ними в Штаты, где его немедленно арестуют за убийство. План Б имелся на случай, если Джеффри попытается ей помешать, и тогда им предстоит встреча на границе. По крайней мере, так обстояло дело в теории.

И в очередной раз Карен пожалела, что отказалась от намерения купить пистолет с рук. Оставалось только молиться, что ей удастся справиться и так. Пусть даже ценой собственной жизни.

Как всегда бывало накануне дня, когда операция вступала в решающую фазу, Карен спала урывками. Наконец в четыре часа утра она решила, что пора вставать.

К школе она подъехала заблаговременно и ждала целых два часа. Когда было уже почти девять, неподалеку остановился хэтчбек. Из него вышла молодая женщина и помогла Дейдре выбраться с заднего сиденья, после чего взяла девочку за руку, и они поспешили к центральному входу в школу. Хотя женщина явно была очень добра к Дейдре, та совершенно ее игнорировала. У крыльца они распрощались, и девочка медленно проследовала внутрь с неизменной замусоленной куклой в руке. Женщина села в машину и уехала.

Во время большой перемены школьники высыпали на улицу. Тогда Карен вышла из автомобиля и направилась к игровой площадке. Она дважды окликнула Дейдру по имени, прежде чем та повернула голову; лицо девочки расплылось в широкой улыбке. «Тетя Карен!» — закричала она и вприпрыжку бросилась к гостье. Карен подхватила ее на руки и прижала к себе, возможно, излишне крепко. Под одеждой девочка казалась совсем худенькой, и Карен вновь ощутила жалость, которая сразу же уступила место праведному гневу.

В нескольких словах она объяснила учительнице, что Дейдра записана на прием к зубному врачу, и показала записку, якобы от Джеффри, с разрешением забрать ребенка. Учительница долго смотрела на незнакомую женщину, но все же отпустила Дейдру. Вероятно, отчасти потому, что та крепко уцепилась за Карен, словно ни за что не хотела с ней расставаться. Менее чем за пятнадцать минут Дейдра собралась и появилась на игровой площадке, и вскоре они мчались в Льюистон. Пока срабатывал план А.

Периодически поглядывая в зеркало заднего вида, Карен вела машину по уже хорошо изученному маршруту. Сзади

сидела Дейдра, пристегнутая ремнем безопасности; она вернулась в прежнее подавленное состояние и о чем-то тихонько беседовала с куклой. Примерно через час глаза девочки закрылись, подбородок тихонько опустился на грудь, и она погрузилась в сон. Из уголка рта на голову куклы скатилась слюна. Дейдра была такой маленькой, такой хорошенькой и никак не заслуживала столь несправедливой судьбы. С этими мыслями Карен сильно сжала руль, даже руки свело судорогой.

Возможно ли, что Джеффри пичкает дочь какими-то лекарствами? В таком случае он достоин еще большего презрения. Карен посмотрела на часы — пока все по графику.

Они приближались к границе, и Карен приготовила паспорта — на случай если придется их предъявить. Беспокоило только то, что ни Джеффри собственной персоной, ни кто-либо другой ее не преследовал.

Джеффри был злобным психом, привыкшим контролировать все и вся. Карен предполагала, что он постоянно в курсе, где в данный момент находится его дочь, и, соответственно, немедленно организует погоню. По крайней мере, он уже должен знать о похищении Дейдры и прийти к заключению, что Карен выберет для возвращения в Штаты кратчайший путь.

Но пока никаких признаков Джеффри. Тем не менее Карен была настороже. Ей было известно, что этого подонка нельзя недооценивать. Что-то, какую-то деталь она упустила. Когда они добрались до границы, Карен окончательно убедила себя, что встречи с ним не избежать. Значит, придется действовать согласно плану Б. Получится ли у нее?

Карен полностью сосредоточилась на предстоящем прохождении границы, и, пока они ехали через мост, даже не взглянула на захватывающее зрелище Ниагарского ущелья. На американской стороне по-прежнему работал всего один пост, и перед ним выстроилась медленно движущаяся вереница автомобилей. Карен посмотрела на шлакоблочное здание таможни, в котором размещался также магазин дьюти-фри: за стойкой находился один таможенник, а в магазинчике продавец упаковывал в коричневый пакет бутылку ликера.

Помахивая покупкой, водитель покинул магазин, забрался в стоящий перед машиной Карен ржавый и помятый пикап и завел мотор. Из выхлопной трубы вырвалась струя сизого дыма, а глушитель, судя по всему, вышел из строя много лет назад.

Посреди недели, не в разгар туристского сезона, да еще и во время ланча вокруг было тихо и пустынно. Карен надеялась, что в такой обстановке Джеффри, если он вообще появится, поостережется что-либо предпринимать в открытую.

Она еще раз мысленно повторила легенду, которую расскажет, если таможенник вдруг отойдет от стандартной процедуры. Накануне все прошло довольно формально, без лишних вопросов — канадские власти заботились о привлечении туристов. Но вряд ли они приветствуют похищение детей.

Впереди пост преодолели две машины. Раздолбанный пикап дернулся и подкатил к будке, а Карен затормозила перед желтой линией. Пикап загораживал ей обзор, и она снова взглянула в сторону магазина дьюти-фри. Возле него маячила смутно знакомая одинокая фигура.

Джеффри. Он побрил голову и нацепил солнцезащитные очки. Неважно как, но он нашел Карен. Возможно, где-то на одежде Дейдры был прикреплен радиомаячок, или он периодически названивал в школу с целью убедиться, что с ребенком все в порядке. Так или иначе, но вот он — здесь и сейчас. На месте оставаться нельзя, нужно двигаться. В крови Карен забурлил адреналин, сердце застучало с удвоенной энергией, на лбу выступили капли пота. Итак, план Б. Главное — спокойствие!

Она посмотрела в зеркало заднего вида и поняла, что ехать может только вперед — сзади пристроился огромный восемнадцатиколесный грузовик.

Тем временем таможенник как-то слишком долго разговаривал с людьми в пикапе. Что-то там происходило, но Карен не видела, что именно. Она в нетерпении отбивала пальцами дробь по рулевому колесу.

Джеффри напустил на себя беспечный вид, будто он отошел всего на пару минут, и уверенно направился к машине

Карен. Девушка следила за ним, и в ее груди нарастала тихая паника. Интересно, кто-нибудь еще заметил его? Джеффри приблизился, посмотрел ей прямо в глаза, словно пытался загипнотизировать, взялся за ручку и повернул.

Запертая дверь не поддалась. Он перевел взгляд на заднее сиденье, на котором мирно спала его дочь, накрытая предусмотрительно захваченным Карен одеялом. В руке девочка по-прежнему сжимала куклу. Лицо Джеффри озарила самодовольная ухмылка. Кукла! Вот где он спрятал маячок!

«Негодяй! — подумала Карен.— Считает себя таким хитрецом. Ничего, еще не вечер!»

Она немного опустила стекло на задней двери, и Джеффри тут же облокотился на него левой рукой.

— Уматывай, Джеффри, пока не поздно. Если попытаешься что-нибудь сделать, тебя убьют. Так что решай.

Он рассмеялся.

— Карен, ты похитила моего ребенка. Неужели ты считаешь, что они займут твою сторону, а не мою?

Карен нажала на акселератор, и машина рванулась вперед, а поскольку Джеффри держался обеими руками за дверцу, то не устоял на ногах. Мгновение спустя Карен резко ударила по тормозам, и Джеффри швырнуло на землю. Таможенник не мог видеть происходящего, так как обзор ему загораживал пикап, который только-только медленно трогался с места. Возможно, действия Джеффри запечатлели камеры наблюдения. Так или иначе, пограничники защитят ее и ребенка. Карен на это надеялась.

Таможенник махнул ей, приглашая подъехать. Она выдохнула и остановилась возле будки; левая рука лежала на рулевом колесе.

— Ваше гражданство, мадам? — вежливо произнес пожилой служащий.

— Соединенные Штаты.

Она посмотрела в правое зеркало: Джеффри уже поднялся с земли. Ненависть, которую источал его взгляд, буквально прожигала Карен насквозь.

«Мерзавец! Убирайся, пока не поздно».

В это время таможенник заметил спящую на заднем сиденье Дейдру, и тут же его внимание привлек Джеффри, который молча стоял, засунув руки в огромные карманы спортивного свитера.

— А у ребенка? — несколько настороженно спросил служащий.

Из здания вышел его коллега и, опустив руку на кобуру, застыл в выжидательной позе. Они засекли момент, когда Джеффри пытался проникнуть в машину! План Б работал. Слава богу!

— Тоже Соединенные Штаты.

У Карен вспотели подмышки.

«Дай нам уехать, Джеффри, и дальше делай что угодно».

— Ваши паспорта?

Карен достала из сумочки документы и протянула таможеннику. Тот внимательно изучил синекожие книжечки и уточнил:

— Вас зовут Карен Энн Браун, а ее — Дейдра Лондон?

— Развод,— коротко пояснила Карен.

Джеффри находился на том же месте. Интересно, о чем он сейчас думает? Готов ли он умереть, лишь бы помешать ей забрать Дейдру?

Таможенник снова взглянул на Джеффри.

— У вас есть свидетельство о рождении девочки?

— Я не знала, что оно понадобится,— наморщив лоб, испуганно ответила Карен.

— Извините, мадам.— Служащий закрыл паспорта и указал рукой в сторону конторы.— Вам придется оставить здесь машину и пройти с нами для подтверждения вашей личности.— Он кивнул на Джеффри, который продолжал стоять неподвижно, как столб, широко расставив ноги и не вынимая руки из огромных карманов.— Вы знакомы с этим мужчиной?

Сейчас. Сейчас или никогда.

— У него пушка.

Не успел таможенник что-либо предпринять, как Джеффри выхватил из кармана пистолет и прицелился в голову Карен.

— Пригнитесь! Пригнитесь! — закричал таможенник и сам присел на корточки за радиатором автомобиля — единственное место, где его не могли достать пули.

Итак, Джеффри решил пойти ва-банк. Уши заложило от грохота выстрелов. Разлетелось заднее стекло. Карен кинулась плашмя на пассажирское сиденье, но одна пуля все же зацепила руку. Другая просвистела всего в нескольких дюймах от того места, где мгновением раньше была ее голова. В раненой руке запульсировала боль, кровь быстро пропитала рукав куртки и потекла по руке. Дейдра проснулась и заплакала.

Пограничники отреагировали мгновенно. Они приказали Джеффри бросить оружие, а когда тот не подчинился, один из пограничников выстрелил и попал Лондону в ногу. Тот упал, но продолжал стрелять. По багажнику застучали пули.

«Идиот! — подумала Карен.— Ты же попадешь в Дейдру!»

Через несколько бесконечных секунд беседовавший с ней таможенник вынул пистолет, а из здания конторы выбежали двое его коллег.

— Бросьте оружие! Бросьте оружие!

Карен посмотрела прямо в глаза Джеффри. В это самое мгновение каждый из них мог все изменить... но нет. Карен вдавила педаль газа до упора, машина сорвалась с места, снесла деревянный шлагбаум и устремилась на территорию Соединенных Штатов.

Джеффри выстрелил вслед, и, как и ожидала Карен, пограничники открыли ответный огонь.

Едва оказавшись за надежными стенами пограничного поста, Карен ударила по тормозам. Стиснув как могла кровоточащую, пульсирующую болью рану, она ухитрилась открыть заднюю дверь и отщелкнуть ремень безопасности, которым была пристегнута Дейдра. Потом вытащила девочку, зашедшуюся истерическим плачем, на улицу, крепко прижала к себе и не отпускала до тех пор, пока не стихла оглушительная пальба.

В обрушившейся внезапно тишине рыдания Дейдры постепенно сменились негромкими всхлипываниями. Не обращая

внимания на жгучую боль, Карен с девочкой на руках с трудом встала и нетвердой походкой направилась обратно к будке таможенника. Джеффри лежал на земле, из его рта обильно струилась кровь, безжизненные глаза уставились прямо на Карен.

«Слава богу!» — такова была ее первая мысль.

Ярость по-прежнему владела ею, не оставив места даже для капельки сострадания. Джеффри предпочел умереть, лишь бы не позволить ей увезти Дейдру. Он хотел, чтобы погибли все трое.

Через несколько недель Карен встретилась на игровой площадке в «Стране драконов» с Брендой, где та присматривала за Дейдрой. Фамильное сходство между тетей и племянницей сразу бросалось в глаза — у обеих во внешности было много общего с Беверли. В чертах лица девочки Карен заметила и кое-что от Джеффри Лондона. Господи, как же такое чудесное дитя могло родиться у двух таких порочных родителей?

— Вроде она кажется довольной, правда? — неуверенно спросила Бренда.

Дейдра находилась под наблюдением и проходила курс лечения у детского психолога. Врач надеялся, что терапия поможет девочке преодолеть последствия душевных травм, причиненных обоими родителями.

— Не стоит так волноваться,— поспешила успокоить Бренду Карен.— Она еще совсем маленькая. Если она будет любима и счастлива, то почти обо всем позабудет.

По щеке Бренды скатилась слеза, губы задрожали.

— Она ведь практически ничего не будет помнить о матери.

Карен пришлось закрыть глаза, чтобы сдержать слезы. Она рисковала жизнью ради будущего Дейдры. Теперь ей оставалось только верить, что усилия не потрачены даром.

— А это уже твоя задача — сохранить в ней память о Беверли.

Вдвоем они молча следили, как Дейдра карабкается по веревочной лестнице, а потом съезжает с горки в форме дра-

конього хвоста и весело хохочет, приземлившись на попку в песок.

— Беверли была так влюблена в него. И он ведь тоже ее любил.— Бренда помедлила в недоумении.— Почему же все рухнуло?

Карен потерла до сих пор ноющую руку. Так же как не скоро затянутся душевные раны, причиненные Дейдре ее отцом, так и рана Карен долго еще будет беспокоить и оставит шрам на всю жизнь. Чтобы раз и навсегда покончить с прошлым и расставить все точки над «i», Карен решила пролить свет на малоприятную правду.

— Еще до свадьбы она знала, что Джеффри опасный человек, но игнорировала предчувствия и предпочла обмануть себя. Самое лучшее, что ты можешь сейчас сделать для Беверли,— это постараться, чтобы ее дочь не повторила ошибок матери.

«А я прослежу за этим».

Кристофер Райх

«Номерной счет» («Numbered Account») — первая книга Кристофера Райха; и не просто первая опубликованная, а вообще первая написанная. Он не изучал в колледже английскую литературу, в ящиках его письменного стола не пылятся черновики неоконченных романов, рассказов или неудачных киносценариев. Роман «Номерной счет» был единственным шансом Райха зарекомендовать себя как писателя, в противном случае его снова ожидал осточертевший мир финансов, все новые слияния и поглощения — бесконечная рутина. «Борющийся писатель, голодающий художник... это другой случай»,— любил говаривать Райх.

Идея романа родилась у него во время пеших прогулок по заснеженным булыжным переулкам Женевы, когда он шел на работу и с работы в Объединенном банке Швейцарии. Служа в банке, он обучился непростому искусству распоряжаться деньгами богатейших людей мира. Семена, из которых впоследствии вырос «Номерной счет», были брошены в землю в первый же трудовой день Райха, но прошло целых шесть лет, пока он понял, что есть люди, созданные для четырнадцатичасового рабочего дня, однако сам он к ним не относится. И Райх решил написать роман, и не простой, а остросюжетный. Надо признать, попытка оказалась удачной: «Номерной счет» сразу попал в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

Во включенном в данную антологию рассказе «Убийцы» Райх впервые с 1997 года обращается к Нику Нойманну, главному герою дебютного романа. Волею писателя Ник возвращается на швейцарскую землю с новой миссией. Все авторы остросюжетных произведений знают, что не стоит влюбляться в какого-то конкретного персонажа. Никому ведь не известен момент, когда герой повернет за угол и наткнется вдруг на кинжал, дуло пистолета или отравленный зонтик.

Так что Нику Нойманну нужно быть очень и очень осторожным.

Кристофер Райх

УБИЙЦЫ

Ник Нойманн сидел в угловой кабинке, держа в лучших швейцарских традициях строгую осанку: выпрямленная спина прижата к кожаной спинке, плечи расправлены. Он устал и очень проголодался, а потому больше всего мечтал о том, чтобы поскорее подали обед и он мог приступить к работе. Руки Ник положил на скатерть и усилием воли заставлял себя сидеть смирно, а не перекладывать столовые приборы и не изучать стоящие перед ним бокалы. Массивные серебряные ножи, вилки и ложки располагались, как он заметил, в идеальном порядке. Бокалы были сделаны из австрийского хрусталя, и даже самый придирчивый взгляд не нашел бы на них ни единого пятнышка. Всякий раз, когда Нойманн задавался вопросом, как же ему удалось так долго продержаться, ответ был неизменным: внимание к мелочам.

Обернувшись, он обвел глазами ресторан. Сейчас, в самом начале восьмого, в «Кроненхалле» почти не оставалось свободных мест. Пятница, к тому же погода на улице необычно холодная для начала октября. Нойманну «Кроненхалле» всегда представлялся «рестораном непогоды». Близко расположенные друг к другу кабинки, яркое освещение, хрустящие скатерти, снующие туда-сюда по деревянному полу официанты, шеф-повар, который толкает сверкающую тележку по узким проходам между столами, и, конечно, восхитительная кухня — все это создавало уютную обстановку, теплое, праздничное противоядие дождю, снегу и пронизывающему ветру.

Наметанным взглядом Нойманн окинул обеденный зал в поисках знакомых лиц. Мужчины были сплошь зажиточными, упитанными и румяными, женщины — элегантно одеты и хоть,

Copyright © 2006 by Christopher Reich.

возможно, не столь прекрасны, как их парижские или римские соперницы, но с такими же безупречными прическами. Не найдя никого из знакомых, Нойманн облегченно вздохнул. Анонимность всегда была ключевым моментом в его профессии.

Он посмотрел на часы — заказ он сделал одиннадцать минут назад, а закуски еще не принесли. Не так и долго, конечно, но Нойманн нервничал — сильнее, чем того требовало задание, и мечтал поскорее с этим самым заданием расправиться.

Цюрих.

Много лет назад он жил в этом городе. Работал в известном банке. Влюбился. Убил человека, а другого засадил в тюрьму. И провел-то он здесь не так много времени, всего несколько месяцев, но воспоминания оказались стойкими. Они и заставляли сейчас Нойманна нервничать и сидеть как на иголках. Не в первый уже раз мелькнула мысль: а не бросить ли эту работу?

От раздумий его оторвал легкий толчок в стол — прибыл шеф-повар с тележкой. Бокал для вина закачался, и Нойманну пришлось вернуть его в вертикальное положение.

«Очко в пассив»,— подумал он.

— Gerstensuppe?*

На бедже значилась фамилия Штутц**. Доверия не вызывает.

— Пожалуйста,— произнес Нойманн, не поднимая глаз.

Шеф-повар церемонно опустил половник в кастрюлю и налил большую миску супа. Аромат говяжьего бульона и ячменя защекотал ноздри Нойманна. Ярко начищенная медная кастрюля блестела, словно инструмент в духовом оркестре.

Очко в актив.

Взяв суповую ложку, Нойманн приступил к трапезе. Консистенция и температура блюда были выше всяких похвал, вкус — насыщенный, но не чрезмерно. Особенно он оценил приятное послевкусие хереса и сделал запись. Нойманн всегда обедал в одиночестве — издержки профессии. Отсутствие компании за столом он компенсировал изысканностью меню и

---

* Ячменный суп *(нем.)*.

** Stutz *(нем.)* — удар.

всякий раз, отправляясь на задание в тот или иной город, предварительно составлял себе кулинарную программу.

Внимание к мелочам.

Сегодня за ячменным супом настанет очередь подогретого салата нуссли с нарезанным мелкими кусочками беконом и накрошенным сыром стилтон. И наконец, главного, фирменного блюда «Кроненхалле»: «Zurigeschnetzltes mit rosti». На десерт он съест шоколадный мусс и запьет кофе. От спиртного к обеду он отказался, за исключением шампанского в качестве аперитива. Человек его профессии не станет добровольно притуплять чувства.

В этот момент Нойманн его и увидел.

В противоположном конце зала вешал на крючок тренчкот* не кто иной, как Милос по прозвищу Грек. Волосы его поседели, спина сгорбилась, но это был он, вне всяких сомнений. Как можно не узнать этот острый нос, очки в черепаховой оправе, аккуратно, с армейской тщательностью расчесанные на пробор волосы? Хотя Нойманн и приучил себя ни на ком и ни на чем долго не останавливать взгляд, сейчас он не смог удержаться.

Итак, Грек находится в Цюрихе.

Нойманн продолжал спокойно есть суп. Отломил кусок булки и намазал маслом. Сделал маленький глоток шампанского. И все это время не переставал осторожно посматривать на Грека, который сидел в основном зале, тоже в одиночестве, спиной к стене, так что в поле его зрения попадали и вход, и выход. Еще один человек с прошлым. Вечный беглец, не ведающий, где и когда может повстречать врага, горящего желанием отомстить. Профессионал, который не любит сюрпризов.

Оторвавшись от супа, Нойманн обнаружил, что Грек уставился на него холодными серыми глазами и на губах его играет хитрая улыбочка. Что ж, его тоже узнали. По спине Нойманна пробежал холодок. Они все постоянно рисковали быть узнанными. Некоторые прибегали к маскировке: парики,

---

* Тренчкот — модель дождевого плаща с неизменными атрибутами: двубортный, с погонами и отложным воротником, манжетами, кокеткой, поясом и разрезом сзади.

фальшивые усы, очки. Другие даже подкрашивали волосы и носили одежду, которая существенно их меняла. Грек был не из таких. Он никогда не делал секрета из своей внешности. В свое время Нойманн тоже взял на вооружение принцип открытости. К худу ли, к добру ли, но на заданиях лицо его было помехой, которую приходилось принимать в расчет.

Нойманн приподнял брови и указал на свободное место за своим столиком, напротив. Несколько секунд Грек явно колебался. Этикета, предписывающего, как должны вести себя люди их профессии при очной встрече, не существовало. Формально они не были знакомы, но заочно были премного друг о друге наслышаны. Земля вообще маленькая планета, а их профессиональный мирок был и вовсе не велик.

Грек прославился ястребиным взором. Про него ходили легенды, что он способен уловить малейшую оплошность, секундную заминку, которая становилась роковой. Когда Грек находил цель, удержать его было невозможно.

О своей репутации Нойманну тоже было известно. Ему приписывали поистине сверхъестественную способность отыскивать бреши в обороне даже самых серьезных целей, слабые места, пробив которые он достигал своего. Он никого и ничего не боялся. Даже «Капос», чьи позиции казались незыблемыми, «Капос», которых защищали армии охранников и просто головорезов, оказались бессильными перед Нойманном. Некоторые, правда, сомневались в его талантах и утверждали, что американцы, дескать, не обладают достаточным мастерством для подобной работы. По крайней мере, не в Европе. Говорили, что лучше бы ему податься в одну из банд Лас-Вегаса или Майами-Бич, стать голосистым импресарио на Манхэттене или же вести праздную жизнь в Беверли-Хиллз. Однако шесть лет, проведенные в бизнесе, заставили всех недоброжелателей заткнуться.

Пожав плечами, Грек встал из-за столика и пересек обеденный зал.

— Наконец-то мы встретились,— произнес он и протянул для пожатия скрюченную артритом руку.

Нойманн поднялся.

— Очень приятно. Не желаете присоединиться?

Усевшись, Грек долго приводил себя в порядок: разглаживал на коленях салфетку, поправлял галстук, вытаскивал из рукавов манжеты. Затем поднял глаза на Нойманна.

— Не сомневаюсь, вы заказали местное фирменное блюдо.

— Каждый год собираюсь выбрать что-то другое, но всякий раз не могу себя заставить.

— Летом я предпочитаю дуврскую камбалу. Прошу поджарить ее и потом добавить лимонный сок. Ничего вкуснее не бывает.

— Запишу себе на память,— отозвался Нойманн, но даже не повернулся к куртке, опасаясь нарушить и без того хрупкое перемирие.

Склонившись над столом, Грек поманил коллегу пальцем.

— До меня дошли сплетни.

Нойманн нервно заерзал.

— И?

— Якобы вы, так же как и я, получаете удовольствие от работы.

Обдумав эту фразу, Нойманн заметил:

— Такова жизнь.

Грек от души рассмеялся.

— Какая это мелочь в сравнении с тем делом, которым мы занимаемся. Мы отделяем сильных от слабых. Лично для меня это не более чем естественный отбор. Скажите-ка мне одну вещь. Вы удовлетворены?

— Более или менее. А вы?

— После стольких лет ответ может быть только один. Но все это пагубно на мне сказывается. Мысли у меня только о плохом. И чувство такое, будто руки мои по локоть обагрены кровью. Я плохо сплю, вижу ужасные сны.

Когда появился официант, Грек выслушал его и заявил:

— То же, что и моему другу.

— И шампанского... «Вдова Клико» подойдет?

— Замечательно.— Грек одарил Нойманна почтительным взглядом.— Вы здесь на задании?

— К несчастью. А вы?

— Никак не могу отойти от дел. Совет... Рим... Сабатини... Форель недурна.

— Бейрут... У Альфредо... Рубленый ягненок с кускусом. Вполне сносно.

— Вы бываете в Бейруте?

— Регион, конечно, нестабильный, но если вы знаете, как обойти все препоны, это может оказаться весьма выгодно.

Грек кивнул в сторону своего плаща.

— Можно?

Нойманн внимательно изучил покрой тренчкота и кивнул.

— Память моя уже не та, что раньше.— Из кармана Грек достал маленький блокнот и черкнул в нем несколько строк.— Вы не слышали о Юрии? У него один сорвался с крючка.

Нойманн даже не попытался скрыть удивление. У Юрия была блестящая репутация. Он был отважен, безжалостен и беспощаден. Мастер с большой буквы.

— Его вывели из игры?

— В этой игре второго шанса не дают. По крайней мере, он должен быть благодарен, что все случилось быстро.

— Как это было?

— Его заманили в головной офис в Париже. Босс любит решать такие вопросы лично.

Чтобы придать убедительности словам, Грек сморщился и провел ребром ладони по горлу. Нойманн вздрогнул. Милос снял очки и, казалось, бесконечно долго протирал их салфеткой.

— А теперь вы и я оказались в Цюрихе,— добавил он отсутствующим тоном.— С одной и той же целью. Полагаю, это едва ли можно назвать совпадением.

— Вероятно, нет.

— Вы по контракту или так?

— По контракту. А вы?

— Как и всегда.

— И что теперь?

— Будем делать, что должны. Это ведь наша профессия. Желаю вам удачи.

— И вам также.

Нойманн про себя улыбнулся: задание обещало доставить особенное удовольствие. Он всегда любил соревнование, любил ни с чем не сравнимое ощущение, когда рядом с тобой находится столь же хорошо подготовленный соперник.

Подоспело фирменное блюдо. Огромные порции нарезанной ломтиками невероятно нежной телятины, плавающей в изысканном сливочном соусе, перемежались клиньями слабо поджаренного картофеля. Нойманн взял вилку с ножом и на секунду замер в нерешительности.

— Может, бордо? Все-таки для одного из нас это будет последняя трапеза.

— Пожалуй, подойдет «Ля Тур» семьдесят девятого года.

— Превосходно,— согласился Нойманн.

Позже двое мужчин не спеша шли по мосту через Лиммат*. Дождь к тому времени превратился в мокрый снег. С озера дул холодный ветер. В воздухе ощущалось дыхание зимы.

— Итак? — спросил Грек.

— Одна звездочка,— объявил Нойманн.— В своей категории он очень хорош.

— Две,— возразил Грек.— Стоит того, чтобы ради него сделать крюк на пути.

— Никогда! — воскликнул Нойманн и окинул удовлетворенным взглядом сгорбленную фигуру Милоса.

В этот самый момент он понял, что его мастерство выше, что он победит, а Грек... Грек вынужден будет отправиться в одиночестве в Париж и положить на стол значок инспектора «Красного ресторанного гида Мишлен»**.

— Так значит, это правда — что про вас говорят,— прошептал Милос; его утомленный голос был едва слышен за шумом ветра.

— И что же? — поинтересовался Нойманн.

— Вы — убийца.

---

* Лиммат — река в Швейцарии, правый приток Ааре. Вытекает из Цюрихского озера.

** Самый знаменитый ресторанный путеводитель. Был основан в 1900 году братьями Андре и Эдуардом Мишлен. Гид «Мишлен» выпускается на французском, итальянском, испанском, английском, немецком и других европейских языках. Бумажное издание справочника выходит раз в год, новый номер поступает в продажу 1 марта.

Брэд Тор

Брэд Тор часто бывает в Греции. Он всегда хотел написать книгу, действие которой происходило бы в этой стране. Когда Брэд получил предложение сочинить рассказ для данной антологии, он сразу же понял, что использует в качестве сюжета идею, пришедшую ему на ум несколько лет назад именно в Греции.

На протяжении трех десятилетий террористическая организация, известная как «17 ноября», сеяла по всей Греции смерть и разрушение. До сих пор Соединенные Штаты тратят на охрану своего посольства в Афинах больше денег, чем в любой другой европейской столице. Началось все в 1975 году, когда в Афинах члены организации застрелили резидента ЦРУ из пистолета сорок пятого калибра. Это оружие впоследствии стало фирменным знаком организации. За прошедшие годы группировка взяла на себя ответственность за двадцать одно убийство; среди жертв были четыре американских дипломата. Первые атаки «ноябристов» были направлены на американских официальных лиц высокого ранга и известных греческих общественных деятелей, однако позднее их мишенями также стали простые граждане, иностранные бизнесмены и учреждения Евросоюза.

Тор всегда недоумевал, почему греческие власти совершенно не способны добиться прогресса в деле привлечения террористов к суду.

На протяжении многих лет ни один член группировки не был арестован, а у силовых структур не имелось никаких предположений относительно личностей организаторов терактов.

Прорыв случился в 2002 году после преждевременного взрыва бомбы, которую пытался пронести на территорию афинского порта Пирей сорокалетний иконописец. У несостоявшегося террориста обнаружили связку ключей и предоплаченную телефонную карту. Найденные улики привели полицию в квартиру в центре Афин, которая оказалась под завязку набита противотанковыми ракетами, реактивными снарядами и другим оружием. Полицейским за две недели удалось раскрыть целую сеть схронов и конспиративных квартир и обнаружить большое количество оружия и средств маскировки. Найдены были и «фирменные» полуавтоматические пистолеты системы «Кольт» сорок пятого калибра 1911 года, которые использовались в некоторых наиболее запоминающихся акциях.

С тех пор в Греции воцарился относительный покой, хотя официальные лица обеспокоены тем, что некоторые члены «17 ноября» могли выскользнуть из расставленных сетей и уйти в глубокое подполье. Особенную тревогу вызывает опасение, что уцелевшие террористы могут снова заявить о себе, и тогда мир содрогнется от ужаса.

О том, как это могло бы быть, и рассказывается в «Афинском инциденте».

Брэд Тор

АФИНСКИЙ ИНЦИДЕНТ

Афины, Греция
12 июня

Посол Соединенных Штатов Америки в Греции Майкл Эвери с трудом пробивался сквозь толпу туристов, заполонивших в этот вечерний час улочки Плаки, одного из самых известных районов Афин. Сзади в некотором отдалении с толпой прохожих смешались сотрудники ЦРУ. Посла также сопровождали вооруженные до зубов охранники из службы безопасности посольства и эксперты Агентства национальной безопасности. Они разместились в неприметном фургоне, который двигался примерно в паре кварталов позади — максимум, что можно было позволить из соображений секретности. Эвери велели прийти одному, но и в Госдепартаменте, и в Минобороны не желали даже слышать об этом. Слишком многое было поставлено на карту.

В свежей белой рубашке спортивного покроя и синей куртке Эвери выглядел как типичный состоятельный западный турист, решивший посетить Грецию в разгар сезона. Через плечо у него был перекинут обычный с виду небольшой рюкзак — многие туристы в городе носили такие же. Вот только в рюкзаке Эвери лежал специальный ноутбук, снабженный беспроводным модемом и хитроумной программой, передающей изображение с экрана на удаленный компьютер.

Посол проходил мимо маленького уличного кафе, из-за столиков которого открывался чудесный вид на Акрополь и ве-

Copyright © 2006 by Brad Thor.

личественный Парфенон, когда у него зазвонил мобильный телефон.

— Сядьте за столик в этом кафе,— скомандовал голос с сильным греческим акцентом.— Что делать дальше, вы знаете.

Да, Эвери четко знал, что должен делать дальше. Утром в посольство доставили лазерный диск и последний пакет инструкций. В них особо отмечалось, что диск можно использовать только один раз и любые попытки его копировать или взломать до указанного времени приведут к потере всех данных.

Эвери сел за столик и заказал кофе, после чего достал из рюкзака ноутбук и включил питание. Зажужжал лазерный диск. Через несколько секунд на экране высветилось окошечко и в нем фраза:

Добрый вечер, господин посол. Спасибо, что пришли.

Благодаря установленной на ноутбуке программе все, что видел на экране посол, видели и сидящие в фургоне спецы из АНБ. Получив картинку, они немедленно приступили к поиску источника.

Тем временем на мониторе появилось следующее сообщение:

Вы готовы перевести деньги?

Эвери набрал на клавиатуре:

Как нам понять, что товар подлинный?

В ответ возникло одно-единственное слово:

Смотрите.

Экран разделился на две части. Рядом с диалоговым окном открылось второе, в верхней части которого засветилась над-

пись: JFK/ATC*. Эвери осторожно наклонил голову и произнес во вшитый в лацкан пиджака микрофон:

— Вы видите?

— И видим, и слышим отлично. То же и в Вашингтоне,— отозвался сидящий в фургоне техник.

Вся информация с ноутбука посла посредством спутниковой связи передавалась для проверки в Штаты.

Глубже вдавив в ухо крохотную каплю наушника, Эвери в нетерпении дожидался продолжения. Через несколько секунд раздался бесстрастный голос:

— Господин посол, проверка окончена. Это действительно картинка с мониторов службы управления воздушным движением аэропорта Кеннеди.

По спине посла Эвери пробежал холодок — ему было отлично известно, что сейчас начнет происходить. Когда он набирал следующую строку, руки его дрожали.

Мы готовы приступить.

Один за другим самолеты пропадали с экрана.

Через полторы минуты в наушнике послышался голос техника из АНБ:

— Из аэропорта Кеннеди сообщают о сбое в работе основной системы службы управления воздушным движением. Они теряют самолеты. Товар подлинный. Вам разрешается приступить к завершающему этапу операции.

Эвери напечатал:

Начинаю перевод денег.

Он ввел определенную последовательность символов.

Зеленая строка состояния, казалось, навечно застыла на экране ноутбука. Но вот наконец высветилась надпись: «Пе-

* Служба управления воздушным движением международного аэропорта Джона Ф. Кеннеди в Нью-Йорке.

ревод успешно осуществлен», и одновременно на радарах службы начали появляться «исчезнувшие» самолеты.

Тут же на экране открылось третье окно: камера снимала прибор, за который Соединенные Штаты только что заплатили кругленькую сумму. Картинка отодвинулась, и на заднем плане вырос величественный Парфенон.

— Мы едем за ним,— сказал послу один из сотрудников АНБ, и фургон отправился к цели.

Эвери не сводил глаз с экрана — на нем возникла пара рук, которые взяли прибор и поместили, как и было условлено, в ближайшую урну. Оттуда его и должны были забрать ребята из Агентства.

К послу подошел агент ЦРУ.

— Сэр, нас ждет машина. Вам лучше вернуться в посольство.

Эвери наклонил голову в знак согласия и уже собирался закрыть крышку ноутбука, как вдруг картинка стала двигаться. На экране замелькали ноги — кто-то перемещал камеру, и вот уже она передавала изображение проходящей внизу дороги. Через несколько секунд в поле зрения появился белый посольский фургон с сотрудниками службы безопасности и командой из АНБ.

— О господи,— выдохнул Эвери.— Это ловушка. Передайте, пусть убираются оттуда!

Агент ЦРУ, который все это время сидел в кафе и смотрел через плечо посла на экран, схватил одной рукой ноутбук, второй потянул Эвери к выходу, при этом крича в микрофон:

— Бродяга, это Разыгрывающий. Вы в опасности. Уходите немедленно. Повторяю. Вы в опасности! Уходите немедленно!

Не успели люди в машине откликнуться, как посол услышал резкий звук — будто кто-то вспарывал гигантским ножом ткань вечернего неба. Он выхватил у агента ноутбук, и в этот момент на экране мелькнул выпущенный из ручного гранатомета снаряд, который врезался в ветровое стекло белого фургона.

Агент под кодовым именем Разыгрывающий не стал больше терять ни секунды. Он вытащил посла из кафе и бросился прочь по ближайшей боковой улочке, вызывая по рации водителя, чтобы тот их немедленно подобрал. Остальные агенты помчались к Акрополю, а вокруг тем временем создавалась толчея: привлеченные взрывом люди высыпали на улицу из магазинчиков и ресторанов Плаки.

Завернув за следующий угол, Эвери и Разыгрывающий увидели посольский бронированный темный «БМВ» и припустили что было сил. И почти достигли цели.

Внезапно из ближайшего переулка молнией вылетел мотоцикл. Разыгрывающий еще успел протянуть руку к пистолету, но было уже слишком поздно.

Неделю спустя
Греция, юго-восточная часть Эгейского моря,
Додеканезские острова

Скотт Харват лежал в высокой траве в сотне метров от несуразной побеленной виллы и смотрел через универсальный ночной прицел, закрепленный перед стандартным оптическим прицелом «Леопольд Марк 4» самозарядной снайперской винтовки SR-25 производства компании «Найтс армамент». Он следил, не покажется ли Теологос Папандреу — человек, который, по сведениям американской разведки, стоял за убийством посла Эвери и десятка сопровождавших его человек.

Прежде «морской котик», а сейчас сотрудник секретной антитеррористической организации под патронажем правительства США, Харват практически всю карьеру нажимал на спусковой крючок снайперской винтовки. За эти годы он пришел к невеселому выводу: в мире огромное число негодяев, которых просто необходимо убить. Он постоянно напоминал себе, что в большинстве случаев люди, которым он передавал свой «свинцовый привет», более чем заслуживали подобной участи. Они представляли серьезную угрозу стабильности и

безопасности всего цивилизованного мира и должны были из этого мира исчезнуть.

Сегодня вечером, однако, Харвата одолевали серьезные сомнения. Что-то в этой истории было не так.

Перед отправлением из Вашингтона Харвата подробно ознакомили со всеми обстоятельствами убийства посла Эвери. Два года назад греческая компания, возглавляемая неким Константином Номикосом, обратилась к Соединенным Штатам с просьбой о создании совместного предприятия на партнерских началах. Компания работала над принципиально новой системой, которая позволила бы ей отслеживать свои танкеры нового поколения и иные грузовые суда в любой точке земного шара. Для проведения дальнейших исследований в этой области Номикосу требовался широкий доступ к спутниковым и радарным системам слежения. Изучая материалы проекта, американцы обнаружили его уникальные возможности для применения в своих военных разработках и немедленно ответили грекам согласием. Но только в ходе последующих разработок Министерство обороны США раскрыло весь потенциал нового изобретения.

Созданный Номикосом прибор мог сделать полностью невидимым для радаров любой объект с электронной системой управления, будь то самолет, корабль или ракета. Но и это не все. Прибор мог также внедряться в систему управления объекта и дистанционно контролировать его курс, траекторию, скорость — что угодно! При помощи соответствующих команд, к примеру, можно было заставить отклониться от заданного курса ракету или без всяких арабских террористов угнать самолет.

Министерство обороны посчитало прибор одним из самых захватывающих и в то же время опасных технических изобретений за всю историю человечества и присвоило ему кодовое название: «Объект Ахиллес».

За две недели до убийства посла прибор был похищен из научно-исследовательского центра Номикоса, расположенного возле афинского порта Пирей. Вскоре неизвестная орга-

низация вышла на связь с посольством Соединенных Штатов в Афинах и предложила вернуть прибор. За определенную сумму. В самый разгар операции по возвращению «Объекта Ахиллес» были убиты и Эвери, и вся его команда.

Несмотря на то что после расстрела посла и сопровождавшего его агента ЦРУ в посольский «БМВ» швырнули зажигательную бомбу и тела обгорели до неузнаваемости, в ходе баллистической экспертизы удалось установить, что неизвестный стрелял из автоматического пистолета сорок пятого калибра. Оружие этого же калибра использовалось в серии вызвавших большой резонанс убийств, приписываемых греческой террористической организации «21 августа».

Название организации происходило от даты первой атаки. 21 августа 1975 года члены группировки расстреляли в Афинах резидента ЦРУ и его заместителя и поместили в левой афинской газете длинное и бессвязное послание, в котором взяли на себя ответственность за двойное убийство, провозгласили свои марксистско-ленинские убеждения и обрисовали план по избавлению Греции от всяческого западного и в особенности американского влияния.

Так или иначе, нынешний президент Соединенных Штатов Америки имел определенные цели в отношении «21 августа». Его приводил в негодование тот факт, что в стране с населением всего в одиннадцать миллионов власти не способны решительно разобраться с организацией, которая, по единодушному мнению всех западных разведок, состоит не более чем из полутора десятков человек. «Афинская проблема» — как ее прозвали западные разведчики — слишком долго действовала всем на нервы, и президент намеревался покончить с ней. Он хотел нейтрализовать «21 августа» до того, как члены организации нанесут очередной ущерб американским интересам или же — не приведи господи — продадут «Объект Ахиллес» одному из врагов США.

ЦРУ с большой долей вероятности заключило, что Папандреу, партнер Константина Номикоса,— центральная фигура в организации «21 августа». Были обнаружены и свидетель-

ства его причастности к нападению на посла Эвери и его команду. Тем не менее Харвату улики против Папандреу не казались достаточно убедительными — для такой меры, как убийство, их определенно не хватало,— но он получил приказ. Харвата направили в Грецию с заданием в кратчайшие сроки ликвидировать Папандреу и любыми способами вернуть украденный прибор. Срочность миссии подогревалась еще и тем обстоятельством, что буквально накануне ЦРУ стало известно: у «21 августа» появился покупатель на «Объект Ахиллес» — подданный Иордании, чью личность пока не удалось установить, и сделка может состояться со дня на день.

Весь в сомнениях относительно подлинности разведданных, полученных американцами из греческих источников, Харват посмотрел на наручные часы «Кобольд» и подивился, где же черти носят Папандреу. Ему бы давно пора появиться.

Вдруг привычный уже шум волн, разбивающихся внизу о каменистый берег, перекрыл другой звук — скрип шин по гравию длинной подъездной дорожки. Харват еще сильнее вжался в сырую землю и приготовился стрелять, моля Бога, чтобы его начальники в Вашингтоне не ошиблись.

Синий «лендровер» прокатил по дорожке до больших двойных ворот виллы. Когда открылась дверь с водительской стороны, Харват прильнул к оптическому прицелу, силясь разглядеть лицо прибывшего. Но безуспешно. Придется подождать, пока он выйдет из машины.

— Норвежец, вы можете уверенно идентифицировать объект? — прозвучал в наушниках голос, доносящийся за тысячи миль, из Зала оперативных совещаний в Белом доме.

— Нет,— сообщил Харват.— Оставайтесь на связи.

Он до боли в глазах всматривался в прицел, пытаясь убедиться, что в «лендровере» действительно Папандреу и, следовательно, можно спокойно выполнить задание — нажать на спусковой крючок.

— Норвежец, со спутника передают, что в машине находится только один, повторяю: один человек. Вы можете подтвердить его личность? Это наш парень?

Сидящие в тылу отцы-командиры всегда желают знать все, что происходит на переднем краю. Харват, однако, не мог одновременно докладывать им подробную информацию и полностью сосредоточиться на выполнении задачи, а потому ответил кратко:

— Очистите сеть.

На языке полевых агентов это было вежливым эквивалентом пожелания заткнуться.

Болтовня в наушниках прекратилась, и Харват сконцентрировался на объекте, который как раз выбирался из машины. Со своего места Харват был вынужден дожидаться, пока мужчина обойдет «лендровер» и направится к воротам виллы — тогда только будет возможно как следует рассмотреть его лицо и произвести точный выстрел.

— Десять секунд до идентификации объекта,— вполголоса произнес Харват больше для себя, чем для толпы сотрудников, собравшихся в эти минуты в Зале оперативных совещаний.

Мужчина обогнул «лендровер» спереди.

«Еще три шага»,— подумал Харват. Было жарко, на лбу выступили капельки пота.

«Что, если начальники ошиблись и это не тот парень?»

Наконец в поле зрения появилась голова. Харват набрал полную грудь воздуха и задержал дыхание, однако не спешил нажимать на спусковой крючок винтовки.

«Еще несколько шагов. Всего несколько шагов».

Вдруг раздался выстрел, из головы мужчины полетели в разные стороны кровавые брызги, и он повалился лицом на гравийную дорожку.

— Какого х...— прошипел в микрофон Харват.

— Норвежец,— забеспокоились в Вашингтоне,— что у вас стряслось?

Харват внимательно изучил через ночной прицел окрестности виллы.

— На сцене еще один стрелок. Он уложил объект. Кто кроме меня работает на задании?

— Вы единственный исполнитель,— отозвался голос из Вашингтона.— Можете идентифицировать объект?

Снова прильнув к окуляру прицела, Харват разглядывал мужчину на дорожке.

— Нет. С этой точки уверенная идентификация невозможна.

Вашингтон откликнулся спустя пару секунд.

— Норвежец, смените позицию и удостоверьтесь в личности объекта. Максимально быстро.

— Объект лежит лицом вниз.

— Так подойдите и переверните его.

— У меня здесь стрелок, который только что прикончил этого парня! — с трудом сдерживая гнев, воскликнул Харват.— Сообщите сначала его местонахождение.

— Нет, Норвежец,— последовал ответ из Зала оперативных совещаний,— это невозможно. На ИК-картинке со спутника видны только вы и объект у машины.

— И нет теплового пятна от ствола, из которого недавно стреляли? — уточнил Харват, хотя мог бы этого не делать — если бы что-то такое обнаружилось, ему бы непременно сказали.

— Нет. Никаких тепловых пятен.

Кто бы ни был этот неведомый стрелок, он был чертовски хорош и очень осторожен.

Харвату категорически не улыбалось идти к телу. Как прикажете действовать, когда где-то затаился снайпер, который, возможно, только и ждет, когда он, Харват, высунет нос?

Хотя его и учили быть готовым ко всяким неожиданностям, внезапное появление неизвестного стрелка спутало все карты. Однако предположение, что кто-то еще охотится за пресловутым прибором, имело под собой серьезные основания. Впрочем, в тот момент это не имело никакого значения. Харват должен был идентифицировать лежащего на подъездной дорожке человека, а затем проникнуть в дом, где предположительно находился «Объект Ахиллес». Для выполнения этого плана необходимо было вначале совершить отвлекающий маневр.

В двух сотнях метров от берега Харвата дожидался видавший виды траулер «Амалия» с командой, состоящей из двух братьев Метаксас, Бена и Янниса,— единственных во всей Греции людей, которым Харват мог доверять. Харват с Беном познакомились во время совместных учений американских «морских котиков» и греческих ВМС в Эгейском море; они быстро подружились, и до сих пор Харват каждый год проводил значительную часть отпуска в приятном ничегонеделании в принадлежащем Бену баре на берегу острова Антипарос.

Перейдя на другую частоту, Харват связался с «Амалией» и описал Бену произошедшее на берегу и свою задачу. Когда спустя четыре с половиной минуты Бен запустил в воздух сигнальную ракету, Харват был уже готов и, не теряя ни секунды, бросился к «лендроверу».

Он даже и не пытался сразу опознать водителя — это было равносильно самоубийству. Ухватив мужчину за воротник, Харват ударом ноги распахнул ворота, втащил его во внутренний двор и только тогда перевернул лицом вверх. Ошибиться было невозможно — фотографию этого человека он видел во время инструктажа в Вашингтоне. Константин Номикос. «Какого черта он здесь делает?» Харват быстро осмотрел его. При ранениях в голову всегда бывает много крови, и этот случай не являлся исключением. Харват сомневался, что бедолага выживет.

— Черт возьми,— пробормотал он себе под нос.

Да, Номикос выбрал крайне неудачное время для визита к старому приятелю. Перейдя на основную частоту, Харват проинформировал Вашингтон о своем открытии.

Поскольку в окрестностях не было замечено никакого подозрительного движения, ему приказали отправиться на поиски прибора.

«Им там легко говорить»,— недовольно подумал Харват. Где-то совсем рядом скрывался убийца, которого почти наверняка послали на виллу Папандреу с тем же самым заданием, что и его.

Братья Метаксас находились в море на борту «Амалии», и рассчитывать на их помощь Харвату не приходилось. Полагаться можно было только на самого себя. Он как раз мастерил хитрую ловушку, когда декоративные фонари, освещающие аккуратные ряды оливковых деревьев во внутреннем дворе, сначала потускнели, а потом и вовсе погасли. Он был достаточно искушен в подобных играх и хорошо знал: такого слова, как «совпадение», не существует. Неизвестный снайпер вырубил электричество, и означало это только одно: он собирается проникнуть на виллу. Дольше оставаться на месте нельзя.

Входная дверь оказалась незапертой. Харват быстро прошмыгнул внутрь с целью найти кабинет. Через пять минут он уже стоял перед тайником Папандреу. Хотя Харват считался специалистом по вскрытию сейфов, в данном случае мастерство было без надобности. За фальшивой панелью в кабинете прятался сейф марки «Сафари» американского производства. «Сафари» считались лучшими из лучших, и у Харвата не было иного выбора, кроме как взорвать сейф. Вопрос был только в том, достаточно ли он прихватил с собой С-4.

Принимая во внимание безупречную репутацию сейфов «Сафари», Харват решил использовать весь наличный запас взрывчатки. Если он перестарается и заветный прибор в результате повредиться — что ж, так тому и быть. Он понимал, что в Вашингтоне будут довольны и таким исходом — лишь бы «Объект Ахиллес» не попал в руки врагов.

Укрывшись за массивным письменным столом, Харват привел в действие взрывное устройство. Сильнейшей ударной волной сорвало с петель дверь; едва рассеялся дым, Харват кинулся к раскуроченному сейфу. Внутри было совершенно пусто.

В ЦРУ не сомневались, что «Объект Ахиллес» хранится на вилле Папандреу — скорее всего, в сейфе,— но, очевидно, это было бы слишком просто.

Так как взрыв не мог не привлечь внимание таинственного противника, Харват не стал задерживаться в кабинете и

быстрым шагом направился по коридору, держа наготове снайперскую винтовку.

Он миновал нескольких комнат и почти проскочил кухню, когда краем глаза заметил кое-что, что заставило его вернуться. Посередине пола зияла дыра открытого люка. Дважды проверив фонарь на стволе винтовки, Харват прошел в кухню, нырнул в люк и стал спускаться по каменным ступеням.

Вскоре они привели его в грубо высеченный в скале коридор с низким потолком, с которого свисали голые лампочки. Очевидно, где-то здесь находился генератор.

Харват ненавидел туннели. В них негде укрыться и так и ждешь, что в любую минуту по тебе начнут палить из всех стволов.

Держась за стену, он продвигался вперед, к расщелине в конце коридора. Если судить по пройденному расстоянию, он уже покинул пределы виллы; до его ноздрей издалека долетал запах морской воды.

Он протиснулся в расщелину и, преодолев в скрюченном состоянии тридцать пять метров, выбрался в ярко освещенную пещеру с узкой песчаной полосой в дальнем конце. На песке стояли два оснащенных огнестрельным оружием профессиональных подводных скутера фирмы «Фараллон». Мучившие Харвата сомнения относительно возможной невиновности Папандреу начали стремительно улетучиваться.

Но не скутеры привлекли внимание Харвата. С дальнего конца песчаного берега доносился пронзительный скрежет, в воздух летели искры. Одетый в черное человек с помощью — как выяснилось при ближайшем рассмотрении — циркулярной пилы пытался разрезать металлическую коробку, зажатую между двумя большими камнями. Первым побуждением Харвата было немедленно сообщить об увиденном в Вашингтон, но связь на всех частотах прервалась, как только он вступил в подземный коридор.

В его голове промелькнул миллион вопросов, и ответы на них, судя по всему, находились на песчаном берегу пещеры.

Харват разглядел узкую тропинку и стал осторожно спускаться, ни на секунду не отрывая глаз от человека в черном, который, не замечая ничего вокруг, силился вскрыть коробку. Оказавшись на песчаном берегу, Харват бесшумно, словно тень, направился к неизвестному.

Тот из-за лязга металла, вгрызающегося в металл, и летающих вокруг искр даже не подозревал о присутствии Харвата — до тех пор, пока снайпер не уткнул в мокрую черную спину глушитель винтовки. Пила упала на песок.

Харват велел медленно повернуться и, когда мужчина подчинился, едва не потерял от изумления дар речи.

— Посол Эвери,— констатировал он.— Ничего не понимаю. Я думал, вы погибли.

Когда первоначальный шок прошел, сребровласый посол с чувством собственного достоинства и сознанием своей правоты ответил:

— Ясно, что нет. А вы кто такой, черт возьми?

— Меня зовут Харват. Пентагон поручил мне найти ваших убийц.

— Пентагон? Да они свою задницу-то в зеркале найти не могут! Полагаю, вам также поручили добыть прибор?

Было нечто такое во взгляде «воскресшего» посла, что Харват мысленно закрылся и решил повалять дурачка, пока не разберется как следует, что же здесь на самом деле происходит.

— Прибор, сэр?

— Да не придуривайтесь,— отмахнулся Эвери.— Ведь из-за него вся эта свистопляска. Положите лучше оружие и дайте мне руку. У нас мало времени.

— Где Папандреу?

Эвери молчал, и Харвату пришлось повторить вопрос:

— Сэр, где Папандреу?

— Отправился поплавать,— бросил посол и кивнул через плечо туда, где песчаный пляж обрывался в воду.— И вряд ли он скоро вернется.

Харват посмотрел в ту сторону: в нескольких футах под поверхностью виднелись очертания человеческого тела, с ног до головы обмотанного чем-то очень смахивающим на тяжелую якорную цепь. Отдельные части головоломки постепенно собирались воедино.

— А Номикос? — спросил Харват.— Постойте, попробую угадать. Кто-то попытался прочистить ему ухо от серных пробок.

— Да плевать всем на это. Они оба были из «Двадцать первого августа». Сейчас для нас главное — как можно быстрее убраться отсюда вместе с прибором.

Волосы на загривке Харвата встали дыбом. Ему все это очень не нравилось. Направив ствол винтовки прямо в грудь посла, он скомандовал:

— Поднимите руки, чтобы я мог их видеть.

— Что, черт побери, вы делаете?

— Арестовываю вас.

— Вот уж дудки! Я должен выполнить задание. Если вы встанете у меня на пути и все испортите, я сделаю так, что вы сдохнете как собака!

— Так же, как сделали в Афинах?

Посол замолчал; единственным звуком, нарушающим тишину пещеры, было монотонное гудение генератора.

— Мне бы следовало пристрелить вас прямо здесь,— заявил Харват.

В его мозгу тем временем все произошедшее быстро складывалось в цельную картину.

— Погибли отличные ребята из вашей команды,— добавил он.— И ради чего? Деньги?

— Много денег,— услышал за спиной Харват.— Двадцать пять миллионов. Это не шутки.

Он обернулся и увидел старшего из команды охраны посла Эвери, агента, известного как Разыгрывающий. В руках тот держал французскую штурмовую винтовку FA-MAS с пламегасителем. Разыгрывающий был огромен, почти вдвое круп-

нее самого Харвата, и одет в специальный костюм, практически невидимый в инфракрасных лучах.

Против желания Харват рассмеялся.

— Что тут смешного? — рявкнул Разыгрывающий.

— Да просто вспомнил ту старую шутку про разницу между дикобразом и «БМВ». Только в вашем случае подонки на самом деле были снаружи*.

В следующее мгновение улыбка исчезла с лица Харвата — Разыгрывающий шагнул к нему и врезал прикладом по челюсти.

У бывшего «морского котика» искры из глаз посыпались, и он упал на одно колено.

— Все мы должны делать то, что должны.

С этими словами посол отобрал у Харвата оружие и снаряжение и зашвырнул в воду.

— Что же касается тебя,— произнес Разыгрывающий, по-прежнему держа Харвата на мушке,— ты присоединишься к мистеру Папандреу и немного поплаваешь.

Харват выплюнул сгусток крови и прохрипел:

— Наверное, это не самая лучшая мысль — я как раз поел перед тем, как сюда отправиться.

— Пошути мне еще, умник.

— Может, расскажете, как давно вы работаете на «Двадцать первое августа»?

— Это не мы работаем на них,— улыбнулся посол,— а они на нас. Наш компаньон, мистер Папандреу, некоторое время назад здорово нас подставил, и мы предложили ему сделку: мы делаем вид, что ничего не случилось, а он в обмен на это становится нашими глазами и ушами в организации.

— В Госдепе или ЦРУ знали об этом?

---

* «What is the difference between a porcupine and a BMW? A porcupine has the pricks on the outside» («В чем разница между дикобразом и "БМВ"? У дикобраза колючки снаружи»). Здесь игра слов: prick означает не только «колючка», но и «подонок, мерзавец, нечестный человек».

— Разумеется, нет. Папандреу был слишком ценным кадром, чтобы делиться им с кем-то еще.

— И он использовал свою дружбу с Номикосом и выкрал прибор?

— Да. Но и Номикос был далеко не ангелом. Он-то и стоял во главе «Двадцать первого августа».

Потрясенный Харват молча слушал посла.

— С некоторых пор Папандреу подозревал, что в организации его уличили в работе на нас, и понимал, что рано или поздно за ним придут. Собственно, именно поэтому Номикос сегодня вечером и появился на вилле. Сейчас-то я уверен: нам бы уже давно следовало избавиться от Папандреу и убраться прочь из этой страны, но нужно было затереть еще кое-какие следы. А задним умом все мы крепки.

— Значит, вы сами вместе с Папандреу и разработали этот план: нападение на вашу команду и машину?

— Мы подбросили в машину парочку тел,— пояснил Разыгрывающий,— подменили отпечатки зубов, а затем кинули туда зажигательную бомбу, так что только по пулям и можно было что-то определить.

Про себя Харват не мог не отдать должное их предусмотрительности.

— То есть след вел к организации «Двадцать первое августа», а вы собирались спокойно смотаться с деньгами и прибором и начать новую жизнь на новом месте.

— Точно так,— подтвердил Разыгрывающий.

— А покупатель из Иордании?

— Через три дня мы встречаемся с ним в отеле на Сицилии,— сообщил Эвери,— поэтому, полагаю, вы понимаете, что мы должны закончить здесь все дела.

Заметив, что Разыгрывающий взял еще одну якорную цепь и медленно приближается, Харват попытался потянуть время.

— И что же в итоге? Папандреу надул Номикоса и вместе с ним «Двадцать первое августа», вы обманули Папандреу, а также свою страну, потом подстроили собственную гибель, а

теперь торопитесь продать прибор человеку, который почти наверняка является врагом Соединенных Штатов.

— Красиво говорите,— оценил посол, принимая винтовку из рук Разыгрывающего, чтобы тот смог связать Харвата массивной цепью.

Тогда Харват метнулся к громиле с намерением сбить его с ног и завладеть пистолетом, но оказался недостаточно проворен. Разыгрывающий уклонился влево и одновременно нанес сокрушительный удар локтем в висок. Харват рухнул наземь, из глаз снова полетели искры. Пальцы его царапали песок, влажный — как он догадался — не от морской воды, а от хлещущей изо рта крови.

Разыгрывающий сноровисто обмотал якорную цепь вокруг запястий и лодыжек Харвата, после чего частично потащил, частично понес его к пещерному озерцу, в котором плавало тело Папандреу.

Все мысли Харвата были сейчас сосредоточены на том, как остаться в живых, но сколь отчаянно он ни пытался высвободиться, толку от этого не было.

Тем временем Разыгрывающий погружался в воду все глубже; Харват отдавал себе отчет, что в любую секунду громила может отпустить его и он пойдет ко дну.

Среди «морских котиков» утонуть считалось самой постыдной смертью, однако именно это грозило Харвату.

Призвав на помощь все свои возможности, он постарался изогнуться и дотянуться до Разыгрывающего. Если не останется ничего другого, то, может, хотя бы удастся утащить этого сукина сына с собой на морское дно.

Досчитав в уме до трех, Харват из последних сил рванулся вперед, вытягивая руки и пытаясь уцепиться хоть за какую-нибудь часть одежды своего убийцы. Тут что-то щелкнуло, и плечо Харвата отозвалось острой болью. Отдаленной частью сознания он понял, что получил очень серьезное повреждение, однако в данный момент ему было на это наплевать. Главное сейчас — остаться в живых!

Напрягшись до предела, Харват снова попытался высвободиться из смертельной ловушки и тут услышал еще один щелчок. Спустя мгновение в глаза закапала кровь. Он задрал голову и обнаружил, что в горле Разыгрывающего торчит какой-то предмет и из раны течет кровь. Все произошло едва ли не мгновенно, и не успел Харват сообразить, что же случилось, как руки убийцы, с непреклонностью бульдозера, шагающего на глубину, отпустили цепь.

Через секунду, увлекаемый тяжелым грузом, Харват пошел ко дну. События развивались столь стремительно, что у него почти не осталось времени набрать в легкие побольше воздуха. Прилагая отчаянные усилия, он попытался нащупать руками наклонный берег и дюйм за дюймом выползти обратно на поверхность, но безрезультатно. Песок был слишком мягким, и с каждым движением Харват только глубже в него зарывался.

Грудь словно сдавили тысячи тонн бетона. Каждая клеточка тела умоляла о капле кислорода. В глазах потемнело, и Харват понял: у него осталось лишь несколько секунд, а потом рот непроизвольно раскроется в последней, отчаянной попытке вдохнуть глоток свежего воздуха, в легкие хлынет вода и на этом все кончится.

Он приготовился достойно встретить смерть, как вдруг что-то ткнулось ему в спину. По ощущениям это «что-то» больше всего походило на акулью морду; в общем-то, это было неудивительно, поскольку пещера наверняка сообщалась с открытым морем.

Толчок в спину повторился, потом еще один, и вдруг Харват почувствовал, что его куда-то тащат. Он попытался посмотреть на животное, но в глазах от нехватки кислорода стало совсем темно, к тому же в воде было полно крови.

Огромный зверь толкал и толкал Харвата вперед, и внезапно он оказался на поверхности. Моментально последовал сильный удар, и плечо в том же самом месте, что секундами ранее, пронзила острая боль. Раздался треск, напоминающий винто-

вочные выстрелы, но на самом деле — с ужасом осознал Харват — это был хруст костей, перемалываемых мощными челюстями. Тогда он сказал самому себе, что скоро все кончится, и сразу же успокоился. Все в мире перестало иметь значение. Только глубина, холод и долгожданный покой...

И тут глаза Харвата открылись, и он, широко разинув рот, начал быстро и жадно глотать свежий воздух. Качаемый волнами на мелководье, он взглянул налево, потом всем телом повернулся направо, пытаясь обнаружить акулу.

— Спокойно, спокойно,— произнес над головой чей-то голос, и обветренные руки начали разматывать цепь, опутавшую запястья и лодыжки.

Подняв голову, Харват увидел лицо Бена Метаксаса.

— Бен, что...

— Осторожнее, дружище, не шевелись,— велел Бен.

— Почему? Что происходит?

— Боюсь, я не такой хороший стрелок, как Яннис.

Харват по-прежнему ничего не понимал.

— О чем ты говоришь?

— Твоя рука.

Посмотрев на руку, Харват обнаружил торчащую из предплечья длинную металлическую стрелу и догадался, что так вовремя оборвало жизнь Разыгрывающего — гарпунное ружье. Рана Харвата была почти такой же серьезной. Гарпун пробил навылет левый бицепс и едва не воткнулся в грудную клетку.

— Та еще работенка — вытаскивать тебя из воды.

— Но как ты вообще здесь появился?

Бен показал плавательную маску и ласты.

— Неподалеку от берега болталась еще одна посудина. Мы с братом заметили, что какой-то чувак выносит из этой пещеры барахло. А когда мы не смогли связаться с тобой по радио, то решили сами сюда наведаться.

Тут Харват вспомнил про посла Эвери.

— Тот, другой? Что с ним?

— Тот чувак на берегу?

— Ну да.

— Мертв,— сообщил, подходя к ним, Яннис.— Я пристрелил его из вот этого.

Он помахал винтовкой Разыгрывающего.

— А металлическая коробка? — спросил Харват, пытаясь унять охватившую всю тело дрожь.

— Он обронил ее в туннеле. Не волнуйся.

Но Харват не мог не волноваться. Нужно было немедленно забрать прибор и сматываться отсюда ко всем чертям.

— Принеси коробку. Она нужна нам.

Обессиленный Харват опустился на песок и стал ждать Янниса с «Объектом Ахиллес». Бен в это время, чертыхаясь, вытащил из плеча приятеля глубоко засевший гарпун, а затем как мог перевязал рану. Боль была адская.

Чем дольше не возвращался Яннис, тем большее беспокойство испытывал Харват. Наконец грек появился в пещере с пустыми руками и неутешительной новостью.

— Я не смог ее найти.

— Что это значит? — уточнил Харват, поднимаясь с помощью Бена на ноги.

— Коробка пропала.

— Но это невозможно! Здесь нет никого, кроме нас.

— Судя по всему, это не так. Кровавый след тянется по коридору и далее по лестнице в кухню.

У Харвата внутри все оборвалось.

— Нам нужно подняться туда.

Харват быстрым шагом — насколько возможно в его состоянии — поспешил по низкому туннелю, затем по коридору и наверх по ступеням в кухню. Братья Метаксас отправились с ним. Подсвечивая себе фонариком, Харват прошел через дом и спустился во внутренний двор. Отчетливо различимый кровавый след вывел его прямиком к тому месту, где менее получаса назад стоял синий «лендровер» Константина Номикоса. Теперь же и машина, и сам Номикос, и прибор исчезли.

Харват потянулся к передатчику, но вспомнил, что предатель Эвери выбросил его в воду вместе со всем остальным его снаряжением.

Он прислонился к ограждающей внутренний двор стене. На этот раз он проиграл. Как ни пытался Харват уговорить себя, что человеку с таким послужным списком, как у Номикоса, не удастся вечно прятаться, все же он имел достаточный опыт, чтобы понимать: с большими деньгами в этой жизни возможно все.

Кроме того, он имел достаточный опыт, чтобы не питать иллюзий. Хорошие парни отнюдь не всегда побеждают.

Рэйлин Хиллхаус

В основе сюжетов шпионских триллеров Рэйлин Хиллхаус лежит ее собственный, весьма необычный жизненный опыт. Промышляя в прошлом контрабандой, она умудрялась ускользать из лап самых серьезных мировых спецслужб. За ней гнались от узбекско-афганской границы до Центральной Европы, ее держали под дулом пистолета и допрашивали. За полгода до того, как отделение ливийской разведки в Восточном Берлине организовало взрыв «боинга» авиакомпании «Пан Американ», следовавшего рейсом 103*, один из ливийских агентов попытался завербовать Хиллхаус, но потерпел неудачу. Не преуспело в этом и правительство еще одного государства.

Писательница обожает сюжеты, связанные с периодом холодной войны, однако в последние годы больший интерес у нее вызывает война с терроризмом, изменившая современное искусство шпионажа,— на арене появились новые игроки, а роль «традиционных» шпио-

---

* 21 декабря 1988 года в небе над Шотландией взорвался «Боинг-747» авиакомпании «Пан Американ», следовавший рейсом 103 из Лондона в Нью-Йорк. В результате взрыва погибло 270 человек. По официальной версии, теракт был осуществлен ливийскими спецслужбами, и Ливия впоследствии признала свою ответственность. Однако существуют и иные версии, в том числе о причастности к взрыву ЦРУ.

нов стала менее значимой. Дебютный роман Хиллхаус «Шпионка по случаю», классический триллер о временах холодной войны, был одобрительно встречен критиками по всему миру. Следующий ее роман, «Отданный на сторону» («Outsourced»), повествует о сотруднике Пентагона, который тайно проникает в частную военную корпорацию, подозреваемую в том, что захваченное оружие они продают террористам. Герой становится пешкой в большой игре, где на кон поставлены миллиарды долларов, и единственный человек, кому он может довериться,— его бывшая невеста. К несчастью, ее наняли его убить.

Собирая материал для «Отданного на сторону», Хиллхаус наткнулась на малоизвестную историю, которая с тех пор не давала ей покоя. Она решила, что главная героиня романа, Стелла, должна быть както причастна к пакистанским событиям. Речь идет о первом случае, когда Соединенные Штаты Америки стали мишенью для исламских фундаменталистов. Две недели спустя после захвата американских заложников в Иране в ноябре 1979 года исламские экстремисты совершили нападение на посольство США в Пакистане. Они ворвались в здание и подожгли его. В результате погибли двое американских граждан и два местных жителя. Это почти забытое происшествие фактически стало основным в происхождении современного терроризма. Стало оно ключевым и для Стеллы, чья жизнь теперь будет проходить под знаком непрерывной борьбы.

Рэйлин Хиллхаус

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ

Исламская Республика Пакистан, Исламабад
21 ноября 1979 года

Из колонок донесся истошный крик муэдзина, созывающего правоверных на полуденную молитву, и Хан сильнее надавил на педали. Студенты потоками устремлялись в мечети. Он насчитал с дюжину человек в одинаковых темно-зеленых вязаных жилетах и улыбнулся. Люди получили униформу, а после обязательной молитвы получат и оружие. Хану очень бы хотелось лично дать им последние наставления, но он понимал, что сильно рискует, если его заметят на территории университета. Однако он не мог отказать себе в молитве вместе с братьями. Особенно сегодня, в этот величайший день в его жизни. Хан соскочил с велосипеда и пробрался сквозь толпу во внутренний дворик мечети. Совершая омовение в фонтане, он невольно подслушал обрывки разговоров правоверных: «Смерть американским псам! Смерть Картеру! Смерть сионистам!» Он видел нахмуренные брови, крепко сжатые челюсти, полные злобы взгляды. Ярость стремительно передавалась от одного человека к другому, и Хан возликовал.

Из окна приемной американского посольства, где находилась Стелла, открывался вид не только на поросший чахлым кустарником выгон и пасущихся коров, но и на главные ворота. Возле них по обсаженной деревьями улице слонялось несколько десятков молодых людей, очевидно проигнорировавших новости из Мекки и слухи, согласно которым за захва-

Copyright © 2006 by Raelynn Hillhouse.

том мечети в самом священном для всех мусульман месте стоят Соединенные Штаты и Израиль. Стелла надеялась, что и после полуденной молитвы пасторальная сцена не претерпит изменений.

Оконное стекло, конечно, не было пуленепробиваемым — уж больно тонкое — и определенно разлетелось бы от попадания первого же кирпича. То ли архитектор посольства не придавал большого значения безопасности, то ли местный подрядчик решил сэкономить на материалах. Наклеенная на стекло противоударная пленка вспучилась пузырями и, когда Стелла подцепила ее ногтем, с легкостью отслоилась. Сразу же вспомнились заложники в Тегеране.

К ней размашистым шагом подошел мужчина. Он был выше, чем Стелле показалось вначале; один из тех людей, которые скрывают свой рост. Атлетического телосложения, подтянутый, на левом предплечье — послеожоговый рубец. Либо военный, либо шпион. Поскольку он тоже дожидался помощника шефа местной резидентуры ЦРУ, Стелла предположила, что более вероятно второе: шпион.

— Странные животные, правда? — Мужчина указал на горбатых красных коров и водяного буйвола.— На родине вы таких коров не найдете. Знавал я одного старика в Пэнхэндле, который пытался приготовить из них что-нибудь стоящее. Но очень уж они тощие. Из них получались самые жесткие бифштексы, какие только можно вообразить.

— Я вегетарианка.

— Меня зовут Том Рэк. Я конгрессмен.

Мужчина протянул девушке руку и окинул ее восхищенным взглядом.

— Стелла.

Она отвернулась обратно к окну: людей на улице стало больше — по ее прикидкам не меньше сотни,— и с каждой минутой прибывали все новые. Некоторые держали плакаты, но те стояли на земле и были повернуты, так что Стелла не могла прочитать надписи.

Люди чего-то ждали.

Появившись в приемной, Берни Томпсон первым делом поприветствовал Стеллу.

— Рада тебя видеть,— ответила она,— но сегодня не самый подходящий день. Мне бы исчезнуть отсюда, пока здесь не собрался весь город. Не хочется оказаться в такой же ситуации, как в Тегеране.

— Мы с Уэлчем только что объехали на машине вокруг посольства, и все было спокойно.

— А теперь посмотри в окно.

На улице остановилось несколько автобусов Пенджабской транспортной компании. Приникшие к запотевшим стеклам пассажиры кричали и размахивали руками.

— Нам нужно поговорить,— сказал Томпсон,— но сначала я отправлю телеграмму. Дай мне две минуты. Только две.

В колышущейся вокруг Хана толпе яблоку негде было упасть. Каждый вдох давался с трудом, но он скандировал во всю мощь легких:

— Смерть американским псам!

Он потряс сжатым кулаком в едином ритме с бушующей толпой. Накопившаяся ярость, казалось, готова разрушить стены посольства.

— Смерть американцам!

Слова эти звучали как заклинание и вскоре вытеснили из головы все мысли о миссии, о семье, обо всем. Сейчас имело значение только одно.

— Смерть американцам!

Хан слился в одно целое с толпой.

Смерть американцам!

— Смерть Америке! — задыхаясь, проорал он.

Людская масса начала наконец движение и увлекла его за собой. Непроизвольно переставляя ноги, он шел вперед и, хотя не видел, куда именно течет толпа, был уверен, что к посольству, к американцам. Когда они проникли в ворота, тела сжались плотнее, стали напирать друг на друга, и Хан почувствовал, что ему вот-вот сломают грудную клетку. Воз-

духа в легких не хватало, но, несмотря на это, он продолжал повторять как мантру:

— Смерть Америке!

Мебель в кабинете Томпсона была американская, но вот отделка определенно местная. Стелла уже давно заметила, что в странах третьего мира не очень хорошо умеют работать с гипсокартоном — местные мастера больше привыкли к простым и незатейливым материалам, характерным для тропических районов. Под тонким слоем белой краски виднелись неряшливые пятна замазки, а в одном углу гипсокартонный лист и вовсе не доставал до потолка. Томпсон уселся за письменный стол, Стелла встала у окна и смотрела на волнующуюся улицу. Внезапно она сообразила, что перед глазами промелькнули уже несколько человек в одинаковых темно-зеленых вязаных жилетах. Приглядевшись получше, Стелла увидела у одного из них переносную рацию.

— Берни, это не просто стихийное выступление, у него есть организаторы. Я сматываюсь.

На столе зазвонил телефон.

— Подожди минуту. Дай мне проверить черный ход.— Томпсон помолчал и после паузы произнес в трубку: — Это много. Как насчет служебного входа? — Лицо его посуровело, как если бы лицевые мускулы готовились к бою.— Отправь человека на крышу. Мне надо точно знать, что нам угрожает.

— Берни! — Стелла подняла руку, чтобы привлечь его внимание.— Некоторые вооружены «энфилдами».

Популярные в начале двадцатого столетия однозарядные винтовки помогли в свое время сохранить Британскую империю и до сих пор пользовались спросом в ее бывших владениях. В умелых руках они представляли собой грозное оружие.

— Ганни, ты понял? «Энфилды». Тебе известны правила. Если первый секретарь их не отменит, то стрелять можно только в целях самообороны. Удачи.— Томпсон бросил трубку.— Судя по всему, нас тут ожидает веселье.

Он тоже подошел к окну, и они вместе стали следить за колышущимся людским морем. Пока никто не посягал на нахо-

дящуюся за металлической оградой территорию посольства. Основную массу интересовала заваруха у ворот, но Стелле показалось, что две женщины из толпы смотрят прямо на них с Берни. Вдруг одна шагнула в сторону, на солнце блеснул металл, и Стелла все поняла.

— Ложись!

Она схватила за руку бывшего полузащитника школьной футбольной команды, и они упали за письменный стол. Раздался звук разбивающегося стекла. Выпущенные из дробовика заряды продырявили стены. Несколько осколков обрушилось на пол кабинета, однако большинство удержала на месте защитная пленка.

Стелла и Томпсон уставились на выщербленные стены, потом взглянули друг на друга. На мгновение на лице цэрэушника промелькнуло выражение откровенного страха. Он прикрыл глаза, покачал головой, но ничего не сказал, и через секунду это уже снова был прежний суровый и решительный человек.

Дверь распахнулась, и в кабинет по-пластунски вполз Рэк.

— Никто не ранен?

Стелла опустила жалюзи и выключила свет.

— Я в порядке. Берни?

— Все нормально.

— У тебя есть винтовка? — спросила Стелла.— Я выведу стрелка из игры. Я ведь не связана вашими правилами.

— Так же, как и я,— вставил Рэк.— Дай и мне какое-нибудь оружие.

— Если вы начнете стрелять по людям, будет только хуже,— предостерег Берни.

Через разбитое окно с улицы слышно было, как толпа скандирует лозунги.

— Там у морпехов есть несколько помповых ружей,— сообщил Берни.— Но помните: только самооборона. Ясно? — Он дотянулся до ящика стола, вытащил связку ключей и кинул Стелле.— Командую здесь я. Вы пока снаряжайтесь, а я выведу из-под удара своих агентов.

Не поднимаясь с пола, Томпсон набрал комбинацию цифр на замке встроенного в стену сейфа. Открыл дверцу, вынул доверху заполненную карточками коробку и устремился к бумагорезательной машине, которую немедленно набил до отказа, так что она протестующе взвыла.

В кабинет через окно влетел кирпич. Стелла подскочила от неожиданности, но тут же поползла дальше к оружейному шкафу, отперла его, протянула Рэку помповое ружье «Винчестер-1200» и взяла такое же для себя. Взвесила его в руке и направила ствол в потолок. Потом несколько раз передернула деревянное цевье взад-вперед — *убедиться, что в ответственный момент оружие не подведет.* Рэк одарил девушку плотоядным взглядом.

— Даже и не мечтайте, конгрессмен.— Стелла улыбнулась и в последний раз передернула цевье.— Даже не мечтайте.

Хан затерялся в толпе людей — его людей. Он прикинул, что перед посольством собралось уже несколько тысяч, хотя реально мог видеть только ближних, тех, кто сейчас напирал на него со всех сторон. В десятке метров росло высокое дерево шишам; если бы только удалось до него добраться и залезть на нижние ветви, оттуда открылся бы великолепный обзор на происходящее.

Ему показалось, что сквозь громкие крики раздался выстрел. Извиваясь ужом, он начал продираться через людское море к дереву. Поначалу Хан еще извинялся, но потом отбросил церемонии и стал пихаться и толкаться до тех пор, пока не уперся в плотную стену из разгоряченных, потных, вонючих тел. Толпа душила, словно питон. Хан вздел сжатый кулак к небу и, задыхаясь, прохрипел:

— Смерть Америке!

Стелла стояла и слушала, как оголтелая толпа раз за разом скандирует антиамериканские лозунги, все громче и громче, пока слова не слились в нечленораздельный яростный вопль.

— Когда я шла сюда, то насчитала троих морпехов. Я правильно понимаю, что у вас нет на крыше камер слежения?

— У нас две камеры,— уточнил Берни,— по одной над каждым входом. И шестеро морских пехотинцев.

— Черт! — фыркнул Рэк, который сидел и заряжал помповик.— Да универмаг «Уолмарт» в Тулсе охраняется лучше!

— Местное правительство обеспечивает нам полицейскую защиту.

— Как в Тегеране? — ехидно поинтересовался Рэк.

Неожиданно, один за другим, прозвучало несколько выстрелов. Стелла бросилась ничком на пол, хотя и понимала, что смысла в этом не много. Когда огонь прекратился, она осторожно выглянула наружу. Тысячи кулаков продолжали в едином ритме подниматься вверх, тысячи глоток выкрикивали лозунги. Небольшая группа людей у входа совершала ритмичные движения — вперед-назад, вперед-назад. В промежутках между людьми Стелла увидела подобие тарана, ударяющего в кирпичный столб; во все стороны летели куски кирпича и штукатурки.

— Они прорвались! Каков план действий?

Она схватила Томпсона за руку. Тот швырял бумаги из папок на пол, а документы направлял прямиком в бумагорезательную машину.

— Укрыться в подвале и дожидаться помощи. Стрелять только в целях самообороны.

Стелла кивнула, хотя сама намеревалась поскорее выбраться отсюда, пусть даже придется стрелять, чтобы удержать бунтовщиков. Позволить им взять ее в заложницы? Ни за что на свете!

Смерть Америке!

Толпа на улице продолжала скандировать в унисон свое заклинание, а вот демонстранты, проникшие внутрь посольства, действовали уже не столь слаженно. Люди хлынули в снесенные ворота, сзади напирали все сильнее, и Хан вынужден был двигаться вместе со всеми. На мгновение толпа, огибая шелковицу, разделилась на два потока. Воспользовавшись счастливой возможностью, Хан обессиленно привалился к стволу де-

рева. На несколько секунд он согнулся в три погибели, приводя в порядок дыхание, а заодно и мысли. Он не собирался принимать непосредственное участие в беспорядках — только спровоцировать их. Однако ему пришлось пережить немало сезонов муссонных дождей, чтобы понять, какое это безнадежное занятие — сопротивляться бушующему потоку.

Смерть Америке!

Стелла находилась в великолепной физической форме, но все же, когда они добрались до тесного подвала, она запыхалась. Здесь собралось больше сотни человек — не только американские граждане, но и работающие в посольстве пакистанцы,— и атмосфера в помещении была соответствующая. Часть людей стояли, часть расположились прямо на полу. Закинув помповик на плечо стволом вверх, Стелла направлялась за Томпсоном в шифровальную комнату, огибая стоящих и сидящих людей и стараясь ни на кого случайно не наступить.

В маленькой комнатушке конгрессмен Рэк при помощи кувалды разбивал вдребезги компьютеры и прочую технику. Громкое эхо отражалось от стальных стен. Стелла понимала, что сотрудники ЦРУ не стали бы уничтожать шифровальную аппаратуру, если бы не существовало реальной угрозы захвата подвала. А это совсем нехорошо.

Вслед за Томпсоном она протиснулась в помещение шифровальной. Рэк прекратил свое деструктивное занятие и посмотрел на них.

— Берни, рад тебя видеть. Мне вовсе не хотелось оказаться здесь старшим по званию.

— Я сделал для наших друзей все, что мог,— ответил Томпсон,— но не уверен, что у меня были все платежные документы. Есть какие-нибудь новости от правительства?

— Билла долго динамили в МИДе. Когда же на Бабара наконец поднажали, он сообщил, что к президенту Зию отправили гонца с донесением. Судя по всему, президент катается где-то на велосипеде.

— Гонца! Высокие, блин, технологии. А что генерал Ахтар?

— Ты же знаешь президента Зию. Когда он изволит гулять, все генералы тащатся за ним. Страховка от попытки переворота.

— Так каков же план эвакуации? — спросила Стелла, которая чувствовала себя очень неуютно.— На крыше есть люк?

— Мой предшественник установил там люк, но не полагайся особо на морскую пехоту,— сказал Томпсон.— Мы зависим от наших...

— От этого диктатора, любителя велосипедных прогулок? — перебила его Стелла.— Вы, ребята, вообще интересуетесь политикой? Мы воспользовались его помощью, чтобы скинуть Бхутто. Он вынужден жить здесь с этими фундаменталистами. Неужели вы думаете, что ради нас он выступит против них? Да это будет самым настоящим политическим самоубийством. Даже для военного диктатора. Вы согласны, конгрессмен?

Рэк кивнул.

— Он не станет мешать этому веселью. Я бы на его месте крутил себе и дальше педали в надежде, что оно здесь само рассосется вместе с нами.

— И что вы двое, черт бы вас побрал, от меня хотите? — повысил голос Томпсон, но потом заставил себя успокоиться и вновь перешел на нудный и неторопливый бюрократический тон.— План действий в чрезвычайных ситуациях гласит, что мы должны спуститься в подвал и дожидаться подмоги.

— Эти планы хороши были до Тегерана. Мы здесь как цыплята в большой кастрюле, и вода вот-вот закипит. Нам надо занять оборонительные позиции, пока они не вломились сюда. Мы должны удержать здание или, по крайней мере...

Яростный монолог Стеллы прервало появление дежурного морского пехотинца с помповиком.

— Сэр, мой человек блокирован на посту два. Они срывают решетки с окон кафетерия и проникают внутрь. Они заполонили уже всю территорию посольства. Разрешите применить силу, сэр?

— Применение силы может санкционировать только посол Хаммел или первый секретарь Кинг,— отчеканил Томпсон.

— Чушь какая,— бросил Рэк.

— Закрой-ка дверь,— велел ему Томпсон и затем продолжил: — Удалось найти Хаммела или Кинга?

— Они отправились по домам на ланч, как раз перед тем, как началась заваруха. Сейчас дипломаты в соседней комнате ведут с ними переговоры по телефону. Но ты же знаешь Хаммела. Он никогда не даст на это санкции, или же его придется упрашивать черт знает сколько.

— Сэр,— подал голос морпех,— это сержант Молсон попал в ловушку. Тот, у которого жена только что родила двойню.

— Берни, нельзя одновременно усидеть на двух стульях,— твердо заявила Стелла.— Или ты хочешь, чтобы дипломатическая осторожность взяла верх и ты запятнал свою репутацию классного агента?

Томпсон поджал губы и косо на нее посмотрел. Стелла поняла: в этот момент он ненавидит ее.

— У меня в специальном арсенале есть «драгунов»*. Бери его и делай все, что угодно. Только тихо.

— Твоим наилучшим решением было бы отправить меня на пару с «драгуновым» на крышу подышать свежим воздухом,— заметила Стелла.

— Господи, ты не можешь стрелять по людям с крыши американского посольства.

— Винтовки не существует, меня тоже не существует. Не вижу проблемы.

— Ты поможешь Молсону или нет?

— Стоп,— поднял руку Рэк; его ладонь была вдвое больше, чем у Стеллы.— Ты с ума сошел? Посылаешь девушку делать мужскую работу? Дай мне винтовку.

---

* Снайперская винтовка Драгунова (СВД) разработана Е. Ф. Драгуновым в 1962 году и с 1963 года состоит на вооружении Советской (а затем и Российской) армии. Вариант СВД с ночным прицелом признан зарубежными специалистами лучшей самозарядной снайперской винтовкой в мире.

Стелла немного смягчилась.

— А вы, конгрессмен, хоть раз стреляли из такой?

— Не нужно быть опытным снайпером, чтобы попасть в бунтовщиков с расстояния в тридцать ярдов.

— Но необходим кто-то, кто умеет обращаться с этой малышкой,— парировала Стелла.

Тем временем Томпсон открыл сейф и достал блестящий черный футляр. И Стелла, и Рэк протянули к нему руки.

— Прошу прощения, Рэк.— Томпсон вручил футляр девушке.— Она справится с этим. Но никто не запрещает тебе проверить вестибюль, прежде чем она выйдет отсюда.

Получив также дымовую гранату и противогаз, Стелла повернулась к морпеху.

— У вас есть бронекуртка?

— Здесь нет, мадам.

— Можете установить мне радиосвязь с сержантом?

— Нет, мадам. Там есть только телефон.

— Тогда передайте ему: когда я подам сигнал, пусть применяет слезоточивый газ, а потом бежит со всех ног в подвал.

— Какой сигнал?

— Он поймет.

«Как только, так сразу».

С металлического шкафчика для документов Стелла взяла широкую резиновую ленту и забрала длинные, до плеч, волосы в конский хвост. Рэк с восхищением за ней наблюдал. Несколько прядей Стелла пропустила, и они с двух сторон обрамляли лицо. Теперь она была готова к выполнению мужской работы.

Хан ободрал все руки, пока взбирался на шелковицу, но это не имело значения. Отсюда, сверху, толпа производила сильное впечатление — тысяч десять, не меньше,— и дальше по улице он заметил еще три автобуса. Хан и его соратники могли только мечтать о том, чтобы поднять народ на исламскую революцию; максимум, чего они желали добиться,—

это захватить посольство, так же как братья-шииты в Тегеране. Сегодняшняя акция протеста была, в общем-то, единичным проявлением несогласия, но вот если им удастся еще и взять заложников... Что ж, тогда они смогут затмить недальновидного аятоллу Хомейни и пробудить чувство гнева в братьях по всему земному шару. Иранцы захватили посольство силами не более пяти сотен человек. Здесь же людей собралось в десятки раз больше, и их число все увеличивалось. Хан с прискорбием подумал, что его студенты крайне неорганизованны, но был уверен, что еще сможет все изменить.

Рэк первым покинул подвал, поводил стволом помповика по сторонам и доложил:

— Чисто!

Стелла проскользнула мимо него, поставила футляр с винтовкой и рядом положила помповое ружье.

— Спасибо, конгрессмен. Теперь можете возвращаться.

Однако Рэк даже не пошевелился. Девушка предположила, что он хочет хоть краешком глаза увидеть великолепное оружие, и откинула замки.

— Ну хорошо, конгрессмен, она действительно прекрасна, но вам пора.

— Я не вернусь, пока мальчик не окажется в безопасности.

Усмехнувшись, Стелла захлопнула крышку.

— Тогда идите за мной и, ради всего святого, не путайтесь под ногами!

Она открыла дверь ближайшего кабинета и спрятала винтовку за вешалкой, замаскировав для надежности свитером.

— Черт, что вы делаете?

Взяв обеими руками противогаз, Стелла разгладила большими пальцами лицевую часть и до предела растянула резиновую маску, а потом аккуратно, начиная с подбородка, надела на лицо, расправила на голове лямки и нащупала фильтрующую коробку. Удовлетворившись проверкой, она стащила

противогаз и перекинула ремешки через выпуклые очковые узлы.

Рэк последовал ее примеру и опробовал свой противогаз.

«А он знает, что делает»,— отметила Стелла.

Она вывалила прямо на пол содержимое своей сумочки и сунула туда гранату с противогазом, затем подобрала помповик.

— Ну и что означала вся эта фигня с «приручением» «драгунова»? — поинтересовался Рэк.

— Только идиот отдаст предпочтение «драгунову» перед помповиком в ближнем бою.— Стелла чуть ли не бегом устремилась к лестнице, длинный хвост волос качался из стороны в сторону.— Для того чтобы стрелять из «драгуна», нужны две вещи: попутный ветер и яркое солнце. Эта винтовка — как вольная птица. Ее не засадить в клетку.

Достигнув лестницы, Стелла подняла глаза на камеру слежения и затем осторожно заглянула в маленькое прямоугольное окошечко в двери аварийного выхода. В вестибюле их было пятеро, двое вооружены «энфилдами» — не самое подходящее оружие в данной ситуации. Мужчина постарше переходил от одного кабинета к другому в поисках незапертой двери. Вот он повернул ручку и жестом приказал стрелкам взять оружие на изготовку. Один из невооруженных арабов ударом ноги в стиле кун-фу распахнул дверь. Вся толпа ринулась в кабинет, а один остался караулить у двери, держа на прицеле пустой вестибюль.

— Мы можем убрать их всех,— шепнул Рэк Стелле.

— Так нельзя. Они просто студенты.

— Они вооружены и способны открыть огонь.

Рэк вскинул помповое ружье, но Стелла положила руку на ствол и пригнула его к полу.

— Они сами не ведают, что творят.

Только девушка отвернулась к камере, как ее внимание привлекло движение в вестибюле, и она снова прильнула к

окошечку в двери. Из кабинета, конвоируемые тремя вооруженными захватчиками, выходили две женщины. На одной была традиционная мусульманская одежда, вторая была одета в короткую юбку и щеголяла пышной прической а-ля Фарра Фосетт*.

Вот и первый американский заложник.

— Черт,— выругалась Стелла.

Сердце билось с такой силой, что, казалось, сейчас выскочит из грудной клетки. Она вспомнила, чему ее учил отец. «Ты, и только ты, должна управлять ситуацией». Она достала дымовую гранату, выдернула чеку и швырнула ее под лестницу.

— Надевайте маску. Живо.

— Ненормальная,— пробормотал Рэк, однако противогаз натянул.

Через несколько секунд из гранаты повалил густой белый дым. Стелла опять посмотрела в камеру, вытянула обе руки параллельно полу, а потом трижды быстро поднесла сжатые кулаки к ушам — будто разминала бицепсы. Она очень надеялась, что сержант Молсон следит за происходящим и поймет принятый в армии визуальный сигнал: «Внимание: газ!»

Лестницу начало заволакивать дымом.

— Пожар! — громко провозгласила Стелла на языке урду.

Затем быстро облачилась в противогаз и выдохнула воздух. Стараясь держаться подальше от горящего фосфора, она открыла дверь, позволяя облаку дыма проникнуть в вестибюль. Взяла ружье за ствол и, словно заправский игрок в крикет, ударом приклада направила плюющуюся дымом гранату за дверь. Незаметно пересекла коридор и с силой ударила по кнопке пожарной тревоги. Здание наполнил пронзительный вой сирены. Стелла поморщилась.

По полу вестибюля со звоном покатилась граната со слезоточивым газом. В несколько мгновений газ смешался с дымом,

---

* Фарра Фосетт (1947–2009) — американская актриса, секс-символ 1970-х.

и в сгущающемся тумане незадачливые бунтовщики, натыкаясь друг на друга, вслепую стали искать выход из здания. Сержант-морпех, как и было велено, шустро рванул к подвалу.

— Помогите! — пронзительно завопила американка.

Стелла кинулась на призыв. Пакистанка удерживала заложницу за запястье. Подлетев к ним, Стелла с ходу вонзила большой палец в руку пакистанки, точнее, в болевую точку между большим и указательным пальцами, достав до кости. Пакистанка вскрикнула и разжала хватку.

В тот же миг рядом возник Рэк. Он поднял американку на руки и понес к лестнице.

Согнув пакистанке руку и завернув за спину, Стелла направилась с переставшей сопротивляться женщиной туда же, к лестнице. Вся лестничная клетка была в дыму, хоть и не таком густом, как в вестибюле.

Добравшись до третьего этажа, Рэк поднял маску противогаза.

— Какого черта вы потащили с собой женщину?

— Занимайтесь своей заложницей, а эта — моя.

Стелла привела пакистанку в кабинет, где был спрятан «драгунов», и едва отпустила ее, как женщина рухнула на пол и зашлась в приступе кашля. Слезоточивый газ сделал свое дело, и заложница, с трудом удерживая голову на весу, начала блевать. Стелла прикинула, что у нее есть пара минут, в течение которых ей никто не помешает. Она согнулась в три погибели под окном, осмотрелась, а потом так же, на карачках, поползла к двери, чтобы запереть замок.

Еще по дороге она почувствовала, что за дверью кто-то есть. Она замерла и вскинула помповик.

— Друг!

Громкий голос конгрессмена Рэка перекрыл даже вой пожарной сирены.

Стелла опустила оружие, окончательно удостоверившись, что Рэку доводилось участвовать в военных операциях.

— Спрятали бы лучше вашу хорошенькую задницу в подвале,— заявил он.— Не знаю, что вы задумали, но толку от этой заложницы не будет ни хрена.

— Прикройте коридор, раз уж здесь стоите.— С этими словами Стелла быстро оглядела кабинет: стандартная обстановка, ничего, что могло бы хоть как-то пригодиться.

— Толпа разорвет вас на куски,— предупредил Рэк.

— Вам не хуже меня известно, что эти ребята здесь все разграбят, а потом подожгут здание. Может, я и не права, но я не желаю оставаться.

Роясь в ящике письменного стола, она обнаружила за переносным кассовым аппаратом целый склад батончиков «Сникерс», шоколадок «Кэдбери» и упаковку кукурузных чипсов. Она сорвала обертку со «Сникерса» и откусила приличный кусок. Протянула другой шоколадный батончик Рэку и отправила в рот остаток своего.

— Вы чокнутая.

Конгрессмен посмотрел в окно и опустил шторы.

— Ешьте. Если вы со мной, у вас не должно быть недостатка сахара в крови.

— Кто вы такая, черт возьми? — спросил он.

Стелла кинула взгляд на заложницу, которую до сих пор рвало.

— Обычная девушка, которой нужен попутный ветер и яркое солнце.— Она одарила его улыбкой, открыла шкафчик со всяким барахлом и взяла рулон клейкой ленты.— Лично я уматываю отсюда. Полагаю, это лучшее, что можно сделать.

— Не хотелось бы бросать всех этих людей там, в подвале.

— Надеюсь, вы поймете, что пытаться их вывести бессмысленно. Я бы сама спасла их, если б могла. Берни, как старший офицер, не может не остаться, но остальные там — дипломаты. Они скорее позволят взять себя в заложники, чем попытаются выбраться.

В прикрытую ставню ударил обломок кирпича. Стелла быстро посмотрела в сторону окна, затем подползла к по-преж-

нему сотрясаемой рвотными позывами женщине, ободряюще похлопала ее по спине и сняла с нее светло-серый головной платок.

— Если вы со мной, вам тоже надо обзавестись маскарадным костюмом,— посоветовала она Рэку.— Там внизу наверняка еще толкутся ребятки, которые поделятся с вами одеждой.— Она закашлялась, поскольку клубы дыма и слезоточивого газа начали проникать наверх.— Заприте за собой дверь. И постарайтесь найти «энфилд», чтобы выглядеть правдоподобно.

Стелла связала свою пленницу и облачилась в ее хиджаб, превращаясь в скромную мусульманку. Правда, руки на целых четыре дюйма торчали из слишком коротких рукавов, а край одеяния едва достигал середины голени — еще предстояло как-то так сгорбиться, чтобы ноги, как и подобает правоверной мусульманке, были укрыты до самых пяток. Затем Стелла обмотала вокруг головы платок и тщательно забрала под него все до единой пряди волос.

Она уже собиралась выходить, когда вернулся Рэк. Конгрессмен притащил целый ворох белых одежд и древнюю винтовку и водрузил все богатство на стол.

— Надеюсь, что-нибудь из этого мне подойдет.

— Никого с собой не прихватили?

— Я не беру заложников, они только мешают.

Рэк сунул руку в рукав, который моментально разошелся по швам. Попытался надеть другую хламиду, и огромная ручища едва пролезла в узкое отверстие.

— Пожалуй, я погорячился, когда отдал дипломатам наши пушки и велел получше забаррикадироваться в подвале,— прибавил он.

Хотя даже самые отчаянные бунтовщики не рисковали лезть внутрь горящего здания, Стелла задержалась в кабинете Томпсона ровно настолько, чтобы при помощи специального грима ЦРУ придать своему лицу и лицу Рэка более смуглый

оттенок, а также подкрасить светлые волосы и длинные баки конгрессмена. В конце концов ему посчастливилось отыскать спрятанную здесь же, в кабинете, подходящую по размеру традиционную арабскую одежду — свободную белую рубаху и просторные белые штаны — вкупе с шерстяной шапочкой. Несомненно, Томпсон временами переодевался в скромного мусульманина для тайных вылазок в город. Если не считать противогаза, Рэк выглядел как типичный местный житель, хотя и очень крупный.

Стелла натянула противогаз и с максимальной скоростью, насколько позволял длинный узкий хиджаб, поспешила по лестнице на первый этаж. В коридоре мятежников не было — только клубы дыма и слезоточивого газа. Рэк со Стеллой не рискнули воспользоваться дверью, опасаясь, что тем самым укажут толпе путь внутрь. Нужно было найти, где проникли в здание те пятеро.

Стелла прошмыгнула в открытый кабинет. Стекла частично были разбиты, но решетки нетронуты. Она выскочила обратно в коридор и заглянула в другой кабинет, расположенный по диагонали от первого. Двигаясь «звездочкой» и стараясь не перемещаться по прямой, чтобы случайно не угодить под пулю, девушка методично обследовала помещения на первом этаже.

За этим занятием ее и застал Рэк и жестами показал, что обнаружил «крысиную нору». Стелла дала понять, что ей нужно еще несколько секунд, и Рэк скрылся в кафетерии.

Настало время добавить еще одну, последнюю деталь к маскарадному костюму: пишущую машинку. В стране, где большинство граждан вынуждены платить грамотным людям, чтобы напечатать ту или иную бумагу, остальные мародеры ей, Стелле, только позавидуют.

Зайдя в очередной кабинет, она замерла на пороге. На полу без движения лежали два человека. На одном из одежды было лишь исподнее. У второго голова казалась неестественно повернутой вбок. Стелла хорошо знала, что сломать шею — дело совсем непростое.

«У конгрессмена есть опыт в таких делах. Если он вообще конгрессмен».

Она взяла электрическую пишущую машинку «IBM», подобрала хиджаб и, содрогнувшись, перешагнула через тела.

В коридоре по-прежнему было пусто, дверь в кафетерий оказалась закрыта. Стелла уже опустила руку на дверную ручку, но призадумалась. Вместо того чтобы просто войти — как и ожидает Рэк,— она осторожно прокралась на кухню к месту, откуда ей было видно напарника. Согнувшись, он из-за прилавка внимательно наблюдал за беснующейся на улице толпой. Стелла прошла в кафетерий и встала позади столов, прячась от мятежников. Рэк заметил ее и помахал рукой.

В кафетерии была не такая удушливая атмосфера, как в коридоре, однако и сюда проникло достаточно газа и дыма, и воздух стал малопригодным для дыхания. Стелла нерешительно протянула руку к противогазу, словно человек, собирающийся нырнуть в пруд с ледяной водой. Сосчитав до трех, она рывком сдернула маску, сделала вдох и немедленно закашлялась. Очень хотелось зажмурить глаза, но Стелла героически сопротивлялась этому желанию. Когда они выберутся на улицу, они должны выглядеть как люди, здорово наглотавшиеся дыма и газа в горящем здании.

Она встала на цыпочки и прошептала Рэку на ухо:

— Если кто-то вдруг станет нас слишком пристально рассматривать, мы вот что сделаем...

— Женщины — вперед,— тихонько произнес Рэк, когда они оказались у окна.

Стелла передала ему пишущую машинку. Она бы с удовольствием задрала повыше ненавистный хиджаб, чтобы удобнее было прыгать, но выход из образа был чреват неприятностями. Толпа на безопасном расстоянии окружила здание посольства; тысячи глаз следили за ними.

Стекло было разбито, и из оконной рамы острыми зубьями торчали осколки. Стелла вытащила самые большие, уселась на подоконник, свесила ноги на улицу и соскочила на землю.

Рэк спустил машинку, затем прыгнул сам. С винтовкой на плече он важно шествовал через двор, не обращая внимания на съехавшие набок штаны. Стелла как могла ссутулилась, но хиджаб все равно был на несколько дюймов короче, чем следовало. До столпившихся на улице людей оставалось каких-то пятнадцать метров, но как держаться непринужденно, если на тебя уставились тысячи зрителей?

Слишком уж они на виду.

Нет, им не дойти.

Стелла схватила Рэка за рукав.

Вдруг он закинул назад голову и заорал во всю мощь своих легких:

— Аллах акбар!

Подняв винтовку, он выстрелил в воздух и повторил клич:

— Аллах акбар!

Громкое эхо разнеслось над толпой.

Стелла едва дышала.

Рэк снова выстрелил в воздух и замахал винтовкой над головой.

— Аллах акбар! Аллах акбар! — радостно поддержала толпа.

Здесь и там раздавались выстрелы.

Они уже были в безопасности, слились с многоликой людской массой, когда Стелла изо всех сил крикнула:

— Аллах акбар!

И в этот миг она верила: да, Аллах действительно велик.

Роберт Липаруло

В первоначальном варианте мистического триллера Роберта Липаруло «И приидет всадник...» двум главным героям, агентам ФБР Брэйди Муру и Алисии Вагнер, помогает выбраться из одной особенно опасной переделки полицейский снайпер по имени Байрон Стоун. Это довольно угрюмый тип, известный своей скрытностью, равно как и выдающимся мастерством в обращении с винтовкой. В конце концов по ряду соображений, несмотря на любовь самого автора и первых читателей к этому персонажу, сцены с его участием из романа были вырезаны.

Байрону, конечно, не могло понравиться такое отношение к собственной персоне. Он постоянно обретался где-то на задворках сознания Липаруло и задавал одни и те же вопросы: «Отчего я такой угрюмый? Где я выучился столь искусно обращаться с оружием? Что происходило со мной в прошлом?» Спустя какое-то время Липаруло не выдержал и начал отвечать на эти вопросы, проясняя факты из жизни Байрона. Пока эти ответы находятся в виде отрывочных записей, фрагментов и черновиков, но в будущем автор собирается посвятить этому персонажу целых три романа: «Recoil», «Recon» и «Return».

В общем, немало попил Байрон Стоун кровушки своего создателя, а между тем он является сборным персонажем — его прототипами послужили знакомые Липаруло, в частности два снайпера, один из команды SWAT, другой из ФБР (только представьте себе, как они непохожи!). Эти двое — самые настоящие, исполненные чувства собственного достоинства мачо, которых трудно чем-либо вывести из себя. Вынужденные убивать по долгу службы, они тем более ценят жизнь как таковую. Они идут на убийство только в том случае, если оно предотвратит гибель других людей или даже одного человека, но невинного. Неважно, плохой парень или хороший виден в оптический прицел, он такой же человек, как и они сами. И хотя они крутые профи, душа их болит за каждую оборванную жизнь. Но каковы бы ни были их убеждения, им приходится раз за разом нажимать на спусковой крючок.

Таким образом, в душе снайпера сталкиваются, с одной стороны, понимание того, что его работа необходима, а с другой — человеколюбие. Этот внутренний конфликт Липаруло и исследует на примере Байрона Стоуна. Представленный в сборнике рассказ не даст ответов на все связанные с личностью Байрона вопросы, но позволит взглянуть на нелегкую моральную борьбу, постоянно идущую в душе полицейского снайпера.

Роберт Липаруло

ЗОНА УБИЙСТВА

Потное, с давно не стриженной бородой лицо мельтешило в перекрестье прицела. Взгляд подозреваемого постоянно бегал: то на плачущих в углу детей, то на дверь, заклиненную ножкой стула (ворвавшись в квартиру, мужчина сломал замок), то на окно, в котором он, кажется, в любой момент ожидал увидеть группу захвата. Неважно, что квартира располагалась на пятом этаже и возле окна не было ни намека на пожарную лестницу.

«Смотри сюда, приятель,— подумал снайпер.— Лучше всего держись в поле моего зрения».

Не повезло парню — обычный воришка, но доразмахивался пушкой, так что пробудил гнев в городском подразделении SWAT и теперь находился в зоне видимости оптического прицела Байрона Стоуна. Знающие люди посоветовали бы незадачливому преступнику самому выброситься из окна, не дожидаясь развязки.

Байрон чувствовал себя с винтовкой так же уютно, как бухгалтер с механическим карандашом. Первый опыт общения с оружием случился в восемь лет, когда дедушка подарил ему на день рождения свою винтовку 22-го калибра — стрелять по пустым банкам и суркам (ну и по бездомным котам, когда никто не видел). После были учебный лагерь в армии, рейнджерские тренировочные лагеря, школа снайперов и полицейская академия. Со временем Байрон понял, что и недели не

Copyright © 2006 by Robert Liparulo.

может прожить, чтобы не пострелять. Стрельба для него стала таким же естественным процессом, как дыхание. Нет, даже более естественным.

Сейчас он устроился в доме напротив, этажом выше захваченной квартиры. Он хорошо видел преступника, нечесаного и, скорее всего, пьяного. Перед собой налетчик удерживал женщину, обхватив ее шею толстой ручищей. В другой руке у него был пистолет, который он то приставлял женщине к виску, то направлял на детей. Снайпер посмотрел на соседнее окно — детишки все еще были там. Маленький мальчик, не старше трех лет, и девочка около одиннадцати. Ровесница сына Байрона. Оба до смерти перепуганы.

Он снова перевел взгляд на угрожавшего им мужчину и напрягся. Женщина перестала сопротивляться и безвольно болталась, словно кукла. Крови вроде не было, да и выстрела Байрон не слышал. Может, налетчик задушил ее? Или сломал шею? Вдруг женщина подняла руку и дотронулась до ладони мужчины. Байрон с облегчением вздохнул. Она просто осознала всю тщетность попыток сопротивления или же совсем лишилась сил. Зато теперь она лишь частично закрывала от Байрона лицо преступника. Прежде она беспорядочно вертела головой в разные стороны — худшее, что только может ожидать снайпера в подобной ситуации.

Налетчик начал дергать женщину туда-сюда, размахивая при этом пистолетом, точно дирижер палочкой. Байрон наконец разглядел оружие: тупорылый револьвер 38-го калибра, из тех, что в народе называют «пушка с субботней распродажи». Дешевый, но от этого не менее смертоносный.

Наблюдать за происходящим через оптику прицела было все равно что смотреть телевизионную передачу с выключенным звуком. Правда, телевизионщики уже давным-давно прекратили бы это шоу. Действие излишне мелодраматично, сценарий слишком надуманный. Собственно, Байрон и не знал, что же собой представляет история целиком. Может, это слиш-

ком бурная любовная ссора? Или сделка по продаже наркоты, пошедшая наперекосяк? А может, парень выбрал дверь наобум? Бывает, что люди совершенно случайно находят родственные души; а тут женщина и ее дети повстречались с самим дьяволом. Какой бы ветер ни занес мужчину в квартиру, этот же самый ветер поднял на ноги Байрона и его коллег — людей, чья работа заключается в том, чтобы не позволять нехорошим парням мучить слабых.

На женщине была форменная одежда официантки: светло-синяя с белой отделкой. Слева на груди висел беджик с именем и фамилией, но Байрон не мог их прочитать, поскольку женщина постоянно крутилась на месте.

Вдруг он ощутил к ней прилив симпатии. Двое детей, работа без всякой перспективы. Убогая однокомнатная квартирка, в которой «кухня» состоит из нескольких бытовых приборов и стойки, протянувшейся вдоль стены жилой комнаты. Байрон отчетливо видел розовую кафельную плитку, лежащий на стойке пластиковый пакет с — насколько он мог судить — потрошеными желудками, открытую упаковку с хлебом. А теперь еще и это.

Байрон прицелился мужчине в голову. Он собирался сработать чисто, исключить даже минимальную вероятность того, что в предсмертной судороге рука налетчика дрогнет, палец нажмет на спусковой крючок и еще одной невинной жертвой станет больше. Чтобы добиться желаемого, требовалось всего ничего: пробить пулей находящийся в задней части черепа мозговой ствол в дюйм шириной — у беспорядочно перемещающейся мишени. Между дулом винтовки и целью были оконное стекло и сто двадцать ярдов открытого пространства, где гулял порывистый ветер. И если даже пуля удачно просвистит мимо головы заложницы и попадет в цель, мощный заслон из зубов и костей может отклонить смертоносный цилиндр от прямого попадания в нервный ствол. Женщине этот промах будет стоить жизни.

— Как два пальца обделать,— пробормотал Байрон, совмещая перекрестье прицела с губным желобком — углублением между носом и верхней губой.

Сердце вдруг заколотилось сильнее, винтовка дернулась, и прицел сбился. Байрону было хорошо известно, что этот незаметный постороннему глазу спазм — не просто непроизвольный нервный тик из тех, что часто кладут конец карьере хирургов и снайперов. Нет, это движение исходило из самой его глубины, из той части сознания, которая говорила: «Байрон, перед тобой такой же человек из плоти и крови, как и ты сам».

Лоб под шапкой покрылся бисеринками пота. Ничего страшного — специальная защитная лента на внутренней стороне головного убора не позволит поту попасть в глаза. Тем не менее он зажмурился. Выждал секунду, другую... И вот он опять смотрит в прицел, и в перекрестье — голова налетчика. Желудок Байрона скрутило судорогой.

Скрип деревянного пола за спиной напомнил Байрону, что он здесь не один. Его наводчик — второй член стандартной полицейской снайперской команды — стоял на стуле и наблюдал за всем происходящим в сильный бинокль. Как правило, наводчик периодически сообщает о скорости и направлении ветра, перемещениях команды SWAT, местонахождении заложников. В данном случае было бы неплохо, если бы он отслеживал положение детей, с тем чтобы снайпер мог полностью сосредоточиться на цели. Но этот наводчик был не такой, как остальные. Все время, что они находились на позиции,— а это без малого три часа,— он хранил молчание.

Три часа. А случается, что вся операция занимает считаные минуты.

Впрочем, чаще это бывает игра в «ожидалки».

Получив краткую вводную, Байрон выбрал для позиции подходящее здание и, перебрав несколько возможных вариантов, в итоге остановился на этой заброшенной комнате.

В спертом воздухе витал застарелый, но вполне отчетливый запах чего-то гниющего, однако нос Байрона быстро привык к вони. Очень аккуратно он вынул стекло из рамы — открытые окна обычно вызывают подозрение, а стреляя через стекло, нельзя рассчитывать на «снайперскую» точность. Образовавшийся проем Байрон завесил марлей, которая, с одной стороны, скрывала то, что происходит внутри, с другой — не мешала стрелку следить через оптику за целью.

Покончив с окном, Байрон соорудил себе из двери и двух стульев подобие лежака. На нем можно было удобно расположиться, и вид открывался отличный.

Наводчик, который был свидетелем всех манипуляций, не проронил ни слова, и это вполне удовлетворяло Байрона. Он предпочитал лично проверять каждую мелочь.

Первые два часа Байрон лежал и ждал кодового слова. «Красный» означало выход снайпера из игры, «зеленый» — команду стрелять. Примерно пятьдесят минут назад он получил разрешение нажать на спусковой крючок. Очевидно, за тем парнем тянулся длинный след «подвигов». Перед тем как взять в заложники женщину с двумя детьми, он серьезно ранил отверткой своего бывшего работодателя. Где-то в спокойной обстановке лидер группы захвата собирал информацию, поступающую от снайперских команд, следователей, психолога, специалиста по ведению переговоров. Исходя из полученных данных, он сделал вывод, что в данном конкретном случае есть все основания вынести налетчику суровый вердикт: смерть.

Байрон не был так уверен. Вопреки всей своей снайперской мудрости он никогда не забывал, что его мишени — живые люди; что это мужчины (как правило), которые когда-то были юношами, надеющимися и удивляющимися, которые любили и были любимы и которые по тем или иным причинам сбились с праведного пути. Обладай Байрон правом выбора, он предпочел бы мирное решение. Но выбирал не он.

Все зависело от поведения парня в перекрестье его прицела. Если преступник угрожает другим людям, если возникает вероятность, что он может их ранить или убить,— тогда Байрон обязан его уничтожить.

Так вот снайпер и провел на позиции три часа, не спуская глаз с цели, готовый действовать в любую секунду.

— Приятель, давай пристрели его,— прошептал наводчик, который пришел в заметное возбуждение.— Тебе дали зеленый свет.

Однако Байрон и ухом не повел.

Мужчина в квартире отвернулся от окна и, кажется, прокричал что-то в сторону двери. Снайпер поймал в перекрестье прицела расположенную прямо над ухом точку — местонахождение моторной зоны коры головного мозга. Попадание в нее также гарантировало мгновенную смерть. Приклад винтовки Байрон поудобнее упер в плечо; компенсатор полета пули, призванный погасить возможное отклонение, вызванное расстоянием и перепадом высоты, был отрегулирован заранее.

Беспокойство вызывал только ветер. Он быстро крепчал, и все новые порывы налетали из долины. Байрон посмотрел на болтающуюся на телеграфных проводах тряпку — для этого даже не требовалось отрываться от окуляра прицела, достаточно было открыть другой глаз. По этой тряпке Байрон судил о скорости ветра. Перед самым выстрелом необходимо будет сделать «кентуккскую поправку», а именно чуть-чуть переместить перекрестье влево.

Вдруг налетчик резко повернулся и дважды выстрелил в направлении двери. Очевидно, переговоры проходили неудачно. Сохраняя ледяное спокойствие, Байрон опустил указательный палец на спусковой крючок. Он знал с точностью до унции, какое усилие прикладывает к четырехфунтовому спусковому механизму и в какой именно момент боек передаст ударное воздействие капсюлю патрона. Губы Байрона шевелились в беззвучной молитве.

В приступе ярости преступник в квартире напротив с силой швырнул женщину на пол возле окна и навел на нее пистолет. Женщина закричала, хотя Байрон не услышал ни звука.

Ветер еще усилился; тряпка на проводах поднялась почти горизонтально. Байрон сделал неглубокий вдох, задержал дыхание и потянул на себя спусковой крючок. Раздался сухой щелчок, приклад привычно ударил в натренированное плечо. Байрон даже не почувствовал отдачи. Он замер в неподвижности — опытные стрелки называют это секундной задержкой; ни в коем случае нельзя шевелиться сразу после выстрела, чтобы — не дай бог! — ствол оружия не повело и пуля, еще не успевшая покинуть ствол, не ушла в сторону. Байрон видел, как свинцовый цилиндрик вонзился в плоть и налетчик упал.

Приникнув к окуляру и дослав патрон, снайпер внимательно следил, не пошевелится ли жертва.

— Точно в голову,— объявил он наводчику.

— Готов,— отозвался тот и начал передавать информацию в микрофон, потом выдернул шнур наушников из портативной радиостанции, и комнату моментально наполнил гул голосов.

Дверь в квартире напротив распахнулась, и туда устремились мужчины и женщины. Они столпились вокруг неподвижного тела, кто-то присел возле него на колени; все наперебой показывали на аккуратную дырочку прямо под носом налетчика. Женщина с короткой стрижкой в полицейской форме изучала пулевое отверстие в оконном стекле. Удовлетворившись осмотром, она подняла голову, нашла глазами «укрытие» Байрона, улыбнулась и помахала рукой. Позади нее дородный усатый коп подхватил под мышки тело, демонстрируя его Байрону. Один из полицейских воздел кверху большой палец руки.

По спине пробежал холодок, и Байрон постарался быстрее его прогнать.

После того как в течение трех часов он непрерывно заставлял себя думать о цели как о живом человеке, теперь очень тяжело было перестроиться и воспринимать все как оно есть на самом деле: что это не реальный налетчик, а аниматронная кукла, используемая для ответственных тренировок и состязаний снайперов экстра-класса.

Всеми движениями манекена управляли кукловоды, устроившиеся так, чтобы их случайно не зацепила пуля. Байрон еще раз посмотрел в прицел на лицо «налетчика». Сделанная из латекса кожа казалась вполне настоящей. Даже глаза закатились назад, и рот широко открылся. Настоящие трупы — а их Байрону довелось повидать немало — выглядели практически так же.

Женщина-полицейский вытаскивала из комнаты манекен, изображавший заложницу. Байрон посмотрел на соседнее окно. «Дети», сваленные рядышком на полу, казались именно тем, чем были,— грустными куклами. Еще пару минут назад все было так живо, так реально, но теперь иллюзия стремительно таяла. Когда Байрон снова посмотрел в прицел, какой-то весельчак танцевал в обнимку с манекеном налетчика, а фотограф пытался сделать снимки пулевого отверстия.

Байрон выпустил из рук винтовку, та закачалась на сошке и уткнулась прикладом в находящийся рядом мешок с песком. Байрон перевернулся на бок. Немедленно хрустнули суставы, а мышцы протестующее взвыли. Он взглянул на «наводчика» — на самом деле такого же высококлассного снайпера, который вызвался помочь в судействе состязания.

— Староват я становлюсь для этого дела, Джек,— заметил Байрон.

Джек обошел лежак и протянул приятелю руку.

— Дружище, это было бесподобно!

Голос его, сильный и ровный, прозвучал более чем убедительно. Они пожали друг другу руки. Мгновение Байрон ожидал, что Джек сейчас боднет его головой или выкинет еще

какую-нибудь подобную штуку — такая безобидная чепуха обычно снимает напряжение. Вместо этого Джек повернулся и опустился на лежак рядом с Байроном. Из нагрудного кармана он достал сигареты, выщелкнул себе одну и предложил пачку приятелю.

Байрон сидел, уставившись прямо перед собой невидящим взором. Мыслями он возвращался к «преступнику», «заложникам», выстрелу. Вдруг он повернулся и прильнул к прицелу.

Тем временем Джек не удержался от очередной похвалы:

— Старик, ты здорово справился.— Он выпустил в сторону Байрона облако дыма.— Кретин Хэнсон оторвал нашему «налетчику» ухо. Шуман, эта примадонна, ведет себя так, словно его задница круче всех и скоро о нем будет говорить вся страна. Увы, но этот парень застрелил заложницу,— добавил Джек, кривляясь.

Он продолжал тараторить, наслаждаясь возможностью прервать трехчасовой обет молчания, но для Байрона слова его были не более чем фоном — смысла он не улавливал.

Изображающие детей куклы напомнили ему один реальный случай, когда он был не столь точен, когда в схожей ситуации преступник оказался только ранен и успел несколько раз выстрелить из «глока»...

Один из «детей» вдруг дернул головой и посмотрел прямо в глаза снайпера. Сердце Байрона едва не выскочило из груди.

Через мгновение «ребенок» исчез из поля зрения. В соседнем окне промелькнул полицейский, который небрежно тащил куклу за ногу к выходу из квартиры.

Байрон зажмурился и беззвучно застонал. Научится ли он когда-нибудь не принимать все так близко к сердцу? Он в этом сомневался.

— Старик,— пихнул его локтем в бедро Джек,— нам нужно... Эй, что с тобой?

Снайпер поднес руки к щекам и обнаружил, что они мокрые.

— Да какое-то насекомое в глаз залетело... и дым этот.

Он замахал рукой, разгоняя тонкую струйку сигаретного дыма.

Джек подозрительно взглянул на приятеля и поднялся.

— Ладно, пойдем отсюда. Столы накрыты, пиво стынет.

Кивнув, Байрон напоследок посмотрел на занавешенное марлей окно. В окнах напротив было темно.

Стив Берри

Давно позабытые тайны, запутанные заговоры и международные конфликты — таковы основные составляющие боевиков Стива Берри, в которых история тесно переплетается с современностью. Его дебютный роман «Проклятие Янтарной комнаты» повествует о легендарной русской реликвии — комнате, целиком отделанной янтарем. Сокровище было похищено нацистами в 1941 году, и судьба его до сих пор неизвестна. Книга «The Romanov Prophecy» дает ответ на вопрос: какова судьба двух детей последнего русского царя Николая Второго, останки которых так и не были найдены. Главная тема романа «Третий секрет» — события, связанные с явлением Девы Марии и шокирующими божественными откровениями, потрясшими католическую церковь.

В четвертом своем романе, «Евангелие тамплиеров», Берри знакомит читателей со спецагентом Коттоном Мэлоуном, юристом, который много лет работал на Министерство юстиции в специальном подразделении «Орден Магеллана». Решив, что в «Ордене» он подвергается слишком большому риску, Мэлоун рано вышел в отставку, перебрался в Копенгаген и открыл букинистический магазин. Увы, спокойная жизнь Коттону только снится, и «Евангелие тамплиеров» — лишь первая из задуманных Берри историй о приключениях Мэлоуна и некоторых второстепенных персонажей. В рассказе «Каждому дьяволу по заслугам» говорится о том этапе жизни Мэлоуна, когда он был еще действующим агентом «Ордена Магеллана».

Это необычная история, которая может иметь самые серьезные последствия.

История, типичная для Коттона Мэлоуна.

Стив Берри

КАЖДОМУ ДЬЯВОЛУ ПО ЗАСЛУГАМ

Коттон Мэлоун стоял на балконе и хладнокровно смотрел, как горят книги.

Рядом с ним находился Юсуф Шарма, президент этого маленького центральноазиатского государства, втиснувшегося между Афганистаном, Китаем и множеством других врагов Америки. Геополитическое положение страны и было причиной того, почему Вашингтон вот уже много лет совершенно игнорировал различные выходки Юсуфа, к коим теперь прибавилась еще одна: дерзкий план сжечь почти все имеющиеся в стране книги.

— Мы собирали их целый месяц. Из каждого города, из каждой деревни люди несли их сюда,— произнес Шарма на необычной, присущей лишь этому региону смеси русского и арабского языков.— Сегодня вечером костры полыхают во всех уголках страны. Все для того, чтобы избавиться от влияния Запада.

— Я уже начинаю подозревать, что вы сами верите в эту чепуху,— не отрывая взгляда от действа на площади, ответил Мэлоун.

— С послезавтрашнего дня наличие в доме любой книги, за исключением Корана, будет наказываться тюремным заключением. Если мой народ хоть чего-то стоит, он беспрекословно подчинится.

Мэлоун наблюдал, как люди в пальто и куртках, оскальзываясь на мокрой булыжной мостовой, спешат к костру и подбрасывают в огонь все новые книги. Дополнительную сюрре-

Copyright © 2006 by Steve Berry.

алистичность картине придавал ни на секунду не затихающий гул, издаваемый множеством флейт и бубнов.

— Это слепое повиновение лучше всего объясняет, почему положение вашей страны в настоящее время столь затруднительно. Большинство людей полагают, что здесь второй Афганистан, а вы понимаете, что отсюда следует.

— К счастью для меня и для этой страны, вы знаете, что это не так.

Мэлоун улыбнулся.

— В основном к счастью для вас.

Специальный агент Коттон Мэлоун, в прошлом коммандер ВМС, переквалифицировавшийся в адвоката, был приписан к «Ордену Магеллана», секретному подразделению Министерства юстиции. Двенадцать специально обученных агентов, все с юридическим образованием, работали под управлением суровой леди по имени Стефани Нелл. Со стороны ее легко было принять за любящую и заботливую бабушку, на деле же она обладала решительностью римского центуриона. Десять лет назад, только получив назначение в «Орден», Мэлоун подумал, что его там ожидает утомительная, однообразная рутина. Однако прошедшие годы были какими угодно, но только не скучными. Сегодняшний вечер служил отличным тому примером. Вот он стоит на балконе президентского дворца рядом с тираном, одетым в военную форму, а внизу на площади бушует пламя огромного костра из десятков тысяч книг, и, всякий раз вдыхая сухой холодный воздух, он чувствует запах дыма и скорби.

— Передайте своему правительству, что я просто делаю все необходимое ради выживания. Это мусульманская страна, и людям нужен сильный лидер.— Шарма простер руку к костру.— По-вашему, они сжигают книги, потому что я приказал им? Нет и еще раз нет! Они сами этого хотят.

Мэлоун не был совсем чужаком в этой стране. Уже дважды он здесь работал, и оба раза непосредственно с президентом Шармой. Мэлоуна по-настоящему заинтересовала горная страна, занимающая площадь свыше сотни тысяч квадратных

миль с населением в четыре миллиона человек, восемь с половиной процентов из которых были мусульманами-суннитами. Он взялся за изучение истории и выяснил, что в Средние века она послужила родиной большому числу писателей, поэтов и композиторов. А вчера Мэлоун с болью в сердце наблюдал, как уничтожается огромный государственный архив. Потерю столь богатейшего источника информации невозможно было даже приблизительно оценить. ООН направила президенту Шарме протест, который тот, впрочем, моментально подверг резкой критике. Сейчас у Мэлоуна все переворачивалось внутри. У него было такое ощущение, словно там, на костре, горели его друзья. Сам он был настоящим библиофилом, книги занимали важное место в его жизни. Дом Мэлоуна в Атланте был буквально завален ими. Он любил все связанное с книгами и практически после каждого задания посвящал день-два походу по магазинам, торгующим редкими изданиями.

Агента передернуло от отвращения, и он наконец перевел взгляд с погребального костра на живописные развалины мечетей и других сооружений, расположенных по периметру площади. Из истории он знал, что многие здания были воздвигнуты в девятнадцатом веке и стали свидетелями насильственного присоединения страны к Советскому Союзу в 1922 году, восстания мусульман в 1935-м, падения коммунизма в 1991-м и исламской революции год спустя.

Наконец Мэлоун оторвался от созерцания площади и повернулся к диктатору.

— Зачем вы пригласили меня?

— Посмотреть на это.

В истинности слов президента Мэлоун сильно сомневался. Насколько ему было известно, это вообще характерно для Центральной Азии — говорить правду здесь почему-то не принято.

— И чтобы передать вам вот это.

Протянув руку к маленькому столику, Шарма взял с него книгу и преподнес гостю. Роскошный переплет и медные за-

стежки, как заметил Мэлоун, находились в великолепном состоянии. Он принял книгу и взглянул на обложку. Название было на английском. «Кентерберийские рассказы».

— Мне показалось, что она может вам понравиться.

Шарма хорошо его изучил. Это было одно из любимых произведений Мэлоуна.

— Послезавтра за эту книгу меня посадят в тюрьму.

Президент улыбнулся.

— Для вас я сделаю исключение. Я ведь знаю, как вы обожаете книги. Издание семнадцатого века. Так получилось, что оно завалялось в нашем архиве.

Мэлоун осторожно держал книгу на ладони и уже собирался раскрыть, когда Шарма взял его за руку.

— Не здесь. Позже.

Просьба показалась агенту странной.

— Там есть еще один подарок. Внутри. Специально для вас. Посмотрите позже, когда будете у себя в отеле.

Лишних вопросов Мэлоун задавать не стал. Кивнул в знак понимания, опустил крошечный томик в карман куртки и снова уставился на горящий костер из книг.

Пламя пылало уже два часа и не собиралось гаснуть, когда президент и его гость покинули балкон. Вернувшись в отель, Мэлоун запер дверь номера и разделся. Кожаная куртка вся пропахла дымом.

Он сел на кровать и принялся за изучение томика «Кентерберийских рассказов». Второе издание Спейта, 1602 год. Эту книгу держали в руках и читали Милтон, Пипс, Драйден и Поуп. Приблизительная ее стоимость — около десяти тысяч американских долларов, даже при условии, что найдется еще один экземпляр.

И вот этот экземпляр в руках Мэлоуна.

Подарок Юсуфа Шармы.

Мэлоун раскрыл томик и среди обтрепанных, пожелтевших страниц обнаружил листок бумаги. Текст, написанный по-английски женским почерком, гласил:

«Посетите расположенные на севере в горах развалины Рампура. Будьте там завтра в полдень. Кое-кто желает с вами поговорить. Наедине».

Да, Шарме пришлось потрудиться, чтобы передать послание Мэлоуну. Президент явно строил планы отправить своего американского друга на загадочное свидание — именно из-за этого и пригласил его в страну,— однако не хотел никоим образом быть замешанным в этой истории.

Как характерно для Шармы. Он был другом США, но никто во всем мире, кроме нескольких людей с допусками к самой секретной информации, о том не ведал. Для остальных он являлся деспотичным лидером мало кого интересующего государства, и лишь те посвященные знали, что вот уже много лет Юсуф Шарма снабжает западные спецслужбы отборными разведданными по Центральной Азии. У него была прекрасно развитая шпионская сеть в разных странах, а в качестве цены за услуги Шарме дозволялось руководить государством, как ему угодно. Было у него и еще одно преимущество: хоть он периодически и строил всяческие козни против значительно более крупных соседних государств, пока ему все сходило с рук. У лидеров соседей были более важные заботы, нежели связываться с гавкающей моськой.

И вот теперь эта записка.

Что же задумал Шарма?

Встав спозаранку, Мэлоун начал готовиться к поездке на север. В американском посольстве он раздобыл машину и карту автомобильных дорог, изучив которую обнаружил, что до Рампура около двух часов езды по одной из самых высокогорных местностей в стране. Дорога из столицы вилась мимо вершин, через узкие перевалы, на которых снег лежал даже в это время года — в августе. Многие обрывы были усеяны, словно сотами, входами в пещеры.

Ехал Мэлоун неторопливо, постоянно поглядывая назад — нет ли слежки. Из окна он видел деревушки, приютившиеся

в зажатых горными вершинами плоских долинах. Почти всюду еще тлели костры, на которых прошлой ночью народ в едином порыве сжигал книги.

Наконец он добрался до Рампура.

В посольстве Мэлоун выяснил, что многие пытались предъявить права на это место: бактрийцы в первом веке, арабы в седьмом, турки в десятом, а потом в разное время монголы, афганцы, русские и Советы. Сам Александр Македонский осаждал стены города. В наши дни поросшие лесом склоны окрестных гор и близлежащие долины находились в собственности правительства — об этом предупреждал знак, который встретился Мэлоуну несколько минут назад. Впереди прямо у проезжей части была прибита к столбу еще одна табличка, которая категорически запрещала проход на территорию разрушенного города. Но у Мэлоуна имелось приглашение, поэтому он спокойно выбрался из машины на свежий разреженный воздух, не забыв при этом сунуть в наплечную кобуру под курткой штатный «магеллановский» «глок». Он знал, что в этих горах легко можно столкнуться с диким кабаном, бурым медведем и снежным барсом. Однако больше, чем диких зверей, Мэлоун опасался вооруженных автоматическим оружием двуногих хищников.

Усеянная камнями тропинка, петляя, уходила вверх, и чтобы по ней подняться, требовались определенные навыки если не альпиниста, то, по крайней мере, человека, привыкшего лазать по горам. Где-то вдалеке ворчал гром. Мэлоун остановился отдышаться и полюбоваться снежными вершинами на далеком горизонте.

Очередной знак сообщал, что впереди находится археологический памятник и вход на его территорию запрещен. За знаком пряталось бессмысленное нагромождение лежащих друг на друге известняковых плит, некогда составлявших стены и башни города. Здесь и там между выветрившихся обломков рос группками колючий кустарник; кое-где унылый пейзаж расцвечивали яркие летние ирисы и эдельвейсы. Ника-

ких следов недавних археологических раскопок Мэлоун не заметил. Вся эта пустынная местность, окруженная нависающими скалами, казалась давным-давно покинутой.

Он посмотрел на часы.

До полудня оставалось три минуты.

— Мистер Мэлоун,— раздался мужской голос.

Агент замер и сунул руку под куртку, где покоился «глок».

— Насколько мне известно, вы говорите на этом языке,— продолжил мужчина по-арабски.

— У вас верная информация.

— Еще я слышал, на вас можно положиться.

Мэлоун знал, что понятие чести, как бы его ни извращали, очень важно для жителей Центральной Азии.

— Я стараюсь.

В двадцати футах впереди на тропинку шагнул мужчина. Он был высок, не меньше шести с половиной футов, с кожей оливкового цвета. На долговязой фигуре мешковато болтался потрепанный белый халат. Лоб избороздили морщины, прямые, точно проведенные по линейке. Тусклые серебристо-серые волосы и борода свисали нечесаными космами. Венчал голову черный тюрбан. При ходьбе мужчина прихрамывал и опирался на длинную палку.

Тут Мэлоун вытащил «глок» и прицелился.

Он знал полное имя этого человека: Усама бин Мухаммад бин Авад бин Ладин. На Западе его звали просто: Усама бен Ладен. Как там в записке? «Кое-кто желает с вами поговорить»? Вот уж действительно «кое-кто»!

— Уверяю вас, мистер Мэлоун, я не представляю угрозы.

В это время Мэлоун прикидывал, где же спутники бен Ладена.

— И я пришел один.

Однако Мэлоун продолжал держать собеседника на мушке.

— Извините, но я не верю вам.

— Верьте во что угодно,— пожал плечами бен Ладен.— Я настоял на этой встрече, и я пришел один. Как просил прийти одного и вас.

Мэлоун справедливо рассудил, что, если бы его заманили сюда с целью убить, он уже давно был бы мертв. Он опустил пистолет.

— Зачем вы позвали меня?

— Собираюсь вам сдаться.

Не ослышался ли он? Вся многочисленная армия Соединенных Штатов который год повсюду ищет этого человека. Насколько помнил Мэлоун, последняя объявленная награда за его поимку составляла свыше двадцати пяти миллионов долларов. И вот бен Ладен спокойно заявляет, что собирается сдаться.

— Но почему вдруг?

— Устал бегать.

— С каких пор?

Бен Ладен усмехнулся.

— Я навел о вас справки. Мы с вами примерно одного возраста: мне сорок девять, вы на пять лет младше. Скажите, у вас никогда не возникало желания оставить свои занятия?

Если честно, в последнее время подобные мысли все чаще и чаще посещали Мэлоуна, но он не испытывал никакой потребности обсуждать свои сомнения с убийцей.

— Чего вы добиваетесь?

Дохромав до ближайшего валуна, бен Ладен присел. Мэлоун приблизился, ни на секунду не теряя бдительности.

— Ваши военные. Ваш президент. Они задумали меня убить. Показать всему миру фотографии моего трупа. И это будет не так уж и плохо. Я обрету покой, а мои сторонники используют мою смерть как повод для мести. Даже из могилы я продолжу вести их за собой. Не самая худшая судьба. Но есть и другие люди, и у них в отношении меня иные планы. Эти другие не хотят для меня такого славного конца.

Мэлоуну это было совершенно безразлично.

— Они тоже желают моей смерти, но только чтобы о ней никто не узнал. В общем, чтобы я «оставался жив» даже после того, как на самом деле умру. Понимаете, им невыгодна

моя публичная смерть. Намного выгоднее создавать иллюзию того, что я пребываю в полном здравии.

Агенту Мэлоуну доводилось читать о том, что бен Ладен — большой мастер ораторского искусства, поэтому он старался не поддаваться внушению. Вступать в полемику с дьяволом — это еще никого не доводило до добра.

— Я решил прекратить скитания и стать вашим пленником. Меня отдадут под суд — так у вас принято. Тогда я смогу обратиться ко всему миру. Что более важно — мои сторонники будут знать, что я жив. А когда вы в итоге меня казните, они будут уверены, что я мертв. Так или иначе, но я одержу победу.

— Мы можем вас и не казнить.

— Но те, другие, они точно убьют меня.

Мэлоун помотал головой, прогоняя наваждение.

— Шарме известно, что вы здесь?

Террорист кивнул.

— Эти развалины дали мне отличный приют. Никто никогда не догадывался искать меня в этой стране. Шарма ваш друг. Вы доверяете ему, только скрываете это от всех. Здесь я обрел пристанище. Теперь по моей просьбе Шарма пригласил вас сюда. Но он не требует за это никакой платы. Вы нашли меня. Взяли меня в плен. Так должно быть и так будет. Я отправил многих мучеников на смерть ради нашего дела...

— Я должен как-то проникнуться?

Бен Ладен равнодушно отнесся к тому, что его перебили.

— Оглянитесь вокруг, мистер Мэлоун. Здесь в древности гремели битвы. Сражались в основном с луками, копьями и камнями. Существовал обычай, согласно которому воины после боя приносили своим командирам головы убитых врагов и получали взамен награду. Чем больше ты принес голов, тем больший тебе был почет.

— Вам лучше знать.

На суровом лице бен Ладена заиграла улыбка.

— Мне приносили много голов. Теперь настал мой черед принести собственную голову.

— Но вы планируете устроить из своей смерти спектакль.

— Ни один лидер не хотел бы умереть в безвестности.

— Почему я?

— Шарма говорит, что вы... хороший человек.

В мозгу Мэлоуна одна за другой проносились мысли, суть которых сводилась к следующему: как действовать дальше? Бен Ладен, кажется, догадался, о чем думает агент.

— Вам нужно сделать необходимые приготовления. Понимаю. Делайте. Но запомните: я сдамся вам завтра в полдень на этом же месте. Только вам. Одному.

Мэлоун поднял пистолет.

— Почему не сейчас?

— Посмотрите по сторонам, мистер Мэлоун.

Тот повертел головой и на окружавших ровную площадку скалах насчитал восемь арабов в тюрбанах и с автоматическими винтовками.

— Вроде вы сказали, что пришли один.

— Я солгал. Но вы еще живы, а это доказывает одно: я не лгу вам, что собираюсь сдаться. Завтра в полдень на этом месте. Лично вам.

И дьявол исчез за нагромождением камней.

Вернувшись в столицу, Мэлоун немедленно направился в американское посольство и связался со Стефани Нелл, которая находилась в офисе «Ордена Магеллана» в Атланте. Он поведал ей о том, что произошло, и шесть часов спустя получил сообщение, что к семи утра следующего дня на территорию страны из соседнего Афганистана тайно проникнет специальное армейское подразделение. Мэлоун вовсе не собирался в одиночку захватывать бен Ладена. Точно так же и военные не желали оставаться в стороне, когда произойдет это знаменательное событие. Так что, по словам бен Ладена, агент совершил «необходимые приготовления».

Мэлоун встретил спецкоманду в заранее условленном месте на шоссе к северу от столицы. В состав команды входили шесть солдат и два офицера. Все были в неприметной граж-

данской одежде. Старшим у них был полковник Рик Кобб, невзрачный человечек со светло-рыжеватыми волосами и глубоко посаженными зелеными глазами. Мэлоун объяснил полковнику задачу и оставил его с командой на дороге, а сам поехал в Рампур.

Ровно в полдень Мэлоун снова оказался среди древних развалин. Завеса непроглядного тумана окутывала обрыв и укрывала нависающие сверху скалы. Очень осторожно он шагал вперед в ожидании развития событий.

В точности как накануне, из-за камней появился бен Ладен. Только сегодня Мэлоун не был настроен на болтовню.

— Вы готовы?

— Как и обещал.

Мэлоун вытащил пистолет.

— В этом нет необходимости.

— Так я лучше себя чувствую.

Террорист пожал плечами.

— Ну, как угодно.

— Ваши друзья сегодня здесь?

— Они проследят, чтобы все прошло как надо, а потом уйдут.

Дорога до машины заняла целых двадцать минут — двигались медленно, потому что бен Ладен сильно хромал и вынужден был опираться на палку. Перед тем как усадить пленника на пассажирское сиденье, Мэлоун его обыскал. Вероятно, бен Ладен этого ожидал и не сопротивлялся.

Они покинули Рампур и устремились по шоссе в столицу. На полпути Мэлоун заметил возле дороги знакомые обшарпанные автомобили, свернул на обочину и остановился за ними.

В эту же секунду двери обеих машин распахнулись, и из них хлынули бойцы спецподразделения.

— Ваши друзья? — хладнокровно поинтересовался бен Ладен.

— Ваши надзиратели.

— Мы договаривались, что я сдамся лично вам.

— Я солгал.

На следующий день Мэлоун возвращался домой. Президент Шарма не пытался с ним связаться, да Мэлоун этого и не ждал. Известие о том, что наконец-то схвачен «террорист номер один», дойдет до Белого дома, и американские военные получат заслуженную похвалу и награды. Также Мэлоун не ожидал громогласных заявлений, да и не желал их, хотя именно на них рассчитывал бен Ладен.

Агент знал, что и Шарма не хочет шумихи.

Они оба просто выполнили свою работу.

Прошло две недели, однако Белый дом не сделал никакого заявления. Мэлоуна направили в Германию, потом в Болгарию, Австралию, Норвегию. Когда и через два месяца ничего не изменилось, он решил разобраться, что же происходит. Стефани Нелл тоже была заинтригована молчанием официальных лиц и подала соответствующий запрос.

В лондонском международном аэропорту Мэлоуну предстояла пересадка на другой самолет, когда ему из штаб-квартиры «Ордена» позвонила Стефани.

— Коттон, они понятия не имеют, о чем речь.

— Стефани, я вез этого сукина сына в своей машине. Он сидел рядом со мной. Потом я передал его армейскому полковнику.

— Я назвала имя нашего полковника. Этот Рик Кобб действительно существует, он действительно полковник, служит в армейском спецподразделении. Вот только в тот день он находился в отпуске в Штатах за тысячи миль от тебя. Информация проверена.

— У тебя есть его описание?

Судя по описанию Стефани, настоящий полковник Кобб нисколечко не был похож на человека, в руки которому Мэлоун сдал бен Ладена.

— Что за чертовщина происходит, Стефани? Они играют с нами?

— Зачем? Президент отдаст свое левое яичко, лишь бы схватить этого террориста.

И тут Мэлоун вспомнил слова бен Ладена.

«Эти другие не хотят для меня такого славного конца».

— Мне нужно связаться с Шармой. Я перезвоню тебе.

В VIP-зале Мэлоун достал ноутбук, подключился к Интернету и послал письмо по электронной почте — Шарма предпочитал именно такой способ общения. Президент ненавидел телефоны — их невозможно контролировать — и, кроме того, любил оставлять на жестком диске копии всех сообщений.

Отправил Мэлоун всего пару слов:

Подарок пропал.

До вылета самолета оставалось еще два часа, так что он сидел и ждал ответа. К его удивлению, уже через десять минут на экране вспыхнула надпись, извещающая о поступлении нового сообщения.

Посетите еще раз развалины.

Очевидно, Шарма ждал весточки от Мэлоуна. Агент понял, что более подробных разъяснений не получит и нужно просто последовать совету. Он как раз возвращался в Атланту, и у него было три свободных дня перед следующим заданием.

Всего три дня.

Мэлоун припарковался у подножия горного кряжа, ведущего к развалинам Рампура. Здесь, высоко в горах, поздняя осень уже вступила в свои права. Воздух был на целых сорок градусов холоднее, чем в прошлый его визит три месяца назад. Окружающие вершины надежно укутал снежный покров.

Сунув руку под парку, Мэлоун достал неизменный «глок». Он не представлял, с чем столкнется здесь, но знал, что должен поступить, как посоветовал Шарма.

Земля под ногами была скользкой и ненадежной, и Мэлоун передвигался маленькими, осторожными шагами. На территории археологического памятника царило все то же безнадежное запустение. Мэлоун прибавил ходу, не забывая внимательно оглядываться по сторонам.

Внезапная автоматная очередь заставила его резко затормозить.

Пули срикошетили о расположенные в нескольких метрах валуны.

— Достаточно, Мэлоун. Бросьте пистолет на землю,— обратились к нему по-английски.

Агент подчинился и обернулся. С узкого утеса спрыгнул «полковник Кобб» и сейчас спускался по нагромождению валунов.

— Мне доложили, что вчера вы вернулись в страну, и я понял: сегодня вы будете здесь.

— Люблю быть пунктуальным.

— Забавный вы человек.

— А вы кто?

— Полковник Рик Кобб. Кто же еще?

— Вы же прекрасно понимаете, что я не верю вам.

— Не хотите верить — дело ваше.

— Ну хорошо, пусть будет полковник Кобб. Вы расскажете мне, что стало с бен Ладеном?

— Может, вам показать? — Полковник махнул винтовкой.— Туда.

Двигаясь в указанном направлении, Мэлоун прошел мимо нескольких нагромождений валунов и повернул за угол. Холодный ветер леденил его члены и сушил губы. Недалеко от того места, где некогда находилась внешняя стена крепости, виднелось неровное пятно почерневшей земли. Непогода быстро стирала улики, но сомнений не было: недавно здесь что-то горело.

— Это все следы,— пояснил Кобб.— Я лично застрелил мерзавца. Он стоял практически на том самом месте, где сей-

час стоите вы. Потом мы сожгли тело, так что от него ничего не осталось.

— И зачем все это?

— Черт, вы еще спрашиваете? Он убивал американских граждан. Он был врагом нашего государства.

— Вы не военный.

— Военные играют по правилам, а правила имеют скверное свойство противоречить тому, как должно быть. Я играю не по правилам.

— Бен Ладен предупреждал, что вы охотитесь за ним, хотите его уничтожить, но чтобы об этом никто не узнал. Может, объясните почему?

— А вы сообразительный парень. Штаты тратят десятки миллионов долларов на войну с терроризмом. Такие деньги даже трудно себе представить. Это как манна, просекаете, дружище? Манна, которая падает прямо с неба.

В голове Мэлоуна мелькнула мимолетная радость, что его подозрения, похоже, подтвердились.

— И многие корпорации здорово на этом наживаются.

— Вы все прекрасно понимаете. Вам известно, сколько стоят некоторые контракты на поставку вооружения? Цены заоблачные. Да и множество мелких компаний тоже получают хорошую прибыль. Этот источник дохода нельзя перекрыть.

— И вы работаете на них?

— Они собрались все вместе и решили нанять команду. Лучшую из лучших. Черт, да у нас была лучшая разведывательная сеть, чем у правительства. У нас ушло на это больше года, но в итоге мы подобрались вплотную к бен Ладену. Проклятье! Дважды мы едва не схватили его. Но вот примерно восемь месяцев назад он вдруг исчез из нашего поля зрения, исчез бесследно. Мы уже начали беспокоиться, и тут так удачно объявились вы со своим сообщением.

— Но мы тогда связались с военными по официальным каналам. Не с вами.

— Именно так,— кивнул Кобб.— Но видите ли, у нас есть друзья на самых верхах. В конце концов, для армии это тоже

золотая жила. Никто не хочет, чтобы она иссякла. Поэтому военные передали нам информацию, и так удачно сложилось, что мы оказались неподалеку.

— И вы вернулись с бен Ладеном сюда и здесь убили его.

— Место не хуже любого другого. После того как вы с Осамой уехали, его люди убежали отсюда как ошпаренные. Я послал несколько человек понаблюдать за развалинами. Так что мы не на юг отправились к афганской границе, а сделали небольшой крюк и прибыли сюда. На все у нас ушло два часа. Тело сгорело быстро.

Мэлоуну было интересно еще кое-что.

— Но почему вы используете имена реально существующих людей? Мы проверили, в армии есть такой полковник Рик Кобб.

«Полковник» пожал плечами.

— Так оно проще. С помощью этих чертовых компьютеров можно проследить за кем угодно. Мы выбрали парней, которые находились в отпуске. Наши друзья в Пентагоне постоянно снабжали нас данными. Я уже говорил: никто не хочет терять такой лакомый кусок.

— И все равно не понимаю.

— Будьте же реалистом. Все вы понимаете. У американцев короткая память. Да, после одиннадцатого сентября они рассвирепели, побряцали оружием, надрали несколько задниц, захватили Саддама, наконец. Но теперь они желают свернуть шоу. Общественное мнение переменилось, политики тоже настроены против. А это означает сокращение бюджетных ассигнований, смену приоритетов, что вовсе не устраивает моих нанимателей. И меньше всего им надо, чтобы бен Ладена поймали. Нет! Он должен существовать. Должен нести опасность западному миру. Люди должны чувствовать неуверенность. Точно так же поступил Сталин с Гитлером после Второй мировой. Он точно знал о смерти отморозка, но усиленно поддерживал слухи, что тот, возможно, остался жив и по-прежнему угрожает миру. Все, дабы застать врага врасплох.

— Значит, теперь вы управляете бен Ладеном.

— Да, целиком и полностью. И поверьте, он еще покажет себя.

— А здесь вы что делаете?

— Ждал вас. Мои наниматели просили передать: перестаньте совать нос в чужие дела. Оставьте это.

— С чего это я должен слушаться?

— Да потому что вам все равно нечего предъявить. Ну что вы станете делать? Объявите, что схватили бен Ладена? Вас сочтут ненормальным. Нет ни тела, ни фотографии. От него не осталось ни-че-го. Даже неоткуда взять ДНК для сравнения с одним из его двадцати с чем-то предполагаемых детей. Все кончено. И не лезьте больше в это дело.

— А если я откажусь?

— Не в наших привычках убивать своих, но если вы не оставите нам выбора...

— Вы ничем не лучше, чем он.

Мэлоун собрался уходить, но Кобб быстро преградил ему путь.

— На вашем месте я бы подвинулся,— отчеканил агент.

«Полковник» поднял винтовку.

— Вы такой крутой, Мэлоун?

— Достаточно крутой, чтобы обойтись без оружия.

Он стоял твердо, как скала, ни на мгновение не дав противнику заподозрить, что испугался. Да и кто бы не испугался? Сомнительное удовольствие — смотреть прямо в черное дуло винтовки.

Кобб опустил ствол.

Что ж, Мэлоун не ошибался в своих догадках. Они не планировали его убивать. Он был им даже выгоден — пускай полоумный американский агент во всеуслышание объявит, что ему лично сдался сам бен Ладен, но потом того похитили и что существует целый заговор с целью скрыть гибель «террориста номер один». Военные немедленно выступят с опровержением, поднимется шумиха, и в людях вновь пробудится ослабевший было страх перед бен Ладеном. Мэлоуну нечего предъявить, а у них на руках все козыри.

Яснее ясного, кто выиграл.

— Идите, Мэлоун. Уматывайте отсюда. Расскажите о том, что знаете, всему миру.

Ни малейшего шанса.

Со всей силы Мэлоун впечатал каблук в правое колено Кобба. Тот не ожидал удара. Неужели «полковник» считал Мэлоуна ни на что не годным? Услышав, как хрустнула кость, агент без промедления врезал кулаком в челюсть. Кобб заорал от боли и рухнул на землю, обхватив поврежденную ногу. Мэлоун поднял выроненную винтовку.

— Повторяю еще раз. Вы ничуть не лучше, чем он. Он убивал ради Аллаха, вы — ради наживы.

— Дьявол... получил... по заслугам.

Мэлоун зашвырнул винтовку подальше, за разрушенную стену, и двинулся прочь.

Он застегнул молнию на чемодане и покинул гостиницу. Выйдя в холодный осенний вечер, Мэлоун стал выискивать на запруженной машинами улице такси, чтобы отправиться в аэропорт. Вскоре рядом остановился автомобиль с шашечками, и Мэлоун быстро забрался на заднее сиденье. Улицы были забиты машинами, поэтому ехали медленно и каждые несколько минут останавливались. В это время года в Центральной Азии темнеет быстро, и пока они добрались до аэропорта, город накрыла ночь. Мэлоун протянул сорок рублей и хотел уже выйти, когда таксист вдруг произнес по-русски:

— Мистер Мэлоун, мой президент хочет вам кое-что передать.

Изумленный Мэлоун молча смотрел с заднего сиденья, как водитель протягивает коричневый конверт.

— Еще он просил пожелать вам всего хорошего.

Мэлоун поблагодарил таксиста и добавил двадцатку за труды. Да, приходилось признать, что у Шармы длинные руки. Ощупав конверт, Мэлоун определил, что внутри лазерный компакт-диск. В здании аэропорта он сдал чемодан в багаж и с небольшой сумкой через плечо проследовал в зал ожидания.

В конверте от президента действительно находился диск, а также коротенькая записка. Мэлоун прочитал текст, затем вставил блестящий кругляш в ноутбук.

Через несколько секунд на экране появилась видеозапись. Вот липовый полковник Рик Кобб убивает Усаму бен Ладена, потом вместе с другими членами своей полувоенной группы — их лица Мэлоун узнал — сжигает тело. На некоторое время экран потемнел, после чего началось новое видео. Эта сцена имела место всего несколько часов назад: он и лже-Кобб общаются среди древних руин. Надев наушники и прибавив звук, Мэлоун со стороны наблюдал за произошедшим, в том числе и за своим нападением на «полковника», попутно отдавая должное высокому качеству записи.

Запись закончилась, экран погас.

Агент покачал головой.

Юсуф Шарма следил за ними. Да, его страна не могла похвастать наличием серьезной армии, но президент был умным человеком. Он хотел, чтобы бен Ладен оказался в руках Соединенных Штатов, поскольку того хотел сам бен Ладен. Увы, этому не суждено было сбыться, и тогда Шарма сделал другой подарок. На этот раз Мэлоун сохранит его при себе и, когда наступит время, предъявит миру. Придется, конечно, попотеть, но вряд ли будет так уж сложно разыскать лже-Кобба с отрядом и их нанимателей. В конце концов, именно такими делами и занимается «Орден Магеллана».

Мэлоун еще раз перечитал записку, вложенную в конверт вместе с диском:

УБЕДИТЕСЬ, ЧТО ВСЕ ДЬЯВОЛЫ ПОЛУЧИЛИ ПО ЗАСЛУГАМ.

Чертовски верно!

Он встал и пошел на свой самолет.

Кэтрин Нэвилл

Дебютный роман Кэтрин Нэвилл «Восемь» завоевал несколько литературных наград, был переведен на три десятка языков и получил статус культового. Повествование в нем начинается на заре Великой французской революции, когда монахини ничем не примечательного аббатства на юге Франции находят легендарные, украшенные драгоценными камнями шахматы, в прошлом принадлежавшие Карлу Великому, но затем исчезнувшие на целую тысячу лет, и рассеивают их по всему миру, дабы сохранить приписываемую фигуркам мистическую силу. Роман ни на секунду не отпускает читателя, перенося его из 90-х годов восемнадцатого века, времени Французской революции, в 1970-е годы, период нефтяного эмбарго, и обратно. Сюжет романа представляет собой гигантскую шахматную партию, а все персонажи являются кто фигурой, а кто пешкой.

Когда Нэвилл приступила к долгожданному продолжению, она, к своему удовольствию, получила возможность включить в повествование многих привлекательных исторических личностей, в частности Бенджамина Франклина, которым в дебютном романе в силу невозможности объять необъятное пришлось довольствоваться ролью безмолвных статистов. Несмотря на то что за последнее время, в преддверии трехсотлетнего юбилея Франклина, появилось множество фильмов, биографий, никогда прежде не публиковавшихся историй об этом выдающемся деятеле, Нэвилл в ходе работы над романом удалось раскопать факты, которые, к ее удивлению, необъяснимым образом ускользнули от внимания всех исследователей. Когда дело дошло до хорошо задокументированной, почти маниакальной страсти Франклина к созданию или же вступлению в различные тайные клубы, здесь обнаружился один загадочный пробел. Рассказ «Вторничный клуб» как раз и призван заполнить эту лакуну.

Кэтрин Нэвилл

ВТОРНИЧНЫЙ КЛУБ

Франклин не был бы Франклином без тайных клубов.
Во Франции его клубом была «Ложа девяти сестер».
Карл ван Дорен. Бенджамин Франклин

Отей, Франция
31 августа 1784 года, 7 часов утра

Сегодня это наконец произошло, и сегодня вторник.

«Как всегда,— иронично подумала мадам Гельвециус.— Во Франции ведь все не как у других». Например, вторник по-французски mardi, то есть день Марса, бога войны. А в свете надвигающегося кризиса — да тут еще и это послание — любое упоминание о Марсе приобретает особенное значение. Если называть вещи своими именами, это просто катастрофа.

Мадам Гельвециус уже несколько месяцев ожидала послания, но оно было так хитро зашифровано, что даже гонец, доставивший его из Шотландии, не понимал содержания. Но учитывая, как гонец спешил, становилось ясно: то, чего она ждала, должно вот-вот произойти и, возможно, разрушить все ее тщательно продуманные планы, даже поставить под угрозу все их дело, более того — сами их жизни.

Чтобы немедленно доставить послание по адресу, мадам Гельвециус необходимо было прибегнуть к хитрости.

Осторожно, таясь от всех, она пробралась мимо французских окон своей гостиной туда, где уже терпеливо стоял оседланный большой белый мул садовника. Управляющий имением, до невозможности важный малый («В наши дни слуги

Copyright © 2006 by Katherine Neville.

вообще ведут себя с такой претензией, что знати и не снилось», — с горечью отметила про себя мадам), всегда повторял, что она должна быть очень осторожна, если соберется в поездку одна и втайне.

Мадам хорошо понимала, что все ее многочисленные слуги и домочадцы будут сгорать от любопытства, если увидят, как хозяйка едет куда-то в такую рань. Может, они посчитают, что она спешит на тайное свидание — что ж, она не станет их разубеждать. В эти дни во Франции нигде нельзя чувствовать себя в безопасности, — в каждой комнате, на каждой дороге найдется шпион, который работает на ту или иную сторону. Осторожность сейчас — превыше всего.

Но хоть мадам Гельвециус и признавала необходимость маскировки, она ощущала себя полной дурой в этом нелепом одеянии: линялом синем платье, позаимствованном у доярки (а уж как оно пахло!), и ветхой соломенной шляпке. Она — Анна Катерина де Линьивилль-Отрикур, мадам Гельвециус, одна из богатейших женщин Франции, а некогда одна из первых красавиц — скачет верхом на большом белом муле, разодетая как площадная девка. Впрочем, к чему сейчас поминать прошлые дни? Тогда она была совсем другой женщиной.

Мадам нетерпеливо подгоняла мула, который еле брел по холмистой местности, покрытой виноградниками, еще мокрыми от утренней росы. Путь их лежал по пыльной извилистой дороге, ведущей из Отей, ближайшего предместья Парижа, в расположенный чуть дальше Пасси. Бедолага мул загляделся было на свисающую над самой дорогой тяжелую виноградную гроздь, но мадам тут же сильно шлепнула его по крупу и, пробормотав под нос: «Ах ты, упрямец», резко дернула поводья.

Хотя все ее мысли были о том, как бы поскорее добраться до места назначения, мадам не могла не возвращаться к загадочным строчкам письма. Они назойливо вертелись в голове, точно давно забытая мелодия. Все это было действительно очень странно, ни с чем подобным ей сталкиваться не приходилось. Что же это может означать? Мадам было известно,

что расшифровать текст может только один человек, и сейчас ей необходимо срочно доставить ему послание.

Мул тащился так медленно, что, казалось, прошло много часов, пока наконец мадам Гельвециус не увидела освещенный солнцем крутой обрыв, а на его вершине смотрящий на Сену знаменитый замок Ле-Валентинуа — конечную цель своего путешествия. Издали замок казался выставленным напоказ драгоценным камнем в оправе из роскошных садов и причудливо украшенных беседок, плещущихся фонтанов и восьмиугольных прудов. Он был настоящим бастионом экстравагантности и вполне мог соперничать в этом с дворцом паши.

По спине мадам Гельвециус пробежал холодок — так было всегда, когда она наведывалась в замок, а случалось это значительно чаще, чем ей хотелось бы. С учетом особого характера миссии мадам была рада, что нарядилась в это дурацкое платье: не придется проезжать через главные ворота и она сможет спокойно пробраться садами, где ее никто не узнает. Это было немаловажно, ведь Ле-Валентинуа славился не только роскошью, но и репутацией настоящего рассадника всяческих махинаторов, контрабандистов, воров и шпионов всех мастей — пользующееся дурной славой прибежище всех, кто пытался нагреть руки на войне и кризисе. С подобными вещами столкнулись все европейские страны.

Неформальным лидером у них был самый опасный из этого сборища человек: богатый и таинственный владелец замка Донатьен ле Рэй де Шомон. Сознавая всю важность миссии, мадам молилась и надеялась, что не идет по доброй воле в пасть ко льву. Она помнила, что должна доставить послание адресату во что бы то ни стало, пока не переполошится весь Ле-Валентинуа. Должна как можно быстрее вручить послание Франклину, который занимал крыло замка.

Только доктор Франклин сможет сказать, что им делать, какие шаги предпринять клубу, который соберется сегодня вечером. Конечно, это произойдет лишь после того, как он расшифрует загадочное послание, содержащееся в детской песенке.

Отей, Франция
8 часов утра

«Можно, конечно, находясь в Париже, ощущать одиночество,— думала с досадой Абигейл Адамс,— но одна ты здесь никогда не будешь!»

Здесь, куда ни пойдешь, тебя везде окружают толпы немытых, вонючих тел. А улицы? Да это же натуральная сточная канава! Как тут удивляться, что каждый парижанин таскает вокруг своей шеи кружев больше, чем на голландской скатерти,— надо же чем-то прикрывать носы, уберегая их от мерзких запахов! А ее бедный мистер Адамс? Разве он не чувствует себя при смерти всякий раз, когда ему приходится приплывать сюда из Америки?

А женщины! Здесь сорок тысяч женщин — прости господи! — имеют лицензию на занятие проституцией (ее бросило в жар от одной только мысли об этом), им дано разрешение «заниматься своим ремеслом» прямо в самом городе!

А эти ящики! Ужасно, но ей об этом запросто говорили церковные старосты. На определенных перекрестках установлены специальные ящики, в которые женщины могут класть своих нежеланных новорожденных детей! И они еще называют это усовершенствованием по сравнению со «старыми временами» философа Руссо, когда младенцев оставляли умирать от холода прямо на ступенях церкви; некоторые примерзали настолько, что их крошечные тельца приходилось отдирать от камней. О, как же это гнусно!

Проведя всего несколько дней в Париже, Абигейл ощущала настоятельную необходимость подлечить расшатанные нервы на термальных источниках и обязательно прихватить с собой детей, Нэбби и Джонни, перед тем как они снова окунутся в атмосферу всеобщего разложения.

Слава Всевышнему, с облегчением вздохнула Абигейл, что больше им не придется проводить все свое время в этой отвратительной выгребной яме. Ее дорогой мистер Адамс нашел им в сельской местности тихое местечко под названием Отей.

Дом производил грандиозное впечатление — целых пятьдесят комнат! Расположен высоко над рекой, вдали от городской суматохи, вокруг раскинулись огромные сады, а в самом доме полным-полно слуг. Был в здешней жизни и еще один очень приятный момент: совсем рядом жила женщина, про которую доктор Франклин однажды сказал Абигейл так: «Истинная француженка, свободная от всякой претенциозности... самый лучший человек на свете». Звали ее мадам Гельвециус.

Хоть доктор Франклин часто упоминал о скромности мадам, Абигейл все же казалось, что та не прочь похвалиться некоторыми своими достоинствами. Так, несмотря на то что возраст ее близился к шестидесяти, она считалась одной из прекраснейших женщин во Франции. Говорили, что поэт Фонтенель в свой сотый день рождения* вздохнул и произнес: «Когда видишь мадам Гельвециус, мечтаешь, чтобы тебе снова было восемьдесят».

Также Абигейл стало известно, что покойный муж сей дамы был прославленным философом и планировал основать клуб, в который входили бы видные общественные деятели и ученые. После его смерти мадам Гельвециус потратила часть своего состояния на исполнение мечты мужа и учредила клуб под названием «Ложа девяти сестер». Название отсылало к девяти музам, покровительницам искусств и науки. Будучи основательницей, мадам стала единственной женщиной, которую допускали на закрытые заседания ложи. Хотя вход на заседания осуществлялся строго по приглашениям, деятельность клуба не была полностью засекречена, и его члены любили похвастать, что в разные годы среди них числились такие персоны, как Лафайет, Вольтер и доктор Франклин. Последний использовал финансовые связи ложи, чтобы получить деньги, необходимые для успешного осуществления революции в Америке.

---

* Французский писатель и ученый-популяризатор Бернар Фонтенель не дожил месяца до своего столетия (11.02.1657 — 9.01.1757).

«Нет, определенно моя новая соседка в Отей должна быть дамой незаурядной»,— думала Абигейл, одеваясь перед поездкой в Ле-Валентинуа. Она просто не могла дождаться предстоящего знакомства. И кстати, разве доктор Франклин не говорил, что клуб мадам Гельвециус всегда собирается по вторникам?

А значит, долгожданное знакомство может состояться уже сегодня вечером.

Булонский лес
9 часов утра

Джон Адамс искренне ненавидел Анну Катерину де Линьивилль-Отрикур, мадам Гельвециус. Он презирал ее — как, впрочем, и большинство французской аристократии — почти с первой же их встречи.

Пустив серого мерина легким галопом, он совершал ежеутреннюю прогулку по Булонскому лесу и размышлял об этой женщине, которая причинила столько вреда американской миссии во Франции за все время ее существования. Разумеется, он не мог поделиться своими чувствами с женой, хотя до того никогда не держал секретов от обожаемой супруги. Но эта Гельвециус, как до нее многие другие совершенно бесполезные женщины из высшего класса, пленила великого доктора Франклина своей так называемой веселостью и очарованием. Бедный доктор просто одурманен всем французским.

Адамс знал, что в своих делах на континенте должен проявлять повышенную осторожность. Из предыдущей миссии его в свое время отозвал Конгресс, а причина была следующей: якобы французский министр Верженн пожаловался на его поведение в дипломатических кругах. Сам же Адамс всегда подозревал, что инициатива его отзыва принадлежит не кому иному, как лично доктору Франклину; что доктор, основную часть жизни проведший за границей и впитавший пороки и недостатки чужеземных стран, не мог дольше выносить присущую истинным янки честность и прямоту.

Адамсу оставалось только молиться, чтобы если не он, то, по крайней мере, Томас Джефферсон смог воззвать к здравому смыслу доброго доктора. Ведь на плечах их троих лежала огромная ответственность в деле организации переговоров с Англией и Францией. И еще кое-что, связанное с их французской миссией.

Была в этой бочке меда ложка дегтя. С некоторых пор Адамс подозревал, что в непосредственном их окружении, прямо здесь, в Пасси, под носом Бенджамина Франклина, постоянно работает шпион, возможно даже двойной агент. Бог свидетель: в этом Ле-Валентинуа можно ожидать чего угодно. Подозрение падало не только на владельца замка и по совместительству торговца оружием Шомона. Недоверие вызывал еще и живший здесь же двадцатидвухлетний внук самого доктора, Темпл Франклин. Отец этого молодого человека Уильям (незаконный сын Бена) являлся роялистом и был некогда изгнан из Америки.

Однако, по мнению Джона Адамса, из всех этих сановных аристократов, сторонников роялизма и нуворишей, которых привечал доктор в своем пристанище в Пасси, самой опасной была мадам Гельвециус. И на подобные подозрения имелась очень веская причина.

Ее покойный муженек, месье Гельвециус, сделал состояние на королевской синекуре. Он был одним из тех самых «генеральных откупщиков», группы лиц, которым королевским указом были дарованы исключительные права — как бы сказали в Америке, монополии — на все торговые операции с товарами, производимыми во Франции или импортируемыми ею. Эти же люди и по сей день управляли торговлей, которую вела Америка с Францией и ее владениями.

Что же касается его жены, она даже основала тайное общество, призванное помогать всем ядовитым гадинам, вьющимся вокруг нее, удерживать контроль в своих руках. Члены этого клуба еще имели наглость называть себя либералами. Масонами! Да ведь половина его основателей произошла из самых знатных родов Франции!

Похлопывая по бокам разгоряченного мерина, Адамс повернул в сторону Пасси — на утро у него была назначена встреча — и мимолетно улыбнулся при мысли о том, как его жена, между прочим дочь проповедника, познакомится с этой Гельвециус.

А произойти встреча может уже сегодня. Сегодня ведь вторник?

Пасси, Франция
10 часов утра

Бенджамин Франклин снял с доски коня, поставил рядом с ладьей противника и, чтобы привлечь внимание к своим словам, постучал пальцем по столу.

— Мой друг, если вы возьмете этого коня ладьей, вам будет мат в три хода,— объявил он Томасу Джефферсону, который с немым удивлением взирал на доску.— А если вы не станете его брать,— Франклин криво улыбнулся,— тогда, боюсь, вам все равно мат. Но только в пять ходов.

— Дорогой мой Джефферсон,— подал голос Джон Адамс от окна, из которого открывался прекрасный вид на обширные, тщательно ухоженные сады Ле-Валентинуа,— вы сдаете уже третью партию подряд. Если ваше мастерство ведения переговоров — а за этим, собственно, Конгресс и направил нас во Францию — не превосходит вашего умения играть в шахматы, тогда мы можем смело паковать чемоданы и возвращаться домой.

— Ерунда,— возразил Франклин, расставляя шахматы на доске.— Просто Джефферсон не может похвастаться такой же практикой, как я. Когда я играю в шахматы, меня невозможно отвлечь. Да что там, однажды я весь вечер провел за доской, в то время как моя тогдашняя возлюбленная, мадам Брильон, в костюме Евы отмокала в ванне!

Франклин громко рассмеялся, а Джефферсон обеими руками потер свою густую ненапудренную шевелюру.

— Боюсь, для одного утра это слишком большое умственное напряжение, а результат, увы, плачевный,— промолвил

он и прибавил извиняющимся тоном: — Кажется, у меня снова начинается мигрень.

— Кора ивы,— посоветовал Франклин.— В ней содержится особенный ингредиент, снимающий головную боль. Я никогда не беспокою слуг в такую рань, но ради вас, мой друг, я сейчас позвоню и попрошу найти Бэнкрофта, секретаря нашего посольства; вам уже давно пора с ним познакомиться. Он и принесет ивовый отвар. Этот малый — настоящий дока в медицине. Он работал на плантации в Гвиане и получил патенты на всевозможные красители для тканей, добываемые из коры деревьев и различных тропических растений. Несколько лет назад я поспособствовал его избранию в Лондонское королевское общество*, и с тех пор он является нашим тайным агентом в Британии.

— Но откуда вы знаете, что этому человеку можно доверять? — поинтересовался Адамс.— Кое-кто считает, что Эдвард Бэнкрофт просто спекулирует на войне и действует исключительно ради собственной наживы. Если он берет деньги от нас, он с равным успехом может брать их и от англичан с французами. Надо ли посвящать его в информацию, которая приходит нам из Конгресса? А позволять вести записи на наших тайных совещаниях?

— Дорогой мой Адамс! — Франклин потянул шнур звонка, недоуменно пожимая плечами, словно не понимал причины такого беспокойства.— Во Франции все в той или иной степени шпионы. Здесь, знаете ли, мало что изменилось со времени вашего последнего посещения, и вы убедитесь в этом. Но во-первых, сейчас не ведется никакой войны, на которой можно спекулировать, будь то в финансовом плане или в философском. Мы приглядываем за британцами только с одной целью: убедиться, что они не затевают новых военных дей-

* Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе — ведущее научное общество Великобритании, создано в 1660 году и утверждено Королевской хартией в 1662 году.

ствий. А во-вторых, здесь, в Ле-Валентинуа, наша жизнь столь открыта и невинна, что просто не за чем шпионить.

Не успел Франклин отпустить шнур, как дверь в коридор распахнулась; на пороге стоял Эдвард Бэнкрофт собственной персоной, одетый — как и всегда — так, словно собирался на модный бал: кружевное жабо, сатиновые брюки и напудренный парик. Адамс метнул на Франклина свирепый взгляд, однако тот сделал вид, что ничего не заметил, вместо этого он воскликнул со своей обычной кривой ухмылкой:

— Черт побери! Можно подумать, что стены имеют уши. Дорогой Бэнкрофт, мы только что вас вспоминали.

— Видимо, мне подвластны такие силы, что и не снились профессору Месмеру,— улыбнулся в ответ Бэнкрофт.— Несколько секунд назад я сидел в малой гостиной, как вдруг интуиция подсказала мне, что меня ждут в этой комнате. И вот я нахожу, что вы, непривычно одетый для такого часа, уединились здесь со своими коллегами. По всему видно, что вы, джентльмены, перед появлением вашего секретаря вовсю плели свои хитрые интриги.

— Ничего подобного,— уверил его Франклин.— Мы играли в шахматы. Разрешите представить вам мистера Джефферсона. Он совсем недавно прибыл из Америки.

Бэнкрофт пожал протянутую для приветствия руку, и Франклин продолжил:

— Ну и конечно, вы знаете мистера Адамса. А сегодня за обедом к нам также присоединятся его жена и дочь; они только-только пересекли океан.

— И я уже имел удовольствие с ними познакомиться,— сообщил Бэнкрофт.

— Да, мое семейство решило приехать сюда пораньше,— объяснил Адамс.— Джон Куинси обещал прокатить Бенни, младшего внучка доктора, в двуколке мистера Джефферсона.

— Мой дорогой Бэнкрофт,— произнес Франклин,— поскольку у нас так много молодежи, будьте любезны, попросите слуг накрыть стол пораньше, откажемся сегодня от нашей

привычной двухчасовой трапезы. И да, пока вы не ушли, принесите ивовый отвар для мистера Джефферсона.

Удостоверившись, что Бэнкрофт удалился и не может подслушать, Адамс горячо обратился к Франклину:

— Вам не кажется странным, что этот ваш секретарь вдруг оказался под дверью в тот самый момент, когда в беседе всплыло его имя?

— Наш секретарь,— уточнил Франклин.— Ему платит Конгресс. И я не считаю странным, что, когда я сам как раз звонил, чтобы его позвать...

— Боже праведный! — вскричал Джефферсон, выглядывая из французского окна библиотеки.— Там какая-то скотина жует ваши драгоценные розы, а девка, которая на ней сидит, не может справиться с животным!

Джентльмены поспешили к окну. Посреди чудесного сада стоял белый мул, верхом на котором восседала женщина средних лет. Она изо всех сил дергала поводья, но упрямое животное и ухом не вело. Поняв, что так толку не будет, она яростно перекинула ногу через седло и легко, как мужчина, спрыгнула на землю. Сжимая в руке поводья, она сорвала с ближайшей клумбы целую охапку цветов и ткнула их в морду мула. Скотина моментально отвлеклась от роз на свежие цветы и тут же набила себе полный рот.

Франклин улыбнулся странной, многозначительной улыбкой и заявил:

— Пожалуй, я знаком с этой, как вы выразились, девкой. Чего не скажу, правда, о ее муле. И могу добавить — я сам имел возможность в том убедиться,— что эта дама ездила и на более достойных животных.— Видя изумленные лица приятелей, он весело захохотал и спросил Адамса: — Неужели вы не узнали ее?

Тот отрицательно помотал головой, и тогда Франклин пояснил:

— Это наша мадонна Отейская.

— Мадам Гельвециус? — догадался потрясенный Адамс.

Франклин кивнул.

— Жена философа! — воскликнул Джефферсон.— Но почему она одета, словно жена какого-то фермера?

— Ах, этих благородных разве поймешь, вы согласны? — Франклин развел руками.— У нашей очаровательной королевы Марии Антуанетты в дворцовом парке есть настоящая крестьянская ферма, и она играет там в бедную пастушку. Благодаря Руссо «натуралистические» идеи обрели немалую популярность.

Про себя же Франклин подивился, зачем Анне Катерине Гельвециус понадобилось являться в таком одеянии верхом на упрямом муле. Все это не сулило ничего хорошего.

Он наблюдал, как мадам Гельвециус ловко привязала мула к соблазнительному (с точки зрения животного) лимонному дереву с сочными зелеными листьями. Пока мул был занят едой, его хозяйка невообразимо быстрым шагом направилась прямиком к выходу из сада в гостиную, в которой, как упомянул Бэнкрофт, ждали остальные гости.

Что, черт возьми, было на уме у этой женщины, когда она прискакала сюда через сад, вместо того чтобы воспользоваться, как все нормальные люди, главными воротами? И где ее кучер? Где ее кабриолет? Судя по всему, ситуация требовала вмешательства Франклина, и немедленного.

— Джентльмены, на сегодняшнее утро достаточно. Мне нужно срочно идти,— сообщил он, потирая ногу, словно хотел утихомирить вечную подагру.— Почему бы не присоединиться к остальным, вы не против?

И, оставив своих несколько ошарашенных товарищей, Франклин, прихрамывая, покинул библиотеку.

Он не успел — по крайней мере, не успел предотвратить взрыв.

Хромая по ведущей из библиотеки длинной галерее с множеством зеркал и обширных окон, он слышал разносящийся эхом пронзительный крик, источник которого находился в гостиной. Франклин знал: так кричать может только Анна Катерина Гельвециус.

— O, mon Dieu, ou est Franklin? Et qui sont ces dames-là?*

Впереди раздался шум. Заговорили разом несколько человек, где-то открыли дверь, потом ее резко захлопнули, и на мгновение все стихло. Морщась от боли, Франклин продолжал шагать по коридору. Внезапно на него буквально налетела Анна Катерина Гельвециус. Растрепанная, в съехавшей набок дурацкой соломенной шляпке, она была настолько возбуждена, что едва не сбила Франклина с ног.

Он взял женщину за руки и промолвил:

— Мой ненаглядный друг...— Но прервался, учуяв исходящий от нее запах.— Какой интересный аромат... Мм, это какие-то новые духи?

Мадам Гельвециус одарила его яростным взглядом.

— Это платье моей доярки! Маскировка, понимаете? — Она постаралась говорить тише.— И еще этот дурацкий мул! Я сто часов тряслась на его спине. И в итоге здесь — полная комната женщин. Вы никогда не принимаете гостей так рано. И так много! Я совсем не хотела сюда вторгаться, но дело, мой друг, не терпит отлагательств...

— Напротив, любовь моя, вы всегда здесь желанный гость,— уверил ее Франклин.— Прошу, разделите с нами ранний обед.— Он еще раз с сомнением посмотрел на наряд мадам Гельвециус и весело продолжил: — Вот только, мадам, вынужден с прискорбием доложить, что у нас нет ни одной коровы, которую нужно подоить. Мы не планировали обедать на свежем воздухе.

— Canaille!** — воскликнула мадам Гельвециус, в притворном гневе топнув ногой.

— Мадам! Что за словечки? — нахально улыбаясь, упрекнул ее Франклин.

Однако после следующей фразы лицо доктора приобрело такое выражение, будто кроме привычной подагры о себе напомнили еще и камни в почках.

---

* О боже, где Франклин? И кто эти дамы? *(фр.)*

** Негодяй! *(фр.)*

— Это очень срочно.— Мадам Гельвециус перешла на громкий шепот, таясь от любопытных ушей.— Пришло послание.

— Послание! — Франклин едва не закричал в голос.— Тогда нас не должны здесь видеть...

В этот же миг вдалеке захлопнулась дверь библиотеки и по коридору застучали каблуки.

— Это мои друзья,— пояснил Франклин.— Что за послание?

— Оно зашифровано,— широко раскрыв глаза, громким шепотом произнесла мадам Гельвециус.

— Ну разумеется, зашифровано! — раздраженно бросил Франклин и от возбуждения потянул себя за спадающую на плечо косичку.— Говорите же!

Анна Катерина привстала на цыпочки и приблизила рот прямо к уху Франклина, обдав его при этом новой волной «ароматов» скотного двора, впрочем, не таких уж и противных.

— Брат Жак,— сообщила она.

Повисшую тишину нарушали только приближающиеся шаги: друзья месье Франклина вот-вот вывернут из-за угла и обнаружат их здесь, посреди коридора, шепчущихся, словно заговорщики.

— Может, имя? — еле слышно спросил Франклин.— Еще какой-то намек? Или только «брат Жак»?

— Нет-нет, мой друг,— в нетерпении выдохнула мадам.— Это песня.

— Послание — песня? — недоуменно уточнил Франклин.

Однако, когда мадам Гельвециус тихонько напела себе под нос первую строчку, он просиял.

— Ага, все понял. Очень мудро! — Он бесцеремонно хлопнул женщину пониже спины и добавил: — Поторопитесь. Отправляйтесь в гостиную через дальнюю дверь. Ждите меня там.

Мадам, быстро уяснив инструкцию, скрылась в восточном коридоре буквально за мгновение до того, как из-за угла показались Адамс и Джефферсон. Следуя по пятам за Франкли-

ном, они вошли в заполненную людьми гостиную, и в эту же минуту в дверях в противоположной стороне комнаты, едва дыша, появилась мадам Гельвециус. Присутствующие здесь гости и члены семейств — все повернулись поприветствовать Бенджамина Франклина. И хотя сердце его стучало в груди, точно индейский ритуальный барабан, он через всю комнату послал своей наперснице ободряющую улыбку. Он совершенно точно знал, что теперь делать.

Ле-Валентинуа
Полдень

Бенджамин Франклин обвел взглядом общество, собравшееся, как обычно, за столом на ежедневную послеполуденную трапезу из семи блюд за счет хозяина замка. Сегодня, правда, трапезу правильнее было бы назвать полуденной, хотя это вряд ли имеет особое значение.

За столом сидели люди, которым в скором времени предстояло стать олицетворением прошлого. Первым среди них был владелец этого роскошного замка и миллионер Донатьен ле Рэй де Шомон, маленький и толстенький человечек. У него были особенные причины здесь находиться — он никак не мог оправиться от возмутительного поведения американского Конгресса, который даже не думал расплачиваться с ним за оружие, поставленное ради нужд революции. Место рядом с де Шомоном занимала его красавица жена, по слухам, любовница (как утверждали, изредка) героя американского флота Джона Пола Джонса*. Ее соседом с другой стороны был революционный драматург Бомарше, автор великих произве-

* Джон Пол Джонс (1747–1792) — шотландский моряк. Начал службу в Военно-морском флоте Великобритании. Затем предложил свои услуги североамериканским колониям, ведшим с Англией войну за независимость. В описываемый период времени был капитаном Континентального флота, под его командой находилось несколько кораблей объединенной американо-французской эскадры. Впоследствии служил в России, стал здесь адмиралом, принимал участие в военных действиях во время русско-турецкой войны в 1788 году, был командующим Балтийским флотом.

дений «Женитьба Фигаро» и «Севильский цирюльник», человек, который больше, чем кто-либо, помог делу американской революции. Мадам Гельвециус устроилась между Франклином и Джоном Адамсом. По другую руку от Адамса восседала его жена Абигейл, которая была раздражена тем, что эта «мадонна Отейская», поддерживая свой дурацкий образ, запанибрата шутит и смеется с ее мужем.

Томас Джефферсон занял место на той половине стола, которую Франклин рассматривал как «будущее». Поблизости расположился семнадцатилетний Джон Куинси Адамс — он буквально боготворил великого соседа и внимал каждому его слову. Здесь же была и сестра Куинси, Абигейл-младшая — девятнадцатилетняя Нэбби Адамс,— которая, судя по всему, совершенно очаровала Темпла, двадцатидвухлетнего внука Франклина. Самым младшим из присутствующих был пятнадцатилетний Бенни Франклин Бэйк, еще один внук Франклина. Рядом с ним находился Эдвард Бэнкрофт, секретарь миссии и, по совместительству, шпион.

После того как подали первое блюдо и слуги удалились, Франклин возвестил зловещим тоном:

— Сейчас здесь собралось тринадцать человек. Дурное число, неизменно напоминающее нам о другой трапезе, когда сидящий во главе стола сказал: сегодня вечером один из вас отречется от меня и один из вас предаст меня.

Мадам Гельвециус украдкой кинула на Франклина суровый взгляд и решила резко сменить тему. Она с самой обворожительной улыбкой взяла ложку, вытащила из чашки с супом кусочек лангуста, положила на тарелку и сообщила гостям:

— В названии этого месяца нет буквы «р». Ни в коем случае не следует есть ракообразных в месяцы, в которых отсутствует буква «р»,— можно отравиться.

— Но, дедушка,— воскликнул Бенни Бэйк, совершенно проигнорировав тираду французской дамы,— ты действительно считаешь, что сегодня вечером кто-то от тебя отречется или предаст тебя? Даже если так, это не может быть ни один из присутствующих.

— Увы, дитя мое,— вздохнул Франклин,— но у меня есть причина думать именно так. И подкрепляет мои подозрения тот факт, что совсем недавно я получил зашифрованное послание...

Он умолк, поскольку мадам Гельвециус подавилась супом. Шомон схватил из буфета бутылку мадеры и, быстро обежав вокруг стола, плеснул вина в ее бокал. Мадам сделала несколько больших жадных глотков, так что семейство Адамс вытаращилось на нее с неподдельным интересом — никто из них не видел, чтобы женщина выпивала столько вина за один присест. Когда все вокруг немного успокоились, слово взял Джон Куинси Адамс.

— Доктор Франклин, мы все прекрасно понимаем, что зашифрованное послание должно содержаться в строжайшей тайне. Особенно если оно имеет отношение — как вы, судя по всему, полагаете — к одному из гостей. Если честно, меня ужасно занимают всяческие шифры и коды. И мистер Джефферсон тоже, как и вы, большой специалист в подобных делах. Он пообещал научить меня основам искусства шифровки, пока моя семья находится во Франции. Я был бы вам очень признателен, если бы вы могли ответить нам всего на два вопроса. Как вы узнали, что послание зашифровано? И удалось ли вам разгадать его?

Франклин с превеликим удовольствием поглощал суп из лангустов и, кажется, ничуть не беспокоился по поводу того, есть ли в названии месяца буква «р» или нет. Также не беспокоился он и по поводу своих болячек: подагры и камней в почках, которые он называл своими «песком и гравием».

— Я дам на оба твоих вопроса один ответ,— произнес Франклин, покончив с супом и положив ложку рядом с опустевшей чашкой.— Я знаю, что оно зашифровано, и знаю, какой в нем скрыт смысл, поскольку у меня есть ключ.

За столом возникло настоящее смятение, во время которого мадам Гельвециус улучила момент и довольно болезненно пихнула Франклина под ребра. Тот наклонился чмокнуть мадам в щечку и прошептал:

— Только молчите. Игра едва началась!

Она послушалась и закрыла рот.

— Сегодня вторник,— начал Франклин.— Многие из вас в курсе, что мадам Гельвециус, сидящая сейчас рядом со мной, вместе с мужем на протяжении долгих лет устраивала по вторникам философские салоны в их особняке в Париже. Также, возможно, вы слышали, что мадам является учредительницей элитной французской масонской ложи, знакомой многим по названию «Ложа девяти сестер». Эта организация, в которую я был посвящен и в которой имею честь быть гроссмейстером, также собирается по вторникам и оказывает массу полезных услуг Соединенным Штатам. Скажите, какой смысл мы можем придать этому конкретному дню недели?

— Это день древнескандинавского бога Тиу. По-французски это Марс, бог войны,— отозвался Куинси.

— Верно,— согласился Франклин.— Но есть и кое-что еще.

Вошли слуги, чтобы убрать пустые тарелки и принести чистые. На столе появились большие блюда с утятами, фуагра с трюфелями, перепелами, кроликом и тушеными бобами. Слуги наполнили бокалы и удалились, и только тогда Франклин поднялся и продолжил речь:

— Однажды, в ином месте и в иное время, я посетил заседание другого подобного клуба. Было это почти тридцать лет назад, в тысяча семьсот пятьдесят четвертом. Мне тогда пришлось оставить свой дом в Филадельфии и отправиться на юг. В те годы никто и вообразить не мог, что в один прекрасный день — и в не столь отдаленном будущем — мы, колонисты, восстанем против метрополии и создадим собственную республику. Собственно, на тот момент у нас было больше проблем с французами, которые пытались закрепиться в долине реки Огайо, а также с индейцами, которых французы поддерживали оружием и луизианским ромом. Спустя несколько лет молодой офицер по фамилии Вашингтон сделал первый выстрел во французско-индейской войне, которая впоследствии получила название Семилетней и в которую были втя-

нуты все европейские страны и даже Индия. А привела она в итоге к нашей революции. Так что тот выстрел с полным правом можно назвать выстрелом, который потряс мир. В январе пятьдесят четвертого я посетил встречу недовольных своим положением лидеров индейских народов, затем вернулся в родную Филадельфию и там выяснил, что получил должность помощника почтмейстера североамериканских колоний — важная, доложу я вам, должность. Поскольку очередная встреча вождей планировалась в Олбани только через несколько месяцев, я решил, что сейчас самое подходящее время проинспектировать почтовые отделения в южных колониях. Одним из наиболее важных пунктов в моем маршруте был Аннаполис, расположенный на берегу Чесапикского залива. Моя репутация как исследователя и изобретателя шла далеко впереди меня. Всего за несколько лет до описываемых событий мне удалось «приручить» молнию, поняв, как можно увести в землю ее заряд. Едва «Мэриленд газетт» поместила заметку о прибытии в этот шумный прибрежный город нового помощника почтмейстера, как на меня обрушился вал приглашений из политических, общественных и научных кругов. Но самым таинственным из всех было приглашение от группы джентльменов, которые не относились ни к одной из перечисленных категорий. Сами себя они именовали музыкантами-любителями. Большинство из них были выходцами из Шотландии, они собирались дважды в месяц, чтобы сочинять и исполнять музыку. Поскольку встречи их всегда проходили по вторникам, то они и нарекли свой кружок «Вторничным клубом».

На протяжении всего рассказа Франклина единственным звуком в комнате помимо его голоса был звон столовых приборов...

Вечер вторника, когда я впервые посетил собрание этого клуба, выдался мрачным и ненастным. У дверей меня приветствовал основатель клуба Александр Гамильтон — нет-

нет, он не имеет никакого отношения к нашему конгрессмену и герою войны*. Этот Гамильтон был уроженцем Эдинбурга и только недавно перебрался за океан. Вообще, Гамильтоны — одна из наиболее влиятельных фамилий в Шотландии. Вскоре мне представилась возможность узнать, какое значение имеет Шотландия в рамках всего грандиозного замысла.

Члены клуба — их имена я уже давным-давно позабыл — весь вечер исполняли забавные песенки. Всем нам дали тайные имена. Так, я получил имя Электрико Витрифико — за то, что открыл способ увести в землю всю силу молнии. У них имелась стеклянная гармоника**, сделанная по придуманному мной образцу, и они играли на ней чудесные мелодии. Потом был ужин, за которым в изобилии подавали спиртные напитки, а в промежутках присутствующие распевали коротенькие масонские песенки. Поскольку в тридцатые годы я сам стоял у истоков филадельфийской ложи, то сразу же понял, что нахожусь среди братьев, и потому ощущал себя очень комфортно. Нет ничего сильнее, друзья, духа товарищества!

Было очень поздно, и большинство юных джентльменов уже разошлись по домам, когда я остался наконец наедине с кучкой наиболее приближенных к Гамильтону братьев. Вот тогда-то я и сформулировал самый важный вопрос: ради какой же песни вы сегодня меня пригласили?

---

* Александр Гамильтон (1757–1804) — выдающийся государственный деятель и первый министр финансов США. Участник Войны за независимость, был личным адъютантом главнокомандующего американской армией Джорджа Вашингтона. Погиб на дуэли.

** Стеклянная гармоника — редкий музыкальный инструмент, состоит из стеклянных полусфер различного размера, нанизанных на металлический стержень, укрепленный в ящик-резонатор с водой и уксусом таким образом, что сферы погружены в него лишь наполовину. Известна в Европе с середины XVII века. Первоначально играли на тридцати — сорока стаканах, прикасаясь к краям которых исполнитель извлекал необычные, неземные звуки. Именно Франклин заменил стаканчики полусферическими чашечками, нанизанными на железный вал. Нижний край чашечек погружался в корытце с водой и при вращении вала, приводимого в движение педалью, равномерно увлажнялся. Прикосновение пальцев к влажным краям чашечек порождало нежный, приятный звук.

Члены клуба, судя по всему, чрезвычайно обрадовались моему вопросу. Они все по очереди вставали и пели а-капелла знакомый мне канон, имеющий старинное происхождение. Первый куплет на французском, второй на английском. Вот эта песня:

Frère Jacques, Frère Jacques,
Dormez-Vous? Dormez-Vous?
Sonnez les Matines, Sonnez les Matines,
Din-Dan-Don, Din-Dan-Don...

Брат Иоанн, брат Иоанн,
Ты спишь? Ты спишь?
Звонят утренние колокола,
звонят утренние колокола.
Дин-дин-дон, дин-дин-дон.

Заканчивая свою часть песни, каждый из братьев садился на место; наконец остался один-единственный брат. Когда же и он пропел последнюю строчку «Дин-дин-дон, дин-дин-дон» и сел, все присутствующие в немом ожидании уставились на меня. Был слышен лишь стук дождя по крыше. И я заговорил:

«Простенькие песенки вроде этой, джентльмены, издавна использовались с целью передать через века и расстояния скрытое послание. В случае с этой песней, "Брат Жак", как мне кажется, речь идет о послании, которое было сокрыто на протяжении сотни лет, а то и больше. Здесь мы имеем дело не только с тайной, но и, возможно, с конспиративным заговором. Слово "конспиративный" происходит от латинского "conspirare", что означает "дышать вместе". Это, в свою очередь, намекает на тайну, которую даже нельзя произносить громко, лишь шепотом. Но я думаю, что мне все же удалось постичь смысл вашей миссии, братья, и я готов помочь вам всем, чем смогу».

После моих слов присутствующие зааплодировали, затем стали по очереди подходить ко мне для «братского» рукопожатия. Когда же все разошлись, Гамильтон предложил отвезти меня домой в своем экипаже. Мы ехали, и окружающую

тишину нарушало только цоканье лошадиных копыт по брусчатке. Несмотря на то что на дворе была зима, в воздухе ощущался свежий морской запах.

Я сидел и смотрел в окно на окутывающую нас бархатистую черную ночь. «Дорогой мой доктор,— так обратился ко мне Гамильтон.— Все же мне бы хотелось убедиться, что вы действительно поняли все, что мы хотели вам сообщить, исполнив эту старую детскую песенку»

«Что ж, думаю, я понял,— ответил я.— Вы спели мне очаровательную французскую песенку, но со скверным английским переводом. Наверное, мне не стоит обращать ваше внимание на то, что имя Жак переводится на английский вовсе не как Иоанн, а как Иаков. А слово "matins" вовсе не означает "утренние колокола" — это канонический час, признаваемый как католиками, так и англиканцами. Это призыв к молитве, так называемой заутрене, совершаемой глубокой ночью, вскоре после полуночи.

Брат Иаков,— продолжил я свои рассуждения,— это не кто иной, как старший брат Иисуса в Священном Писании. Тот самый Иаков, который основал первую кельтскую церковь в Испании (испанцы называют его Сант-Яго, то есть Святой Иаков), а также те старинные приходские церкви во французских Пиренеях*.

В вашем клубе ведь большинство членов по происхождению шотландцы, верно? Сдается мне, что шотландская корона может сравниться только с одной великой и древней ди-

---

* Автор (или Франклин) спутал двух библейских персонажей и их деяния. 1. Святой Иаков — апостол из числа семидесяти, первый епископ Иерусалима, был сыном Иосифа от первого брака и, следовательно, приходился единокровным братом Иисусу Христу (существуют и другие версии его родства с Иисусом). Принял мученическую смерть около 62 года: был сброшен иудеями с крыла Иерусалимского храма и побит камнями. 2. Святой Иаков, сын Зеведеев, брат святого евангелиста Иоанна Богослова. Проповедовал в тогдашней римской провинции Испании. В 44 году внук Ирода Великого, царь Агриппа, люто ненавидевший христиан, приказал схватить Иакова и отрубить ему голову. После свершившейся казни ученики тайно положили тело Иакова в лодку, которая после длительного плавания, хранимая сенью ангельских крыл, чудесным образом пристала к испанскому

настией, той, с которой члены шотландских королевских фамилий неоднократно вступали в браки. Я имею в виду французскую корону. Так, двести лет назад Мария де Гиз вышла замуж за шотландского короля, и от их союза родилась Мария Стюарт, королева Шотландии, которая, в свою очередь, стала супругой наследника французского престола. И конечно, нельзя не вспомнить сына Марии Стюарт, Иакова Шестого Шотландского, который сменил на английском престоле королеву Елизавету и стал королем Яковом Первым Английским».

В темной карете я повернулся к Гамильтону и прибавил:

«Принимая во внимание канон, надо полагать, что речь идет об Иакове, существовавшем реально, я прав?»

«Да,— тихо подтвердил Гамильтон,— именно так».

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять смысл этого послания. Но кроме того, оно намекало и на иное, скрытое до поры значение. «Вторничный клуб» просил меня, как брата, о помощи в час, когда она потребуется...

Присутствующие жадно ловили каждое слово Франклина. А он все говорил:

— Послание, содержащее текст той же самой песни, было доставлено мне из Шотландии не далее как сегодня утром. Я сразу же уловил его смысл, поскольку почти тридцать лет

берегу. Там благочестивые христиане, нашедшие священные останки апостола, перенесли их в город Ириа Флавиа (современный Эль-Падрон). На протяжении нескольких последующих веков судьба мощей была скрыта завесой тайны. Но пришло то время, когда они были вновь обретены. Некоему благочестивому отшельнику по имени Пелайо было явлено чудесное видение, а пастухи, увидевшие звезду, стоявшую в небе, указали Пелайо место их нахождения. Саркофаг с телом святого был найден именно в том месте, над которым светила звезда. Город же, основанный здесь спустя некоторое время, получил название Компостела, что в переводе с латинского означало «поле звезды» (ныне Сантьяго-де-Компостела). Есть, впрочем, и другие версии, объясняющие связь Иакова Зеведеева с Испанией.

назад получил предупреждение от членов шотландского клуба, и вот сегодня то, о чем они предупреждали, случилось. Всем вам, друзья, известно, что вот уже более сотни лет шотландцы ведут непрерывную борьбу с целью изгнать с английского трона ганноверских узурпаторов* и восстановить шотландскую королевскую династию — со времен английской гражданской войны и до восстания Красавчика принца Чарли** (сына последнего короля Иакова), который предпринял попытку силой вернуть престол всего за девять лет до моей поездки в Аннаполис!

На мгновение Франклин прервал рассказ, обвел глазами комнату и гостей, а затем продолжил:

— Глубинное значение этой детской песенки заключалось в том, что мои друзья-масоны из Аннаполиса были посвящены в тайный и древний масонский обряд, известный лишь в Шотландии. Одни называют его обрядом Строгого Послушания, другие — обрядом Килмарнока, по имени графа Килмарнока, который был его основателем. Графа казнили почти сто лет назад за участие в восстании, ставившем целью рестав-

---

* В 1714 г. после смерти бездетной королевы Анны Стюарт (из шотландской королевской династии) встал вопрос о наследнике престола. Формально престол должен был перейти брату Анны Иакову III Стюарту, который жил в эмиграции и оставался верным католичеству. Но согласно Акту о престолонаследии, принятому английским парламентом в 1701 году, королем Великобритании мог быть только протестант. Иаков III отказался переходить из католической церкви в англиканскую, и поэтому на трон был призван праправнук Иакова I, ганноверский герцог Георг, как самый близкий протестантский родственник дома Стюартов. В Великобритании воцарилась Ганноверская династия.

** Красавчик принц Чарли (Карл Эдуард Стюарт, «молодой претендент», 1720–1788) — сын Иакова III (который на самом деле не был королем; королем Великобритании его признал только французский король Людовик XIV). В 1745 году, высадившись в Шотландии, возглавил отряды своих сторонников и двинулся на юг Англии, намереваясь вернуть утраченный престол. 16 апреля 1746 года в битве при Куллодене войска восставших были разгромлены превосходившей их по численности английской армией, сам принц Чарли вынужден был бежать за границу.

рацию династии Стюартов*. Члены «Вторничного клуба» понимали значение песни «Брат Иаков» и, судя по всему, были готовы довести дело до логического завершения. Как, возможно, готовы и сегодня. Но многие ли представляют себе,— обратился к присутствующим Франклин,— что тот самый Красавчик принц Чарли, Карл Эдуард Стюарт, который заявляет права на британский престол, живет всего лишь в нескольких километрах от этого самого места? Да-да, в Сен-Жермен-ан-Ле, по дороге из Парижа в Версаль**. Там Стюарты под защитой Бурбонов обитают вот уже сто лет, с тех пор как были свергнуты с британского трона.

— Но вы же не хотите сказать,— с негодованием воскликнул Джон Адамс,— что с этими изгнанниками Стюартами все еще следует считаться в европейской политике?

— В европейской — нет,— ответил Франклин.— Я говорю об Америке, которая приобретает все больший вес в мире. В нашей едва вставшей на ноги стране нет настоящего лидера. Нет главы государства. Генералу Вашингтону — его кандидатура получила всеобщее одобрение — трижды, как и Юлию Цезарю, предлагали принять королевский титул, и трижды он отказался. Он, конечно, великий человек, но жена никак не может родить ему наследника, а ее собственный отпрыск ни на что не годен. Сможет ли он стать родоначальником достойной династии, способной вести нашу страну к процветанию?

— Династии? — Адамс не сдержал пыла и встал.— За что же мы тогда сражались? Сэр, вы не сошли с ума?

— Оглянитесь вокруг, мой друг,— спокойно произнес Франклин.— Назовите мне хоть одну страну на любом континенте, где не соблюдается порядок наследования. Что же может ожидать наше государство? Короли имеют дело с коро-

---

* Уильям Бойд, 4-й граф Килмарнок, был казнен за участие в вышеупомянутом восстании в 1746 году, т. е. не «почти сто лет назад», а всего лишь тридцать восемь.

** После неудачи восстания 1745–1746 гг. Карл Эдуард Стюарт жил в изгнании в Италии.

лями. И Вашингтон это прекрасно понимает, поэтому он и послал тайную делегацию выяснить: готовы ли Стюарты? Мое послание означает, что Стюарты готовы, что их корабль отходит от берега в час заутренней службы, то есть вскоре после полуночи. Сегодня ночью! Они направляются в Америку, и там их с радостью встретят посвященные в обряд Килмарнока.

Адамс бормотал что-то неразборчивое, хватаясь за руку супруги, а молодые люди в возбуждении вскочили на ноги.

— Это чудовищно! — наконец выкрикнул Адамс в лицо Франклину.— Увидимся завтра, сэр. Надеюсь, вы к тому времени хорошенько поразмыслите.

Франклин церемонно поклонился, и Адамсы удалились.

Взяв под руку мадам Гельвециус, Франклин проследовал в гостиную, чтобы, как обычно, попрощаться с гостями и скрыться в спальне для послеполуденного сна. Проходя мимо окна, он обратил внимание, что французы (хозяева замка Шомоны и драматург Бомарше) ведут в саду оживленную беседу с секретарем американской миссии Бэнкрофтом. Через мгновение Бомарше вернулся в дом — остальные гости еще продолжали собираться,— взял Франклина за руку и отвел в сторону.

— Послушайте, дорогой доктор,— начал обескураженный драматург,— мы все находимся под впечатлением. Хотя никто и не считает, что шотландский король будет подходящим главой для американского государства, но, если все выгорит, это произведет фурор. Вы упомянули, что полученное вами послание намекает на присутствие среди нас шпиона. Неужели вы сделали такое заключение из простой детской песенки?

— О, это была просто уловка,— отозвался Франклин.— Видите ли... мне известно, кто шпион! Даже после свершившейся революции, боюсь, в наших рядах еще остались англоманы. Я несколько раз добивался, чтобы этого джентльмена отзывали в Америку, но наш Конгресс с таким же упорством неизменно отправляет его обратно. И я вовсе не удивился, когда сегодня он так поспешно оставил наше общество — несомненно, чтобы немедленно отправить сообщение своим друзьям по ту сторону Ла-Манша.

— Вы имеете в виду Адамса? — прошептал изумленный Бомарше.

— Прошу вас, никому об этом ни слова,— сказал Франклин, затем обернулся к стоящей неподалеку мадам Гельвециус.— Дорогая, сыграем партию в шахматы перед сиестой?

Полночь в садах Ле-Валентинуа

«Как же прекрасны эти сады ночью!» — с восторгом подумал Франклин. Канонический час! Он тихонько рассмеялся, радуясь собственной хитрости.

Полночь — наилучшее время для прогулок. Августовское небо над головой усыпали мириады сияющих звезд. Легкий ветерок шумел в кронах цитрусовых деревьев. Многочисленные пруды и фонтаны купались в молочно-белом лунном свете. Вдалеке, извиваясь, словно змея из жидкого серебра, текла Сена.

Разве можно вообразить, что от этой воистину волшебной страны буквально рукой подать до шумных парижских улиц? Франклин понимал, что ему крайне повезло оказаться гостем у такого человека, как Шомон. Конечно, он был сущим мошенником в том, что касалось денег и всяческих интриг, но все же далеко не самым худшим из себе подобных.

Не отрывая глаз от окружающей красоты, Франклин взял под руку идущую рядом мадам Гельвециус и сделал ей комплимент:

— Мой друг, сегодня вы были великолепны. Я говорю не только о доблести, проявленной вами в шахматной партии, но и о вашей способности к интригам.— Он остановился и принюхался к одежде спутницы.— Ах, я уже так привязался к этому аромату. Мы могли бы как-нибудь пригласить вашу доярку в мой будуар на послеполуденную чашечку чая?

— Vieux cochon*,— притворно осуждающим тоном заявила мадам, но тут же напряглась, посмотрев через ограждение

* Старый развратник *(фр.)*.

в нижние сады.— Мне казалось, все давно уже разошлись. Кто это вон там, возле пруда?

Далеко внизу, на краю круто обрывающегося в Сену утеса, Донатьен ле Рэй де Шомон разместил большой восьмиугольный пруд со знаменитым водяным карильоном, отбивающим часы. Сейчас на самом берегу в густой тени сидели, плечом к плечу, два человека.

— А, это Джефферсон и Джон Куинси Адамс,— объяснил Франклин.— Я попросил их остаться и подождать меня здесь, чтобы полюбоваться зрелищем. Родителям мальчика передали, что он заночует в городской квартире Джефферсона. Давайте, дорогая, спустимся к ним.

— Но разве не опасно вовлекать посторонних? — засомневалась мадам Гельвециус.

— Не опаснее игры в шахматы,— заметил Франклин,— и, кстати, очень занятно. Юный Куинси жаждет научиться искусству шифровки и дешифровки. Когда, если не сегодня, представится лучшая возможность?

Увидев приближающихся Франклина и его спутницу, Джефферсон и Адамс-младший встали их поприветствовать.

— Доктор Франклин,— подал голос Куинси,— я думаю, нам удалось проникнуть почти во все тайны вашего шифра и у мистера Джефферсона даже прошла головная боль. Однако у нас осталось еще несколько вопросов.

— Разгадали мой шифр? — оскалил зубы Франклин.— Что ж, расскажите, а я послушаю.

Джон Куинси оглянулся на Джефферсона, и тот кивком дал молодому человеку свое согласие.

— Прежде всего обратим внимание на способ, каким мадам Гельвециус доставила послание,— переполняясь гордостью, произнес Куинси.— Она пыталась сделать это втайне. Когда же ее узнали, вы сообщили всем, что получили послание. Но чтобы сбить шпиона с верного следа, вы привлекли всеобщее внимание к французской части песенки, тем самым отвлекая от английской части: «Брат Иоанн, брат Иоанн, ты спишь, ты спишь?» И тогда послание приобретает совершенно иной смысл.

— Ну-ка, ну-ка, и что же оно тогда означает? — осведомился Франклин с довольной улыбкой.

— Ключевое слово здесь — «брат»,— продолжал Куинси.— Так приветствуют друг друга масоны. Они отвергают всяческие титулы, поскольку полагают всех людей равными, вне зависимости от их происхождения. Затем мы имеем повторяющиеся строчки «Брат Иоанн, брат Иоанн». Они отсылают нас к двум святым покровителям братства вольных каменщиков: святому Иоанну Крестителю и святому Иоанну Евангелисту, коих чествуют соответственно в дни летнего и зимнего солнцестояния. Следовательно, это послание предназначено для масонов, но не только шотландских. А строчки «Ты спишь» и «Уже звонят утренние колокола» будут иметь значение «Пробуждайтесь, братья!». Боюсь, это все, что нам пока удалось расшифровать.

— Превосходно! — похвалил молодого человека Франклин.— Вы отлично потрудились.

— Но, дорогой мой доктор,— вступил в беседу Джефферсон,— мы так и не знаем истинного смысла послания шотландских масонов. Ведь если, как вы утверждаете, в нашем окружении действительно скрывается шпион, представляете, в какое изумление придут многие из сторонников англичан по эту сторону Ла-Манша, услышав вашу невероятную историю? «Красавчик принц Чарли в ранний утренний час отплывает за океан, чтобы стать первым императором Соединенных Штатов!» Вы думаете, хоть кто-нибудь примет это на веру?

— Я надеюсь. Надеюсь, потому что это до некоторой степени правда. Я лично был посвящен в обряд Килмарнока вскоре после того памятного вечера в Аннаполисе. Это случилось в тысяча семьсот пятьдесят девятом году, когда я отправился в расположенный на шотландском побережье университет Сент-Эндрюс получить почетную докторскую степень. У Красавчика принца в Шотландии до сих пор огромное количество сторонников, так же как и в Америке. Хотя, конечно, в их число не входят ни генерал Вашингтон, ни я и мои братья масоны. Прибытие в наше молодое государство настоящего

принца крови сейчас может принести одни лишь несчастья. Прошло всего несколько лет после революции, еще не до конца сформировалось государственное устройство, мы еще имеем множество различных группировок, которые постоянно цапаются друг с другом, словно глупые гуси. Отсюда и такая срочность со стороны шотландских масонов. Что может быть лучше, чем справиться с проблемой до того, как она появилась? И когда еще представится шанс навешать лапши на уши королю Георгу Третьему и британской секретной службе? От мысли, что трон его бывших владений займет не кто-нибудь, а шотландский король, у Георга волосы на парике встанут дыбом!

— То есть одно зашифрованное послание было скрыто внутри другого,— заключил Куинси.— Король мчит к берегам Америки, а братство вольных каменщиков должно пробудиться и ответить на зов.

— Да,— подтвердил Франклин,— это наш традиционный способ сохранить тайну: один пласт скрыт внутри другого, а внутри первого таится еще один.

— Но кто же должен справиться с этой задачей? — нетерпеливо спросил Джефферсон.— Кто тот шпион, который сегодня после обеда передал ваше послание британцам?

— Боюсь, мне пришлось намекнуть на другого человека, но необходимо было отвлечь внимание от настоящего шпиона,— сказал Франклин.— И я выбрал на эту роль вашего отца, Куинси. Простите меня великодушно за такую вольность. На самом деле это наш секретарь Эдвард Бэнкрофт. Мы давно следили за ним. Каждый вторник вечером он покидает Ле-Валентинуа и направляется в сад Тюильри в самом сердце Парижа*. Там в половине двенадцатого под покровом темноты он кладет в дупло старого дуба пакет с бумагами. В них содержатся все сведения, которые он собрал в Ле-Валентинуа за неделю. Британская разведка платит ему пятьсот фунтов в год, ну а мы, в свою оче-

* Тюильри — сад в центре Парижа. На его территории располагался дворец, бывший частью комплекса зданий Лувра и служивший одной из резиденций французских королей. Центральная часть дворца сгорела при пожаре 24 мая 1871 года.

редь, платим, чтобы он шпионил за ними. Только так мы можем быть уверены в том, что в Британии получают именно ту информацию, которую им положено знать. Когда, дорогой Джефферсон, вы замените меня во главе этой миссии, советую вам не отказываться от услуг Бэнкрофта. Он будет очень полезен!

Джефферсон скромно потупился и улыбнулся.

— Моя любимая фраза: я могу стать только вашим преемником, но не заменить вас. Теперь мне известно, что вы, ко всему прочему, еще и мастер французского искусства шпионажа. Но если послание было предназначено для того, чтобы британцы бросились расстраивать якобы существующий якобитский заговор, кое-что остается непонятным. С какой целью вы пригласили нас сегодня ночью на берег пруда?

В эту минуту колокола знаменитого карильона начали отбивать полночь. Когда звон стих, Франклин ответил Джефферсону:

— С какой целью, спрашиваете? Чтобы присутствовать на приеме мадонны Отейской, конечно же!

Мадам Гельвециус, которая все это время молча взирала на бегущую внизу реку, произнесла:

— «Ложа девяти сестер». Посвященные собираются, когда карильон пробьет полночь.

И тут из окутывающей реку густой тени появилась длинная лодка. Девять крепких мужчин на веслах направляли ее к залитому лунным светом причалу.

— Девять муз и карильон, исполняющий мелодию в ми-бемоль мажоре,— пояснил Джефферсону Франклин.— Вот она — недостающая часть шифра, которую вы пытались найти с юным Джонни. В обеих версиях нашей песенки имеются три удара колоколов, три повторяющиеся ноты: дин-дан-дон и дин-дин-дон. Три эти ноты символизируют масонский код — число «три». Наши песни всегда написаны в ми-бемоль мажоре и содержат при ключе три бемоля; и сама нота «ми», или, по-латыни, Е,— она ведь третья по счету в октаве. Двойное повторение ударов колоколов — три и три — дает нам три в квадрате, то есть девять, число, входящее в название ложи мадам

Гельвециус. Ложи, посвященной девяти музам, ложи, члены которой предаются размышлениям*.— Франклин рассмеялся и прибавил: — И наконец, как и в каждом шифре, здесь есть еще один, последний штрих, который раскрывает смысл всего остального.

Джефферсон подошел к мадам Гельвециус и тоже посмотрел вниз, где мужчины привязали лодку к причалу и теперь высаживались на берег. Несмотря на весьма теплую ночь, они были облачены во все черное. Некоторое время возле пруда стояла тишина, которую нарушил Джефферсон, сказавший всего одно слово:

— Вторник.

— Точно! — воскликнул изумленный Франклин.— Но что навело вас на эту мысль?

— И что сие означает? — поинтересовался, чуть дыша, Куинси.

— Послание не содержало информацию о том, что должно будет случиться во вторник,— напомнил молодому человеку Джефферсон,— и оно не о вторнике. Нет! Оно имеет в точности тот смысл, который вложили в него братья уважаемого доктора из Аннаполиса. Послание означает «вторник».

— Ah, oui!** — понимающе отозвалась мадам Гельвециус.— День огня.

— Вторник,— продолжил Джефферсон,— в календаре древних был посвящен огню. В греческих Дельфах некогда находился храм огня, святилище Аполлона, солнечного бога. Число «три» образует треугольник, или пирамиду, то есть это можно понимать как «храм огня». Известно много музыкальных звукорядов, содержащих три бемоля или диеза, но над входом в храм Аполлона в Дельфах было вырезано именно Е, о котором недавно упомянул доктор Франклин. Знак этот настолько древний, что никто до сих пор не смог разгадать его значение...

---

* Игра слов: в английском языке слово «muse» имеет значения и «муза», и «размышлять».

** О да! *(фр.)*

— И не забывайте,— вмешалась мадам Гельвециус,— что французская королевская династия ведет свое происхождение от «короля-солнце»*. Но к сожалению, свет этот сияет далеко не так ярко, как прежде. Возможно, пришло время заменить его новым пламенем.

— Боже милосердный! — не сдержал крик Джефферсон.— Да вы же оба говорите о революции! О революции во Франции! В Европе! Вторник действительно подразумевает огонь, и, кроме того, это день Марса, бога войны!

— Боюсь только,— заметил Франклин,— что я уже слишком старый революционер. Знаете ведь фразу: «Едва все закончится, мы должны исчезнуть, ибо огонь, который служит уничтожению, не может созидать». Но ваш разум, мой благородный друг и коллега, полон огня, он даже окрасил ваши волосы в огненно-рыжий цвет.— Он похлопал Джефферсона по плечу.— Не забывайте, мой друг: три стука, три удара колокола, три точки, образующие треугольник. Четыре треугольника образуют огненную пирамиду. Грядет великий пожар. Фитиль уже зажжен! А теперь пойдемте присоединимся к нашим друзьям, и пусть бог Марс защитит нас всех.

Франклин и мадам Гельвециус направились к причалу. Обернувшись к Джефферсону, Франклин прибавил:

— Когда вы сами станете «королем-солнце», а это может случиться скорее, чем вы думаете, не останавливайтесь ни на мгновение во время переправы через огненную реку Стикс. Просто помните, что, пока вы в состоянии напеть простенький мотивчик, вы всегда можете призвать на помощь друзей.

На этом Франклин взял под руку мадам Гельвециус, и они стали спускаться по каменным ступеням, и весь путь до причала они пели песню «Брат Жак».

---

* «Король-солнце» — прозвище французского короля Людовика XIV из династии Бурбонов (1638–1715). Царствовал 72 года — дольше, чем какой-либо другой европейский монарх.

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд

Главный герой рассказа «На рыбалку» — один из любимых персонажей Престона и Чайлда, лейтенант Винсент д'Агоста из полицейского департамента Нью-Йорка. Он родился в рабочей семье в Квинсе, а сердце у него огромное, как Вселенная. Д'Агоста впервые появляется на страницах романа «Реликт» — дебютного совместного романа тандема Престон—Чайлд,— где составляет компанию другому их популярному персонажу, специальному агенту ФБР Пендергасту. В сценарии фильма, снятого по роману кинокомпанией «Парамаунт», места Пендергасту не нашлось, так что Винсент д'Агоста (его роль исполнил Том Сайзмор) оказался главным и единственным героем. Это были, образно выражаясь, пятнадцать минут славы лейтенанта, после чего в жизни его уже не происходило столь ярких событий.

Д'Агоста еще появляется в романе «Реликварий», продолжении «Реликта», а затем исчезает на целых шесть лет (и на пять романов). После того как ему не удалось получить звание капитана, д'Агоста разочаровался в своей профессии, вышел в отставку и вместе с семьей перебрался в маленький городок в Британской Колумбии, чтобы осуществить давнюю мечту: писать криминальные романы. Он опубликовал две высоко оцененные критиками книги, которые, увы, не

привлекли внимания читателей. В жизни бывшего лейтенанта началась черная полоса: он лишился всех денег и развелся с женой. Доведенный до отчаяния, он решил вернуться в Нью-Йорк и поступить обратно в полицейский департамент, но обнаружил, что сотрудников туда не принимают. В итоге он стал скромным сержантом в городке Саутгемптон на Лонг-Айленде, где ему приходилось гоняться за нетрезвыми тинейджерами и отлавливать бродячих собак. Спокойной рутине настал конец, когда в особняке в Саутгемптоне, принадлежащем одиозному художественному критику Джереми Гроуву, обнаружили обгоревший труп хозяина. Блестяще проведенное расследование (в котором принимал участие и старый друг д'Агосты, специальный агент Пендергаст) позволило Винсенту вернуться в полицейский департамент Нью-Йорка. Эти события освещены в романе Престона и Чайлда «Огонь и сера».

«На рыбалку» — первый совместный рассказ Престона и Чайлда (до того они писали только романы), а также первое их произведение, где лейтенант д'Агоста действует один, без агента Пендергаста. Рассказ начинается с похищения бесценного жертвенного ножа инков из Музея естественной истории и заканчивается двадцать четыре часа спустя леденящей душу сценой на одинокой поляне посреди лесов на севере Нью-Гемпшира.

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд

НА РЫБАЛКУ

Шелестя шинами по скользкой дороге, «форд таурус» забрался на вершину холма и вырвался из леса на простор. Внизу неожиданно раскинулась бескрайняя панорама ферм и зеленых полей; к берегу реки, несущей темные воды в океан, прилепился городок, весь из одинаковых белых домиков с возвышающейся над ними колокольней.

— Ограничение скорости — сорок пять миль в час,— нервно сообщил Воффлер.

— Не дергайся, приятель,— отозвался Перотта.— Я родился за рулем.

Он посмотрел на плотника: у того было совершенно белое лицо, а педерастическая серьга в левом ухе (золотое кольцо с красным камушком) вся прямо подергивалась — так он был возбужден. Воффлер своим нытьем начинал действовать Перотте на нервы.

— Я не беспокоюсь из-за того, как ты водишь машину,— ответил Воффлер,— а боюсь, как бы нас не остановили за превышение скорости. Понимаешь, о чем я?

И он многозначительно кивнул на лежащий между сиденьями бархатный чехол.

— Ладно, ладно.— Перотта сбросил скорость до пятидесяти, и машина, спустившись с холма, покатила к городу.— Хочешь ненадолго остановиться?

— Я бы чего-нибудь съел. Время обедать.

Ресторанчик отыскался на окраине города — судя по всему, в этом здании раньше размещалась заправочная станция. На замусоренной парковке стояли шесть небольших грузовиков.

Copyright © 2006 by Splendide Mendax, Inc.

— Добро пожаловать в Треснувшую Задницу, штат Нью-Гемпшир,— провозгласил Перотта.

Они вылезли из «форда» и устремились к входу в ресторанчик. В дверях Перотта задержался и изучил посетителей в зале.

— Их здесь выращивают таких здоровых, что ли? Или это из-за кровосмешения, как считаешь?

Они устроились возле окна, чтобы иметь возможность присматривать за машиной. Переваливаясь, словно утка, подошла официантка.

— Что вам предложить, ребята? — спросила она с улыбкой.

— Как насчет меню? — уточнил Перотта.

Улыбка моментально исчезла. Официантка кивнула на стену.

— Все написано здесь.

Перотта изучил грифельную доску.

— Мне чизбургер с картошкой фри и немного жареного лука. Мясо чтоб было чуть сырым. И кофе.

— Мне то же самое,— заявил Воффлер.— Только бургер как следует прожарить. И никакого лука.

Так же вперевалку официантка отправилась выполнять заказ. Перотта проводил ее глазами и, когда она шла мимо кабинки в дальнем конце зала, увидел, что на него уставился мужчина в майке-безрукавке, покрытый татуировками и с могучими бицепсами. При взгляде на него в голове сразу возникали мысли о тюрьме.

Перотта хотел было поиграть с качком в гляделки, но, подумав, решил, что сейчас для этого не самое подходящее время, и повернулся к своему приятелю.

— Воффлер, мы сделали это,— негромко произнес он.— Черт меня побери, мы сделали это!

— Мы ничего еще не сделали,— остудил его пыл Воффлер.— Не говори об этом здесь. И не называй меня по имени.

— Да кто тут будет слушать? Как ни крути, мы в нескольких сотнях миль от Нью-Йорка, и никто пока даже не заметил, что он пропал.

— Нам это неизвестно.

Некоторое время они молчали. Татуированный бугай зажег сигарету, и никто не сделал ему замечание. Через несколько минут явилась официантка с чизбургерами.

Перотта по заведенной привычке проверил свой бургер.

— Я просил чуть сырой. Чуть сырой! А это что?

Не издав ни звука, официантка взяла тарелку и удалилась на кухню. Перотта заметил, что татуированный все еще пристально на него смотрит.

Вернулась официантка с новой тарелкой. Перотта снова проверил мясо, и снова оно оказалось пережаренным. Он начал отчитывать официантку, но Воффлер схватил его за рукав.

— Ты будешь есть, наконец?

— Но бургер недостаточно сырой.

Воффлер наклонился над столом.

— Ты что, на самом деле хочешь устроить здесь скандал, чтобы нас все запомнили?

Немного пораскинув мозгами, Перотта пришел к выводу, что приятель, вероятно, прав. Он безропотно сжевал бургер и выпил кофе. Голод давал о себе знать — они отправились в путь сразу после рассвета и остановились только раз на заправке, где съели по шоколадному батончику.

Они расплатились, причем Перотта не оставил официантке ни цента чаевых. Не из жадности — это было делом принципа. Неужели так трудно приготовить не сильно прожаренный бургер?

Приятели уже сели в машину, когда в дверях ресторана возник давешний бугай и устремился прямо к ним. Подойдя к «форду», он оперся рукой на открытое стекло с водительской стороны.

— Какого черта тебе нужно? — поинтересовался Перотта.

Татуированный улыбнулся. Вблизи Перотта разглядел на его шее прямо под кадыком старый шрам, оставшийся от трахеотомии. Зубы у бугая были цвета мочи.

— Просто хотел пожелать вам счастливого пути. И еще дать маленький совет,— любезно сказал он, перекатывая во рту зубочистку.

— И что же за совет?

— Не приезжайте больше в наш город. Никогда.

— Очень нужно! Тухните себе в своем Дерьмовилле, или как там вы называете эту вонючую дыру.

Перотта ударил по газам, и «форд» пулей вылетел со стоянки, обдав татуированного тучей пыли и мелких камешков. Перотта посмотрел в зеркало заднего вида: бугай яростно отряхивал руки и, кажется, не собирался бросаться следом за обидчиками.

— Какого черта ты каждый раз устраиваешь шоу имени себя любимого? — сердито спросил Воффлер.— Теперь в этом городке есть аж два человека, которые даже через несколько месяцев без труда опознают наши физиономии.

— Да кто вообще узнает, что мы были в этом дерьмовом городишке?

Воффлер только головой покачал.

Дорога снова нырнула в лес. В угасающем свете дня мокрый асфальт сверкал, как вороненая сталь. Управляя машиной одной рукой, Перотта взял в другую бархатный чехол и осторожно вытряхнул хранившийся в нем артефакт. Словно маленькое солнце вспыхнуло в машине, ярко освещая все вокруг. Перотта дюжину раз перечитал табличку на витрине в музее и мог повторить написанный на ней текст практически дословно. Инкский ритуальный нож туми использовался в человеческих жертвоприношениях для вскрытия грудной клетки жертвы. Лезвие, изготовленное из меди, за прошедшие века сильно корродировало, в то время как искусно сделанная рукоятка, отлитая целиком из золота, выглядела совсем как новенькая. Рукоятка изображала Сикана, бога смерти, с большими рубиновыми глазами и жутким оскалом бирюзовых зубов*.

— Ну ты только посмотри на него,— довольно усмехнулся Перотта.— Два лимона баксов.

---

* Владетель Сикана — антропоморфный бог, глава пантеона культуры Сикан (VIII–XIV вв.). Изображался в полулунном головном уборе, иногда со звериными клыками во рту.

— Если мы сможем его толкнуть.

— Да всяко найдется какой-нибудь арабский шейх или японский бизнесмен, который коллекционирует подобные штуковины. А если и не найдется, всегда можно выковырнуть камушки и эту хреновину расплавить. Рубины, мне кажется, по двадцать карат каждый. Черт, да мы сможем выручить за них пятьдесят кусков и плюс к тому кучу баксов за золотишко.

— Пятьдесят кусков намного меньше двух лимонов.

— Воффлер, меня уже начала доставать твоя мнительность. Никто не заставлял тебя это делать.

Воффлер посмотрел в окно на лес, сливающийся в зеленое пятно.

— Не знаю. Тогда это казалось хорошей идеей.

— Это и в самом деле хорошая идея! Чертовски классная идея! Это был наш шанс, и мы им воспользовались. Тебе что, нравилось колотить в музее эти дурацкие витрины за двадцать баксов в час? Мне лично надоело подпирать двери и проверять долбаные документы.

— Ты не беспокоишься по поводу Липски?

— Да хрен с ним. Он всего лишь посредник. Настоящий покупатель — тот парень из Перу.

— Кстати, как насчет него? Как он отреагирует?

— А что он может сделать? Прилетит в Америку и всю ее прочешет, пока нас не найдет? Нет, он оторвется на Липски, надерет ему хорошенько задницу.

— Ну, судя по голосу, он какая-то важная персона.

— Если тебе интересно мое мнение, то парень просто псих. Наверное, он хочет вернуть ножик, чтобы вырезать дюжину-другую сердец, как делали его предки. Черт, я готов поспорить, что он даже не догадывается о нашем существовании.

— Если он и не догадывается, Липски-то знает. И он станет нас искать.

— Думаешь, он найдет нас на озере Пассумкиг? Я бы с удовольствием посмотрел, как он в костюме от Армани и туфлях

ручной работы пробирается по нью-гемпширским лесам в поисках двух парней, которые отправились половить окуней к черту на кулички.— Перотта рассмеялся.— Нет, я бы действительно взглянул на это.

— Помедленней, парень, сейчас будет следующий городок.

Машина пролетела дорожный знак с названием населенного пункта: Уолдо-Фоллс. Чтобы только Воффлер заткнулся, Перотта сбавил скорость до разрешенной на этом участке.

Они проехали мимо вытянувшихся вдоль дороги белых домиков, церкви, пожарного депо, аккуратного сквера с памятником героям Гражданской войны и ржавой пушкой.

— Добро пожаловать в чудесный городок Дилдо-Фоллс,— провозгласил Перотта.— Ты можешь поверить, что люди живут в таком местечке?

— Ну, собственно, могу.

Через минуту они уже покинули городок и снова оказались среди бескрайних северных лесов. Перотта собирался вдавить акселератор в пол, но вдруг притормозил и закричал, указывая пальцем за окно:

— Господи, ты только посмотри! Мы как будто попали в прошлое.

Возле уходящей в сторону грунтовки в луже стоял побитый автобус «фольксваген». Борта его были разрисованы пацифистскими «куриными лапками», феминистической символикой, листиками каннабиса и яркими психоделическими цветками. На водительском сиденье курил мужчина с длинными засаленными волосами. Он меланхолично проводил «форд» глазами.

Перотта дважды нажал на клаксон.

— И зачем ты это сделал?

— А ты не заметил стикер у него на бампере? «Просигналь, если ты за аборты». Эй, а я как раз сторонник абортов. Поставь передо мной девчонок рать, и я буду выбирать,— захихикал Перотта.

— Почему бы тебе просто не прилепить к стеклу табличку с надписью «Отвратительный музейный воришка удирает в лесную хижину»?

— Эй, ты это о чем?

— А я о том, что ты, блин, в каждом городе, через который мы следуем, всячески привлекаешь к себе внимание.

— Слушай, может, ты успокоишься? Если ты еще не понял, все кончилось. Мы это сделали. Хватит ныть, наслаждайся лучше отпуском. Когда ажиотаж утихнет, мы подумаем, как нам сбыть ножик, или расплавить, или еще что. Ну а пока мы едем на рыбалку.

Воффлер тяжело вздохнул. Лицо его посерело.

— Я не очень-то силен в этом занятии.

— Ничего, к следующему разу наберешься опыта.

— Не будет никакого следующего раза.

Проселочная дорога долго петляла между мрачными деревьями и неожиданно вывела к озеру, окруженному со всех сторон тсугами. Перотта сбавил скорость. Арендованный деревянный домик с покатой крышей над крыльцом находился справа от дороги. Усыпанная иголками тропинка бежала к заваленному валунами берегу и какому-то скособоченному причалу. В сгущающихся сумерках абсолютно неподвижная вода в озере казалась черной.

Перотта заглушил двигатель и выключил фары. Некоторое время они молча сидели в машине, слушая, как тикает остывающий мотор. Единственным звуком помимо этого было ровное жужжание насекомых на улице. Наконец Перотта и Воффлер выбрались из «форда», взяли сумки с личными вещами и продуктами и направились к домику.

Внутри оказалось холодно и пахло плесенью. Мебель была укрыта пыльными чехлами и вся усеяна дохлыми мухами. Воффлер придал домику более или менее жилой вид, а Перотта тем временем приготовил целую кастрюлю макарон с томатным соусом и свежим базиликом. После ужина друзья разожгли огонь и, устроившись перед ним, наполнили бокалы

виски «Чивас ригал». Жертвенный нож туми лежал на кофейном столике. Отблески пламени играли на его золотой поверхности; рубиновые глаза древнего божества ярко сверкали и казались живыми.

— Чувствуешь себя получше? — поинтересовался Перотта.

— Почти.

Перотта кивнул на нож.

— Как думаешь, сколько бьющихся сердец вырезали этим ножом?

— Нужно его спрятать.

— Подожди, давай еще немного полюбуемся.

Они погрузились в молчание. Перотта отхлебнул виски, наслаждаясь разливающимся по телу теплом. Вот они сидят здесь, в этом домике, в четырехстах милях от Нью-Йорка, в лесной глуши, где никому и в голову не придет их искать. В камине весело потрескивают и брызгают искрами дрова. Перотта удовлетворенно вздохнул.

Вдруг раздался тихий — буквально на пределе слышимости — стук в дверь. Перотта от неожиданности так перепугался, что пролил половину бокала себе на колени.

— Какого черта...

Воффлер был уже на ногах. Он быстро схватил артефакт, засунул обратно в чехольчик и скрылся в ванной комнате. Перотта сбоку подкрался к окну, прижался к стене, приоткрыл занавеску и осторожно выглянул наружу.

— Кто там? — спросил Воффлер приятеля, выходя из ванной.

— Никого. Там никого нет. Что ты делал в ванной?

— Спрятал эту штуку в бачок.

Перотта направился к двери. Взявшись за ручку, он несколько секунд помедлил в нерешительности, затем открыл дверь и шагнул на крыльцо.

Тсуги мрачной стеной столпились вокруг домика, их ветви тихонько вздыхали, качаемые ночным ветерком. Поверхность озера бархатно мерцала в лунном свете.

Перотта вернулся в комнату и внимательно посмотрел на приятеля.

— Ты ведь тоже слышал стук, да?

— Ну, это очень напоминало стук.

Взяв салфетку, Перотта промокнул мокрое пятно на брюках.

— Может, ветка или типа того?

Они снова расположились возле камина. Перотта отпил виски, но прежняя расслабляющая атмосфера испарилась.

— Сколько, по-твоему, нам придется торчать здесь? — наконец подал голос Воффлер.

— Понятия не имею. Три недели, может, четыре.

— Надеешься, что к тому времени все успокоится?

— Так или иначе.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что Липски...

И снова раздался тихий-тихий стук. На этот раз Перотта не медлил ни секунды; он вскочил, бросился к двери и рывком ее распахнул.

Никого.

— Посмотри, может, кто-нибудь прячется с той стороны дома,— сказал Воффлер.

— Для начала мне нужен фонарик.

Порывшись в ящиках кухонного стола, они нашли кучу фонариков и упаковок батареек. Потом вернулись в гостиную и погрузились в тревожное раздумье.

— Может, это детишки шалят? — предположил Перотта.

— До ближайшего городка десять миль. Да и не стали бы они шататься здесь ночью, к тому же посреди недели.

— Хм, может, хозяин дома — любитель пошутить?

— Хозяину дома восемьдесят лет,— сухо ответил Воффлер,— и живет он в округе Уэстчестер.

Так они некоторое время стояли, не зная, что же предпринять. Наконец Перотта шагнул к двери, открыл ее и направил включенный фонарик на подступающий к самому дому лес.

Луч света выхватил из темноты неясные очертания мрачных стволов.

— Вон там! — возбужденно произнес за спиной Воффлер.

— Ничего не вижу.

— Оно было буквально вон там. Что-то белое, и оно двигалось.

Воффлер выступил вперед и тоже направил фонарик на деревья.

— Эй! — заорал Перотта.— Кто там?

Крик его слабым эхом отразился от противоположного берега озера.

Тем временем Воффлер подошел к самому краю крыльца и стал внимательно вглядываться между стволов ближайших деревьев.

— Вот оно! — воскликнул он, тыча перед собой фонариком.

Теперь и Перотте показалось, что он что-то заметил. Напоминало человеческую фигуру во всем белом.

— Пойди посмотри, кто там,— велел он Воффлеру.

— Я?

— Ну, так только ты его видел,— резонно заявил Перотта.

— Я туда не пойду. Нет.

— Какого черта! Слушай, кто-то же должен остаться здесь на страже. Не беспокойся, я прикрою тебя.

Воффлер неохотно спустился по лесенке и медленно двинулся к кромке леса, расположенной в двадцати пяти футах от крыльца. Остановился и поводил по сторонам фонариком. Потом, собравшись с духом, ступил в лес.

— Слушай, там кто-то есть,— громко сообщил он Перотте, и в его голосе отчетливо прозвучала тревога.— Кто-то наблюдал за нами, и... здесь на влажной земле отпечатались следы.

— Пойди по следам. Узнай, чего надо этому козлу.

— Но...

— Иди давай!

Помявшись в нерешительности, Воффлер все же сделал шаг, другой и вскоре скрылся за деревьями. Перотта с крыльца смотрел, как луч света от фонарика Воффлера мельтешит

между стволами и наконец исчезает совсем, поглощенный непроглядной чернотой леса.

Внезапно вокруг стало очень тихо.

Перотта стоял на крыльце и чувствовал, как его тоже постепенно охватывает тревога. Надо поскорее ее прогнать. Никто, напомнил он сам себе, никто не может даже догадываться, где они затаились! Домик этот Воффлер арендовал через Интернет, используя банковский счет, открытый на имя и номер социальной страховки умершего человека. Они спланировали все до мельчайших деталей. Вот уж в чем, в чем, а в умении предусмотреть каждую мелочь Воффлеру не было равных. Перотта вынужден был признаться себе, что сам никогда бы в жизни не провернул эту затею.

Что, если тот парень с татуированными руками проехался за ними до этого богом забытого места и теперь пытается сыграть нехорошую шутку? Да, но тот городок остался в трех десятках миль позади, и Перотта был абсолютно уверен, что их никто не преследовал.

Он взглянул на часы. Без десяти десять.

Куда же запропастился чертов Воффлер?

А может, это Воффлер? Может, все его беспокойство притворное? Может, он ничего не заметил в лесу? Вдруг это был лишь удобный предлог, чтобы смыться с артефактом? Он вполне мог арендовать еще одну машину и припрятать ее неподалеку за деревьями.

Перотта бросился в дом, ворвался в ванную комнату и снял крышку с туалетного бачка. Жертвенный нож в насквозь пропитавшемся водой бархатном чехле находился в целости и сохранности. Перотта водрузил крышку на место и в глубокой задумчивости побрел обратно на крыльцо.

В конце концов, может, это все же Липски? Нет, не похоже. Конечно, сейчас Липски уже понимает, что его откровенно надули,— они должны были доставить артефакт до пяти часов вечера,— но как он выяснил, куда они отправились? И — Перотта готов был поклясться — это не тот богатей из Перу, с

которым якобы имел дело Липски. Псих, который хотел вернуть жертвенный нож своим предкам, или как-то так. Он еще не должен был догадаться, что его накололи, как дешевого фраера.

Все же Перотта остановился на мысли, что Липски нельзя исключить. Да, но как он вычислил их? По машине Воффлера? Пожалуй, это было единственное слабое звено. Но кто видел машину? И как кто-то мог знать, что они приедут именно *в этот домик на озере? Единственное приемлемое объяснение*: за ними следили.

Он снова взглянул на часы. Пять минут одиннадцатого.

— Воффлер! — позвал он.— Эй, Воффлер?

Ответом ему был лишь шелест ветвей да эхо.

Перотта сложил ладони у рта.

— Воффлер!

И снова только эхо, далекое и потерянное.

Тогда он посветил фонариком меж ближайших деревьев, но ничего не обнаружил.

— Дерьмо,— пробормотал он сквозь зубы.

Вернувшись в дом, Перотта сделал изрядный глоток виски, нашел на кухне самый большой нож и сунул за пояс. Этому идиоту Воффлеру тоже следовало бы позаботиться об оружии.

Перотта подбросил в огонь еще пару поленьев, послонялся взад-вперед по комнате, снова отхлебнул из бокала, подумал и поставил его на стол. Напиваться сейчас ни к чему — ему может понадобиться свежая голова.

Он сел, но тут же вскочил на ноги, направился к двери и вышел на крыльцо.

— Воффлер! Эй, чувак!

Десять пятнадцать. Приятель отсутствует уже почти полчаса.

Ерунда какая-то!

Сердце бешено билось в груди, но Перотта все же спустился по ступенькам и медленно направился к тому месту, где скрылся в лесу Воффлер. Посветив себе фонариком, Перотта

обнаружил на мягкой и влажной после недавнего дождя земле, усыпанной толстым слоем маленьких иголок тсуги, отчетливую цепочку следов, принадлежащих Воффлеру, и вторую — оставленную неизвестным с меньшим размером ступни.

— Эй, Воффлер!

В наступившей тишине лишь воды озера тихонько плескались о берег. Перотта сделал несколько неуверенных шагов в глубь леса.

Где-то далеко за деревьями раздался крик, но настолько слабый, что Перотта не смог ничего разобрать. Однако это было не эхо.

— Воффлер! Это ты?

Вдалеке снова прозвучал крик, но на этот раз на такой высокой ноте — почти вопль,— что Перотте на мгновение стало нехорошо.

— Господи,— пробормотал он, посветив фонариком между деревьев.

Две цепочки следов уводили в чащу леса. Перотта судорожно сглотнул и подумал: «Черт, надо бы поторопиться да поскорее покончить с этой жутью».

Он быстро пошел по хорошо видным следам. Вокруг высились огромные стволы деревьев, воздух был наполнен запахами сосновой смолы и сырой земли. Пару раз Перотте встретились на пути поросшие мхом и лишайником гигантские валуны в человеческий рост.

— Воффлер!

Перотта ускорил шаг. Он понял, как глупо с его стороны было отправить Воффлера в чащу. Тот ведь обычный городской парень и не знает первого правила поведения в лесу. Вполне вероятно, что он потерялся, обратился в панику и сейчас мечется в поисках спасения.

Следы теперь вели по краю болота. Поблизости в темноте заухал филин.

— Воффлер, ты возвращаешься или как?

Ответа не было.

Перотта посветил по сторонам фонариком, прихлопнул комара. Деревья окружали его со всех сторон, подобно огромным мрачным колоннам. Болото устилали толстые ковры сфагнума. Следы бежали вдоль болота, но затем вдруг резко сменили направление и превратились в цепочку неглубоких, заполненных водой ямок в ковре из мха в тех местах, где нога погружалась в зыбкую почву.

— Господи,— сказал Перотта и остановился.

Какого лешего Воффлера понесло в эту чертову трясину?

Он снова посветил вокруг фонариком и внезапно на самом краю болота заметил что-то белое, напоминавшее гриб. Подойдя ближе и присмотревшись, он понял, что это не гриб. Это раковина. Белая раковина устрицы. Он нагнулся поднять ее, но, едва дотронувшись, тут же с отвращением выронил на землю: предмет оказался мягким на ощупь и эластичным; он упал на мох и перевернулся.

Теперь Перотта видел, что с одной стороны предмет перепачкан кровью. Кровь была свежая, ярко-красная и блестела в свете фонарика. Дрожа от страха, Перотта подобрал с земли ветку и осторожно перевернул ужасную находку.

Это было ухо. Вырванное с корнем человеческое ухо. В мочке болталась знакомая золотая серьга с красным камушком.

Перотта невольно застонал и отпрянул. Все это напоминало дурной сон, ночной кошмар, когда вокруг происходит ужасное и непонятное, но ты словно парализован и не в силах пошевелиться, не можешь дать деру, как бы отчаянно ни пытался.

Затем оцепенение спало, и Перотта почувствовал, что может двигаться. С пронзительным криком он бросился наутек, не разбирая дороги, лавируя между деревьями, прорываясь через густой кустарник и высокие заросли папоротника.

Так он бежал и бежал, пока не устал настолько, что просто рухнул без сил на сырую землю. Грудь его ходила ходуном, бока жгло огнем, он стонал при каждом выдохе. Резкий глинистый запах проникал в ноздри, так что он едва не задыхался. Чуть отлежавшись, Перотта отполз назад, повернулся в одну сторону, в другую, направляя луч фонарика между ство-

лами. Он сбился с пути и не имел ни малейшего представления, куда его занесло. Вдруг Перотта вспомнил про кухонный нож и моментально выхватил его из-за пояса.

— Воффлер! — позвал он.— Где ты? Откликнись!

Тишина.

Он поводил фонариком вокруг. Землю здесь густо усыпали сосновые иголки, и на них не было никаких следов. Он потерялся ночью в лесу, как самый распоследний идиот. Теперь, даже если очень захочется, найти дорогу обратно нет возможности.

Перотта постарался унять бешеное сердцебиение и восстановить нормальное дыхание. Да, вероятнее всего, это дело рук Липски. Это единственный возможный вариант. Должно быть, маленький мерзавец подозревал их с самого начала и потому решил сесть им на хвост. Тогда становятся понятны следы небольшого размера.

Неуверенной походкой Перотта стал спускаться с невысокого холма. Он надеялся, что, избрав этот курс, выйдет к озеру, а уж оказавшись на берегу, увидит свет в окнах домика и сориентируется, как добраться до машины и поскорее унести отсюда ноги.

Вдруг между деревьев промелькнуло что-то белое.

— Воффлер?

Но он знал: это не Воффлер.

— Я прирежу тебя! — заорал Перотта, пятясь и размахивая ножом.— Не приближайся ко мне!

Он повернулся и понесся в направлении, противоположном тому, где увидел белую фигуру. И снова он мчался без остановки, прорываясь через доходящие до пояса заросли папоротника. Наконец остановился, жадно глотая ртом воздух, бешено озираясь вытаращенными глазами и освещая фонариком ближайшие деревья и кусты.

И снова показалась неясная белая фигура.

— Отстань от меня! — Перотта прислонился спиной к дереву; желтый луч света как сумасшедший метался между стволов.— Липски, послушай меня. Можешь взять чертов но-

жик. Он спрятан в бачке в домике на берегу. Пойди и забери его. Только оставь меня в покое.

Тишина.

— Липски, ты меня слышишь?

Лес хранил молчание. Даже ветер не играл ветвями тсуг. От сильного запаха сырого мха и гниющего дерева Перотту тянуло блевать.

— Да, я поступил как идиот, признаю это.— Он сдавленно всхлипнул.— Пожалуйста.

Тут он услышал какой-то слабый звук и краешком глаза уловил движение. Внезапно из-за дерева высунулась окровавленная рука и схватила его за рубашку.

— Отвали от меня! — закричал Перотта.

В попытках высвободиться он бешено размахивал рукой с зажатым в ней ножом. Пуговицы на рубашке поотлетали одна за одной. Он отскочил от дерева и дрожащей рукой выставил перед собой нож. Рубаха без пуговиц болталась на груди.

— Не делай этого со мной, Липски,— просипел Перотта.— Не надо.

Вот только он сильно сомневался, что имеет дело с Липски.

Фонарик. Его необходимо выключить. Выключить фонарик и под прикрытием темноты удирать отсюда. Он нажал кнопку и медленно пошел прочь. На него мгновенно навалился точно живой, удушающий мрак, который, казалось, хотел проглотить человека. Перотту обуял такой ужас, что он не выдержал и снова включил свет.

Вдруг у самой земли он заметил что-то белое. Едва соображая от страха, он посветил туда фонариком, уже представляя себе, что это Липски (или кто бы то ни было) пригнулся к земле и готовится на него напасть. Увидев, что это на самом деле, Перотта застыл на месте, не в силах пошевелиться.

Луч фонаря высветил валяющуюся на земле очень бледную ступню. Перотта отшатнулся, его едва не вырвало. Фонарик дрогнул и выхватил другой предмет, лежащий неподалеку на сосновых иголках. Это была рука. Еще дальше обнаружилась голова — вернее, две трети головы, расколотой под

углом. Наполовину вывалившийся из глазницы глаз слепо взирал на окружающее.

Вторая часть головы находилась в нескольких футах, и второй глаз так же удивленно таращился на Перотту.

— Господи боже мой! Не надо! Не надо!

Вдруг за спиной раздался голос. Перотта промычал что-то невразумительное и повернулся на сто восемьдесят градусов. Сзади никого не было. Голос словно существовал сам по себе, без тела; он доносился сразу отовсюду и в то же время из ниоткуда, будто вещал сам дьявольский лес. Охваченный смертельным ужасом, Перотта как безумный крутился на месте, пытаясь увидеть источник голоса, но безуспешно.

— Ты знаешь, что они делают с ними,— произнес тихий хрипловатый голос.— Смотри хорошенько: вот так они поступают с ними. И сейчас так же я поступлю с тобой.

Лейтенант Винсент д'Агоста из полицейского департамента Нью-Йорка наблюдал, как медэксперт убирает в мокрый мешок для вещдоков последнюю часть тела жертвы номер два. Медикам пришлось изрядно потрудиться, чтобы определить, кому из двух убитых какая часть тела принадлежит. Под ветвями могучих тсуг, куда почти не проникали лучи жаркого летнего солнышка, царил зеленоватый полумрак. Во влажном воздухе витали запахи разложения и смерти. На пиршество слетелись несметные полчища мух; их монотонное жужжание смешивалось с шипением раций и негромкими разговорами стражей порядка и медиков, которые совершали последние необходимые процедуры перед тем, как покинуть вековечный лес, напоминающий своей величественностью собор.

Услышав позади тихие шаги, д'Агоста обернулся: на холм поднимались местные копы.

— Они остановились в домике Маккоуна,— доложил один из копов.— Мы забрали их бумажники, удостоверения личности, прочие вещи, а также машину. Они оба сотрудники Музея естественной истории.

— Правда?

— Кажется, мы здесь почти закончили. Спасибо, что прибыли так быстро, лейтенант.

— Я признателен вам за звонок,— ответил д'Агоста.

— По радио передали об ограблении музея,— пояснил второй коп.— Когда в бачке в домике обнаружился необычный артефакт, мы сложили два и два и пришли к выводу, что вас это дело может заинтересовать.

— Верно,— подтвердил д'Агоста, уставившись в землю.— Я заинтересовался.

— А этот золотой нож и правда стоит миллионы? — полюбопытствовал первый коп, стараясь, чтобы голос его звучал не столь возбужденно.

Д'Агоста кивнул.

— Похоже, они развели не того парня.

— Возможно,— согласился д'Агоста и подумал: «Но все не так-то просто. Очень и очень непросто. Можно было сделать все с гораздо меньшими усилиями. И почему артефакт остался в туалетном бачке? Это ведь первое место, куда полезут искать».

Медэксперт потащил мешки с останками и пакетики с вещдоками к дороге. День выдался чертовски длинным.

— Давайте поедем в участок,— предложил первый коп.— Надо закончить бумажную рутину. Как только мы все оформим и ребята завершат работу с вещдоками, мы сразу же передадим нож вам, лейтенант.

Д'Агоста помедлил немного, глядя на влажную изрытую почву, впитавшую в себя кровь двух жертв. Впечатление было такое, словно сама земля подверглась жестокому насилию. Тяжело вздохнув, он повернулся и пошел догонять местных коллег. Его миссия была завершена. Жертвенный нож найден, а что касается двойного убийства, это уже не его компетенция.

Поравнявшись с местным полицейским, д'Агоста остановился и, сам удивляясь своим словам, произнес:

— Это только первый случай. Будут и другие.

Полицейский вскинул голову.

— Что вы хотите сказать?

Лейтенант кивнул в сторону лесной чащи.

— То, что там случилось, никак не связано с ограблением музея.

Секунду полицейский колебался, потом сжал зубы.

— Благодарю вас, лейтенант, за предложенную версию.

В глазах копа д'Агоста легко прочел скептицизм и даже раздражение. Внезапно лейтенант почувствовал себя усталым и разбитым. Он повернулся и зашагал к ожидающей на дороге машине, которая доставит его на местный аэродром — а там уже готов к взлету вертолет, принадлежащий полицейскому департаменту Нью-Йорка. Д'Агосте вдруг до смерти захотелось вернуться к суете огромного мегаполиса: вооруженным наркоманам, которые мечутся в поисках дозы; эксгибиционистам, демонстрирующим свои прелести перед камерами слежения; разъезжающим на «хаммерах» сутенерам; вконец опустившимся типам, способным убить из-за пары баксов; любителям на халяву, минуя турникеты, проникнуть в подземку; психам, отрубающим головы своим родным; мошенникам, дурящим наивных обывателей при помощи трех карт; поджигателям ночных клубов; виновникам ДТП, скрывающимся с места происшествия; зоофилам и всем прочим уродам, которых он так хорошо знал и даже любил. Все, что угодно, но только не эти проклятые леса — и не этот убийца.

Рыболов терпеливо ждал за рулем автобуса «фольксваген», что стоял в луже возле грунтовки, уводящей прочь от шоссе. Со стороны города пронеслись полицейские машины, затем промчались обратно, и теперь дорога из Уолдо-Фоллс была тихой и пустынной. Смеркалось. От земли поднималась пелена тумана. Она медленно плыла между деревьями, и на лобовом стекле «фольксвагена» образовывались капельки воды.

Рыболов дотронулся до парика, схватился покрепче за длинные пряди волос из полиэстера и натянул его плотнее. Потом достал сигарету из пачки «Мальборо», зажег и снова стал ждать.

Через некоторое время на дороге показались желтые фары направляющегося из города автомобиля. Рыболов затушил сигарету и стал внимательно смотреть в зеркало заднего вида, как машина приближается. Автомобиль заграничный, «тойота», и это хорошо: они предпочитают «японок» представителям американского автопрома.

Проезжая мимо, водитель «тойоты» нажал на клаксон.

Когда стоп-сигналы исчезли за плавным поворотом, Рыболов завел двигатель, включил дворники, чтобы очистить ветровое стекло от влаги, и вырулил на шоссе. Криво улыбаясь, он не удержался и негромко восхвалил Господа за то, что Тот представил ему еще один шанс отличиться и послужить Ему.

Рыболов только что подцепил на крючок еще одного убийцу нерожденных детей.

БИОГРАФИИ

Тед Белл — уроженец Флориды. Трудовую деятельность он начинал в Нью-Йорке, где сочинял тексты в крупном рекламном агентстве «Дойл, Дейн, Бернбах». Также работал в Чикаго, где был сначала президентом «Лео Барнетт компани», а затем вице-президентом и по совместительству креативным директором всемирного рекламного агентства «Янг и Рубикам» в Лондоне и Нью-Йорке. Тед Белл, чьи произведения попадали в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», является автором трилогии приключенческих романов о похождениях бравого британского разведчика Алекса Хоука: «Между адом и раем» («Hawke»), «Живая мишень» и «Ставка на смерть» («Pirate»). В настоящее время Тед живет во Флориде, где читает, сочиняет приключенческие истории и возится с лодками и катерами. Подробную информацию можно найти на сайте писателя: www.tedbellbooks.com.

Стив Берри, автор бестселлеров «Нью-Йорк таймс», живет на побережье штата Джорджия. По профессии он юрист и в этом качестве много путешествовал по странам Карибского бассейна, Мексике, Европе и России. Среди его произведений — «Проклятие Янтарной комнаты», «The Romanov Prophecy», «Третий секрет» и «Евангелие тамплиеров». Романы Берри пользуются большой популярностью среди подписчи-

ков крупных книжных клубов*, они попадали в списки независимого чарта бестселлеров «BookSense» и продавались в тридцати двух странах. Подробную информацию можно найти на сайте писателя: www.steveberry.org.

Грант Блэквуд проникся идеей заняться писательской деятельностью, когда читал роман Клайва Касслера «Средиземноморский пират». Блэквуд служил в Военно-морском флоте США и три года провел на дежурстве на борту сторожевого корабля, вооруженного управляемыми ракетами, в качестве специалиста по проведению боевых операций и пловца спасательной команды. К настоящему моменту его писательский опыт насчитывает вот уже девятнадцать лет. Живет Блэквуд в Миннесоте и сейчас работает над новым циклом произведений.

Ф. Пол Вилсон — лауреат множества литературных премий, автор тридцати романов и более чем сотни рассказов в самых разных жанрах: ужасы, приключения, медицинский триллер, научная фантастика и практически все смежные жанры. В США его книги вышли общим тиражом свыше семи миллионов экземпляров, они переведены на двадцать четыре языка. Вилсон также пишет киносценарии, работает для театра и мультимедийных компаний. Самым известным его героем является Наладчик Джек, появляющийся в дюжине романов и рассказов.

---

* Книжные клубы — одна из наиболее современных форм торговли книгами. Это добровольные объединения подписчиков, которые доверяют демократически избранному правлению клуба выбор книг по их заявкам и интересам. Правление книжного клуба в соответствии с этим заказывает книги издательствам. Их выкуп гарантирован благодаря предварительным заказам и взносам членов клуба. Как правило, издания обходятся подписчикам несколько дешевле, чем если бы они купили их в магазине. Наиболее активным подписчикам вручаются бесплатные премии в виде тех же книг.

М.Дайана Вогт известна как автор популярных судебных триллеров о судье Вильгельмине Карсон. Китайское правительство приобрело права на издание всех произведений Вогт, как художественных, так и документальных, и позиционирует их как развлекательное чтиво об американском образе жизни и американской судебной системе. Вогт на протяжении более чем двадцати пяти лет имеет частную юридическую практику и представляет интересы как крупнейших мировых корпораций и правительств, так и частных лиц.

Грегг Гервиц — автор таких бестселлеров, как «Башня» («The Tower»), «В шаге от смерти» («Minutes to Burn»), «Не причини вреда» («Do No Harm»), «Статья за убийство» («The Kill Clause»), «Программа» и последнего на сегодняшний день романа «Специалист». Его произведения пользуются большой популярностью среди подписчиков всех четырех крупнейших книжных клубов США, они попадали в списки независимого чарта бестселлеров «BookSense» и переведены на семь языков. Гервиц писал сценарии для Джерри Брукхаймера и для кинокомпании «Парамаунт пикчерз». Он получил степень бакалавра искусств в Гарварде и магистра в Тринити-колледже в Оксфорде за изучение трагедий Шекспира. Гервиц опубликовал огромное число рассказов, статей, обзоров, материалов для академических журналов; он читал лекции в Гарварде, Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и Университете Южной Калифорнии. Страничка писателя в Интернете: www.gregghurwitz.net.

Посвятив двадцать лет жизни юридической практике, *Джеймс Гриппандо* сейчас известен как автор десяти романов, ставших национальными бестселлерами, которые можно отнести к саспенсу. В этом году вышел пятый его роман из серии о Джеке Свайтеке, живущем в Майами адвокате, специализирующемся на уголовных делах,— «Смерть в кредит». Критики высоко оценили эту серию, в которой «Джон Гришэм

встречается с Робертом Ладлэмом». Также Гриппандо является автором триллера для юных читателей, «Leapholes». Это первый детский роман, выпущенный Ассоциацией американских юристов. В 2005 году Гриппандо стал обладателем награды «Выдающемуся писателю», вручаемой Университетом Скрэнтона. Его произведения обрели успех во всем мире и переведены более чем на двадцать языков. Живет и творит Джеймс Гриппандо на юге Флориды.

Хизер Грэм, чьи произведения постоянно попадают в списки бестселлеров «Нью-Йорк таймс» и «Ю-Эс-Эй тудей», закончила Университет Южной Флориды, где специализировалась в театральном искусстве. Несколько лет она проработала дублершей певиц и барменшей в театре-ресторане, но после рождения третьего ребенка решила покончить с работой «от звонка до звонка» и начала сочинять книги, отдавая предпочтение рассказам в жанре «хоррор» и любовным романам. На сегодняшний день на ее счету уже более сотни литературных произведений. Книги Грэм изданы на двадцати языках. Писательница любит путешествовать и обожает все, что так или иначе связано с водой; в частности, она является профессиональным скуба-дайвером.

Дэвид Дан родился в штате Вашингтон, но затем перебрался в Калифорнию, где имеет юридическую практику, является главным юрисконсультом крупной частной корпорации, а также пишет книги. Его перу принадлежат пять приключенческих романов, ставших бестселлерами в США: «Необходимое зло» («Necessary Evil»), «На грани» («At the Edge»), «Водоворот» («Overfall»), «Неприемлемый риск» («Unacceptable Risk») и «Зловещее безмолвие» («The Black Silent»); эти произведения переведены на восемь языков. В свободное от основных занятий время Дан совершает морские путешествия вдоль берегов штата Вашингтон и канадской провинции Британская Колумбия.

Алекс Кава — автор серии произведений, ставших международными бестселлерами, о специальном агенте ФБР, профайлере Мэгги О'Делл, а также тепло встреченного критиками романа «Один неверный шаг» («One False Move»). Произведения Кавы проданы общим тиражом почти два миллиона экземпляров в двадцати странах. Они попадали в списки бестселлеров не только в Соединенных Штатах (по версии «Нью-Йорк таймс» и «Ю-Эс-Эй тудей»), но и в других странах. В настоящее время писательница живет попеременно то в Омахе, штат Небраска, то в Пенсаколе во Флориде.

Дж. А. Конрат является автором серии произведений о лейтенанте Жаклин «Джек» Дэниелс. Рассказы Конрата появлялись на страницах дюжины журналов и антологий. Он преподает курс художественной литературы и маркетинга в Колледже Дюпаж в Глен-Эллин, штат Иллинойс. Живет Конрат в Чикаго с женой, детьми и собаками. Сайт писателя: www.JAKonrath.com.

Эрик Ван Ластбадер — автор таких всемирно известных бестселлеров, как «Ниндзя», «Искусство убивает» («Art Kills»), «Наследие Борна», «Завет» и еще двадцати шести романов (как триллеров, так и фэнтези), а также огромного числа рассказов. В 1968 году он закончил Колумбийский университет и пятнадцать лет работал в музыкальном бизнесе. Был он также и школьным учителем в Нью-Йорке. Подробную информацию можно найти на сайте писателя www.ericvanlustbader.com.

Джон Лескроарт — автор шестнадцати романов, многие из которых попадали в списки бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Тринадцать из них составляют цикл произведений о Дисмасе Харди и Эйбе Глицки, действие которых происходит в Сан-Франциско. Живет Лескроарт с женой и детьми на севере Калифорнии.

Гейл Линдс, чьи произведения попадали в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», является автором восьми шпионских триллеров, таких, в частности, как «Последний супер-

шпион» («The Last Spymaster»), «Кольцо» («The Coil») и «Операция "Маскарад"», опубликованных в двадцати странах. В соавторстве с Робертом Ладлэмом она написала несколько романов в серии «Прикрытие-один». О Линдс обычно говорят как о первой женщине со времен Хелен Макиннис, которая добилась успеха на поприще сочинения триллеров. Она является членом Ассоциации бывших сотрудников разведки и соучредителем Международной ассоциации авторов триллеров. Сайт писательницы в Интернете: www.GayleLynds.com.

Деннис Линдс, он же Майкл Коллинз, в 1967 году начал писать цикл произведений о детективе Дэне Форчуне. Всего вышло девятнадцать книг, последняя из которых, «Мир Форчуна» («Fortune's World»), представляет собой сборник рассказов, сочиненных в период с 1963 по 2000 год. В последнем романе, написанном под псевдонимом Коллинз, «Ковбой на "кадиллаке"» («The Cadillac Cowboy»), появляется новый главный герой, которого зовут (а может быть, и не зовут) Форд Морган. Под псевдонимами Марк Сэдлер, Джон Кроу, Уильям Арден и Карл Деккер Линдс опубликовал еще восемнадцать криминальных романов и тринадцать детективов для юношеского возраста. Наконец под своим собственным именем он написал три романа и два сборника рассказов, последний из которых называется «Говорящий с миром» («Talking to the World»). В скором времени появится четвертый роман под именем Линдса: «Картинки на стене спальни» («Pictures on a Bedroom Wall»). Писатель является лауреатом премии «Эдгар» и еще дважды на нее номинировался. Родился Деннис Линдс в Сент-Луисе, но вырос в Англии. Позднее его родители, английские актеры, вернулись в Штаты, и мальчик жил в Лос-Анджелесе, Денвере и Нью-Йорке. В августе 2005 года Деннис Линдс скончался. Его жена Гейл Линдс также известна как автор многих бестселлеров.

Роберт Липаруло — лауреат многих литературных премий, автор более чем тысячи статей и рассказов, опубликованных в таких изданиях, как «Нью мэн», «Ридерз дайджест» и даже

«Модерн брайд». Он пишет (и продает) киносценарии, биографии знаменитостей и научно-исследовательские статьи, но тем не менее постоянно возвращается к своей первой любви — художественной литературе. Его произведения отличает живой язык и стремительное развитие сюжета. Еще за несколько месяцев до публикации дебютного романа Липаруло «И приидет всадник...» в Голливуде уже развернулась настоящая война за право его экранизации. Писатель проживает в Колорадо с женой Джоди и четырьмя детьми. Подробную информацию можно почерпнуть на сайте www.robertliparulo.com.

Дэвид Лисс является автором двух ставших бестселлерами романов о Бенджамине Уивере: «Заговор бумаг» и «Ярмарка коррупции», а также двух не связанных с Уивером романов: «Торговец кофе» и «Этичный убийца». Эти произведения принесли писателю множество различных литературных наград, в том числе премию «Эдгар» за лучший дебютный роман. Они переведены на полтора десятка языков. В скором времени ожидается появление третьего романа из цикла об Уивере: «В компании с дьяволом» («The Devil's Company»). Живет Дэвид Лисс в Сан-Антонио, штат Техас.

Дэвид Моррелл известен как автор ставшего лауреатом различных премий романа «Первая кровь», в котором появился знаменитый Джон Рэмбо. Моррелл защитил в Государственном университете штата Пенсильвания диссертацию на степень доктора философии по американской литературе и был профессором факультета английского языка и литературы в Университете штата Айова, но в конце концов решил полностью посвятить себя писательскому ремеслу. Перу Моррелла принадлежат двадцать восемь книг, переведенных на двадцать шесть языков. Среди его произведений ставших бестселлерами отметим такие, как «Лазутчики», «Братство розы» и «Смертный приговор». Действие последнего романа происходит в городе Санта-Фе, штат Нью-Мексико, где живет сам

Моррелл. Он является также автором документального обозрения «Уроки писательской жизни», в котором обобщает все, что ему довелось узнать за тридцать семь лет карьеры писателя. Моррелл является соучредителем Международной ассоциации авторов триллеров.

Первый роман *Криса Муни*, «Жажда мести», был опубликован, когда писателю было всего двадцать восемь лет. Его перу также принадлежат такие произведения, как «Пропавшие», «Бесконечный мир» («World Without End») и «Вспоминая Сару» («Remembering Sarah»). Последний роман был номинирован на премию «Барри» (вручаемую авторам криминальных произведений) и «Эдгар» в категории «Лучший роман». Подробную информацию ищите на сайте автора www.chrismooneybooks.com.

Кэтрин Нэвилл на протяжении многих лет работала международным консультантом и экспертом по компьютерам на самые различные организации. Среди ее клиентов и работодателей были Министерство энергетики, Комиссия по ядерному регулированию, ОПЕК, фирма IBM, «Bank of America» и даже алжирское правительство. Кроме того, Кэтрин была профессиональной моделью, художником-портретистом и фотографом. Ее дебютный роман «Восемь» был переведен почти на тридцать языков, а недавно по результатам общенационального опроса в Испании вошел в список десяти лучших книг всех времен. Второй роман Нэвилл, «Авантюристка», по версии «Нью-Йорк таймс» стал книгой года, а «Магический круг» вошел в список бестселлеров «Ю-Эс-Эй тудей» и стал бестселлером во многих странах. Живет писательница в Виргинии и в Санта-Фе, штат Нью-Мексико.

Майкл Палмер — выпускник университета Уэсли и медицинского факультета Западного резервного университета Кейза в Кливленде. Поначалу писательское ремесло было для не-

го не более чем хобби, однако впоследствии стало основным занятием. Начиная с 1979 года Палмер опубликовал одиннадцать романов в жанре медицинского триллера. Все они стали международными бестселлерами. Книги Палмера переведены на тридцать языков, а по роману «Крайние меры» в 1996 году снят фильм с участием Хью Гранта, Джина Хэкмена и Сары Джессики Паркер. Палмер является страстным теннисистом и скуба-дайвером, а также имеет титул бронзового лайфмастера по игре в бридж. Живет писатель в Массачусетсе вместе с младшим из троих сыновей. Средний его сын, Дэниел Джеймс Палмер, получил степень магистра в области коммуникационных технологий в Бостонском университете. Кроме того, он является музыкантом и автором песен, а также специалистом в области программного обеспечения. Дэниел живет с женой и сыном на юге штата Нью-Гемпшир, занимается маунтинбайкингом и играет в теннис.

Дуэт Дугласа Престона и *Линкольна Чайлда* является одним из самых необычных и одновременно самых успешных за многие годы творческих тандемов. За пятнадцать лет эта парочка написала десять суперуспешных произведений. Встреча их произошла при следующих обстоятельствах: Чайлд, тогда младший редактор в издательстве «St. Martin's Press», обратился к Престону, который в то время был редактором и автором публикаций для расположенного в Нью-Йорке Музея естественной истории, с просьбой написать документальную историю музея. Позднее они объединили свои усилия и сочинили роман «Реликт», действие которого происходит в вымышленном музее естественной истории. По роману кинокомпания «Парамаунт пикчерз» сняла успешный фильм. Главный герой «Реликта», блистательный и эксцентричный специальный агент ФБР Пендергаст, стал культовым персонажем среди поклонников триллеров. Работали Престон и Чайлд и по отдельности. Так, Чайлд написал два романа и издал множество антологий рассказов о привидениях. Престон отметился четырьмя документальными книгами и тремя

триллерами, а кроме того, время от времени пишет статьи для журнала «Ньюйоркер». Чайлд является поклонником мотоциклов, гоночных автомобилей, редких книг и экзотических попугаев. Престон — заядлый лошадник, член элитного конного клуба «Long Riders' Guild». И Престон, и Чайлд любят подчеркивать, что университет оба окончили с «бесполезной» специальностью «английская литература».

Кристофер Райс — автор бестселлеров «Нью-Йорк таймс»: «Пустота душ» («A Density of Souls»), «Снежный сад» («The Snow Garden») и «Свет до рассвета» («Light Before Day»). Также он ведет регулярную колонку в журнале «Адвокат». Роман «Снежный сад» получил литературную премию «Лямбда». Живет Райс в Западном Голливуде.

Кристофер Райх родился в Токио, окончил Джорджтаунский университет и Техасский университет в Остине, работал в Швейцарии, затем вернулся в Соединенные Штаты, чтобы продолжить карьеру писателя. Является автором пяти тепло принятых критикой и читателями романов: «Номерной счет» («Numbered Account»), «Бегущий» («The Runner»), «Первый миллиард» («The First Billion»), «Банкир дьявола» и «Клуб патриотов». В настоящее время Райх проживает в Калифорнии с женой и детьми.

Джеймс Роллинс — автор многих известных во всем мире и становившихся бестселлерами романов, в том числе «Кости волхвов». Роллинса часто можно обнаружить под землей или под водой — он увлекается спелеологией и скуба-дайвингом. Эти увлечения нашли отражение в ранних романах писателя, таких как «Амазония», «Пещера», «Айсберг» и «Песчаный дьявол».

М. Дж. Роуз — всемирно известная писательница, автор восьми бестселлеров, среди которых «Эффект ореола» («The Halo Effect»), «Комплекс Далилы» («The Delilah Complex») и

«Дилемма Венеры» («The Venus Fix»). Она была финалисткой конкурсов на вручение премии Коннектикутского книжного центра и премии «Энтони». Также она является соавтором двух документальных книг и входит в правление Международной ассоциации авторов триллеров. Роуз печаталась в журналах «О», «Опра мэгэзин», «Поэты и писатели». Ее произведения опубликованы в десяти странах, в том числе Японии, Израиле и России. Помимо всего прочего, она ведет популярные блоги «Buzz, Balls and Hype» и «Backstory» и является создателем сайта www.authorbuzz.com. Обо всем этом и многом другом можно прочитать на сайте писательницы www.mjrose.com.

Джеймс Сигел — автор популярных бестселлеров «Сошедший с рельсов» и «Кружным путем». Его первый роман, «Эпитафия» («Epitaph»), был удостоен премии «Шамус» в категории «Лучший дебют». По роману «Сошедший с рельсов» в 2004 году был снят одноименный фильм с Клайвом Оуэном и Дженнифер Энистон в главных ролях, а «Кружным путем» появится на экранах в ближайшее время.

Уроженец Чикаго и выпускник Университета Южной Калифорнии, *Брэд Тор* является автором бестселлеров «Ю-Эс-Эй тудей», таких как «Львы Люцерна», «Тропа убийцы» («Path of the Assassin»), «Послание президента» («State of the Union») и «Отдача» («Blowback»). Вместе с семьей Тор живет то в городке Парк-Сити, штат Юта, то на греческом острове Антипарос. Подробную информацию можно найти на страничке писателя в Интернете: www.bradthor.com.

Рэйлин Хиллхаус занималась контрабандой кубинского рома между Восточным и Западным Берлином, нелегально вывозила драгоценные камни из Советского Союза и подделывала визы для въезда в страны Восточного блока. Уроженка среднеамериканского региона Озарк, Рэйлин больше шести лет прожила в Европе, побывала в общей сложности более чем в сорока странах, бегло говорит на нескольких языках. Она

участвовала в программе Фулбрайта, получила степень доктора философии в области политологии в Университете штата Мичиган и дослужилась до профессора. Рэйлин многое довелось испытать в жизни: она смотрела прямо в дуло автомата Калашникова, а однажды попала под «перекрестный огонь» пограничников, обстреливавших друг друга снежками. В настоящее время она живет на Гавайях на склоне вулкана Мауна-Лоа. Ее дебютный роман, «Шпионка по случаю», получил признание по всему миру.

Дениз Хэмилтон, обладатель гранта по программе Фулбрайта, в прошлом корреспондент «Лос-Анджелес таймс», решила после рождения двух детей заняться сочинительством детективов и триллеров. Цикл ее ставших бестселлерами произведений о Еве Дайамонд номинировался на премии «Эдгар», «Энтони», Уиллы Кэсер и престижную британскую премию «Даггер». Роман «Последняя колыбельная» («Last Lullaby») был назван лучшей книгой 2004 года по версии газеты «Лос-Анджелес таймс». Сайт писательницы: www.denisehamilton.com.

Ли Чайлду довелось побыть студентом-юристом, режиссером на телевидении, профсоюзным лидером, художником по свету и помощником режиссера в театре. Известность он получил как писатель, сочинив и издав за девять лет десять романов о Джеке Ричере. Родился Чайлд в Англии, но в настоящее время проживает в Нью-Йорке и на юге Франции. Все его книги стали международными бестселлерами и продаются в сорока одной стране.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ. *Джеймс Паттерсон* 7

Ли Чайлд. НОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ДЖЕЙМСА ПЕННИ 13

Джеймс Гриппандо. ОПЕРАЦИЯ «СЕВЕРНЫЙ ЛЕС» 36

Дж. А. Конрат. ЭПИТАФИЯ 60

Хизер Грэм. ЛИЦО В ОКНЕ 76

Джеймс Сигел. ЭМПАТИЯ 97

Джеймс Роллинс. ВЛЮБЛЕННЫЙ КОВАЛЬСКИ 112

Гейл Линдс. ОХОТА ЗА ДМИТРИЕМ 138

Майкл и Дэниел Палмеры. ПОХИЩЕНИЕ 160

Дэвид Моррелл. ПРИНЦИП АБЕЛЯРА 182

Крис Муни. ЧЕЛОВЕК С ЧЕРНЫМИ ГЛАЗАМИ 202

Деннис Линдс. УСПЕХ МИССИИ 224

Джон Лескроарт и М. Дж. Роуз. ПОРТАЛ 251

Дэвид Лисс. ДВОЙНАЯ ИГРА 272

Грегг Гервиц. НЕНАСТНАЯ ПОГОДА 294

Дэвид Дан. ПРИЗРАЧНЫЙ СЛЕДОПЫТ 311

Дениз Хэмилтон. В ДВА СЧЕТА 330

Эрик Ван Ластбадер. ПО ТУ СТОРОНУ ЗЕРКАЛА 353

Кристофер Райс. ЛОВУШКА ДЛЯ МУЖЧИН 373

Алекс Кава. СПОКОЙНОЙ НОЧИ, МАМОЧКА 384

Грант Блэквуд. ЖЕРТВЕННЫЙ ЛЕВ 402

Ф. Пол Уилсон. ИНТЕРМЕДИЯ В «ДУЭЙНЕ» 426

Тед Белл. ПОРОХОВАЯ ОБЕЗЬЯНА 448

М. Дайана Вогт. В ТОРОНТО И ОБРАТНО 474

Кристофер Райх. УБИЙЦЫ 497

Брэд Тор. АФИНСКИЙ ИНЦИДЕНТ 506

Рэйлин Хиллхаус. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ 530

Роберт Липаруло. ЗОНА УБИЙСТВА 552

Стив Берри. КАЖДОМУ ДЬЯВОЛУ ПО ЗАСЛУГАМ 563

Кэтрин Нэвилл. ВТОРНИЧНЫЙ КЛУБ 583

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд. НА РЫБАЛКУ 618

Биографии 638

Литературно-художественное издание

Дж. Роллинс, Д. Престон, Л. Чайлд и др.

ТРИЛЛЕР

Ответственный редактор *Е. Гуляева*
Редактор *В. Бевзюкова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *С. Шведова*
Корректоры *В. Гончар, Л. Ершова*

Иллюстрация на переплете *С. Шикина*

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 60.
Тел./факс (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 16.08.2011. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,0.
Тираж 7100 экз. Заказ 6454.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-52099-2

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118, 411-68-99, доб. 2762, 1234.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Впервые на русском языке!

Книга, в которой собраны произведения самых талантливых и известных американских писателей — мастеров остросюжетного жанра. Среди них такие громкие имена, как Ли Чайлд, Джеймс Роллинс, Кэтрин Нэвилл, Стив Берри, Дэвид Моррелл. Каждый из этих авторов написал рассказ, воплотивший в себе наиболее яркие особенности и достоинства жанра. Тридцать рассказов — тридцать шедевров!

ISBN 978-5-699-52099-2

Дж. Роллинс
Д. Престон,
Л. Чайлд,
С. Берри,
К. Нэвилл

ТРИЛЛЕР

Эксмо